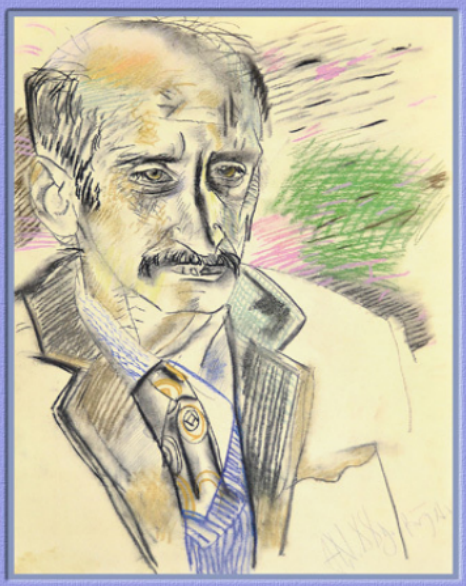

Сергей Григорьянц

«Гласность» и свобода

Издательство Ивана Лимбаха

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуарная книга известного журналиста и правозащитника, бывшего политзаключенного Сергея Ивановича Григорьянца повествует о начале перестройки, об издании «Гласности» – одного из первых неподцензурных журналов в СССР, о попытках противостояния КГБ и важнейшей инициативе фонда «Гласность» – создании Международного трибунала по военным преступлениям в Чечне. В книге содержится глубокий анализ состояния общества на рубеже 1980–1990-х гг. и своего рода подведение итогов правозащитного движения в России.

- Сергей Григорьянц
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Глава I
    - ■ Первые дни после освобождения и создание журнала «Гласность»
    - ■ Участие КГБ в перестройке
    - ■ Известность и влияние «Гласности». «Ежедневная гласность»
    - ■ «Свободные» государственные СМИ и Сумгаит
    - ■ На что существовала «Гласность» и ее первый разгром
  - ○ Глава II
    - ■ Восстановление журнала
    - ■ Психиатрия и попытка возбуждения уголовного дела
    - ■ Первый опыт военного положения в СССР и наш арест в Армении
    - ■ Побоище в Тбилиси и «Золотое перо свободы»
    - ■ Гибель Андрея Дмитриевича Сахарова
    - ■ Конец журнала «Гласность»
    - ■ За рубежом. «Экзамен» Собчака
    - ■ Рассказ Яна Ольшевского и Борис Ельцин
    - ■ Активизация КГБ перед путчем
    - ■ Прослушка, перлюстрация
    - ■ Информационная блокада
    - ■ Выступление в Петербурге о приходе к власти КГБ и путч
  - ○ Глава III
    - ■ «Шоковая терапия» и начало распада страны

        - Катастрофическое поражение Соединенных Штатов в «холодной войне»
        - «Победители»: конференция в Амстердаме.
        - Аэропорт Шереметьево и другие приключения
        - «Русский фашизм» и конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»
        - Эпопея с «Советским писателем» и третий разгром «Гласности»
        - Государственный переворот. Кровавый разгром парламента
        - Третья конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра»
        - Девяносто четвертый год
        - Убийство сына
        - Жизнь после убийства Тимоши
    - Глава IV
        - Война в Чечне. Международный трибунал
        - Виктор Орехов
        - Новая попытка заманить меня в Кремль
        - Международный уголовный суд
        - Попытки запугать в начале правления Путина
        - Возвращение коллекций
        - Кавказские рабочие проекты
        - Завершение разгрома правозащитного движения
        - Подведение итогов. Гибель гражданского общества
        - Конференция в Чикаго
        - Конец «Русской мысли»
        - Последний проект: четверть века Хельсинкским соглашениям
        - Еще о наших конференциях
        - Конец фонда «Гласность»
        - Послесловие: три документа
    - Приложение
        - Словарь терминов
        - Краткие биографические справки
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Сергей Григорьянц
Гласность и свобода

© С. И. Григорьянц, 2019
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2019
© Издательство Ивана Лимбаха, 2019

***

Посвящается сыну моему Тимофею

…Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Арсений Тарковский

Кто хочет освободиться, видит перед собой только преграду и провозглашает только свое отрицание.

М. О. Гершензон, Вячеслав Иванов. «Переписка из двух углов»

Предисловие

Я знаю, что мои высказывания последних лет у многих вызывают недоумение, у некоторых – сожаление. Ведь я критикую людей, с которыми меня хотели бы объединить: это некоторые наиболее известные сегодня диссиденты и правозащитные организации; самые, казалось бы, демократически ориентированные средства массовой информации и их редакторы и наконец (правда, изредка), деятели современного демократического движения, которые теперь всё понимают и даже начали иногда говорить правду. Получается, что я не только поддерживаю их критику в циничной, откровенно клеветнической и окончательно продавшейся российской печати, но даже как бы ставлю их рядом, отношусь одинаково и к преступной организации, захватившей власть в нашей стране, и к ее искренним противникам.

Но это понимание ошибочное. Я никогда не ставлю рядом убийц, захвативших в России власть, и людей, по слабости или недомыслию убийцам помогавших. К наиболее известным диссидентам старшего поколения (примерно к десятку), дискредитировавшим и в значительной степени способствовавшим уничтожению демократического движения в России, я отношусь как к хорошим, но очень недалеким и тщеславным людям, когда-то исполненным лучших намерений и успевшим в вегетарианские годы правления Хрущева и в первые годы Брежнева сделать что-то полезное. Когда наступило совсем иное время, никто из них не оказался способен это понять. К власти в России шли (и пришли) убийцы, хорошо подготовленные, с мощной организацией и большим, очень специфическим опытом, но им было невыгодно обнаруживать свои цели и способы их достижения, им нужны были ширмы, а потому не себя, а наиболее честолюбивых из диссидентов они назвали победителями, сделали известными и убедили их на всех телеканалах и в газетах говорить, что в России произошла бескровная демократическая революция и теперь здесь «наша власть»[1]. Еще хуже я отношусь к назвавшим себя демократическими СМИ, созданным генералами КГБ Аксеновым и Бобковым – всем этим телевизионным «Взглядам», «Прожекторам перестройки» и НТВ, учрежденным в 1990-е радиостанциям и газетам, игравшим в свои игры и знавшим больше, чем эти несколько диссидентов, провозглашенных ими продолжателями дела Сахарова, как будто Андрей Дмитриевич мог согласиться принять участие в уничтожении главной опоры русской

демократии – миллионного движения «Демократическая Россия» и «Мемориала» как общественно-политической организации. В те годы именно «Мемориал» был силой, организующей интеллигенцию в ее борьбе за демократию в России.

Высочайшую оценку диссидентам и их движению когда-то дал их противник – капитан КГБ Виктор Орехов, подслушивавший все наши разговоры дома и по телефону, читавший все тексты и знавший о каждом нашем шаге. А в результате реально готовый отдать жизнь (и осознанно шедший на это) за помощь диссидентам так же, как шли в тюрьму и на смерть эти чистые и самоотверженные люди. И как забыть ту атмосферу любви друг к другу, готовности во всем помочь, которая была неотделима у диссидентов в те годы от стремления к правде, обновлению страны и, конечно, к жертвенности. И это были сотни, скорее даже тысячи людей по всей стране. Они никогда (или очень недолго) не называли август 1991 года «своей победой», а режим Ельцина – «нашей властью», а потому и оказались не только забытыми, но и преследуемыми. Им не давали ни радио-, ни телеэфира, не брали у них многочисленные интервью. И я рад, что я не с «победителями» и не с их бывшими руководителями и друзьями, а теперь противниками; что оказался с той тысячей «забытых» диссидентов, с теми, кто видел и понимал, что же на самом деле происходит в стране; с тысячей уничтоженных и забытых самиздатских газет и журналов – и единственной подлинно свободной печатью в истории России.

Я человек, который внезапно и совершенно того не желая, на несколько лет оказался в центре общественной жизни. Жизни, которая всегда была мне не то что неинтересна, но попросту неприятна. Меня неожиданно арестовал, желая как-то использовать, КГБ, когда я писал книгу о художнике Боровиковском и понемногу продолжал семейные коллекции. Писал я, правда, и о литературе русской эмиграции.

После Верхнеуральской тюрьмы, где я сходил с ума, где от дистрофии на распухших от отека ногах кожа была как чешуя и лопалась на ступнях, где меня каждый месяц опускали в карцер и десятки раз поднимали всегда в новую камеру с новыми уголовными соседями, после этого уголовники-любители, наводнившие Кремль и рассовывающие по карманам Россию, уже не могли меня обмануть. Им было нелегко меня убить, при моей постоянной тюремной настороженности. Труднее, чем моего сына. Поэтому я чудом выживал, но оставался по-тюремному довольно упорным. И почти двадцать лет удерживал и восстанавливал после разгромов совершенно изолированную, но немало сделавшую для русской демократии «Гласность».

При этом у меня было отвращение к митингам, я не хотел быть ни миллионером, ни министром, ни вождем, меня нельзя было купить, ведь собственную жизнь я невысоко ценил. У меня не было тщеславия и личных интересов в политической жизни, а потому я отказывался (иногда зря) от разнообразных заманчивых предложений. Я всего лишь пытался еще четверть века назад предупредить, что ждет впереди Россию и всех нас. «Гласность», как могла, пыталась сопротивляться приходу этого вполне очевидного будущего (сегодня – настоящего). Но я не был услышан – в условиях двадцатилетней блокады «демократическими» СМИ сопротивление одинокой «Гласности» оказалось недостаточным. Ничего кроме здравого смысла, способности видеть, что делается в стране и нежелания врать – чего от меня требовали со всех сторон и требуют сейчас – у меня не было. На самом деле я хотел собирать картины и писать книги, и это, оставшись один, уже без семьи, в Москве, я делаю сегодня. Но в том, что я писал и пишу, я пытаюсь говорить правду, хотя знает ее, конечно, один господь Бог.

Но и эту книгу и три других, которые вчерне завершены, я пишу не только потому что правда, даже всего лишь такая, какой я ее вижу, кому-то нужна. Есть и еще две существенные причины для высказывания.

Во-первых, в начале 1990-х годов, даже после убийства Сахарова, год или два сохранялась возможность сделать Россию чуть более европейской – хотя бы не допустить разгрома парламента, принятия полумонархической конституции и ковровых бомбардировок в Чечне. Забывать об этой упущенной Россией, как и в семнадцатом году, возможности нельзя.

И, во-вторых, сегодня, в сотни раз более слабое, чем тогда, возрождается, да еще в борьбе после дискредитации и поражения, демократическое движение. Но поскольку оно выросло в обстановке лжи и беспамятства, организованных руководимыми КГБ российскими СМИ – от коммунистов и до последнего времени хорошо устроенных, якобы всегда героических демократов, – оно не имеет ни представления о том, что еще совсем недавно происходило в стране, ни опыта сопротивления – и повторяют уже совершенные ошибки. Россия ничему не учится ни на собственной крови, ни на катастрофически упущенных возможностях.

Намереваясь хоть о чем-то напомнить, я и написал эту книгу.

Глава I

Первые дни после освобождения и создание журнала «Гласность»

«Перестройка в тюрьме» – последняя глава моих «Тюремных записок» – о том, почему именно мое освобождение в феврале 1987 года стало сенсационной мировой новостью: после возвращения из ссылки Сахарова из тюрем и лагерей в СССР освобождают политзаключенных. Из десяти первых освобожденных лишь трое жили в Москве. Но Юра Шиханович по личным причинам не хотел никого видеть, а Сергей Ковалев был реабилитирован, но не возвращен из ссылки в Твери. К тому же он не хотел встречаться с журналистами, а его ссылка не вызывала у журналистов такого интереса, как освобождение прямо из политической тюрьмы. Впрочем, возвращение из Горького Сахарова было еще большей журналистской сенсацией, и Андрей Дмитриевич, как и я, никому не отказывал в интервью.

Было ясно, что все это вполне устраивает советские власти. Я был мгновенно прописан у себя дома в Москве несмотря на то, что мой военный билет за годы бесконечных обысков куда-то делся. А ведь между первым и вторым сроком у меня был надзор: было разрешено жить только в соседних с Московской областях. Мне и тогда было очевидно, а сегодня видно по документам, что нашим освобождением, так же как убийствами и истязаниями в лагерях и тюрьмах тех, кто не подходил по их меркам и интересам для освобождения, успешно занимался Комитет государственной безопасности.

Недели две у моего дома постоянно стояли по несколько машин газетчиков и телевизионщиков со всего мира, целыми днями я отвечал на их вопросы – иногда довольно бессмысленные, поскольку большинство журналистов не могло понять, что такое советские политические лагеря и тюрьмы, за что и на какие сроки в них оказываются граждане страны Советов. Это были чуть ли не сотни материалов во всем мире, журнал «Ньюсвик» в каждом номере давал кроме все новых интервью еще и мои фотографии: то с семьей, то в одиночку. Хотя в своих бесконечных интервью я и говорил о гибели в соседних камерах в Чистополе Толи Марченко и Марка Морозова, о сотнях заключенных в политических лагерях и тюрьмах, и тысячах – в уголовных лагерях и психушках, по политическим причинам все еще ждущих освобождения, по сути своей сама эта компания создавала Горбачеву репутацию борца с репрессиями, а Советскому Союзу – страны, успешно идущей по пути к

демократии. Эти интервью, как и ежедневные напоминания Сахарова, бесспорно, способствовали скорейшему освобождению и моих соседей по Чистопольской тюрьме и сотоварищей по другим тюрьмам и лагерям, а потому я считал их необходимыми, хотя адвокат Софья Васильевна Каллистратова была против.

В «Новом мире» со мной заключили договор и даже выплатили какой-то аванс за предисловие к прозе Алексея Ремизова, до этого печатавшейся только в Париже. Игорь Виноградов и Анатолий Стреляный, с которыми я был знаком еще до ареста, пересмотрели статьи, написанные мной в последние месяцы в тюрьме. Виноградов попросил на память заметку об «Исповеди Ставрогина», пропущенной главе из «Бесов» Достоевского, – ему не хотелось ее печатать, хотя там были принципиально новые вещи (например, не замеченные тогда исследователями заметки Н. Минского, повторяющие воспоминания Н. Страхова): я не забыл об этом даже в тюрьме. Другая моя небольшая статья, написанная в карцере (и даже во время голодовки) в Чистопольской тюрьме, была об имевшемся в моей библиотеке «Молитвеннике православных воинов» – бесспорном свидетельстве того, что масоны активно участвовали в подготовке Февральской революции и в антивоенной и антиправительственной пропаганде в 1914–1917 годах. Виноградов ее не взял: «И без того повсюду ищут масонов и во всем их винят». На мой взгляд, важнее была правда, чем умолчание из лучших намерений, но я не возражал – советский двусмысленный и осторожный либерализм «Нового мира» был мне не интересен. Стреляный, перелистывая страницы большой статьи о музеях, со вздохом сказал: «Очень любопытно, но написано как жалоба в прокуратуру».

Это было точное определение – двенадцать лет со времени первого ареста, кроме недолгого перерыва между сроками в Боровске, я почти ничего другого не писал.

В Москве, благодаря тому, что прежде чем стать новым редактором «Бюллетеня В» в 1982 году (после арестов Ивана Ковалева, Алексея Смирнова и эмиграции Владимира Тольца), я ввел минимальные формы конспирации[2], была на свободе практически вся редакция бюллетеня. Только Федя Кизелов, за которым начали ходить по пятам, опасаясь ареста, уехал за границу. Именно его поначалу в КГБ считали редактором «Бюллетеня В», поскольку он выполнял самую открытую и рискованную часть работы – поддерживал постоянные связи с Еленой Георгиевной Боннэр, Лизой Алексеевой, Софьей

Васильевной Каллистратовой. Это было необходимо и для получения новой информации, и во многих случаях – для пересылки «Бюллетеня В» за границу. «Хроники текущих событий» в это время практически не существовало, и наши выходившие каждые десять дней 30–50 страниц информации были основным источником сведений об СССР для Радио Свобода, ВВС, «Голоса Америки».

Вызывала подозрения у КГБ и отважная Лена Санникова, попытавшаяся продолжить издание «Бюллетеня В» в основном для того, чтобы отвести от меня обвинение в его редактировании. Но я уже примерно через месяц сам сказал об этом удивленным следователям: было ясно, что недели через две они это поймут, а мне хотелось лишить их удовольствия разоблачать меня и доказывать, что именно я – редактор, с помощью найденных ими, но не сразу понятых моих рукописей[3] и откровенных показаний переписчика.

В Москве сотрудниками «Бюллетеня В» были замечательный математик Лена Кулинская (ее первый муж Володя – единственный неизвестный КГБ курьер, который собирал у всех материалы и привозил мне в Боровск), вернувшаяся из ссылки Таня Трусова, уже готовая к аресту – материалы о ней открыто собирали – безумно храбрая Ася Лащивер и испытавший больше всех остальных Кирилл Попов.

Впервые за четыре-пять лет я мог открыто приглашать их в свою московскую квартиру и частью там, частью – на прогулках, чтобы не все становилось известно КГБ, обсуждать, что нужно делать дальше. По-прежнему, как и четыре года назад, когда все оставшиеся на воле, и особенно Таня Трусова и Ася Лащивер, самоотверженно помогали моей жене Тамаре и детям, прорывались на закрытые заседания суда в Калуге (Аню и Таню снимали с электричек), ни у кого из сотрудников бюллетеня не было и тени страха. А ведь для него по-прежнему были серьезные основания.

Всем нам было ясно, что роль свободной печати в новых условиях безмерно возрастает. Впрочем, создавать или восстанавливать предстояло совсем новый тип издания. Экономические, социальные проблемы, перспективы политических перемен в стране должны были занять главенствующие места. Это сказалось и на объеме – уже со второго номера он превратился в «толстый» ежемесячный журнал.

Почти единодушно было выбрано название «Гласность» в память о реформах Александра II и статье Солженицына, но и с прямым противопоставлением двусмысленным выступлениям Горбачева. Года через два одна из газет выделила Асе целую

полосу для статьи «Гласность» Григорьянца и гласность Горбачева» – в статье, естественно, особого сходства между ними не было найдено.

Для первого номера журнала дал большое интервью Андрей Дмитриевич – это была его первая публикация в Советском Союзе после возвращения из ссылки. При этом он вполне разумно отказался войти в состав редколлегии, слегка обидев меня, не понимавшего вполне его масштаба и реальной всемирной славы, замечанием:

– Если я стану членом редколлегии, все скажут, что это Сахаров решил издавать журнал, а это не так.

Мое предложение другим известным и представлявшим разные группы диссидентам стать членами редколлегии – с тем, чтобы их материалы, их взгляды, их представления о настоящем и будущем страны появлялись на страницах журнала, – после некоторого размышления почти все отклонили (хотя поначалу все охотно согласились, поскольку понимали, сколь остро необходим серьезный оппозиционный журнал). И это уже было знамением нового, не сразу мной понятого, времени. Единства, созданного тюрьмой, больше не было – началось отчетливое размежевание политических позиций.

Еще через неделю, когда собрались у меня вторично, отец Глеб Якунин, который был возвращен к службе в храме в Пушкине, ежась от неловкости, сказал, что его вызвал к себе Ювеналий – митрополит Крутицкий и Коломенский – и категорически потребовал, чтобы отец Глеб не входил в редколлегию «Гласности». Конечно, мы все понимали, что квартира моя прослушивается – больше того, недели за две до этого соседи сверху тайком сказали жене, что их попросили целый день не приходить домой, а грохот дрелей в потолках нашей квартиры не давал говорить по телефону. Соседи рядом ничего нам не говорили, но когда открывалась дверь нашей квартиры, приоткрывалась дверь и к ним – оттуда, очевидно, наблюдали, за теми, кто вошел. Все эти игры были чрезмерными, но привычными, а вот чтобы митрополит так откровенно ссылался на данные гэбэшной прослушки – это уже слишком. Позже выяснилось, что в КГБ у Ювеналия был псевдоним «Адамант».

Один из лидеров еврейского движения Виктор Браиловский (хорошо знакомого мне по Чистопольской тюрьме Иосифа Бегуна еще не освободили) прямо заявил, что посоветовался со «своими» и ему было сказано, что это русский журнал и нечего еврею лезть в русские дела.

– Но Толя (Щаранский) ведь был членом Хельсинкской группы, – возразил я.

– Наши считают, что это отрицательный пример и что Натан сделал ошибку.

Тут и Сергей Адамович Ковалев по обыкновению не сразу, но вполне определенно высказался, что издание радикального оппозиционного журнала может повредить Горбачеву в его борьбе с реакционерами в Политбюро, и он считает неправильным принимать в нем участие.

Причина эта была более чем странной: ведь Горбачев был протеже Андропова, и его действия были чаще всего не его инициативой. Впрочем, Богораз и Ковалев, может быть, так не считали.

Лара (Лариса Иосифовна Богораз) коротко сказала, что Сережа – ее друг и как он поступает, так и она («куда иголочка, туда и ниточка»).

Не отказался только Лев Тимофеев, но это была уже не редколлегия. Недолго Лев Михайлович был моим заместителем, но вскоре оказалось, что после двух лет тюрьмы ему нужно отдохнуть на море, и редакция осталась в прежнем составе. Вскоре ее пополнили два важнейших для «Гласности» человека – Нина Петровна Лисовская и вернувшийся из ссылки Андрей Шилков.

Для Нины Петровны приход в «Гласность» был продуманным и принципиальным шагом – однажды она мне прямо это сказала. По своей высочайшей деликатности и сдержанности она никогда не осуждала друзей – Сергея Адамовича и Лару – за то, что они отказались сотрудничать с «Гласностью». Нина Петровна – одна из старейших участниц диссидентского движения, многие годы руководившая Солженицынским фондом в России и одна из самых ясных, мужественных, спокойных и бесспорных личностей в диссидентском движении (без нее его просто нельзя представить), своей работой в «Гласности» считала важным подчеркнуть единство всех демократических сил. Подчеркнуть преемственность нарождавшегося демократического и уходящего диссидентского движений.

Для Нины Петровны «Гласность» с ее массовостью, ориентацией на помощь множеству людей, приходивших к нам с жалобами и рассказами о том, что творится в России, была, как и фонд Солженицына, внутренне ближе и более оправданной, чем все больше уходившие в сомнительную советскую политику любимые друзья Лара Богораз и Сергей Ковалев. Она никогда не критиковала их вслух, приносила для публикации отчеты о собраниях «Московской трибуны»[4], но, хорошо зная Лару и Сергея

Адамовича, была убеждена, что из их попытки издать собственный, более умеренный, журнал ничего не выйдет, как оно и оказалось после двух лет стараний. А главное, внятный отказ «Гласности» играть в какие бы то ни было игры с властью был ей бесконечно ближе. И Нина Петровна приводила одного за другим многочисленных своих друзей, иногда еще с 1960-х годов (например, Владимира Микуловича Долгого) для помощи «Гласности» и оставалась одной из важнейших опор журнала с первого до последнего дня. Хотя ее, конечно, пытались переубедить.

Андрей Шилков, будучи очень больным после тяжелого срока и чудовищной ссылки, являлся главной и героической опорой «Гласности». Целыми днями сидя на крепчайшем чае – почти чифире, теряя сознание в метро, он тащил на себе не только всю организационную работу, но еще и прекрасно писал, а главное – четко ощущал, вполне разделял и доводил до практического воплощения жесткую оппозиционность и неприятие как «реакционной», так и «либеральной», спускаемой сверху советской политики. Андрей, так же как и я, в отличие от большинства диссидентов, ясно ощущал, что освободили нас из тюрем и ссылок не из гуманистических побуждений и стремления к демократии, а из вполне корыстных политических расчетов двух организаций – ЦК КПСС и Комитета государственной безопасности. Он, как и я, знал и помнил соседей по пермским лагерям и тюрьмам, не подходящих для освобождения и странным образом погибших. Да и убитых КГБ – не в зонах, а на советской воле – замечательного поэта и переводчика Костю Богатырева, армянского художника Минаса Аветисяна, украинского композитора Владимира Ивасюка, литовских священников; была и неудачная попытка отравить Владимира Войновича. А скольких имен мы не знаем! Выборочные убийства тех, кого неудобно было судить, и чья смерть могла запугать остальных, были излюбленным приемом КГБ под руководством Андропова в 1970-е годы. Мы сами в разное время в тюрьмах были близки к такому концу, а главное – всё, что теперь говорили власти, что происходило вокруг, было или откровенно лживо или, уж во всяком случае, двусмысленно. Мы не верили в гуманизм КГБ ни одной минуты.

После триумфального выхода первого номера – начала свободной печати нового времени – на пресс-конференции в моей квартире, куда втиснулась чуть ли не сотня журналистов со всего мира, власти поняли, что с моим освобождением они несколько поторопились. Их ожидания, что я буду послушным объектом для рекламы перестройки и вернусь к литературоведению, не

оправдались. Меня пригласил к себе Д. Ф. Мамлеев – тогда заместитель председателя Комитета по печати СССР и стал уговаривать прекратить издание «Гласности».

– Ну, зачем вам это? Вы можете печататься в любой газете и в любом журнале в СССР. Я это гарантирую.

Меня публикации в «Правде» не соблазняли, да и не только я писал и печатался в «Гласности».

– Закона о печати в СССР нет. Разрешение на издание журнала я получать не обязан. Первый номер «Гласности» вышел, выйдет и второй.

Почти каждый день Радио Свобода, Би-би-си, «Голос Америки» и «Немецкая волна» передавали сообщения об издании первого свободного журнала в СССР и материалы из него. Снова арестовать меня было для властей уж очень невыгодно, хотя аресты по политическим обвинениям, правда, несколько сократившиеся, в СССР все еще продолжались.

Проблема была в другом: для издания серьезного журнала нужны были профессионалы. Среди диссидентов, издававших «Бюллетень В», их не было. К тому же Лена Кулинская, как только представилась возможность, уехала за границу – ей до смерти надоели игры советской власти и хотелось серьезно и свободно поработать по специальности. Таня Трусова тоже с наслаждением вернулась к преподаванию русской литературы (как всегда, без оглядки на идеологических цензоров) – для нее это было дороже журнала, который могли делать и другие.

Через несколько месяцев в «Гласность» пришел, освободившись из лагеря, журналист Алексей Мясников. Но либеральные советские журналисты, в том числе и из «Нового мира», – осторожные Андрей Нуйкин, Юрий Черниченко, Отто Лацис и другие, встречаясь со мной в общественных местах, боялись даже здороваться. Впрочем, винить их не за что: идти или нет в тюрьму за желание говорить правду – каждый решает сам, а они мало верили словам Горбачева. По Москве гуляла частушка:

Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность,
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

Память о недавних арестах была еще свежа. Более храбрый Анатолий Стреляный вскоре начал работать на Радио Свобода и тоже не нуждался в нищей «Гласности». Единственный из крупных журналистов Василий Селюнин – ведущий публицист в

«Известиях» – сам предложил пару своих серьезных аналитических статей, но и то как запись его выступлений в конференц-зале «Известий», куда, конечно, сам меня провел, а перед этим передал текст.

Единственно возможным путем создания хоть в какой-то степени профессионального журнала было привлечение людей окололитературных. Так в редакцию пришли Володя Ойвин, совсем юные Митя Эйснер, Митя Волчек, Андрей Бабицкий, Виктор Резунков. У них было преимущество – благодаря молодости и дистанцированности от диссидентского движения об интересе к ним комитета можно было не думать. Позже из Новосибирска приехал Алексей Мананников, отсидевший три года в лагере за неосторожное письмо приятелю. Пришли еще несколько человек с менее очевидными для меня судьбами. Все они стали известными журналистами. Вместе с Ниной Петровной Лисовской, Андреем Шилковым и, конечно, моей женой Тамарой, с которой мы учились на факультете журналистики и которая была редактором, вероятно, лучшим, чем я, они и составили костяк редакции – первого в эпоху перестройки и единственного (по тем быстротечным временам) крупного независимого журнала в Советском Союзе. Свою холостяцкую квартиру предложил для редакции Кирилл Попов.

Андрея Черкизова, который хотел работать в «Гласности», я побоялся брать в редакцию: его связи с певцом Петровки и Лубянки Юлианом Семеновым были хорошо известны и казались мало подходящими. Полученная им через пару лет номенклатурная должность председателя Комитета по авторским правам за рубежом (контроль публикаций за границей) только подтвердила мои опасения. Его ультрадемократическая риторика меня не убеждала. И без него только что созданная «Гласность» уверенно становилась на ноги.

Участие КГБ в перестройке

Приходил на разведку Глеб Павловский. Он был из тех диссидентов, кого я называл «покаянцами» (отец Дмитрий Дудко, Звиад Гамсахурдия, Петр Якир, Виктор Красин) – арестованные КГБ, но не осужденные, эти люди публично признали, что все, что они писали и говорили, было им продиктовано ЦРУ и являлось, как они теперь поняли, чудовищной клеветой на дивный демократический лагерь мирового социализма.

Сотрудничество с «компетентными органами» у Павловского, по-видимому, продолжилось: он был заместителем главного редактора тонюсенького и мало известного кому-нибудь, кроме диссидентов, журнальчика «Век XX и мир». С его помощью особо доверчивым диссидентам объясняли, что ничего своего создавать и издавать не надо – они могут печататься вполне легально. Ковалев, Богораз, Абрамкин и некоторые другие покорно печатались в этом созданном для них КГБ и никому не известном журнале. Зато у диссидентов создавалась замечательная иллюзия причастности, вписанности в меняющийся, но, бесспорно, советский мир.

Хорошо сшитый нарядный костюм Павловского так контрастировал с захламленной квартиркой Кирилла Попова и нищей советской одеждой сотрудников «Гласности», что уже одного этого было достаточно, чтобы понять: пришел чужой. Его шеф-редактор Беляев вскоре прислал еще и смазливого мальчишку провокатора, назвав его своим секретарем. Одновременно, но якобы совершенно случайно в редакции оказался и другой известный провокатор КГБ – Михаил Потемкин[5].

Впрочем, создание новых псевдодемократических организаций – это уже знак нового времени. А тот, первый, год работы «Гласности» – восемьдесят седьмой и четыре с небольшим месяца восемьдесят восьмого (до ее первого разгрома) – еще мало чем отличался от советских лет. Уже с сентября пошли ругательные статьи в советских газетах – совершенно такие же, как статьи о «Бюллетене В» после моего второго ареста, и они всё так же пугали многочисленных советских либералов.

С внедрением агентуры в «Гласность» у КГБ, по-видимому, тогда не было успехов, но зато в единственной уцелевшей в советское время демократической организации «За установление доверия между Востоком и Западом» (в просторечии – «мирников») скандал шел за скандалом.

Это была очень тонко и умно созданная географом Юрием

Медведковым и долгопрудненскими физиками Хронопуло, Крочиком, Сергеем Ивановым и другими) по преимуществу московская молодежная организация, цели которой, сформулированные в названии, формально не могли вызывать у советских властей возражений, а необычайная по тем временам структура – с полным равноправием всех членов без каких-либо руководящих лиц или советов, где не было даже списка или обусловленного членства, делала невозможной ее дезорганизацию. Были еженедельные собрания на квартирах, чаще всего у Андрея и Иры Кривовых – потом они работали в «Гласности», а позже – в «Русской мысли» в Париже, и несколько наивные обсуждения всего, что происходит в мире. Вскоре за них принялось КГБ. В ленинградскую группу был внедрен в качестве одного из посетителей бывший солдат, отсидевший срок по сфабрикованному обвинению в шпионаже, но поддавшийся шантажу – не хотел оказаться в лагере вновь – и публично покаявшийся. В Москве на собрания «мирников» внезапно начали приходить некие люди и объявлять, что организацию они распускают. Когда их разоблачили и больше они к «мирнкам» являться не могли, именно их «Комитет по культурным связям с заграницей» включил как «неформалов» в официальную советскую делегацию в Ковентри на конгресс организации «За европейское ядерное разоружение».

Странность, трудно осознаваемая сегодня, состояла в том, что на каждую квартиру, где велись относительно свободные разговоры, где жил кто-то из бывших лагерников или родственники человека сидевшего или высланного, как правило, приходилось по два-три провокатора. Эта поразительная избыточность, превращавшая каждую квартиру, каждый из возникавших диспутов, семинаров в доморощенный вариант честертоновского «Человека, который был четвергом», где все участники тайного общества оказались агентами полиции, думаю, не была преднамеренной со стороны КГБ.

Просто за двадцать лет десятки тысяч политически активных людей прошли через лагеря и психушки (а многие все еще там находились), были высланы или сами уехали в Израиль, США, страны Западной Европы, но все те, кто на них стучал, были свидетелями обвинения в судах или был сломлен до или после ареста – все эти люди по-прежнему жили в своих квартирах, занимались своим делом и сохраняли добровольные или вынужденные связи. И теперь стали общественно активны. Разбираться в том, кто есть кто, никаких сил не было, к тому же мы относились к ним с жалостью и даже сочувствием – человек сам не знает, в чем и когда он окажется слаб, но это не значит,

что он навсегда останется таким. Так или иначе, в эти год или полтора, до тех пор, пока общественные движения не стали массовыми, а все еще оставались маргинальными, под надзором КГБ, демократическое движение в России выглядело странно и, пожалуй, непривлекательно, хотя там были и вполне замечательные люди.

Активными организаторами этого движения была структура ЦК ВЛКСМ – его бюро, сотрудником которого был, к примеру, Андрей Исаев, внезапно из комсомольцев ставший анархистом и разгуливавший по Пушкинской площади под черным знаменем с черепом и костями, потом столь же внезапно ставший активным лидером якобы независимых профсоюзов (но всегда поддерживавший – несмотря на свою независимость – М. В. Шмакова), а теперь, как известно, один из руководителей «Единой России». Еще более важным деятелем комитета молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ был нынешний вице-премьер Дмитрий Рогозин (руководитель международного отдела). Тогда он наряду с Баркашовым и Веденкиным любил фотографироваться в фашисткой форме, которую они называли национально-русской. Гораздо более приличным, хотя тоже очень неоднородным оказался дискуссионный клуб, созданный комитетом комсомола в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) и, конечно, поднадзорное движение «Перестройка-88».

Более сообразительные комсомольские вожди в это же время брали беспроцентные кредиты в государственных банках (один из них – шесть раз подряд) – их, как правило, не возвращали или возвращали, когда курс рубля снижался раз в десять, – и становились сперва очень богатыми людьми, а после путча, с помощью Гайдара и Чубайса, – своими, доверенными миллиардерами. Это было надежнее для комсомольской номенклатуры, чем даже блистательная, но недолгая карьера их коллеги из Свердловска – государственного секретаря Геннадия Бурбулиса. Как в годы расцвета советской власти из комсомольской верхушки отбирали в КГБ, так теперь – в демократы и миллиардеры. Собственно говоря, комсомольцами были почти все молодые люди в Советском Союзе. Но одни были пробивными, беспринципными (поскольку ни в какие коммунистические идеи не верили), прокладывавшими себе дорогу сперва в комсомоле, а потом – где удастся или где укажут; для других комсомол в 14 лет был просто житейской необходимостью, чтобы хоть как-то учиться, хоть где-то работать.

Но вернемся к людям и делам, близким к журналу

«Гласность». Группа «Доверие», с которой долго боролся КГБ и куда входила Ася Лащивер – не только сотрудник «Бюллетеня В» и «Гласности», но главное – наш близкий друг, закончила свое существование в казалось бы гораздо более легкие времена – с появлением Леры Новодворской.

Лера имела некоторое отношение к диссидентскому движению. Поскольку она и Оля Иофе была в списке двухсот человек, составленном Петром Якиром после ареста и покаяния, за ними и еще парой их семнадцатилетних приятельниц установили круглосуточную слежку (пешком и на машинах) и, в конце концов, смогли их обвинить в «замысле» написать и распространить какую-то листовку. Все были посажены в Казанскую спецбольницу, откуда Лера, написав, что сожалеет о содеянном, раньше своих подруг вышла и категорически перестала общаться со всеми старыми знакомыми, «которые ее сбили с правильного пути».

Ко времени объявления перестройки внезапно выяснилось, что в ней скрыта бешеная энергия, и для начала на квартире у новой приятельницы она затеяла семинар «Демократия и гуманизм». Семинар был интересный, приглашались туда докладчики по общеобразовательным темам и молодые люди из группы «Доверие» и даже из «Перестройки» все чаще стали туда приходить.

Но когда многие политзаключенные вернулись в Москву из лагерей и тюрем, слышнее стали голоса не «комсомольцев-добровольцев» под черными знаменами, а реальных диссидентов – единственный из вернувшихся, кто был приглашен Лерой выступить на семинаре перед молодежью, был известный лагерный стукач Лева Волохонский. Андрей Шилков и отец Глеб Якунин были с Волохонским в зоне и хорошо знали, кто он такой. Хотя Лера была знакома с Ларой Богораз (давала уроки французского ее сыну Паше), а через Асю Лащивер – со мной и «Гласностью», выбрала она именно его. Лева, как ему и было положено, рассказал восторженным молодым людям о том, что колонии для политзаключенных – это рай на земле, который поганят только сами политзэки. Им всегда всего мало и они, будучи провокаторами по природе, то и дело устраивают бунты из-за того, что в компоте слишком мало сахара. Других забот в политических тюрьмах и лагерях нет.

Я напечатал в «Гласности» довольно жесткую отповедь Волохонскому. Лера с Кириллом Подрабинеком попытались устроить публичный диспут с нами. Я ответил, что с этой пакостью говорить не буду, в спектаклях участвовать – тоже, но напечатал его ответ, гулявший в самиздате.

Впрочем, с Левой все вскоре стало ясно: от поддержки рассказов Горбачева о том, что политлагеря – это курорт, ему пришлось перейти к более серьезным задачам. Кандидатами на получение Нобелевской премии мира были выдвинуты два русских диссидента: Юрий Орлов – создатель и председатель Московской Хельсинкской группы, физик, член-корреспондент Академии наук, отсидевший семь лет в лагере и высланный в США, и Анатолий Корягин – психиатр, сперва главврач больницы в Кургане, перед арестом за выданное заключение о психическом здоровье ряда диссидентов, помещенных в психушки, – врач в Харькове. После освобождения – почетный член Международной психиатрической ассоциации. КГБ не устраивало появление в СССР второго диссидента нобелевского лауреата со всем его влиянием, международным престижем, резко возросшей известностью и возможностями. И Волохонский бросился (точнее его бросили) в бой – в Риге, в Ленинграде, а Новодворская опять услужливо предоставила ему такую возможность в Москве. Волохонский начал устраивать целенаправленные собрания, где попросту клеветал на Юрия Орлова и Анатолия Корягина. Поскольку кого-то он при этом нахваливал, в основном – стукачей, то для молодых, а то и пожилых людей из околодиссидентских кругов, не имевших никакого отношения ни к лагерям, ни к тюрьмам, откровения бывалого зэка выглядели вполне убедительными и вызывали иногда полную поддержку. Об Орлове он рассказывал, что ему в пермском лагере создали особенно комфортные условия (на самом деле лагерь специально разделили, чтобы Орлова особенно жестко изолировать), а он все не прекращал скандалы и необоснованные требования к администрации. Особенно гнусными были рассказы Волохонского о том, что голодовки Корягина в лагере были чистейшей фикцией и что оперативники носили ему тайком сумки с едой. Для Корягина голодовка была во много раз мучительнее, чем для любого другого: громадный и довольно молодой сибиряк, в одиночку ходивший охотиться в тайгу (пока жил в Кургане), остро нуждался в гораздо более обильной пище, чем большинство из нас, ему и обычный тюремный рацион был мал – его голодовки и впрямь были подвигом. И уж, конечно, никаких сумок с едой, о которых врал Волохонский, администрация ему не носила.

Волохонский сумел собрать подписи человек пятнадцати мало-мальски известных (кажется, и братьев Подрабинеков), которым лестно было участвовать в таком серьезном деле, в Нобелевский комитет в Осло о том, что Корягин – самозванец и не достоин премии. Думаю, неприсуждение ему премии не было заслугой Волохонского, хоть он и похвалялся: «Я лишил Корягина

Нобелевской премии». Хотя КГБ задействовало не одного Волохонского, это было в высшей степени отвратительно. Я написал в «Гласности» все, что думал. Волохонский мне ответил где-то в самиздате, не ожидая, что мы поместим и его ответ. Но мы это сделали – с комментариями, конечно.

Через несколько лет Волохонский был задержан в связи с убийством Старовойтовой – трое суток он со своей приятельницей Корзинкиной дежурил около дома Галины Васильевны, якобы охраняя каких-то бездомных собак. Похоже, хотя и не было доказано, что он должен был подавать знаки убийцам, а трое суток ему пришлось дежурить, поскольку Галина Васильевна часто в последний момент меняла свои планы.

Впрочем, в восемьдесят седьмом и даже в восемьдесят восьмом году еще никого не убивали, и даже новых арестов почти не было, но начавшееся освобождение политзаключенных очень напоминало ссылку или высылку. Статья в «Гласности» Андрея Миронова так и называлась «Освобождение или перемена статьи?».

Новодворская в начале восемьдесят восьмого года решила создать новую партию. Изначально партия выглядела странно. В нее входили и новые социалисты и ярые противники марксизма, евреи и русские националисты; планировалось, что в ней будут разные, представляющие прямо противоположные взгляды «фракции». Единственное, что якобы всех объединяло, была оппозиционность существующему режиму, хотя сама Новодворская через несколько лет написала в «Новом времени» восторженную статью о советском председателе Президиума Верховного совета СССР Анатолии Лукьянове как о неизменном и пламенном стороннике демократии.

Первое организационное собрание Демсоюза (ДС) происходило на квартире Богачева – будущего верного соратника Жириновского по созданию ЛДПР. Впрочем, не только он, но и Жириновский были в первом составе руководящего координационного совета, что выглядело странно, хотя о том, что он – штатный сотрудник ГРУ (служил референтом-переводчиком Закавказского военного округа, а это штатная должность ГРУ), я в то время не знал. Любопытно, что по рассказу Юры Скубко, одного из вполне достойных, как и Ася Лащивер, членов ДС, Жириновского они вывели (или он сам ушел) после того, как он буквально не давал ни о чем подумать, уговорами, что сейчас надо для отвода глаз поддерживать Горбачева и Лукьянова, а потом «ударить им в спину». Для все более проявлявшегося расхождения в интересах и взглядах КГБ и государственного

аппарата СССР это была очень характерная позиция. Впрочем, Жириновский обеспечил Демсоюзу возможность проведения организационного собрания в поселковом совете Кратово в праздничный день 9 мая (я, по просьбе Аси, разрешил им собраться на нашей кратовской даче, но именно в этот день «Гласность» и разгромили) и тем самым свою задачу выполнил.

Для меня гораздо более странным было присутствие в его руководстве двух хорошо знакомых, в отличие от Жириновского и Богачева, мне (и всем диссидентам) людей. Одним был Денисов, дававший на очной ставке на Лубянке показания о том, что писатель Георгий Владимов снабжал его антисоветской литературой. Владимов в конце семидесятых годов был представителем в СССР Amnesty International – единственной иностранной правозащитной организации, официально представленной в Москве, и к тому же ясно понимал и деятельно реагировал на все, что происходило в годы власти Андропова-Брежнева. Понятно, что от него стремились избавиться. После очной ставки с Денисовым, которую Владимов подробно описал в самиздате, ему было сказано: «Не поедете на Запад, поедете на Восток (то есть в лагерь за распространение антисоветской литературы. – *С. Г.*)». Об этом знали все диссиденты, я и сам еще раз повторил это Лере, ближайшим приятелем которой и одним из руководителей Демсоюза был Денисов. Но никакой реакции не последовало.

Другим столь же известным доносчиком и столь же «оппозиционно настроенным» человеком в руководстве Демсоюза был Роальд Мухамедьяров. Именно его показания в суде стали основой для приговора Виктору Некипелову. Как раз в это время тяжело больной, через несколько лет умерший в Париже Виктор был освобожден из Чисто-польской тюрьмы и был прямым обвинением для Мухамедьярова. Но Лера, которой я напомнил и об этом, не сочла это важным для ее «оппозиционной» партии и больше того, никому не сказала, каких «товарищей» она включила в руководство.

Демсоюз успешно занял место почти готовой к созданию (что понимали в КГБ), мощной, авторитетной, с большим интеллектуальным весом антикоммунистической партии в Советском Союзе, в которую должны были войти такие людей, как Сергей Аверинцев, Олег Волков, Вячеслав Всеволодович Иванов, некоторые диссиденты и которая при поддержке массового демократического движения могла бы повести Россию по европейскому пути. Но место на московских площадях оказалось заполнено шумной и двусмысленной, как сказали бы сейчас, «тусовкой»; у многих появилось ощущение, что других

антикоммунистов в России нет и не может быть и, возможно, именно для этого Демсоюз и создавался уже перечисленными мной (а ведь я, конечно, многих не знал) испытанными «демократами» с Лубянской площади.

Так, через несколько лет в годы проведения «Гласностью» конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра»[6] полковник КГБ Александр Кичихин, руководивший на Лубянке «немецким направлением», мельком заметил: «На впервые проведенном в СССР съезде советских немцев в президиуме из семнадцати человек одиннадцать – мои».

Комитет государственной безопасности больше не хотел следить, доносить, провоцировать и вообще быть чьей-то службой, выполнять поставленные партийным руководством задачи. Как и при Андропове, теперь целью существенной части руководства стало стремление добиться прямого управления страной.

Известность и влияние «Гласности». «Ежедневная гласность»

Характерно, что влияние журнала «Гласность» (но без всякого его упоминания) началось еще до выхода первого номера.

С помощью слежки и прослушивания наших квартир его содержание было хорошо известно сотрудникам КГБ до того, как мы успели отпечатать первые десятки экземпляров и провести пресс-конференцию. Впрочем, мы сами демонстративно послали макет журнала в ЦК КПСС, но, судя по серьезности реакции, ее подготовка началась раньше.

В хронике первого номера было сообщение о том, как с применением грубой силы была разогнана на Гоголевском бульваре выставка художников-пацифистов. Но уже за два дня до официального выхода нашего журнала «Комсомольская правда» сообщила не только об этом, но еще и о фантастической реакции властей якобы по жалобе врачей, осмотревших пострадавших художников. Майор – начальник отделения милиции и, видимо, курировавший его подполковник из управления были уволены за «превышение власти». Было ясно, что не врачи были инициаторами публикации в «Комсомольской правде» и столь решительных действий руководства МВД. КГБ и впрямь успешно руководил процессом перестройки.

В № 2–4 «Гласности», где была моя, первая в СССР, статья о «прикладной» работе КГБ, среди множества хроникальных заметок и статей на ту же тему, была и удивленная статья Хендрика Джорджа о том, что сотрудники Международного общества по правам человека впервые смогли встретиться в Вене с официальными советскими лицами, провести с ними довольно долгие переговоры, передать материалы о продолжающихся в стране нарушениях подписанных Советским Союзом международных договоров и Хельсинкских соглашений. Джордж пишет, что один из дипломатов был очень агрессивен и неуступчив, но зато другой (Юрий Колосов, заведующий отделом прав человека МИД СССР – появился такой отдел) очень доброжелателен, жаждал новых встреч и во многом готов был идти навстречу. Единственное, чего не знал Хендрик Джордж, что неуступчивый дипломат был обычным сотрудником советского МИД'а, а Колосов – генералом КГБ, до этого широко известным резидентом КГБ в Италии, специально откомандированным в МИД для создания благоприятного имиджа перестройки. В Париже над созданием демократической репутации Горбачева

работали Юрий Жуков и Андрей Синявский.

На первый взгляд тираж «Гласности» был так ничтожен, что не мог иметь большого значения – мы смогли отпечатать сперва на пишущих машинках, потом на ксероксе только сто экземпляров. Но все эти экземпляры попадали не к читателям, а к людям, которые фотоспособом, на тогда примитивных принтерах и, если удавалось, на все еще находившихся под государственным контролем, в опечатанных комнатах ксероксах множили специально для этого полученный ими экземпляр. Непрекращавшиеся передачи по нашим материалам всех зарубежных радиостанций на русском языке – «Гласность» года на два стала корпунктом Радио Свобода в Москве, – ругань по нашему адресу «Вечерней Москвы», «Известий», «Труда» и других газет лишь способствовали популярности. К тому же многие номера журнала переводились и появлялись в самиздате на армянский, эстонский и литовский языки. Наконец, «Русская мысль» в Париже не просто перепечатывала в качестве вкладки каждый номер «Гласности», но еще и издавала их мельчайшим шрифтом на тонкой бумаге для пересылки в СССР в почтовых конвертах. Такие же издания выходили на польском, румынском и венгерском языках. А были еще и переводы номеров «Гласности» в СССР и за границей на армянском, эстонском, немецком. Кроме того тогдашний министр Франции по правам человека Бернар Кушнер выделил деньги для роскошного издания «Гласности» по-французски. Подборку материалов журнала издавали в качестве приложения «Globe» и «Ottavo giorno» в Италии. Отдельные номера «Гласности» были изданы, кажется, в Берне по-немецки, каких-то переизданий я уже не помню, да почти ничего (из того, что доходило) и не сохранилось после четырех полных разгромов «Гласности». В Нью-Йорке издавались все номера по-английски и тираж постепенно становился так велик, что в центр «За демократию», издававший журнал, начали обращаться с предложениями разместить рекламу. Наконец, сам я был собственным корреспондентом норвежской «высоколобой» газеты «Морганбладет», а пятый канал советского телевидения (программа «Пятое колесо») однажды передал с моим комментарием и рассказом о «Гласности» видеосъемку наших корреспондентов о вооруженных столкновениях в Фергане минут на двадцать эфирного времени (у нас уже была фото- и видеогруппа). Все крупнейшие европейские и американские телекомпании передавали изо всех точек СССР, куда не пускали иностранных корреспондентов, нашу видеоинформацию.

Кроме хроники событий в журнале уже со второго номера публиковались философские статьи Григория Померанца, переданные автором и не опубликованные до этого записки Милована Джиласа, экономические размышления диссидента Валерия Ефимовича Ронкина, статьи Жана-Франсуа Ревеля и Алена Безансона, дополнительная глава к «Номенклатуре» Михаила Восленского – это тот уровень, которым далеко не всегда могла похвастаться официальная перестроечная пресса, которая лишь имитировала свободу печати, и страх у советских публицистов и политологов был написан не только на лице – он был в крови. Вожди перестройки смертельно нас боялись, а у нас не хватало ни сил, ни времени серьезно интересоваться ими. Надо было успеть сделать все, что можно. Мы понимали, что долго нам работать не дадут[7].

Эффективность наших публикаций была поразительной, и у двери квартиры Кирюши Попова с ночи выстраивалась очередь, чтобы попасть на прием. Принимали мы всех, и это была чудовищная, каторжная работа с раннего утра до глубокой ночи, а ведь среди приходивших была немалая доля сумасшедших, провокаторов, просто больных или глубоко несчастных людей, кому невозможно было помочь. Наши публикации оказывались действенными в том числе и потому, что «Гласность» постоянно пытались уличить в ошибках – и не могли.

Отец Георгий (Эдельштейн), о преследовании которого была заметка, кажется, в номере шестом, впоследствии мне рассказывал:

– Сперва приехала с проверкой дама из «Комсомольской правды», потом – две из райкома партии, потом – из Костромского обкома вместе с корреспондентом «Известий», потом были двое из «Правды» и кто-то из прокуратуры. Всего было семь проверяющих по одной маленькой заметке.

В результате, к нам начали присылать жалобщиков даже сотрудники Генеральной прокуратуры СССР. Схематически это выглядело так. В каком-то районом городке секретарше председателя исполкома понравился домик одинокой и беззащитной бабки. Без большого труда под каким-то предлогом, скажем, за неуплату налога за огород, бабку из дому выкинули, и новая владелица поздравляла себя с новосельем. Бабка, естественно, шла с жалобой к ее начальнику, который, вероятно, спал с секретаршей, и все произошло с его ведома и при его помощи. Понятно, куда председатель посылает бабку. Та идет к прокурору, прорывается в газету, пишет заявление секретарю райкома партии. Все они в этом маленьком городке водку пьют

вместе и бабку в упор не видят, говорят и пишут ей разнообразные наглые, первые пришедшие им в голову, чаще всего их самих дискредитирующие и к тому же взаимоисключающие отказы.

Но бабка оказывается упорной, да и деться ей некуда. Она едет в область, где по каким-то причинам (может быть, район передовой по сдаче металлолома, может быть, есть какие-то личные связи у районного и областного начальства) все происходит точно так же. У бабки масса разнообразных, в основном диких ответов, все районное и областное начальство люто ее ненавидит (она ведь теперь жалуется и на них), грозит ей психушкой, но она вырывается и едет в Москву – в Генеральную прокуратуру СССР. Дежурный прокурор – человек незлой и все понимающий, смотрит ее бумаги, выслушивает и, в общем-то, хотел бы помочь, но собрать из-за бабки специальную группу Генеральной прокуратуры и начать войну со всем областным и районным начальством, где уже все нарушили элементарные законодательные нормы, а теперь повязаны этим мелким для них делом, дежурный прокурор просто не в состоянии. И он говорит:

– А вы пойдите в «Гласность» – у них свои методы.

Бабка выстаивает очередь, приходит к Леше Мясникову, который заведует у нас приемной и не только хорошо пишет, но искренне любит всех тех несчастных, которые к нему приходят. Появляется статья или заметка, а за ней – семь проверок, пытающихся нас хоть в чем-нибудь уличить, но семь проверок в том числе из «Правды» и ЦК КПСС, делают свое дело, и героическая бабка в результате получает свой дом обратно. А в приемной Генеральной прокуратуры теперь уже и посетители рассказывают друг другу о всесильной «Гласности».

Обвинить нас в чем бы то ни было никому ни разу не удалось. В «Гласности» не брали не то что денег – даже нескольких яблок. Разговор с посетителем состоял из трех этапов: обстоятельный рассказ пришедшего, просмотр документов, которые он принес, а затем – многочисленные вопросы сотрудника редакции. И бесчисленные сумасшедшие и лгуны, пришедшие как по личным соображениям, так и по поручению, как правило, изобличались. Что не помешало мне, тем не менее, заполучить два или три проекта вечного двигателя и несколько средств от всех болезней – «в особенности неизлечимых». Приходил ко мне и «уцелевший» цесаревич Алексей. Было ему лет сорок, и я сказал, что он несколько не совпадает с наследником по возрасту.

Дело дошло до того, что в «Гласность» начали (от непонимания) поступать доносы на советское телевидение:

Председателю Гостелерадио тов. Кравченко Л. П.
Копия: в редакцию газеты «Правда»
Копия: в городской комитет КПСС
Копия: в редакцию журнала «Гласность»

Время от времени Ваши «творческие работники» проявляют себя в явных «поделках», а порой в далеко идущих политических провокациях. Не далее как вчера 07 декабря в передаче «Спокойной ночи, малыши!» ошеломленные зрители наблюдали любопытную режиссерскую «задумку»: бурную встречу с поцелуями при встрече Хрюши и… американского представителя. Что это – политический намек на предстоящую встречу или дублирование происходящего в Вашингтоне исторического события?..

Передачу от 7 декабря 1987 г. «Спокойной ночи, малыши!» нельзя оценить иначе, как политический оскорбительный фарс, спланированный «дельцами» от телевидения.

103012, ул. 25-го Октября, д.8/I, кв. 240.
Г. С. Вольф (по поручению)

А тем временем возникло море разливанное независимых самиздатских газет и журналов по всей стране. Через два месяца вышел первый номер газеты «Экспресс-хроника». Юра Скубко и Виктор Кузин, создавшие довольно радикальную «Перестройку-88» (отколовшись от «Демократической перестройки») услышали по радио о появлении журнала «Гласность» и вскоре принесли мне первый номер своего журнала «Точка зрения» – Нина Петровна в седьмом номере «Гласности» обстоятельно отрецензировала сразу два номера. Вскоре появились православный журнал «Выбор», «Информационный бюллетень по репатриации евреев», «Аусеклис» в Литве, «Земля», «Референдум», «День за днем», армянский вариант «Гласности» – «Репаракутюн» и сотни, если не тысячи других. Появились уже не только общественно-политические, но посвященные различным областям культуры самиздатские журналы: литературные, «Сине Фантом», исторические. Это были единственные во всей истории России четыре года подлинной свободы слова, далеко превосходящие по длительности и по объему, а главное, по значительности бесцензурный 1905 год, когда все ограничилось только сатирическими журналами и длилось очень недолго. Опорой этого взрыва свободы слова было растущее демократическое движение, сотни дискуссионных клубов, местных общественных организаций, национальных и

религиозных движений, а вскоре и первых независимых профсоюзов, возникавших по всей стране. КГБ оказался неспособным удержать эту гигантскую народную волну в запланированных рамках и активно с ней боролся. Повсюду шли столкновения, разгромы, избиения демократов (убийства начались позже).

В конце июня восемьдесят седьмого года Андрей Шилков и Митя Эйснер были задержаны милицией и только что напечатанные пятьдесят номеров «Гласности» у них отобрали. Мне пришлось отсидеть пятнадцать суток лишь однажды после какого-то глупого митинга, устроенного Новодворской. Во 2-е отделение милиции на Пушкинской площади (во дворах за нынешним «Макдональдсом») набили человек тридцать задержанных, но за месяц до этого был впервые создан ОМОН, и часам к двенадцати ночи вломилось в милицию человек двадцать здоровенных мужиков и начали избивать собранных на площади. Меня не трогали и вскоре отправили в КПЗ на окраине Москвы. Там ничего не понимавшая и не имеющая никакого тюремного опыта Новодворская начала призывать задержанных вместе с нами молодых людей объявить чуть ли не сухую голодовку. Она не понимала, что исход голодовки всегда неясен, кому-то может стоить жизни – даже уголовники, назначая день коллективной голодовки, никого не уговаривают принять в ней участие – вопрос о голодовке каждый человек решает для себя сам, и никто не вправе взять на себя ответственность за жизнь другого.

Андрей дважды сбегал из поезда, когда его после задержания высылали из Москвы. Митя Эйснер однажды был не только арестован на пятнадцать суток, но и зверски избит на выходе из моей квартиры. За мной слежка была настолько явной и бесцеремонной, что я пару раз заходил в ближайшее отделение милиции и писал заявление о том, что меня преследуют какие-то подозрительные люди, указывая милиционерам на дежурившего во дворе «топтуна». Те его задерживали, ему приходилось что-то объяснять, в конце концов – предъявлять свое удостоверение, а я тем временем уходил.

Но «Гласность» все же защищали международные организации, зарубежные газеты, журналы, политические деятели. Гораздо сложнее дело обстояло в провинции – у независимых журналистов не было никакой защиты, и мы организовали профсоюз независимых журналистов. В скором времени численность его в разных частях Советского Союза достигла почти тысячи человек. Деятельно обсуждался в Брюсселе вопрос о вхождении его в Международный союз журналистов, членом которого я был как корреспондент

«Моргенбладет», тем более что в отличие от Союза советских журналистов у нас был профсоюз, а не «творческая организация» для удобства контроля властей. Наши удостоверения действительно защищали в большинстве случаев членов профсоюза от преследований со стороны милиции и КГБ. Раз в полгода проводились многолюдные съезды – с сотнями депутатов: в Вильнюсе, Москве, Риге, Ленинграде. Вскоре была создана коалиция независимых профсоюзов, в которую, кроме нас, вошли наиболее мощные и независимые профсоюзы того времени – летчиков, шахтеров и авиадиспетчеров. Саша Подрабинек месяца через три после создания профсоюза пару раз собирал немногочисленные совещания редакторов независимых изданий. Это было, бесспорно, полезно, но большого значения не имело. Профсоюз независимых журналистов погиб вместе с гибелью независимой прессы.

Году в девяносто первом М. В. Шмаков еще приглашал меня на «круглый стол» по разделу имущества ВЦСПС, предлагал в собственность какой-то санаторий на Черном море – по-видимому, я еще мог быть полезен ему в качестве ширмы для этого грабежа. Исаев, забывший о том, что он – анархист, старался себе что-то урвать, а я сказал, что профсоюза уже нет и принимать участия в этом торговом мероприятии не вижу необходимости.

Потребность в независимой информации о Советском Союзе была в эти годы так велика и у нас, и за рубежом, что параллельно с ростом объема и серьезности материалов журнала «Гласность», посоветовавшись с Аликом Гинзбургом, примерно через год мы сформировали и первое в Советском Союзе (он придумал название) независимое информационное агентство «Ежедневная гласность».

Теперь каждое утро по факсу или с курьером мы рассылали пять-шесть страниц информации о прошедшем дне, собранной нашими сотрудниками ночью от сотен добровольных корреспондентов по всей стране. Плотность нашей информационной сети была так велика (иногда по четыре-пять корреспондентов в каждом городе), а опытность сотрудников и в шесть часов утра приезжавшего одного из четырех редакторов настолько безусловна, что и здесь нас ни разу не удалось поймать, хотя попытки дезинформации КГБ производил постоянно.

Особенно характерной была история с паническими сообщениями о массовых зверских убийствах в Армении, кажется, в аэропорту Звартноц. Нами было получено три таких сообщения

из разных источников. Какой-то человек, называвший себя армянским священником, вопил в телефон:

– Я вижу, как несут трупы.

Андрей Дмитриевич в ужасе обратился к президентам США и Франции, к премьер-министру Германии, Подрабинек опубликовал это ложное сообщение в «Экспресс-хронике». Но мы не дали его в «Ежедневной гласности» даже как непроверенное. Кажется, всего один корреспондент сообщил нам, что это ложь, и нашего опыта было достаточно, чтобы это понять. Сахарова потом и в СССР и за рубежом обвиняли в распространении ложной информации, но «Гласность» обвинить было невозможно.

Вскоре рано утром кроме редакторов начали приезжать переводчики, появился и английский вариант – «Daily glasnost». Месяца через три при «Экспресс-хронике» открыл свое агентство и Александр Подрабинек. В эти годы он, как правило, повторял все мои действия, но с опозданием на два-три месяца. Иногда «Экспресс-хроника» разражалась странными статьями с бранью в адрес Сахарова или мой. Мне тоже то и дело в восемьдесят седьмом году кто-нибудь советовал выступить с критикой Андрея Дмитриевича («Ужасно, что он постоянно хвалит Горбачева»).

Я на это, как правило, отвечал, что Андрей Дмитриевич, как и полагается приличному человеку, доверяет до тех пор, пока не убеждается, что верить нельзя. У меня есть журнал, агентство, много информации о том, что в действительности происходит в стране, и потому я не доверяю официальным заявлениям. Когда у Сахарова будут для этого основания, он изменит свое отношение к Горбачеву, что и произошло в действительности. На статьи Саши Подрабинека я, как и Андрей Дмитриевич, не отвечал – мало ли было разных статей.

Да и времени на это не хватало – за окнами бушевали восемьдесят седьмой – восемьдесят восьмой годы. Главным было добиться освобождения тех, кто еще был в тюрьмах. В конце мая должен был закончиться трехлетний срок заключения у литературоведа и архивиста Александра Богословского, с которым я был дружен еще с шестидесятых годов. Переносил он лагерь очень тяжело, как всегда «кураторы» из КГБ пытались этим воспользоваться, шантажировали получением нового срока (тогда это было вполне реально), пытались склонить к сотрудничеству. Его жена Альбина – крестная мать моего сына Тимоши, близкий наш с Тамарой друг, была в отчаянии. Но в Москву должен был приехать с визитом Ширак, как все западные политики, он считал необходимым дать то ли обед, то ли завтрак диссидентам, и очаровательная Сильвия де Брюшар – первый секретарь посольства, советовалась со мной, кого на встречу с Шираком

пригласить. Я рассказал о положении Александра Николаевича и попросил пригласить Альбину Митрофановну. Что и было сделано. Альбина получила приглашение, и ее муж тут же был освобожден, посажен в поезд так, чтобы успел к обеду в посольстве и даже снабжен деньгами на покупку одежды, чтобы выглядеть чуть менее истерзанным.

В Москву, в первую очередь в «Гласность», часто приезжал Звиад Гамсахурдия, привозил материалы, предлагал собственные проекты. Иногда его просьбы были совершенно неприемлемы: скажем, он просил рекламировать книги его отца – известного грузинского писателя, с тем, чтобы их начали переиздавать, а он поделится гонорарами с «Гласностью». Коммерческих предложений мы получали довольно много, но в эти игры никогда не играли.

Среди прочего Гамсахурдия привез документы о судьбе турок-месхетинцев и о созданном в Тбилиси «Обществе Ильи Чавчавадзе».

Турки-месхетинцы были этническими грузинами, в годы турецкого владычества принявшими ислам. Их, как и крымских татар, в сорок четвертом году выселили в Среднюю Азию как пособников фашистов, что было уже совсем бредом – немецких войск в тех районах Закавказья и близко не было и никакой помощи ни теоретически, ни практически оказывать немцам они не хотели и не могли. Высланы они были, по-видимому, как и другие мусульманские народы Кавказа и Крыма, в связи с тем, что у Сталина были послевоенные захватнические планы не только в отношении Европы, но и в отношении Ирана и Турции, а потому на всякий случай зачищался тыл. Так или иначе, месхетинцы хотели вернуться домой, но в плане хрущевской реабилитации народов были забыты и теперь требовали справедливости. Месхетинцы были гораздо малочисленнее и, может быть, менее активны, чем крымские татары, судьбой которых «Гласность» занималась с первого дня, но было ясно, что это тоже изувеченные советской властью люди.

Более конкретным, но не менее любопытным было все, что связано с великим грузинским поэтом и демократом князем Ильей Чавчавадзе. В течение всех десятилетий советской власти упорно пропагандировалась утверждение о том, что князя убили агенты царской охранки, и это одно из величайших оскорблений и ударов, нанесенных царизмом грузинскому народу. Но директор Государственного исторического архива в Тбилиси, у которого на секретном хранении была убедительная подборка документов о гибели Чавчавадзе, в восемьдесят седьмом году

вздумал опубликовать материалы о том, что на самом деле князь, как человек слишком либеральный и недостаточно революционный, был убит социал-демократами, а руководил покушением глава грузинских большевиков Махарадзе. Публикацию, естественно, немедленно запретили, директора архива сняли с работы и выгнали из партии.

И вот теперь, после публикации в «Гласности» всех этих материалов (реакция в Кремле, по-видимому, была очень острая), первый секретарь компартии Грузии Патиашвили впервые пригласил к себе делегацию турок-месхетинцев и пообещал им возвращение на родину (кстати говоря, не выполненное до сих пор).

И бывшего директора Государственного архива тоже вызвал к себе, вернул ему партийный билет и сказал:

– На, возьми, и в архив возвращайся.

– Не нужен мне ваш билет, я хочу публикации документов.

– Ну, какой ты упрямый, будь же человеком. Напечатаем мы всё, но дай нам хотя бы отпраздновать семидесятилетие советской власти.

Однажды Гамсахурдия приехал вместе с замечательным красавцем и своим другом Мерабом Коставой, и мне пришлось опубликовать «Заявление» Мераба. Было неудобно объяснять, что печатать этот текст не стоит – он ставит их в глупое положение. Дело в том, что когда их обоих арестовали в Тбилиси, Мераб со своим героическим характером ни на какие сделки со следователями не пошел, запугать себя не дал, получил лагерный срок и достойно его отсидел. А Звиад сломался, довольно скоро за его подписью появилась статья в тбилисской газете и, кажется, он даже выступил по телевидению с рассказом о том, как агенты ЦРУ заставили его оклеветать родную цветущую Грузию и весь советский народ. Пакость заключалась еще и в том, что он дал показания на двух французских журналистов, которые перевезли его рукописи за границу, и тем, конечно, было отказано в аккредитации, и они были высланы из СССР. Иностранных журналистов, кроме Звиада, не сдавал никто даже из каявшихся советских диссидентов.

Вопреки крикам советской печати о том, что все иностранные журналисты – шпионы и только и живут возможностью оклеветать СССР и разжечь недовольство в стране, на самом деле почти никто из журналистов диссидентам не помогал. Во-первых, многие из них, вроде Эдмунда Стивенса, были или куплены с потрохами, или просто были агентами КГБ вроде Виктора Луи. Во-вторых, существовал (неопровержимый в трудных советских

условиях) журналистский принцип – ты должен описывать события, а не принимать в них участие. Да и вообще, три года ты в Москве, потом в Бирме, потом в Аргентине – пусть люди сами устраивают свои дела. Наконец, из СССР неукоснительно высылали журналистов, замеченных в нежелательных связях. И кроме нескольких американских газет и журналов («Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост») ни одна из редакций высланных журналистов не поддерживала. Если тебя выслали, значит, ты не сумел правильно вести себя в стране, куда тебя послали, значит, ты недостаточно хороший журналист и это зачастую наносило серьезный ущерб карьере. Иностранные журналисты предпочитали не рисковать. Заложить французов, которые, слава богу, знали, где находится Грузия, а тут еще захотели тебе помочь, было уж совсем недостойно.

Но Мераб со стоящим у него за спиной Звиадом положил мне на стол заявление о том, что покаяние Звиада было их совместным продуманным решением, нужда в котором объяснялась необходимостью сохранения демократического движения в Грузии. Отказать Мерабу в публикации я не мог, и заявление появилось в седьмом номере «Гласности».

Лара Богораз, усмехнувшись, сказала по этому поводу:

– Это как в грузинском анекдоте. Во время застолья кто-то пукнул. За столом было много людей, говорили, шумели, кто-то сидевший рядом это услышал, большинство – нет. Но тамада встал и благородно воскликнул: «Мы все клянемся, что считаем пук нашего дорогого друга Гиви небывшим».

Со времени покаяния Звиада прошло уже много лет, о нем забыли, да и относились к таким вещам довольно спокойно – не все в силах выдержать тюрьму, и нельзя от человека этого требовать.

«Свободные» государственные СМИ и Сумгаит

В «Гласности» никогда всерьез не комментировали, казалось бы, такие свободные и даже критические (да и как скажешь иначе в сравнении с предыдущими годами) материалы газеты «Московская правда», передачи «Взгляд», «Время», некоторые сводки новостей. Там работали славные ребята, комсомольцы и молодые члены партии из особо привилегированного и доверенного Иновещания Всесоюзного радио, большинство из которых (были они, конечно, разными, что и проявилось потом в их судьбах) хотели воспользоваться внезапно дарованной им свободой – но что они понимали в окружавшем их бурном мире? Да и те, кто внезапно даровал им ненадолго эту свободу (председатель Гостелерадио генерал-лейтенант КГБ Аксёнов), хорошо понимали, что ничего дурного эти веселые ребята не сделают, что они свои, воспитаны советской властью и не зря попали (были хорошо проверены перед этим) сперва на Иновещание, а потом и на телевидение.

Да, эти хорошо воспитанные ребята вполне понимали (при всем своем веселье) правила игры. Им не приходило в голову хотя бы цитировать (я уж не говорю – регулярно приглашать) вполне умеренных сторонников Горбачева: Андрея Сахарова, Ларису Богораз, Сергея Ковалева. Но что было гораздо хуже – их, глашатаев свободы, совершенно не интересовали политические лагеря, и что было уж совсем непростительно – они в упор не видели разлившегося по стране моря свободной самиздатской печати. А между тем именно там был весь народ со множеством своих проблем и несчастий; именно туда попадали все новые, «непроходимые» в советской печати результаты научных диспутов в академических городках о будущем экономики, внешней и внутренней политике и даже новых формах искусства. Ни разу эти свободные молодые люди не заметили травлю, которой неуклонно подвергались их менее воспитанные властью коллеги. Им даже в голову не приходило хотя бы упомянуть такую знакомую аббревиатуру: КГБ. Лучшие из них теперь говорят в редких интервью, что ничего не понимали, не использовали свои возможности так, как следовало, но большинство славят ту свою, прежнюю, предоставленную им КГБ свободу, стараясь не вспоминать о доверии, оказанном им КГБ. Потом они все перешли на НТВ под прямое покровительство генерала КГБ Филиппа Бобкова, заместителя Гусинского. Впрочем, если бы они

были иными, более сообразительными и жесткими, с ними боролись бы так же, как с нами, и той свободы, которой они пользовались, у них бы не было. А ведь они очень многое видели, но даже сейчас, многое понимая, никто из них не описал то время.

Единственным исключением стал редактор «Московской правды» Михаил Полторанин. Его книга «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса» (М.: ЭКСМО, 2010) в своей фактографической части поразительно интересна, как, впрочем, и автопортрет советского журналиста.

Называя себя (и не без оснований) «демократом первой волны», но уже советской, перестроечной, Полторанин, как и полагается корреспонденту «Правды», замечает только секретарей райкомов и обкомов, в лучшем случае – директоров заводов. Он в упор не видит демократического движения – у Полторанина, члена Межрегиональной группы, даже для Сахарова нет в воспоминаниях ни строчки, зато Собчак и Ельцин – повсюду. Ничего практически не пишет, а главное – не знает, о «Демократической России», «Мемориале», даже о «Гласности», хотя мы с ним были довольно хорошо знакомы, даже одну из частей конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» я проводил (конечно, с его согласия) в зале министерства печати, когда он уже стал министром. И этого он не боялся, просто ничего не понимал, и все это было ему чуждо. Хотя сам же пишет: «Группка ушлых ребят (партийно-кагебистская мафия) готовила страну к расчленению, чтобы прибрать к рукам богатую недрами Россию, с населением, которому было все до лампочки».

Да не до лампочки было населению, только надо было ему, а не Ельцину помогать. Полторанин – ведь это его мир – уже тогда видит и мельком пишет о том, как молодые люди из Международного отдела ЦК КПСС и Первого главного управления КГБ уводят за границу золотой запас СССР, создают коммерческие фирмы. Полторанин внятно называет первых русских олигархов «выкормышами КГБ», довольно прямо упоминает о влиянии КГБ на Ельцина, но не способен сделать естественный вывод.

Будучи профессиональным журналистом, он отслеживает, как с девяностого года возник один из прямых контактов Ельцина с КГБ. Будущий президент внезапно увлекся теннисом, его тренером была дочь высокопоставленного сотрудника «комитета» (фамилия не называется), тогда и начались постоянные контакты с ее отцом. Мельком Полторанин упоминает, что дальше Ельцин уже не был самостоятелен, а стал управляемым. И все же Полторанин и сегодня не хочет (боится?) называть имена. По-прежнему для него, как и в советские времена во всем виноваты

враги из-за рубежа.

При этом у Полторанина нет никаких иллюзий относительно своих коллег по газете «Правда», работающих за границей. Все они были сотрудниками КГБ, – пишет он. С откровенной иронией рассказывает, как Тимур Гайдар – отец будущего реформатора, то и дело уезжал в якобы журналистские заграничные командировки, из которых возвращался, получив очередное воинское звание. А однажды не сдержал тщеславного желания покрасоваться и пришел в редакцию в только что полученном мундире контр-адмирала.

Никаких иллюзий у Полторанина нет и в отношении Артема Боровика, как и его отца Генриха. Возможно, он не знал, что Артем незадолго перед тем был выслан из США, где, назвавшись корреспондентом журнала «Эсквайр», пришел к русскому парню, попавшему в плен в Афганистане, вытащенному из плена правозащитными организациями, который отказывался встречаться с кем бы то ни было из Советского Союза, так как знал, что те, кто были более доверчивы, поверили посулам Ионы Андронова из комитета «За возвращение на родину» и художника Михаила Шемякина (и даже самого посла Анатолия Добрынина) о том, что им ничего не будет, по возвращении в СССР тут же получили по 12 лет лагеря за измену родине. Боровик хорошо говорил по-английски, сперва назвался американцем, а через пять минут после начала интервью вытащил из кармана комсомольский билет парня и фотографию девушки, с которой тот встречался до ухода в армию, получил по физиономии, из США ему со скандалом пришлось уехать (как до этого – Ионе Андронову и Шемякину) – столь деликатное задание в СССР было мало кому известно. Но что Артем обнародовал в советской печати рассказ о том, что советские войска в Афганистане, оказывается, иногда даже воюют, а не только помогают внезапно возникшим афганским колхозам возделывать поля – вот это Полторанин знал хорошо, то есть хорошо понимал, где работает Артем Боровик[8].

Но искалеченный тип мышления и психологию советского журналиста действительно трудно понять. Хорошо, что Полторанин рассказывает кое-что из того, что сумел увидеть. Кроме него этого никто не сделал. Действительно свободной демократической печати приходилось на каждом шагу ощущать неусыпное внимание и неустанную (пока еще не кровавую) борьбу с ней «комитета» и приходить к выводу, что в новых условиях там очень напряженно и успешно работают, что именно КГБ «поручено насаждать гласность и демократию в Советском Союзе» (Полторанин упоминает руководимый ленинградским КГБ клуб

«Перестройка»). Но не только к Полторанину, но и к Иновещанию КГБ был слишком близок, чтобы это могли заметить, а тем более понять молодые журналисты. К тому же с ними-то КГБ не боролся, он их отечески и ласково воспитывал.

Особенно удачно советская, еще не освободившаяся формально, но уже полусвободная печать эпохи перестройки «не заметила» первый массовый кровавый погром, ознаменовавший эпоху. Это был Сумгаит. Армяне все десятилетия советской власти настаивали на присоединении к Армении Нагорного Карабаха, населенного и издревле, и теперь на три четверти армянами и присоединенного к Азербайджану как одна из многочисленных уступок Кемалю Ататюрку, обманувшему Ленина, как ребенка, обещаниями установить в Турции советскую власть. Естественно, при Горбачеве усилилось и это движение. Но в Москве после консультаций с Институтом Востоковедения было решено, что уступать национальным движениям нельзя – начнутся бесконечные пограничные войны. Для начала нужно было приструнить армян. И сделано это было по-советски, по-перестроечному. Один из лидеров «обновления» в Политбюро, Г. П. Разумовский приехал в Баку и узнав, что где-то, кем-то, в разное время и отнюдь не армянами, и не по национальным причинам убиты два азербайджанца, выступил по радио и заявил, что оставлять их смерть безнаказанной нельзя. Сумгаит был выбран, видимо, потому, что это рабочий город, где люди зачастую приезжие и хуже знают соседей. Тем не менее в резне местные жители – азербайджанцы – за редким исключением участия не принимали, Андрею Шилкову из «Гласности» – первому и единственному человеку, который смог туда пробиться на следующий же день, – азербайджанцы всячески помогали, прятали его и сами были в ужасе. В годовщину армянского геноцида турками (чтобы все понимали) в Сумгаит на нескольких автобусах неизвестно откуда прибыло больше сотни молодых людей. Андрей в «ЖЖ» вспоминал: «Погром к тому времени уже прекратился, оставшихся в живых армян свезли в лагерь на Насосной… город забит бронетехникой, патрули, полевая кухня на центральной улице. Но в городе еще сохранялись следы: пятна крови во дворах, выжженные маслянистые участки газонов и самое страшное – коричневое пятно на стене палаты роддома. Санитарка, наполовину русская, наполовину болгарка, трясясь в истерике, рассказала, что об эту стену размозжили голову еще не рожденному младенцу, вырезанному из живота роженицы-армянки».

Это и была та перестройка, которую не замечали в

программах «Время» и «Взгляд». Менее веселый, но более смелый Павел Лобков, правда через два года, с Ларисой Богораз, Сергеем Аверинцевым, актером и режиссером Александром Кайдановским включил впервые полчаса со мной в передачу «Пятое колесо». Был показан и наш десятиминутный видеорепортаж из городка неподалеку от Ташкента, где милиционеры и солдаты застрелили около десятка мирных демонстрантов, просивших себе огородные участки, и множество ранили. Других журналистов, кроме наших, там не было и это была единственная возможность показать на перестроечном телевидении то, что в действительности происходит в стране.

На что существовала «Гласность» и ее первый разгром

Конечно, журнал никому не выплачивал гонораров. Но я был первый редактор в диссидентской печати, кто начал платить хотя бы минимальную зарплату сотрудникам, которые с утра до вечера вели прием, ездили в командировки, целые ночи собирали информацию для «Ежедневной гласности». Для технической работы (переплета, брошюровки) Нина Петровна привлекала старых друзей по Солженицынскому фонду и «Хронике». Многие приходили сами и предлагали помощь, в основном по вечерам и в выходные дни. К «Гласности вообще относились как к общему и героическому делу русской интеллигенции и всячески старались нам помочь. Если не получалось деньгами и работой, то хотя бы подарками, которые при случае могли оказаться нам полезными. Художники Александр Жданов и Александр Калугин устроили выставки-распродажи своих картин и передали собранные деньги (а Жданов и оставшиеся картины) «Гласности». Мать еще не освободившегося из лагеря Миши Казачкова предлагала мне холст Н. Сапунова из коллекции покойного мужа, который я, правда, постеснялся взять. Знакомая Анатолия Зверева нашла нас, чтобы подарить его рисунки. Леня Глезеров – единственную странную вещь в доме – письмо с автографом Гитлера, привезенное с фронта отцом. Вскоре он сам организовал издательство под названием «Гендальф» и в своей издательской деятельности, и в отношении к «Гласности» ясно показывал, что мы боремся с КГБ, «царством мрака», «Мордором». (Вышедший незадолго до этого перевод покойного Андрея Кистяковского книги Толкиена был в то время очень популярен.)

В журнале, как я уже писал, категорически запрещалось принимать какие бы то ни было пожертвования и подарки тех, кто приходил с жалобами, просил им помочь. Зато были мои гонорары в норвежской газете «Моргенбладет». Появилась плата за подписку на «Ежедневную гласность» (журнал «Гласность» раздавался бесплатно). Очень помог Джордж Сорос. Приехав в Москву, он предложил мне стать председателем создаваемого им в Москве фонда и даже хотел назвать его «Гласность». Я согласился, но когда мы шли с ним по набережной возле гостиницы «Украина», перед нами вдруг присел какой-то молодой человек с фотоаппаратом, сфотографировал нас и потом один из заместителей председателя Совета министров СССР показал эту фотографию Соросу и сказал, что если у его фонда будут такие

председатели в Москве, то у него в Венгрии (где он уже несколько лет работал) фонда не будет. Шел 1987 год, советская власть все еще казалась нерушимой и это была серьезная для него – венгра – угроза. Но перед отъездом он передал нам самый новый компьютер Toshiba и какую-то сумму денег. Алик Гинзбург уговорил одного из известнейших парижских издателей пожертвовать «Гласности» полученную им премию – в Париже «Гласность» переиздавалась регулярно, а «Русская мысль» постоянно использовала наши ежедневные новости. Они старались нам помочь и устройством моих более или менее оплачиваемых выступлений. Позже, когда я приезжал в США, примерно то же самое, но в меньших масштабах, стал делать и *Национальный фонд* в поддержку демократии, выпускавший «Гласность» на английском языке. За границей, но не в Москве, я мог получать гонорары за интервью Радио Свобода, BBC, Радио Франс Интернасьональ и других. В результате мы чувствовали себя довольно уверенно и в конце зимы 1887 года с помощью, пришедшей из Парижа, смогли, наконец, освободить бедного Кирюшу Попова от обременительного для любого человека присутствия редакции в его квартире и переехать в недорого купленную дачу в подмосковном Кратове. Казалось, начинается райская жизнь, но не тут-то было.

Роковым стал, как и полагается, вышедший в ноябре восемьдесят седьмого года тринадцатый номер.

В этом номере была уже упоминавшаяся статья Василия Селюнина «Реформаторы отступают», смысл которой сводился к тому, что рекламируемая тогда повсюду «перестройка с ускорением» по плану академика Абеля Аганбегяна ни к чему кроме катастрофы привести не может. Эту статью (с согласия Селюнина) вместе с двумя своими – о советском шпионаже в Норвегии и возможных серьезных экологических проблемах в случае начала добычи нефти на советском шельфе Берингова моря – я переслал в «Моргенбладет», и они были там напечатаны. На беду в январе восемьдесят восьмого года премьер-министр СССР Николай Рыжков затеял поездку по скандинавским странам и всем объяснял, что Советский Союз вот-вот всех в мире догонит и перегонит. Но на первой же пресс-конференции в Стокгольме ему возразили: «Вы обещаете грандиозные успехи, а во влиятельном журнале «Гласность» известный экономист Селюнин утверждает, что ничего кроме краха советскую экономику не ожидает».

Василий со слов кого-то из друзей мне рассказывал, что Николай Рыжков, как-то выкрутившись, тут же позвонил начальнику Госплана Талызину и потребовал, чтобы статья

Селюнина была немедленно опровергнута. Талызин пригласил к себе ведущих экспертов из Института Госплана и дал им на это два дня. Но через два дня эксперты объяснили Талызину, что статью Селюнина опровергнуть невозможно. И якобы тогда в результате совещания Разумовского и Яковлева было решено, что Григорьянцу надо пригрозить, чтобы он вел себя потише.

На самом деле все было гораздо сложнее, чем представлялось Селюнину и началось не с поездки Рыжкова, а гораздо раньше – по меньшей мере, сразу же после выхода тринадцатого номера «Гласности». Кроме «Отступающих реформаторов» там была страниц на пятьдесят очень содержательная публикация с предисловием Зои Крахмальниковой (но она просила не ставить ее подпись) о тесном сотрудничестве КГБ и Московской Патриархии, причем на уровне патриархов Пимена и Алексия. Эти документы были переданы мне отцом Глебом Якуниным, до этого их копии были у него обнаружены при обыске перед арестом и, собственно, отца Глеба готовы были отпустить, если он укажет, от кого их получил. Но Глеб Павлович греха на душу не взял – никого не выдал и отсидел весь срок в лагере строгого режима[9].

Незадолго перед тем арестованный отец Димитрий Дудко, крестивший в шестидесятые – семидесятые годы тысячи московских интеллигентов и издавший за рубежом несколько богословских сочинений, будучи арестован – правда, вторично, что имеет очень большое значение, второй раз гораздо страшнее: знаешь, на что идешь, – публично раскаялся в газете «Вечерняя Москва» в своих якобы антисоветских идеях, внушенных ему ЦРУ и, главное, выдал КГБ многих своих духовных детей, самоотверженно и с большим для себя риском ему помогавших.

Документы о доверительных беседах с митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (будущим патриархом) и митрополитом Ленинградским и Таллинским Алексием (следующим за ним), опубликованные в «Гласности», большей частью подписаны полковником КГБ А. Плехановым (Комитет по делам религий) и адресованы в ЦК КПСС. Читая, приходишь к выводу о том, что оба они сообщают ему друг о друге, а также о других иерархах и священнослужителях Русской православной церкви интимные подробности поведения и частной жизни. К тому же Плеханов составил и сопроводительную «справку» о будущем патриархе Пимене, из которой следует (Крахмальникова справедливо оговаривается в предисловии, что мы не можем быть уверены, что это не фальшивка), будто бы Извеков С. М. – митрополит Пимен – дважды дезертировал из

советской армии, второй раз – в годы войны в чине майора, за что был осужден и отбывал наказание, но скрывал это и жил по подложным документам.

Публикация «Гласности» была скандальной, именно эту часть тринадцатого номера (а не статью Селюнина) пришлось допечатывать отдельным тиражом.

Через несколько лет, проводя конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» от бывшего прокурора города Москвы по надзору за следствием в органах КГБ Владимира Голубева я услышал любопытный рассказ:

– Пришли ко мне в восемьдесят седьмом году сотрудники с просьбой санкционировать арест Григорьянца за клевету на советский общественный и государственный строй. Принесли номер «Гласности» с материалами о патриархии. Я ознакомился с ними и спросил: «А доказать, что Пимен не был дезертиром, вы можете?». «Ну кто же это доказывает…» – услышал в ответ и отказал в возбуждении дела. Через полгода меня уволили, но я и сам не хотел там больше работать.

Вполне очевидно, что именно тогда начал осуществляться проект широкомасштабной борьбы с нашим журналом – один из крупнейших замыслов КГБ по линии «А» («Активные мероприятие и дезинформация»). Впрочем, как писал об «активных мероприятиях» бывший резидент КГБ в Токио Станислав Левченко, «тематика активных мероприятий вырабатывалась бывшим международным отделом ЦК КПСС, планы утверждались Политбюро и затем спускались разнообразным советским организациям для выполнения, значительное число директив было адресовано службе «А» – «Активное мероприятие» ПГУ КГБ, которое проводило их за рубежом через офицеров разведки, многие из которых имели журналистское прикрытие».

«Работа» с «Гласностью» подразумевала и убийство, и разорение либеральной норвежской газеты, и создание трех новых средств массовой информации (в Нью-Йорке, Копенгагене и Москве) и, наконец, разгром редакции. Не говоря о множестве клеветнических публикаций по всему миру. Я не знаю ничего подобного по размаху из описанных «мероприятий» КГБ. Ясно, что такой гигантский проект должен был готовиться много месяцев, вероятно, после отказа прокурора Голубева санкционировать мой арест. Конечно, проблема была не в этом отказе – найти другого прокурора (скажем, вышестоящего) было нетрудно. Просто сам этот отказ показал, что уж если прокуроры по надзору за КГБ не хотят быть замараны, то реакция менее зависимых и повязанных людей будет резко отрицательной как в СССР, так и за рубежом и негативно скажется на репутации

«перестройки».

Рассказывая о «мероприятиях», начну с того, что к весне восемьдесят восьмого года внезапно появилось еще три издания под тем же названием: ежемесячная газета на английском языке в Нью-Йорке (выходила очень недолго), журнал «Гласность» в Копенгагене – глянцевый, иллюстрированный, хотя и довольно тонкий – видимо, КГБ не мог собрать достаточно материалов (один номер у меня был, но его украли при последующих разгромах). Наконец, в Москве во всех киосках появилась еженедельная газета «Гласность» под редакцией Изюмова – бывшего заместителя Александра Чаковского в «Литературной газете». Как и все издания, плотно курируемые КГБ («Новое время», «За рубежом», «Литературная газета»), новый еженедельник был в меру либерален и издавался года два. Конечно, газета Изюмова успешно создавала некоторую неразбериху, но когда после разгрома нам удалось восстановить журнал, очередь с ночи занимали именно к нам, а не за изданием КГБ. Одновременно и в Норвегии, где, как и во всей Скандинавии, влияние КГБ было очень велико (не зря я в «Гласности» писал о самом нашумевшем скандале – разоблачении и осуждении советского агента, одного из самых влиятельных норвежских политиков) начали происходить странные события, прямо затрагивающие и меня и наш журнал. Высоколобая, профессорская, не очень поэтому доходная в маленькой стране газета «Моргенбладет», где были напечатаны столь неприятная статья Селюнина и мои статьи, внезапно получила категорический отказ в предоставлении обычных для издания кредитов. Газета оказалась на грани банкротства. Но у ее владельцев нашелся спаситель, который, однако, поставил непременное условие: «Моргенбладет» должна совершенно изменить свой характер, отказаться от интеллектуально-либерального курса и стать обычной доходной, то есть «желтой» газетой. Вся редакция подала в отставку и я, конечно, тоже. Таким образом, у «Гласности» сократилась и финансовая, и существенная часть информационной поддержки.

И все же главную работу выполнил резидент КГБ под крышей «Литературной газеты» Иона Андронов. Это была классическая дезинформация, хотя и гораздо менее удачная, чем, скажем, рассказы о том, что вирус СПИД» а является результатом деятельности ЦРУ, что в корейской войне армия США применяла химическое оружие или что американские шпионы разбрасывают колорадских жуков по советским картофельным полям. В его статье «Пешки в чужой игре» говорилось о том, что «Гласность»

издается на деньги ЦРУ, а Григорьянц провоцирует национальные проблемы в нерушимом Советском Союзе.

В день выхода статьи в Ереване был арестован Паруйр Айрикян – не зря же Андронов особо выделял армянские материалы «Гласности».

Я пытался возбудить судебное дело о клевете в отношении «Литературной газеты». Юридическую помощь мне вызвался оказывать какой-то мерзавец, вскоре исчезнувший со всеми документами, а юрист «Литературной газеты» Вознесенский с неподдельным удивлением спрашивал меня: «В чем вы видите клевету и оскорбление? Если бы вас назвали агентом КГБ – другое дело, но пишут, будто вы сотрудничаете с ЦРУ, – что же здесь позорного?»

Но я одинаково плохо относился ко всем спецслужбам.

Девятого мая, в праздничный день, чтобы всем было не до того, произошли сразу две уголовные акции. Сперва был убит печатник, размножавший на ксероксе журнал «Гласность». Его нашли утонувшим в каком-то пруду, куда он – в очень холодную позднюю весну – якобы пошел купаться (температура воды была восемь градусов). В каком состоянии было его тело, неизвестно. Мы не сразу об этом узнали. Андрей начал разыскивать его примерно через месяц, обо всем узнал и мы пытались хоть что-то сделать для вдовы. Но она была до смерти напугана, с Андреем говорить не хотела, покойного мужа считала дураком, а нас – виновниками его смерти, во многом не без оснований. Я до сих пор не знаю его фамилии и в каком научно-исследовательском институте он работал – Андрей не счел нужным мне сказать, не видя реальной возможности что-то сделать. Смерть тогда ходила рядом со всеми нами, не была, как и в тюрьме, чем-то особенным. Это был первый, но далеко не последний убитый из людей, близких к «Гласности».

Его помощнику – так тогда полагалось в работе с ксероксами в специальных, с железными дверьми и особыми запорами комнатах, – сотрудники ГБ просто сказали:

– Пошел вон, если хочешь остаться цел.

В то же утро наша дача была окружена ста шестьюдесятью милиционерами, специально вызванными из Москвы. За три дня до этого был отравлен наш сенбернар, и мерзавец участковый специально пришел удостовериться, что собака умирает. (У меня это был уже второй отравленный сенбернар – первого, Тора, возившего в упряжке на санках моих детей, – отравили в 1983 году вскоре после моего ареста в Боровске, чтобы тайком

произвести еще один обыск. С тех пор, живя в России, я не завожу собак.)

Я вышел к калитке, где два милиционера держали на весу девяностолетнюю старуху, дочь которой, по ее доверенности, продала нам дачу. Старуха четыре года уже не вставала с постели, мало что понимала, и из-за ее спины мне было сказано, что она против продажи и не знает, кто мы такие.

Я попытался ей что-то объяснить – меня с силой оттолкнули, помяли и потом объявили, что я избивал старушку. Это было в сообщении ТАСС, распространенном в семь часов утра, то есть еще до моего злодейства; это же повторил в Париже на пресс-конференции один из главных «перестройщиков» – Федор Бурлацкий (до этого – консультант Андропова, теперь – председатель Комитета по правам человека либерального горбачевского времени), отвечая на вопрос, заданный Ариной Гинзбург.

Нас было четверо ночевавших на даче. Мне дали семь суток, остальным (не выходившим из дома) по десять – за «хулиганство». Меня сначала держали в местном отделении милиции, где я слышал переговоры и стенания, как трудно распределить по своим постам сто шестьдесят командированных в Кратово из Москвы милиционеров да еще в праздничный день. Потом завезли на минуту в суд, а дальше в КПЗ «Лианозово», причем жене не говорили, где я, и она с иностранными журналистами дня три меня разыскивала. «Свободным» советским журналистам все это было не интересно – ни одного слова о разгроме «Гласности» ни написано, ни сказано в СССР не было.

Пока меня держали в Лианозовском КПЗ, в довольно чистой одиночке, было, наконец, время подумать. Конечно, в те дни я многого не знал: не знал об убийстве нашего печатника, не знал о неудавшейся попытке возбуждения в отношении меня нового уголовного дела. Конечно, не мог предвидеть в деталях надвигающегося на всех нас потока: убийства моего сына Тимоши и многих других людей, близких к «Гласности», долгих лет покушений, слежки, травли, бегства жены и дочери в Париж, и, в конце концов, – бесспорного поражения в этой неравной борьбе за свободу в России.

Но многое было и вполне очевидным: я год жил в обстановке непрерывной слежки и поношения в советских газетах; два месяца ходил с клеймом «агента ЦРУ»; сам масштаб разгрома «Гласности» ясно показывал, что меня считали одним из главных внутренних врагов все те, кто и сегодня находится у власти и хочет сохранить эту дикую власть за собой и своими детьми

навечно.

Единственные люди, которых ко мне в камеру допускали, были приходившие попеременно три уговорщика: один из них оказался директором только что созданного «свободного» агентства печати «Интерфакс» (на базе того же «Иновещания»), место службы других было менее понятно, но говорили они одно и то же. То же, что и после первого тюремного срока: «Зачем вам, Сергей Иванович, здесь оставаться? Сами видите, как плохо (*с видимым сочувствием*) для вас все здесь складывается, за границей вам будет гораздо лучше».

А я вежливо отказывался, как отказывался и до этого и после, хотя совсем не был оптимистом: естественно, я совершенно не доверял планам КГБ и Горбачева (для меня они были едины) по «демократизации» страны, но точно так же считал новоявленными маниловыми тех, кто оптимистически предвкушал, как после свержения в России коммунистической власти она в три года превратиться во Францию. Никто из диссидентов никогда не занимался (не заняты этим всерьез и новые демократы) исследованием состояния русского народа, а я все же имел некоторый опыт и понимал, что у нас чудовищно морально искалеченные страна и люди и до их возвращения в европейский мир еще очень и очень далеко.

Отказывался я уезжать по двум вполне ясным для меня причинам. Одну сформулировал, почти умирая во время голодовки в свой первый срок в колонии Юдово под Ярославлем. Ежедневно приходивший врач под конец начал мне говорить:

– Ну зачем вам это надо, Григорьянц. Вы же понимаете, что ничего не добьетесь?

И я ему ответил, удивившись точности формулировки и достоинству выношенной фразы:

– Потерпеть поражение не стыдно – стыдно не сделать того, что можешь.

Вторая причина тоже была связана с тюремным опытом, появившимся когда-то в карцере или в одиночках, где я провел из девяти лет года полтора. Среди странных ощущений, возникающих у человека истощенного, замерзающего, чаще всего лежащего на бетонном полу, одинокого в самой полной степени, какая только возможна, у меня постоянно присутствовало чувство предначертанности и предопределенности всего, что со мной произошло, происходит и произойдет в будущем. Это не значило, что я понимал, предвидел это будущее, но у меня возникла уверенность, что все, что вокруг меня и во мне, все, что суждено и в прошлом и в будущем, как-то взаимосвязано, взаимообусловлено, и ничто не является случайным. Если я здесь,

значит так и должно быть. Это то, что я должен вытерпеть до конца. И если я вскоре умру или почему-то останусь жив, то только потому, что это и есть мой путь. Я никогда не мог забыть зловещую фразу из «Аленького цветочка» Сергея Аксакова, прочитанную мной в 1975 году в Матросской Тишине: «Лишь того человек не выдержит, чего ему Бог не пошлет».

И вот теперь – полный разгром и грабеж редакции, первый в истории «Гласности». Безо всяких документов и оснований было конфисковано и куда-то вывезено все, что было на довольно большой даче: пятьсот номеров «Гласности» – полные тиражи по сто пятьдесят экземпляров (мы уже дошли до такого количества) номера девятнадцатого и двадцатого и остатки тиражей предыдущих номеров; весь до последнего листочка громадный архив: тысячи писем, заявлений и документов, пришедших за год со всех концов страны; все исходные материалы к украденным номерам, так что эти номера мы не смогли восстановить, тысячи номеров самиздатских газет и журналов – уникальная библиотека подлинно свободной печати в России и в других республиках Союза, которую, вероятно, больше никому не удалось собрать и даже память о многих газетах и журналах уже не восстановить: только «Гласность» и наш профсоюз получали все независимые издания того времени.

Часть разломанной мебели нам месяца через два вернула областная прокуратура.

Так закончился первый период работы «Гласности». В нем было все, что многократно повторится: убийство, разгром, грабеж и потоки лжи. Но было и другое – уверенность, что ты делаешь то, что должен и что никто кроме тебя этого не сделает.

Глава II
1988–1991 годы

Восстановление журнала

Разгром «Гласности» оказался большой неудачей для советских властей. В связи «Гласности» с ЦРУ никто ни в СССР, ни за границей не поверил – все эти гебешные «утки» давно набили оскомину. Ни одно из трех организованных КГБ изданий под названием «Гласность» никто за наш журнал не принимал. В мире широко – а тогда события в СССР интересовали всех – распространились журналистские материалы о том, что первый в Советском Союзе независимый журнал уничтожен. Первым был Билл Келлер, который позвонил в «Гласность» в тот момент, когда меня забирали, и успел пару фраз услышать от остававшегося внутри дачи Виктора Кузина до того, как связь была оборвана. И даже утверждения ТАСС и Федора Бурлацкого, что я – хулиган, избивающий старушек, никого не убедили. Больше того, никого в редакции «Гласности» не удалось запугать, а меня – сманить уехать за границу. Кирюша Попов снова был готов принять в своей квартире практически до основания разгромленную редакцию.

Проблема была в другом: все «ксеропаты» – то есть люди, допущенные к немногим в Москве работающим ксероксам и подрабатывавшие перепечаткой запрещенных стихов Мандельштама, Цветаевой и Гумилева, да и не только стихов, теперь уже точно знали, что перепечатывать в крайнем случае Солженицына – можно, а «Гласность» – очень опасно. Четыре месяца Андрей Шилков обходил в Москве всех допущенных к ксероксам и всюду получал именно так сформулированный отказ.

И вдруг в сентябре все чудесным образом переменилось. Андрей в какой-то забегаловке то ли закусывал, то ли пил пиво и к нему подсел высокий хорошо сложенный молодой блондин, который как-то незаметно от общего разговора перешел к ксероксам, и оказалось, что у незнакомца есть на примете печатник, который не откажет и нашему журналу. Андрей все же не зря три года просидел в лагере, а до этого несколько лет скрывался от КГБ. Новый знакомый – звали его Алексей Челноков – с его таким важным для нас предложением не вызвал у него никакого доверия. Мне он так и сказал: «Думаю, это гебня». Но, во-первых, из тюремного опыта мы оба точно знали: думать можно все, что угодно, а для обвинения нужны доказательства. Во-вторых, мы ничем не рисковали. Удастся восстановить распространение журнала – очень хорошо, не удастся – мы остаемся в том же положении, в котором и были.

В Челнокове Андрей, конечно, не ошибся, но об этом чуть

позже, сперва о том, зачем КГБ понадобилось нам помогать. Может быть, разгром «Гласности» слишком портил тогда репутацию Горбачева и перестройки, может быть, кто-то в советском руководстве или в руководстве КГБ решил, что в мае они перестарались. Не знаю до сих пор. Вероятнее всего, после разгрома редакции и убийства печатника они решили, что, получив такой урок, я стану сговорчивее. Челноков вскоре попросился в «Гласность» на работу. Отказать у меня реальных причин не было, и он стал одним из ночных дежурных сформировавшейся к этому времени «Ежедневной гласности».

В течение семи лет работа «ЕГ» строилась по единой схеме. Двое дежурных корреспондентов обзванивали ночью порядка пятидесяти городов Советского Союза, где происходили или могли происходить интересовавшие нас события. Из других мест люди звонили сами, и мы им тут же перезванивали, чтобы они не тратились на оплату междугородных звонков. Событий происходило множество, страна бурлила, и всюду у нас были корреспонденты, готовые в подробностях обо всем рассказать – нередко именно они и были действующими лицами, – а единственную возможность рассказать о себе миру предоставляла «Гласность». Ночные дежурные записывали сообщения, набиралось обычно страниц семь-восемь убористого текста, а в шесть утра приезжал поочередно один из четырех редакторов (Тамара, Володя Ойвин, Виктор Лукьянов или я) и приводил тексты в порядок. Часов в семь приезжал печатник (у нас вскоре появился довольно примитивный ротатор – главным человеком, с ним управлявшимся, был Виталий Мамедов, знакомый мне еще по Чистопольской тюрьме, – печатать на нем журнал было невозможно, но для «ЕГ» он годился). В более поздние времена приезжал еще и переводчик на английский (их тоже было четверо) и переводил тексты, после чего происходила рассылка – сперва с курьерами, позже – по факсу.

Люди были молодые, очень разные и никаких особенных правил не было. Скажем, Андрей Шилков и тогда был не дурак изредка выпить, на работе это никак не сказывалось, точнее – вся организационная часть (да и не только она) лишь на нем и держалась. Но было одно жесткое правило (кроме запрета принимать подарки): ночные дежурные не могли пить, поскольку было понятно, что никакой работы в этом случае не будет. И без того трудно не спать всю ночь, а уж выпив… Запрет этот был всем известен, вполне понятен и почти никогда не нарушался. Но однажды, кажется, Володя Ойвин, приехав в шесть утра в квартиру на Литовском бульваре (Ясенево) обнаружил пару пустых бутылок – дежурили Митя Волчек и Челноков, и я их

предупредил. Но через неделю опять оказалось, что они оба сильно навеселе и бюллетень практически не готов. Стало ясно, что взрослый женатый Челноков попросту спаивает девятнадцатилетнего Митю.

После второго раза я Челнокову сказал, что больше он работать в «Гласности» не будет. И заменил его другим сотрудником. То, что началось после этого, подтвердило наши с Андреем предположения. Сперва Алексей уговаривал меня его не увольнять. Но я решения не менял. Потом его жена, с которой я не был знаком, начала мне звонить и просить не увольнять мужа. Все это было очень странно. Работа в «Гласности» совсем не была подарком: платили мы немного, работа по ночам достаточно утомительна. Алексей был хорошо образованным человеком и явно мог найти себе работу получше. К тому же он не принадлежал к диссидентскому миру, так что идейных соображений, заставлявших его работать именно в «Гласности», тоже не было. Поэтому чем больше меня уговаривали, тем менее я был склонен брать Челнокова назад. И действительно, уже месяца через полтора мы увидели в «Известиях» большой подвал, подписанный Алексеем Челноковым – спецкором «Известий». Потом он проник и в «Русскую мысль», а в конце концов плотно обосновался во вполне откровенных журналах КГБ «Страна и власть» и «Компромат».

Конечно, при сравнительно большом штате «Гласности» и фонда «Гласность» (в некоторые годы по тридцать-сорок человек), с нередкими, по разным причинам, увольнениями, в журнале, «ЕГ», а потом и в фонде появлялись и другие внедренные люди. Но я к этому относился спокойно, даже бухгалтерия у нас была совершенно открыта – все сотрудники знали, от кого и сколько мы получаем, а потому не жаловались, если были задержки в зарплате. Скрывать было абсолютно нечего, очень редко бывало так, чтобы кто-то подозрительный начинал серьезно вредить (хотя однажды в «ЕГ» это случилось, а потом повторилось уже при окончательном разгроме фонда), а главное – создавать свой «комитет» и выяснять, кто есть кто, было совершенно невозможно и неинтересно. Сил и времени с трудом хватало на ежедневную работу.

Тираж журнала пришлось вновь сократить до ста экземпляров, но объем его резко вырос: до четырехсот страниц в каждом номере. Статьи и интервью обо всем, что происходило в необъятном Советском Союзе, стекались в «Гласность», и эти материалы были только у нас. Украинская католическая церковь и Народный фронт Эстонии; начинавшаяся война в Карабахе, где погиб издатель армянского перевода «Гласности», и борьба за

свои права гагаузов; материалы о восстании в Новочеркасске Петра Сиуды – единственного отсидевшего «четвертак», но выжившего участника восстания (вскоре он странным образом будет убит); положение политзаключенных и проблемы вновь создаваемых общественных организаций; до пятнадцати очерков Мясникова из приемной «Гласности»[10] и в каждом номере – публикации воспоминаний и документов в разделе «Архив «Гласности». К тому же философские и публицистические статьи Григория Померанца (к примеру – сопоставление «Русофобии» Игоря Шафаревича и понимания судьбы России Георгием Федотовым), интервью Юрия Лотмана «История есть машина выработки разнообразия», статья «Дать взятку Госплану» Василия Селюнина. Под конец, в январе 1990 года, мы даже опубликовали телефонную книгу ЦК КПСС со всеми засекреченными номерами членов Политбюро и секретарей ЦК.

Психиатрия и попытка возбуждения уголовного дела

Одна из самых сложных проблем «Гласности» неожиданно оказалась связана с психиатрией. Поток людей иногда буквально штурмом бравших нашу приемную – мы-то принимали всех, но милиция периодически начинала разгонять посетителей, собравшихся у подъезда дома, где жил Кирилл Попов, или пыталась собирать подписи недовольных соседей (а они все очень гордились, что рядом с ними «Гласность»), – вдруг выявил для нас неожиданную и страшную особенность советской жизни: не только диссидентов помещали в психиатрические больницы (истории генерала Петра Григоренко, Наташи Горбаневской, Леонида Плюща, Владимира Буковского, Кирилла Попова были уже хорошо известны в мире), но десятки, а скорее сотни тысяч других, никому неизвестных людей, будучи вполне здоровыми, насильственно помещались на долгие годы, иногда на всю жизнь, в советские психиатрические больницы и даже в специально созданные «психиатрические зоны», то есть лагеря для людей, объявленных сумасшедшими. Там они были совершенно бесправны, с ними можно было делать все, что угодно – жалобы никем не рассматривались.

Скажем, если человек начинал жаловаться, что у него в квартире прорвало канализацию и все залито дерьмом, а при этом не хотел слушать разумных объяснений, что сантехник на весь город один и у него очередь на полгода, и вообще убирать дерьмо никто у него не обязан, если человек продолжал настаивать, да еще не дай бог начинал кричать – место в психушке ему обеспечено. Это был самый простой способ решения проблем. Для приемных райсоветов, горсоветов, облсоветов в прокуратурах всех уровней на дежурстве находилась (иногда прямо там, в специально выделенной комнате) бригада санитаров, которая подхватывала наиболее недовольных или шумных жалобщиков и тут же волокла их в спецмашину. Врачи-психиатры всегда, повторяю: всегда, послушно называли таких людей больными и устанавливали им «курс лечения». А дальше их судьба (часто трагическая) зависела от многих сложных обстоятельств, но уж никак не от их психического здоровья.

Чудовищное открытие журнала «Гласность», что в Советском Союзе бесспорными преступниками были не только несколько десятков психиатров, поставивших ложные или двусмысленные диагнозы нескольким десяткам политических противников

власти, но тысячи врачей, а их жертвами были едва ли не сотни тысяч человек – около миллиона было снято с необоснованного психиатрического надзора (умеренная цифра в сравнении с заключенными в лагерях и тюрьмах) – так поразило членов и Американской и Международной ассоциации психиатров и французских «Врачей без границ», что они начали присылать своих специалистов, чтобы провести амбулаторный прием людей, вырвавшихся из «психушек». «Гласность» это поставило в очень трудное положение. Во-первых, среди нас не было ни одного врача; во-вторых, приезжавшие врачи вынуждены были вести осмотр и опрос мнимых больных все в той же микроскопической квартирке Кирилла; в-третьих, нам не удавалось ни от одного профессионала получить помощь. Из тех, кто раньше занимался «карательной психиатрией» в СССР Анатолий Корягин уехал в Швейцарию; Александр Подрабинек делал вид, что все это его не касается; живший в Киеве Глузман возглавил украинскую Хельсинкскую группу и больше всего был озабочен тем, чтобы не ухудшить своих отношений с киевскими властями. В Москве Юрий Савенко создал Независимую психиатрическую ассоциацию (она замечательно работает до сих пор), но тогда она еще была мало известна в мире и все шли к нам. К тому же приходилось бороться с парой тут же созданных КГБ психиатрических ассоциаций, которые распространяли лживую информацию. Да еще Сквирский – бывший коллега Волохонского по СМОТу[11], а теперь, конечно, член «Демсоюза» тоже знал многих таких людей и направлял для освидетельствования в «Гласность», но при этом, как внезапно выяснилось, брал с них за это деньги.

И тут Билл Келлер – корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Москве, который перед моим освобождением написал целый разворот обо мне в газете, заказал мне от имени редакции статью о советской психиатрии. Конечно, не будучи специалистом, я не мог написать серьезную статью, к тому же среди десятков советских проблем, которыми «Гласности» приходилось заниматься, психиатрия не находилась на первом месте, но отказаться, не написать об этом было невозможно. К счастью, объем статьи был невелик, и вскоре я отдал Биллу четыре странички под жестким названием «Убийцы в белых халатах».

Статья вызвала довольно большой интерес, была перепечатана многими изданиями и распространена «Ассошиэйтед Пресс». В Париже она появилась в английской «Интернейшнл геральд трибьюн» и в «Либерасьон». Прошли месяц или полтора, и я был вызван в прокуратуру Кунцевского района, где мне объявили, что по заявлению академика Г. В. Морозова – директора института имени Сербского

(«Серпов»), которого я упоминал в статье, в отношении меня и газеты «Либерасьон» (по-видимому, как наиболее слабого противника) возбуждено уголовное дело о клевете.

Этого, конечно, можно было ожидать, но вот то, что выяснилось потом, повергало меня в совершенное изумление. Оказалось, что в перестроечном Советском Союзе я не могу найти ни одного адвоката, который бы осмелился меня защищать. При советской власти для сидящих в тюрьме диссидентов (в том числе и для меня) адвокаты находились, а в либеральную эпоху Горбачева их нет. Софья Васильевна Каллистратова, конечно, не отказалась бы, но она тяжело болела. Защищавший Алика Гинзбурга Борис Андреевич Золотухин, когда-то исключенный за это из коллегии адвокатов, к тому времени известный перестроечный деятель и даже депутат Верховного Совета, отказался категорически. Кто-то мне потом объяснил, что Борис Андреевич рассчитывает стать председателем коллегии адвокатов и понимает, что моя защита ему повредит. Не знаю, правда ли это. После довольно напряженных поисков Дина Каминская, жившая к тому времени в Нью-Йорке, предложила мне стать ее подзащитным. Я, конечно, согласился и был ей очень благодарен, но оставалось неясным, впустят ли ее в Советский Союз и допустят ли в качестве адвоката в советский суд.

Впрочем, до этого не дошло. Обсудив все с Келлером, я написал заявление о том, что статья мне заказана «Нью-Йорк Таймс», я не понимаю при чем тут «Либерасьон», и на следующий прием к прокурору пришел не только вместе с Биллом, но еще и с большой стопкой книг на разных языках, изданных в разных странах, о советской психиатрии и заслугах академика Морозова.

– У вас другая специальность и, возбуждая в отношении меня уголовное дело, вы, вероятно, не знали, что академик Морозов широко известен в мире, и, кроме моей статьи, упоминается по крайней мере в полутора десятках различных профессиональных исследований, – сказал я прокурору.

– Хорошо, я ознакомлюсь и подумаю, – сказал прокурор, а через неделю я получил письменное извещение, что дело прекращено, так как академик Морозов забрал свое заявление. Судиться с «Нью-Йорк Таймс» им явно не хотелось.

Первый опыт военного положения в СССР и наш арест в Армении

В восемьдесят седьмом году произошла первая из пяти или шести попыток со мной договориться. Очередной пришедший в «Гласность» посетитель сказал, что у подъезда стоят какие-то странные машины. Откуда они, было очевидно, и Ася Лащивер, которой нужно было куда-то торопиться, выпрыгнула в окно с другой стороны дома – квартира Кирилла была на первом этаже. Потом не выдержал один из посетителей – молодой человек, отсидевший срок по делу «социалистов», к которому все это явно не относилось. В окно мы увидели, что его тут же подхватили под руки. Спасать его пошла Нина Петровна Лисовская, но стало ясно, что ее тоже схватили. Делать было нечего и хотя мне очень не хотелось (я чувствовал, что выманивают меня) – пришлось идти выручать Нину Петровну. Как только я вышел, меня подхватили двое дюжих молодых людей, крепко ударили по затылку и посадили между собой на заднее сидение «жигулей».

Привезли в какой-то «опорный пункт» на Петровке, где два хорошо одетых молодых человека сказали, что хотели бы со мной поговорить. Я спросил:

– Кто вы?

– Ну, какое имеют значение наши имена. Считайте, что мы историки.

– Я не разговариваю с людьми, с которыми не знаком и которые меня к себе привозят насильно.

– Что вы, Сергей Иванович, вы же все понимаете и никуда не можете отсюда уйти.

– Ну что ж, о незаконном задержании завтра напишу в прокуратуру, а пока посплю – приходиться много работать, – завернувшись с головой в дубленку, улегся на деревянный топчан, на который меня посадили.

Около получаса сквозь дубленку слышал их уговоры:

– Как вы не понимаете, Сергей Иванович, что мы с вами делаем одно дело – партия поручила нашему комитету осуществлять демократизацию страны.

Я и впрямь начал засыпать. В конце концов уговоры прекратились. Часа через два (в допустимый по закону срок) меня выпустили. Я не собирался делать одно дело с Комитетом государственной безопасности.

И такие беседы велись по всей стране с лидерами повсюду возникавших демократических организаций – я написал об этом в

статье «КГБ развлекается или действует» во втором номере журнала «Гласность». При Чебрикове его сотрудники без всякого стеснения говорили о своей руководящей роли в процессе «перестройки».

Нечто гораздо более серьезное произошло с известным армянским диссидентом и моим другом Паруйром Айрикяном, героически проведшем двадцать пять лет в советских лагерях. Мы-то хорошо понимали, хотя никогда не говорили об этом, что не все сидели в тюрьмах и лагерях одинаково. Но Паруйр был бесспорным героем. Сразу по приезде его в Москву, поговорив с полчаса у меня дома, мы решили продолжить разговор во дворе и тут же увидели отъезжающую от моих окон «Чайку», утыканную антеннами радиопрослушки, которая нагло поехала прямо за нами. Мы как-то смогли от нее уйти по слишком узким для большой машины дворам, но дня через три вышел номер «Известий» с громадной, чуть не на целую полосу, статьей, нас обоих разоблачавшей и безоговорочно от имени всего советского народа осуждавшей. На следующий день Паруйр был арестован.

Лену Сиротенко – жену Паруйра к нему все же пускали, и вскоре стало ясно, что никакого обвинения ему предъявлять не собираются, с ним просто, используя лубянскую атмосферу, хотят договориться, как, возможно, договорились с другими национальными лидерами о том, чтобы сделать их на время даже президентами, но, конечно, ручными. Паруйр ни на какие договоренности с КГБ не шел, ни на запугивания, ни на самые заманчивые предложения не реагировал, неделя шла за неделей, и власти попадали во все более трудное положение. Ни убить, ни судить его при всемирной известности было невозможно. Выпустить с тем, что он тут же обо всех переговорах и предложениях расскажет – тоже, и скандал разрастался. Влиятельные армянские общины в США и Франции требовали вмешательства Конгресса, Национального собрания[12], видных политиков.

Ко мне приехал первый секретарь американского посольства и сказал, что советские власти обратились к послу для разрешения этой неприятной ситуации и якобы по желанию Паруйра Айрикяна просят разрешить ему въезд в США. Я ответил, что в Лефортово у Паруйра не был, что он сейчас думает – не знаю, но судя по тому, что слышал от него, эмигрировать он не хочет, хочет жить и строить новую жизнь в Армении. Думаю, не получив от него устной, а возможно, поддельной письменной, просьбы о въезде в США соглашаться на это не стоит – как можно соглашаться на насильственный ввоз в США человека, который

совершенно этого не желает. Выслать Айрикяна как Солженицына, договорившись, как генерал КГБ Кеворков с правительством ФРГ, в 1987 году было невозможно, да и Рональд Рейган был совершенно не похож на немецких социал-демократов. Но добиться от Паруйра, чтобы он сам попросил американцев о визе, ни правительственные чиновники, ни генералы КГБ не смогли.

Тем временем Москву с визитом посетил Рональд Рейган. Прием для диссидентов и обед были особенно многолюдными. Я все же не только для советских властей, но и для американцев был слишком неудобен и жёсток, поэтому для приветствия президенту были выбраны более покладистый и осторожный Сергей Ковалев и отец Глеб Якунин. Меня, по-видимому, в виде компенсации пригласили не только с женой, но и с двумя детьми. Тимоша сидел рядом с Колином Пауэллом – вероятно, это был первый в его четырнадцатилетней жизни живой афроамериканец, да еще такой большой, веселый, улыбающийся и к тому же – четырехзвездный американский генерал. После обеда президент еще и надписал Ане и Тимоше карточки, а поймавший меня в дверях с телевизионной камерой Генрих Боровик попытался спровоцировать вопросами об американских деньгах – впрочем, непрофессионально и безуспешно. Из сотни или даже полутораста приглашенных на обед к президенту США были двое детей Паруйра Айрикяна – я передал послу координаты Лены Сиротенко.

Попытки с ним договориться длились месяца полтора. Его готовы были сделать президентом Армении, тем более, что он был подлинным национальным героем, но с помощью КГБ. Именно это Айрикяну и не подходило. Освобождать его было постыдно, а ни одно из государств не давало согласия на незаконный насильственный ввоз неизвестно за что задержанного человека. В конце концов его в наручниках посадили в самолет и после долгого перелета Паруйр оказался в какой-то южной стране. Оказалось, что это Эфиопия, где никого не нужно было спрашивать. Привезли его в гостиницу в Аддис-Абебе и оставили с небольшим количеством денег. Въезд в СССР ему запретили.

В конце ноября восемьдесят восьмого года в Ереване комитет «Карабах», который после высылки Паруйра Айрикяна стал центром демократического и национального движения в Армении, планировал новые всенародные митинги. На предыдущих – небывалых по численности в Советском Союзе – до миллиона человек – я не только был, мы сделали сенсационные видеосъемки, показанные всеми крупнейшими телеканалами

мира. На новые митинги мы с Андреем тоже были приглашены, купили билеты на самолет, кажется, на час дня, а в девять утра я должен был прийти во французское посольство, где для нескольких диссидентов давал завтрак приехавший в Москву президент Франсуа Миттеран. Я сидел рядом с президентом, что-то говорил ему о несовпадении заявлений Горбачева и того, что происходит в стране, на что Миттеран ответил:

– Но это первый советский лидер, с которым можно разговаривать.

Возразить на это было нечего, к тому же, по моим представлениям того времени, Миттеран сам был слишком левый: социалист, в правительстве которого еще недавно было четыре коммуниста.

В Ереване мы с Андреем нашли в аэропорту Звартноц такси и поехали в Союз писателей, где размещался комитет «Карабах». Но по дороге, прямо на проспекте Ленина, нас остановил солдатский патруль, пересадил в военный ГАЗик и вскоре мы оказались сперва в помещении военной комендатуры, а потом – поскольку нам никто ничего не объяснял, никаких оснований для задержания не предъявил – оказались в штабе. Там, если не ошибаюсь, генерал Родионов объявил нам, что мы задержаны, так как въехали в расположение воинской части.

– Какой воинской части? – Мы были на проспекте Ленина…

– В Ереване с утра введено военное положение, и весь он является расположением воинской части. На время военного положения срок административного ареста увеличивается с пятнадцати до тридцати суток, и вы оба задержаны, – без суда и следствия заявил мне Родионов.

Им очень хотелось завладеть большой полупрофессиональной видеокамерой, с которой приехал Андрей, но мы ее не отдали, а военные не осмелились забрать ее силой. За ней по моей просьбе приехал самый известный тогда писатель Армении Грант Матевосян, у которого мы должны были остановиться, и камеру мы отдали ему.

К вечеру мы уже были в КПЗ в центре Еревана, кажется, на улице Карла Маркса. Все это казалось скорее забавным: завтракаю с президентом Франции, ужинаю в тюрьме. К тому же кто-то смог нас с Андреем сфотографировать, переслать фотографии на Запад, а как раз дней через пять Горбачев выступал в ООН, рассказывая о правах человека в СССР и наша фотография в ереванском КПЗ, попавшая, кажется, в «Нью-Йорк Таймс», стала подходящей иллюстрацией. «Гласность» в Армении была очень популярна, новость о нашем аресте распространилась мгновенно – и уже с утра к КПЗ приходили три-четыре женщины

и приносили для нас хаш, свежие овощи, сыр, горячий хлеб. Майор Карапетян – начальник КПЗ – в отчаянии говорил:

– Если я буду передавать вам еду, меня уволят. Если не буду передавать – никто дома со мной разговаривать не будет.

Все передавал и, кажется, действительно был уволен.

Президент Миттеран прислал не столько возмущенное, сколько удивленное личное письмо Горбачеву с вопросом: что происходит в СССР с диссидентами вообще, а с теми, с кем он в тот день завтракал, – в особенности?

Это была первая и сразу же из-за катастрофического землетрясения в Спитаке и Ленинакане забытая попытка введения военного положения в одной из столиц национальной республики Советского Союза, чтобы обуздать все расширявшееся и пугавшее и Кремль и Лубянку демократическое движение.

Одновременно выполнялась другая, более деликатная задача – конечно, силами КГБ, а не армии. Не только мы с Андреем, но и весь комитет «Карабах», руководивший митингами и возможными забастовками, был в тот день арестован. Но держали их не в КПЗ, а в ереванской тюрьме, в отдельных камерах. И, конечно, как до того с Паруйром Айрикяном в Лефортово, с ними вели доверительные беседы. Когда, как и нас, через месяц их выпустили, у нескольких тональность выступлений изменилась – было любопытно, каким разным по составу стал прежде довольно цельный комитет «Карабах». Естественно, ставшие более покладистым заняли ведущие посты в руководстве независимой Армении. А Паруйр, когда смог вернуться, остался лидером оппозиционной партии, хотя и менее преследуемой, чем в советские годы.

Дней через десять началось землетрясение в Спитаке и Ленинакане, страшнее которого столетия не знала Армения. Разрушились как карточные домики блочные сооружения советской поры, тысячи погибших, сотни тысяч раненных. Уж не знаю за что – по-видимому, за то, что кричали и плакали, в КПЗ попало нескольких женщин, с трудом выбравшихся из-под завалов. Ни успокоить их, ни даже смотреть на них, рыдавших дни напролет, было невозможно.

Между тем дня за три до окончания срока нам – в виде большого одолжения, конечно, – были предложены билеты на самолет, которые «достать так трудно», чтобы мы прямо из КПЗ улетели в Москву. Но мы с Андреем решили от одолжения отказаться и посмотреть, что делается в Ереване. Но теперь главным событием было чудовищное землетрясение. Все остальное отошло на второй план – демократические митинги,

военное положение, арест комитета «Карабах». Недоверие к Москве, Кремлю, советской власти было так велико, что самым распространенным было объяснение землетрясения как искусственно вызванной властями с помощью подземных взрывов геологической катастрофы.

С тем мы и вернулись в Москву накануне Нового года – в это время Тома с Тимошей и Аней получили не только приглашение приехать в Париж, но даже разрешение на выезд, и, естественно, откладывали его, меняли билеты, ожидая моего возвращения из Еревана. В результате Новый год они встречали в поезде, а в Париже выяснилось, что по ошибке, случайной или намеренной, во французском посольстве им была проставлена виза не обычная туристическая, а предусматривавшая дальнейшую просьбу Томы о постоянном месте жительства во Франции. Такая виза создавала определенные трудности для выезда из Франции до подачи просьбы, с которой Тома не собиралась обращаться. К тому же в ее советском заграничном паспорте не было странички для дополнительной визы, а ей необходимо было съездить в США. Пришлось с большими опасениями, взяв с собой для подстраховки Олю Иофе (у нее и ее мужа Валеры Прохорова, крестного отца Нюши, они остановились, а потом во время длительных своих приездов в Париж, чаще всего жил и я), идти в советское посольство. Но там их приняли очень радушно, вклеили в паспорт нужную страничку и как бы невзначай сказали:

– Если вы захотите задержаться во Франции, мы, конечно, поймем и это не вызовет возражений.

Ничего подобного ни один советский человек, попавший за границу, никогда не слышал. Думаю, таким образом меня опять пытались уговорить уехать из СССР: останется в Париже жена с детьми – переберусь туда и я.

Томе нужно было ехать в Нью-Йорк из-за ряда запланированных выступлений и довольно странной ситуации, возникшей по причине несколько легкомысленного доброжелательства Алика Гинзбурга. Зная, что в СССР, и в особенности у диссидентов, царит поголовная нищета, он подарил мне свой фотоаппарат, прислал для сотрудников «Гласности» и раздачи другим гору старой (но французской) одежды, купленной на рынке, коробку каких-то старых очков и постоянно повторял по телефону, что готов прислать любые лекарства, которые могут быть нужны. И, действительно, какие-то лекарства он присылал, причем цен никогда не называл, а мы совсем ничего в этом не понимали и были уверены, что он все может. Внезапно выяснилось, что даже не сотрудник «Гласности», не ее автор или посетитель, а мой юношеский близкий приятель в

Риге Леня Мещанинов умирает от врожденного порока сердца. Единственное, что может его спасти – искусственный клапан, которые уже появились на Западе, но в СССР их и близко не было. И я, получив от Алика заверения «да, да, пожалуйста» – думаю, он и сам толком не знал, о чем идет речь, – пообещал достать для Лени клапан. Но прошло недели две, оказии из Парижа приходили, а клапана не было. Я напоминал Алику – речь шла о жизни – он отвечал:

– Да, я помню, в следующий раз.

И так шли неделя за неделей. До последнего срока операции оставались считанные, может быть, еще не недели, но месяцы. Я ничего не мог понять, по-прежнему торопил Алика, и вдруг он признался: клапан – вещь очень дорогая, стоит четыре тысячи долларов. Ни он, ни «Русская мысль» купить его не могут. Но так как он пообещал и тем самым поставил меня в безвыходное положение, они с Ириной Алексеевной Иловайской, редактором «Русской мысли», попросили Солженицыных купить клапан. И Наталья Дмитриевна специально приехала в Нью-Йорк, чтобы отдать его Томе. Самое грустное в этой истории было то, что мы не знали главного: клапаны бывают разных размеров. Подаренный Солженицыными клапан случайно Лене подходил, но он, измученный ожиданием или по каким-то внутренним причинам, хотя еще оставалось недели две до крайнего срока операции и был в Вильнюсе хирург, который брался ее сделать, в последний момент от клапана отказался, подарил его другому больному и вскоре умер.

Побоище в Тбилиси и «Золотое перо свободы»

Вернувшись из Армении, я узнал о присуждении мне «Золотого пера свободы» – крупнейшей премии в области международной журналистики. Ее учредители – Ассоциация издателей газет (на самом деле – издатели и владельцы 95 % средств массовой информации в мире: все крупнейшие теле- и радиокомпании, агентства, журналы входят в эту ассоциацию). Присудить премию обязательно хотели кому-нибудь из русских журналистов. Другим кандидатом был редактор «Огонька» – самого либерального, но все же официального издания в Советском Союзе – Виталий Коротич. Мировые СМИ с большим уважением отнеслись к политзаключенному, чем к доверенному лицу советских властей; к редактору разгромленного журнала, чем к руководителю проправительственного издания. Но я отнесся к этому равнодушно (интерес к Советскому Союзу не переносил на себя), так же как и к тому, что оказался в 1988 году на четвертом месте в списке самых известных людей в мире (на первом месте был Горбачев) – и не только потому, что толком не понимал, что это такое и какие дает возможности. Но в западном общественном мнении я в третий раз оказался первым: первым известным им освобожденным из советской тюрьмы политзаключенным; первым издателем независимого преследуемого журнала во все еще страшном Советском Союзе, и теперь – первым из советских противников тоталитарного режима, приехавшим в это новое «горбачевское» время на Запад. Конечно, все это происходило и с Солженицыным, и с Гинзбургом, и с Буковским. Ненадолго успел приехать в США перед своей гибелью Андрей Сахаров. Но к тем, кто выбрался из СССР раньше, успели привыкнуть, да и вопросы к ним были совсем другие. Андрей Дмитриевич говорил мало и очень осторожно, консультировался с врачами по поводу болезни сердца и на ужине, устроенном в честь него в «Уолдорф-Астория» богатейшими людьми Америки, отказался принять их взносы для помощи демократии в Советском Союзе. В общем, несмотря на безумную известность и популярность – площадь в Нью-Йорке рядом со зданием ООН уже была названа его именем – скорее разочаровал западное общественное мнение, которое ждало от него, как и всегда, ясных и четких предложений и планов на будущее.

Впрочем, оказалось, что и я, первым проведший в странах

Западной Европы и США не неделю, а в 1989–1990-м почти целый год, тоже скорее разочаровал как многочисленных политических деятелей (вплоть до президентов и премьер-министров), так и западное общественное мнение. Причины были две и обе серьезные: в мире царила «горбомания», а я был, при всем сочувствии ко мне, лишь на четвертом месте и противостоять всему гигантскому пропагандистскому аппарату КГБ – ЦК КПСС с очень небольшим количеством союзников («Русская мысль» с Иловайской и Михаилом Геллером, Володя Буковский, в первый год – Радио Свобода) был не в состоянии. Все мы (а сюда нужно прибавить и немало американских и европейских общественных деятелей – Алена Безансона, Питера Реддуэя, Жана-Франсуа Ревеля) не испытывали доверия к официальной советской пропаганде, констатировали очевидные нестыковки в рекламе перестройки, но у нас не было ни бесспорного понимания процессов, идущих в руководстве Кремля и Лубянки, ни альтернативного плана действий.

Ничего не понимали и многочисленные идеалисты, восторженно относившиеся к самоотверженности диссидентов, искренне радовавшиеся нашему освобождению и полагавшие, что Сахаров, я, Буковский и другие тут же, подобно Нельсону Манделе, освобожденному из тюрьмы примерно в это же время, станем новыми руководителями Советского Союза. Объяснить, что между нами и Нельсоном Манделой (а как мне в ООН пытались устроить с ним встречу!) нет ничего общего, что наше освобождение – пропагандистский трюк КГБ и Политбюро и никто власть нам отдавать не собирается, хорошо уже то, что не всех убивают, – было совершенно невозможно. Конечно, я не понимал тогда, чем все это кончится и просто делал, что мог для того, чтобы демократия победила, чтобы не попиралось человеческое достоинство (в том числе мое собственное), но борьба с «Гласностью», с реальной, а не на уровне болтовни, демократией в СССР, ежедневно доказывала, что от идиллии мы бесконечно далеки. Но людям хочется верить в добро и все, что я говорил, вызывало неудовольствие, а иногда и недоверие собеседников – ведь почти все повторяли, что в СССР вот-вот наступят подлинная свобода и рай на земле. На встречи с президентами и госсекретарями, министрами и премьер-министрами я ездил (или меня возили) со скукой и плохо скрываемым раздражением. Я повторял: «Вы слышите слова Горбачева, а мы видим его дела». Мне отвечали: «Но вы должны благодарить его за то, что он освободил вас из тюрьмы». Я отвечал: «Он сделал это для себя, а не для меня». Позже один из знаменитых итальянских издателей, герой Сопротивления, президент Ассоциации издателей

рассказывал мне, что у Горбачева руки тряслись, когда он слышал мое имя. Чаще всего со мной из любезности никто почти не спорил. Но и никакой пользы, никаких заметных перемен в понимании того, что происходило в Советском Союзе, эти встречи не приносили. Впрочем, ста миллиардов долларов, которые выпрашивал на Западе Горбачев для сохранения своей власти, он так и не получил, вероятно, и в результате того, что рассказывал на Западе о реальном положении в СССР я.

Впрочем, на многочисленных встречах бывали и совсем другие, гораздо менее идеалистически настроенные люди, многие из которых (иногда и русские) считали, что чем хуже в России – тем лучше, в частности, для стран, в которых они живут. И пытались видеть во мне союзника в их работе за процветание этих стран. Да и почему, собственно, сенаторы и правительственные чиновники должны думать об интересах России и русского народа, а не о своих странах и своих избирателях? Другое дело, что и с ними у меня не находилось общих позиций. Бывали, конечно, и замечательные исключения. Премьер-министр Франции умнейший Мишель Рокар не только демонстративно пригласил меня на обед в Матиньонский дворец (резиденцию премьер-министра) в тот самый день, когда Миттеран пригласил на обед приехавшего во Францию Горбачева в Елисейский дворец, но в долгом разговоре Рокар проявил подлинную озабоченность тем, что в действительности происходит в Советском Союзе. Несовпадения пропаганды и действительности для премьер-министра дополнялись судорожной активностью французской коммунистической партии и всех многочисленных контролируемых ею и КГБ коммерческих структур. Говорить со мной, посторонним, достаточно подробно он, конечно, не мог, да и я был неспособен тогда сказать что-то конкретное.

Главным событием весны восемьдесят девятого года было кровавое побоище в Тбилиси. Оно совсем не было похоже на то, что произошло в Ереване. В Армении была локальная задача – предупредить миллионный народный митинг, который мог привести к появлению не только гигантских, охватывающих почти все население республики (в Ереване уже на первый митинг съезжалось множество людей даже из горных городков и поселков), но и параллельных, не контролируемых пока из Москвы демократических органов власти. Это была совсем маленькая республика и подавление демократического движения было местной задачей.

Трагедия в Тбилиси (и все связанное с ней) уже не была исключительно местной проблемой и скорее напоминала по масштабу московский путч августа 1991 года. Всю зиму Чебриков,

Крючков и его агентура в Верховном Совете СССР, напуганные взрывообразным ростом демократического движения, появлением не спланированного на Лубянке и захватывавшего всю страну движения «Демократическая Россия», стремительным ростом близкого всей интеллигенции движения «Мемориал», все более растущего и внутри страны и за рубежом влияния «Гласности», к которой и вовсе у КГБ не было реальных подходов, настаивали сперва на введении военного положения в СССР, но смогли провести лишь указ об усилении ответственности за антигосударственные действия, который появился 8 апреля, как раз накануне убийств в Тбилиси. Главный пункт этого указа (о ведении комендантского часа) был тут же отменен Верховным Советом. Но и для того, что было принято (совместное патрулирование силами МВД и военных) не было совершенно никаких оснований – провоцирующие выходки Новодворской с ее «Демсоюзом» всерьез принимать было нельзя, хотя им и создавали необычайную рекламу. Серьезную провокацию в Москве при бесспорно политизированном и бдительном населении устроить было невозможно.

Как происходила подготовка к зверскому избиению людей в Тбилиси (с до сих пор до конца не установленным числом погибших) мы не знаем. Архивы Лубянки никто не видел, архив тбилисского КГБ – тоже, предусмотрительный Звиад Гамсахурдиа сжег его в первый же день своего прихода к власти. Вскоре стало ясно, что Звиад был не единственным управляемым человеком в Грузии, а рыцарственный и ясный Мераб Костава как-то очень быстро и странно погиб.

Из воспоминаний о начале 1989 года премьер-министра СССР Николая Рыжкова и второго секретаря ЦК КПСС Егора Лигачева видно, что советское руководство в это время больше всего озабочено внезапной антиправительственной активностью в Верховном Совете еще недавно абсолютно преданных советской власти Юрия Афанасьева (партийного чиновника, руководителя Всесоюзной пионерской организации, не раз выполнявшего во Франции не вполне ясные поручения), Гавриила Попова (абсолютно надежного советского экономиста, заведующего кафедрой в Московском университете), Анатолия Собчака (правоверного юриста, даже вступившего в КПСС летом 1988 года) и нескольких других. Соединяясь с внезапно образовавшимися повсюду Народными фронтами, которые по преимуществу были не столько националистическими, сколько открыто сепаратистскими, они внезапно стали серьезной угрозой не только единству СССР, но и работе экономического механизма. Законы о кооперативах, совместных предприятиях и резкое

снижение государственного заказа в промышленности (при сохранении государственных цен во всех добывающих отраслях) привели к гигантскому по тем временам обогащению наиболее предприимчивых директоров, создавших кооперативы на своих и за счет своих предприятий, к массовой спекуляции и диспропорции цен, приведших, в частности, к шахтерским забастовкам, то есть к резко возросшему социально-экономическому недовольству народа и окончательному вымыванию из торговли продуктов массового спроса благодаря заметно выросшей массе наличных денег.

При этом и Лигачев и Рыжков словно бы совершенно не замечают, во всяком случае не пишут, как умело пользовались этими столь полезными для них законами образовавшийся симбиоз из сотрудников МИД» а, где было создано специальное «внешнеторговое объединение», КГБ, ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС с новым Международным отделом, занятым исключительно финансовыми операциями.

На фоне этого партийно-директорского грабежа, внезапной активности политической жизни и раскручивающейся рекламной компании Ельцина (к нему я еще вернусь) начались массовые митинги в Тбилиси. На первый взгляд митинги эти не должны были среди всего, что происходило в стране, вызывать особенное волнение и даже интерес: во-первых, они были в десятки раз менее многолюдными, чем в Ереване, да и тридцать тысяч человек собирались на них в специально отведенном месте – на городском ипподроме. Даже когда они переместились к Дому правительства, число митингующих сократилось до восьми (во время избиения) – пятнадцати тысяч человек. К тому же митинги в основном были посвящены опасности отделения Абхазии, но после того, как Адлейба, провозгласивший стремление Абхазии стать равноправной республикой СССР, при этом первый секретарь ЦК этой автономной республики в составе Грузинской ССР, подал в отставку и положение нормализовалось, число митингующих в несколько раз сократилось и с ними вполне можно было договориться или не обращать на них внимания.

И тут произошли странные и страшные события, давшие возможность для различных толкований, но тем не менее вполне очевидные.

Начнем с тбилисского руководства. В 1991 году в одном из интервью (газета «Известия» 14 сентября) первый секретарь ЦК Грузии Джумбер Патиашвили достаточно откровенно обо всем рассказал. 5 апреля в Тбилиси приехали трое уполномоченных представителей ЦК КПСС, один из которых был близок к Чебрикову: Вячеслав Михайлов и Алексей Селиванов. После этого

прибыл наделенный чрезвычайными полномочиями первый заместитель министра обороны СССР К. А. Кочетов.

– Нам не хватало тогда мужества прямо спросить, кто ему эти полномочия предоставил, – говорит Патиашвили.

После чего в Москву полетели противоречащие друг другу телеграммы, причем, как утверждает Патиашвили, данные ему только для подписи и составленные вторым секретарем ЦК Грузии Борисом Никольским (тоже очень любопытная фигура, позднее – заместитель мэра Москвы Лужкова и очень устроенный человек в администрации Ельцина) и сотрудниками КГБ («мы получали всю информацию по линии КГБ, что было главной нашей ошибкой», – сетует Патиашвили). Но именно такие телеграммы из Тбилиси были нужны в Москве.

Первая из оглашенных Лукьяновым на заседании Верховного совета была написана Патиашвили (как он утверждает, под диктовку) еще в ноябре 1988 года. Телеграмма с просьбой ввести военное положение, хотя речь шла всего лишь о разрешенном властями митинге. Московские власти вполне адекватно на эту телеграмму реагируют: вместо введения военного положения Горбачев обращается с успокоительным заявлением к грузинскому народу, и все успокаивается.

Но в начале апреля митинг переместился к Дому правительства, несколько десятков студентов объявили голодовку и лежали на ступеньках. К трем часам ночи (избиение началось в четыре) и до одиннадцати утра на площади оставались только они да несколько сот помогающих им женщин и сочувствующих. Так, без особых изменений, продолжалось с пятого по девятое апреля.

Лукьянов огласил паническую телеграмму Патиашвили от 7 апреля, в которой тот сообщает чуть ли не о восстании и попытках захвата правительственных зданий.

Горбачев и Шеварднадзе в эти дни были за границей, вмешаться не могли и, по-видимому, это не случайное совпадение. Так или иначе, в Тбилиси был отправлен первый заместитель министра обороны СССР и три высокопоставленных сотрудника ЦК КПСС. Вполне очевидно, что план был, но нужна верховная санкция.

На воспоминания Егора Лигачева, влиятельного в это время второго секретаря ЦК КПСС, не во всем можно полагаться, но в данном случае нет оснований подвергать их сомнению. Курируя сельское хозяйство, рано утром 7 апреля он вернулся из поездки в Москву, днем сел писать отчет о поездке, чтобы с 8 апреля уйти в отпуск.

Внезапно позвонил Чебриков и настоятельно потребовал в

связи с событиями в Тбилиси срочно собрать членов Политбюро, Лигачев пытался отнекиваться, говорил, что не в курсе дела и вообще это не его сфера ответственности, но Чебриков настаивал, а в ЦК КПСС привыкли слушаться КГБ, и Лигачев сдался, поручил обзвонить нескольких членов Политбюро. Тут же ему позвонил министр обороны Язов – он уже все знает. Но не говорит, что два дня назад отправил своего первого заместителя в Тбилиси. Лигачев не понимал, что выбран своими друзьями Чебриковым и Крючковым козлом отпущения и останется им до конца жизни. Чебриков огласил панические телеграммы из Тбилиси, они принимают половинчатое решение, казалось бы, никого ни к чему не обязывающее, к тому же без визы Горбачева, который вечером должен вернуться в Москву, и, казалось бы, нужно подождать всего несколько часов. Однако начальник Генерального штаба генерал М. Моисеев от имени министра обороны издает секретную директиву, поражающую своей избыточностью:

– 328 парашютно-десантный полк ВДВ перебазировать своим ходом к 8 апреля в г. Тбилиси;

– привести в полную боевую готовность 171 учебно-мотострелковую дивизию; а также Тбилисское высшее артиллерийское училище и 21-ю ОДШБР (отдельная десантно-штурмовая бригада).

В дополнение к этому в Тбилиси отправлены курсанты высших милицейских школ из Горького, Воронежа, и Новосибирска, взвод химических войск, вооруженный не только «Черемухой», но и боевым (запрещенным к применению во всем мире) газом «Си-Эс» (по военной классификации «К-71»), и наконец, по утверждению Патиашвили, «войска КГБ, о которых было доложено на Совете обороны, но потом они ни разу нигде не упоминались и сразу же после трагедии исчезли в неизвестном направлении».

И все это против нескольких тысяч мирных жителей, голодающих и оставшихся на ночь, чтобы им помочь, женщин.

Вечером в Москву возвращаются Горбачев и Шеварднадзе, их в аэропорту Шереметьево информируют о беспорядках в Тбилиси, но не сообщают о том, что громадные для такого случая воинские соединения, части МВД и КГБ приведены в боевую готовность. Тем не менее Горбачев поручает Шеварднадзе и Георгию Разумовскому вылететь в Тбилиси и успокоить население. Но уже поздний вечер, только что прилетевший Шеварднадзе откладывает новую поездку до утра. И восьмого апреля выехать еще не поздно, да и самолет наготове.

Но тут в Москве получают очень удобную, видимо, полностью продиктованную Патиашвили телеграмму – в Тбилиси все

нормализовалось, то есть причины для приезда Шеварднадзе нет. Горбачев отдыхает, новое заседание Политбюро 8 апреля тайно проводит сам Чебриков – о нем нет никаких сведений. Формально это заседание вполне успокоительное – его цель не дать никому вмешаться в уже подготовленную трагедию. Егора Лигачева в Москве нет, он, как и предполагал, восьмого апреля с утра уехал в отпуск. Но в Политбюро кем-то совсем другим работа ведется – именно 8 апреля появляется Указ об усилении ответственности за антиправительственные действия, подготовленный, конечно, заранее, по-видимому, одновременно с планом избиения в Тбилиси. Командующий Закавказским военным округом генерал Родионов пытается сопротивляться применению войск против мирного населения. Но в Тбилиси его прямой начальник – первый заместитель министра обороны. Родионов получает приказ начальника Генштаба о том, что он назначается главным в карательной операции, к тому же все подкреплено решением ЦК КПСС, правда, Грузии, но приехавшие для этого представители ЦК из Москвы успешно его «дожимают». Родионов сдается и принимает на себя командование избиением. Готовит казармы для ночной переброски парашютно-десантного полка из Кировакана и мотострелковый дивизии им. Дзержинского. После чего, как сообщают в те дни только журнал «Гласность» и бюллетень «Ежедневная гласность» (статью Юрия Роста, случайно оказавшегося в те дни в Тбилиси, Юрий Изюмов снимает из либеральной «Литературной газеты») в 3:45 воинская часть (по-видимому, это и есть таинственное соединение КГБ), прилетевшая на двух самолетах, доставлена на пятнадцати автобусах в казармы 8-го полка. Получив саперные лопатки, щиты, боевые отравляющие вещества (Собчак упоминает о взводе «химических войск»), противогазы и индивидуальные комплекты антидотов (одна из этих оранжевых коробочек, привезенная тогда из Тбилиси, до сих пор у меня хранится) военные начинают избиение мирных жителей и распыление боевых отравляющих веществ (газа «Си-Эс»).

Через два часа – в шесть утра – основная группа карателей по команде из мегафона выстроилась в колонну и ушла с проспекта Руставели, оставив площадь, заполненную трупами, тяжело раненными и отравленными. Через полчаса самолеты вылетели из Тбилиси.

В 1998 году в Минске была издана книга, которая называлась – «Подготовка разведчика системы спецназа ГРУ», процитирую из нее только одно предложение: «Хорошо заточенным лезвием лопаты легко можно перерезать горло, развалить надвое череп, отделить пальцы от руки, а сильным тычком в живот сделать

противнику харакири. Участники митингов в Тбилиси в апреле 1989 года запомнили боевые свойства лопатки на всю оставшуюся жизнь».

Те, кто выжил, конечно.

Несмотря на непрекращающееся вранье свободных советских журналистов эпохи перестройки о том, что толпа и провокаторы-экстремисты задавили несколько человек, но ничего особенного в Тбилиси не произошло, от Верховного Совета скрыть правду невозможно: депутат академик Тамаз Гамкрелидзе со слезами рассказывает о том, что случилось, не понимая ни причин, ни смысла, ни масштаба трагедии.

За ним выступил генерал Родионов, который, не очень жалея погибших, с откровенным пренебрежением относясь ко всем прямым и косвенным участникам трагедии от демократов до партийного руководства, сказал вещь вполне правдивую и очень важную (к сожалению, не каясь в собственном участии): трагедия в Тбилиси была провокацией против советской армии.

Вероятно, Родионов понимал, кем она была организована, но так же как в Тбилиси не был способен категорически отказаться от руководства бойней, в Москве (как и Лигачев) не был способен все сказать до конца.

Никто, кстати говоря, не упомянул о том, что это была акция запугивания во всесоюзном масштабе – не только в Тбилиси, но и в Таллине, Риге и Ташкенте в этот день в небе барражировали военные самолеты и вертолеты, по улицам прошли (а в Таллине и остались на центральной площади) танковые колонны.

Естественно, тут же начали создавать комиссию Верховного Совета для расследования зверского побоища в Тбилиси. Как рассказывал мне позже Александр Яковлев, Крючков – пока еще первый заместитель Чебрикова, но уже главный перестройщик – настаивал на том, чтобы комиссию возглавил Собчак. И ему это удалось. Сперва был предложен состав комиссии под руководством председателя Союза писателей Владимира Карпова и с участием Андрея Сахарова. Но потом кандидатура Карпова была отклонена, так как он генерал в отставке. Появился новый состав комиссии теперь уже с Собчаком (но без Сахарова) и, кстати говоря, с двумя генералами.

Собчак блестяще справился с поставленной перед ним Крючковым задачей. В его выступлениях, в написанной им книге «Тбилисский излом», а главное, в успешно созданном им общественном мнении была скрыта руководящая роль Чебрикова и Комитета государственной безопасности СССР в тщательно спланированной и с привычной для преступной организации жестокостью проведенной карательной провокации. Зато умело

были нанесены мощные и никогда не изгладившиеся удары по трем основным противникам КГБ:

– по правящему партийному аппарату – в качестве главного виновника был успешно избран ничего не понимавший и оказавшийся на несколько часов в Москве Егор Лигачев;

– по кадровой советской армии (в КГБ не забыли, как в 1953 году Георгий Жуков ввел танки в Москву, после чего Хрущев на много лет свел влияние КГБ в к минимуму, а кое-кого из убийц и расстрелял) и

– по демократическому движению.

В маленькой Грузии все необходимые перемены были осуществлены: выдвинут в первые лица «покаянец» Звиад Гамсахурдия, Мераб Костава быстро погиб, других лидеров демократического движения сперва ненадолго арестовали, а когда к власти пришел Гамсахурдия, все они получили серьезные лагерные сроки. Впрочем, уже в 1990 году, приехав в Тбилиси, наивный Полторанин возмущался: куда ни приду, о чем не попрошу – говорят, надо обращаться к Гамсахурдия. Еще жив Советский Союз, но первый секретарь ЦК Грузии Патиашвили уже номинальная фигура. В Москве же благодаря «расследованию тбилисского дела» Анатолия Собчака удалось выдвинуть в число самых известных демократических лидеров.

И все это было прямой заслугой председателя Комитета государственной безопасности СССР. Плотно окруженный кольцом сотрудников КГБ (среди которых Путин занимал не последнее место), мало кому известный, приехавший в Ленинград из провинции (что очень удобно – почти нет опоры в городе, кроме КГБ) университетский юрист вдруг оказывается в состоянии проводить десятитысячные митинги, побеждает всех и на выборах мэра Ленинграда, и на выборах в Верховный Совет. Начался период завоевания всесоюзной известности. Крючков, как мне передавали, регулярно подбрасывал ему разоблачительные и критические материалы, Горбачев и Лукьянов послушно предоставляли ему слово в то время как премьер-министр СССР Николай Рыжков вспоминает, что ему не давали слова, чтобы ответить на обвинения Собчака. Ошеломляюще демократический Собчак, который до этого не был членом КПСС, тайком вступает в партию в июне 1988 года. Естественно, только ему можно доверить расследование тбилисского побоища. Все, что может, он скрывает, но под необычайно бравурной демократической риторикой. Все очень довольны, и популярность Собчака возносится до небес.

Побоище в Тбилиси было первой кровавой провокацией,

проложившей КГБ дорогу к полной и бесконтрольной власти в стране. Тогда были впервые явно обозначены противники: демократическое движение, армия и партийно-государственный аппарат (причем наивный Егор Лигачев стал на много лет главной мишенью издевок хорошо подготовленной демократической общественности. У Лигачева в глазах Чебрикова и Крючкова был важный недостаток: с большим опозданием он вдруг понял, что серьезно ошибся с Ельциными начал его критиковать). Наиболее понятливые смогли догадаться тогда, что КГБ не остановится ни перед чем и на все готов, и что у него множество механизмов для осуществления своих планов.

Для меня трагедия в Тбилиси имела большое личное значение. Как мне говорили, ОБСЕ и Госдепартамент США совместными усилиями добились разрешения от советских властей на мой выезд для вручения «Золотого пера свободы», которое должно было состояться на ежегодной сессии издателей в Нью-Орлеане. Условием было, что я поеду только по частному приглашению и только в Италию. К тому времени, когда это разрешение мне было дано (в Италии Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти без труда нашла даму, приславшую мне приглашение), билетов на самолет в Рим уже не было. Поэтому мне заказали билет в Белград, откуда через сутки я должен был лететь в Рим, из Рима через сутки – в Париж, из Парижа – в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Новый Орлеан.

Перед отъездом меня успели пригласить, кажется, в Кунцевскую прокуратуру. Мы, уже привыкшие ко всему, пришли туда с Андреем Шилковым, причем он был с большой видеокамерой, очень не понравившейся прокурору. Мне было предъявлено очередное (третье за два года после выхода из тюрьмы) уголовное дело. На этот раз речь шла все о той же статье в «Нью-Йорк Таймс», но обвиняла теперь меня некая женщина, которая утверждала, что она сумасшедшая, а я в статье назвал ее здоровой. Было множество свидетелей, экспертиз – четыре пухлых тома, но при всем том было очевидно, что это несколько месяцев готовившееся (пока шли уговоры выпустить меня для получения премии) элементарное запугивание.

– Если вы думаете, что я не вернусь, вы ошибаетесь, – сказал я прокурору.

– В каждом городе, где вы будете, вы обязаны отмечаться в советском посольстве, – забыв об уголовном деле, ответил прокурор. Делать этого я, конечно, не собирался, но не видел никакой нужды ему это объяснять.

В Белграде меня поразили скульптуры у входа в парламент

(это были не укротители коней, а кони как символ неукрощенной балканской стихии, подмявшие под себя беспомощных возниц), изобилие товаров и продуктов в сравнении с нищей Москвой и вечернее собрание, куда меня пригласили и где с большой тревогой говорилось о совершенно мне тогда непонятных проблемах Косово и албанцев.

В сияющем Риме заботливый и глубоко интеллигентный иезуит дон Серджо поселил меня на сутки в гостинице святой Анны за стеной Ватикана и, узнав, что больше всего мне хотелось бы увидеть его коллекции, предупредил, что придется вставать очень рано. Мы пришли за час до открытия музея с тем, чтобы войти в числе первых, а потом обогнали всех и оказались единственными в небольшой капелле Никколино с фресками Фра Беато Анджелико. Ангельские лики глядели на нас со всех сторон, и такая атмосфера чистоты и святости была в этом небольшом пространстве, что вся жизнь, и прошлая и будущая, казалась светлой и ясной. Конечно, мы бы просто не вошли в крохотную капеллу и ничего бы не почувствовали, если бы не предусмотрительность дона Серджо. И то, что потом в моей коллекции появилось «Благовещение» Фра Беато Анджелико, я не могу считать случайностью. Такие картины, такие вещи сами выбирают себе хранителей.

Но это были лишь несколько дней отдыха. В Париже началась не предусмотренная мной и очень серьезная борьба. Была назначена пресс-конференция в парижском Доме печати. Интерес к Советскому Союзу был огромен, ко мне и к «Золотому перу свободы» – тоже немалый. Зал был переполнен журналистами, стояли в дверях и проходах, чего в спокойном Париже почти не увидеть. Арина Гинзбург потом сказала мне, что на лучшей пресс-конференции она не бывала – так энергично и отчаянно я сопротивлялся. И все же с практической точки зрения можно было сказать, что я сорвал и пресс-конференцию, и собственный успех.

Я почти сразу заговорил о Тбилиси. О саперных лопатках, которыми убивали и калечили мирных жителей, о боевых отравляющих веществах, примененных войсками, о рассчитанности и спланированности этого побоища в сравнительно спокойном городе, о вводе войск в другие столицы союзных республик и вероятности введения военного положения в стране. На следующее же утро было распространено заявление министра обороны СССР Язова, который, не упоминая моей фамилии, утверждал, что только враги перестройки и обновления в СССР могут повторять подобную клевету, что не было ни убитых, ни саперных лопаток, ни боевых отравляющих веществ –

солдатами была использована только «Черемуха», легкий слезоточивый газ, во всем мире применяемый полицией.

На основании только моих рассказов и пресс-конференции никто из журналистов и политиков не мог, не хотел менять свое представление о том, что на самом деле происходит в Советском Союзе и что просто не укладывалось в их сознание. И как бы убедительно я не говорил, как бы четко не отвечал на многочисленные вопросы, я не был способен переломить идеалистическое представление о советском руководстве (да к тому же и сам до конца не понимая, что происходит в Кремле), которое царило тогда на Западе. Все, что я говорил, не просто чудовищным образом противоречило официальным (Горбачева и Язова) заявлениям, но, главное, разрушало ту легенду о перестройке, которая сложилась в Европе и США; противостояло не только просоветской пропаганде, но и мечтам множества достойных людей о свободной теперь России.

В результате большинство журналистов решило не писать о пресс-конференции или написать очень кратко и невнятно, хотя о лауреате «Золотого пера свободы» да еще и с моей судьбой, да еще из России, как они сами потом говорили, им хотелось написать гораздо подробнее и обстоятельнее. Естественно, и о трагедии в Тбилиси было написано и показано телекомпаниями очень немногое.

Через несколько дней все это повторилось в переполненном пресс-клубе Нью-Йорка. Я знал, что говорю правду (а главное, об этом было необходимо рассказать!) и не желал даже думать, несмотря на парижский опыт, о том, что можно слегка смягчить свои рассказы, похвалить Горбачева как искреннего либерала и демократа и тогда мне самому успех обеспечен и потом когда-нибудь, может быть, удастся кого-то в чем-то убедить. К тому же была и реальная слабость в том, что я говорил: опровергнуть нашу информацию было невозможно, но и проверить тоже нельзя. Во все еще наглухо закрытый для иностранцев Тбилиси никакие корреспонденты по-прежнему не допускались, а вся официальная пропаганда, а с ней Горбачев и Язов повторяли, что все это клевета. К тому же нужно было рассказывать не только о том, что произошло, но и объяснять почему, с какой целью эти преступления были совершены.

Выдвинутый и поставленный КГБ СССР на пост генерального секретаря ЦК КПСС Михаил Горбачев, первоначально осуществлявший разработанный в КГБ (еще А. Н. Шелепиным) план внешних демократических перемен в отношении всей Европы, с большой агрессивной составляющей, оказался вынужден серьезно заниматься внутриэкономическими

проблемами, на них наслоились бесконтрольно разросшиеся возможности и требования демократического движения и его противостояние консервативной части советского партийного аппарата. Горбачев лавировал, лукавил, менялся и искал выход из все новых противоречий и, кажется, действительно в некоторых случаях пытался избежать кровопролития.

В КГБ тоже все менялось: сперва Чебриков приводил к власти Горбачева. Для создания ему демократического имиджа выпускал из тюрем политзаключенных, сохраняя контроль за ними и громя «Гласность». Потом на смену ему пришел «главный сторонник многопартийности в стране» (как с запоздалой иронией говорил мне Яковлев) Крючков. Именно Яковлев его порекомендовал и привел к власти. Создание новых партий и «независимых» СМИ пошло полным ходом, но выяснилось, что подлинное демократическое движение контролировать не удается, что Горбачев на это не способен, да и не стремится к этому. Стало ясно, что у КГБ должен быть собственный план действий.

Все это даже сейчас в своей сложной динамике мало кем понимается, но тогда этого не понимал почти никто. Мы знали немного больше других благодаря гигантской подлинно народной информационной службе, мы понимали чуть больше других, поскольку с «Гласностью» велась непрерывная борьба, а противника волей-неволей узнаешь и понимаешь лучше, и все же происходящее в Кремле и на Лубянке было строго засекречено, видно, да и то не полностью, только «своим». Там шла подковерная борьба, а жертвы все чаще были с нашей стороны. Но мы все еще считали, что правительство и КГБ едины. И могли только повторять, проверив это на собственной шкуре и зная, что делается в стране: «Вы слушаете разговоры Горбачева, а мы видим его дела».

В Нью-Орлеане я совершил серьезную ошибку. После фильма обо мне и церемонии в каком-то большом зале, где хор негритянских монахинь пел спиричуэлс, после торжественного ужина в Лос-Анджелесском музее владелец агентства «Рейтер», кажется, лорд Томсон, который в тот год председательствовал в ассоциации, сказал мне, что на следующий вечер уже небольшая группа устраивает для меня в ресторане ужин. Но моя переводчица Люся Торн сказала:

– Ну что нам там сидеть со стариками, вечером собирается молодая компания, и мы пойдем к ним.

Я не был убежден в том, что Люся права, хотя и не вполне понимал разницу между этими двумя вечерами, но без нее я был практически беспомощен. В тюрьмах я не был среди тех, кто

стремился бежать из СССР, возможность какой бы то ни было общественной деятельности мне и в голову не приходила – скорее я думал, что умру в тюрьме, и поэтому, хотя пару раз принимался за английский, но бесконечные карцеры и голодовки отнимали так много сил, что толку от этого было мало. На воле я уже понимал, что английский нужен, просил жену мне помочь, но поток людей, шедших за помощью в «Гласность», бесконечные интервью и судорожные усилия удержать журнал на плаву в открыто враждебной среде не оставляли ни сил, ни времени. Помню, как однажды я в девять утра зажарил себе яичницу, начал есть, но кто-то позвонил, пришел, опять позвонил, опять пришел, и я смог доесть засохший и отвратительный блин только в четыре часа дня. Даже узнав о присуждении премии, я не понял, что это такое и какие возможности открывает, некому было мне это объяснить. Но, конечно, дело было не только в английском. Я научился правильно и жестко вести себя в тюрьме, но никогда не учился, да и не очень хотел учиться сложному и двусмысленному искусству политики. А главное – не понимал, в каком исключительном положении в Европе и США я оказался.

Конечно, «Золотое перо свободы» не было Нобелевской премией, но это была первая и единственная известная премия, полученная диссидентом во время поразительных перемен в Советском Союзе, к тому же она открывала почти безграничные возможности в средствах массовой информации во всем мире, возможности реального влияния как на западные правительства, так и опосредствованно – на положение в Советском Союзе. Но я этого действительно не понимал и, естественно, не использовал. Даже свое краткое выступление написал в последний день уже в Нью-Джерси, внезапно сообразив, что мне ведь придется что-то сказать на церемонии.

Вечер с молодежью прошел забавно, но бессмысленно, утром за завтраком лорд Томсон сказал мне, не скрывая обиды:

– Я понимаю, дело молодое, но вообще-то мы собрались, чтобы подумать, чем можно помочь «Гласности».

Владельцы «Нью-Йорк Таймс», концерна «Times», ABC, NBC, «Рейтер» и «Монд», десяток других столь же состоятельных и опытных людей все вместе, не поодиночке, как было потом, хотели помочь «Гласности», а на самом деле – демократии в Советском Союзе, но я к ним не пришел. Это была первая из серьезных упущенных мной возможностей. Конечно, такой ужин больше никогда не повторился. Если я не понимал, кто и какую хочет оказать помощь, значит, я ее и не стоил[13].

Гибель Андрея Дмитриевича Сахарова

Главным несчастьем России того времени да и всей ее дальнейшей истории была смерть Андрея Дмитриевича Сахарова. Сахаров, на мой взгляд, был единственной надеждой России на хотя бы относительное утверждение демократии, а его гибель (я убежден, что он был убит) не только перечеркнула эти надежды, но в конечном итоге оказала необратимое и пагубное воздействие на европейскую цивилизацию – с последствиями этого мы по мере сил пытаемся справиться.

Поскольку смерти Андрея Дмитриевича я придаю серьезное значение, да и вообще слово «убит», да еще в отношении Сахарова нельзя произносить, не мотивируя его максимально возможным образом, я введу в свои мемуарные заметки те немногие документы и свидетельства, которые сегодня мне доступны.

Но сперва несколько общих соображений о положении в СССР к концу восемьдесят девятого года и о том, почему гибель Андрея Дмитриевича стала таким катастрофическим событием.

Ко времени возвращения Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны из ссылки и освобождения первых политзаключенных из тюрем и лагерей, то есть к началу восемьдесят седьмого года правозащитное движение было практически полностью уничтожено, а демократическое движение еще не возникло. Единственным исключением была небольшая группа так называемых «мирников» (движение «За установление доверия между Востоком и Западом»), злоключения которой я уже упоминал в главе об участии КГБ в перестройке.

После недолгого раздумья, суматохи и столпотворения первых месяцев (он первоначально доверял Горбачеву и даже наивно полагал, что КГБ наименее коррумпированная в Советском Союзе организация) Андрей Дмитриевич оказался центром демократического движения. Первая его статья появилась уже в июне в журнале «Гласность» (с обещанной ему статьей в «Литературной газете» власти Сахарова обманули), важнейшее общественно-демократическое движение «Мемориал» призванное не дать забыть о совершенных коммунистической властью и спецслужбами преступлениях, а главное – не допустить их повторения, создавалось с его участием; одновременно шла работа в Межрегиональной депутатской группе, изредка ему удавалось выступать в Верховном Совете.

Сахаров, на мой взгляд, был единственным русским

человеком в XX веке, обладавшим подлинным крупномасштабным государственным мышлением. Не зря же его, еще очень молодого, беспартийного и совершенно не чиновного, систематически приглашали в 1950-е годы на заседания Президиума ЦК КПСС, когда Хрущев пытался сдвинуть страну со сталинского пути.

Кроме тысяч выступлений, заявлений, писем – в эти последние оставшиеся ему два с половиной года он, как и раньше, никому не мог отказать, если была надежда принести хоть какую-то пользу, – главным в его жизни было приближение глобальных перемен, что резко выделяло его на фоне современников и уж тем более тех, кто пришел после него.

Стремясь утвердить в России демократию, Сахаров провозглашает лозунг: «Вся власть Советам!». Это был не просто отказ от партийного руководства и исключение шестой статьи Конституции СССР, но продуманный и в деталях проработанный проект создания стройной системы подлинного народовластия.

Сахарова мало заботило внесение тех или иных поправок в действующие в тоталитарной стране законы. Он разрабатывал проект совершенно новой Конституции, где уже не было места ни власти КПСС, ни власти КГБ, ни национальному и социальному угнетению[14].

Чувствуя, что времени остается все меньше, а противник гораздо сильнее, чем ему казалось, пока он был вне борьбы, Сахаров призвал к предупредительной всеобщей политической забастовке 8 декабря.

При всей скромности, деликатности и интеллигентности он был настоящий государственный деятель и вождь демократии, но, при всем к нему уважении, не был ни услышан, ни понят. Единственным местом, где точно понимали исходящую от него опасность был Комитет государственной безопасности СССР. Думаю, там с Сахаровым могли быть связаны даже надежды (в первые месяцы после возвращения из ссылки) как на будущего беспомощного и управляемого руководителя России, после которого КГБ и придет к власти. Но, во-первых, вскоре оказалось, что Сахаров не идет ни на какой диалог (так же как Паруйр Айрикян, я, многие другие диссиденты) и, во-вторых, что он совсем не беспомощный, а реальный, очень деятельный и стратегически мыслящий лидер, способный стать опорой и центром притяжения не только для интеллигенции, а потому представляющий большую опасность. Впрочем, там всех нас реалистически оценивали: кто полезен – надо рекламировать и продвигать, кто безвреден – можно использовать; тех, кто опасен, надо уничтожать. Сахаров был опаснее всех.

Андропов это всегда отчетливо понимал и по меньшей мере

дважды предлагал Политбюро убить Сахарова в Горьком. Елена Георгиевна после того, как Степашин передал ей 204 документа, посланных КГБ в Политбюро ЦК КПСС (утверждалось, что кроме этого ничего нет – якобы более пятисот томов их дела в КГБ были уничтожены) с удивлением и сомнением мне рассказывала:

– Там нет ни одной докладной за время присуждения Андрею Нобелевской премии. В этот год КГБ им якобы совершенно не интересовался. К тому же я узнала, что, Андрея, оказывается, постоянно пыталась убить. Там есть две «Информационные записки» с разрывом в несколько месяцев. В одной рассказывается о том, что я желаю добиться ухудшения его здоровья и даже смерти, стремясь таким образом привлечь к себе внимание за рубежом. Во второй – что я с этой же целью не допускаю к Андрею врачей «скорой помощи», которую, видя его болезненное состояние, хотят вызвать соседи.

В вышедшей в США книге «Дело КГБ на Андрея Сахарова» («The KGB File of Andrei Sakharov», 2005) в первой из этих записок от 5 ноября 1981 года читаем: «Имеются данные, позволяющие полагать, что, провоцируя страдающего сердечным заболеванием Сахарова на голодовку, Боннэр сознает ее возможный трагический исход. Судя по всему, она и желает такого исхода, поскольку все очевидней становится утрата Сахаровым «позиции борца». Ей хотелось бы также предстать перед общественностью «жертвой режима».

Но вторая, через полгода, – гораздо более откровенна (уже есть свидетели обвинения и расписан весь его процесс), и я приведу ее полностью:

«Секретно экз. № 2

28.03.82 г. № 592-А

ЦК КПСС

О состоянии здоровья академика Сахарова

24 февраля жена Сахарова Боннэр, уезжая из г. Горького в г. Ленинград, рекомендовала мужу принимать, как она сказала, импортный лекарственный препарат «Торекан», привезенный ею из Москвы. Принимая в отсутствии Боннэр рекомендованное ею лекарство, Сахаров почувствовал резкую слабость, головокружение, в связи с чем отказался от его дальнейшего употребления.

По возвращении Боннэр 11 марта в г. Горький Сахаров признался ей в ухудшении состояния своего здоровья, прямо увязывая это с употреблением импортного лекарства. Несмотря на это, Боннэр стала уговаривать мужа возобновить прием препарата. Сахаров поначалу категорически отказывался принимать лекарство, утверждая, что оно ему не известно и

ссылаясь на противопоказания, изложенные в инструкции по его использованию. Однако Боннэр продолжала настаивать и добилась того, что с 12 марта Сахаров возобновил прием лекарства.

Вечером 13 марта Сахаров вновь отказался от препарата, заявив: «Не буду принимать лекарство. Я уже два дня принимаю и чувствую себя плохо, в голове что-то лишнее». Он высказал намерение обратиться к невропатологу. Днем 14 марта Боннэр пыталась выяснить настроение мужа в отношении его намерения обратиться к местным врачам. Сахаров заметил, что не имеет к ним претензий, а вину возлагает на собственную жену. В ответ на это Боннэр сказала: «А я полностью снимаю с себя такое обвинение».

14 марта на предложение соседей вызвать «скорую помощь» Боннэр ответила отказом.

В тот же день Сахаров прекратил принимать лекарственный препарат. Состояние его улучшилось, и на 16 марта самочувствие в целом удовлетворительное.

По заключению врача Рунова Г. П., наблюдавшего Сахарова в период его госпитализации после «лечебного голодания», прием именно «Торекана» ему не противопоказан.

Комитет госбезопасности СССР продолжает контроль за ситуацией, повлекшей ухудшение состояния здоровья Сахарова, и предусматривает меры на случай возможной его госпитализации.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

Ю. Андропов».

Понятно, что на такое письмо – характерный «документ прикрытия» председателя Комитета государственной безопасности – в Политбюро могла быть наложена лишь одна из двух резолюций: в случае, если Сахаров умрет, строго наказать виновных в его смерти (то есть Елену Георгиевну) или игнорировать записки, то есть не санкционировать убийство Сахарова. Думаю, Брежнев симпатизировал академику (он лично предлагал ему вступить в партию году в шестьдесят шестом, видя какие игры с ним начинает Суслов, – и не согласился даже с повторным предложением Андропова.

Елена Георгиевна комментирует для американского издания записку КГБ в ЦК КПСС от 28 марта 1982 года: «Я помню препарат, который мы называли «Таракан», который был назначен, кажется, невропатологом (не уверена), и не могу вспомнить, было ли в это время какое-либо ухудшение состояния. Но все, что назначали горьковские врачи, я всегда почти отменяла. Об этом есть злая телеграмма д-ра Обуховой.

В Ленинград на 25 февраля я действительно ездила, но на один или два дня (это день рождения Инны (Кристи. – *С. Г.*)). Абсолютная ложь, что соседи могли предложить вызвать «скорую», как и вымышленный наш якобы разговор. Документы подобные этому, подтверждают, что врачи в Горьком были еще более управляемыми, чем мы думали».

Странную и двусмысленную фразу встречаем в книге Л. Млечина об Андропове: «Андропов в своем кругу говорил, что с удовольствием бы от него (Сахарова. – *С. Г.*) отделался».

Что при этом имеет в виду Млечин – готовность Андропова выслать Сахарова за границу, против чего возражало Министерство среднего машиностроения, или убийство? Кто являлся этим «своим кругом» Андропова? Откуда Млечин об этом знает – никакой ссылки нет. Все в этой фразе непонятно, и процитировать ее заставляет меня лишь желание собрать буквально все упоминания.

Более понятны, но не менее зловещи приведенные в предисловии к книге «Дело КГБ на Андрея Сахарова» упоминания об интересе к здоровью академика и в 1983 году. В июне этого года президент Академии наук СССР Анатолий Александров в интервью журналу «Ньюсвик» утверждал, что у Сахарова произошли серьезные психические изменения. Андропов тем же летом заявил группе американских сенаторов, что Сахаров «сумасшедший».

В опубликованной записке Чебрикова «О поведении Сахарова и Боннэр» от 13 апреля 1984 года утверждается: «…Явно спекулируя на здоровье Сахарова, Боннэр вместе с тем принуждает его к отказу от медицинской помощи под надуманным предлогом, что это якобы «грозит ему смертью».

В результате психологического давления Боннэр Сахаров 9 апреля сего года в антисанитарных условиях бытовыми ножницами вскрыл образовавшиеся у него на ноге нарывы, что вызвало появление флегмоны, повышение температуры и ухудшение общего состояния. В тот же день он вынужден был обратиться к врачам, которые высказывались за оперативное хирургическое вмешательство в стационарных условиях. 12 апреля Сахаров госпитализирован в Горьковскую областную клиническую больницу им. Семашко.

Боннэр с 8 по 12 апреля находилась в Москве, а 12 апреля в 20.10 возвратилась в Горький…».

Ее вина бесспорна для КГБ, хоть ее не было в эти дни в Горьком.

Американские издатели, к сожалению, не обращают внимания, а Елена Георгиевна, вероятно, понимала, но по

обыкновению не комментировала любопытные особенности этих трех записок в ЦК КПСС восемьдесят первого, восемьдесят второго и восемьдесят четвертого года. Во всех случаях, как бы они не назывались, это не информационные сообщения. Комитет вел наблюдение за Сахаровыми ежедневно, ежечасно и, конечно, составителям этих записок было известно, что Елена Георгиевна в первом случае уезжала из Горького на два дня, а не на три недели, а во втором никакого звонка в Италию в мае быть не могло уже потому, что до 5-го Боннэр была в Горьком, а 5-го ее оттуда не выпустили.

Все эти записки – не информация, а предлагаемые ЦК КПСС причины смерти Сахарова. Некоторые явные несовпадения с конкретными деталями всегда можно было скрыть лжесвидетельствами. О таких пустяках в КГБ вообще мало заботились.

Но есть между этими записками и характерное отличие: в первой сюжет только намечен, во второй подробно изложены детали, причины, перечислены свидетели смерти Сахарова. Сама Елена Георгиевна мне рассказывала (этого нет в книге, и Таня Янкелевич об этом не помнит), что соседи все же сделали попытку вызвать «скорую помощь», когда в этом не было никакой нужды, и Елена Георгиевна врачей не впустила. Но в конце второй записки встречаем характерную оговорку: врач Рунов (тот же, что был свидетелем и на моем суде по делу «Бюллетеня В») считает, что прием именно «Торекана» Сахарову не противопоказан. То есть все на усмотрение Политбюро: может умереть от этого лекарства, а может и жить. КГБ убийство предлагает, но еще на нем не настаивает.

В записке Чебрикова все уже решено. Причина смерти есть, есть даже госпитализация с нужными заключениями врачей…

Вряд ли Крючков относился к Сахарову лучше, чем Андропов и Чебриков, к тому же с его приходом к руководству КГБ осенью восемьдесят восьмого года в Советском Союзе резко изменилось политическая обстановка. Если раньше с большими или меньшими оговорками, можно было говорить о противостоянии растущего демократического движения коммунистическому режиму, использующему в качестве боевого террористического отряда КГБ, то с приходом Крючкова Комитет государственной безопасности СССР стал вполне самостоятельным игроком на политической сцене и цели его (независимо от риторики) были не только враждебны демократии, но и совершенно не совпадали с целями партийно-государственного руководства СССР.

Александр Николаевич Яковлев рассказывал, что Чебриков, когда уже был решен вопрос о его отставке, попросил его о

встрече на одной из конспиративных квартир (второй человек в руководстве страны – с председателем КГБ!) и сказал, что с радостью уходит, но предупредил, что Горбачев плохо понимает Крючкова и что того ждет немало сюрпризов. Кстати, прибавил А. Н., у КГБ немало своих людей и среди демократов и среди диссидентов, назвал мне несколько фамилий, что, впрочем, могло быть обычной для КГБ дезинформацией.

Крючков, будучи ближайшим сподвижником Андропова, ненавидевшего и презиравшего партийную номенклатуру и планировавшего в час «Х» (европейской войны) расставить на все ключевые посты в стране офицеров КГБ, тоже решил, что поддерживать КПСС больше не стоит.

Может быть, с убийством Сахарова и не стали бы торопиться, хотя в отличие от Ельцина и Гайдара Андрей Дмитриевич с его всемирным авторитетом, подлинным государственным мышлением и неколебимыми нравственными качествами в качестве лидера будущей России для КГБ был абсолютно неприемлем, но была никем не упоминаемая практическая необходимость (интересно, что при этом понимал и принимал ли какое-то участие Горбачев?) поторопиться. В узком кругу в это время активно обсуждался вопрос о создании в СССР поста президента и избрании на него Горбачева. Об этом будет объявлено через месяц после гибели Сахарова, но вполне очевидно, что обсуждение и подготовка шли не один день. Сахаров становился неудобен и опасен. Теперь уже для всех – и в Кремле и на Лубянке.

Конечно, было понятно, что «агрессивно-послушное» большинство в Верховном Совете не изберет его президентом СССР. Но избежать его выдвижения на этот пост будет невозможно, его популярность в стране бесконечно выше, чем популярность Горбачева. По опросам «Аргументов и фактов» тот не входил даже в первую десятку наиболее популярных политиков, а рейтинг Сахарова, несмотря на категорический запрет на упоминания его в печати в последние полтора года[15], оставался необычайно высоким. К тому же теперь вокруг Сахарова – кандидата на пост президента СССР – уже не только морального, но и очень влиятельного политического лидера смогут объединяться, почувствуют в нем реальную мощную опору те многочисленные представители интеллигенции, которые до этого с неудовлетворением опирались на советские структуры, поскольку только с ними они могли надеяться на свою профессиональную реализацию. Теперь они увидели политическую силу, которая не вынуждает к унизительным компромиссам с совестью, которая реально может открыть совсем

новый путь и для страны и для каждого человека в отдельности.

Крючков, подобно Андропову и Чебрикову, незадолго до гибели Андрея Дмитриевича подает в Политбюро Горбачеву записку о Сахарове. Он уже не пишет о его болезнях, но внятно оценивает опасность, исходящую от Сахарова (8 декабря 1989 года). Цитирую по буклету, изданному архивом Андрея Сахарова в Москве:

«Многие самодеятельные объединения радикального толка в своей практической деятельности и теоретических построениях широко используют оценки, даваемые академиком А. Д. Сахаровым происходящим в СССР процессам. Пропагандистская поддержка из-за рубежа, возможность публично высказать свои взгляды, некритическое освещение деятельности А. Д. Сахарова в советских средствах массовой информации позволили ему также значительно укрепить авторитет среди определенных кругов научной и творческой интеллигенции…

Избрание А. Д. Сахарова народным депутатом СССР было воспринято его сторонниками в нашей стране и за рубежом как смена статуса «правозащитника-одиночки» на положение одного из лидеров легальной оппозиции. Это, в частности, дало ему возможность не только лично пропагандировать свои идеологические схемы, но и пытаться претворять их в жизнь через других членов межрегиональной группы депутатов. Свои взгляды на ситуацию в стране и пути развития перестройки он в разной интерпретации отстаивает как в Верховном Совете, так и в многочисленных интервью и выступлениях на митингах.

…Он выступает, с одной стороны, за введение в стране многопартийной системы, а с другой – за передачу власти Советам, лишенным влияния КПСС. Полагая, что Верховный Совет не может представлять интересы всего народа в силу преобладания в нем „аппаратчиков“, Сахаров настойчиво проводить мысль о необходимости передачи его функций Съезду народных депутатов.

В рассмотрении национального вопроса… им предлагается объединение независимых республик на основе нового союзного договора. В соответствии с этим А. Д. Сахаров положительно оценивает деятельность сепаратистских группировок в ряде союзных республик, относя их к разряду национально-освободительных движений…

А. Д. Сахаров пропагандирует тезис об усилении кризиса доверия народа к власти, причины которого лежат, по его словам, в „непоследовательности высшего партийного и государственного руководства“… По утверждению А. Д. Сахарова, движущей силой

перестройки является критически настроенная интеллигенция, которая способна повести за собой рабочий класс…

…Не являясь лично организующим звеном в деятельности радикально настроенных депутатов и участников неформальных объединений, А. Д. Сахаров стал их знаменем, своеобразным моральным символом и автором многих политических инициатив. Так, он одним из первых выдвинул тезис о необходимости отмены статьи 6 Конституции СССР, что впоследствии стало ключевым требованием радикалов. Его „Декрет о власти“ сыграл роль политической платформы как межрегиональной группы депутатов, так и многих клубов избирателей…

В последнее время А. Д. Сахаров демонстрирует подчеркнутое пренебрежение к любым предложениям высших органов власти страны, нередко пытаясь сорвать их или противопоставить им свои инициативы типа альтернативного проекта Конституции СССР.

Всемерно поощряя нагнетание обстановки в стране, он явился одним из инициаторов призыва к проведению 11 декабря 1989 г. всеобщей политической предупредительной забастовки…

Учитывая амбициозность А. Д. Сахарова, излишнее внимание к нему средств массовой информации, следует ожидать, что он будет стремиться и в дальнейшем играть роль «генератора оппозиционных идей».

По мнению многоопытного генерала КГБ Олега Калугина (об этом он неоднократно говорил, в том числе и мне), для убийства Сахарова был использован разработанный в лабораториях комитета так называемый «желтый порошок». Сколько людей было убито с его помощью – неизвестно. Лишь один раз британские спецслужбы обнаружили, что один из ирландских террористов, начавший давать показания об источниках оружия для Северной Ирландии, погиб в результате его применения. Попадая на открытые участки кожи, скажем, на ладони рук, желтый порошок в течение нескольких часов вызывал острую сердечную недостаточность и скоропостижную смерть жертвы. Через два часа следы желтого порошка не могли быть обнаружены ни в крови, ни во внутренних органах. Достаточно покрыть им ручку в автомобиле или входной двери в подъезде, и человек, за нее взявшийся, через несколько часов будет мертв.

В книге Наталии Рапопорт[16], дочери знаменитого патологоанатома Якова Львовича Рапопорта (в свое время проходившего по «делу врачей». – *С. Г.*), читаем:

Обстоятельства смерти Андрея Дмитриевича были

странными, если не сказать – подозрительными. У Сахаровых были две двухкомнатные квартирки, одна над другой – в одной шел быт, в другой Андрей Дмитриевич отдыхал и работал. В этот вечер он сказал Елене Георгиевне, что хочет отдохнуть часа полтора перед тем, как сесть работать над завтрашней речью, попросил разбудить его через полтора часа и вышел в нижнюю квартиру. Через полтора часа, как договорились, Елена Георгиевна спустилась вниз. Дверь квартиры была открыта. Сахаровы вообще с утра до поздней ночи традиционно не запирали дверей. Андрей Дмитриевич лежал на пороге квартиры. Он был мертв. На крик Елены Георгиевны прибежали соседи – два молодых человека, курившие на лестничной клетке. Они перенесли Андрея Дмитриевича на диван и безуспешно пытались делать искусственное дыхание, хотя смерть была очевидной и не вызывала сомнений. Приехавшая два с половиной часа спустя «скорая» объявила академика Сахарова мертвым. Было ясно, что умер он мгновенно, буквально через минуту после того, как расстался с Еленой Георгиевной и пошел отдохнуть. Что было причиной этой внезапной смерти?

Утром радио объявило о смерти Сахарова, и вскоре папе позвонил человек, представившийся Юрой Васильевым. < … >

Он сказал, что звонит по просьбе семьи Андрея Дмитриевича и физиков ФИАНа. Они просят папу присутствовать при вскрытии: они надеются, что папин профессиональный авторитет и репутация человека с несгибаемой под давлением совестью предотвратят возможность скрыть подлинные причины смерти Сахарова, если обнаружится, что она была криминально-насильственной, а не естественной.

Никому другому Елена Георгиевна не доверяла. И действительно, Яков Рапопорт составил чрезвычайно любопытное заключение:

Первые этапы вскрытия тела Андрея Дмитриевича были несколько «разочаровывающими», не оправдавшими ожидания патологоанатомов найти резкие поражения жизненно важных органов, такие как резкий склероз магистральных артерий и разрыв их со смертельным кровотечением, или обширные поражения сердца старым или свежим инфарктом, или тромбы

жизненно-важных артерий, или аспирацию (занос в дыхательную систему рвотных масс вызывающих мгновенное удушение) и т. п. Ничего из этого набора причин внезапной смерти в откровенной форме не было. <…> Сверх ожиданий было обнаружено относительное морфологическое благополучие артерий коронарной системы сердца. <…> Не оправдались ожидания патологоанатомов обнаружить типичную патологию хронической болезни с ее финалом в виде обструкции просвета крупной ветви коронарной системы сердца. Если бы эти ожидания оправдались, был бы быстро и исчерпывающе решен вопрос о причинах и механизмах внезапной смерти Андрея Дмитриевича. Этого, однако, не случилось. <…> Мы ожидали от скоропостижной смерти более ясной и отчетливой морфологической документации.

Но больше страницы он посвящает, по-видимому, самому главному, тому, что не может объяснить:

Полной неожиданностью была картина, открывшаяся перед присутствующими при снятии черепной крышки и обнажении поверхности мозга… Раскрывшейся картиной все были ошеломлены: в моем прозекторском опыте, насчитывающем около 70 лет, я ее встречаю впервые. В плотной кости снятой черепной крышки проявились, точно замурованные в ней, множественные кроваво-красные пятна разных размеров, от 1 до 3–4 см^2. Число их не сосчитывали. Форма их была неправильная, на просвет они имели очертания расплывшегося пятна, то розовой, то отчетливо красной окраски. <… >Поверхность полушарий мозга, особенно левого, тоже была необычна. Левое полушарие было покрыто плотной оболочкой, толщиной около 2–3 мм, из ткани фиброзного вида с буроватым оттенком. Такой же оттенок имела поверхность левого полушария.

При всей ошеломляющей для него необычности и необъяснимости увиденного Рапопорт все же делает вывод: «Никакого значения в скоропостижной смерти они, вероятно, не имели, и не подлежат анализу под этим углом зрения».

Однако, чрезвычайно опытный врач Виктор Тополянский, десятки раз анализировавший причины заболеваний и гибели известных советских политических деятелей, полагает, что множественные кроваво-красные пятна на внутренней части

черепной крышки – синдром ДВС (диссеминированное внутрисосудистое свёртывание) могли быть следствием кровоизлияний, причиной которых могло быть некое, в том числе медикаментозное, вмешательство, но и не только. Например, в разное время перенесенные инфекционные заболевания могли быть не столько причиной, сколько дополнительным их признаком. Причем розовые пятна могли быть результатом недавнего вмешательства или заболевания и встречаются на самом деле нередко в практике патологоанатомов, как в случаях неуправляемых кровотечений (к примеру, у женщин в послеродовом периоде), так и в случае токсических или инфекционных заболеваний. По опубликованным результатам вскрытия Тополянский приходит к выводу, что клинически понять причину смерти Андрея Дмитриевича невозможно: оба его лечащие врача, Сметнев и Постнов, были образцовыми сотрудниками Четвертого управления Минздрава, подчинялись во всем Чазову (который, заметим, даже формально по должности был подчинен председателю КГБ) и всегда в своих заключениях писали то, что больше устроит высокое начальств.

Больше того, Тополянский предполагает, что причиной смерти Сахарова могли стать артериальная гипертензия (гипертоническая болезнь) с неадекватным лечением, а внезапный подъем артериального давления сыграл роковую роль. Это уже третий из возможных вариантов смерти Сахарова от естественных причин (еще два изложили профессор Я. Л. Рапопорт и профессор В. Серов из института им. Сеченова в статье «Болезнь академика Сахарова» в журнале «Врачъ» в августе 1995 года). Но при этом и Тополянский указывает, что бурые пятна на черепной коробке головы Сахарова, столь взволновавшие молодых людей, вероятнее всего – следствие медикаментозного вмешательства.

Таким образом, перебирая все доступные сегодня материалы о смерти Андрея Дмитриевича, а также официальное заключение патологоанатомов о его смерти[17], приходиться считать, что Сахаров – человек не молодой, не очень здоровый и, бесспорно, после заседания Верховного Совета находившийся в состоянии стресса, мог умереть и естественной смертью. Но это была бы слишком большая и очень своевременная удача и для Комитета государственной безопасности СССР и для всего советского руководства. Другие имеющиеся в нашем распоряжении материалы и свидетельства заставляют меня (да и не только меня) в этой счастливой для КГБ случайности сомневаться. Я уверен, что Сахаров был убит.

Любопытным свидетельством со мной поделился Александр

Грибанов в бытность свою директором архива Сахарова в Брандейском университете. Кто-то из стоявших в смежной с прозекторской комнате обратил внимание, что кроме группы близких Андрея Дмитриевича там находились два никому не известных молодых человека с радиотелефонами в руках, что было тогда очень большой редкостью. Через час или полтора после начала вскрытия, но задолго до его завершения, из прозекторской вышла Наталия Рапопорт, находившаяся там с отцом, которому был девяносто один год. Все бросились к ней с вопросами:

– Ну как? Какие результаты?

– Папу поразили бурые пятна на поверхности черепа…

Почему-то именно это сообщение очень испугало молодых людей и оба они начали звонить по радиотелефонам – по-видимому, своим начальникам:

– Они обнаружили желтые (именно желтые в рассказе Грибанова. – *С. Г.*) пятна на черепе.

По-видимому, получили указание не суетиться и успокоились.

Рапопорт, не имевший, естественно, опыта вскрытия тел ирландских террористов, как опытный врач находит (возможную?) причину внезапной смерти очень немолодого и далеко не здорового человека: остановка сердца в результате нарушения в аппарате регуляции сердечных сокращений.

Наталья Рапопорт вспоминает:

> …Домой мы возвращались ночью. В машине папа продолжал обсуждать результаты вскрытия. Его очень поразило, что вскрытие не обнаружило следов перенесенного инсульта: Андрей Дмитриевич определенно выглядел как человек, перенесший инсульт. Елена Георгиевна рассказала, что симптомы перенесенного инсульта появились у Андрея Дмитриевича после горьковской больницы: изменилась и стала нетвердой походка, изменился почерк, появились непроизвольные движения челюсти… Несколько лет тому назад, просматривая американские медицинские справочники в поисках подходящего вещества для одного из моих проектов, я наткнулась на описание группы психотропных средств, передозировка которых вызывает точно такие же, симулирующие инсульт симптомы, какие наблюдались у Андрея Дмитриевича. Не этими ли средствами «лечили» Андрея Дмитриевича в горьковской больнице?

Еще папу поразило благополучие сосудистой системы Андрея Дмитриевича, «почти как у молодого человека». Папа сказал тогда с горечью: «Если бы Андрей Дмитриевич не умер вчера, он мог бы жить еще много лет… Хотя, конечно, такое больное сердце могло остановиться в любой момент – достаточно было, быть может, случайного и несильного толчка в грудь.

С гибелью Андрея Дмитриевича надолго отсрочилась и надежда на демократическое развитие России. Из трех сил, действовавших тогда в стране, Комитет государственной безопасности со своими сотрудниками в МИД'е, ЦК ВЛКСМ и теперь даже в ЦК КПСС был в подавляющей своей части наиболее агрессивным и наиболее тоталитарно-консервативным.

Сами похороны Андрея Дмитриевича стали характерной демонстрацией положения в стране.

Прощание с Сахаровым для людей относительно близких (не помню, по какому принципу шел отбор) было в ФИАН'е на Ленинском проспекте. Но весь проспект был запружен десятками, если не сотнями тысяч человек – многие об этом знали.

Накануне мне позвонила Ирина Алексеевна Иловайская и попросила возложить венок от имени премьер-министра Италии, с которым я незадолго до этого встречался. Из Харькова приехал Генрих Алтунян. На Ленинском проспекте милиции было мало: наблюдали за порядком, стояли в двух цепях вокруг института молодые научные сотрудники, члены демократических общественных организаций. Им вполне удавалось поддерживать порядок, объяснять, что прощание с Сахаровым и траурный митинг будет в Лужниках, а здесь только свои, близкие. Меня многие знали, и хоть мы с Генрихом пришли с довольно большим опозданием – надо было получить заказанный венок, – и в скорбной толпе, и в обеих цепях добровольного кордона нас пропускали без большого труда. Минут пять мы постояли с Еленой Георгиевной – больше было нельзя: к ней шли сотни знакомых и полузнакомых людей.

На главном митинге, по дороге к нему и после него я был где-то в массе людей. Все, что там происходило, хорошо описал Андрей Шил-ков в последнем номере «Гласности»:

Нам позволили проститься…

К сожалению, рассказ о прощании с Андреем

Дмитриевичем Сахаровым приходиться начинать со слов: «Когда нам разрешили пройти…», ибо с демонстрации ИХ власти, ИХ прав началась гражданская панихида в Лужниках. Ближайшая станция метро была закрыта с утра, прекратилось движение транспорта по Комсомольскому проспекту, все подходы к Лужникам были перегорожены. Приходилось прорываться чуть ли не с боем, чтобы на площадке перед стадионом отдать последний долг Андрею Дмитриевичу. Прорывались по-разному: кто-то, собравшись большой группой, просто сметал ограждение, чтобы хоть часть из них прорвалась, кто-то искал обходных путей через железнодорожную насыпь, кто-то со вздохом поворачивал обратно… А милиция наслаждалась, то закрывая проход, то разрешая кому-то пройти. Преодолев по удостоверению «Гласности» второй круг оцепления, я услышал, как вальяжный генерал в каракулевой папахе сказал по рации: «Ну, пропускайте помаленьку, маленькими партиями…». Разрешил, значит…

Избитое сравнение «и небо плакало». Но, в самом деле, Москва, еще недавно занесенная снегом, была просто залита водой: дождь со снегом, жидкое месиво под ногами и вереницы людей, тянущиеся в одном направлении. Никто ни о чем не спрашивал. Тот, кто не знал дороги, просто присоединялся к молча бредущей цепочке и шел со всеми, пока не застревал у очередного кордона. Я не видел ни озлобления, ни спортивного азарта «прорваться», как это обычно бывает при попытках властей что-то блокировать… Было недоумение – недоумение от еще неосознанной утраты и абсурдности творившегося вокруг.

К часу дня площадка перед стадионом была заполнена. Сотни тысяч человек молча ждали прибытия траурной процессии из ФИАН’а, ждали полчаса, час… Над головами поднимались самодельные плакаты: «Простите нас, Андрей Дмитриевич, мы должны были выйти на площадь в 80-м году!», «Простите, Андрей Дмитриевич!», «Андрей Дмитриевич Сахаров – ум, честь и совесть нашей эпохи!» и сотни листков, вырванных из блокнотов, на которых ручкой написана перечеркнутая цифра 6 – графическое изображение требования отмены 6-й статьи Конституции.

Когда, уже в третьем часу, траурная процессия достигла Лужников и тысячи сопровождающих гроб с

телом Сахарова присоединились к собравшимся, каракулевая папаха разрешила пустить всех желающих.

Похороны Сахарова, вероятно, гораздо более многочисленные, чем похороны Сталина, – самые трагические в русской истории. Сталинские были обагрены кровью, эти – многомиллионной скорбью о несбывшейся надежде России. Понимание утраты было всенародным. Но сила, по-прежнему, была на стороне «папахи».

Конец журнала «Гласность»

Случилось так, что гибель Андрея Дмитриевича символически совпала с прекращением издания журнала. В последнем – тридцать третьем – номере мы дали прощальное слово Андрея Шилкова, фотографии с похорон, но для серьезной статьи о судьбе и роли Сахарова в России номера уже не нашлось. Завершение издание журнала, несмотря на борьбу, которая с ним велась, на мой взгляд, было вполне естественным. Журнал при всей своей популярности в СССР и в мире, при все большем количестве знаменитых авторов за два с половиной года выполнил свою задачу: стал эпицентром взрыва свободной печати в России (собственно, это было единственное, чуть продолжившееся еще на полтора года, время в истории России, когда в ней возникла в отчаянной борьбе и в условиях ожесточенного сопротивления подлинная массовая свобода печати, уничтоженная с приходом Ельцина). «Гласность» была изданием и рупором политзаключенных – людей, которые шли в советские тюрьмы лишь для того, чтобы сохранить человеческое достоинство, внутреннюю свободу и право на самоуважение. Наконец, для десятков тысяч нищих и обездоленных советских граждан, на своем горбу испытавших отвращение к коммунизму и шедших в «Гласность» ежедневно со всех концов страны (вскоре с подачи Гайдара их назовут «демшизой»). Для этих людей журнал был опорой, хотя бы небольшой защитой. Важен был журнал и для всего мирового антикоммунистического движения – «Гласность» стала одним из его важных центров.

К девяностому году наступило совсем другое время. КГБ подбрасывал в государственные, а потому в СССР гораздо более мощные и популярные СМИ антикоммунистические материалы, что стало вполне очевидно на примере фильма и откровений Говорухина. На деньги КГБ режиссер снял нашумевшую тогда картину «Так жить нельзя». С экрана лилась чернуха, причем такая, какой почти не было в Советском Союзе. То и дело задавался вопрос: отчего все так ужасно? и следовал ответ: во всем виновата коммунистическая партия. При этом сотрудники милиции и КГБ сплошь были замечательными людьми. Обвинять семнадцать миллионов человек, во-первых, было бессмысленно, во-вторых, несправедливо, а главное – уводились от ответственности именно те категории, которые были названы на Нюрнбергском процессе виновниками схожих преступлений (СС, СД и руководство Национал-социалистической партии).

Корреспондентам Радио Свобода в Париже на вопрос, какие у

него творческие планы Говорухин в интервью рассказывал: «Меня пригласили в Большой дом (Управление КГБ по Ленинградской области. – *С. Г.*) и предложили финансировать сразу две съемочные группы, дают два комплекта оборудования – для скорости съемок, одновременно и в СССР и за границей. Еще не выбрал название фильма: может быть, это будет «Владимир Ленин», может быть – «Великий преступник». И это в том мучительном девяностом году, когда не то что на фильмы – на хлеб у большинства гораздо более крупных режиссеров денег не было. Впрочем, и фильм Абуладзе был снят при прямой поддержке ЦК Грузии и Эдуарда Шеварднадзе. Но ведь и либеральный журнал «Огонек», и «Московские новости» тоже были правительственными изданиями.

К тому же за эти годы появились очень несходные между собой массовые организации. Выросший из подпольного диссидентского бюллетеня четырехсотстраничный журнал должен был более четко формулировать свои задачи, более точно выбирать аудиторию и искать мало-мальски прочную социальную базу хотя бы из-за резко возросшей конкуренции. Для выживания нужно было находить сравнимые с бюджетом государственных изданий деньги. Находить их за границей, что, вероятно, было не так уж сложно, я не умел, да не очень-то и хотел. В Советском Союзе достойных источников средств, конечно, не было.

За год до этого в Германии умер медиамагнат Аксель Шпрингер, финансировавший издание журнала «Континент» не только в Париже, но и в Германии. Главный редактор журнала Володя Максимов, почти пятнадцать лет до этого занимавший, как «Русская мысль» и «Гласность», резко антикоммунистическую позицию, которая естественным образом переносилась на Горбачева, на недоверие к коммунистической перестройке, в поисках денег на продолжение журнала провел в Риме конференцию, прямо противоположную по своему духу всем предыдущим, в которой Горбачев, кажется, даже участвовал лично. Журнал переехал в Москву, но Володя, не выдержав всех этих перемен и потрясений, вскоре умер, оказавшись почти в изоляции. Редактором «Континента» стал Игорь Виноградов. Он сохранил приличный характер теперь уже совсем забытого журнала, но ни при каких условиях не был и не мог быть таким активным общественным борцом, каким был Максимов.

Повторения этого пути я не хотел. «Гласность» от первого до последнего номера себе не изменяла и никакой дополнительной опоры для нее я не искал. Я не принял многочисленные предложения о помощи не только потому, что не знал, как ими воспользоваться, но, главным образом, потому, что у меня к

концу восемьдесят девятого года еще не было того понимания, которое сформировалось к осени 1990-го – о том, куда идет перестройка, о неизбежном приходе КГБ и близких комитету людей к власти. К тому же мое, как и всей редакции «Гласности», отвращение к Ельцину было далеко от понимания того, кто за ним стоит и какой окажется его роль в истории. Рассказов о том, как КГБ борется с демократией в СССР, с «Гласностью» (впрочем, о себе мы мало писали), борьбе за создание и укрепление демократических идеалов, было мало для толстого международного журнала. Нужны были аналитические статьи, серьезные документальные подтверждения нового понимания пути России, но ничего этого не было и взять было негде. Это было гораздо серьезнее, чем поиски денег и сопротивление непрекращающемуся давлению КГБ.

К тому же журнал разваливался естественны образом.

Первым ушел Андрей Шилков. Он женился на дочери Аси Лащивер – Ире, появились новые заботы и интересы, тащить на себе проблемы «Гласности» ему было невмоготу. Ушел в газету «Демократическая Россия», там все было гораздо организованнее и легче, но было меньше свободы и больше органической близости к «совку». Андрей пил, возвращался в «Гласность» и в конце концов уехал с Ирой в Израиль. Потом я уволил Алешу Мясникова, который героически целые дни с утра до вечера вел прием людей, приходивших в «Гласность». Это действительно была чудовищная по физической, по психологической нагрузке работа (ведь приходили регулярно и сумасшедшие и провокаторы). Я несколько раз вел такой прием целый день и знал, что это такое. Ни Митя Волчек, ни Нина Петровна Лисовская и дня не выдерживали. А Леша не просто вел прием, не только по ночам писал очерки об этих несчастных людях, но так им сочувствовал, что зачастую помогал им писать заявления, жалобы в официальные инстанции. Его искренняя жалость и любовь к людям были так очевидны, что и те пытались как-то его отблагодарить, все чаще приносили ему какие-то деревенские продукты в подарок (и это уже в очень голодное время). Но в «Гласности» получать даже маленькие подарки от посетителей (а предлагались и совсем не маленькие) было нельзя. Ведь любой подарок мог быть использован для обвинения редакции в корыстных интересах. И после нескольких предупреждений я уволил Алексея, понимая, что его некому заменить. Для Мясникова написанных материалов и самой перестроечной среды хватило еще на пару лет издания собственного журнала «Права человека». Из подобных же, но более серьезных опасений за безопасность журнала на заседании редколлегии, где

присутствовали все главные сотрудники, был уволен Алексей Мананников. Потом он говорил, что это недоразумение, что он себя оговорил, но тогда неуклонно защищал свое право на поступки, бесспорно, очень опасные для журнала.

В конце января девяностого года, вернувшись из очередной поездки в Париж (а в последний год я получал бесчисленные приглашения на зарубежные конференции, что не было благом для журнала), узнал, что Митя Волчек и Андрей Бабицкий выпустили очередной номер своего журнала «Через» со статьей Андрея, прямо противоположной по своей направленности тем, что писались им для журнала «Гласность». Поскольку «Гласность» была общественно-политическим журналом с определенной точкой зрения на происходящее, такая широта взглядов Бабицкого, способность занимать одновременно прямо противоположные позиции, мне показалась чрезмерной, и я его уволил. Но вместе с ним ушли Митя Волчек и еще один наш молодой сотрудник. На самом деле они чувствовали себя переросшими «Гласность», гораздо более уверенными журналистами, чем когда пришли в журнал, а главное, все они, работая в «Гласности», стали корреспондентами Радио Свобода, которое по нескольку раз в день обращалось к нам за информацией и ее давал тот из сотрудников, кто непосредственно этим событием был занят. Ну, а гонорары у «Свободы» были, конечно, в десятки раз выше нищенских заработков в «Гласности».

Оставались Нина Петровна Лисовская, Виктор Резунков, Володя Ойвин, Виктор Лукьянов, еще несколько сотрудников, наконец, Тома и я, но редакцию надо было формировать заново. А для этого в новое время и с новым пониманием происходящего нужны были не просто диссидентская и демократическая, но совершенно новая концепция журнала, новый круг авторов, а их у журнала не было ни в России, ни за рубежом. Все в свой срок рождается и в свой – умирает. Оставались «Ежедневная гласность», профсоюз независимых журналистов, конфедерация независимых профсоюзов, где я был сопредседателем, и масса другой ежедневной работы.

За рубежом. «Экзамен» Собчака

С середины восемьдесят девятого года, с тех пор как советские власти вынуждены были выпустить меня за границу для получения премии «Золотое перо свободы», я два-три года по несколько месяцев проводил за границей – получал множество приглашений на встречи и конференции в разных странах, и попытки помешать мне в них участвовать, конечно, оборачивались для властей политическими неудобствами, но и мне создавали массу хлопот. Оформлять визы в СССР по-прежнему было очень трудно – в основном, конечно, из-за прямого нежелания властей, но частью из-за того, что советское законодательство не было к этому готово. В обычные советские заграничные паспорта ставились разрешения на выезд из СССР (без которого нельзя было получить визу в посольстве) только для выезда по частному приглашению (скажем, родственников) или для коллективной туристической поездки. На конференции или по правительственным приглашениям ездили особо доверенные советские граждане, которым выдавали дипломатические паспорта и только в них ставились разрешения на выезд. У меня был с трудом полученный обычный заграничный паспорт, но приглашения совершенно ему не соответствовали. К тому же каждое разрешение на выезд из СССР мне давали с разнообразными приключениями. Как правило, прямо не отказывали, но оттягивали до последнего дня или часа в надежде, что я не успею получить иностранную визу. Однажды, кажется, в испанском посольстве мне проставили визу ночью; однажды пришлось получать ее по дороге в аэропорт. О приключениях в Шереметьево я еще напишу, а пока скажу, что большинство виз я получал в Париже. Это тоже было не по правилам: по общему положению виза оформляется в посольствах, находящихся в тех странах, гражданином которой является выезжающий. Считается, что посольство лучше понимает, кому оно дает визу. Но мои приглашения не были частными, а были иногда даже правительственными, положение в СССР все хорошо понимали, и только для меня все парижские посольства делали исключения, которых (при мне же) не делали для советских дипломатов – сотрудников ООН. Визы по приглашениям в Испанию, Италию, Великобританию, США, ФРГ и другие страны чаще всего я получал в Париже.

В перерывах между поездками дни мои там были загружены до отказа. Надо было много писать, были интервью на парижской студии Радио Свобода, русской службе радио «Франс

Интернасиональ» и главное – в Париже была французская редакция журнала «Гласность» из двух человек (на это издание дал деньги министр по правам человека, сейчас – глава французского МИД'а, учредитель организации и всемирного движения «Врачи без границ» Бернар Кушнер) и, конечно, «Русская мысль», где я чувствовал себя как в родном доме. И суть была не просто в том, что в качестве толстой вкладки в ней перепечатывались все номера «Гласности» (парижским редактором была Наташа Горбаневская), а до моего приезда – в восемьдесят седьмом, восемьдесят восьмом годах осуществлялось и малоформатное издание для пересылки в СССР в почтовых конвертах и издания на многих языках стран Варшавского блока. Дело было не только в необычайно дружественной атмосфере редакции: жил я у Оли и Валеры Прохоровых – сотрудников «Русской мысли», любимых Томой еще с семидесятых годов в Москве. Потом Валера стал крестным отцом моей дочери Анны. Я делал международные звонки, как правило, тоже из редакции, что было для «Русской мысли» совсем не дешево, но мне это было предложено – ведь «Гласность» работала так, что практически каждый день надо было говорить с Москвой, а иногда и с другими городами и странами.

И все же главным для меня в эти годы стала ежеминутная, необычайная в своей доброте и заботливости, и – что важно – умная помощь Ирины Алексеевны Иловайской. Боюсь, правда, она меня по своей доброте несколько переоценивала: привыкнув за многие годы к некоторым особенностям, воспитанным лагерем и тюрьмой у Алика Гинзбурга, она не совсем понимала, что тюремное клеймо, заметные ошибки в ориентации неизбежны для каждого проведшего изрядный срок в заключении. Помогая мне практически на каждом шагу в политических встречах в Испании, Италии, Великобритании, в выступлениях с лекциями и встречах, скажем, с Рупрехтом Мердоком (происходивших по его инициативе, но ведь и это надо было как-то организовать), Ирина Алексеевна по своей деликатности никогда не давала советов и потому помощь ее мне, а на самом деле и через меня (но, конечно, не только) демократическому движению в Советском Союзе оказывалась – поскольку отдавалась на мое усмотрение – менее результативной, чем могла быть.

Одну из важных ошибок года через два я совершил по полнейшей неопытности и наивности в самой «Русской мысли». Из этой старейшей газеты русской эмиграции постепенно уходили, просто по возрасту и состоянию здоровья, сотрудники. Такие как добрейший Кирилл Померанцев, секретарь редакции Нина Константиновна Прихненко, умершая после тяжелой

болезни Наташа Дюжева. Немногие русские журналисты из третьей волны эмиграции работали в более основательных редакциях – русской службе государственного радио «Франс Интернасьональ» или в парижском бюро казавшегося почти столь же монолитным и с гораздо более высокими окладами Радио Свобода. В газете довольно остро ощущалось нехватка профессиональных журналистов. Ирина Алексеевна изредка мне на это жаловалась. Я, постоянно ощущая такую же нехватку в Москве (а в Париже к ней прибавлялось не только различие в позициях, как, скажем, с Андреем Синявским, но еще и непростые личные отношения, неизбежные в узкой среде любой эмиграции) отнесся к проблеме практически и поскольку в лондонской редакции Радио Свобода не только моим интервьюером, но и переводчиком была очаровательная и высокопрофессиональная Алена Кожевникова, а на Би-би-си сделал со мной передачу ее муж, и каждый из них сказал, что им до смерти надоел Лондон, где активизация работы КГБ (в том числе и в их редакциях) превзошла все мыслимые пределы, я пообещал, что поговорю с Ириной Алексеевной о них и уверен, что два первоклассных журналиста, переехав в Париж, сделают «Русскую мысль» гораздо более мощным в профессиональном отношении изданием. Мне, основным опытом которого был тюремный, а единственным соображением – польза для общего дела, в голову не приходило, что Алик и Арина Гинзбурги будучи в журналистском и в репутационном отношении главной опорой «Русской мысли» очень ценили это свое центральное положение и восприняли мое предложение усилить редакцию Кожевниковыми как подкоп под их монопольное положение.

Я уехал в Москву на поезде, увозя чуть ли не десять ящиков книг, большей частью данных мне Ириной Алексеевной для продажи в киоске «Гласности» в райисполкоме на Шаболовке у Ильи Заславского, чтобы хоть как-то поддержать редакцию. На Лионском вокзале за нами безучастно наблюдал, сидя на пустой багажной тележке, симпатичный молодой человек в джинсах и туфлях на босу ногу.

– Резидент КГБ в Париже, – сказал мне Валера Прохоров, знавший их всех еще со времени работы в НТС[18], – но большей частью они заняты торговлей русскими проститутками, нахлынувшими с их помощью в Париж.

В Москве полученные от Ирины Алексеевны, иногда в десятках экземплярах, книги мы и впрямь начали продавать вместе с журналами «Гласность» в киоске Октябрьского райисполкома. Это было единственное место, где мы сами могли распространять журнал. Несколько молодых людей, взявшихся

его продавать у метро «Шабловская», были зверски избиты милиционерами – раз, потом другой, я навещал их в Боткинской больнице, лежавших с сотрясением мозга, со сломанными ребрами, но следов изувечивших их милиционеров найти не удалось. Ребята бодрились, говорили «хорошо, что не убили», но подставлять новых было невозможно, хотя в те восторженные годы желавших распространять «Гласность» было множество, как и десятки людей приходили ее брюшюровать, склеивать, переплетать.

Внезапно Гинзбург устроил мне по телефону дикий скандал из-за того что в киоске продаются книги, напечатанные издательством «Русской мысли».

– По условиям контракта их разрешено только раздавать бесплатно, а не продавать, – кричал мне Алик.

Вероятно, так и было, но я об этом не знал. Ирину Алексеевну это не волновало. Я только выругался по телефону в разговоре с Андреем Шилковым. Андрей из Иерусалима приехал в Париж, наслаждался городом, временной работой в «Русской мысли» (а в ней он готов был работать хоть дворником) – как мне кажется, это было недолгое и самое счастливое время в его жизни[19]. Алик, случайно или нет, по параллельному телефону услышал наш разговор с Андреем, и я счел именно этот разговор причиной резко изменившегося отношения ко мне Алика: от трогательной заботливости к полному неприятию (и это длилось до тех пор, пока он, что было совершенно недостойно, не начал бороться с Ириной Алексеевной, которой был всем, даже жизнью, обязан. Как позднее выяснилось, и Алик и Арина в случае необходимости прибегали к выдвижению Ирине Алексеевне ультимативных условий). Для начала он без всяких объяснений снял мою большую статью, написанную специально для «Русской мысли», и больше ни одна моя статья там напечатана не была. Во время раскола в «Ежедневной гласности» использовал только хронику, подготовленную ушедшей, впрочем, замечательной группой. Представителями «Русской мысли» в Москве попеременно (и неудачно) становились до этого совершенно неизвестные в Париже Саша Подрабинек, Лев Тимофеев, Екатерина Гениева, но не «Гласность».

Хотя это и было очень обидно, не взаимное непонимание с Аликом было для меня проблемой, а гораздо более существенное, основополагающее непонимание всего происходящего и мое несоответствие ему определяли один за другим мои отказы от предоставлявшихся возможностей, как в Европе, так и в Америке.

Приведу самые простые примеры. В Париже мэрия выделила дом для тогда гораздо менее известных китайских диссидентов.

Мне передали, что я без труда могу получить гораздо лучший для «Гласности». Не помню, к кому я должен был обратиться с просьбой – к мэру Парижа Франсуа Шираку или министру по правам человека Бернару Кушнеру. С обоими я был знаком, понимал, что это и впрямь не трудно, но не пошел, потому что не понимал, для кого и для чего нужен этот дом.

Примерно тогда же мне передали, что знаменитый французский актер и певец Ив Монтан, теперь уже немолодой и совершенно не доверяющий советской пропаганде, хотел бы выступить в пользу «Гласности» – кстати говоря, с этой же целью предлагала дать несколько концертов знаменитая американская актриса Джейн Фонда. Особенного интереса к актерам у меня не было, «Гласности», пусть с трудом, хватало моих гонораров, для кого и как я буду получать деньги от концертов, я не понимал, и ни с кем не стал встречаться.

Но особенно горькой для меня стала неудача с книгой. Известное французское издательство «L'Ade d'Homme» заключило со мной договор о том, что в течение года я напишу для них книгу, и выплатило довольно крупный аванс, который, к стыду моему, я так и не вернул (сперва, как и все мои гонорары, этот был истрачен на «Гласность», а когда деньги у меня появились, оказалось, что издательство их просто списало). Договор со мной был естественным – множество людей слышало мое имя, кто-то читал статьи и интервью и теперь от меня ждали книгу, тем более что все знакомые или уже написали воспоминания или готовили их. Но в Москве у меня не было для этого ни минуты свободной, в Париже тоже времени не хватало и я, чувствуя себя неловко, однажды пожаловался на обстоятельства Ирине Алексеевне. Иловайская, как всегда, готова была мне помочь, и через неделю я, отменив все свои встречи, уже ехал по заказанному мне «Русской мыслью» билету первого класса на TGV экспрессе в Тулузу, в течение месяца поработать в доме у Элен Пельтье-Замойской. Пригород Тулузы был застроен стоящими впритык друг к другу сотней или двумя трех-четырех ярусных колоколен. Было совершенно непонятно, к чему столько храмов один рядом с другим. Меня встретила Элен, повезла на своем «жуке» в небольшой городок поблизости, где у нее и был дом – перестроенная ферма XVII века. По дороге я опять увидел колокольню и спросил Элен, что это за странное предместье. Она сперва не могла понять, о каких церквях я говорю, но когда поняла, улыбнулась, почти стесняясь моего незнания очевидных вещей:

– Это не колокольни, а голубятни. До революции крестьяне не имели права держать голубей, а когда это разрешили,

пристроили их к своим домам. Теперь-то уж, конечно, голубей нет, а голубятни стоят.

И я острее, чем когда-либо почувствовал невосполнимый разрыв между нами. Мы все – Иваны, не помнящие родства, а если что-то случайно и помнящие, то почти ничего не сохранившие и выдумывающие по мере надобности свою историю и уже двести лет жалеющие такую близкую к гибели Францию. А им ничего сочинять не надо, живут по-прежнему в своих домах XVII века с голубятнями, пристроенными в конце восемнадцатого, а потому и понимание истории у них совсем другое и современная жизнь гораздо прочнее, чем в России.

Элен была вдовой замечательного скульптора графа Замойского, мэром своего маленького городка и профессором русской литературы в Тулузском университете. У нее было два «жука» Ситроэна: один новый – ему было пятнадцать лет, другой – старый, двадцати пяти лет, но местные крестьяне, очень зажиточные, ездившие на дорогих машинах, почтительно называли ее «мадам конт» или «мадам профессóр» и, по-видимому, очень любили. Да это было и немудрено – добра Элен была необыкновенно, а с Россией ее связывало гораздо больше, чем специальность. В ранней молодости она танцевала у Сержа Лифаря и была влюблена и в него и в русский балет, изучала русский язык в Париже в институте Восточных культур, а когда ее отец – дипломат Пельтье – стал военно-морским атташе Франции в Советском Союзе, не только приехала с отцом в Москву, но и добилась разрешения учиться на филологическом факультете Московского университета. Здесь КГБ и поручил Андрею Синявскому следить за юной француженкой и попытаться соблазнить ее. С некоторыми неясностями Синявский описал это в книге «Спокойной ночи». Таким образом, у нас с Элен были давние общие знакомые. Впрочем, об Андрее Донатовиче говорить она не любила, зато через пару дней со смущением сказала:

– Не знаю, как вы к этому отнесетесь, но перед вами у меня гостила Светлана Иосифовна.

Я промолчал и не стал спрашивать, познакомил ли их Синявский, хотя помнил рассказы Марии Васильевны Розановой об этом, да и «Спокойной ночи» уже читал.

Элен старалась меня развлечь, возила в Альби к дивному собору и замку графов Тулузских, где была замечательная коллекция вещей Тулуз-Лотрека и редчайших французских художников XVII века; в один из дворцов Бурбонов, с которыми была в родстве, и ее старый «жук» забавно смотрелся в

торжественном парадном дворе замка. Там нас кормили обедом и вспоминали, какие из портретов их родственников висят в Эрмитаже. Особенно любопытной оказалась поездка в один из женских монастырей Тулузы, где жила уехавшая из СССР Нийоле Садунайте, редактор героической «Хроники Литовской католической церкви, материалы которой мы использовали и в «Бюллетене В» в начале 1880-х годов и в «Гласности». В монастыре тоже пришлось рассказывать о положении в СССР, человек пятьдесят монахинь и прихожан выслушали меня вежливо, но без большого энтузиазма, а под конец, настоятельница отвела меня в сторонку и тихо сказала:

– Вы не должны так говорить о Горбачеве, вы слышали – он ведь недавно встречался с папой и мы точно знаем, что он – тайный католик.

Я не спорил, но к КГБ, информация которого доходит до женского католического монастыря в Тулузе, начал относиться с несколько большим уважением.

Я каждый день рано вставал, прилежно работал и к концу месяца написал страниц сто. Привез их в Париж и, несмотря на настояния издательства, отказался отдать их для перевода. Писать о том, что я был в тюрьме, рассказывать о голодовках и сломанной охранниками в Чистопольской тюрьме руке мне было не интересно, не рассказами о тюрьмах я был занят.

Надо было писать о том, что происходит в Советском Союзе о том, что за словами о растущей демократии, ручьями, если не реками, льется кровь в Сумгаите и Фергане, Баку и Тбилиси. Был убит не только наш печатник, но и друживший с «Гласностью» Петр Сиуда, одного за другим убивали профсоюзных лидеров донбасских шахт. С того дня, как было объявлено о выборе президента СССР, я уже не сомневался в том, что судьба так удачно для КГБ и Политбюро умершего Андрея Сахарова была характерна для нарождающейся демократии.

Все это нужно было не только рассказать, но и объяснить. А это была совсем не простая задача. Даже тогда, когда я сам к лету 1990 года, наконец, многое смог понять, в СССР практически никто не хотел думать, что КГБ прокладывают себе путь к власти. Когда я в интервью журналу «Индекс цензоршип» в Лондоне сказал, что СССР разваливается на части, редактор не только не поверил, но и не опубликовал моего интервью (о чем потом очень жалел). Еще лет через пять или шесть политический обозреватель «Интернейшнл Геральд Трибюн» вдруг решил написать статью обо мне. Специально приехал в Москву, поговорил, и на первой полосе поместил очень доброжелательную статью. Но кончалась

она тем, что все у Григорьянца хорошо, одна проблема – он всюду видит КГБ. Уже весь аппарат Ельцина состоял из сотрудников комитета, только Путин еще не пришел к власти, а в России и за границей меня с легкой издевкой спрашивали: «Где вы видите КГБ? Его уже давно нет и в помине».

Собственно, говорить и писать то, что было неприятно или непонятно, для меня не составляло труда – основная проблема была в другом: от меня ждали не только критики того, что происходит в стране, но анализа, основанного на документах, свидетельствах, бесспорных доказательствах, и главное – подкрепленной реальными возможностями позитивной программы дальнейшего развития России. А этого я дать не мог.

Я с подозрением относился к любым массовым мероприятиям, к общественной деятельности в любых (в СССР, как правило, не вызывавших доверия) организациях; никогда не выступал на митингах. В конце 1987 года, когда Алексей Мясников собрал тысячу человек в каком-то кинотеатре для выдвижения меня в депутаты Верховного Совета, я просто не пришел на это собрание, потому что мне трудно было бы объяснять, что я не хочу быть депутатом, не хочу оказываться в более чем сомнительной и на девяносто процентов враждебной мне и демократии в России компании. Я ни разу не был ни в одной из многочисленных тогда общественных структур – в клубах «Перестройка», «Московская трибуна» и других. То есть если у меня и была общая демократическая программа, то не было никакой организации, способной ее реализовать – «Гласность» была, конечно, массовой, ориентированной на самые разные слои общества, но все же только информационной и правозащитной структурой.

И это, бесспорно, вызывало у моих собеседников разочарование. Они, конечно, готовы были помочь, как готовы были помогать Сахарову. Но он приезжал в США еще до того, как серьезно начал работать, мы же не предлагали никакого плана действий и откровенно уклонялись от содействия и помощи.

Году в 1990-м наиболее разумная часть «Демократического союза» добилась решения об объединении с «Гласностью». Понятно, что Новодворская была против и за неделю, через которую должно было оформиться это объединение, создававшее влиятельную антикоммунистическую партию в СССР с моими связями во всем мире и притоком самой уважаемой русской интеллигенции, добилась того, что они не пришли на окончательное обсуждение. Я не был инициатором этого, соглашался на их предложение, но ничего не сделал, чтобы его

реализовать. Считал, что достаточно говорить правду, давать информацию о положении в стране, а в общественных движениях участвовать не обязательно. Никогда не пытался участвовать в работе «ДемРоссии». В 1992 году предложил Диме Леонову для спасения общественной роли «Мемориала» организовать и подарить им собственную газету (тогда у меня была такая возможность), но Рогинский и Даниэль выгнали Леонова и сторонников сохранения ведущей роли «Мемориала» в общественной жизни России из его правления, а я не попытался хоть как-то на это повлиять. Все это было результатом отсутствия политического честолюбия и недостатка личной ответственности за демократические перемены в стране. Я и мог и должен был сделать больше. Вместо того чтобы пятнадцать лет бороться за выживание «Гласности», надо было создавать новые, с вполне ясными политическими задачами общественные структуры. И, возможно, результаты были бы более убедительными. Сейчас мне кажется, что с 1990 года мое понимание положения в России было более точным, чем у большинства других русских лидеров демократического движения, но сделал я недостаточно, чтобы это понимание возобладало.

Я потом много лет буду обвинять американскую администрацию, многих политиков в Европе, что они начали помогать коммуно-гебешной власти Ельцина, что забыли о своем, казалось, основополагающем курсе на поддержку демократического движения, правозащитных организаций, не внешне, а подлинно демократических новообразований. Что они сделали миллионерами с помощью своих грантов, займов и субсидий десятки тысяч откровенных воров в администрации президента, в большинстве российских министерств и коммерческих структур, где успешно расселись в креслах майоры и полковники КГБ. Я говорил и изредка писал, что они предают собственные идеалы и интересы демократии, что поддерживая, а практически финансируя отвратительную войну в Чечне, разгром российского парламента, авторитарную Конституцию девяносто третьего года они подтверждают обвинения советской пропаганды не просто в двойных стандартах, а в циничном и утилитарном отношении к демократическим ценностям европейской цивилизации.

Конечно, они достигали в стратегическом отношении некоторых прагматических целей: частичного разоружения России, частичной открытости, ясно видели бесспорное ослабление потенциального противника и полагали, что это достойная цель. Но, вскармливая не просто нового врага, а центр мирового терроризма и автократии, резко уменьшили

пространство демократии и свободы в мире, да и сами, в результате вынужденные вновь защищаться (как мы видим это через двадцать лет), многое из собственных свобод утеряли, о многом в своем историческом прошлом вынуждены умалчивать, тем самым увеличивая объем лжи и демагогии в мире.

Конечно, они, как государственные чиновники, могли общаться лишь к аппарату Кремля, а не к русскому народу, как это было в советские годы, когда диссиденты были так популярны, что пианист Александр Сац в брежневские годы случайно в очереди услышал разговор: «Говорят, и на водку хотят цену повысить… Нет, не смогут – Сахаров не позволит».

А о Буковском в городском фольклоре даже бытовала частушка, сочиненная Вадиком Делоне:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана!
Где б найти такую блядь,
Чтоб на Брежнева сменять?

Но с годами я понял, что у реально действующих западных политиков не было другого выхода, а русские демократы, приезжавшие к ним (Сахаров, как я уже писал, слишком рано, вскоре – я, слишком мало понимавший, несколько позже – Ковалев, Старовойтова) не могли, при всем сочувствии, не вызывать у них разочарования. О Сахарове я уже писал, сам я в те год-два, когда был единственным демократом, вырвавшимся из перестроечного Советского Союза, тоже отказывался от всякой помощи, а главное – безудержно критиковал и разоблачал советские власти, но не предлагал механизма перемен. Ковалев и Старовойтова сперва были сотрудниками Ельцина, а когда опомнились, увидели все вплоть до Чеченской войны на деле, тоже могли лишь критиковать.

Как я уже писал, не только западные политики, но и диссиденты решили играть на чужом поле – в Верховном Совете, Государственной Думе, в аппарате президента. Сахаров придя в Верховный Совет, обращался к народу, призывал ко всеобщей забастовке, другим действиям. Остальные диссиденты (почти все) лишь уничтожали почти сложившиеся в конце 1980-х годов демократическое, народное движение, которое только и могло быть единственной опорой перерождения России. Но их сумели убедить в том, что демократия (всего лишь с некоторыми недостатками) уже победила и задача лишь в ее улучшении.

Хотя Старовойтова и сопротивлялась уничтожению «ДемРоссии», но сама мощную партию сохранить не смогла и

обладала, как и запоздало поумневший Ковалев, только личным авторитетом и известностью. Да к тому же сложившейся известностью, полученной как плата за сотрудничество и слишком длительную поддержку (и это многие понимали) действий президента и Гайдара, против которого теперь они выступали.

«Эти коммунисты не такие уж плохие ребята», – говорил помощник Госсекретаря Строуб Тэлботт, хорошо понимая, что за демократы у Ельцина (как меня возмущала в те годы это фраза!). «Мы думали, что они украдут процентов тридцать наших денег, но они воруют все сто», – говорил мне фон Хеering, чиновник ЕЭС, ответственный за уничтожение запасов ядерного оружия (он был выходец из шотландской семьи, приехавшей в Россию в XVIII веке, бежавшей после семнадцатого года, но девочки в семье говорили по-русски лучше, чем во многих русских семьях за границей).

«Гласность» в Москве и «Русская мысль» в Париже продолжали бороться (все более кровавая «демократия» Ельцина ничего кроме омерзения и ужаса не вызывала), но после 1992–1993 года это были жалкие островки, как и несколько добиваемых организаций в провинции. Мы были уже почти без всякой поддержки у перетрусивших либералов и демократов и встречали все меньше понимания в других странах. Впрочем, я сильно забежал вперед.

В Нью-Йорке и Вашингтоне я был несколько раз, и все повторялось. Вице-президент Соединенных Штатов спортивный Дэн Куэйл спрашивал меня, чем он может помочь «Гласности», а мне нечего было ему сказать. То же мне предлагал всесильный и легендарный председатель АФТ-КПП[20], Лейн Кирклэнд – он же предложил мне встретиться с Лехом Валенсой, и на этой первой нашей встрече Лех уговаривал меня отказаться от критики Горбачева. Предлагал помочь «Гласности» сенатор Эдвард Кеннеди, но я никогда ничего не просил не из гордости или преувеличенного национального самосознания, а потому, что трудно было выработать действенную стратегию. Андрей Дмитриевич мне рассказывал, что и для него, кажется, тоже в «Уолдорф-Астория» академиком Е. П. Велиховым был устроен ужин, где богатейшие люди в США спрашивали, чем они могут помочь ему и России. И Сахаров отказался (был не в состоянии сформулировать, какой могла быть эта помощь). Вспоминаю простейший случай – соглашение о совместной работе «Хэритидж Фаундейшн», знаменитой и первой американской правозащитной

организацией, основанной Элеонорой Рузвельт, и фондом «Гласность». Как плата за подписку на журнал и ежедневную сводку новостей ими были положены на тут же открытый счет в Chase Manhatten Bank десять тысяч долларов – деньги небольшие, но и не маленькие по тем временам. Но я не умел пользоваться выданной мне чековой книжкой, и деньги пропали, уйдя на оплату обслуживания вклада. Да и как могло быть иначе у человека, впервые выпущенного из Советского Союза, а перед тем еще и проведшего двенадцать лет в тюрьмах и ссылке?

Все бы, конечно, со временем наладилось – и я бы постепенно чему-то научился, да и помощники появились, – но времени для этого уже не оставалось: борьба внутри страны становилась все более сложной и ожесточенной, и противник был к ней гораздо лучше подготовлен. Наше преимущество заключалось в одном: мы и в тюрьме и на воле готовы были умереть, КГБ хотел жить и наслаждаться жизнью. А это очень сужает возможности.

В мозговом и политическом центре США Counsel of Foreign Relations, выступая через неделю после Шеварднадзе, я, естественно, более реалистично описывал положение в Советском Союзе, говорил о положении в Прибалтике, Средней Азии и на Кавказе, о возможности развала страны, но не сразу понял, что пусть и постоянно лгущий, но неуклонно и неожиданно для американцев во всем уступающий Горбачев (как потом Ельцин и КГБ) в конечном итоге казался тогда важнее для государственных интересов США, чем победа бесспорной демократии в рушащейся коммунистической империи. Подобное выступление перед политико-финансовым руководством США в знаменитом зале гостиницы «Уолдорф-Астория» у меня почти сорвалось из-за опоздания на час переводчицы – на этот раз это была бывшая жена советского дипломата Митрохина, попросившего убежища в США, – но суть его была примерно та же. И все же эти встречи, выступления, обеды (на одном из них рядом со мной сидел Аркадий Шевченко – самый известный советский перебежчик, в прошлом – заместитель генерального секретаря ООН) в первую очередь проводились не для того, чтобы разобраться во всех подробностях в положении в СССР, а для того, чтобы решить – на кого же все-таки нужно ставить в Советском Союзе. Конечно, я вызывал гораздо больше доверия и просто доброго к себе отношения, чем коммунисты, Шеварднадзе и уже появляющийся на Западе Ельцин. Но я приезжал на эти встречи один, а Шеварднадзе как министр иностранных дел и Ельцин ездили с хорошо подготовленной группой референтов и помощников. И пусть в Лондоне никто не доверял наскоро перекрасившемуся

(или перекрашиваемому) в демократа Ельцину, поражались тому, насколько он не способен вести себя прилично и по-свински напивается в гостинице (его, как и меня, переводила Алена Кожевникова и со смехом мне об этом рассказывала), но было очевидно, что за ним бесспорная причастность к власти в СССР и хорошо организованные многочисленные митинги, а я ни к власти, ни к митингам отношения не имею.

Зато ко мне в гостиницу «Мэйфлауэр» внезапно пришел Юра Милко, когда-то в Киеве часто бывавший у Сергея Параджанова. Потом он давал нужные обвинению показания обо мне и защищал гебиста, внедренного к Сергею, чтобы собрать материалы для его ареста, говоря: «Он ведь не стукач, он – профессионал, сотрудник.

Юра женился на американке и сразу же выехал в США еще в 1975 году. Теперь, как выяснилось, он оказался переводчиком в госдепартаменте и предложил мне выступить перед его коллегами и учениками. Но мне почему-то не захотелось. Теперь я иногда думаю, что, может быть, приход Юры был осторожным напоминанием комитета о своем присутствии и в этом мире. В тот первый приезд в США летом восемьдесят девятого года мне был предложен грант в сто тысяч долларов для разработки проекта новой конституции СССР. Я и от него отказался. Во-первых, не чувствовал себя достаточно компетентным для такой серьезной работы, а тех блистательных русских и европейских юристов, которые позже помогали «Гласности», тогда еще не было. Во-вторых, знал, что Андрей Дмитриевич серьезно занят этой работой (его проект Конституции, кажется, даже не опубликован) и совершенно не хотел конкурировать с Сахаровым. Через год в США оказался розовощекий двадцатипятилетний Олег Румянцев, его переводчицей была та же, что и у меня, Людмила Торн, которая, по-видимому, и привела его в те же фонды. Румянцева ничто не удерживало, грант он получил и вскоре в СССР появился новый крупный специалист в области конституционного права и один из авторов Российской Конституции.

Встречи и совместная работа с Юрием Ярым-Агаевым – директором центра «За демократию» и издателем журнала «Гласность» по-английски оказались недолгими и, пожалуй, неудачными. Конечно, Юрий в отличие от многих американцев (в том числе и весьма влиятельных) совершенно не думал, что мы, освобожденные из советских тюрем, станем, как Нельсон Мандела в Южной Африке, руководителями страны, понимал, что в Африке это произошло в результате народного и международного давления, а в СССР это государственный проект, реализуемый КГБ и Политбюро. При этом Ярым-Агаев делал все, что от него

зависело, чтобы я мог на встречах в Вашингтоне и Нью-Йорке попытаться объяснить эту разницу. Но возможности его не были безмерно велики, а сам Центр, красочно описанный Ионой Андроновым, был так беден, что ночевал я на раскладушке в его единственной комнате. Проблема оказалась в том, что Ярым-Агаев, не имея журналистского опыта, плохо понимал мир средств массовой информации, а еще хуже – меня, может быть, потому, что не имел тюремного опыта.

Быстрый рост тиража – от пятисот до двенадцати тысяч экземпляров, – подписка на него уже не просто каждой американской редакции, но и по несколько экземпляров в различные отделы, скажем, в газете «Нью-Йорк Таймс», вскружили Юрию голову и привели к мысли, что и журнал «Гласность» и сам центр превратятся в Соединенных Штатах в главный источник сведений об СССР, что все начнут обращаться за хроникой, за комментариями именно к нему. Но советский мир, и информационный и интеллектуальный, конечно, не ограничивался только тем, что печатала «Гласность», или сводкой новостей «Ежедневной гласности». К тому же «Гласность» оказалась слишком радикальной для такой широкой аудитории. Для решения новой глобальной задачи Юрию надо было «расширить» журнал. Он показал очередной номер, где одна из статей – кажется, вполне приличная – была из «Московских новостей». Я сказал, что мне это не нравится, что я не могу сохранять свою подпись в номере, где помещены статьи из других изданий. Юрий пообещал мне, что этого больше не будет. Его мечты были неосуществимы в принципе: любое серьезное средство массовой информации содержит собственных корреспондентов именно потому, что у него есть отличная от других картина мира и пользоваться в серьезных объемах чужой информацией не может и не хочет. Месяца через два после нашего разговора и его обещания я приехал в Париж и получил на адрес «Русской мысли» объемистую бандероль, где было около десятка экземпляров нового номера английского издания «Гласности», и где материалы, перепечатанные из «Московских новостей» и «Огонька», занимали уже треть объема. Я тут же позвонил Ярыму:

– Вы нарушили данное мне обещание, и я сниму свою подпись под журналом.

– Ну, если не хотите, я оставлю вашу подпись только под материалами «Гласности».

– Но тогда должно измениться и название журнала.

Это в планы Ярым-Агаева не входило, я же не собирался участвовать ни в каком дайджесте с правительственными

советскими изданиями, пусть даже и с либеральным уклоном. Два года назад подобное мне предлагал Синявский, и я уже тогда, только выйдя из тюрьмы и совсем почти ничего не понимая, от этого отказался.

В тот же день я написал короткие письма спонсорам американского издания о том, что так как издатель помещает в нем материалы, не соответствующие направлению журнала, я снимаю свою подпись и настаиваю на изменении названия.

Копирайт на материалы русского журнала «Гласность» мы не ставили хотя бы потому, что не могли платить авторам. Так что перепечатывать их мог кто угодно невозбранно. В том числе и Ярым-Агаев. Но, конечно, больше никаких грантов на издание журнала он не получил.

Что касается Синявского, то мое первоначально очень доброе, основанное на давнем знакомстве отношение к нему начало постепенно, но заметно меняться. Две его статьи конца восьмидесятых годов неприятно поразили и заставили меня и в «Русской мысли» и в «Гласности» на них ответить.

В первой статье, напечатанной в СССР в «Аргументах и фактах» (Сахарову не дали в первый год напечатать ни одной статьи в государственной печати, эмигранту Синявскому – пожалуйста), он писал, что самые счастливые годы своей жизни он провел в лагере. Это можно было понять с точки зрения литератора – я тоже чувствовал безумное богатство языка, судеб, психологий. Но это было бесспорно подло: в политических и уголовных лагерях находились тысячи политзаключенных, и это не было для них счастьем, да и льготных условий, как Синявскому, им в лагерях не создавали. Синявский писал, что эмиграция, так же как коммунисты, не понимают сути творческого начала, не допускают возможности писать в лагере книги о Пушкине и Гоголе. Я отвечал, что его эстетизм уравнивает палачей и их жертв, свободу и концлагеря, и это уже слишком для нашего трагического времени.

Статья Синявского в «Либерасьон» называлась «Горбачев – диссидент № 1 в СССР», а я писал, что у генсека своя компания – Чебриков, Крючков, у нас своя – погибшие в тюрьмах КГБ в соседних со мной камерах Марк Морозов и Толя Марченко. Моя новая статья в «Русской мысли» и в «Гласности» называлась «Зачем вам это нужно, Андрей Донатович?». К тому времени я еще не прожил месяц под Тулузой у Элен Замойской, еще не прочел его книгу «Спокойной ночи» с внятным, хотя и неполным рассказом о сотрудничестве с КГБ этого, казалось бы, лидера демократического движения в СССР[21].

Во Франции продолжалась напряженная до предела жизнь. Генеральный деректор Радио Франс Интернасьональ – французского государственного вещания для заграницы, в первую очередь для Канады, Алжира и других бывших французских колоний, но при этом с большой русской службой – после нескольких моих интервью для них внезапно предложил «Гласности» заключить соглашение с RFI, по которому в Москве нами создавалось совместная радиостанция. Все оборудование для нее давали французы, всю редакционную и информационную работу осуществляла «Гласность». Был подписан договор о намерениях, торжественно отпразднован в ресторане «Наполеон», но я, считая, что он лишь дополняет работавшие фото- и телевизионные группы «Гласности», совершенно не представлял себе, что необходимо для открытия собственной радиостанции.

Приехав в Москву, выяснил, что для этого по меньшей мере необходимо получить государственное разрешение на использование частот. Поговорив с парой ответственных за это чиновников в Совете министров, я понял, что частоты, если и могут быть мне выделены, то под контролем и на таких условиях, которые превратят «Гласность» в очередную советскую редакцию.

Незадолго до этого началось вещание новой либеральной и в глазах многих совершенно свободной радиостанции «Эхо Москвы». Я пришел в их небольшую редакцию на Никольской и попробовал обсудить с Сергеем Корзуном – тогда главным редактором и основателем новой радиостанции – вопрос об объединении, о совместной работе «Эха Москвы» и радио «Гласности». Для Корзуна, естественно, было заманчиво получить бесплатно комплект нового французского оборудования, да еще в той чудовищной нищете девяностого года, к тому же и корреспондентская сеть «Гласности» была раз в десять шире, чем у маленького «Эха», не говоря уже о репутации, как в Советском Союзе и во всем мире. Но Сергей ясно понимал, что изменить что-то в позиции «Гласности» ни он, ни кто-либо другой не сможет и осторожно намекнул, что «Эхо Москвы» ведет передачи с военных, как он сказал, на самом деле с бывших гебешных глушилок западных радиостанций в районе метро «Сокол». И что те, кто дал им в КГБ эти передатчики, вряд ли захотят, чтобы их использовала «Гласность». Оказалось, что и радиостанция – это очередной подарок, который я не то чтобы не хотел, но не был способен принять.

В эти месяцы в Страсбурге, в соответствии с велением еще не ушедшего времени, Европейский парламент проводил большой конгресс о правах человека. Из России был приглашен я, из Израиля приехал в это время уже, кажется, министр Толя

Щаранский. Толя по доброте своей не протестовал, когда его так называли лагерные и тюремные соседи, хотя для всех остальных он, конечно, был Натаном. В отличие от него жесткий и мужественный создатель украинского демократического движения «Рух», вскоре убитый Вячеслав Чорновил очень возмущался, когда его называли (как было и в паспорте) Черноволом («Что вы меня русифицируете? Я из украинской, а не из русской семьи»).

С некоторым удивлением мы обнаружили, что в русской секции, где мы должны были выступать и работать, председательствует академик Кудрявцев – директор Института государства и права в Москве. В «Гласности» мы уже успели опубликовать его «внутренние рецензии» для КГБ СССР на книги моего соседа по Чистопольской тюрьме Жени Анцупова. На основе этих рецензий Женя и получил семь лет заключения. Толя, естественно, говорил о положении и выезде из СССР евреев, я – о множестве других проблем, что было совершенно не интересно английским, французским, немецким профессиональным дипломатам. К тому же под конец я спросил, как может председательствовать в нашей секции человек, прямо сотрудничавший с КГБ и по справкам которого оказались в лагерях и тюрьмах СССР немало политзаключенных. Никто, кроме Щаранского, меня не поддержал, больше того, было видно, как раздосадованы европейские чиновники моей непристойной выходкой. Они спокойно заняты серьезным вопросом о правах человека с хорошо воспитанным и образованным человеком, а тут к ним пристают с какими-то тюрьмами и КГБ. Кудрявцев подозвал своего помощника, тот куда-то сбегал, вероятно, проконсультировался по телефону и пришел с ответом, после чего академик медленно и веско сказал, что раньше у него действительно бывали ошибки, но теперь он многое пересмотрел и понял и только это и хочет ответить господину Григорьянцу.

Во время обеда он сам попросился за столик к нам с Толей, и я его спросил:

– Но ведь у вас в Москве дети, вы не боитесь, что та ложь, которую распространяет в Европе советская пропаганда, в конечном итоге и их может поставить под удар?

– Я не уверен в том, что и сам буду жив, – внезапно ответил Кудрявцев.

Но был убит мой сын, а не его.

Благороднейший Александр Михайлович Ларин, заведовавший отделом в институте у Кудрявцева, ставший основным автором Устава Международного трибунала по Чечне, однажды сказал мне:

– Все же лучше иметь дело пусть с очень плохим, но хотя бы умным человеком.

Не помню, в этот ли мой приезд в Страсбург или в другой Европейским парламентом проводился круглый стол на популярную тему: «Европа от Атлантики до Урала». Готовился он заранее, меня в списке участников не было, но поскольку я оказался в Страсбурге, Адам Михник, один из лидеров «Солидарности», редактор очень популярной «Газеты Выборчей» сказал все, что считал нужным, до обеда, а после него – уступил мне свое место за столом.

Все уже забыли, что этот политический курс не был изобретением Горбачева, об этом говорили и Хрущев (времени «плана Шелепина»[22]) и генерал де Голль.

Когда очередь дошла до меня, я сказал, что вполне разделяю энтузиазм собравшихся по поводу этого плана, хотя и не вполне понимаю, что именно произойдет: Атлантика дойдет до Урала или Урал до Атлантики. Пока что под миролюбивые разговоры Горбачев Советский Союз расширил железнодорожную колею в Финляндии до границ со Швецией, сделав возможным прямое следование любых советских грузов к ее границам, притом что торговый обмен практически равен нулю и в будущем не планируется. То есть речь идет о военных эшелонах. К тому же и атомных подводных лодок СССР все еще строит каждый год больше, чем все страны мира вместе взятые. Поскольку за столом сидели и примас Франции кардинал Люстиже и митрополит Питирим, прибавил что-то о духовных свободах на Востоке, об уничтожении Католической церкви на Украине и сергианстве в России.

Сидевший человека через два за мной митрополит Питирим в отличие от советских дипломатов, речи которых были гибки и двусмысленны, расставил все точки над «и». Прямо глядя на умнейшего и очень популярного в Европе кардинала Люстиже, он пробасил в окладистую черную бороду:

– Европа от Атлантики до Урала – это прекрасно и, конечно, в единой Европе может быть только одна Церковь, – имея в виду, естественно, Московскую патриархию.

Когда прозвучал перевод, совершенно растерянная госпожа президент Европарламента неуверенно спросила Питирима:

– Мы, вероятно, не так поняли господина монсиньора?

– Вы правильно меня поняли, – прогундосил советский митрополит.

За спиной у Питирима стоял в качестве помощника Николай Владимирович Лосский – сын знаменитого философа, публицист,

человек известный и влиятельный в русской эмиграции. Он тут же зашептал мне, что вопрос о митрополите Сергии совсем не так прост, пригласил на обед в Париже, а Питирим – в Москве, но мне все это было как-то не очень интересно, хотя Лосский принадлежал к той старой части русской эмиграции, в которой был и мой двоюродный дед – режиссер Александр Санин, до войны руководивший вместе с Тосканини театром «Ла Скала», а после войны – оперный режиссер «Гранд-Опера», но на семейные изыскания в то время не хватало сил.

Гораздо важнее в Париже были многочисленные встречи и долгое время (по-видимому, до влияния Алика) дружеские отношения с Михаилом Яковлевичем Геллером. В первую очередь нас сближало общее недоверие к официальной советской пропаганде, понимание того, что истинное положение в Советском Союзе гораздо сложнее и во многом – страшнее. Он знакомил меня со своими друзьями, привел к Алену Безансону, который стал вторым знакомым мне членом Французской академии. До этого мы периодически встречались, обсуждали положение в России и обедали в старом парижском ресторане «Бенуа» с Франсуа Ревелем. Много лет спустя издательство «Гласность» напечатало его книгу о Марселе Прусте и под его редакцией впервые по-русски письма Пруста, но это уже были поиски источников существования для фонда «Гласность».

Пока же мы не только в «Русской мысли», где он вел еженедельное обозрение, но и просто у него дома на ви Кюн Энн встречались с Михаилом Яковлевичем, у которого было особенное, не замеченное тогда ни политиками, ни политологами основание считать перестройку Горбачева хорошо продуманным планом КГБ. Это была изданная где-то в американской глубинке книга советского перебежчика – майора КГБ Анатолия Голицына. Еще при жизни Андропова Голицын писал, что очень скоро его сменит молодой харизматичный лидер, который заговорит о демократии, вернет из ссылки Сахарова, освободит политзаключенных, но все эти действия будут направлены на то, чтобы усыпить бдительность Запада и завоевать Европу без больших усилий и мировой войны. Для Геллера такое предсказание, да еще и с подробностями появления в политике Горбачева стало убедительным доказательством того, что перестройкой руководит КГБ. Меня, собственно, в этом и убеждать не надо было – и я сам в тюрьме и вся редакция «Гласности» ощущали это ежеминутно.

Со временем пришло понимание, что это не просто «план Шелепина», знакомый Голицыну, но план для Шелепина, а не для Горбачева. Что для Горбачева он был слегка изменен, потом еще

раз резко менялся, когда обнаружились экономические проблемы СССР и неуправляемый рост демократического движения, а потом и вовсе у КГБ обнаружились свои планы, а у Политбюро и Горбачева – свои. Но все это стало мне ясно уже позднее, после смерти Михаила Яковлевича. Однажды я попытался что-то обсудить с приехавшим в Москву А. М. Некричем, но его тогда в их общей с Геллером «Утопии у власти» интересовали совсем иные вопросы.

Пока же я обнаружил в Париже привычную мне по Москве довольно надоедливую слежку, сказал об этом Ирине Алексеевне, которая по обыкновению улыбнулась, но что-то внятное сказать мне – французы это или русские, конечно, не могла. Вскоре меня попытались убить в Лондоне и сомнений в том, что это КГБ, не осталось.

В конце восемьдесят девятого года прекратилось издание «Гласности» по-французски. Ольга Свинцова, которая по собственной инициативе получила у французского правительства деньги на его роскошное издание, на офис поблизости от Лувра и на оплату помощника, которая была моим незаменимым переводчиком не только во Франции, но иногда и в Испании, сказала, что я не написал обещанную книгу и в издательство, чтобы вернуть аванс (я предложил это) она больше не пойдет, что деньги на «Гласность» кончились и больше она этим заниматься не будет.

Мы сидели на бульваре Сан-Мишель, ели мороженное, которое в этом кафе считалось лучшим в Париже, и на прощанье Ольга мне сказала:

– Как жаль, что на русский не переведен Жан Жене. Ведь вы такие глупые русские – совершенно не понимаете красоты предательства.

За год до этого Володя Буковский, у которого Ольга работала в «Интернационале сопротивления» и Володя Максимов – Ольга работала и в «Континенте» – порознь убеждали меня в том, что Ольга сотрудничает с КГБ. Я слушал, но все это были общие слова, никаких оснований так считать у меня не было: Ольга мне во многом помогала, разве что слегка донимала рассказами о том, как много русских, приезжающих в Париж, сотрудничают с комитетом (называя имена). Я все это по тюремной привычке слушал молча, не откликнулся и на это последнее сожаление, но подумал, что если Буковский и Максимов правы, то КГБ давал мне в Париже совсем не мелкие авансы: международный журнал, офис и большие перспективы. Впрочем, скорее всего это были разные попытки найти ко мне подходы.

А на следующий день я уехал в Испанию, в Сантандер, на правозащитную конференцию, где встречала меня и была переводчицей очаровательная внучка Долорес Ибаррури – тоже Долорес.

Мы шли по гигантскому океанскому пляжу мимо казино к королевскому дворцу, где была устроена конференция, в сорокоградусную жару, я – в черном костюме и туфлях, утопавших в песке.

– Вероятно, это очень дорогой курорт?

– Нет, сюда приезжают пенсионеры, молодые едут туда, где потеплее.

Думать было страшно о «потеплее», но еще до окончания конференции меня внезапно вызвали звонком из Парижа от Иловайской – в Мадриде мне уже был заказан билет в Париж, откуда надо было прямо из аэропорта Шарль де Голль лететь в Лондон.

В этот день самолета из Сантандера в Мадрид почему-то не было, и меня отвезли на машине через половину Испании, оранжевой, выжженной и такой похожей на Армению.

В Париже в аэропорту меня ждал сотрудник французской «Гласности» Филипп (с ним оставались нормальные отношения) – замечательный парень из семьи беженцев из Алжира, который всячески пытался вытолкнуть меня в первую шеренгу или в первый ряд на французских митингах, чему я по мере сил сопротивлялся, и передал приглашение на съезд Консервативной партии в Брайтоне, подписанное Маргарет Тэтчер, где в программе было и мое выступление.

И действительно, в аэропорту Шарль де Голль я получил папку с приглашениями, через час был самолет в Лондон, было время выпить чашечку кофе и тут оказалось, что ни Ирине Алексеевне, ни во французской редакции «Гласности» никому даже не пришло в голову, что мне как советскому гражданину для перелета из Парижа в Лондон нужна еще и английская виза. С помощью звонков Ирины Алексеевны, уговоров, что я только что прилетел из Мадрида, а в Лондон меня срочно приглашает премьер-министр и в паспорте у меня много других виз, в Париже меня смогли посадить в самолет без английской визы. Но в Хитроу на полицейского чиновника, проверявшего паспорта приехавших в аэропорт, подпись Тэтчер не произвела никакого впечатления. За два часа суматохи в Париже и перелета в Лондон встретить меня в аэропорт приехали лорд Малколм Пирсон и вице-спикер палаты лордов Кэролайн Кокс. Все их уговоры совершенно не интересовали полицейского – «визы нет, и я его в Англию не впущу». И только, когда внезапно выяснилось, что

очаровательный молодой человек, приехавший с ними в качестве переводчика – Игнат Солженицын, учившийся в Лондоне музыке, полицейский внезапно подобрел:

– Ну, если у вас переводчик – сын Нобелевского лауреата, – сказал он мне, – пожалуй, я вам поверю и разрешу въезд, – и поставил маленькую печаточку в мой паспорт.

Конференция в Брайтоне и даже прием на Даунинг-стрит (тем более, что там не было Тэтчер) для меня не были особенно интересны – я говорил, как всегда, о своем недоверии ко многому, что происходило в Москве и во всей стране. Но были два события, которые запомнились. Во-первых, как я уже упоминал, меня попытались убить.

Лорд Малкольм поселил меня в своем доме на крохотной Виктория-сквер – круглой маленькой площади с классическим сквером посредине, со всех сторон окруженной десятком старых английских особняков, неподалеку от Букингемского дворца, а сам уехал охотиться в Шотландию, оставив меня одного. Дом был довольно узким, но с полуподвальным этажом и мансардой оказывался пятиэтажным примерно с десятком комнат. Для удобства в нем был свой маленький телефоннный коммутатор, которым я так и не научился пользоваться. Целые дни уходили на различные встречи и конференции и только часов в одиннадцать вечера меня привозила Алена Кожевникова и я мог, слегка отдышавшись и перекусив, выйти в город, чтобы хоть немного побродить. Во второй или третий вечер я заметил нечто меня слегка удивившее: у подъезда дома, где я жил, стояла дорогая белая машина, вся усеянная торчащими антеннами, которая, как я знал, не принадлежала Малкольму. Местные порядки мне были неясны, но я мог предполагать, что возле чужого дома не ставят машины посторонние люди. Подумал, что, может быть, кто-то приехал в гости в соседний дом, а машину негде было поставить. Но и на следующий день и через день белая машина продолжала стоять у подъезда. Но лорда Малкольма в Лондоне не было и мне не у кого было спросить. Иногда я выходил в сторону Риджент парка, безлюдного в эти часы, к центру Лондона, чаще – к шумным улицам вокруг вокзала Виктория, где продолжали работать пабы, куда на ночных поездах приезжали и откуда уезжали люди. День на четвертый, когда я там оказался и как всегда почти сошел с тротуара, чтобы перейти улицу, стоявшая у обочины темная машина без фар и опознавательных знаков вдруг на большой скорости рванулась с места и попыталась меня сбить, с грохотом въехав на тротуар. К счастью, в этом месте был подъезд дома с несколькими ступеньками. Я успел вскочить на

них, и машина, все так же не включив ни одной габаритной лампы и что-то сбив на тротуаре, с грохотом унеслась.

На следующий день вернулся обеспокоенный Малкольм, я рассказал ему о покушении, он сказал, что пытался мне дозвониться, но слышал какие-то русские переговоры, кто-то подключился, сознательно или случайно, к его коммутатору. Русского языка он не знал, понять, что за голоса слышит, не мог, но бабушка у него была русская, и отличать русскую речь от других он был вполне в состоянии. Белая машина с антеннами, естественно, исчезла. После консультации с опытными людьми стало ясно, что из машины, во-первых, прослушивали все разговоры в доме (а ко мне иногда кто-то и приходил, например, жившие тогда в Лондоне Ира Ратушинская и Игорь Геращенко), во-вторых, подключились к коммутатору, не зная, что я толком не умею им пользоваться и, главное, следили за моим распорядком дня и прогулками.

Но с общественной точки зрения важнее было другое, где я далеко не уверен в правоте принятого мной решения. Однажды мне передали, что со мной хочет встретиться Руперт Мёрдок. Я плохо себе представлял, кто он такой – в СССР было мало сведений о ком бы то ни было. Знал, что он владелец газеты «Таймс» и что там в это время были какие-то проблемы; знал, что ему принадлежит еще несколько десятков газет, в основном в Австралии, и четыре десятка спутников – телевизионный канал «Sky News».

Когда мы приехали к какой-то гигантской усадьбе, окруженной стеной, почти в центре Лондона, и вошли в ворота, сперва я не мог понять, почему меня так долго ведут по какому-то длиннющему гаражу. Потом оказалось, что именно это был вход для почетных гостей – нас вели мимо фантастической коллекции «Роллс-ройсов» разных лет выпуска и моделей, пятьдесят или семьдесят машин из коллекции Мёрдока. Но я, никем не предупрежденный, не был способен оценить их красоту и редкость.

Оказалось, что Мёрдок пригласил меня для того, чтобы предложить редактировать его газету в Москве. Потом я понял, что его конкурент Роберт Максвелл, издававший (естественно, на советские деньги) труды Брежнева в Англии, в Москве начал издание русского варианта своей газеты «We» – «Мы», и Мёрдок не хотел отставать и отдавать ему Советский Союз.

Для меня это было полной неожиданностью, к тому же я был очень независим и считал, что если не хочу зависеть от газеты «Правда», то зачем мне зависеть от Мёрдока (не понимая существенной разницы в форме этой зависимости) – у меня были

журнал «Гласность», агентство «Ежедневная гласность» и десяток корреспондентов, ездивших по стране с видеокамерами. Я отказался, сказав, что мне было бы интереснее получить доступ к одному из его спутников для передачи нашей видеоинформации по всему миру. Живой невысокий человек в теннисной рубашке тут же потерял ко мне интерес, позвал какого-то помощника, занимавшегося телевидением и ушел так же быстро, как и вошел. Главное, чего я не понимал, отказываясь от предложения Мёрдока, что издание большой европейской газеты в Москве могло бы существенно изменить политическое положение в стране, резко усилить возможности демократического развития, влияние и потенциал сторонников возвращения России к европейскому пути развития.

Впрочем, когда сегодня я об этом думаю, то временами прихожу к выводу, что изменить что-либо было невозможно. Меня, поскольку со мной нельзя было договориться, через год уж точно убили бы, газету, как Радио Свобода, нашпиговали бы людьми из КГБ. С моей точки зрения, Комитет государственной безопасности в борьбе с демократией использовал далеко не все возможности, которыми он в достатке располагал.

В Лондоне я еще раз обедал с владельцем агентства «Рейтер» лордом Томсоном, который в Нью-Орлеане обдумывал, как помочь «Гласности». Было это в одном из закрытых лондонских клубов и, возможно, впервые в его истории туда была допущена женщина – Алена Кожевникова, переводившая меня, что вызывало нескрываемое удивление у остальных. Но теперь это был просто обычный вежливый обед. Когда я встретил лорда Томсона через пару лет в Москве, он узнал меня уже с большим трудом.

Завершая выборочные рассказы о встречах на Западе, было бы неверно не упомянуть о еще одной, более поздней поездке в Испанию.

В декабре девяностого года мне в Москву позвонил из Мадрида хорошо знакомый мне и говоривший по-русски испанец, с которым мы уже не раз беседовали в центре конференций и встреч, посвященных переменам в Восточной Европе. Мы были в хороших отношениях. Он пригласил меня на конференцию о правах человека в Восточной Европе. Я согласился приехать, и он сказал, что билеты на самолет будут заказаны и будут ждать меня в Шереметьево. Советские граждане не имели права пользоваться иностранной валютой, а соответственно, и не могли купить билеты зарубежных авиакомпаний. С визами в Москве все прошло на редкость легко, но когда я приехал в аэропорт, то встретился с неожиданностью. Билет оказался на «Boing–747», а эта модель имеет внутренний второй этаж – небольшой салон клипер-класса.

Именно в этот салон и был заказан мне билет, который, следовательно, стоил в два-три раза дороже обыкновенного, правозащитные организации таких билетов не заказывают. Я с удивлением поднялся в салон и обнаружил там Анатолия Собчака – только мы с ним со скамеечками для ног и пледами летели в этом салоне.

В это время Крючков настоял на совместном армейско-милицейском патрулировании улиц. В Москве в нем не было необходимости – никаких беспорядков в городе не было, но, как сказал Собчак, в Ленинграде патрулирование идет и никаких проблем не вызывает. С этими разговорами мы прилетели в Мадрид. Я уже упоминал о Собчаке в связи с событиями в Тбилиси. Что-то в его деятельности я понимал уже тогда, что-то стало ясно позже (в разговорах с Яковлевым, воспоминаниях Николая Рыжкова, информации о его вступлении в КПСС в конце 1988 года), так или иначе большого доверия он у меня не вызывал, но то, что происходило в Мадриде, превзошло все мои ожидания.

Положение было напряженным. В самом разгаре была Война в заливе. Кувейт и Испания объединены Средиземным морем и было видно, как серьезно здесь к этому относятся: в аэропорту – танки, я впервые видел в Европе полицейских с автоматами.

На следующий день начинается конференция, на которую кроме нас с Собчаком, приглашен из-за границы только польский сенатор Збигнев Ромашевский, приехавший с женой Зосей. Мы с ним давно знакомы, однажды я даже пару дней ночевал у него в Варшаве, именно Збигнев по сути дела и сверг Ярузельского. Когда его, известного физика и члена КОС-КОР'а[23], освободили из тюрьмы после введения военного положения, он поехал в США, где у американских поляков собрал изрядный фонд помощи задержанным и уволенным с работы за участие в митингах и демонстрациях. В результате уволенные стали вместо зарплаты получать деньги из фонда, а демонстрации стали такими массовыми, что Ярузельскому пришлось уйти в отставку. Збышек недолго был директором радио и телевидения Польши, его немедленно снял президент Лех Валенса после обнародования его подписки о готовности сотрудничать с госбезопасностью под кличкой «Болек».

Конференция в Мадриде была необычной. Мы втроем и с нами трое испанцев сидели за столом на сцене и последовательно день за днем обсуждали разные темы о переменах и правах человека в Восточной Европе, а нам внимал огромный тысячный зал, совершенно не принимавший в этом участия. Обычно так

правозащитные конференции не проводят.

Но самое удивительное началось, когда испанцы попросили меня председательствовать, и Собчак день за днем начал ставить меня в совершенно неудобное положение. Скажем, как ведущий, я первым говорил довольно обычные, если не банальные для правозащитника вещи о положении в Европе, в частности, о войне на Ближнем Востоке. Что-то говорит Ромашевский, что-то поочередно испанцы, но среди прочих – выступление Собчака, и он говорит, что в Советском Союзе и народ и руководство страны безмерно любят Саддама Хусейна и оказание ему военной помощи в захвате Кувейта весьма вероятно. И это говорится в стране, где война в Персидском заливе воспринимается как нечто очень близкое и опасное, а главное – это совершенно не соответствует действительности! В Советском Союзе в это время ни правительство, ни военные, ни тем более общество совершенно не думали о помощи в агрессии Саддаму Хусейну, в стране совсем другие заботы. Был, правда, полусумасшедший генерал Филатов, который в журнальчике «Старшина – сержант» писал нечто подобное, но он был единственным на всю страну.

В результате мне, ведущему, приходилось комментировать докладчика, успокаивать испанцев, говорить, что это личное мнение господина Собчака.

Но на следующий день все становится еще краше. Речь идет о положении в Советском Союзе и, естественно, все говорят о недавнем событии – захвате десантниками Вильнюсской телебашни и убийстве тринадцати журналистов. Все говорят, в том числе и я во вступлении, что это ужасно, о неясности участия в этом Горбачева, но когда очередь доходит до Собчака, он говорит дословно следующее:

– Если вообще стоит говорить о событиях в Литве, надо иметь в виду, что преступления в области прав человека, совершенные нынешними так называемыми правительствами прибалтийских республик, далеко превосходит все, что совершил даже Сталин в Советском Союзе.

И я опять вынужден говорить, что это личное мнение господина Собчака и что оно не подтверждается никакими фактическими данными. Кроме сути того, о чем говорит Собчак, я оказываюсь в странном положении – не вполне прилично, когда ведущий начинает комментировать, да еще и резко критиковать докладчиков, но кроме меня это просто некому сделать.

Я ничего не могу понять, за завтраком в гостинице мы со Збышеком и Зосей перестали пускать Собчака к себе за столик, но с него как с гуся вода. На третий или четвертый день в перерыве я говорю знакомому испанцу, что не могу понять поведения

Собчака и что мне как ведущему не пристало комментировать чужие доклады. На что слышу очень странный ответ:

– Да вы, господин Григорьянц, просто не замечаете, кто сидит в первом ряду. Там только советские дипломаты.

И я смотрю в зал и вижу, что весь первый ряд действительно занят русскими, причем на первый взгляд даже не дипломатами, и у многих на коленях блокноты. Их совершенно не интересует все, что говорю я, Ромашевский, испанцы, но они записывают каждое слово Собчака, и он, незадолго до этого вступивший в КПСС, говорит только для них. Сдает экзамен.

Конференция, слава богу, заканчивается, у нас с Ромашевским какие-то не очень значительные встречи, у Собчака – почти на правительственном уровне. Очень информированная в то время благодаря замечательной корреспондентке в Москве Пилар Бонет газета «Эль Паис» выходит с большой статьей о Собчаке – в самом ближайшем будущем президенте СССР.

Вернувшись в Москву, я зашел в «Московские новости», рассказал Егору Яковлеву об экзамене на пост президента России, который сдавал в Мадриде Собчак, и предположил, что газете следовало бы сообщить о том, что вскоре у нас может появиться новый, очень интересный, президент. Яковлев ответил, что ничего подобного печатать он не может, потому что Собчак – один из учредителей газеты, и вообще он – одинокий волк, который всюду ищет поддержку. О том, что произойдет в августе, мы и предположить не могли – думаю, Собчак с серым кардиналом Путиным за спиной был запасной и неиспользованной картой Крючкова на случай, если паче чаяния, путч увенчается успехом.

Рассказ Яна Ольшевского и Борис Ельцин

И все же настоящая свистопляска в Советском Союзе шла, конечно, не по поводу Собчака, а вокруг новоявленного демократа и «бесспорной жертвы коммунистического режима» Бориса Ельцина.

«Гласность» с первых дней его рекламной компании относилась к секретарю Свердловского обкома КПСС так же, как к другим партийным чиновникам, хотя надо было относиться гораздо серьезнее. Для нас было ясно, что это обычный (скорее из худших) партийный выдвиженец и к тому же мы были глубоко убеждены, что выкормыши КПСС в качестве лидеров новой России не нужны. Опубликовать материалы об уничтожении по его распоряжению дома, где был расстрелян император Николай II с супругой, детьми и близкими, не пожелавшими их оставить, мы не смогли – не было хорошо написанного текста. Но в Чистопольской тюрьме со мной сидел Владимир Ельчин, а в пермской зоне с Андреем Шилковым – Лев Шефер, посаженные по санкции или прямому указанию Бориса Ельцина[24] за то, что создали ульпан – еврейский культурный центр, где можно было изучать иврит, читать Талмуд, отмечать еврейские праздники. Льва Шефера обвинили еще и в том, что он записывал на магнитофон передачи Радио Свобода (в те годы, когда они не глушились) и давал послушать знакомым. Особенная подлость его ареста состояла еще и в том, что дядя Льва Шефера был известным свердловским врачом, директором медицинского института, и на его похороны Ельцин пришел, и скорее всего знал, что его племянник был калекой – горбуном с детства. Мы опубликовали письма Льва Шефера к Борису Ельцину, его ответ (в том числе – факсимильно, где будущий президент-демократ утверждал, что ничего не знал об аресте, хотя все свердловские газеты писали тогда о наймитах сионизма и ЦРУ), и новое письмо Льва Шефера. Но, конечно, волну хорошо организованного народного энтузиазма эти публикации сбить не могли. Нас не покидало ощущение, что КГБ не только в далеких республиках, но и в Москве готовит «демократических» лидеров и устраняет – опасных. Но доказательства были лишь в Армении, сомнения – в странах Прибалтики, в Грузии и – в России.

Расставил многие точки над «i» рассказ премьер-министра Польши Яна Ольшевского весной 1995 года, когда он согласился стать одним из членов Международного трибунала по преступлениям в Чечне, который собирал фонд «Гласность».

Осенью восемьдесят восьмого года в глухом местечке польского Полесья (не помню назвал ли экс-премьер-министр городок) собрались руководители спецслужб стран Варшавского договора. Обсудив перспективы и возможные пути развития программы перестройки, пришли к общему выводу: в каждой из стран надо дать возможность демократам придти к власти, но сохранить за собой контроль над армией, МВД и, конечно, спецслужбами, а предварительно – вывезти золотовалютные резервы. Демократы могут заниматься промышленностью, сельским хозяйством, образованием, социальным обеспечением и когда их управление будет окончательно дискредитировано, наступит время для прихода к власти «здоровых сил» в каждой из стран.

Все, что произошло в большинстве стран Восточной Европы и уж, конечно, в России – все подтверждало рассказ господина Ольшевского.

Вспомним, что послушный глава «Штази» Маркус Вольф тут же выступил против Э. Хонеккера; еще более послушный Тодор Живков в Болгарии не мог понять, почему именно русские его свергают; президент Румынии Чаушеску успел обвинить в заговоре КГБ, за что, по-видимому, и был расстрелян вместе с женой.

В январе 1993 года в статье «Куда идет КГБ?» в газете «Известия» я напомнил о судьбах других, хорошо осведомленных людей:

«Бывший польский премьер Ярошевич мало походил на экс-генерального секретаря Чехословацкой компартии Дубчека ни тогда, когда находился у власти, ни в последние годы, будучи пенсионером. И лишь в 1992 году их нередко начали вспоминать в одном ряду: оба скоропостижно скончались (Дубчек после автомобильной катастрофы, Ярошевич с женой были зверски убиты в собственном доме) сразу же после того, как согласились выступить в Конституционном суде России свидетелями по делу о запрете КПСС. Несомненно, кроме даты смерти, их объединяло и еще кое-что: им было о чем вспомнить.

Но Ярошевич был убит только за попытку о чем-то рассказать. Действующие коммунистические лидеры Польши все уцелели – ведь именно последнему из них – единственному в социалистическом лагере Мечиславу Раковскому удалось провести до Гайдара «шоковую терапию» и разделить Польшу между сотрудниками спецслужб и их близкими коллегами, но об этом позже.

Мало ли какие бывают совпадения, скажет любой непредубежденный читатель и будет совершенно прав, однако

Зденек Млынарж, тоже человек весьма информированный, возможно, рассудил иначе и отказался от приглашения Галины Старовойтовой приехать на суд в Москве. Впрочем, это дела относительно далекие, но и сама Старовойтова полагала, что возможной причиной ее внезапной отставки с поста советника президента Ельцина было неосторожно высказанное президенту в присутствии посторонних сомнение в надежности российских спецслужб».

И тут я хочу сказать, что как бы критически я не относился к себе, своим возможностям и действиям, какой бы скептицизм у меня не вызывали многие поступки моих коллег из демократического движения, по-видимому, наиболее заманчивой для КГБ цели – сделать послушной игрушкой в своих руках, прийти к власти в России за спиной действительно демократических лидеров, несмотря на все посулы, запугивания и конспиративную работу, КГБ не удалось. Пришлось ретушировать под демократов своих людей: Собчака, Гайдара, и, главное, Ельцина.

О Собчаке я уже кое-что вспоминал, о Гайдаре достаточно подробно написал Андрей Илларионов, да и мне предстоит еще написать о его реформах. Фигура Ельцина остается как ни странно не только зловещей, но и загадочной, хотя на самом деле с ним многое вполне понятно. Его, как и других, выдвинул Комитет государственной безопасности.

В «Гласности» мы писали о Ельцине в Свердловске, Егор Лигачев в книге «Перестройка: замыслы, результаты и поражения, уроки» внятно рассказывает о его появлении в Москве:

> Бывший польский премьер Ярошевич мало походил на экс-генерального секретаря Чехословацкой компартии Дубчека ни тогда, когда находился у власти, ни в последние годы, будучи пенсионером. И лишь в 1992 году их нередко начали вспоминать в одном ряду: оба скоропостижно скончались (Дубчек после автомобильной катастрофы, Ярошевич с женой были зверски убиты в собственном доме) сразу же после того, как согласились выступить в Конституционном суде России свидетелями по делу о запрете КПСС. Несомненно, кроме даты смерти, их объединяло и еще кое-что: им было о чем вспомнить.
>
> Но Ярошевич был убит, только за попытку о чем-то рассказать. Действующие коммунистические лидеры Польши все уцелели – ведь именно последнему из них – единственному в социалистическом лагере Раковскому

удалось провести до Гайдара «шоковую терапию» и разделить всю Польшу между сотрудниками спецслужб и их близкими коллегами, но об этом позже.

Мало ли какие бывают совпадения, скажет любой непредубежденный читатель и будет совершенно прав, однако Зденек Млынарж, тоже человек весьма информированный, возможно, рассудил иначе и отказался от приглашения Галины Старовойтовой приехать на все тот же суд в Москве. Впрочем, это дела относительно далекие, но уже в Москве сама Старовойтова полагает, что возможной причиной ее внезапной отставки с поста советника президента Ельцина было неосторожно высказанное президенту в присутствии посторонних сомнение в надежности российских спецслужб.

Любопытно, что переводят его с большим понижением, но он почему-то уверен в своем будущем и соглашается. По-видимому, надо было с ним поработать, и он оправдал ожидания.

Дальше Лигачев утверждает, что больше не имел отношения к Ельцину, но ему резко возражает в своей книге «Главный свидетель» Николай Рыжков. Он описывает, как года через два, уже в бытность Рыжкова председателем Совета министров, ему внезапно позвонил Горбачев и попросил зайти:

Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил меня срочно зайти, и через несколько минут я был у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о том, кто может сменить Гришина.

– Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, – начал Горбачев.

– Я надеюсь, что у вас уже есть предложения?

– Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичом, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Рыжков пишет, что он был категорически против. Будучи директором Уралмаша, хорошо знал Ельцина и был уверен, что тот совершенно не подходит для руководства столицей. Приводил один довод за другим. Но внезапно наткнулся на ожесточенное

стремление Лигачева видеть Ельцина на этом посту (напомним, что именно Лигачев ведал кадровыми вопросами). И Рыжков сдался, Ельцин был предложен ЦК на эту должность, хотя и Горбачев по мнению Рыжкова не был особенным сторонником выдвижения Ельцина и даже сам сказал ему об этом. Из мощных и все определяющих в стране фигур, которая могла бы стоять за Ельциным, остается только сменивший Андропова председатель КГБ СССР Чебриков, приведший к власти Горбачева и «глубоко уважаемый» Егором Лигачевым, как он сам пишет в главе о событиях в Тбилиси.

Для «Гласности», где хорошо понимали состояние и настроения русского народа, были вполне очевидны тщательная организованность гигантских многотысячных митингов, шедших в Москве в поддержку Ельцина. И это притом что у него самого никаких возможностей и никакого опыта проведения массовых мероприятий, конечно, не было.

В Верховный Совет СССР Ельцин попал с большим трудом в результате странного выступления депутата Алексея Казанника, который решил уступить «без голосования» свое место в Совете Федерации Борису Ельцину, как будто он купил его, а не был избран народом, поскольку был неприемлемым ни для маломальски думающих демократов, ни для команды Горбачева. Не помогла даже гигантская развернутая КГБ рекламная компания. Советские либералы из Межрегиональной группы депутатов тоже относились к Ельцину с большой прохладцей, да и ему с ними, гораздо более цивилизованными, не о чем было говорить. Юрий Афанасьев в разговоре со мной как-то вспомнил, что в Московской городской думе с Ельциным почти никто не разговаривал, да и он обращался к одному лишь Гавриилу Попову.

Бесспорной ложью являются воспоминания Собчака о том, как он уступил Ельцину место председателя городской думы. Во-первых, там было пять сопредседателей, а не один, во-вторых, в их числе Ельцина не было.

Говорят, что Ельцину помогла цепь случайностей. М. Н. Полторанин вспоминает, что это именно он написал текст известного выступления в ЦК КПСС, приписал его Ельцину и распространил. На самом деле Ельцин каялся, а Полторанин сделал его борцом с партийной номенклатурой.

Наина Ельцина говорит, что это она посоветовала мужу проехаться в автобусе и зайти в пару продовольственных магазинов. Может быть, хотя я не очень в это верю. По рассказам Иловайской над имиджем Горбачева работали (по заказу КГБ, конечно) имиджмейкеры с Мэдисон авеню. Думаю, что имидж

Ельцина тоже создавался не наобум святых, а в КГБ в Ясенево.

Скандальное интервью Ельцина того времени в программе «Время»[25] так же, как и митинги вполне очевидно указывают на поддержку КГБ. Больше того, как я уже упоминал, это была откровенная операция КГБ, прямо направленная против аппарата ЦК КПСС.

Напомню ее суть. Предстояли выборы в народные депутаты СССР. О Ельцине, которого поддерживают многотысячные митинги, гордое выступление (написанное Полтораниным) ходит по стране, а он сам (!) проехал в автобусе и даже зашел в простой (!) магазин, советское телевидение молчит или фантазирует, как это было в случае с «покушением».

Предстояли теледебаты Ельцина и директора ЗИЛа Евгения Бракова. Полторанин пишет:

> Мне позвонил «свой человек» из горкома и попросил срочной встречи в укромном местечке. Мы встретились, и он рассказал, что Ельцин и Браков в прямом эфире будут отвечать на вопросы якобы избирателей. Но эти вопросы уже приготовлены в ЦК и горкоме, запечатаны в конверты, а фамилии и адреса «задавальщиков» взяты по лености исполнителей из телефонного справочника.

И вдруг объявляется громогласно, что предстоят телевизионные дебаты Ельцина и его соперника Бракова. Ельцин, никем не подготовленный, так же как на Политбюро мямлит, ничего толкового сказать не может. Зато его противник – профессионал-хозяйственник во всеоружии, оперирует цифрами, его поддерживает население и о нем тут же раздаются лестные отзывы, Ельцин совершенно уничтожен.

И тут Полторанин узнает, что вся эта передача – спектакль, поставленный по прямому поручению Идеологического отдела ЦК. Что материалы противнику Ельцина подготовили заранее, что «представители народа» на самом деле ни о чем понятия не имеют и все сплошь подставные персонажи. Полторанин договаривается с Сергеем Ломакиным из «Взгляда» – популярнейшей тогда передачи – о разоблачении этого спектакля. И вот тут-то для необходимой поддержки появляется на «Взгляде» не работавший Артем Боровик – без него со многими препятствиями Ломакин не справился бы. Их разоблачение имеет оглушительный успех. Уже никто не помнит, что сам Ельцин – совершенно беспомощен, зато он – бесспорная жертва врагов из ЦК КПСС.

Приведу полностью описание этой истории близким тогда соратником Ельцина М. Полтораниным в его книге:

> Вели программу Сергей Ломакин и Артем Боровик. До передачи сели, выработали тактику. Я был журналист русской школы, и журналистский азарт во мне перебарывал боязнь за свое будущее. Как все было дальше, описал сам Ломакин: «На «Орбиту» поговорили о демократии, а вечером выдаем всю эту историю по полному разряду. Я не помню такого количества «членовозов» около «Останкино», как после эфира с Полтораниным. Лысенко собрал партбюро, в результате меня на две недели отстранили от эфира». Я сказал ему назавтра: «Извини меня, Сережа, что оставил тебя без куска хлеба. Две недели приезжай ко мне домой, будем вместе грызть сухари». Он понимает горькие шутки, но один раз мы все-таки собрались у меня на пельмени. Они ему понравились. Артем Боровик не был штатным сотрудником телевидения. Репрессии его не коснулись.

Конечно, Артем Боровик замечательный журналист, как выяснилось из его интервью 1990-х годов, но, как и Колосов, был штатным сотрудником совсем другой организации, в 1990 году в иностранной своей части (Первое главное управление) вполне независимой и даже враждебной большей части аппарата ЦК КПСС.

Полторанин, конечно, не знает ничего о совместном решении глав спецслужб Варшавского договора, да и страны «народной демократии» его мало интересуют. К тому же он в упор не видит ни Сахарова, ни «ДемРоссию», ни «Мемориал», ни «Гласность», но зато он видит и описывает то, что ему доступно, как у Ельцина (через тренера по теннису) устанавливается ежедневные контакты с руководством КГБ СССР, откровенно пишет о том, что «были тогда люди, которые управляли тогда и Ельциным и самой ситуацией».

Действительно, так называемая «национальная» политика Ельцина – «берите себе столько суверенитета, сколько сможете переварить» – удивительным образом совпадает с уверенностью шефов спецслужб Варшавского договора (а потом и Путина), что когда они получат верховную власть в своих странах, единство и могущество «социалистических» стран будет восстановлено, это же после путча открыто повторяет госсекретарь Ельцина Геннадий Бурбулис. Может быть, самому Ельцину было все равно, на кого опираться в борьбе за власть: на демократов, на КГБ, хоть на мистические силы, что стало вполне очевидным при появлении в Кремле генерала Рогозина. Впрочем, это вполне устраивало и тех, кто, по выражению Полторанина, «управлял»

Ельциным.

Многоликость Ельцина ясно проявилось во время забытого всеми визита в Новосибирск за пару месяцев до путча. Вот что сообщала «Ежедневная гласность»:

> 1 июля в город с рабочим визитом прибыл Президент Российской Федерации Борис Ельцин. Он приглашен председателем новосибирского областного Совета Виталием Мухой для участия в подписании учредительных документов ассоциации «Сибирское соглашение», объединяющей руководителей десяти краев и областей. Несмотря на то что ровно год назад, во время визита в Кузбассе, Ельцин отрицательно высказывался о деятельности новосибирского руководства, на нынешнем совещании им было подписано распоряжение, представляющее ассоциации широкие экономические полномочия, некоторые из которых до сих пор находились в непосредственном ведении Российского правительства. Это выдача лицензий на внешнеэкономическую деятельность, определение порядка природопользования и размеров арендных платежей, определение взносов в казну. Распоряжением Президента России с 1992 года разрешается осуществлять в рамках сибирского региона переход на свободные цены. Причем, 25 % сырья и продукции будут реализоваться по свободным ценам уже с сентября нынешнего года.

То есть без всякого Гайдара (еще до знакомства с ним) Ельцин подписывает распоряжение о введении свободных цен на половине территории России (десять сибирских краев и областей). Это очень серьезное экономическое и политическое решение, принятое им якобы самостоятельно, и очень любопытно, что он ни в одной книге воспоминаний о нем не упоминает. Чтобы принять такое решение, необычайно выгодное сотрудникам КГБ, полностью контролировавшим внешнеторговые операции, партийно-хозяйственным руководителям, державшим в руках все отрасли промышленности и сельского хозяйства, нужен был серьезный консультант, которым не мог быть тогдашний премьер-министр России Иван Силаев, который стремился избежать серьезных потрясений. В Новосибирск Ельцин поехал без Силаева. Кого же из своих серьезных советников скрывает Ельцин?

Интересно, что на следующий день он отправился в

Академгородок – «познакомился с научными институтами, побывал на закрытом оптико-механическом заводе № 105». И вот тут президент с блеском проявил свои интеллектуальные способности и привел в полное замешательство академиков. Напомню интервью академика Эдуарда Круглякова:

> Я вам расскажу один только случай. Ни за что бы не поверил, что такое может быть, если бы сам не был свидетелем. В 1991 году к нам в Новосибирск, уже будучи президентом, приезжал Борис Ельцин. Я водил его по институту, показывал термоядерные установки, а потом, во время нашей беседы за круглым столом, он вдруг спросил: «А можете ли вы добывать энергию из камня?». Я попытался ему объяснить, почему это невозможно, и услышал в ответ: «Это вы так считаете, а мне докладывали, что можно». Понимая свою правоту, я возразил: «В таком случае, вам докладывали шарлатаны». Это явно обидело Ельцина, ситуация наэлектризовалась. В этот момент один из наших острословов выпалил: «Но ведь камень так же неисчерпаем, как и атом!». Все расхохотались, и инцидент был исчерпан. Чуть позднее председатель Сибирского отделения РАН академик Коптюг сказал мне, что на эту «проблему» Ельцин выделил 120 миллионов рублей. Куда пошли эти деньги и кто докладывал Ельцину о «каменной энергии», я не знаю.

Чтобы больше не возвращаться к Ельцину, забегу немного вперед. Его зависимость от КГБ ярко проявилась после путча. В первую очередь в кадровых назначениях в «демократическое» правительство, а главное – в аппарат президента. Статистику, которую впоследствии подготовила Ольга Крыштановская – только в правительстве было 35 % штатных сотрудников КГБ (в аппарате Кремля – значительно больше) – мы знать не могли, но довольно быстро поняли важность «доверенных лиц». Еще не было известно подробно описанное Илларионовым семейные связи с КГБ Гайдара, но были очевидны результаты работы нового руководства, отдельные назначения и замены.

Сперва назначенный министром иностранных дел Борис Панкин – единственный советский посол (в Праге), который сразу же выступил против ГКЧП, как только издал приказ по министерству, выводящий за штат сотрудников КГБ, был тут же заменен известным профессионалом из Главного разведывательного управления Андреем Козыревым. На должность нового председателя КГБ не только не подошел

избранный депутатами России, действительно стремившийся к обновлению спецслужб генерал В. В. Иваненко, но и В. В. Бакатину, назначенному на смену Крючкову, как только тот стал дробить КГБ на части и попытался хоть что-то понять в его структуре, сам Ельцин устроил провокацию, создав предлог для его увольнения. Президент устно, по телефону, распорядился передать сотрудникам посольства США схему вмонтированных в строящееся советскими рабочими новое здание посольства, аудио- и видеозаписывающей аппаратуры, после чего за то, что Бакатин выполнил распоряжение, его уволил – к безмерной радости и торжеству всего аппарата КГБ.

Эта провокация была по наглости и масштабу такой же, какую позже провел Гайдар с «Демократической Россией», но об этом я напишу ниже, а пока замечу, что само назначение непонятного нам, но понятного Ельцину и тем, кто на этом настоял, Гайдара на пост премьер-министра, а в еще большей степени утверждение В. В. Геращенко директором Государственного банка России явно демонстрировало влияние КГБ на Ельцина. Назначение Геращенко – банкира КГБ, директора зарубежных советских банков, через которые и шло финансирование резидентур комитета и тайных его операций, произошло вопреки сопротивлению Р. И. Хазбулатова и Верховного Совета России.

Влияния одного Гайдара было бы совершенно недостаточно: Ельцин знал и не раз говорил публично, что именно Геращенко вывез золотой запас Советского Союза за границу и неизвестно, где его скрыл, то есть для Ельцина он был не просто преступником, но человеком враждебным лично ему – лишившим «его» государство валютных резервов и поставившим лично его – президента – в очень трудное положение по сути дела на все годы правления (о народе России я не говорю). Тем не менее Ельцин поддался влиянию и своим указом назначает Геращенко, банкира КГБ, ограбившего его и страну, директором Государственного банка России.

Но самым важным действием Ельцина в пользу КГБ был почти не замеченный (в частности, потому что был секретным, поскольку был противозаконным) указ в январе 1992 года об отмене постановления Совета Конституционного надзора, возглавляемого замечательным юристом Сергеем Сергеевичем Алексеевым, о прекращении действия всех правительственных и ведомственных распоряжений и инструкций, которые не были в установленном порядке опубликованы в открытой печати. Поскольку Комитет государственной безопасности СССР, а потом и все спецслужбы России по своему уставу действовали в стране

«на конспиративных началах» и все их инструкции были секретны и не публиковались открыто (как в завоеванном государстве), это постановление Совета Конституционного надзора (первый и лучший вариант Конституционного суда) на два года парализовало официальную деятельность КГБ. Может быть, поэтому от первого (весной 1989 года) до второго (летом 1992 года) полного разгрома «Гласности» прошло три года. Но Ельцин тут же поспешил вернуть КГБ всю полноту действий в стране.

О том, как происходила «чистка» комитета с участием Сергея Ковалева (и по его собственному рассказу), речь пойдет ниже.

Активизация КГБ перед путчем

Между тем, пользуясь неразберихой и нарастающей в стране слабостью власти в год перед путчем, какие-то части КГБ действовали с удвоенной активностью. О внешнеэкономической деятельности КГБ и вновь созданного из его сотрудников Управления по международным экономическим связям Министерства иностранных дел (казалось бы, есть Министерство внешней торговли), не говоря о Международном отделе ЦК КПСС кое-что уже написано, есть (немного) опубликованных документов, но, главное, это должны и, будем надеяться, смогут описать профессионалы.

Мне было заметнее то, что происходило внутри страны. Во-первых, сотрудники КГБ всячески нагнетали нервозную обстановку. По сделанному мне признанию Александра Проханова (в период подготовки последней конференции о КГБ в 2003 году) он и Сергей Кургинян в этот период каждую неделю писали очередной вариант якобы обнаруженных (неизвестно где и кем) вариантов государственного переворота и захвата власти в стране (тоже неизвестно кем). Вся эта пугающая стряпня печаталась в «Известиях», «Литературной газете» и в других массовых изданиях, выходивших тогда миллионными тиражами.

Кроме провоцируемой паники, рекламы Ельцина, борьбы с «Гласностью» и со всеми демократическими организациями, с кем не удавалось договориться, КГБ в этот год перед путчем уже не создавал новые общественные организации, а усиливал влияние в существующих и, главное, свое «представительство» во всех «советах», начиная с районных по всей стране и кончая Верховным.

До этого появились нашпигованные, а иногда прямо созданные сотрудниками КГБ многочисленные национальные «фронты» и общественные организации. Осведомленный Полторанин прямо указывает в их числе ленинградский клуб «Перестройка», не менее очевидным в Москве было, к примеру, движение анархистов (с широко известным Исаевым), вышедшее из комсомольского Комитета молодежных организаций[26]. Исаев гордо ходил по Пушкинской площади под черным анархистским знаменем, Георгий Рогозин столь же демонстративно носил на рукаве немецкую свастику, называемую им древним российским символом.

Теперь к стукачам и «покаянцам» в общественном движении прибавились бывшие следователи КГБ. Они усиленно баллотировались в Верховный Совет, Моссовет, Ленсовет и в

другие советы. Следователь Алика Гинзбурга был одним из главных демократов в Московском городском совете, приятель Путина Виктор Черкесов – следователь по делам многих ленинградских диссидентов – под крылом у Собчака. После того, как на нашей конференции Олег Калугин назвал кличку, под которой работал в КГБ депутат Госдумы Сергей Бабурин, он проиграл дело в суде, поскольку не имел права разглашать секретную информацию. К 1990 году, по нашим данным, в перестроечные советы всех уровней было избрано 2576 только штатных сотрудников Комитета государственной безопасности, но ведь большинство было нештатных и «доверенных лиц».

Я уже писал, что баллотироваться в Верховный Совет СССР не захотел.

Сахаров и Ковалев решили баллотироваться и были избраны. Как тяжело там было Андрею Дмитриевичу при всем огромном его авторитете и с каким трудом ему удавалось хоть что-то сказать, мы все знаем. Пренебрегать Ковалевым было легче, и Сергей Адамович, который тогда в Верховном Совете вообще ничего не мог сказать – ему просто не давали слова, – через много лет заметил:

– Меня использовали как ширму – брали в какую-нибудь поездку, скажем, в США, и когда там начинались протесты по поводу того, что творится в Советском Союзе, указывали на меня и говорили:

– Смотрите – вот Ковалев. Где он был раньше и где теперь, а вы говорите, что у нас ничто не изменилось.

Мне эта роль ширмы была очевидна и не прельщала.

После тюрьмы я остро ощущал враждебную среду с множеством сексотов (секретных сотрудников), как Бабурин, Собчак и сотнями «доверенных лиц», но, вообще говоря, понять, кто есть кто и к чему идет, было непросто. Именно благодаря «Гласности», с которой велась непрекращающаяся борьба, понемногу все становилось ясным.

Положение редакции перед путчем, как, впрочем, и после него, было непростым. С точки зрения большинства это была мощная процветающая организация, что подтверждалось ее влиянием и в Советском Союзе и во всем мире. Гавриил Харитонович Попов, как только был избран мэром Москвы тут же, без всякой моей просьбы и не видя меня, передал документы о выделении «Гласности» дворца на берегу Москвы-реки за стеной английского посольства. Когда мы приносили для дальнейшего оформления документы, подписанные Поповым, нам только посмеялись в лицо – было очевидно, что дворец этот мы не

получим никогда, да и не вполне ясно было, зачем он нам нужен. Илья Иосифович Заславский, ставший председателем Октябрьского райисполкома и вводивший капитализм в отдельно взятом районе, не только попытался продать памятник Ленину на Октябрьской площади, но и решил упростить наше устройство, выделив трехэтажный дом почти на углу набережной Москвы-реки и Старомонетного переулка. Но во дворе этого дома оказалась стратегическая электростанция, снабжавшая энергией все подземные правительственные бункеры – «Гласность» нельзя было к ней и близко подпускать, что нам тут же разъяснили. Заславский тогда выделил нам еще два небольших домика на Большой Полянке. Стало понятно, что для получения домов нужно было давать взятки, которые мы давать не хотели, не умели, да у нас бы и не взяли – мы были ненадежные, не «свои».

«Ежедневная гласность», как и фонд «Гласность», ютилась то у меня дома, то в съемной квартирке и с трудом жила на микроскопическую подписку и остатки моих гонораров на Западе. Ира Ратушинская и Игорь Геращенко, придя ко мне в Лондоне в дом лорда Малколма Пирсона, были насмерть обижены тем, что я ничем им не помог. А мне нечем было им помочь – у меня просто ничего не было. Даже гораздо более опытная Галина Васильевна Старовойтова, депутат и помощник президента, тоже однажды (но, конечно, позднее) спросила, не могу ли я ее партии помочь, совершенно не понимая, что «Гласность» всегда держалась буквально на честном слове. Могла бы помочь семейная коллекция живописи, но она все еще находилась в русских и украинских музеях, и хотя однажды я обнаружил в почтовом ящике извещение из Генеральной прокуратуры о том, что я реабилитирован, время на возвращение коллекций я нашел только в 2000 году[27]. А тогда, узнав, что генерал КГБ Павел Судоплатов – профессиональный террорист и убийца – реабилитирован как жертва политических репрессий, я написал в Генеральную прокуратуру и газету «Известия», что отказываюсь от этой чести, так как не могу стоять рядом с таким замечательным человеком.

Елена Георгиевна Боннэр, увидев публикацию в «Известиях», очень обиделась:

– Что же ты мне не сказал – я бы тоже написала.

Все годы перед путчем и после него за нами шла в Москве бесконечная изматывающая слежка – и не просто прослушивание, но и наглая травля по телефону. Уже не открывалась дверь соседней квартиры для изучения каждого ко мне пришедшего, наблюдательный пункт был оборудован в соседнем доме, и

стоило мне выйти, как оттуда выходил «топтун» или выезжал вишневый «жигуленок», если я садился в машину. Всех их я знал в лицо. Обычно такой торжественной слежки со специальной машиной с микрофонами, как за нами с Паруйром (тогда, по-видимому, уже готовили его арест и предложение стать президентом Армении) не было, но постоянно следующие за тобой «топтыжки» раздражали. Парню, стоявшему целые дни под окном нашего офиса, я, разозлившись, сказал, что вызову милицию, и он, покраснев и испугавшись неприятностей, признался, что он – курсант школы КГБ и его отправили наблюдать за снимаемой нами квартирой. Но вообще у меня с ними проблем не возникало, никто не пытался меня задирать, но на Митю Эйснера «топтуны» однажды напали, довольно сильно его помяли и оттащили в милицию, обвинив в том, что хрупкий Митя зверски избил трех милиционеров. Еще и дали пятнадцать суток. Андрея Шилкова до тех пор, пока он не женился, регулярно ловили в Москве, сажали на поезд в Петрозаводск, из поезда он на ходу выпрыгивал и возвращался в редакцию, чаще всего даже не рассказывая о таких пустяках.

Забавная история со слежкой была и в Киеве, где жила моя восьмидесятилетняя мать. Конечно, я в Киев периодически приезжал, к тому же там оставалось еще много друзей[28].

Однажды, когда я привез маму в поликлинику для ученых и ждал ее в коридоре, ко мне подсел какой-то смазливый блондин и начал уверять, что я ему очень понравился, что он неподалеку живет, мать его замечательно готовит, лучше, чем в любом ресторане, а я, конечно, еще не успел пообедать… и длилось это пение минут десять.

Я выслушал его и сказал, что я хоть и приезжий, но бывший киевлянин и где находится КГБ Украины, хорошо знаю. Сейчас я пойду на Владимирскую – это недалеко, и он тоже за мной – работа у него такая. Там я напишу дежурному заявление о том, что работают у них тунеядцы и непрофессионалы, и он получит выговор по службе. Парень торопливо начал меня убеждать, что я его не так понял, что он не оттуда и из поликлиники исчез. Но два или три дня, что я был в Киеве, я его то и дело встречал выглядывающим из-за кустов и заборов.

Маму надо было перевозить в Москву, мы дали несколько объявлений об обмене ее двухкомнатной квартиры, но всяким делом надо уметь заниматься, а мы этого не умели.

КГБ, по-видимому, мои поездки надоели, и сотрудники без труда устроили маме квартирный обмен. Вдруг появилась из Москвы женщина, которой надо было срочно переехать в Киев и

которая готова была сама организовать перевозку маминой мебели, книг и семейных портретов в Москву. Квартира была однокомнатная, на первом этаже, но очень чистая – в ней, по-видимому, никто никогда не жил и на антресолях были остатки какой-то казенной множительной техники. Вскоре выяснилось, что дом построен был для сотрудников КГБ (не из важных). Вскоре мама встретила выходящего из соседнего подъезда гебешного оперативника по первому моему делу. Маме это было противно, но, в целом, все равно.

Прослушка, перлюстрация

Примерно так же обстояло дело и с прослушкой. Сразу же после моего освобождения соседи из квартиры над нами по секрету сказали, что их днем попросили не возвращаться с работы, а мы весь день слышали визг дрелей над головой. Соседи, предупредившие нас о прослушке сверху, года через три уехали в Израиль и сдали нам эту квартиру для «Ежедневной гласности». Мы не стали искать «жучки» – пусть слушают, если хотят. За этой квартирой, как и за моей, нагло наблюдали из соседнего дома, а иногда звонили по телефону и комментировали увиденное. Но мы даже не закрывали штор – я не воспринимал их как людей. Так было и с перепиской в тюрьме: жене было трудно писать личные письма, зная, что их кто-то читает, а мне – все равно. Но внезапно нам отказали в съеме этой очень удобной для нас квартиры. Ее купил некий молодой человек, почему-то соблазнявший хозяев ценой, в три раза превышавшей ее стоимость.

Одно время любимым развлечением (конечно, работой) сотрудников ГБ было звонить среди ночи часа в два-три по телефону. Я поднимал трубку (телефон на всякий случай я до сих пор никогда не выключаю) и оттуда раздавался омерзительный мат, проклятья и угрозы, извергаемые какой-то женской глоткой. Таких звонков могло быть по три за ночь, они меня, конечно, будили, бесспорно, раздражали, но я так уставал за день, что тут же засыпал.

На время московской конференции ОБСЕ «по человеческому измерению» (и близкой к ней по времени Всемирной Сахаровской конференции) как проявлении бесспорной победы прав человека теперь уже в России телефон в моей квартире был просто выключен, чтобы меня никто не мог найти. У других прослушка велась выборочно или автоматически по кодовым словам, у меня на телефоне (по-видимому, почти всегда) сидели живые «слухачи», которые по наглости своей еще и вмешивались в разговоры.

В конце девяносто третьего года, после третьего полного разгрома «Гласности» я от нечего делать согласился баллотироваться в депутаты Госдумы (на это были предложены еще и маленькие деньги), понимая всю бесперспективность этого на самом деле очень забавного предприятия (потом опишу его подробнее), да еще и в абсолютно гебешном районе (проспекты Вернадского, Ленинский). Офиса у «Гласности» не было уже

никакого, пришлось снять два номера в гостинице «Академическая» на Калужской площади. Однажды туда явился на прием какой-то на редкость противный рыжий хмырь лет сорока, который заявил, с каким глубочайшим почтением и уважением он ко мне относится, что им в КГБ (а он – инженер, случайно попавший туда) читали обо мне лекции и вот теперь он хочет меня тайком провести на какое-то совершенно секретное гебешное заседание.

Я терпеливо стал объяснять, что фонд «Гласность» – правозащитная организация, что нас не интересуют секреты КГБ и его структуры, что мы говорим о спецслужбах лишь тогда, когда они нарушают права человека, что свойственно всем спецслужбам, а КГБ – в особенности. Но хмырь не хотел успокаиваться. Он стал мне объяснять, что «случайно» располагает материалами о работе китайской разведки, наносящей ущерб Соединенным Штатам. Убедить его, что мне и это не интересно, я не смог, и он ушел, всучив мне свою визитную карточку.

По забавному совпадению именно в тот вечер мне позвонил со «Свободы» Володя Тольц[29]. Домашний телефон уже был включен после моего обращения в суд. Я не без удовольствия рассказал ему о рыжем хмыре, и он тут же решил включить запись.

Четыре раза телефонные звонки из Праги прерывались – молча и с руганью, но Володе, включившему автомат дозвона, все же удалось полностью записать мое предложение ко всем, кто интересуется работой китайской разведки в Соединенных Штатах, обращаться к столь уважающему меня господину с его фамилией и двумя телефонами – служебным и домашним.

КГБ в России оставался тем же самым, что и в СССР. Только власть его безмерно выросла и никакого контроля больше не было – соответственно, можно было делать все, что угодно, в прежних советских традициях. В двухтысячном году фонд Карнеги решил провести в Чикаго конференцию о русско-американских отношениях в преддверии первого визита Владимира Путина в Америку. Мне надо было предупредить устроителей, что я не смогу выступить – мой доклад был назначен в первый же день. Естественно, в Чикаго по десятиканальному телефону я дозвониться не смог, но мне удалось дозвониться жене в Париж, она легко дозвонилась в Чикаго и мне уже начал звонить организатор конференции – Майкл Макфол (недавний американский посол в Москве). И тут уже «слухачи» начали раз за разом вмешиваться в его звонки. Я-то

к этому привык, но не американец Макфол. Для начала появилась статья в утреннем выпуске «Вашингтон пост», на следующий день – в «Нью Йорк Таймс».

Чтобы как-то завершить эти бесконечные истории, вспомню самую забавную. Осенью девяносто третьего года повесткой (телефон был выключен) меня пригласили в Генеральную прокуратуру России по «делу КПСС». Я пришел с некоторым удивлением – уже шел суд, на который меня не приглашали, хотя перед тем и опрашивали, я был в списке ГКЧП как человек, подлежащий аресту. Но следователь мне сказал, что теперь они расследуют «дело КГБ». Я сделал вид, что ему поверил. Тогда из шкафа, занимавшего всю стену в его кабинете, он достал три (из нескольких сот) толстых скоросшивателя, раскрыл их в местах, где были закладки и дал мне прочесть машинописные тексты. Сперва я ничего не понял: это были какие-то диалоги каких-то людей, вряд ли закончивших три класса начальной школы, их словарный запас и синтаксис были примерно на уровне «Эллочки-людоедки» у Ильфа и Петрова. Но что-то в этих странных текстах мне было знакомо. Я перечел их еще раз и вдруг понял – это были мои собственные разговоры, перепечатанные с магнитофонных записей совершенно безграмотными машинистками, использовавшими свой словарный запас и свой уровень понимания услышанного. Но я вспомнил все эти разговоры. Один из них был у меня дома – со швейцарским журналистом русского происхождения Чертковым, снимавшим о «Гласности» и обо мне небольшой телефильм. Другой – в моем «жигуленке» с переводившей меня и много мне помогавшей в США Людмилой Торн – в эти дни она была в Москве, третий – мой звонок по телефону жене из Хельсинки.

Фонд «Гласность» был в очередной раз разгромлен, но конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» не прекращались, и меня в очередной раз запугивали, показывая, что следят за каждым моим шагом. В чем я, собственно, и не сомневался.

Легко понять, что с почтой все происходило точно так же: письма или бандероли не доходили вообще, или приглашения или извещения приходили с таким запозданием, что теряли всякий смысл. На случайно дошедших бандеролях с книгами обертки, как правило, были разорваны, они были завязаны грубой бечевкой, а сверху красовалась надпись: «Получено в поврежденном виде». Почтальонши, которым было стыдно смотреть на это безобразие, только извинялись:

– Вы же понимаете, что это не мы.

Однажды Ольга Свинцова, послала, что-то с ее точки зрения

особенно срочное почтой DHL. Пакет и в этом случае не дошел. Ольга написала в DHL заявление, они месяц пакет разыскивали и не нашли. Тогда Ольга, имея квитанции и оценку пакета, написала исковое заявление к DHL в парижский суд. Через два дня после этого у меня в квартире раздался звонок и какой-то молодой человек вручил мне все, что было отправлено Ольгой и хранилось где-то в КГБ, но уже без французского конверта с моим адресом – его они давно выбросили.

Но было бы преувеличением сказать, что все проблемы в «Гласности» происходили по вине КГБ. Иногда виноваты были мои тюремные комплексы – никто не выходит из тюрьмы вполне здоровым, хотя бы в какой-то части неискалеченным. Шаламов и Домбровский до конца жизни ели макароны руками, а отношения Варлама Тихоновича с женщинами, что теперь уже очевидно по опубликованным письмам, – это отдельная, во многом трагическая часть жизни. Мой тюремный опыт был не так страшен, но тоже очень не прост. К тому же зачастую у меня просто не хватало ни времени, ни сил объяснять ребятам из «Ежедневной гласности», в каком безумно сложном мире я живу, с кем и с чем ежедневно приходится иметь дело и в России и за рубежом. А этот второй состав «ЕГ», пожалуй, был гораздо лучше первого. Это были молодые люди, не случайно нашедшие себе место в «Гласности» из московской и ленинградской богемной среды, а пришедшие сознательно, именно в «Гласность» и никуда больше. Андрей Кирпичников был сыном моего студенческого приятеля Юры Кирпичникова – в это время процветающего журналиста, но на самом деле он был воспитан матерью, нашей близкой знакомой Леной Щербаковой – человеком ошеломляющей, доходящей до пределов искренности и честности. И Андрей, конечно, был сыном своей матери. Максим Демидов – любимый ученик Тани Трусовой, ближайшего к нашей семье и моим детям человека, которая при всем своем интеллектуализме и любви к учившимся у нее детям, бесстрашно пошла в тяжелейшую сибирскую ссылку (в том числе и, косвенно, за «Бюллетень В» хоть это и не фигурировало в обвинении – не было доказательств), и это было примером для ее учеников. Они были из того русского мира, где готовы идти в тюрьму, где правда и внутренняя чистота гораздо важнее личного благополучия. Они, конечно, были не единственными из этого поколения, из этой среды в «Гласности». Какую замечательную страну могли бы построить эти молодые люди! Но строил КГБ, со своими убийцами.

Однажды о чем-то поспорив с ними и чувствуя себя

бессильным объяснить множество наваливавшихся на меня со всех сторон почти неразрешимых задач, в сердцах я сказал:

– В конце концов есть вещи важнее, чем «Ежедневная гласность».

И не могу забыть глаза Максима, который, глядя прямо на меня, с болью сказал:

– Вы говорите, что есть вещи важнее, чем «Гласность», а я ей до капли отдал все, что у меня было, – и действительно, этот худенький восемнадцатилетний мальчик, бросил Московский университет, где он блестяще учился, чтобы не только ночами, но и целыми днями собирать и редактировать материалы, валом идущие со всей страны.

И он, и еще несколько сотрудников ушли, забрав список всех наших корреспондентов, создали собственное агентство, которому на первых порах помог Алик Гинзбург. Но время «самиздатской» информации уходило, начиналась конкуренция с созданным КГБ на основе «Иновещания» «Интерфаксом». Как бы блестяще они не делали свою работу, но устоять их агентство не могло. С Андреем мы видимся раз в десять лет, с Максимом не виделись ни разу. И я часто об этом жалею. Попробовал бы оправдаться, извинится.

«Ежедневная гласность» тем не менее устояла. Организационно-редакционные задачи уверенно решал Виктор Васильевич Лукьянов из близкой еще с семидесятых годов диссидентской среды – Томе он помогал и когда я был вторично арестован в восемьдесят третьем году. Все хозяйственные дела легли на плечи Виталия Мамедова – при всем его отвращении к любому руководству. Виталий – из тех полутора десятков солдат, которым один и тот же мерзавец следователь на Лубянке поочередно шил выдуманные шпионские дела. Виталий получил свой срок за то, что у него на дембельской фотографии оказался «Буран» (они служили километрах в двадцати от Байконура) размером в два миллиметра – очень ценная информация для американской разведки с ее космической и аэрофотосъемкой.

Почти все несчастные и растерянные солдаты, попав в наши политические лагеря, сразу же находили поддержку у лагерных кураторов от КГБ, которым и начинали помогать. Только Коля Ивлюшкин и Виталий Мамедов отказались от этой «дружбы», не забыли, кто искалечил им жизнь, соответственно вели себя в лагере, за что и были отправлены в Чистопольскую тюрьму. Там я с ними обоими и познакомился.

Вскоре к числу главных помощников в «Гласности» прибавился и Дмитрий Востоков. «Ежедневная гласность»

продержалась еще три года, пережила, кроме мелких провокаций, еще один полный разгром в 1992 году, но после разгрома осенью 1993 года я уже не стал ее восстанавливать, хотя в ней работала группа переводчиков, новости ежедневно расходились и в русском и в английском варианте, но для фонда «Гласность» первоочередными стали совсем другие задачи. В России наступила жесткая авторитарная эпоха Ельцина, которую либералы по глубочайшей слепоте, способности ко всему приспособиться и все оправдать называли демократией и свободой.

Информационная блокада

К сожалению, моя пусть объяснимая, но очень серьезная оплошность, а в результате – потеря «Русской мысли» и как одной из опор «Гласности» и как возможности публиковаться мне самому совпали с началом практически безусловной информационной блокады, которая длилась пятнадцать лет до прекращения работы фонда «Гласность» в 2004 году, а по отношению ко мне самому лишь в последний год слегка ослабевает. Это был уже отработанный на Сахарове в последний год его жизни прием российских спецслужб.

Внезапно совершенно прекратились ежедневные звонки с Радио Свобода. Точнее, звонки продолжались, радио практически использовало «Гласность» как свой корреспондентский пункт, но именно ко мне никто уже не обращался. Через пару лет, случайно встретив Митю Волчека уже после прекращения издания журнала, когда почти все его сотрудники стали просто штатными (а не на гонорарах, как раньше) сотрудниками «Свободы», я вдруг услышал от него странный вопрос:

– А почему парижская редакция «Свободы» иногда берет у вас интервью? Ведь есть приказ по радиостанции, чтобы ваше имя не упоминалось.

Я пожал плечами, сказал, что это их дело, но не стал расспрашивать, что это за приказ. Через двадцать с лишним лет я написал Мите и напомнил об этом разговоре. Дипломатичный Волчек, по-прежнему, работающий на «Свободе», теперь уже в Праге, тут же ответил, что помнит нечто подобное, и ему кажется, что это была личная неприязнь директора Русской службы Владимира Матусевича, вероятно, недовольного моими дружескими отношениями с кем-то из его «врагов» в Париже. Учитывая эмигрантские страсти, это вполне правдоподобное объяснение. Но, во-первых, без серьезного давления Матусевичу не дали бы издать такой приказ в Вашингтоне. Чтобы «закрыть» меня тогда, нужны были гораздо более веские основания и немалые усилия (но сотрудников КГБ на Радио Свобода всегда было достаточно). А главное, это поразительным образом совпало с полным и внезапным забвением обо мне и «Гласности» в советской печати. Внезапно прекратились не только ругательные статьи, но даже просто упоминания в ряду других людей и общественных организаций. «Гласность еще продолжала выходить, появился по инициативе Заславского из московского отделения «ДемРоссии» официально зарегестрированный и очень активно работающий фонд – Профсоюз независимых журналистов

и еще более важное его объединение с профсоюзом шахтеров, летчиков и авиадиспетчеров, я сам проводил немало пресс-конференций, выступал в СССР и за рубежом, но ни одного упоминания обо всем этом (кроме отважного Павла Лобкова, который объединил в «Пятом колесе» «Гласность» в замечательную компанию с академиком Сергеем Аверинцевым, режиссером и актером Александром Кайдановским и Ларой Богораз). Информационная блокада была настолько жесткой и результативной, что весной девяносто второго года случайно (или не случайно) встреченный мной один из тех евреев, которые тогда активно привлекались КГБ как агенты влияния на Западе и для коммерческих операций, многозначительно посмотрев на меня сказал:

– Сегодня вы практически забытый человек, – и добавил как приманку: – Но это можно изменить.

Приманки мне были не нужны, странно было лишь то, что всего за год до этого, не устно, а в газете «Куранты», новый заместитель директора КГБ еще СССР Евгений Савостьянов объявил без моего согласия, что именно я буду председателем комитета по контролю за КГБ. Впрочем, после того, как я не подумал туда придти, никаких упоминаний больше не было и, кажется, даже из тех, кто был в дни путча в Белом доме, я был единственным, кому не повесили медали.

Любопытно, что та же блокада сохранялась и после путча. Если о первых конференциях «КГБ: вчера, сегодня, завтра» еще бывали хотя бы мелкие, с трудом пробиваемые Леонидом Иоффе, или двусмысленные (как передача Алексея Пиманова) сообщения, то вскоре и упоминания прекратились. В начале двухтысячных годов даже в американском варианте «Московского комсомольца» Павел Гусев запрещал печатать со мной интервью. Он соблюдал какие-то правила, предложенные ему властью, механизма этих правил я не знал, но результаты были ощутимы.

Особенно замечательной стала пресс-конференция летом 1995 года. До этого был проведен круглый стол, где крупнейшие русские юристы (Сергей Алексеев, Игорь Блищенко, Александр Ларин и другие) и представители общественности (Елена Боннэр, Алексей Симонов, Наум Ним, я – как председатель оргкомитета) приняли решение о необходимости проведения Международного общественного трибунала над инициаторами преступлений в Чечне. Сообщение об этом прошло по телевизионным каналам, а после этого, дня через три, была устроена специальная пресс-конференция.

Мы говорили о том, что впервые в истории России создается Международный трибунал по расследованию преступных

решений лидеров России: президента Ельцина, премьер-министра Черномырдина, министра обороны Грачева и ряда других лиц, приведшие к гибели десятков тысяч ни в чем неповинных мирных граждан. Что членами трибунала являются не только два русских министра (министр иностранных дел СССР Борис Панкин и ушедший в знак протеста против начала войны и присутствующий на пресс-конференции министр юстиции России Юрий Калмыков), премьер-министр Польши Ян Ольшевский, заместитель секретаря госдепартамента США Пол Гобл, председатель Комитета по правам человека Европарламента Кен Коутс и его заместитель барон Николас Бетелл, знаменитый нобелевский лауреат Эли Визель и другие. Что устав и регламент работы трибунала разработали лучшие русские юристы, в том числе и из Института государства и права.

Пресс-конференция вызвала огромный интерес, длилась часа три, срывая все последующие, были телекамеры всех каналов, а журналисты стояли в дверях, поскольку протиснуться в зал было невозможно. Но из этих сорока человек, километров истраченной видеопленки, об этой сенсации, на первый взгляд, проходимой – о Чечне тогда писали и говорили еще очень много – только Игорь Ротарь сумел вытребовать в «Известиях» пять строчек. А в дальнейшем о многочисленных опросах свидетелей и предварительных заседаниях, проходивших в Москве, Хасавюрте, Праге и Стокгольме, где в числе свидетелей были множество журналистов (а кроме них два советника президента России) в русской печати больше не было ни строчки. Как действовал этот механизм блокады, я не знаю, конечно, он не был чисто коммерческим – почти все, что делал фонд «Гласность», вызывало громадный интерес и было очень актуальным, но тем не менее в условиях якобы отмененной цензуры лишь раз в два-три года пробивался где-нибудь, после очень больших и рискованных для журналистов усилий, какой-нибудь совсем незначительный сюжет. Апофеоз в отношениях самой «свободной» российской печати и «Гласности» наступил в конце того же девяносто пятого года.

Обо всех деталях отвратительной провокации, в которой принимал личное участие директор ФСБ Ковалев (целью ее было убить меня, но был убит министр юстиции Юрий Калмыков), я еще расскажу, а пока упомяну о том, что касалось средств массовой информации – казалось, самых лучших.

Дело в том, что нам, точнее официально члену трибунала Юрию Калмыкову заместителем секретаря Совета безопасности М. А. Митюковым были переданы «для вашего трибунала» копии совершенно ничтожных, но с грифом «совершенно секретно»

материалов о Чечне за подписью директора ФСБ Ковалева.

Я сразу понял, что после получения этих документов вскоре буду убит. Не из стремления к сенсации, а пытаясь обеспечить свою безопасность, пришел к редактору «Новой газеты» Муратову. Как мне казалось, Муратов понял, насколько они опасны, пока не обнародованы, сказал, что снимет что-то в ближайшем номере и их напечатает. Но ни в ближайшем, ни в каком другом публикации не было. Муратов мне объяснил, что у них идут другие материалы о Чечне и им это не очень интересно.

Тогда я позвонил знакомому на НТВ, рассказал, отправил по факсу материалы. После трех дней обсуждения мне ответили, что они этого не дадут. То же мне сказали и на «Свободе». Я не знаю, какие усилия предпринял Ковалев, чтобы блокировать эту фантастическую, невиданную ни для НТВ, ни для «Новой газеты», ни даже для «Свободы» убийственную и для него и для председателя Государственной Думы Рыбкина публикацию – может быть, ему это было и легко, но, безусловно, лгут те, кто утверждает, что в России в 1990-е годы была свобода печати. В результате я не был убит, но Юрий Калмыков внезапно и скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Уверен, что эта блокада создавалась спецслужбами России (как, впрочем, были в этом уверены и все журналисты, среди которых были и те, кто, может быть, не все понимали, но высоко ценили работу «Гласности» и пытались хоть что-то «пробить»), а по своему масштабу, количеству вовлеченных в эту блокаду лиц и длительности она далеко превзошла первый разгром «Гласности» в 1988 году. Естественно, меня лично даже в самом длинном списке диссидентов или правозащитников, все равно в ругательном или хвалебном, никогда никто больше не упоминал. Меня не было ни сейчас, ни в прошлом.

Меня сперва это даже радовало, поскольку я спокойно выношу разнообразные клеветнические о себе измышления, но с трудом терплю хвалебные оценки, физически не могу слышать свой голос в эфире и уж тем более не могу видеть своей физиономии на экране[30].

Тем не менее информационная блокада в России, конечно, плохо сказывалась на результативности работы фонда «Гласность». И все же я никогда ничего не сделал для ее прорыва – это моя вина, что-то попытаться сделать можно было. Саша Мнацаканян, уйдя от отвращения к «свободной» русской прессе с работы в «Известиях», года два или три работал в «Гласности». Но я ни разу не поручил ему поместить какой-либо (зачастую – сенсационный) материал о нашей работе. Лишь изредка мы проводили пресс-конференции, на которые приходило все меньше

журналистов – что тратить время, если материал все равно не пройдет. Правда, от большой биографической статьи о себе на всю последнюю полосу «Московских новостей», которую мне предложил Егор Яковлев, я отказался сам. Но это было еще году в восемьдесят восьмом, еще до блокады.

Выступление в Петербурге о приходе к власти КГБ и путч

Публично я выступал все реже и реже. Митингов не любил, не умел и не хотел кричать, надрывать голос, тем более, что царил теперь там неизвестно откуда взявшийся Лев Пономарев, почему-то, как правило, говорили не о демократии, а о том, как им всем нужен Ельцин. Даже на похоронах отца Александра Меня поверивший Ельцину наивный отец Глеб Якунин попытался заставить людей кричать: «Ельцин, Ельцин, Ельцин». К счастью, безуспешно.

Лишь одно выступление казалось мне важным и даже необходимым. Осенью девяностого года в Ленинграде была собрана гигантская международная конференция о правах человека в меняющейся Восточной Европе. Одним из ее организаторов был известный польский правозащитник Збигнев Ромашевский, а я – одним из основных докладчиков. Впервые перед тысячным залом я внятно говорил о том, что в Советском Союзе к власти идет не демократия, а Комитет государственной безопасности – преступная, готовая на все и полностью сохранившая свою мощь и уголовный сталинский потенциал организация. Что ни частная собственность, ни Церковь не являются для него помехой, а скорее – помощью и желанной целью.

Зал, где сидели люди, потерявшие родных в лагерях и массовых расстрелах, меня активно поддерживал, то и дело начинал аплодировать. Президиум, где был не только Собчак, но такие защитники демократии в Верховном Совете, как Юрий Афанасьев, не скрывали своего неудовольствия.

На чудом уцелевшей во всех последующих обысках и разгромах «Гласности» видеозаписи этого выступления (сейчас она висит на моем сайте) видно как буквально через несколько минут перед трибуной на сцене появляется согнутая фигура человека с большим листом бумаги. На нем написано для меня, но так, чтобы не видел зал:

– Время вышло! Время вышло!

Вечером был стотысячный митинг на Дворцовой площади: где-то сохранилась фотография, на которой я стою, кажется, рядом Собчаком возле микрофона. Но повторить хотя бы частично то, что я смог сказать в зале, на площади мне уже очень аккуратно не дали.

Через два года на Конгрессе российской интеллигенции в

Московском доме Союзов (бывшем Дворянском собрании) я, после Александра Яковлева и Егора Гайдара, говоривших об угрозе фашизма, сказал, что гораздо больше, чем СС и СД России угрожает Комитет государственной безопасности. Гораздо более вальяжный, чем в Ленинграде, зал внезапно замолчал, замер от страха: через месяц была искалечены и лишь случайно не убиты адвокат «Гласности» Татьяна Георгиевна Кузнецова и водитель Володя Морозов, ехавшие по моей просьбе в Калужский КГБ.

И все же еще много лет российские и зарубежные интеллектуалы, демократы, правозащитники и либералы не уставали спрашивать:

– Какой КГБ? Где вы нашли КГБ? Его уже давно нет. Все это вам просто мерещится.

Лет через пятнадцать (но не раньше) они вдруг прозрели.

Я до сих пор помню, как волновался, в каком был возбуждении, гораздо большем, чем при работе над любой другой своей статьей, когда писал текст выступления. Я понимал, что не просто предсказываю трагическое будущее России (конечно, не в реальных деталях), все, что произойдет с нами: разгром российского парламента, неизбежную авторитарную конституцию, войну в Чечне, которая превосходила преступления Сталина – он не бомбил мирные русские города, десятки тысяч людей не гибли в одну ночь в одном месте.

Вероятно, в этом волнении уже было предчувствие и всего того, что произойдет с моей семьей, со мной самим, с Фондом «Гласность». Я проводил твердую, вполне осязаемую черту между собой и моими близкими и теперь уже не только властью в СССР и будущей Российской Федерации, но и между «Гласностью» и всеми до этого казалось бы самыми близкими людьми.

Я с трудом общался с советскими либералами – хорошими, профессионально значимыми людьми, в целях самооправдания создававшими формулы, вроде этой: «Если в партию будут вступать хорошие люди, то КПСС станет гораздо лучше». На самом деле они стремились устроиться в этом тяжелом мире, самореализоваться в нем, не отдавая себе отчета в том, что Россия в результате коммунистического господства почти уничтожена, разорена, доведена до вырождения, и их самореализация – лишь маскировка или даже подталкивание в пропасть своего народа и своей страны.

С большинством диссидентов, в отличие от «Гласности», КГБ не боролся, более того, внушал им, чудовищно наивным, вполне успешно, что это именно они победили, и они послушно шли за Ельциным, а потом за Гайдаром к гибели всего того, что в либеральные 1988–1991 годы было создано; к полному

уничтожению зачатков русской свободы и демократии; к новым чудовищным, сперва вполне ими одобряемым (из «высших политических соображений») преступлениям и окончательному вырождению страны. И я понимал, что меня никто не будет слушать, что я остаюсь практически в одиночестве, в изоляции со стороны многих еще недавно мне близких и высоко мной ценимых людей.

Ну да что теперь говорить об этом… У диссидентов и демократов теперь был свой, ведомый КГБ вождь – Ельцин, и это была очень спокойная и удобная для них позиция. А на что-то можно было закрыть глаза.

Восемнадцатого августа мы праздновали свадьбу Виталия Мамедова, женившегося на сестре Димы Востокова – тогда он и пришел в «Гласность». Происходил торжественный ужин за несколькими столиками в ресторане «Олимпийский» на проспекте Мира и закончился с закрытием ресторана часов в двенадцать. Мы с Димой Востоковым ехали ко мне домой (в это время офис «ЕГ» был в квартире над нами) вместе с молодоженами, жившими неподалеку. За нами неотступно следовал вишневый «Жигуленок» с привычными четырьмя «топтунами». Я показал на них Диме Востокову в дороге. Когда мы подъехали к дому, вишневый остановился рядом.

В пять часов утра меня разбудил звонок из Парижа (телефон я не выключал никогда). Там, за два часа до объявления в Москве, уже было сообщение о введении военного положения и переходе власти в руки ГКЧП. Стараясь никого не разбудить, вышел на улицу. Из приоткрытых окон «Жигуленка» раздавался шумный храп почему-то очень мощных, с трудом помещавшихся в маленькой машине «топтунов». Потом выяснилось, что я входил в небольшой список (человек тридцать) людей, которых ГКЧП собирался арестовать сразу же после объявления военного положения. Но эти пока спали. Наблюдатели в соседнем доме, очевидно, тоже еще не проснулись – оттуда никто за мной не вышел. На всякий случай я нашел телефон-автомат подальше, не видный из наших домов, чтобы не включили прослушку, и позвонил Полторанину – тогда еще редактору «Московской правды» и самому деятельному борцу за победу Ельцина. Полторанин уже не спал, все знал, тут же спросил, могу ли я поговорить с послом США о создании нового правительства, после чего сказал, что все собираются в Белом доме.

Сперва людей там было немного – я встретил Илью Заславского, который увел меня в обширный кабинет Красавченко, он и стал нашим (и еще пары человек) жилищем на

ближайшие двое суток. Сам хозяин кабинета появился очень ненадолго, потом и вовсе скрылся – кто-то мне сказал, что улетел в Куйбышев проверять готовность сталинского бункера.

В полуподвальном этаже, где монтировали автономный радиопередатчик, встретил Силаева. Рассказал ему о подброшенных в «Гласность» компрометирующих его материалах, Силаев слушал рассеяно – было видно, что сейчас ему не до того. Отец Глеб Якунин с таинственным видом увел меня в туалет, объяснил, что стена американского посольства совсем рядом, нужно ее перелезть и создавать «правительство в изгнании». «Белый дом» – здание правительства Российской Федерации – естественно, был заполнен сторонниками Ельцина. Мне была омерзительна команда ГКЧП, но и к сторонникам Ельцина я относился уже очень сдержанно, а потому чувствовал себя посторонним среди в общем-то знакомых людей. Могу только радоваться, что среди насельников Белого дома в те дни мне единственному не дали за это медали.

В ночь ожидали штурм. Все спрятались в подвалах или в комнатах боковых флигелей (Полторанин очень забавно это описывает), только мы с корреспонденткой «Ассошиэйтед пресс» (женщина была много храбрее мужчин) ходили от колонны к колонне темного первого этажа. Изредка попадались два-три вооруженных человека, но в целом Белый дом защищаться не обирался и если бы не «живое кольцо» вокруг, был бы без труда взят – может быть, с парой выстрелов. Но штурма не было, и на следующий день стало повеселее.

Белый дом бы переполнен журналистами, все оживленно передавали сообщения по всему миру. Мне пару раз удалось связаться с «Гласностью». Виктор Васильевич героически организовал три или четыре сводки новостей за день и при этом тайком перепрятывал наше имущество – ожидали очередного разгрома. «Жигуленок» с «топтунами» по-прежнему стоял у подъезда, но никаких действий они не производили – может быть, ждали меня (несколько других людей из этого списка были в то утро арестованы), а может быть, не получили приказа.

Днем можно было выйти к «живому кольцу» (меня впускали назад) – вечером люди жгли костры и были очень напряжены, сейчас, пережив ночь, все были гораздо веселее, хотя и посматривали с опаской то на Москву-реку, по которой подходили какие-то катера и баржи, то на мост, откуда ожидали новые танковые соединения – говорили, что по Кутузовскому проспекту идет колона. Днем с Митей Чегодаевым – заместителем Заславского – удалось даже съездить на машине к Моссовету, где шел непрекращающийся митинг протеста.

Известно было и о первых погибших – танки генерала Лебедя раздавили трех юношей, легших посреди Садового в надежде, что танки остановятся. Это были такие же честные и восторженные мальчишки, как и те, что работали в журнале «Гласность», пытались распространять его на улицах.

На третий день тысячи, если не десятки тысяч митингующих у Моссовета ринулись на Лубянскую площадь громить ненавистный Комитет государственной безопасности. Митя Чегодаев рассказы-вал мне, что ему с трудом удалось найти машину с подъемным краном и отвлечь людей на свержение памятника Дзержинскому. Кто-то из генералов КГБ, может быть, Михайлов, может быть, Кондауров или Кабаладзе после моей статьи в «Известиях», где речь шла о близкой возможности зверского над ними самосуда, встретив меня, сказал:

– А вы зря так о нас волнуетесь, Сергей Иванович. У нас было достаточно оружия.

В этом никто не сомневался. Впрочем, в пятьдесят третьем году были и дивизии КГБ, а разбежались как крысы. Тем не менее Шебаршин, на два дня сменивший Крючкова в руководстве КГБ посоветовал, по его же воспоминаниям, преданному главе «Штази» Маркусу Вольфу уехать из СССР, пока все так тревожно.

Меня в этот день внезапно бросилась обнимать Фатима Салказанова – корреспондент Парижского бюро Радио Свобода, незадолго до этого взявшая у меня (и не раз его повторявшая) интервью на литературные темы. На вопрос, кто мой любимый литературный герой, я ответил, что это объединенный кот у нелюбимого мной Булгакова: и тот, что чешет нос гривенником на подножке трамвая, и тот, что сходит с ума от системы Станиславского и рвет когтями занавеску, взбираясь по ней к потолку. На вопрос, что я читаю, ответил, что жизнеописание католической святой Терезы Маленькой.

Но теперь Фатима, едва увидев меня, закричала:

– У меня никогда не было своих людей в КГБ, наконец-то появились. И на мой недоуменный вопрос «в чем дело?» ткнула мне в руки газету, кажется, «Куранты», где на первой полосе было пространное интервью с только что назначенным первым заместителем председателя (и главой его московского комитета) КГБ Евгением Савостьяновым, который рассказывал, что еще не видел дела, которое на Лубянке якобы завели на него самого, но теперь все будет иначе, потому что создан общественный комитет по контролю за КГБ и возглавит его известный диссидент Сергей Григорьянц, которого порекомендовала вдова Сахарова Елена Боннэр.

Я довольно быстро дозвонился Елене Георгиевне и спросил,

что сей сон значит.

– Ну, ты понимаешь, звонит мне какой-то человек и говорит: «Я – Женя». С трудом я поняла, что это какой-то физик, которого мы когда-то встречали. Говорит: «А вот теперь я – первый заместитель председателя КГБ, мы хотим создать общественный совет и было бы хорошо, чтобы вы им руководили». Я ему ответила, что я женщина старая, больная и делать этого не смогу. «Ну, может быть, кого-нибудь порекомендуете…». Я ему назвала тебя, но думала, конечно, что они тебя спросят.

После этого я часа два искал хоть кого-то из известных журналистов, чтобы на все это ответить. Фатима категорически отказалась записать все, что я ей сказал. В конце концов я встретил Бовчана – корреспондента «Голоса Америки», который не только записал, но и тут же передал все, что я хотел. А я сказал, что если теперь Комитет государственной безопасности станет, подобно ЦРУ, организацией, занятой только внешней разведкой – на что пока есть надежда, то, контролировать его я не смогу, потому что ничего в разведке не понимаю, и даже если КГБ по-прежнему будет только следить за всем советским народом, то проконтролировать сотни генералов и трехсоттысячный штат я тоже не смогу, а из возраста и состояния, когда интересно быть для кого-то ширмой, давно уже вышел. Потому никаким комитетом руководить не собираюсь.

Я уже точно понимал, что КГБ прокладывает себе путь к власти и что даже изнутри с этой гигантской организацией справиться будет невозможно.

Какой-то комитет сперва собрали, туда вошел Олег Калугин, еще несколько малоизвестных мне людей, они мне звонили, звали, пару раз собирались сами, но, по-видимому, я и впрямь был нужен им для декорации и без меня эта гнусь тихо угасла.

Более оптимистичный, хотя и гораздо более опытный, чем я, Вадим Бакатин (все же недолго министр внутренних дел) согласился стать председателем Комитета государственной безопасности. Он попытался расчленить этого монстра – отделить внешнюю разведку, пограничные войска, охрану президента и несколько других управлений, но, как сам говорил через год на первой же конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», он никогда не понимал, чем на самом деле заняты его подчиненные, его никогда не допускали к материалам о реальном положении дел, а месяца через четыре Ельцин Бакатина уволил. На самом деле КГБ надо было не расчленять, а уничтожать, срочно принимать закон даже не о люстрации, а о российском варианте нюрнбергских послевоенных судов, о чем люди, пришедшие к власти и не думали – не хотели, да и не смогли бы это сделать. Настаивала

года через два на законе о люстрации сотрудников КГБ, то есть на запрете занимать какие бы то ни было должности только Галина Старовойтова – и на наших конференциях о КГБ, и в Государственной Думе, за что в конечном итоге и была убита.

Сергей Ковалев рассказывал мне, а потом на одной из наших конференций, как году в девяносто третьем происходило очередное декоративное переформирование КГБ. Оно было чрезвычайно разрекламировано «совершенно свободной демократической печатью», в особенности руководимым генералом Бобковым НТВ. Было рассказано о том, что теперь, наконец, все генералы пройдут переаттестацию совершенно независимой комиссией, в которую входит известнейший правозащитник Сергей Ковалев.

«Проверяли дела двухсот генералов. Собирались мы раза четыре. Приносят груду папок. В каждой одно и то же: родился, учился, произведен, переведен, чем и как был занят – понять нельзя, характеристики замечательные, все вокруг говорят – очень хороший человек, никогда ничего дурного не делал, инакомыслящих не преследовал. Только одного я смог найти, кого просто по фамилии знал – он фабриковал дела диссидентов. Уперся – этого не подпишу. Лобов, председатель комиссии, прямо мне сказал, что смена генералов не является целью Ельцина. Савостьянов почему-то тоже оказался моим противником. К тому же начали меня уговаривать: «Что Сергей Адамович старое вспоминать, теперь он совсем другой человек и так раскаивается… Да и до пенсии ему остался один год (в КГБ пенсию платят лет с сорока), уж дайте ему год дослужить». – Я и сдался. Так все двести генералов КГБ аттестацию и прошли».

Оказаться для них ширмой, в положении Сергея Адамовича, став главным контролером КГБ, я не хотел, а другого быть не могло.

На второй день путча с лестницы одного из подъездов ЦК КПСС другой ближайший помощник Андропова Аркадий Вольский объявил журналистам, что ГКЧП незаконен и путч провалился. Казалось, помощники Андропова боролись друг с другом. На мой взгляд (в понимании ГКЧП есть много взаимоисключающих версий), они играли в одной команде и даже, может быть, не согласовывая друг с другом деталей, действовали по одному плану.

Крючков был ничем не глупее Вольского, оба они были убеждены, как и их руководитель и учитель Андропов, что коммунистический аппарат не просто никуда не годится, но сопротивляется, мешает КГБ прийти к власти, да и политическая

доктрина КПСС теперь лишь декорация, совсем обветшавшая; что частная собственность, да еще управляемая КГБ, совсем не дурна, что страна под руководством офицеров их службы станет более динамичной, современной и достигнет небывалых успехов. Все это было иллюзиями Андропова, дополнявшимися их романтическими представлениями о честности сотрудников КГБ. Иллюзии развеялись вполне в период их полной реализации – уже очень долгого правления Путина. Впрочем, сейчас я думаю, что Евгений Примаков, возглавив отделенную внешнюю разведку, не просто продолжил массовое внедрение агентуры на Запад по плану Шелепина – Андропова – Крючкова, но это «продолжение» изначально (с помощью уничтоженного изнутри «железного занавеса») было изначальной, почти столь же важной, как захват высшей власти в стране, целью КГБ.

Целью путча была не победа, а сам путч. Конечно, по какой-нибудь случайности он мог и победить, но тогда в запасе у Крючкова был верный Собчак (Александр Николаевич Яковлев, когда мы с ним через много лет это обсуждали, грустно сказал: «У них всегда были запасные варианты»), да и с Горбачевым после его «болезни» можно было договориться. Но Ельцин был лучше их обоих и, как я уже говорил, уверен, что выбран он был еще года два назад.

Ельцин был хорош для КГБ не потому, что он был свой – и Горбачев когда-то был секретарем крайкома, и Бакатин, – а потому, что сразу было видно, что это гораздо более авторитарный лидер, чем все другие, да к тому же всем обязанный КГБ, это он хорошо понимал. Авторитарная власть не может быть прозрачной, как демократическая, а потому именно она удобна для работы тайных служб и тайных операций. Кроме демократии, как ни странно, противником КГБ был государственный аппарат – неважно, партийный или беспартийный, но профессиональный. Он мешал внедрению в управление страной офицеров КГБ. Именно поэтому аппаратчик Силаев был для КГБ хуже, чем не имевший никакого опыта в управлении, но свой, родной для КГБ (там всегда очень ценились родственные связи) Егор Гайдар.

Я уже писал, что блистательная рекламная компания Ельцина, во-первых, была основана на качествах, совершенно враждебных его природе и, во-вторых, бесконечно превосходила умственные способности и опыт и его самого и всех его знакомых. Но при этом я полагаю, что его «вели», помогали ему первое время втемную. Конечно, он не мог этого не понимать, сам был готов использовать для прихода к власти и демократов и КГБ, но

принимал вполне охотно еще и потому, что, как было свойственно партийным чиновникам высокого ранга, относился к КГБ с пренебрежением, скорее как к лакеям, которые выполняют свои функции, но ничего не определяют. Даже Андрей Дмитриевич Сахаров когда-то к офицерам КГБ относился так же – пусть его охраняют, лишь бы не мешали. Ельцин хорошо понимал, что перед ним раскрывают двери, как и я хорошо понимал, почему одним из первых освобожден из тюрьмы и откуда взялся Алеша Челноков. Но у меня не было никаких личных целей, а у Ельцина были – еще до перевода в Москву обещанная ему высокая или даже верховная власть.

Думаю, что при всей своей недалекости и мелкости Лера Новодворская тоже хорошо понимала, что именно Жириновский организует ей «Демократический союз», а стукач Денисов дает на него необходимые деньги.

Комитет вел сложную многоплановую игру, продолжая помогать тем, кто с удовольствием принимал эту небескорыстную помощь, и отбрасывая, уничтожая тех, на кого ставка оказывалась безрезультатной.

О первом утре ГКЧП наиболее достоверными мне кажутся воспоминания Сергея Александровича Филатова – руководителя канцелярии Ельцина. Сергей Александрович был в этот день в Кисловодске, на отдыхе, часов в одиннадцать утра, после завтрака, включил радио, услышал «Лебединое озеро» и извещение ГКЧП. Очень взволновался и позвонил Ельцину. Тот не отвечал (похоже, был пьян). Дозвонился вице-президенту Хасбулатову. Тот уже не спал, сказал, что одевается, но радио еще не включал и пока ничего не знает, что едет сейчас в Белый дом и постарается найти Ельцина – это удалось к часу дня. Меня, как и нескольких других, «топтыжки» провожали с ночи, но к этим главным борцам за демократию почему-то относились с гораздо большей осторожностью и даже Ельцина Крючков решил не задерживать в аэропорту.

Но победу Крючкова, реальную, а не внешнюю, Комитета государственной безопасности СССР, а не ГКЧП в гораздо большей степени, чем Ельцин, обеспечивала причина, которая и мне стала ясной только перед последней конференцией «КГБ: вчера, сегодня, завтра», то есть в две тысячи третьем году – никто другой о ней вообще никогда не говорил. Реальным залогом победы Крючкова были «доверенные лица».

Когда говорят о КГБ как о самой крупной спецслужбе в мире (штатная численность около трехсот тысяч человек, сейчас – гораздо больше), почти не вспоминают о сексотах – секретных

сотрудниках, которые, не будучи в штате, выполняли систематические поручения офицеров оперативных подразделений, ежемесячно получая – чаще всего почтовыми переводами «до востребования» – половину заработной платы. Каждый из них имел оперативную кличку, которая и упоминалась в отчете – подлинные фамилии были строго засекречены. Встречи с ними происходили на явочных квартирах КГБ – как в стране, оккупированной враждебной армией. Каждый оперативник должен был «вести» до двадцати пяти сексотов. Реально их было по пять-десять, с большим количеством работать было практически невозможно из-за большого количества формальностей. Те, кто указывал, что у него пятнадцать-двадцать сексотов, занимался явным очковтирательством, и все это понимали. Да и польза от сексотов, как мне объясняли ушедшие из КГБ офицеры, была невелика – в большинстве это были люди запуганные, которых шантажом заставляли подписывать бумаги о сотрудничестве или – в редких случаях – искренне верившие в идеалы коммунизма и официальную пропаганду, легко дававшие подписку о сотрудничестве, но работать с ними было еще труднее – мало какое из поручений согласовывалось с их идеалами, и приходилось их долго уговаривать.

Но никто и никогда не упоминает о «доверенных лицах» в СССР. С ними все было гораздо проще: они никакой зарплаты не получали, встречаться с ними на конспиративных квартирах было не обязательно. Но у каждого оперативника их должно было быть до пятидесяти, и у большинства и впрямь было несколько десятков. С ними можно было выпить кофе или погулять в парке, о чем-то или о ком-то их расспросить, что-то доверительно им рассказать с расчетом на дальнейшее распространение. Можно было даже попросить устроить нужного человека. «Доверенные лица» тоже могли попросить о помощи, скажем, в получении квартиры или покупке машины, поездке за границу, защите диссертации или издании книги.

– Нас интересовали все люди мало-мальски известные, энергичные, влиятельные в своей среде, – объяснял мне один из генералов «девятки» – управления охраны высших должностных лиц СССР, – и мы практически никогда не получали отказов.

Бывали, конечно, исключения. Бывали люди настолько антисоветски настроенные, что с ними было опасно заводить разговоры. Одного такого в киевском музее (к сожалению, запамятовал его фамилию) завербовали, а он потом начал возмущаться, всем об этом рассказывать. Пришлось ему дать пять лет лагерей за клевету. Были люди, на которых просто не обратили вовремя внимания. Наконец, со времен Хрущева КГБ

запрещалось проводить любого рода вербовку в партийном аппарате, в высшем командном составе армии, в руководстве и научной элите оборонной промышленности. За этим при Хрущеве строго – потом все слабее – следил отдел административных органов ЦК КПСС.

– Но и здесь бывали исключения, – рассказывал мне генерал, – завербовали мы лейтенанта, а он, не без нашей помощи, дорос до генеральских чинов.

Оперативники Пятого управления КГБ поддерживали контакты того или иного рода почти со всей заметной творческой интеллигенцией Советского Союза, гигантское Второе главное управление (контрразведка) – самое крупное на Лубянке – работало с технической интеллигенцией, да и чем еще заняться – шпионов на всех не напасешься.

– И я теперь на них смотрю – какие замечательные люди! – закончил генерал.

В этом и был простой секрет путча (поэтому не нужен был Силаев и очень удобен бессмысленный Гайдар). На смену хоть как-то защищенным опытным советским аппаратчикам, разнохарактерной партийной верхушке, где все же могли появиться и Яковлев, и Бакатин пришли не только 35 % штатных сотрудников КГБ, но еще и 60 % «доверенных лиц», к каждому из которых был свой ключик. Конечно, никто этого не объявлял и очень мало кто понимал весь масштаб перемен. Немногие идейные сотрудники КГБ, кое-что узнав о своей организации, оттуда уходили и под причитания о разгроме это был очень удобный процесс очистки КГБ от посторонних, от недостаточно циничных и целеустремленных. Наивный депутат Верховного Совета Ким даже публично покаялся в том, что дал когда-то подписку о сотрудничестве. Менее наивные «доверенные» депутаты дружно его заклеймили (только диссидент Ковалев пытался защищать). Его, правда, взяли на невысокую должность в администрацию президента, но, как рассказывал он на последней нашей конференции о КГБ, после него никого, кроме бывших офицеров, туда на работу не брали.

Готовя эту (понимал, что последнюю) конференцию, в поисках докладчиков я беседовал с главным редактором одной из самых известных московских газет. Сказал, что буду говорить о «доверенных лицах».

– Это, конечно, правда, но ведь на их поведение контакты с сотрудниками КГБ не оказывали никакого влияния, – торопливо заметил редактор.

Говорил я, так получилось – они сами предложили, – сразу с тремя (самыми либеральными – Сатаровым, Батуриным,

Красновым) бывшими помощниками президента Ельцина. Когда я упомянул о теме своего доклада, наступило странное молчание, а потом один из них (юрист) с подозрением спросил меня:

– А почему вы именно нам об этом рассказываете?

И я понял – все они решили, что я знаю, что-то лично о них. Но я ничего не знал и объяснил, что тема конференции – «Участие спецслужб в управлении страной», и я надеюсь, что они всё это знают лучше меня и захотят выступить.

Но никто не согласился. Сатаров прислал своего заместителя по Transparency International.

Путч закончился возвращением Горбачева с Фароса и гигантским митингом на Манежной площади. Мы с Еленой Георгиевной Боннэр стояли на трибуне, что-то говорил Горбачев – за его спиной не было слышно. Кажется, что-то сказала и Елена Георгиевна, я, по обыкновению, говорить отказался. Горбачев подошел к нам, наклонился, Елена Георгиевна взяла его за голову и поцеловала в лоб. И даже мне на минуту показалось, что начинается новая эпоха, новая жизнь. Она и началась, но совсем не та, на которую была надежда.

Глава III
1991–1995 годы
Реформы Гайдара и разгром демократического движения

«Шоковая терапия» и начало распада страны

Осень и зима девяносто первого года – для большинства период недолгой политической эйфории, восторга освобождения от советской власти и растущего отсутствия самого необходимого для жизни – элементарной еды, хоть какой-то одежды, даже в Москве то и дело выключавшегося отопления в квартирах. Жена рассказывала, как по семь часов стояла в очереди за кусочком масла, остро необходимого для нашей заболевшей тогда дочери. Приезжая в Москву, я переключался на борьбу за выживание «Гласности» и почти не понимал, как достается даже самая необходимая еда – тяготы жизни в то время лежали на плечах жены и ее матери Зои Александровны, но и у меня в глазах стоит наш кухонный стол, за котором мы сидим впятером, а посередине – небольшая тарелочка с аккуратно нарезанными маленькими кубиками вареного мяса. Я втыкаю вилку в третий или четвертый кубик и слышу голос Тимоши:

– Папа, так мне ничего не останется, – и мы все встаем из-за стола полуголодными.

Сообщение «ЕГ» от 2 июля 1991 года:

«МОСКВА (Николай Гаврилов). Москвичи, проживающие на территории РЭУ-9 Черемушкинского района, выражают возмущение произволом со стороны начальника РЭУ Александра Чувилина. Чтобы получить талоны на сахар, приходится выстаивать в очереди по 5 часов, с предварительной записью. При этом льготы никому из заслуживающих их не предоставляются. Многим жителям не выданы талоны на сахар даже за июнь месяц, и неизвестно, получат ли они их в июле. Некоторые сотрудники РЭУ-9 предлагают желающим приобрести талоны без очереди, но за соответствующую мзду».

Все же в нашей семье никому не приходилось что-то продавать на улице, чтобы купить хоть какую-то еду в то время как вся Москва, все ее площади, бульвары, даже переулки были заполнены людьми, державшими в посиневших руках жалкий скарб нищих советских людей – какие-то кофточки, туфли, сумочки в тщетной надежде их кому-то продать.

За год до этого я уже видел такой город – это была Варшава после реформы последнего коммунистического премьера Мечислава Раковского, на год опередившего Гайдара. Все магазины были заполнены, на каждом углу – обменные пункты долларов на злотые, но ни долларов, ни злотых у большинства

поляков после реформ не было. Нельзя было даже представить себе, что и Москва после реформы Гайдара станет такой же. Только два коммуниста – Мечислав Раковский и Егор Гайдар произвели со своими народами зверскую «шоковую терапию» при возвращении от социалистической, построенной такими же зверскими методами экономики.

Не могу удержаться, чтобы не привести эпизод из статьи Гавриила Попова и Юрия Лужкова об этом «экономическом» проекте:

> «Был февраль 1992 года. На совещании, которое вел Егор Тимурович, рассматривались неотложные меры по финансированию социальных программ. Народа собралось довольно много в зале, где в недавнем прошлом восседал Егор Лигачев. За тем же столом сидел Егор, но уже другой – Егор Гайдар. Шло обсуждение социальных вопросов по строительству школ, по пенсиям, к тому времени почти обнуленным, по сбережениям граждан, тоже превратившимся в пыль. И все тот же один из авторов этой статьи проинформировал Гайдара о том, что в Зеленограде наша медицина зафиксировала 36 смертей из-за голода. На это Гайдар ответил просто: идут радикальные преобразования, с деньгами сложно, а уход из жизни людей, неспособных противостоять этим преобразованиям, – дело естественное. Тогда его спросили: „Егор Тимурович, а если среди этих людей окажутся ваши родители?“, Гайдар усмехнулся и сказал, что на дурацкие вопросы не намерен отвечать».

Его родители, как и все знакомые, были хорошо устроены. Я не верю Евгению Ясину, когда тот заявляет, что Гайдар рисковал в своих героических реформах. Из всего описанного вполне очевидно, что Ельцин со своими советчиками еще до знакомства с Гайдаром стремился к тому же, что и Раковский – к обвальному освобождению цен и именно потому выбрал готового на все Гайдара. Все же не Гайдар по своим авторитарным симпатиям выбрал себе лидера, как пишут Гавриил Попов и Лужков, а Ельцин выбрал этого жестокого исполнителя.

Еще менее правдоподобным кажется мне утверждение этих серьезных авторов и, как и я, современников разразившейся катастрофы, якобы дело лишь в том, что Гайдар был ярым приверженцем ошибочной экономической теории монетаризма, от чего и произошли все его ошибки.

На самом деле он так же как Раковский воспользовался

последним годом коммунистического правления в Польше, чтобы закрепить государственную собственность в частном владении коммунистической бюрократии, офицеров спецслужб и полиции, ограбив весь польский народ, а потом окрестив реформу именем Лешека Бальцеровича, который безуспешно пытался что-то исправить и почти стыдился, что все это названо его именем. И в этом тоже был продуманный пропагандистский ход – назвать ограбление не именем коммуниста, а именем либерала. Так же и Гайдар, хотя и не смог переложить ответственность за все, что было им произведено в России, со всем ее народом, на какого-то другого, успешно надел на себя маску демократа, будучи во всех своих действиях глубоко враждебным любой форме народовластия.

Ельцин и Гайдар с привлеченными Чубайсом, Ясиным, Геращенко и многими другими любителями чужого добра сделали все, чтобы с помощью «шоковой терапии» обвального освобождения цен, нехитрой манипуляции с ваучерами (очень напоминающей уловки «наперсточников»), при точном понимании того, что ваучеры никому ничего не дадут, кроме администрации и директоров, которые стали теперь владельцами), а потом уже и залоговых аукционов, превратить в миллиардеров тех из «своих», кто казался наиболее полезным, чтобы сохранить в России у власти коммунистическую номенклатуру и руководство спецслужб.

Во всех странах, уходивших от социализма (от Китая, Чехословакии, Венгрии до Латвии и Эстонии) правительства смогли обойтись без «шоковой терапии», без разорения и лишения всякой опоры в жизни десятков миллионов людей. Ни одна из стран (гораздо менее богатых, чем Россия) не перешла на положение бездомного нищего, живущего на подаяния – гуманитарную помощь буквально отовсюду, из США, Франции, Германии, Великобритании, спасшую многих русских людей, но далеко не всех, от голодной смерти. Во всех странах цены отпускали понемногу, на разные группы товаров в разное время (в Китае и через двадцать лет после начала реформ цена на бензин остается фиксированной), ни в одной из стран социалистического лагеря переход к рыночной экономике не происходил легко, но и ни в одной из них он не превратился в катастрофу, растянувшуюся на двадцать лет, и почти мгновенный переход к жестокому авторитарному режиму и гибели нарождавшейся демократии.

Сторонники «подвига Гайдара» и правления Ельцина, кроме спасения демократии от народного бунта (трудно сказать, что они называют демократией) обычно глухо упоминают, что

обвальное «освобождение» цен и последующая приватизация были непременным условием Международного валютного фонда – без этого кредиты, необходимые для «спасения страны» не были бы получены. Все это вызывает некоторые сомнения. Не упоминается, что обвально начал отпускать цены лично Ельцин, без всякого Гайдара, и до путча, а следовательно, до переговоров с МВФ. Приведу фрагмент сообщения «Ежедневной гласности» из Новосибирска от 2 июля 1991 года:

> На нынешнем совещании им было подписано распоряжение, представляющее ассоциации широкие экономические полномочия, некоторые из которых до сих пор находились в непосредственном ведении Российского правительства. Это выдача лицензий на внешнеэкономическую деятельность, определение порядка природопользования и размеров арендных платежей, определение взносов в казну. **Распоряжением Президента России с 1992 года разрешается осуществить в рамках сибирского региона переход на свободные цены.** Причем, 25 % сырья и продукции будут реализоваться по свободным ценам уже с сентября нынешнего года.
>
> Как заявил корреспонденту «ЕГ» депутат новосибирского горсовета сопредседатель местной организации «Демократическая Россия»
>
> Тимур Ханов, вокруг визита Ельцина в Новосибирск происходят странные вещи. «1 июля, – сказал он, – после совещания с участием «Сибирского соглашения» должно было состояться совместное заседание Президиума городского Совета, Президиума областного Совета с участием Президента России Ельцина. Однако, когда я посмотрел списки депутатов, которые должны участвовать в этом заседании, то обнаружил, что из них вычеркнуты все фамилии членов Президиума городского Совета – депутатов демократической ориентации. На наше письмо, которое было передано Ельцину, до сих пор нет ответа. Ельцин не может не понимать, какое идеологическое сито ему устраивают здесь, в Новосибирске. Если Президент и дальше будет опираться только на существующие структуры, то агония страны будет продолжаться.

В Новосибирске состоялись первые торги на Сибирской товарно-сырьевой бирже. Общая сумма сделок, заключенных на бирже, превысила десять миллионов рублей. Продавались и

покупались автомобили, сырье, станки, товары народного потребления – всего более 400 наименований товаров. Как отмечают новосибирские газеты, последний раз Сибирская биржа работала ровно 65 лет назад.

Любопытно, что эту чудовищную реформу на четверти территории России Ельцин проводит едва ли не секретно. Что в это время происходит в России, дает понять сообщение «Ежедневной гласности» на следующий день – 3 июля 1991 года из Новокузнецка:

> *Новокузнецк.* Руководство совхоза «Куртуковский» передало 80 гектаров лучших угодий совхоза под строительство сановных дач. Чтобы как-то прикрыть ведомственный беспредел, рабочим совхоза было заявлено, что одна половина поля выделена под строительство оздоровительного комплекса для них, а другая – под дачное строительство для рабочих Новокузнецкого мясокомбината. Взамен мясокомбинат предложил сельчанам полукопченую колбасу по 9 рублей за кг. Каждому досталось по 3 батона колбасы. К концу колбасного бума земля уже перестала быть совхозной. Сейчас лучший выпас огорожен металлическим забором.
>
> Убывает не только земля. Недосчитались совхозники и молоковоза на базе автомобиля ГАЗ-52. Крайне нужная животноводам техника после капремонта была списана. Зато на подворье заведующего гаражом, бывшего секретаря парторганизации Виктора Проскурина появился грузовик ГАЗ-52. Пока в облсовете думают, с какой стороны подступиться к приватизации, в совхозе «Куртуковский» этот вопрос решается предельно просто.

То, что спасения страны в цивилизованных демократических формах не произошло, а произошел откат назад от Горбачева к сильно ухудшенному Брежневу теперь очевидно всем, так же как и то, что кредиты МВФ были почти полностью разворованы окружением – верными сторонниками Ельцина и Гайдара. Трудно сказать, стремился ли Гайдар к одновременному взрыву активности в России всех открыто уголовных преступных сообществ – так называемому «воровскому миру», бесконечно пополняемому агрессивными «любителями» из мира спорта и просто деклассированными элементами. Думаю, такая плата за передачу всех богатств и власти в России «своим» ему не казалась слишком большой, но все, что было им сделано, носило очевидно

уголовный характер: безумная активизация в стране Япончиков, Тайванчиков и дедов Хасанов была единственно возможным следствием внезапного обогащения, а главное – методов деятельности столь родственных им морально офицеров советских спецслужб, «комсомольцев добровольцев» и наиболее деятельной части советского истеблишмента. Произошло естественное слияние этих двух миров (при постоянной конкуренции «тамбовских» и «солнцевских»): Олега Сосковца, Александрра Коржакова и Михаила Барсукова с Чубайсом, Собчаком, а потом и Путиным.

Конечно, и при Горбачеве началось, как мы видели из характерного сообщения «Ежедневной гласности» и рассказов Полторанина, обогащение партийного и бюрократического советского аппарата, ловких мальчиков из КГБ, ЦК ВЛКСМ, Министерства иностранных дел и других подобных структур. Появились разные для этого возможности: от внешнеторговых и банковских ссуд до создания (вопреки ожесточенному сопротивлению предсовмина Николая Рыжкова и грамотных экономистов) совместных предприятий на заводах, успешно грабивших эти предприятия. И все же настоящий грабеж России устроили Гайдар и Ельцин.

Возвращаясь к утверждению, что условия МВФ, то есть практически руководства Соединенных Штатов заключались именно в «шоковой терапии» и таком типе приватизации, необходимо более подробно оценить политику США в отношении России начиная с августа 1991 года.

Для КГБ после путча наступило настоящее раздолье – кроме должностей в администрации у каждого из «комсомольцев добровольцев», деливших Россию, появилось по своему полковнику КГБ в качестве начальника охраны, специалиста по делам с таможней, которую КГБ никогда не выпускал из рук. У некоторых, как у Гусинского, был генерал Бобков, впрочем, Бобков подобрал себе 800 сотрудников и сделал Гусинского «ширмой»; у другого юного олигарха, Ходорковского, – генерал Кондауров. Конечно, за двадцать лет многое произошло: кто-то был убит в междуусобной войне, кто-то – собственными охранниками. Большинство распродало все, что могло – станки на металлолом, здания, землю, даже жилые дома, относящиеся к заводам вместе с жителями, и пропивают полученные «бабки», кто-то (немногие) научился хоть как-то хозяйничать, кто-то оказался (как это всегда бывает в России) вполне приличным и достойным и тоже был убит (Иван Кивелиди).

Для меня в реформах Гайдара очевидны три обстоятельства.

Во-первых, их полная экономическая катастрофичность. Ваучерная приватизация, на первый взгляд и по признанию самого Чубайса, сохраняла право собственности на большинство предприятий и сельскохозяйственных земель за директорским корпусом, что было несправедливо само по себе, кроме того эта мера оказалась и крайне неэффективной с точки зрения хозяйственного управления. Конечно, ни красные директора, ни назначенные Гайдаром миллиардеры ничего не понимали в рыночной экономике и не были способны в новых условиях сохранить и наладить производство.

Во-вторых, наиболее приличные были совершенно беззащитны перед объединенными отрядами уголовников и младших офицеров КГБ и МВД (многих из которых сперва по наивности взяли на работу) и в результате, обычно с небольшими накопленными деньгами, как правило, оказывались вышвырнутыми за борт. Новые хозяева умели еще меньше, и для них оказалось единственно понятным – продать станки на металлолом, здания сдать развлекательным клубам или магазинам ввозимых в Россию товаров.

Залоговые аукционы, где раздавались основные российские богатства: нефть, никель, алюминий, лес должны были создать новых миллиардеров. Им удалось вторично привести Ельцина к власти (известная «семибоярщина»), но выдержать натиск генералов КГБ они были неспособны. Ходорковский оказался в тюрьме, Ельцин на покое, Путин со своей гвардией – в Кремле. Всему этому помогало стремление Гайдара и Ельцина сохранить на всех руководящих постах, в аппаратах всех форм управления страной знакомых сотрудников советского аппарата со значительным вливанием в их число офицеров спецслужб.

И, наконец, в результате столь успешных реформ (под восторг СМИ о достижениях) удалось дискредитировать на десятки лет самое представление о демократии у миллионов русских людей.

Любопытно удивительное совпадение результатов реформ Гайдара с планами руководителей спецслужб стран Варшавского договора в Польше в 1989 году, о котором мне рассказывал премьер-министр Польши Ян Ольшевский.

«Мы разделили между собой Россию», – откровенно, сказал мне в Париже Михаил Живило. Один из юных алюминиевых королей в аккуратно сидящем на его спортивной фигурке джинсовым костюмчике пытался вместе с очередным офицером внешней разведки меня купить и прекратить работу «Гласности», предложив кусочек от захваченного ими русского пирога (к слову сказать, губернатор Аман Тулеев обвинял в то время моего юного собеседника в попытке организовать его убийство). Его легкая

уверенность в себе очень напоминала некоторых моих столь же симпатичных соседей по Верхнеуральской тюрьме. Помню, как один из опытных уголовников внезапно возмутился, когда я с отвращением рассказывал о каком-то райкомовском воре – конечно, ничтожном по нынешним временам: «А почему он тебе не нравится – хорошо устроился парень»

Все опытные хозяйственники и экономисты были удалены от руководства страной, причем, судя по тому, как еще до путча КГБ пытался дискредитировать Ивана Силаева (в «Гласность» были подброшены соответствующие материалы, я их, естественно, не напечатал), все это планировалось изначально. «Русское чудо» по немецкому образцу не могло произойти по определению, потому что Эрхард раздавал предприятия опытным промышленникам, вкладывавшим собственные деньги, ум и высокий профессионализм в возрождение промышленности, а Гайдар и Чубайс на залоговых аукционах – двум десяткам наглых, ничего не умевших комсомольских вождей: одни были близки к уголовникам, другие к КГБ – разница уже тогда была невелика.

Катастрофическое поражение Соединенных Штатов в «холодной войне»

Я повторял это много лет в России и США, но еще несколько лет назад это звучало чрезмерно парадоксально и совершенно неубедительно. После того как я сказал это на «Голосе Америки» в 2012 году, мне больше оттуда никогда не звонили. И впрямь, после так называемого окончания «холодной войны» кажутся вполне бесспорными ее результаты: Советский Союз потерял половину своего населения и территории, всех своих сателлитов, не говоря уже о мировом могуществе. Его население продолжает вымирать, а страна, на первый взгляд, становится все более беспомощной. Мир стал однополярным, а Соединенные Штаты Америки достигли небывалого в их истории могущества и влияния на всем земном шаре, далеко превосходя мощь и зависимость остального мира от победоносной Римской империи, да и всех других известных империй в периоды их наивысшего расцвета.

Но не будем повторять банальностей, что за минувшие тысячелетия Земля стала как будто меньше, все ее части – более досягаемы, а способы влияния и давления существенно изменились. На мой взгляд, гораздо более сомнительным является повсеместно царящее убеждение в блистательной победе западной демократической цивилизации над миром тоталитаризма и агрессии, в первую очередь на коммунистическом Востоке.

Открытой войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом никогда не было. К ней были очень близки в мае 1945 года, но истощенная долгой войной Красная армия, потерявшая только в кровавом штурме Берлина триста тысяч человек, не была способна противостоять армиям Паттона и Монтгомери, отделявших Берлин от Парижа, и Сталину пришлось отступить, отдать Францию де Голлю, разоружить коммунистов и лишь тогда выпустить из Москвы Мориса Тореза – в Кремле хорошо понимали, что неконтролируемый советскими танками коммунистический режим много опаснее любого другого. Потом все это повторят советские маршалы и Суслов во время парижского восстания 1968 года. Война между США и СССР была чудовищно близка в 1953-м, 1962-м, 1984 годах, но все же, к счастью, так и не началась, продолжалось противостояние не столько двух стран, сколько двух миров. Один олицетворялся ГУЛАГом, десятками миллионов погибших и замученных

бесправием, нищетой и мукой дошедших до тех пределов, когда остается только инстинкт выживания. У шаламовских героев он уже не только не на человеческом, но даже и не на животном уровне. Гений Шаламова показал, как опасна эта биологическая субстанция всему сущему на земле.

Противостоящий коммунистическому лагерю западный мир защищал и пропагандировал свободу и ценность индивидуальной самореализации личности, право на частную жизнь и частную собственность – интеллектуальное и нравственное богатство, собираемое по крохам и накапливаемое человечеством многие тысячелетия.

На каждом шагу повторяют в России, да и во всем мире, набившее оскомину утверждение, что в 1991 году произошла глобальная победа мира демократии и свободы над тоталитарным коммунистическим монстром. Но прошло двадцать лет и пора уже, наконец, подвести итоги. Насколько выросла и укрепилась даже не мощь Соединенных Штатов, что не очевидно, но то царство человеческой свободы, независимости от подавляющей его государственной власти, возможности самореализации человеческого гения, интеллекта, его бесконечно сложной природы после победы над силой, которая идеологически и по природе своей всему этому была враждебна. Насколько улучшилась жизнь человека в западном мире после того, как исчезла почти столетия нависавшая над ним смертельная угроза.

И если мы подумаем, как изменилась за два десятилетия жизнь граждан в странах-победительницах, насколько возросла в них демократическая и интеллектуальная свобода, то неизбежно придем к странному выводу о том, что объем этих отвоеванных, защищенных в долгой борьбе свобод резко сократился.

Что же получили освободившиеся от коммунистической угрозы граждане стран Западной Европы и США? Видимый каждому результат – в метро, на улицах любой страны (кроме Великобритании) – группы полицейских с автоматами наперевес. До падения коммунистического режима в СССР западный мир жил иначе, без вооруженной охраны на каждом шагу.

Из менее заметных, но еще более существенных ограничений свободы человека, напомним о прослушивании телефонов и перлюстрации как почтовой, так и электронной корреспонденции без судебного постановления почти во всех европейских странах. О размещении сотен миллионов видеокамер, об открытой для полиции возможности фиксировать местоположение любого мобильного телефона, позволяющими в считанные минуты определить местоположение, а часто и поведение любого

гражданина свободной страны. А если к этому присоединить необходимость сдавать отпечатки пальцев при въезде в США, фиксацию индивидуальных особенностей глазной клетчатки (с последующим занесением в архив) при входе во многие государственные и международные организации, вплоть до Совета Европы, да к тому же сети медицинских, страховых, банковских и платежных карточек, позволяющих Большому Брату, пока ведущему себя деликатно, в считанные минуты определить состояние здоровья, сбережения, характер и стоимость всех, вплоть до мельчайших, покупок, становится ясным, что объем гражданских свобод в победивших ради них странах Запада на самом деле резко сократился. К этому прибавились растущие ограничения на въезд в страны Запада, отсутствие роста благосостояния граждан в реальном исчислении за два десятилетия и все сокращающиеся возможности получить не только работу, но и приличное образование, то становятся не только объяснимы повсеместные многотысячные акции протеста, но и возникает вполне естественный вопрос: так ли должны жить победители? Действительно ли были защищены или хотя бы сохранены, если не расширены демократические свободы? Ведь все это движение к авторитарной власти, а не к торжеству победившей демократии.

На эти вопросы есть два кажущихся очевидными ответа. Первый в том, что ограничения частной жизни, а по сути своей – демократических свобод делаются во имя защиты безопасности граждан. Второй – что отражать приходится теперь уже новые угрозы, напрямую не связанные с коммунистической идеологией. Второй ответ требует подробного анализа, и я к нему вернусь позже, что же касается первого, то это обычный ответ всех тоталитарных правительств: растущими полицейскими мерами мы эффективно обеспечиваем безопасность. Именно так всегда говорили в Советском Союзе да и во многих других странах, где уголовная преступность была гораздо ниже, чем в Соединенных Штатах.

Для второго ответа для начала вспомним, что в уже упоминавшиеся мной недолгие годы советского либерализма государственный и идеологический механизм в СССР все же был выстроен так, что Хрущев не был способен, как Джордж Буш-старший выступить перед не желавшими его слушать жителями Западного Берлина и сказать:

– Вы можете меня освистывать лишь потому, что мы защищаем вашу свободу.

Хрущев не был способен приехать в Новочеркасск и сказать бунтующим рабочим вещи гораздо более значительные, чем

выступление американского президента:

– Вы смогли собраться здесь лишь потому, что шесть лет назад был уничтожен по моей инициативе почти весь аппарат взаимных доносов и слежки (милицейской и КГБ) за советскими людьми. Иначе вы уже давно бы сидели по отделениям милиции. Вы смогли говорить о цене на мясо лишь потому, что за эти годы трижды были повышены государственные закупочные цены, и только поэтому мясо появилось в советских магазинах, но продажи оказались убыточными. Иначе вы, как в недавнем пятьдесят третьем, смогли бы лишь раз в месяц молча стоять в бесконечной очереди за какой-нибудь крупой, мрачно глядя на свои номерки, написанные химическим карандашом на ладонях.

И Хрущев, вероятно, был бы понят новочеркасскими рабочими – память об этом была свежа, но будучи детищем советской системы он не был способен это сказать. Не мог до конца оценить (а может быть, и понять) преступления коммунистического режима с октября семнадцатого года, пытался по выражению Александра Яковлева «с помощью Ленина уничтожить Сталина», сам был уничтожен как политик и едва не был отравлен по приказу Брежнева, упоминаемом в интервью председателя КГБ Семичастного. И недолгая заря интеллектуального и гражданского освобождения в Советском Союзе была успешно погашена Сусловым и Брежневым, а главное – маршалами, которые со страхом ждали предъявления им беспощадного счета за Отечественную войну.

Как ни странно, теперь в крайне невыгодном, слабом хрущевском положении находится вся американская администрация без разделения на республиканцев и демократов, да и многие лидеры крупнейших европейских стран.

Они (как Хрущев) не способны честно сказать своему и другим народам, что уровень безопасности после «блистательной» победы над главным противником в их странах резко сократился, как и уровень гражданских свобод; что экономическое положение несмотря на сокращение части военных расходов после победы в «холодной войне» стало гораздо более шатким, что погибло в результате локальных войн и терактов американцев и европейцев за последние двадцать лет не меньше, чем за предыдущие двадцать лет «холодной войны».

Они не могут этого сказать потому, что из этого признания следует естественный вывод о катастрофической незначительности, неэффективности действий администраций западных стран. Главное же, никто из них не готов оценить катастрофическую ошибку, совершенную американской администрацией в конце 1991-го, в 1992-м и в последующие годы

в отношении России.

Я думаю, одна из причин этой ошибки в привычном недоверии Запада к русскому народу. Недоверии, которое привело к отказу Наполеона от освобождения из крепостной зависимости русских крестьян, и они, первоначально грабившие русские войска, охотно включились в партизанскую войну с французами-республиканцами, которые оказались ничем не лучше русских помещиков. Недоверие, если не презрение Гитлера, на сторону которого в первые недели и месяцы войны переходили целые полки Красной армии с большим опозданием узнавшие, что фашисты не многим лучше коммунистов, которые все же хотя бы свои. В точности эту же ошибку повторила американская администрация. Перейдем к фактам.

То, что американские спецслужбы и хорошо устроенные, но элементарные по типу своего мышления политические аналитики мало чего стоят, давно и хорошо известно. Госдепартамент США, как явствует из рассекреченных документов, в конце тридцатых годов настойчиво советовал президенту Рузвельту во всем поддерживать «голубя» Сталина, который с трудом сопротивляется натиску «ястребов» Ворошилова и Молотова. В 1961 году ЦРУ и президент Кеннеди, который лично этим занимался, получили фантастический подарок – показания беглеца из СССР полковника КГБ Голицына о планах высшего советского руководства о стратегии и тактике самого Хрущева (так называемый «план Шелепина») по тихому захвату всей Западной Европы и о методах распространения коммунистического влияния во всем мире. Кеннеди (не худший из американских президентов) был очень озабочен рассказами Голицына, послал личного курьера – не доверяя теперь ни ЦРУ, ни Госдепартаменту – к генералу де Голлю с тем, чтобы выловить советских шпионов в разведках и администрации стран Атлантического союза. Но понимание внутреннего положения в СССР, его внешней, вполне агрессивной политики и в 1964-м, и в 1968-м, и в восьмидесятые годы в американской администрации ни в чем не стало серьезнее.

Так же и в девяностом году, когда я и в СССР и в США во всеуслышание на публичных выступлениях и в частных беседах говорил о том, что в СССР к власти идет Комитет государственной безопасности, даже не как организация как таковая, но как вполне определенная и тесно взаимосвязанная с властными и коммерческими интересами общностью идеологии среда (а там и часть МИДа, и иностранный отдел ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ). Это была наиболее мощная в стране группа, самое влиятельное и подготовленное к власти сообщество, и на это ни в

СССР, ни в США никто просто не обращал внимания. Интереснее были теряющий силы Горбачев, восходящая звезда – Ельцин.

Но уже когда Ельцин пришел к власти, могло ЦРУ подготовить для руководства справку о том, что министр иностранных дел России Андрей Козырев – полковник Главного разведывательного управления, председатель Госбанка России Геращенко – главный банкир КГБ СССР, Егор Гайдар – сын резидента КГБ контр-адмирала Тимура Гайдара и выкормыш КГБ? Наконец, что 35 % аппарата Ельцина – штатные сотрудники КГБ (по подсчетам Ольги Крыштановской). Может быть, такая справка и существовала, но это уже не было интересно американскому руководству: недавние враги демократии стали их лучшими друзьями.

Это была бесспорная победа Ельцина и Гайдара над демократией в России и возможность государственного переворота 1993 года, полностью поддержанные близорукой американской администрацией. Можно было расстреливать Белый дом, изображая гражданскую войну с избравшим его президентом российским парламентом, можно было ночью бомбить Грозный с десятками тысяч погибших русских людей.

Американской администрации казалось, что речь идет о гораздо более важных вещах, чем демократия и массовые преступления в России, – о стратегическом балансе сил, о ядерном и химическом разоружении, а Козырев, Ельцин, Гайдар, Бурбулис, казалось, охотно шли им навстречу, да и от СССР осталась всего половина, к тому же более слабая. И ошибка была не в том, что, скажем, Бурбулис нередко говорил:

– Сперва мы окраины СССР распустим, а потом опять их соберем.

Эти же несбыточные мечты были и у руководителей спецслужб стран Варшавского договора в 1989 году, да и у Путина в двухтысячном. Но проблема для России, для США, для всего мира была тогда не в том, сбудутся или не сбудутся эти надежды. Суть была в том, что США, а за ними и страны Европы кредитами, субсидиями, всесторонней политической поддержкой выкармливали новый деспотический режим в России, совершенно не понимая последствий, к которым эта политика приведет. Они закрывали глаза на то, как разворовывают их займы и богатства России, а поначалу ведь не умели так крупно воровать и нужны были для становления наличные американские миллионы, и – напомню – теперь поумневший Строуб Тэлботт, тогда помощник госсекретаря по контактам с Россией, удовлетворенно говорил:

– Эти коммунисты – хорошие ребята. С ними легко иметь дело.

Впрочем, о мелком, тактическом, а не стратегическом прагматизме американской политики, о циничном предательстве принципов свободы и демократии ради покладистости «хороших ребят» я уже упоминал, а теперь пора вернуться к началу. Конечно, главной причиной поражения демократии была искалеченность русского общества, всего русского народа после десятилетий уничтожения всего лучшего в нем. Но и близорукая политика вскармливания и взращивания гебешного руководства России тоже внесла немалый вклад в то чудовищное положение, в котором сегодня оказался не только вымирающий народ нашей все еще гигантской страны. Но и во всем мире сложились совсем не те отношения, которые должны были следовать за победой демократии в «холодной войне».

Подлинно демократическая Россия, которая все же могла появиться на карте в начале девяностых годов, совершенно бы изменила положение на земном шаре. Китай, окруженный Японией и Россией, перестал бы торговать внутренними органами расстрелянных политзаключенных и во внешней политике был бы осторожнее, Ирану бы никто не помогал создавать ядерное оружие, и Ближний Восток, по-видимому, развивался бы иначе. Да и террористы почувствовали бы себя брошенными, а не тренировались бы как члены «Аум Сенрике» на российских полигонах.

Впрочем, мы перешли к истории в сослагательном наклонении. Бесспорно одно – демократия в России не получила никакой мало-мальски серьезной поддержки (не могу забыть, как измученная Галина Васильевна Старовойтова была предана атлантическим содружеством, так много когда-то о ней говорившим. Русский народ, так любивший Соединенные Штаты, американскую музыку, американскую литературу, каждого американца как носителя справедливости и демократии, тоже был предан. И нынешний антиамериканизм в России – следствие не только массированной государственной пропаганды, но и прямой результат этого предательства. И эта политика, конечно, не только ухудшила положение во всем мире, привела к многочисленным жертвам, но вернула мир к противостоянию сильно ослабленной демократии и авторитарно-террористического сообщества в формах, характерных для семидесятых годов, с бесконечными локальными войнами и безуспешными санкциями вроде «списка Магнитского» или украинских санкций в тех случаях, когда уже нельзя воевать.

«Победители»: конференция в Амстердаме. Переворот 1993 года и разгром демократического движения

В России кроме моральной дискредитации демократии как идеологии и политического курса насущной задачей Гайдара, Ельцина и, конечно, КГБ было уничтожение всех демократических организаций, что в целом успешно было проведено в правление Гайдара в 1991–1993 годах. Они в своих сегодняшних откровениях и не скрывают, что демократия была враждебна «курсу Гайдара», и он это отчетливо понимал.

Разгром демократических организаций КГБ и в новый период своей истории начал с привычного врага – фонда «Гласность». Но, конечно, под широковещательные разговоры о победе демократии. Торжество наивных моих коллег, казалось, просто не имело предела.

В начале лета девяносто второго года в Амстердаме была созвана большая международная конференция «Россия, гласность и перестройка». Конечно, наиболее заметными ее участниками были гости из Москвы. Русских делегатов было человек двадцать: Галина Старовойтова, отец Глеб Якунин, Кронид Любарский, Виктория Чаликова, Олег Калугин, Василий Селюнин – остальных не упомню. Главную роль играл Сергей Адамович Ковалев, ставший крупным политическим деятелем и российского и мирового масштаба, поскольку добился того, что основополагающего положение о невозможности рассмотрения фактов нарушения прав человека лишь в рамках национальной юрисдикции было включено как один из важнейших принципов международного сотрудничества.

На конференции в Амстердаме я был сопредседателем. Пока выступали люди, бесспорно, очень хорошие, но наивные – Виктория Чаликова, отец Глеб, безоговорочно верившие в Ельцина и наперебой говорившие не просто о победе демократии, но прямо: «Мы победили», – я еще как-то терпел. Но когда Галина Васильевна в продуманном, хорошо построенном выступлении стала говорить (а было в зале около тысячи человек со всего мира), что в России блистательно победила бескровная демократическая революция и что наконец-то русские люди влились в семью свободных европейских народов (свою трагическую судьбу она, конечно, предвидеть не могла), я, воспользовавшись правом председателя, выступил и попытался

убедить собравшихся, что никакой победы демократии в России не видно, что у власти в стране совсем не они, да и не бывает победы никем не подготовленной, а я ни в тюрьмах, ни на воле не встречал диссидентов и демократов, которые бы готовились к свержению советского режима и захвату власти.

Из русских меня не поддержал никто. Все были обижены и даже оскорблены тем, что я сказал, и продолжали повторять, что они победили и что уже завтра Россия ничем не будет отличаться от Франции. Я пытался воззвать к здравому смыслу, чтобы они не вводили в заблуждение сотни иностранных политических и общественных деятелей, собравшихся на эту триумфальную конференцию, – но тщетно.

Все русские прямо или косвенно «опровергали» меня и даже Кронид Любарский, чье выступление, кажется, завершало конференцию и на здравый смысл которого я очень рассчитывал, веско сказал: «Как говорят англичане, если птица похожа на утку и крякает, как утка, значит это утка. В России произошла революция и победила демократия».

Крякала она, действительно, как утка, но надо было все же иметь глаза. В перерывах ко мне никто не хотел подходить, только добрейший отец Глеб подвел ко мне, чтобы познакомить, бывшего генерала КГБ Олега Калугина. Он, кажется, не выступал, хотя явно понимал много больше других, и с пристальным профессиональным интересом смотрел на меня холодными серыми глазами.

По завершении конференции был ужин и прогулка не пароходике по каналам Амстердама. Я опять сидел один с бокалом вина, «демократы-победители» разговаривать со мной не хотели. Потом подошел сильно подвыпивший Вася Селюнин, сел рядом, обнял за плечи и почти со слезами сказал: «Неужели, Сергей, ты не веришь в нашу победу?»

Что можно было ответить…

На первый взгляд они были правы. Даже если оставить в стороне сомнительную демократическую риторику и личные качества Ельцина, имевшие мало общего с его рекламной компанией, несколько диссидентов и демократов были и впрямь близки, конечно, не к власти, но к власть имущим. Старовойтова в тот год была помощником Ельцина; диссиденты Ковалев и Бахмин (руководили управлениями по правам человека (вполне номинальными) при президенте и в Министерстве иностранных дел; в государственной Думе было человек десять депутатов из числа бывших диссидентов или близких к ним, говоривших о демократии, и им никто не возражал. Члены ГКЧП сидели в тюрьме, готовился суд над КПСС. Была официально запрещена

цензура в средствах массовой информации (на практике становившаяся все более жесткой по серьезным вопросам), существовало множество партий, в том числе и весьма экзотических.

Генерал-лейтенант Стаськов в бытность заместителем командующего ВДВ рассказывал мне, как происходили выборы в дивизии, которой он командовал:

– Получили сверху приказ – всем голосовать за Жириновского. Я собрал офицеров, поручил провести разъяснительную работу в подразделениях. Вероятно, они мою команду выполнили, но когда начали подсчитывать бюллетени, оказалось, что семьдесят процентов состава проголосовало за «Партию любителей пива», а тридцать – за «Партию женщин». Ну, мы все равно сообщили в избирком, что девяносто пять процентов проголосовало за Жириновского.

Вскоре этих партий не стало, в том числе партии пенсионеров, зеленых, социал-демократов. Были уволены Вадим Бакатин, попытавшийся ограничить влияние КГБ, искренно полагавший, что к власти в России пришли демократы во главе с Ельциным, а не те самые спецслужбы, власть которых он по наивности вознамерился урезать; Борис Панкин – единственный советский посол, выступивший против ГКЧП, ненадолго назначенный министром иностранных дел, попытавшийся ограничить число сотрудников КГБ в МИД'е и тут же замененный «ветераном внешней разведки» (как его сейчас называют) Андреем Козыревым.

Вся русская делегация в Амстердаме состояла из москвичей, приходивших на заседания Думы, читавших хорошо организованную Бобковым официальную прессу, а у меня уже много лет было народное информационное агентство, «Ежедневная гласность», и я точно знал, что нигде в России власть не находится в руках демократов (чего стоит Собчак, мне давно было известно), более того – идет организованное уничтожение демократического движения. Еще существовали и «Мемориал» и «Демократическая Россия», но жить им оставалось очень недолго. Никто из собравшихся в Амстердаме этого не чувствовал. А вот простые люди хорошо это понимали. По всей стране шли митинги, во всех существовавших последний год самиздатских газетах и журналах говорили и писали только об одном: все те, кто был у власти в советское время, изменив вывески на своих кабинетах и подпустив ненадолго процентов пять демократов, у этой же власти и остались.

Вся центральная пресса, радио и телевидение взахлеб вещали о расцвете демократии, успешно делили большие деньги и

привилегии, свалившиеся на СМИ, а на практике осуществляли старый советский анекдот: «Стоят на Мавзолее Бонапарт и Брежнев, следят за военным парадом, и Брежнев говорит со вздохом: – Мне бы вашу гвардию – весь мир был бы моим. – Мне бы вашу печать, никто не узнал бы о Ватерлоо».

Они радовались, что изредка можно посмеяться над Ельциным, но тех, кто были активны при Горбачеве, обладали минимальным государственным мышлением, были честнее и не только понимали, но и хотели говорить, потихоньку убрали – остальные наперебой писали о победе демократии и совершенно игнорировали все, что в действительности происходит в стране, кто поделил кресла в Кремле, а теперь приступает к разграблению России.

На самом деле то, что произошло, конечно, не было «бескровной демократической революцией», как говорил Гайдар, а было ближе всего к какому-нибудь византийскому перевороту. Слегка одурманенные идеями о величии империи руководители дворцовой стражи года три готовили заговор против слабого императора, выдвинули и втемную вели к власти трусливого и жестокого сатрапа, которого и представили народу как спасителя от тирании.

Были полузабыты некоторые коммунистические (религиозные) идеи, собственно, спецслужбы были всегда к ним откровенно равнодушны и поддерживали лишь в силу служебных обязанностей; несколько изменился характер и состав собственников, но не изменилось главное – характер деспотической власти и репрессивные способы управления.

Это все не имело никакого отношения ни к демократии, ни к бескровной революции – мальчикам, раздавленным танками Лебедя, демонстративно не поставили памятника.

Положение было совершенно безнадежным, если даже у лучших людей России отсутствовал элементарный здравый смысл и они закрывали глаза на все, что творилось вокруг. А ведь так мало оставалось времени до той поры, когда их всех вышвырнут из государственной и общественной жизни, а некоторых – и из жизни вообще, а они будут уходить (как коммунисты в сталинские лагеря с верой в Сталина), сохраняя уверенность в том, что в 1991 году в России произошла демократическая революция.

Недели через три после моего возвращения в Москву началась тщательно спланированная и достаточно сложная (но все же попроще, чем в восемьдесят восьмом году) операция КГБ по разгрому Фонда «Гласность».

Сперва мне позвонил какой-то человек по фамилии Замощин, сослался на другого полузнакомого человека, показывавшего мне сомнительные рисунки Натальи Гончаровой, сказал, что он бригадир реставраторов, восстанавливающих росписи Исторического музея, и предложил что-нибудь сделать и для меня.

Мы с Димой Востоковым – в эти два года новым и главным моим помощником – как раз обдумывали возможность создания при фонде «Гласность» антикварного отделения в надежде таким образом изыскать хоть какие-то средства на продолжение работы. Это и было мое возвращение (через семнадцать лет) в давно забытый мир коллекционеров, хотя понадобилось еще лет пять для того, чтобы я всерьез озаботился возвратом из русских и украинских музеев семейных коллекций. Раньше думать об этом не было времени.

У меня случайно уцелела крупная ярославская икона XVIII века, которая не попала в музей лишь потому, что была куплена мной незадолго до первого ареста в семьдесят пятом году, и я не успел забрать ее у художника, который мне ее продал. Теперь он мне ее вернул. Икона была совсем потемневшая, ее надо было промыть, и я отдал ее реставратору. Недели через две Замощин мне ее вернул, слегка подлакировав, но не промыв. Меня это должно было насторожить, но деньги, которые были с меня взяты, были так малы, что я спокойно отнесся к неумению бригадира реставраторов промыть икону.

Но вскоре Замощин опять объявился. Начал жаловаться, что Исторический музей их бригаде ничего не платит, стал спрашивать, не могу ли я им помочь найти работу за границей – на Кипре или в Германии. Сказал, что мог бы помочь и нам, так как его бригада – кооператив реставраторов «Акант» – арендует небольшой домик на Остоженке, в котором на втором этаже у четырех маленьких комнат есть отдельный вход, и он может нам по невысокой цене отдать его в аренду. Предложение было очень заманчивым, в Германии, где я получил медаль Баварского ландтага, у меня и кроме Восленского оставалось много знакомых, и какую-то работу реставраторам я найти мог и даже провел переговоры во Франкфурте. Оставалось обсудить условия и составить письменный договор. Замощин и председатель кооператива М. Ю. Гайстер почему-то очень торопились. Наши юристы составили договор, был назначен день подписания. При этом реставратор осторожно меня уговаривал сразу же переехать, но что-то мне во всем этом не нравилось, хотя понять, что именно я не мог.

Офис «Гласности», точнее редакция «Ежедневной гласности»,

поскольку ничего другого мы в это время не делали, находился в полуподвале двенадцатиэтажного дома на Рочдельской, в двух шагах от Белого дома. Было у нас там две комнаты, но очень большие, принадлежавшие какому-то спортивному клубу. Внезапно меня и сотрудников начали попугивать – дескать, у них с кем-то хозяйственные споры, в любой день могут появиться какие-то чеченцы, живущие в этом доме и договор, конечно, договором, но для нас самих было бы безопаснее… Но на все повидавших сотрудников «Гласности» эти разговоры не действовали. Другое дело, что хотя по площади мы на Остоженке поместились бы с трудом, зато в четырех комнатах работать было удобнее, да и место было несравнимо лучше. И все же я не хотел туда переезжать до тех пор, пока не будет подписан договор об аренде.

Но тут в нашем офисе на Рочдельской внезапно оказалось выключенным электричество. Во всем громадном доме свет был, в соседних полуподвалах тоже, а нам объяснили, что поврежден кабель, идущий непосредственно к нам и сколько будет длиться ремонт – неделю или три месяца, – неизвестно. «Ежедневная гласность» была связана подпиской с тремя или четырьмя десятками организаций (редакций, посольств), которые рассчитывали получать нашу сводку новостей каждое утро. Но прошли два дня, света не было, ни междугородный телефон, ни факс не работали. И тут Диму «случайно» встретили на улице Замощин и Гайстер и буквально всучили ему ключи от дома на Остоженке: «Переезжайте поскорее, что вам маяться, а через два дня подпишем договор». И я согласился на переезд в четверг, утром в пятницу мы разместили все оборудование на новом месте, но уже во второй половине дня появились рослые хорошо одетые мужики средних лет, которых реставратор объявил совладельцами. Они многое знали о «Гласности» и тут же высказали сомнение, что фонд может размещаться на Остоженке, поскольку КГБ против, и сами они представились сотрудниками КГБ. Я жестко ответил:

– Это начальник тюрьмы мог меня перевести из одной камеры в другую. В Москве я сам буду выбирать место работы.

«Совладельцы» не возражали, реставратор уговаривал: «Завтра подпишем договор и все наладиться». Но положение становилось напряженным. Мы с Димой решили остаться на ночь и подежурить в новом офисе. Перед тем я обошел дом со всех сторон и обнаружил, что к нему примыкает стена сирийского посольства. Стало ясно, что такой пункт слежения не мог быть арендован пусть даже самой пробивной реставрационной компанией и нас попросту заманили в ловушку. Уже с утра и

здесь были выключены свет и телефон, а вскоре выяснилось (по смыслу вопросов «кооператоров»), что там заранее были оборудованы прослушки.

Часов в одиннадцать вечера 20 апреля, когда сотрудники мэрии Дима Чегодаев и другие ушли вместе с редакцией, мы с Димой Востоковым остались дежурить. К тому времени, когда совсем стемнело, а улицы в Москве тогда почти не освещались, мы услышали, как во двор въехали несколько машин и кто-то начал выламывать запертую нами дверь. Вскоре комнатки наполнились парнями, приехавшими вместе с «совладельцами» реставратора:

– У вас нет права здесь находиться.

Скрутив нас с Димой (а у него врожденный порок сердца и все могло кончиться совсем плохо), начали выносить наши компьютеры и грузить по машинам. Чтобы мы не мешали грабежу, нас сперва держали в доме, потом меня вытащили и заткнули на последнее сиденье одной из четырех «Волг» с гебешными номерами, между двумя очевидными оперативниками.

В заявлении в прокуратуру я писал:

«Вывернув руки и полузадушив, чтобы не мог позвать на помощь, двое десантников затащили меня в принадлежащую им машину, где выломав руки, выкрутив с помощью специальных приемов ноги и обхватив рот и горло, чтобы не мог кричать, продержали, применяя пытки, более полутора часов.

В редакции оставался Дима Востоков, которого по команде Гайстера сбили с ног, повалили на землю и с выкрученными руками втащили на второй этаж дома по ул. Остоженка 30, стр. 2.

После этого все одиннадцать вышеупомянутых лиц были заняты разбоем, перетаскивая из помещения редакции в собственное помещение компьютеры, принтеры, телефаксы, автоответчики и другое оборудование и имущество редакции и личное ее сотрудников.

Когда акты разбоя были завершены, полузадушенного С. Григорьянца также втащили в помещение кооператива, где повалили навзничь на пол, причем один из наймитов стоял у него на руках, второй – на ногах. В другой комнате „реставраторы“ угрожали пистолетом Д. Востокову. Именно эту сцену и застали сотрудники Ленинского РУВД».

Но я так и не узнал, куда они собирались меня везти и что делать.

Внезапно появился наряд милиции с автоматами, меня освободил, а ночных гостей, попытавшихся вытащить пистолеты, уложил на пол. Оказалось, что так же как я позвонил домой и

предупредил, что буду ночевать в офисе, позвонил и Дима, а один из сердобольных его приятелей решил принести нам ужин, но, увидев во тьме явную сцену грабежа, вызвал наряд ОМОН'а. К сожалению, на этом все не закончилось. Лежавшие на полу персонажи теперь вместо пистолетов вытащили свои удостоверения КГБ и ОМОН'овцы с явным отвращением вынуждены были сначала их отпустить, а потом и уйти сами. Гэбисты отряхнулись, разбежались по машинам и уехали со всем нашим имуществом – компьютерами, факсами, архивом, накопленным после грабежа восемьдесят восьмого года.

Меня уже никто никуда не тащил и мы с Димой пошли по ночной Москве сперва в институт Склифосовского «снимать побои» – мы были изрядно помяты, потом на Петровку писать заявление дежурному майору о грабеже. Он, конечно, уже все знал и заявление принимать не хотел – впрочем, все это не имело ровно никакого значения.

Естественно, ни одного сообщения в совершенно свободной русской печати, по радио и на телевидении о разгроме в центре Москвы не появилось, из многочисленных тогда еще демократических организаций и депутатов Думы никто и не подумал слово сказать – все они были заняты «высокой» политикой в новой демократической Думе и в печати. Уголовное дело зашло в тупик, поскольку все нападавшие и даже черные «Волги» с записанными мной гебешными номерами оставались «неустановленными». Только Илья Иосифович Заславский, работавший в то время в мэрии Москвы, недели через две устроил мне встречу в своем кабинете с начальником КГБ по Москве и Московской области и одновременно первым заместителем директора КГБ России Савостьяновым – тем самым, кто меньше года назад объявил, что именно я буду его контролировать.

Савостьянов с легкостью врал мне о том, что офицеры уходят из КГБ, не сдавая ни удостоверений, ни оружия, и что именно такие, неизвестные ему люди и напали на фонд «Гласность».

– И продолжают ездить на служебных машинах?

– Ну, всякое бывает, – сказал уходя Савостьянов, – а вообще-то у нас много домов, мы можем один отдать вашему фонду (может быть, в этом и была одна из целей разгрома).

– Ну, нет, у КГБ я дома не возьму, – ответил я и Савостьянов ушел.

Галина Васильевна Старовойтова – в это время еще помощник президента, – трижды напомнив Ельцину, добилась того, что месяца через полтора нам кто-то сообщил, что на каком-то якобы совершенно случайном складе хранится наше оборудование. Компьютеры и факсы мы получили назад, но, конечно, без дискет

и без архива.

Начались мучительные поиски нового помещения. Довольно быстро мне его предложил бывший заместитель Заславского по Октябрьскому райисполкому, замечательный человек и, как говорили, очень крупный ученый, член-корреспондент Академии Владимир Ильич Жегалло, в то время ставший заместителем директора Геолого-минералогического музея на Моховой, рядом с университетом. Мы уже составили договор, но тут директором музея, кажется, по протекции Елены Георгиевны был назначен Юра Самодуров. Он категорически отказался подписать договор. Глазки его бегали, руки дрожали, и он почти кричал мне в истерике:

– Меня снимут, если я разрешу «Гласности» работать в музее. Я вам не правозащитник, я – музейщик, у меня большие планы.

Сняли его месяца через полтора – конечно, он не был ни музейщиком, ни научным руководителем. Когда я сказал Елене Георгиевне, как ведет себя ее протеже, она молча развела руками – никого лучше, как она считала, у нее не было.

Я лет пять с Юрой не здоровался, потом решил забыть об этом и очень пожалел – Юра не мог не делать каких-нибудь пакостей. К нему просто опасно было подходить близко. Думаю, ничего кроме вреда, он музею Сахарова не принес, главное же – музей никогда под его руководством не становился центром общественной жизни. Ни одна серьезная инициатива никогда оттуда не исходила. То есть, на самом деле, трусость Самодурова, как и глупость Новодворской – самое лучшее, что о них можно предположить. Самодуров уничтожил музей Сахарова, который и по имени Андрея Дмитриевича, и по положению, и по возможностям должен был стать центром борьбы за демократию в России и наиболее мощной правозащитной организацией, тем более, что в те годы в этом была острая необходимость. Но Ковалев, как председатель правления, был совершенно безынициативен, и, занимая, как ему казалось, гордые посты при Ельцине и Государственной Думе, музеем мало интересовался. А Самодурова вообще никакая работа не интересовала. Они все жили на деньги, которые для них выпрашивала Елена Георгиевна, и уже одно то, что они ничего не делали, что Сахаровского центра в Москве практически не было, стало гигантской потерей для гибнущей демократии. Гена Жаворонков, который был членом правления Сахаровского музея, с отчаянием мне говорил:

– Ковалев ни на что не способен, а для Самодурова все это чужое. Войди ты в правление музея и заставь их хоть что-нибудь делать.

Ну, во-первых меня никто туда не звал, хотя, если бы я

захотел, то никто и помешать бы мне не смог стать членом правления. Но быть где-то для проформы я не привык, а необходимость каждый год создавать «Гласность» заново, проводить конференции о КГБ, поддерживать еще не уничтоженные провинциальные организации была не оставляла сил на Сахаровский музей. В конце концов Самодурова выгнали за проведение выставки «Осторожно, религия», но, к сожалению это помочь уже ничему не могло. Его тогда все защищали, сделали почти героем, не понимая, как много вреда он принес и что в принципе недурную, хотя и провокационную выставку «Осторожно, религия» на самом деле можно было провести в любом другом месте, а к музею Андрея Дмитриевича она не имела никакого отношения. Говорят, как всегда с опозданием на много лет, это понял и Ковалев, и что-то подобное сказал в адрес Самодурова, но все это было слишком поздно.

Почти такой же, но гораздо более сложной катастрофой для демократической жизни России стало возвращение в Москву Кронида Любарского и возобновление им не работы, но формального существования Хельсинкской группы. Этот созданный Юрием Орловым центр общественной жизни в Советском Союзе, основной центр борьбы за права человека, сгруппировавший почти все общественные объединения и издававший (и распространявший в мире) регулярные сенсационные «документы» о положении в СССР, не имел ничего общего с тем, что назвал тем же именем Кронид. Кронид, как и Самодуров, из важнейшего центра политической борьбы, которая шла в эти годы, с необычайным напряжением собрал этакий интеллигентный междусобойчик – небольшой клуб из хорошо знакомых друг с другом людей, который не делал абсолютно ничего. При Кроните, правда, Хельсинкская группа еще не имела того гнусного вида, который приобрела при Алексеевой: ее заместителем еще не стал бывший сотрудник прокуратуры из Иркутска.

Мне придется напомнить здесь несколько забытых вещей о Кроните Любарском. Вернулся в Москву он не просто так, а заместителем главного редактора самого известного журнала, издаваемого КГБ, – «Новое время» (для большей части его зарубежных корреспондентов их журналистские корочки были только прикрытием). В эти смутные годы, может, кто-нибудь и верил, в то, что КГБ больше нет и «Новое время» стал теперь либеральным журналом, уже ни от кого не зависимым и никаких функций не исполняющим. Но, к несчастью, были основания думать, что все это только ширма. Не буду перечислять все, что

тогда было связано с «Новым временем», было известно о нем, но Сергей Дубов, бесспорно, посторонний и достойный человек, по недомыслию залезший в этот змеиный клубок, заплатил за это и своей жизнью и жизнью своего сына. Собственно говоря, и в естественность смерти, вероятно, слишком авантюристичного Кронида, я тоже не вполне верю. Напомню несколько его зарубежных историй.

Я очень любил и считал святым Антона де Миуса, Антона Антоновича, как он всегда предлагал себя называть. И он, и его очаровательная жена были переполнены христианским стремлением всем кому можно помочь. Не имея вроде бы никакого отношения к России, происходя из древних аристократических шотландско-бельгийских родов с семейным гербом на стене их маленького уютного домика в Брюсселе, они выбрали именно Россию и русский народ как мир особенно нуждавшихся в их помощи. Они выучили русский язык и, пользуясь своими семейными связями в Бельгии и вообще в Европе, помогали сперва христианским организациям в СССР, а потом и диссидентским изданиям. Где-то в Брюсселе, как говорил мне Антон Антонович, через много лет, уже очень больной, а в те годы и мне было трудно приезжать в Брюссель, есть большой склад книг русской эмиграции, изданных с его помощью, и он все надеялся, что я смогу перевезти его в Москву. А потом Антон Антонович решил, что для помощи демократии в России нужен журнал, где было бы больше хроники, больше текущей информации, идущей прямо из Советского Союза. Смог найти на этот журнал деньги, издателей, способ распространения, но тут в Мюнхене появился Кронид. Антон Антонович никогда не рассказывал мне подробностей, но, по-видимому, он сам познакомил Любарского с теми, от кого все это зависело. Все деньги и все возможности, созданные де Миусом, Кронид быстренько перевел на себя, объяснив кому-то в правильно адресованных письмах, что такой журнал, а это был «Страна и мир», должен издавать и редактировать русский, да к тому же недавно освободившийся из лагеря. Антон Антонович не очень возражал, чтобы все созданное им теперь перешло к кому-то другому. Думаю, эта история мало кому известна, поскольку де Миус не был публичным человеком, и, может быть, кроме меня никому об этом не рассказывал.

Зато другая история, неудачная для Любарского, была всем в эмиграции известна. Кронид, Синявский, Эткинд (зачем он к ним затесался?) написали, по-видимому, привычные для Кронида письма в американские фонды, распределявшие помощь изданиям русской эмиграции. В этот раз они сообщали, что газета

«Русская мысль» в Париже на самом деле никуда не годится, никаким влиянием не пользуется, редактируется из рук вон плохо, а потому пособие, которое она получает, должно быть распределено между «Синтаксисом» Синявского и «Страной и миром» Любарского. Американцы люди простодушные, в отличие от издателей «Страны и мира» ничего скрывать не стали, и прислали это письмо Ирине Алексеевне Иловайской, которая без раздумий опубликовала его в «Русской мысли».

У меня серьезных столкновений с Кронидом никогда не было. Конечно, работая в «Новом времени», он заказал мне статью о конференции «КГБ: вчера, сегодня и завтра» и не опубликовал, но, признаться, я и не рассчитывал. К тому же в журнале активно, и, я думаю, не случайно постоянно печатали пробивающую себе дорогу в журналистике Леру Новодворскую.

Но вот один разговор в Мюнхене меня, признаться, озадачил. Кронид и его жена кормили меня обедом у себя дома, незаметно разговор перешел на какие-то дела, и Кронид показал макет журнала. Сказал, что он хочет помещать на обложке имена людей близких журналу и его поддерживающих, и не соглашусь ли я, чтобы в этом списке была и моя фамилия. Я ответил, что мне надо знать, кто еще там будет. И он мне показал этот макет, где среди фамилий хорошо или мало мне знакомых, стояло имя Льва Волхонского. Объяснять Крониду, что это всем известный лагерный стукач и петербургско-московский провокатор, не было нужды – Кронид о Волхонском знал не меньше чем я, поэтому я только коротко ответил, что мое имя рядом с именем Волхонского стоять не может. И Кронид мне очень странно ответил: «А вот я могу себе позволить поставить на своем журнале его имя». Спорить здесь было не с чем. Но зачем ему это было нужно?

Вопрос с офисом решился неожиданно легко. Моей жене позвонила родственница наших соседей – тех самых, что предупреждали меня о микрофонах в потолке, и почти сразу же уехавших в Израиль. В их квартире «Гласность» размещалась в 1990–1991 годах, но потом нам в этой квартире отказали, а теперь снова предложили ее снять. Думаю, что Савостьянов, раздраженный неудачей своих подчиненных, моим с ним разговором и вынужденным вмешательством Ельцина, решил «пусть еще поживет», но, конечно, под присмотром, а тут как раз есть оборудованная прослушками квартира. К тому же если в России убедить всех молчать о разгроме «Гласности» КГБ вполне удалось, то в Европе и США имидж фонда все еще был значителен, у меня оставалось много знакомых, я, по-прежнему

выезжая за границу, встречался с известными политиками, иногда даже с главами государств, и уверенность в достоинствах Ельцина еще не были так высоки на Западе, чтобы прощать все, что делается в России.

Аэропорт Шереметьево и другие приключения

Мои поездки почти всегда были связаны с какими-то историями – и до путча и после него. Об историях в Шеремьетево в девяносто пятом году и в двухтысячном мне придется рассказывать позже, а пока – несколько более ранних.

Меня пригласили на конференцию году в девяностом в Мадрид, прямых билетов не было, в эти годы вообще очень не хватало билетов на международные рейсы. Мне звонит Оля Свинцова и говорит, что я могу получить билет перед отлетом в Париж в представительстве «Air France». Я приезжаю в аэропорт заранее, поднимаюсь на шестой этаж в офис авиакомпании, называюсь, молодой человек смотрит в компьютер и говорит с сожалением:

– Билет вам действительно заказан, но в компьютере нет подтверждения об оплате. Может быть, это компьютерный сбой, но я ничего не могу сделать.

Купить за рубли билет на рейс французской авиакомпании невозможно, иметь иностранную валюту в Советском Союзе запрещено, я возвращаюсь домой и звоню Оле. Она возмущена и на следующий день я получаю факс с копией билета, местом в самолете и Оля мне говорит, что билетов, конечно, давно уже нет, но это бронь получена Мареком Альтером (председателем парижского бюро «Гласности») у директора «Air France». Я опять еду в Шереметьево. Тот же молодой человек вертит в руках факс, опять смотрит в компьютер и опять мне объявляет, что сведений об оплате у него нет. Мне понятно, что советский юноша очень держится за место работы в иностранной авиакомпании. Кроме того, он явно смущен тем, что я смог при полном отсутствии билетов вновь его получить, да еще на ближайший рейс. И я ему говорю:

– Есть у вас сведения об оплате или нет, я не знаю, но билет мне заказан директором «Air France», и я вам гарантирую, что завтра вы здесь работать не будете.

Он опять смотрит в компьютер и находит информацию об оплате.

История более серьезная. В Париже ЮНЕСКО проводило конференцию о свободном обмене информацией между Востоком и Западом. Из всех стран восточного блока, даже из Монголии, приглашены журналисты и редакторы различных изданий, из Советского Союза большая делегация, в ней редактор «Известий»

Иван Лаптёв, редактор «Огонька» Виталий Коротич, Егор Яковлев из «Московских новостей» и к большому неудовольствию советских властей – я. Билетов опять нет, мне заказан с пересадкой в Хельсинки.

Теперь я на первом этаже подхожу в Шереметьево к представителю «Finair» и слышу знакомое:

– В компьютере нет подтверждения об оплате билета, – и сразу же поражающее своей любезностью, – но на сорок пять минут позднее вылетает в Хельсинки самолет «Аэрофлота» – вы можете купить на него билет, а в Хельсинки еще успеете на самолет в Париж.

У меня с собой, конечно, советских денег нет – вывозить их запрещено да и бессмысленно. Тут же прошу Виталия Мамедова, который привез меня, мчаться домой, звоню жене, объясняю, где в столе лежат редакционные деньги, и прошу постараться успеть вернуться в Шереметьево до отлета советского рейса. Особенных заторов на шоссе тогда не было и Виталий, хоть и в последний момент, успевает дать мне деньги на билет.

Измученный ожиданием, без проблем прохожу паспортный контроль, сажусь в кресло самолета, посадка уже закончена и вдруг в самолете появляется полковник пограничных войск и двое солдат с автоматами наперевес. Направляются прямо ко мне, и полковник заявляет, что я арестован за попытку улететь в Финляндию без финской визы. Я пытаюсь объяснить, что у меня билет в Париж и в Хельсинки я не буду выходить из аэропорта, да меня и не выпустят. Но полковник повторяет, что у меня билет в Хельсинки, я пытаюсь незаконно пересечь советскую границу и выводит меня под конвоем автоматчиков на глазах испуганных пассажиров. В аэропорту, правда, меня тут же освобождает, хотя попытка незаконного перехода границы в советское время – серьезное уголовное преступление. Предусмотрительный Виталий (после срока в Перми и Чистополе) не уехал из аэропорта, пока не услышал об отлете самолета и поэтому я не только успел сравнительно быстро вернуться домой, но еще и послал в ЮНЕСКО по факсу письмо, с оглашения которого и началась конференция о свободном обмене информацией между Востоком и Западом.

Раздраженный этой историей заместитель генерального директора ЮНЕСКО швейцарец Алан Моду, который был инициатором конференции, настоял на приглашении меня на ближайшую конференцию журналистов в Нью-Йорке, созываемую по инициативе Организацией Объединенных Наций. Я опять приехал в Шереметьево, опять поднялся за билетом в офис теперь уже «Пан Америка». Там тоже был симпатичный молодой человек.

На этот раз он без всяких затей нашел мой билет и подтверждение секретариата ООН об его оплате и вдруг сказал:

– Я могу заплатить вам за этот билет пять тысяч долларов наличными.

За такие деньги в Москве в это время можно было купить трехкомнатную квартиру в центре города – по-видимому, смазливый мальчик был сказочно богат.

– Нет, я полечу в Нью-Йорк, – хотя на самом деле мне было совершенно нечего сказать на конференции, посвященной, кажется, Юго-Восточной Азии.

По возвращении обыскивали меня долго и необычайно тщательно. Были конфискованы две видеокассеты с фильмами, которые я вез детям: одна с Чарли Чаплиным, другая – с мультфильмами Уолта Диснея и, конечно, все официальные документы ООН. Но Володя Буковский, не помню через кого, передал мне кассету, подготовленную польской «Солидарностью», где два печатника в деталях показывали, как создать подпольную типографию. Еще два-три года назад «Гласность» помогала «Солидарности», теперь уже поляки старались помочь нам. И вот эту кассету, после просмотра в течение недели, единственную из всего моего багажа мне вернули.

Но я не собирался создавать подпольную типографию, поскольку понимал, что для КГБ это будет подарок судьбы. Вместо этого я написал жалобу в Главное таможенное управление на тех, кто, по-видимому, в грабительских целях изымал из багажа детские фильмы и в провокационных – официальные документы ООН. Меня пригласили на главную таможню (у трех вокзалов), долго извинялись и все вернули. Но подпольную типографию я при всей простоте и ценности польских советов создавать не стал.

Переходя к 1992 году, нужно упомянуть еще две довольно характерные для того времени и достаточно странные истории. Я уже писал, что никаких грантов в то время у «Гласности» не было, подписка на «Ежедневную гласность» была недостаточна для того, чтобы оправдать расходы на офис, сотрудников, переводчиков. Между тем наша корреспондентская сеть оставалась фантастической – в адресной книжке, составленной Томой, не только сотни имен, но еще и сотни городов и, скажем, в одном Баку, который был важным, но далеко не единственным центром нашего внимания, упомянуто четырнадцать корреспондентов – азербайджанцев, армян, русских – рабочих, профессоров, общественных деятелей.

Все эти сотни чаще всего совершенно замечательных людей

хотели рассказывать об очень серьезных событиях, которые происходили вокруг них, с ними самими, но их никто не хотел слышать. В эти годы шло уничтожение демократического движения по всей стране; гибли, были уничтожены и сотни «самиздатских» газет и журналов. Одновременно планомерно уничтожалась и свобода печати – это было одной из важнейших задач правительства Гайдара, о чем я буду еще немало писать в дальнейшем и что почти никто из тех, кто в этом участвовал, не хочет ни признавать, ни понимать. Конечно, это происходило под бравурные крики о запрете цензуры, о новом Законе о печати (очень напоминавшем по своему характеру сталинскую конституцию). При этом кроме демократического «самиздата» на глазах уничтожалась возможность независимого суждения, информации, аналитического обзора в центральных органах печати. Как-то незаметно все лучшие журналисты эпохи перестройки потеряли работу. Большинство из них, из советской журналистики последних лет, не были мне особенно близки – у «Гласности» была другая аудитория: частью более народная, частью – всемирная, обо мне самом сперва писали всякую ерунду, потом не упоминали вовсе, тем не менее это была печать, которая в лучшей своей части восходила к блестящей публицистике «Нового мира» и к тому же добросовестно и высокопрофессионально стремилась понять, что происходит в Советском Союзе, какие первоочередные задачи можно и нужно решить. Конечно, дезинформация, Прохановы и Кургиняны, «казачки», засланные в Верховный Совет, Моссовет, Ленсовет, сбивали с толку. К тому же ни у кого не было такой корреспондентской сети, как у «Гласности» и «Ежедневной гласности». Корреспонденты центральных изданий чаще всего были более профессиональны, но их было в сто раз меньше. Именно поэтому ни разу, повторяю, ни разу в «Ежедневную гласность» не удалось подкинуть дезинформацию, хотя попыток были десятки. Сам Гайдар (кстати говоря, превосходный оратор), как и члены его команды, руководившие гигантскими переменами в стране, предпочитали, по-видимому, лгать пореже; необходимого стране понимания – где мы находимся и что с нами происходит – в официальных средствах массовой информации «свободной» России не оказывалось вовсе. Новые звезды журналистики, чаще всего близкие к тем или иным (уже становилась видна разница) спецслужбам или армии – Невзоров, Доренко, Сванидзе, Млечин и другие – иногда публиковали достаточно острые и профессиональные материалы, но только на какие-то частные темы, да и вообще отличались ясным пониманием того, о чем и как можно говорить, а о чем – ни в

коем случае не следует. Наступало «темное» время России. В еще недавно очень профессиональном и либеральном Союзе журналистов был произведен наглый переворот, и все руководство стало послушным и бюрократическим.

А к этому прибавилось еще и практическое уничтожение, точнее растущее (и, конечно, не случайно) убожество зарубежных русских радиостанций, что соответствовало американскому и европейскому пониманию Ельцина (конечно, не без помощи российских спецслужб) как великого демократа, а перемен в России – как бесспорно демократических.

Для Радио Свобода было решено не только открыть большой корпункт в России, директором которого ненадолго и для ширмы стала Алена Кожевникова, но куда по преимуществу были взяты «свои» для Лубянки люди. Да еще и трансляцию передач перевели с зарубежных передатчиков на местные FM станции, которые находились в прямой зависимости от администрации и сперва шантажировали «Свободу» отказами в трансляции, а потом и вовсе ее прекратили.

Я много раз (каждый приезд в США) встречался с директорами «Свободы» (у меня брали интервью в Вашингтоне, но не в Москве), пытался руководству Госдепартамента объяснить, что они делают большую ошибку, по существу, отказываясь дать населению России правдивую информацию, ставя ее в прямую зависимость от Кремля. Со мной никогда не спорили, всегда были очень любезны, говорили, что, конечно, это совершенно правильно и просили написать записку (то же происходило и в Сенате и в Палате представителей), по которой обязательно примут меры. И ничего не происходило. То, что я говорил, не соответствовало представлению американского руководства о России («Какой КГБ? Давно уже нет никакого КГБ»).

Как я уже говорил, году в девяносто втором мы с моим помощником по «Ежедневной гласности» Димой Востоковым, чтобы как-то ее поддержать, робко вошли в антикварный мир, и тут же произошли две любопытные встречи. Уже тогда известным антикваром и коллекционером был Перченко – человек, к которому последние старые мои знакомые из коллекционного мира 1960-х годов Шустер и Санович относились мягко говоря сдержанно, но не видели нужды объяснять мне почему. Пару раз мы с ним чем-то обменялись, что-то я у него купил, но очень скоро Перченко вдруг заговорил со мной совсем на другую тему (я вынужден вспоминать об этом, поскольку эта история задела десятки лучших русских журналистов):

– Ваша «Гласность», Сергей Иванович, была таким важным

делом. Очень жаль, что сейчас журнал не выходит, а ведь он так нужен. Я знаю нескольких людей, серьезных и очень богатых, которые будут рады вложить деньги и в восстановление журнала и даже в целый концерн – у вас есть агентство, можно будет его расширить, на его базе издавать газету, создать издательство. С вашим именем и репутацией вы сможете собрать прекрасную команду и займете самое важное место среди беспомощных современных СМИ.

Не знаю, понимал ли Перченко, насколько точно он оценивает положение в российской журналистике. Действительно, практически все самые достойные и известные русские журналисты были или совсем без работы или перебивались какими-то случайными публикациями. Их места в перестроечной журналистике заняли веселые молодые люди (типа Шендеровича), выкормленные «Иновещанием», способные в лучшем случае написать юмореску или хроникальную заметку. В окружающем Россию мире, где когда-то, в том числе и благодаря зарубежным изданиям «Гласности», хорошо понимали положение в Советском Союзе, сейчас, когда положение изменилось к худшему, царили какие-то совершенно неоправданные иллюзии и полное непонимание того, как живет Россия.

Перченко тут же повел меня к намеченным им людям (как потом выяснилось, это была известная компания крупных мошенников) – человеку с торжественной фамилией Де Буар (гораздо позже я узнал, что он четырежды менял фамилию, принимая на всякий случай фамилию новой жены) и другому – Георгию Мирошнику, владельцу концерна «Формула-7», через год-два он стал довольно часто упоминаться в связи с аферами по вывозу советского военного имущества из Германии, каким-то золотым «Ролексом», подаренным им вице-президенту Руцкому, а потом и в связи с уголовным делом, от которого он десять лет прятался в Южной Африке. Но все это было через год, а пока после недолгих обсуждений я получил их «гарантийные письма». На торжественных бланках с печатями мне гарантировали, что через месяц на банковский счет «Гласности» поступят очень крупные суммы (забыл, какие именно), необходимые для создания и работы в течении первого года газетно-журнально-издательского объединения «Гласность».

Собрать первоклассную команду не составляло никакого труда. Все лучшие перья перестроечных лет готовы были тут же начать работать. Даже некоторые бесспорно высокие профессионалы, но в советское время люди скорее проправительственные, узнав об этом проекте, готовы были оставить неплохие места, чтобы перейти на работу в какое-либо

из подразделений «Гласности». Я радовался перспективе, потому что это были, как правило, хорошо информированные, с разнообразными связями люди, готовые теперь писать гораздо более откровенно, чем они это делали раньше.

Вообще, это было странное время. Все, кто, пусть разными путями, но хотел добра стране и народу и до этого что-то значил в государстве, кроме очень узкого кремлевского круга, внезапно оказались на обочине. У меня в их глазах была хорошая репутация – очевидно, что я не только не участвую в «пире победителей», но в отличие от большинства известных диссидентов не мелькал в передачах на тему «мы победили» и именно против того, что сейчас происходит в стране, я и боролся и сидел в тюрьме. У мало-мальски серьезных людей это вызывало определенное доверие. Кроме журналистов в это время со мной вдруг пожелали познакомиться и даже иногда что-то делать вместе такие странные для меня люди как Николай Иванович Рыжков – бывший премьер-министр Советского Союза, Михаил Зимянин – секретарь ЦК КПСС по идеологии, позже Шебаршин – первый заместитель Крючкова. Я всегда отказывался от встреч и приглашений – не знал, что я могу сказать этим людям. Мне было проще оставаться в кругу привычных оценок и хорошо знакомых мне людей. Вероятно, я был не прав и потом не раз об этом жалел (с Шебаршиным, к примеру, года через два после его приглашения захотел встретиться, но он уже был тяжело болен).

Пока собиралась обновленная «Гласность», был найден целый этаж в шестнадцатиэтажном издательском центре на шоссе Энтузиастов, подыскивались типографии, был даже собран теперь уже тридцать пятый (как продолжение прекращенной нумерации в 1990 году) номер «Гласности». Все настаивали на том, чтобы поскорее была начата регулярная работа и в первую очередь – Перченко. Но я не подписывал ни подготовленные договоры о найме помещения, ни договоры с сотрудниками до тех пор, пока на счет «Гласности» не поступят обещанные средства.

– Ну что вы тянете, пора начинать работать, деньги придут со дня на день, – уговаривали меня.

Перченко снял зал в Шахматном клубе на Тверском бульваре и устроил торжественный обед с участием какого-то видного нефтяника из Тюмени – еще один потенциальный источник немереных денег. Речь самого Перченко сводилась к тому, что давно можно начинать работу и только неуступчивость Григорьянца этому мешает. Естественно, собравшиеся два десятка известнейших московских журналистов тут же его горячо поддержали, я остался в одиночестве, но продолжал как-то

отнекиваться.

Деньги, естественно, не появились никогда. Все это была афера Перченко, как я первоначально и думал, по заданию КГБ с тем чтобы подорвать репутацию «Гласности», создать ей неоплатные долги и уничтожить последние приличные отношения в московском мире. Для таких опасений, бесспорно, были основания: Перченко был из числа тех до того мне неизвестных мелких торговцев иконами и антиквариатом, которых в 1970–1980-е годы арестовыало КГБ, сажало на Лубянку или в какой-то другой следственный изолятор, потом через несколько месяцев без суда выпускало на свободу, получив подписку о сотрудничестве. Амальрик описывает в «Воспоминаниях диссидента» подобного соседа по камере (потом он стал крупным антикварным дилером), называли среди них (не знаю, на каких основаниях) и Гусинского, еще двух-трех известных мне состоятельных торговцев. Всем это незавидное прошлое оказалось в начале девяностых годов очень полезным. Но, может быть, в отношении Перченко я был неправ или не совсем прав. Потом я услышал о еще одной его афере: человек, имеющий интересующую его коллекцию, оказывался в неоплатных долгах, тут Перченко предлагал ему помощь – и человек оставался без коллекции.

Со мной это не получилось, больше того – Перченко дал для «Гласности» какие-то собственные деньги в виде компенсации. Сейчас Перченко выставляет сомнительные произведения из своей коллекции, предназначенной для продажи наивным миллиардерам, в Мраморном зале Музея изобразительных искусств, и дирекция едва ли не ставит мне его в пример – он не просит у музея страховки за вещи, а я отказываю музею в экспонировании вещей из своей коллекции, если картины не будут застрахованы в соответствии с законом.

Второе знакомство было проще, но лично для меня достаточно важное. Внезапно какой-то полузнакомый нам с Димой человек, якобы привлеченный моей известностью и еще недавней значительностью в общественной жизни, предложил нам совместный проект. Его отец, как я понял из неясных упоминаний, не раз привлекался к ответственности за незаконные операции (по-моему, он был одним из известных в советское время «цеховиков», то есть организаторов производства нелегальной, по преимуществу трикотажной продукции из списанного государственного сырья и в дополнительные часы работы государственных фабрик). Но у него все это благополучно закончилось. Сын, лет тридцати пяти, предоставлял нам в

пользование свой большой офис, где-то во в Кисловских переулках, говорил о том, что занят работой (и предлагал подключить и меня) со всемирной организацией престижных «Ротари-клубов». Я не очень понимал, что это такое, и реагировал вяло. По-моему, единственным совместным делом была поездка от имени «Гласности» знакомого ему одного из заместителей министра иностранных дел СССР и хорошо знакомого мне Василия Селюнина в Приднестровье, их встречи с Алексеем Смирновым и местной Хельсинкской группой (тоже вскоре уничтоженной), чтобы понять, что же там делается. Кажется, это была последняя поездка Василия Илларионовича, впрочем, совершенно бесполезная. Самой важной, по-видимому, была лишь одна короткая реплика:

– Вы ведь сейчас, Сергей Иванович, хотя что-то и делаете, почти совершенно забытый человек. С президентами и премьер-министрами не встречаетесь, почти никто о вас не пишет, у вас ничего не издается. Но ведь все это можно быстро вернуть.

Я сделал вид, что принял это предложение за ничего не значащие размышления. Компаньон, увидев, что я на заманчивые перспективы не реагирую, вскоре совершенно потерял ко мне интерес и наше знакомство прекратилось.

«Русский фашизм» и конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»

В ноябре того же девяносто второго года состоялся первый конгресс русской интеллигенции, проведенный по инициативе и под руководством Валентина Дмитриевича Оскоцкого – одного из сопредседателей и Союза писателей Москвы и писательской организации «Апрель» – тогда, пожалуй, важнейших центров русского либерализма. Вообще русские писатели, в отличие от советских, группировавшихся вокруг С. Михалкова и Ю. Бондарева в Союзе писателей РСФСР, даже не понимая этого (тоже считая, что это они победили) оказались на линии фронта в борьбе за демократию в России, что и стоило жизни редактору «Литературных новостей» Эдмунду Иодковскому, дважды был зверски избит, практически изувечен и Валентин Дмитриевич. Этот тихий и спокойный человек обладал не только поразительным мужеством и независимостью, но еще и деятельным умом, благодаря которому он и становился инициатором многих важных общественных движений того времени.

Причиной созыва Конгресса русской интеллигенции было гораздо более ясное, чем у делегации в Амстердаме (а может быть, прошло несколько месяцев и все стало более определенным) представление о том, что разговоры о победе демократии и реальное положение в России имеют все меньше общего. Этот грандиозный конгресс, собравшийся в самом торжественном зале Москвы – колонном зале Дома Союзов (в прошлом – Дворянского собрания), где встретились и выступали самые известные и достойные люди России ко второму дню начал приобретать совершенно для меня неожиданное направление.

На смену выступлениям о победе демократии, о ближайших задачах, даже о некотором расхождении слова и дела вдруг пришла другая тема. Кажется, подряд выступавшие Егор Гайдар и Александр Яковлев говорили практически только об одном – об угрозе фашистского переворота и почти неминуемой близкой опасности для государственности в России.

Александр Николаевич в то время был далек от власти, информацию черпал из популярных газет и телевизионных передач, а там эта тема, на мой взгляд, вполне бессмысленного и панического свойства, постоянно звучала. Но Гайдар был, хотя и склонным к панике, все же премьер-министром России. Он должен был владеть более достоверной информацией или его

сознательно поддерживали в этом паническом состоянии.

Между тем то, что я знал, получая и редактируя ежедневные сводки «ЕГ», никак не по подтверждало эти опасения. С Васильевым и обществом «Память» я был знаком еще в конце восьмидесятых годов. Это была абсолютно беспомощная и нищая декорация. Васильев даже у меня просил помощи и поддержки, поскольку не получал ее просто ни от кого (видимо, в КГБ, где у него явно были связи, его откровенно презирали) и два десятка его адептов сами шили довольно аляповатые знамена и изготавливали дешевые баннеры с портретом Николая II. Впрочем, первое «общественное» выступление Ельцина году в 1989 было именно на митинге «Памяти».

Я уже писал о том, что уволенный мной Алексей Челноков после унизительных для него уговоров оставить его работать в «Гласности» через месяц объявился в качестве спецкора в «Известиях». Написанный им громадный подвал был посвящен тренировочным лагерям юных фашистов в Измайловском парке. Поскольку Челноков никакого доверия не внушал, а сюжет был любопытный, я попросил кого-то из сотрудников поискать эти военизированные площадки. Найти ничего подобного не удалось, но я пока не делал никаких выводов – может быть, плохо искали, хотя в последующие годы никакие специально тренированные штурмовые фашистские группы нигде не появлялись. Впрочем, как я уже упоминал, по рассказам Проханова, они с Кургиняном еженедельно писали и печатали в самых популярных газетах «планы» государственных переворотов и свержения законного правительства.

В конце восьмидесятых годов произошла характерная история, в которой я принимал участие. Создавалось какое-то крупное национальное еврейское объединение, может быть «Еврейский национальный конгресс». Для проведения учредительного собрания были куплены все билеты в кинотеатр документальных фильмов на Арбате. Но когда выяснилось, что там будет происходить, кинотеатр закрыли на ремонт. Попробовали договориться с одним клубом, с другим – прямо нигде не отказывали, но на деле оказывалось, что то ли света нет, то ли сцена обрушилась. В конце концов двое инициаторов, никому другому об этом не говоря, но сговорившись между собой по телефону, поехали заключать договор об аренде в один из клубов, директор которого ничего не знал, но человеком был приличным и кому-то знакомым. Приехав, они обнаружили весь двор клуба засыпанным антисемитскими листовками, на дверях всюду красовались свастики. Запуганный директор, естественно, им отказал, а инициаторы как это было тогда нередко, приехали в

«Гласность». О том, что они собираются ехать именно в этот клуб, никто не знал, инициаторы говорили только друг другу по телефону. Было очевидно, что листовки были результатом подслушки, которую в те времена вело только КГБ. Я не просто написал заявление, но и пошел с ним к прокурору Москвы. Отрицать, что КГБ инициирует деятельность антисемитских организаций в разнообразных собственных целях было невозможно, но по грустному лицу прокурора (не помню, кто тогда был, но ему это явно не нравилось) было очевидно, что сделать он ничего не может.

Схожий рассказ я услышал и от известного историка советской эпохи Виктора Тополянского, который был хорошо знаком с генерал-лейтенантом Львом Александровичем Безыменским. В 1989 году в районе метро «Аэропорт» (там, где в советские годы были построены многочисленные дома для наиболее заслуженных членов Союзов советских писателей, художников и композиторов) были кем-то разбросаны антисемитские листовки с призывами к еврейским погромам. Лев Александрович очень этим обеспокоился и прежде чем прямо идти в идеологический отдел ЦК партии решил посоветоваться со своим приятелем – начальником Пятого управления КГБ Филиппом Бобковым. Но тот его успокоил – нет смысла волновать руководство, это мы сами разбросали, чтобы проверить реакцию населения.

Не менее странным было тогда нашумевшее трагическое дело Смирнова-Осташвили, который придя в зал Союза писателей начал выкрикивать антисемитские лозунги. Естественно, это вызвало скандал, множество возмущенных статей в прессе, в отношении самого виновника было возбуждено уголовное дело о хулиганстве. Вот как описал Андрей Кирпичников в «Ежедневной гласности» от 25 июня 1990 года первое судебное заседание (фотографии полностью подтверждали описанное):

> МОСКВА. 24 июля в московском городском суде состоялось первое слушание дела по обвинению К. В. Смирнова-Осташвили, одного из организаторов погрома в Центральном доме литераторов. Задолго до начала процесса зал был полон. Среди присутствующих выделялась большая группа юнцов в черных рубашках, кожаных куртках со значками с изображением Георгия Победоносца. К началу слушания сторонники Осташвили занимали примерно половину зала.
>
> Состав суда: председатель – Муратов С. А., народные заседатели Щербаков и Балашов, прокурор

Колесникова А. А. и адвокат Бейрулина С. В.

Прежде всего Осташвили потребовал, чтобы Ю. Черниченко покинул место рядом с прокурором и заявил протест против выступления Ю. Черниченко в роли общественного обвинителя. Затем Осташвили сделал заявление об отводе адвоката С. В. Бейрулиной, мотивировав это не личными или профессиональными качествами, а ее принадлежностью к Московской городской коллегии адвокатов, состоящей, по словам Осташвили, более чем на 65 % из евреев. «До тех пор, пока в МГКА сохраняется этот национальный перекос, – сказал Осташвили, – он не будет пользоваться услугами московской адвокатуры». К. Осташвили призвал суд и присутствовавших западных корреспондентов дать ему возможность нанять адвоката в демократической западной стране, в частности, в Швеции, Финляндии или Швейцарии. Адвокат С. В. Бейрулина и прокурор А. А. Колесникова признали это желание правомочным, однако суд, после короткого совещания признал заявление подсудимого необоснованным и просьбу его отклонил. С этого момента обстановка в зале накалилась. Маленький зал суда уже не мог вместить всех желающих, число которых перевалило за 200 человек. Ввиду того, что громкоговорителя в зале суда установлено не было, представители прессы столпились прямо перед столом, за которым заседал суд и действительно мешали его работе. Тем временем Осташвили продолжал выступать с заявлениями, в частности, реагируя на решение суда, посетовал, что на Нюрнбергском процессе нацистам дали нанять своих адвокатов, а вот ему не дают. Кроме того, он потребовал удалить из зала «ту часть прессы, которая придерживается левых экстремистских взглядов». Как выяснилось в очередном перерыве (не имея возможности навести порядок в зале, суд то и дело уходил на перерыв) экстремистской и просионистской, по мнению Осташвили, является вся отечественная пресса, как формальная, так и неформальная, за исключением «Нашего современника» и «Литературной России». Осташвили обвинил журнал «Огонек» в сознательном искажении его выступления в ЦДЛ. «Я назвал их просто «ублюдками», а «Огонек» вставил «еврейские ублюдки», и смысл сразу изменился». После долгих и безрезультатных воззваний к залу и прессе суд заявил,

что не видит никакой возможности продолжить заседание и объявил перерыв до 25 июля. Это подлило масла в огонь. Распоясавшиеся «патриоты» всех возрастов набросились на некоторых представителей прессы и присутствовавших евреев. Если бы все это происходило в любой другой демократической стране, то высказанного ими хватило бы для возбуждения доброго десятка дел все по той же статье 74 ч. 2 УК РСФСР, которая инкриминируется Осташвили. В дверях показалась группа коренастых коротко стрижанных мужчин, являющихся, по непроверенным данным, членами секции карате при ЦК ВЛКСМ и входящих в состав боевиков «Памяти». Большая группа «патриотов» обступила молодого еврея, бросала ему в лицо оскорбительные фразы, провоцировала на потасовку. Раздавались крики: «еврейская морда», «ублюдок», а одна немолодая дамочка поинтересовалась, скольких славян он убил, ведь «рыжие всегда убивали славян». Молодой человек был действительно рыжий. По-видимому, лишь большое количество журналистов спасло юношу от расправы. Как ни странно, в зале не оказалось милиции. В то же время на втором этаже, где разбиралось какое-то уголовное дело, в коридоре находилась большая группа вооруженных солдат ВВ с резиновыми дубинками. Лишь под самый конец в зал суда вошел ухмылявшийся майор милиции, не обращавший, впрочем, никакого внимания на оскорбительные выкрики «патриотов». Тем временем чернорубашечники собрались внизу у входа, и группе журналистов пришлось выводить некоторых евреев из зала суда под охраной.

Тем не менее состоялось и второе заседание суда, и Осташвали – судя по его реакции – совершенно неожиданно, чувствуя себя победителем и в полной безопасности, получил три года лагеря. Остальное я знаю от сторонников «Памяти» и немногочисленных друзей Осташвили. Был он человеком, действительно, маниакально антисемитски настроенным, но очень наивным. Попав в лагерь, почти сразу же стал требовать от администрации, чтобы его немедленно выпустили, обвинял теперь уже охрану в том, что она куплена евреями, и ссылался на какие-то данные ему обещания. Его, естественно, никто не выпустил, через год после суда его нашли повешенным то ли в ШИЗО, то ли в ПКТ лагеря. Сперва было объявлено, что он

покончил собой, затравленный, от отчаяния. Но быстро выяснилось, что все его тело в синяках и он, достаточно мощный сорокалетний мужчина, бесспорно, был кем-то повешен. Тогда администрация приписала его смерть уголовникам, которые, однако, не были найдены. Даже самые убежденные «патриоты» все без исключения говорили о том, что его смерть – дело рук КГБ. Некоторые были уверены, что покойный и впрямь получил (и поверил в них) заверения в полной безнаказанности.

Положение становилось настолько напряженным, что для журнала «Гласность» я решил заказать специальное социологическое исследование, результаты которого вошли в мою статью «Еврейский погром в Москве устроить нелегко». Вот некоторые выдержки:

> Результаты опроса общественного мнения произведенного по заказу редакции журнала «Гласность» Институтом социологии АН СССР в основной своей части подтверждают оценку положения в области национальных отношений, даваемую и журналистами, и политологами, но в чем-то являются ошеломляюще неожиданными.
>
> Вопросы о характере национальных отношений и в связи с ними государственных отношений в СССР были заданы по телефону 687 жителям Москвы, 86,5 % из которых были русские, причем 80,3 % – члены КПСС, что, к сожалению, неизбежный в СССР недостаток телефонных опросов – телефоны много чаще оказываются в квартирах партийных граждан, причем в Москве их особенно много. И тем не менее результаты опроса можно считать важными и характерными для умонастроения всей страны, поскольку они подтверждаются и результатами выборов в местные советы, и материалами независимой и даже официальной печати, да и самими общественными выступлениями и инициативами в различных регионах страны. <…> Совершенно неожиданными (впрочем, только на первый взгляд) оказались ответы на группу вопросов, включенных в исследование в значительной степени из-за активизации в стране шовинистическо-атисемитских групп, таких как «Память»,
>
> «Отечество», «Россия», «Объединенный фронт трудящихся», на днях к ним присоединилась Российская коммунистическая партия. Были заданы вопросы в наибольшей степени связанные в массовом сознании со

стереотипными обвинениями в адрес евреев: о народах живущих лучше других, о народах особенно националистически настроенных и т. п. При этом по уровню жизни в ответах москвичей евреи оказались на восьмом месте между узбеками и белорусами, а уж в качестве националистов и вовсе занимают предпоследнее девятое место. Согласуется с этим и распределение национальностей, которым по мнению 22,9 % опрошенных не следует разрешать жить в Москве. На первом месте армяне, потом азербайджанцы и грузины, дальше со значительным отрывом узбеки, другие народы Средней Азии и после большого отрыва евреи. Примерно то же распределение и в ответах, к каким народам опрошенные испытывают неприязнь – на первом месте армяне, практически в самом конце – евреи. Что касается неприязни к народам Закавказья, то, по-видимому, она в одинаковой степени явилась результатом как представления о них по торговцам цветами и фруктами на московских рынках, так и массированной официальной пропаганды, пытающейся обвинить народы Закавказья во всех трагических событиях последних лет, жертвой которых они были, что же касается по меньшей мере нейтрального, если не прямо доброжелательного отношения москвичей к евреям, то оно на самом деле объяснимо не только реальным жизненным опытом и народным скорее уважением к евреям, чем неприязнью, но еще и подтверждается результатами выборов в Верховный Совет РСФСР, куда в Москве не попал ни один из шовинистически настроенных кандидатов: художник Илья Глазунов, редактор «Нашего современника» Станислав Куняев, редактор «Молодой гвардии» и автор вполне низкопробного, но возможно, поэтому весьма популярного романа «Вечный зов» Анатолий Иванов. И интерес к фашизму и страх перед его победой в России инспирировали спецслужбы. На результатах выборов, возможно, произошло то же, что и с панически настроенными москвичами, когда им задали вопрос (прямо ущемляющий их интересы) о расселении беженцев в Москве. В отношении к евреям, возможно, сказался страх. Но, конечно, не перед евреями, а перед русскими шовинистами, очень немногочисленными готовыми устроить Сумгаит и в Москве. Но москвичи ничего подобного явно не хотят и внятно это сказали и

на выборах и во время социологического опроса «Гласности».

Через несколько лет мы вспоминали это время с самым романтическим из юных неославянских лидеров того времени Русланом Воронцовым. Напомню лишь фрагмент из статьи о нем в газете «Вечерняя Москва»:

> Об этом человеке ходят легенды: он обладает сильными парапсихологическими способностями, его культовое имя – DAP, имеет высшее медицинское образование, нарколог, очень богат. «Нави», которое он возглавляет, – одна из структур сатанинской церкви Южного Креста. У него несколько квартир, огромная библиотека, состоящая из сотен сектантских книг и работ по психологии, суггестии и гипнозу, он отлично владеет психотехнологиями.

А теперь интервью с ним.

> – Было нас красных, белых, коричневых и всех других расцветок человек семьдесят на всю Москву, и мы все прекрасно знали друг друга, один чихнет – всем слышно. В большинстве партий, союзов и объединений было по два-три человека. По ночам они шили себе мундиры, выдумывали и пришивали ордена и оповещали мир о своей близкой победе. С Веденкиным по его гнусному характеру не было никого, единственное на что он был способен, – предлагал мне открыть публичный дом. Когда он был вместе с Баркашовым, для киносъемок или встреч с журналистами могли (на два часа) собрать человек сто. За Баркашовым и впрямь стоял КГБ, да и Веденкин называл себя то полковником, то осведомителем КГБ. Самой стабильной и многочисленной была наша группа «Нави» благодаря тому, что я продал единственное, что у меня было, – долю в бензоколонке возле театра Советской армии. На эти деньги арендовали помещение и это было что-то вроде клуба, где было множество свастик, колпаков, шаманских бубнов. Я очень любил носиться по Арбату…
>
> – С фашистской символикой?
>
> – Иногда, и это нам никогда не запрещали. Но чаще в южноамериканском уборе из перьев и с раскрашенными лицами. Единственное, что нам запретили – шествие в защиту людей от пингвинов. Мне

тогда было лет семнадцать-восемнадцать. Баркашов устроил более важную акцию – митинг возле американского посольства за независимость Техаса. Но у нас-то всегда были ребята – весело было, а к Баркашову приходили только на мероприятия, на телевизионные съемки, на встречи с журналистами. Писать о нас, снимать нас почему-то необыкновенно любили, журналисты писали всякую чушь, но и мы для них сочиняли все, что могли.

Через год, за день до расстрела из танков Белого дома, я уже и сам впрямь видел боевиков Баркашова. На парапете мэрии стояли тринадцать щуплых семнадцатилетних мальчиков, с худыми цыплячьими шейками, но с громадными милицейскими щитами и, кажется, автоматами. Баркашов указывал на еще светившийся тридцатый этаж и командовал: «Видите, там жиды окопались. Половина (то есть шесть подростков. – *С. Г.*) – направо, половина – налево.

В дни конгресса российской интеллигенции до этих тринадцати мальчиков был еще год, до моих разговоров с Русланом Воронцовым и того больше (после разговора с Воронцовым я посмотрел список публикаций и передач о нем и на эту тему по материалам агентства «Панорама» и он поражал воображение: газеты «Известия», «Московские новости», «Вечерняя Москва», «Рабочая трибуна», «Сегодня», программы «Времечко» и т. д.). Никакой уверенности в том, что страх прихода фашистов (как во время перевыборов Ельцина – перед возвращением коммунистов) нагнетается искусственно, у меня не было, но все же, получая независимую сводку новостей от сотни корреспондентов, опасения в СМИ мне казались сильно преувеличенными.

Скорее создавалось впечатление, что кто-то (может быть, Крючков со времени своего прихода к руководству в КГБ 1988 году) сознательно нажимает на излюбленную с Советском Союзе антисемитскую кнопку, чтобы отвлечь внимание от главных целей и в девяносто втором году эта кнопка остается важнейшей в «работе с населением» теперь уже ельцинского руководства.

Так Сталин в 1926–1927 году, начиная борьбу с Троцким, стал во главе «русской фракции ЦК» (Бухарин, Рыков, Томский), противостоящей «еврейской фракции» – Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Радеку.

По мнению ряда историков, антисемитская компания в конце сороковых – начале пятидесятых годов в СССР была не самоцелью, а лишь прелюдией и предлогом к новой волне

«большого террора» и большой европейской войне с применением уже водородного оружия, которое появилось в СССР в 1953 году, опередив США. Но Сталин не успел.

Так генерал КГБ Иван Агаянц уже в хрущевское время посылал оперативников громить еврейское кладбище и расписывать свастиками синагогу в Малаховке, чтобы проверить реакцию населения и целесообразность повторения этого в Западной Германии (с тем, чтобы отколоть ее как профашистское государство от европейского сообщества).

И сегодня было ощущение, что фашизм и антисемитизм пока лишь гнусная дымовая завеса над совершенно другими делами, творящимися в России. Но прямых доказательств этого у меня еще не было, да и окончательный разгром демократического движения, тоже совершенный под этой завесой, был хотя и в совсем уже недалеком, но все же в будущем.

Премьер-министр России Егор Гайдар должен был знать все, что знал я и гораздо лучше, чем я понимать абсолютную ничтожность националистических и профашистких группировок и, соответственно, относится к этому спокойно. Его должен был бы тревожить шедший полным ходом разгром демократического движения[31]. Вместо этого Гайдар почти истерически кричал с трибуны Колонного зала о том, что фашизм на пороге. Не думаю, что он в это верил. Как не верил в это и Ельцин. Для них это была циничная игра – запугивание сперва фашистами, потом – коммунистической угрозой. Я не собирался вливаться в этот бессмысленный хор, где Гайдар был, конечно, запевалой, но не дирижером.

Я попросил Оскоцкого дать мне слово, что он и сделал, хотя меня не было в программе и я не принадлежал к советско-российскому истэблишменту, собравшемуся в Колонном зале, и сказал, что опасность возрождения фашизма, о которой говорят Гайдар и Яковлев, может быть, и серьезна, но я обратил бы больше внимания на организацию, которая оказала и продолжает оказывать особое влияние и на количественный и на качественный состав интеллигенции – на Комитет государственной безопасности. Сказал, что игра в открытость и прозрачность работы КГБ – хорошо продуманный камуфляж; что рассекреченные генералом Волкогоновым архивы и рассказы о якобы возвращаемых из КГБ личных документов – если не ложь на все сто процентов, то касаются лишь (да и то выборочно) архивов людей, репрессированных в тридцатые годы, но не имеют отношения к деятельности КГБ, касающейся нынешнего поколения. Что тридцать дневниковых тетрадей Анатолия Марченко, погибшего в Чистопольской тюрьме, которые я видел

своими глазами, не возвращены Ларисе Богораз. Что три мешка рукописей Виктора Некрасова, конфискованные у него при обыске, не возвращены его семье. Что в моем архиве, попавшем в КГБ, была папка с рукописями, подаренными мне Варламом Шаламовым, но они мне не возвращены. Главное же, на что я хотел обратить внимание, заключается в том, что невнятный «суд над КПСС» не просто противоречит решениям Нюрнбергского трибунала и последующих судов над нацистами, где преступниками были названы и осуждены не члены национал-социалистической партии, а сотрудники СС и СД, непосредственно совершавшие многочисленные преступления, и руководство партии, дававшее им указания. И что с моей точки зрения было бы разумно руководствоваться нюрнбергскими решениями, ставшими опорой международного права, ведь бесспорной опасностью для России, для демократии в стране является активность так и не осужденных сотрудников КГБ, которая становится все более заметной, как в политической, так и в экономической жизни страны.

В заключение я прибавил, что фонд «Гласность» намерен в ближайшее время начать проведение общедоступных конференций «КГБ вчера, сегодня, завтра» и что в случае, если моему адвокату не будут возвращены рукописи Шаламова, я буду обращаться в суд, поскольку это моя собственность, незаконно присвоенная КГБ.

Русская интеллигенты мрачно молчали. Они еще не встречались с тем, чтобы о КГБ (кроме здравиц, конечно) говорили не на кухне, а вслух, с трибуны, да еще в таком зале. Но Валентин Дмитриевич со своей замечательной неявной храбростью к концу конгресса сумел провести резолюцию, поручавшую от имени конгресса проведение конференций фонду «Гласность». Ни за, ни против никто не осмелился что-то сказать. Но в коридоре меня встретила Вика Маликова, теперь работавшая в организованном без меня фонде Сороса в России и предложила написать заявку на грант для проведения конференций. Это был первый грант в истории журнала и фонда «Гласность», да и заявку я сумел написать только с помощью Вики.

Второе следствие моего выступления было много хуже. В конце декабря один из известнейших московских адвокатов, лауреат Золотой медали Плевако Татьяна Георгиевна Кузнецова, всегда представлявшая и мои личные и интересы фонда «Гласность», решила поехать в Калугу, где я был вторично осужден и где в архиве КГБ было и мое дело и все материалы к нему вместе с рукописями Шаламова. Чтобы не ходить пешком по Калуге, Татьяна Георгиевна решила ехать на моем «Жигуленке»

с водителем «Гласности» Владимиром Морозовым. Он был профессионалом высокого класса – входил в сборную Москвы по автоспорту. Почти сразу же, отъехав от дома Татьяны Георгиевны в Козихинском переулке, он заметил преследовавшую их машину «Вольво». Поскольку им надо было заехать в коллегию адвокатов, чтобы взять необходимые документы – то есть поездка по городу была довольно длительной, – Александр успел дважды проверить свои подозрения: сперва проехал перекресток на желтый свет, «Вольво» смело проехала на красный, потом в небольшом переулке с односторонним движением проехал против движения – преследователи не отставали. Поскольку ничего тайного и противозаконного они не делали, решили, как и предполагалось, ехать в Калугу. Но на Киевском шоссе характер преследования изменился. Легковую машину сменили два тяжелых КАМ'аза, которые взяли «Жигуленок» в коробочку – один ехал впереди, другой – позади, и как Александр не старался вырваться – обогнать или отстать, – ему это не удавалось.

Километрах в тридцати от Малоярославца это по преимуществу гладкое шоссе поднималось на небольшую возвышенность с достаточно высокими, метров в пять-шесть, обрывистыми обочинами. И тут навстречу нашей машине из-за холма появился идущий навстречу еще один КАМ'аз, из-за которого выскочил «Жигуленок» и врезавшись в машину с Татьяной Георгиевной и Александром попытался сбить ее в кювет, что неизбежно кончилось бы их гибелью К счастью, Александр был профессионалом, вовремя заметил вылетающую им в бок машину и хотя и не смог избежать удара, но удержал машину от падения с обрыва. Минут через десять появилась милиция и единственная в Малоярославце машина «скорой помощи» (по-видимому, стояла наготове). У Александра было сотрясение, у Татьяны Георгиевны – ушиб головного мозга, от которого она полгода лечилась в институте нейрохирургии, и в двух местах была переломана правая рука. В результате осмотра милицией места происшествия и машины из нее не пропали ни деньги, ни бутылка коньяка и конфеты, которые везла Татьяна Георгиевна, но зато исчезли все документы, связанные с возможным моим иском к КГБ. Александр Морозов умер через четыре года от опухоли мозга, которая могла быть следствием полученной травмы. Честно говоря, с Сашей было очень трудно ездить. Он был из той категории гонщиков, которые уходят из автоспорта после полученных травм, когда страх становится слишком сильным, поэтому он всегда старался на шоссе ехать или за троллейбусом или за грузовиком, что получалось очень медленно, но у меня нет привычки делать замечание водителям и

я с трудом это терпел. Во время следствия и суда над пытавшимся убить их водителем Александру почему-то задавали вопросы:

– А где Григорьянц берет деньги? – хотя меня не было в машине и в суде я не фигурировал. Вообще суд, хотя и состоялся, был мало результативен. Генри Резник – председатель Московской коллегии адвокатов, несмотря на мои просьбы, отказался представлять в суде интересы Татьяны Георгиевны – члена правления коллегии адвокатов (сама она все еще была в больнице), как впоследствии он отказался представлять и мои интересы, когда был убит мой сын. Зато Резник осторожно и среди ста других выступил на конференции о КГБ и успешно защищал по всем бессмысленным делам Леру Новодворскую, все это широко освещалось в прессе, создавая ему репутацию истинного борца за демократию и правопорядок. То, как записные русские демократы нутром почувствовали опасность нового времени, тоже было его характерной чертой. О попытке убийства одного из известнейших русских адвокатов, что тогда было впервые, не написал и слова не сказал никто, кроме «Ежедневной гласности», чей голос в это время был уже почти не слышен.

Через два месяца, 19–21 февраля девяносто третьего года мы провели первую конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра». Но прежде чем писать об этом – одном из важнейших дел в моей жизни, мне хочется чуть побольше рассказать о Татьяне Георгиевне – не просто адвокате и моем и «Гласности», но одном из самых близких, любимых, ценимых, внутренне очень важных для меня людей, чья неизменная готовность, стремление помочь (притом безвозмездно; впрочем, тогда никто из крупных юристов, следуя традиции диссидентских времен, не брал никаких гонораров у «Гласности» – ни Александр Ларин, ни отец и сын Рахмиловичи, ни Юрий Стецовский, ни многие другие знаменитые и замечательные юристы) было бесспорным индикатором того, что все что мы делаем – делаем не зря и делаем правильно.

О Татьяне Георгиевне я еще должен буду написать и вспоминая о поездке в Стокгольм с подброшенным таможенниками патроном и о краже у Кузнецовых драгоценностей князей Оболенских и милицейских грабежах коллекционеров. Впрочем, в желании рассказать о Татьяне Георгиевне, в непреходящей с ней памяти я совсем не одинок, так она была необычайна и как человек и как юрист. Первое, что вспоминает каждый, кроме ее удивительной доброты, была ошеломляющая красота, почти неизменная в течение жизни и принесшая ей, конечно, наряду с большими преимуществами и немало серьезных проблем. Александр Михайлович Ларин,

учившийся с Татьяной Георгиевной в одной группе рассказывал, что когда надо было сдавать экзамены, если экзаменатором был мужчина, первой просили идти Татьяну Георгиевну – экзаменатор терял всякую способность соображать и после Кузнецовой сдавать уже было легко. Вышла замуж она за самого преуспевающего, по советским понятиям, студента, который стал со временем членом Верховного суда СССР. Дача у них была в Балашихе рядом с дачей генерала НКВД Эйтингона, большая квартира в Козихинском переулке, но частью советского правящего клана Татьяна Георгиевна не стала по причине брезгливости и потому, что примером для подражания для нее всегда была Софья Васильевна Каллистратова, любимой соседкой – мать Натальи Дмитриевны Светловой, будущей жены Солженицына, друзьями – все те юристы, которые стали опорой демократического движения в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Главное же Татьяна Георгиевна была так же добра, как и поразительно хороша собой. Не могу забыть историю, которая разворачивалась буквально у меня на глазах. Подзащитным был молодой человек, почти мальчик, которого соседи – муж и жена, врачи, уволенные из больниц, – приучили к наркотикам, чтобы использовать в качестве личного шофера на машине его родителей. Не только родители, обратившиеся к Татьяне Георгиевне, но и сам юноша делал все, чтобы вырваться из наркотической зависимости, четыре раза по собственной инициативе обращался за лечением, но потом его опять зазывали к себе соседи… Они были крупными распространителями наркотиков и свой бесплатный водитель, на которого можно будет в случае чего все и свалить, был им очень удобен. Но кончилось тем, что мальчик, которого они снова заманили к себе в квартиру, в отчаянии и чувствуя, что погибает, схватил в кухне нож, убил обоих, нанеся множество ударов, и выбросился из окна с четвертого этажа. Повредил позвоночник и лежал в тюремной больнице полупарализованный, неспособный даже повернуться. Все было вполне очевидно: убийство в состоянии аффекта, кем были убитые, сомнения не вызывало – в отношении них уже возбуждалось дело о распространении наркотиков, но было оно кем-то прекращено. В рассказе юноши ничто сомнения не вызывало. Тем не менее приговор, вынесенный изувеченному мальчику, был чудовищным – двадцать два года лагеря за преднамеренное убийство. В институте Сербского, несмотря на полную очевидность, состояния аффекта, при котором приговор должен был быть лет пять, почему-то не усмотрели. Татьяна Георгиевна делала все, что могла: самые известные московские психиатры (профессор Гофман – зав. кафедрой Института усовершенствования врачей и другие) дали

заключение о бесспорном состоянии аффекта – уже одно то, что юноша выбросился из окна, свидетельствовало об этом. В газете «Московский комсомолец» была напечатана большая статья, фонд «Гласность» провел конференцию по проблеме распространения наркотиков, чем и до путча и после него (люди-то те же) откровенно занимались КГБ и МВД, причем наиболее известным и скандальным был случай, когда родители погибшего в Афганистане солдата, получив цинковый гроб («груз 200»), вопреки строжайшему запрету открыли его и вместо тела сына обнаружили, к счастью, в присутствии родственников, двести килограммов героина. Как ни странно, никто не пострадал, даже родители, которых не удалось запугать и они много лет об этом писали и рассказывали, искали тело сына, но ничего не добились.

На конференции, тогда еще очень многочисленной, был доклад и о подзащитном Татьяны Георгиевны. Тем не менее кассационная инстанция утвердила чудовищный приговор. И тогда Татьяна Георгиевна сделала то, что, конечно, никогда не делала в других случаях – воспользовалась старыми знакомствами и не просто написала жалобу в Верховный Суд России, но добилась приема у заместителя председателя суда, с которым была знакома с ранней молодости. Как она мне рассказывала, услышала после рассказа, просмотра всех документов:

– Я, Танечка, сделаю все, что смогу.

Татьяна Георгиевна ожидала самой простой вещи, которая была в обычной компетенции Верховного Суда, – отправки дела на доследование и назначения нового судебного слушания. Но вместо этого недели через две пришел официальный ответ: снижение срока заключения на два года: с двадцати двух до двадцати лет. И Татьяна Георгиевна заболела. Она уже так любила этого мальчика, в таком отчаянии была, что не смогла ему помочь, что у нее начались серьезные мозговые нарушения (может быть, и как отложенный результат ушиба головного мозга после аварии с участием КГБ на Калужском шоссе) и это дело было у нее последним. Сын запер Татьяну Георгиевну на даче, отключил телефон и всем объявил, что ей вредно с кем-нибудь общаться. Может быть, у него были и личные интересы. Но я никогда не видел адвоката, для которого невозможность помочь клиенту становилась бы личной трагедией. Положение мальчика было очевидным: он убил распространителей наркотиков прямо связанных с руководством МВД, и ему не просто мстили за это, но и объясняли другим: наших распространителей трогать нельзя. Покорные московские судьи и институт Сербского были исполнителями, и даже Верховный Суд не мог им противостоять.

Впрочем, Татьяна Георгиевна становилась искренним и самоотверженным другом всех своих подзащитных, среди которых, кстати говоря, было и несколько обвиненных в шпионаже. Поскольку она была блестящим юристом, то обвинения против них в суде начинали выглядеть бледно, что не могло не нервировать КГБ. Поскольку второй раз пытаться убить Татьяну Георгиевну, да еще в Москве, всегда на людях, было уже трудно, решили контролировать каждый ее шаг, для чего квартиру оборудовали чувствительными микрофонами. По небрежности один из них был спрятан в трубу, которая не просто усиливала посылаемый сигнал, но делала это на частотах телевизионных приемников. И соседи Татьяны Георгиевны сперва с недоумением слышали по своим телевизорам обсуждение секретных дел о шпионаже, а потом кто-то сообразил, что, вероятно, это дела и голос Татьяны Георгиевны, и сказал ей об этом.

Без труда один из знакомых нашел и вытащил из трубы микрофон, после чего мы с Татьяной Георгиевной провели пресс-конференцию с демонстрацией имущества КГБ. На год или на два она стала самым известным юристом в мире, поскольку американская BAR Association и другие крупнейшие организации юристов писали письма Ельцину в ее защиту, приглашали ее в гости, с лекциями о положении в демократической России. Но все это уже происходило, когда конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» шли одна за другой. А первую из них мы собрали, когда Татьяна Георгиевна была в больнице, через два месяца после покушения на ее жизнь.

Концепция определилась почти сразу же. Был собран оргкомитет, в который вошли двадцать семь человек, среди них крупнейший русский юрист того времени – председатель совета Конституционного надзора при Горбачеве Сергей Алексеев; экономист, академик Татьяна Заславская; писатели Алесь Адамович, Василь Быков, Нина Катерли, Валентин Оскоцкий, социолог Юрий Левада, медик Андрей Воробьев… – всех не перечислить. Было ясно, что ни в оргкомитет, ни в административную группу конференции не могут входить ни бывшие, ни нынешние сотрудники спецслужб. Но для выступлений они не просто допускались, а официально приглашались оргкомитетом. Принцип отбора докладчиков был вполне определенным: допускались люди самых разных взглядов (естественно, без цензуры докладов) лишь бы их выступления содержали реальное знание предмета, а не голословные утверждения. Выступающий вполне мог откровенно лгать или слегка кривит душой – ограничением (о котором все были

предупреждены) служила невозможность уйти с трибуны по окончании доклада: он должен был отвечать на вопросы вполне квалифицированной аудитории. Некоторые ответы генерала КГБ Кондаурова вызывали откровенный смех в зале.

Каждая конференция включала в себя пленарные заседания в первый и последний дни и четыре параллельно идущих в разных залах панели. Приведу их темы в рамках первой:

– Возможность государственного и общественного контроля над КГБ (ведущий Сергей Алексеев).

– КГБ и религия (ведущий – председатель Библейского общества в России отец Александр Борисов).

– КГБ – въезд и выезд в Россию (ведущий – Виктор Орехов).

– КГБ, Восточная Европа и Ближнее зарубежье (ведущий – сенатор Збигнев Ромашевский).

К сожалению, удалось издать лишь небольшую часть докладов – на большее просто не было средств, но уже из первого, совсем небольшого сборника выступлений на пленарном заседании можно было вычленить три ясно сформулированные позиции в отношении к КГБ: Вадима Бакатина, Сергея Ковалева и мою. Официальной позицией КГБ можно было пренебречь – она была известна заранее.

Вадим Викторович очень умно и доброжелательно говорил о том, что в КГБ есть множество приличных и достойных людей, что сегодня они в растерянности и необходимо сотрудничество демократической части интеллигенции и лучшей части комитета в создании новой прочной, европейски ориентированной государственности. Все это звучало бы гораздо убедительнее, если бы он сам – практически единственный со времен Хрущева реформатор КГБ, его сторонники, в том числе и выступавшие на этой и последующих конференциях генералы и полковники КГБ стремившиеся и к реформам и к плодотворным контактам с российским обществом, уже не были выдавлены из КГБ, который стал гораздо более жесткой, закрытой и сосредоточенной на внутренних корпоративных интересах структурой даже в сравнении с временами советской власти.

Позиция Сергея Адамовича, которого я, как одного из политзаключенных, попросил выступить первым, состояла в несколько упрощенном представлении о том, что стремление русского народа к справедливости, а не к закону и стало причиной появления карательных органов ЧК-ОГПУ-КГБ, поскольку достижение справедливости неизбежно предусматривает насилие, ну а допустимые его границы уже трудно определить. Потому главное в отношениях с КГБ –

возвращение к закону, создание правовых норм, препятствующих возрождению карательных устремлений и функций теперь уже Министерства безопасности. Эта интеллигентная и достойная позиция имела, на мой взгляд, существенный недостаток – и для того, чтобы принять достойные законы и для того, чтобы заставить их выполнять, нужна бесспорная политическая опора. Сергей Адамович видел ее в Ельцине. Но практически первый же указ Ельцина, антиконституционный и в обход Верховного Совета, в январе 1992 года возвращал КГБ все права, которые смог хоть как-то ограничить при Горбачеве Совет Конституционного надзора во главе с Сергеем Алексеевым. КГБ сумел выстроить свои отношения и с Ельциным и с Хасбулатовым так, что оба с первых же дней заискивали и искали поддержки на Лубянке, а не стремились ее хоть в чем-то ограничить. Даже если и делали какие-либо противоречащие этому заявления для публики. Таким образом проекты прекрасных законов и у Сергея Адамовича и у выступавшей за ним Инги Михайловской не шли дальше мечтаний хорошо образованных людей. К несчастью, почти столь же идеалистической была позиция Галины Васильевны Старовойтовой. Через полгода после конференции в Амстердаме она уже не была убеждена в бесспорной победе бескровной демократической революции в России, тем более что и сама была внезапно уволена с поста советника президента после того как неосторожно высказала Ельцину в присутствии посторонних сомнение в надежности спецслужб, да еще и настаивала на возвращении «Гласности» ее имущества после совершенного неизменным КГБ летнего разгрома. Но все же Галина Васильевна еще считала реальным принятие закона о люстрации – запрета занимать государственные должности для сотрудников КГБ, об этом и был ее очень решительный доклад.

Свою позицию я попытался изложить предельно корректно. В опубликованной перед конференцией большой статье в «Известиях» «Куда идет КГБ?» я писал о странной гибели основных свидетелей по делу КПСС – премьера Польши Ярошевича и экс-секретаря компартии Чехословакии Дубчека; в докладе говорил об убитых в Чистопольской тюрьме соседях, о попытке убийства Татьяны Георгиевны Кузнецовой, то есть о том, что КГБ – международная террористическая организация, ставшая еще более коммунистически ориентированной (по сути, а не по форме), чем во времена Андропова и Крючкова. Незадолго до этого Баранников в своей статье признался: 50 % сотрудников – бывшие секретари райкомов и обкомов КПСС. И хоть я и заключил свой доклад тем, что у демократии, хоть и нескоро, будущее в России есть, а у КГБ – нет, на самом деле я говорил,

что нужна не люстрация, а суды над преступниками и хотел сделать хоть что-то, пока еще была возможность. Разумная Лагле Парек – диссидент, а в 1992–1993 году министр внутренних дел Эстонии сказала, что демократия в России за последние годы стала слабее. Положение еще не было таким безнадежным, каким стало через год, хотя «Мемориал» как общественно-политическая организация уже был уничтожен своим правлением, по всей стране громили не только «Гласность», но и множество других общественных организаций и независимых профсоюзов. Большинство московских, появившихся в годы перестройки, скромно самораспустились. Но еще не была уничтожена Гайдаром и наивным Ковалевым миллионная «Демократическая Россия», превращенная в «правящую партию» «Выбор России», еще существовал, пусть зачастую бессмысленный, а иногда прямо провокационный (для всего там хватало «своих» людей) российский парламент – Верховный Совет Российской Федерации.

Возвращаясь к конференции и изданному сборнику, можно заметить, что я сознательно не в докладах, конечно, но в кратких выступлениях в дискуссии дал выступить и борцу с фашизмом (об издании «Майн Кампф» Гитлера при явной поддержке правоохранительных органов и это вызвало очень странную параллель – как до революции охранка во всем винила инородцев, преуменьшая роль русских в революционном движении, так теперь все было, но с обратным знаком – преувеличивалась – пока – роль русских националистов и якобы угрожающих России фашистов) и более сложном, но активно поддерживаемом КГБ обвинении в свой адрес о «психотропном» оружии и облучении им граждан (среди которых большинство было явными безумцами). Это была реальная часть общественной жизни России и ее нельзя было игнорировать.

Если первую конференцию мы провели в залах Парламентского центра, то вторую пришлось проводить в Доме печати – нынешнем здании Совета Федерации (роскошном здании, построенном для своего министерства строительства скромным Борисом Ельциным) и в большом зале Дома кино. Все направления конференции, кроме пленарного заседания: «КГБ и наука», «Возможности парламентского и общественного контроля за КГБ», «КГБ и архивы», «КГБ и общественные организации», а в завершение – слушания о люстрации, невозможно было провести в одном здании. Одних докладов было больше пятидесяти, с выступающими в прениях – раза в три больше, в тысячных залах слушатели и участники стояли в дверях, проходах, сидели на ступеньках. Двадцать билетов, как и в прошлый раз, мы дали Министерству безопасности по их просьбе, взамен получили по

совершенно бесцветному официальному докладчику на каждую из секций. Три билета получил на Лубянке Жириновский с двумя приятелями. Сперва он у входа пытался сломать баннер, извещавший о конференции, и дрался с какой-то старушкой, потом вошел в зал и во время моего вступительного слова принялся вопить диким голосом:

– Жаль, Григорьянц, что тебя коммунисты в тюрьме не заморили, – я тебя живым из нее не выпущу.

Жириновского с трудом удалось утихомирить и вывести из зала и, как потом писали газеты, он отправился в Парк культуры, где собрал человек тридцать на митинг в защиту КГБ от Григорьянца.

Остальные из комитета тоже работали, но поодиночке – и им были поручены другие участники. Поскольку программа конференции была известна заранее, каждому был поручен один из наиболее злостных выступающих. Во время доклада и после него, пользуясь свободой задавать вопросы, этот специально выделенный человек кричал, пытался оскорбить Карякина и Заславскую, Александра Яковлева и Владимира Войновича, Карповича и Гаяускаса – в общем, указанного ему человека. Но когда начинался новый доклад, энтузиаст тут же уходил из зала – его работа была выполнена.

Свой доклад в небольшую книжку, изданную после второй конференции, я включать не стал. Судя по нескольким уцелевшим тезисам, я говорил о том, что начато издание бюллетеней «Государственная безопасность и демократия», совсем жалких по малости средств; издание докладов первой конференции и о том, что, как мне казалось, была одержана главная победа – тысячи людей перестали бояться произносить аббревиатуру КГБ не только вслух, но и публично, при незнакомых людях. Только это и давало какую-то надежду. Я торопился сделать все, что можно, пока еще хоть что-то удавалось. В интервью о конференциях говорил тогда:

> Гигантская конспиративная организация, насчитывающая сотни тысяч наиболее активных членов общества, располагающая громадным имуществом, современнейшим оборудованием и, если верить ее руководителям, имеющая неясные цели, не может не оказывать серьезного влияния на настоящее и будущее страны… Министерство безопасности остается по существу подрывной организацией, плохо контролируемой раньше и совсем уже выходящей из под

контроля сейчас, в условиях неуклонного ослабления государственной власти.

Кроме Белозерцева никто не разделял моего, как мне было очевидно, не пессимистического, но реалистического отношения к происходящему. Впрочем, в России говорить, что завтра будет хуже, чем сегодня, совсем не сложно. На конференции Владимир Войнович рассказывал, как его отравили, и я познакомил его с полковником Никулиным, что дало ему возможность увидеть нужные документы и сделать об этом книгу. Героически отбивался от атаковавших его слушателей Александр Яковлев. Но самым замечательным (к счастью опубликованным в сборнике), на мой взгляд, был доклад бывшего полковника КГБ Ярослава Карповича. Пять лет назад именно его рассказ для журнала «Огонек» о том, как он был внедрен в Народно-трудовой союз и какие искренние и честные люди в него входили, положил начало публикациям о реальной, а не рекламной деятельности КГБ. На нашей конференции Карпович очень серьезно и вдумчиво сказал, перечисляя все виды агентурной работы КГБ внутри страны и рассказывая о ее чудовищном размахе (по данным другого полковника КГБ – Кичихина в разные формы агентурного сотрудничества было вовлечено около 50 % советской интеллигенции).

«Действительно много, очень много агентов! – говорил Карпович. – Это больная нация, а люди, прошедшие агентурную выучку, по-своему больные, искалеченные люди. Иначе и быть не может. Больше того, преступен режим, который ради собственного всевластия столь активно насаждал агентурные отношения… Агентурная работа в силу своей безнравственности и отрицательных последствий должна быть всячески ограниченна, а в последующем и запрещена».

Совершенно замечательно на этой конференции выступил Игорь Лыков – капитан милиции из Саратова. Он героически, в борьбе по преимуществу со своими же коллегами, отстаивал нравственные принципы в работе спецслужб. Из-за этого его зверски избивали на глазах у детей, то и дело фабриковали уголовные обвинения. Но началось его противостояние, как он говорил, еще в 1971 году: «Я начал работать внештатником, потом младшим инспектором уголовного розыска. И когда я разобрался в сути агентурной работы, я понял, что человек – агент, это не личность, это скорее деградация личности… Агентов я не вербую – официально отказался от вербовки».

И это противостояние стоило Игорю жизни. Через несколько лет, приехав по моей просьбе как эксперт-сотрудник МВД,

кажется, на пресс-конференцию в связи с обнаруженным в квартире у Кузнецовой микрофоном – в Москве я уже не мог найти человека, который бы согласился это комментировать, – Игорь рассказал мне, что на днях случайно обнаружил подрезанными тормозные шланги в своей машине. Не нашел бы – разбился. Говорил спокойно, почти буднично. Детей он воспитывал один – жена несколько лет назад умерла. «Боюсь, они останутся круглыми сиротами».

Через два дня мне позвонили его друзья из Саратова и сказали, что Игоря застрелили прямо в квартире. Мы пытались создать Общество памяти Игоря Лыкова, но это была середина 1990-х годов и ничто мало-мальски приличное уже нельзя было осуществить, а из того, что было сделано раньше – почти ничто не уцелело.

Ко второй конференции у Старовойтовой был готов проект закона о люстрации. Перед этим он был принят в качестве законопроекта на конференции «Демократической России». Галина Васильевна как человек практический за это время уже поняла опасность КГБ и предлагала ввести запрет на пятьдесят лет для лиц, занимавших все руководящие должности в КГБ и КПСС, на работу в государственных структурах. Ее решительным противником была Лариса Богораз (и у нас на конференции и в Хельсинкской группе), все еще наивно полагавшая, что «мы победили» и потому призывавшая к чему-то вроде «милости к падшим» и говорившая о нарушении прав человека в отношении этих «пострадавших». Министр внутренних дел Чехии Ярослав Башта призывал к большой осторожности и говорил, что распад Чехословакии на Чехию и Словакию был результатом принятия закона о люстрации. Я в дискуссии, включенной в программу второй конференции, участия не принимал и довольно вяло ее вел, поскольку был уверен, что все это – соцреалистический спор «хорошего с прекрасным», и что не только Лара, но и Галина Васильевна тешат себя иллюзиями – подобного закона в России никто не примет. И Верховный Совет и Кремль лишь усиливали КГБ и рассчитывали на его поддержку. Надо было 21 августа разгромить хотя бы здание на Лубянке, это еще могло бы иметь какие-то последствия.

Было много других замечательных докладов и сообщений. Президент Германии Иоахим Гаук рассказал о состоянии архива «Штази» и трудностях при его использовании. Вся часть конференции об архивах, естественно, состояла из разнообразных констатаций того, что архивы КГБ закрыты, но активно пополняются вывезенными архивами из стран Варшавского

договора и бывших союзных республик. Кичихин прибавил, что и значительная часть архива ЦК КПСС перенесена по подземному ходу на Лубянку. Что же касается комиссий по расследованию преступлений КГБ, то все они бесследно растворились. Последнюю, которой почти ничего не показывали, но в которую входили о. Глеб Якунин и Лев Пономарев (Верховного Совета России), распустил Хасбулатов.

Надо было успеть сделать все, что можно. Следующую – третью – конференцию мы запланировали на начало октября, но до этого еще очень многое должно было произойти. Мало результативную борьбу за демократию и свободу в России вели в то время не только «Гласность» и последние недобитые партии, общественные организации, а также уцелевшие три-четыре независимых профсоюза, но и, как всегда в нашей истории, русская литература.

Эпопея с «Советским писателем» и третий разгром «Гласности»

Но сопротивлялись, конечно, не все. Сергею Владимировичу Михалкову наступающее «время большого хапка», как он говорил, бесспорно, нравилось. Коммунистам оно давало иллюзорные надежды на возвращение и единение с новой властью, только Булату Окуджаве, Фазилю Искандеру, Римме Казаковой – на самом деле большинству московских писателей, казалось, что еще можно и нужно бороться за демократию. Произошел естественный раскол на Союз писателей РСФСР (с Михалковым, Бондаревым, множеством секретарей союзов писателей и чиновников от литературы в каждой области России) и Союзом писателей Москвы. Происходили разнообразные суды и споры по поводу зданий, имущества Литфонда. Я внезапно оказался участником борьбы за издательство «Советский писатель», которое было собственностью Союза писателей уже не существующего СССР. В высшей степени достойные и либеральные редакторы, художники, корректоры провели общее собрание и на место партийного директора Жукова избрали одного из редакторов – симпатичного и доброжелательного Валерия Шашина, переименовав издательство в «Знак СП». Но администрация и Союз писателей РСФСР сдаваться не хотели, документы и печати «Советского писателя» уже зарегистрированному директору «Знака СП» не передали, даже кабинетов не освободили, и провели свое собрание, где из сотрудников издательства были в основном бухгалтеры и немалая хозчасть, и организовала издательство «Современный писатель», в редсовет которого вошли единственный человек из «Советского писателя» Михаил Числов, какой-то очень агрессивный журналист то ли от Проханова, то ли из «Савраски» (газеты «Советская Россия») и никому не известный ни в Союзе писателей, ни в издательстве Ларионов, которого все считали просто бандитом (сейчас его судят за какие-то махинации) – он и занял кабинет генерального директора и получил все уставные документы «Советского писателя».

Может быть, эти два издательства под одной крышей и смогли бы как-то договориться, тем более, что демократическому «Знаку СП» реально не помогал никто, лишь на словах Ельцин и его помощники Филатов и Красавченко, и министр печати Михаил Федотов уверяли в своей поддержке, но Ларионов, который не собирался издавать никаких книг, а интересовался

только возможностью торговли большим домом в центре, уволил всех редакторов. От возмущения редакторы Валентина Алимова, Ирина Ковалева и Валерия Бузылева (дочь полковника Карповича, о котором я уже писал) отказались уходить из издательства и начали голодовку. Из мужчин их никто не поддержал. Голодающим все сочувствовали, о них писали, но никто не помогал.

Союзу писателей занятому множеством других споров было не до их издательства. Администрация Ельцина была на словах, конечно, на стороне демократов, но никто и не думал им помочь. Шашин, договорившись, что несколько комнат им оставят, от волнений слег в больницу, Михаил Фадеев не считал себя борцом. Тогда редакторы, кажется, в первую очередь Ольга Ляуэр, которые видели, что единственный, кто еще борется в Москве – это фонд «Гласность», предложили сперва Фадееву, то есть коллективу издательства, а потом и Союзу писателей избрать, а потом и утвердить меня генеральным директором «Знака СП», тем более что когда-то я недолго заведовал отделом критики в журнале «Юность», а потом три года издавал и редактировал «Гласность». Неожиданностью для меня это было полной, за борьбой в «Советском писателе» озадаченный множеством забот «Гласности» я почти не следил, ни с кем в издательстве знаком не был. Но это была общая борьба, и я подумал, что такое объединение сил может оказаться полезным. Союз журналистов, кроме Павла Гутионтова к «Гласности» относился с откровенным страхом, можно было попробовать, что получится из сотрудничества с Союзом писателей. К несчастью, ошибались и редакторы, и писатели, и я тоже. Когда я стал генеральным директором зарегистрированного Комитетом по печати издательства «Знак СП» у писателей кроме окололитературных коммерсантов появился новый противник – КГБ, и все стало еще хуже.

Пару месяцев там выжидали, может быть, надеялись, что я и впрямь займусь имущественными делами. Но мы с Фадеевым вместо этого тут же попытались начать какие-то издания, а главное – в пяти открытых нами комнатах (из пятидесяти, имевшихся в здании) работали не только редакторы, но и готовилась следующая конференция о КГБ, издавался бюллетень «Государственная безопасность и демократия», каждое утро был готов очередной выпуск «Ежедневной гласности». Работало уже человек тридцать – сорок и было ясно, что все потихоньку наладится.

Терпение КГБ закончилось быстро и в конце июля мне сказали, что по издательству бродит какой-то человек,

называющий себя электромонтером, но мало на него похожий и приехавший на BMW, что было в девяносто третьем году большой редкостью. Я попросил привести его ко мне и он, как ни странно, сразу же пришел. Был это хорошо одетый человек лет пятидесяти пяти (фамилия его пропала вместе с разграбленным в очередной раз архивом «Гласности»), повторивший мне, что он проверяет состояние электропроводки. Довольно быстро выяснилось, что никакого подтверждения о месте работы у него нет и он не знает, где находится его районное управление, а я уже все это знал, занимаясь и хозяйственными делами издательства. Я попросил секретаря вызвать милицию. Монтер почему-то очень разволновался – бежать через комнату секретарей, да еще с третьего этажа немолодому человеку было неудобно и он начал меня уговаривать милицию не вызывать. Мне было очень интересно, что он скажет – секретаря, набиравшую номер, я попросил на пару минут погодить, но от самого этого желания не отказывался. «Монтер» минут десять юлил, почему-то говорил, что я должен его пожалеть, но после бесплодных уговоров сказал: «Ну хорошо, я вам все объясню» и вынул удостоверение полковника КГБ. Он, однако, так и не сказал, зачем пришел.

Я позвонил Кондаурову, который стал уже генералом и начальником центра общественных связей КГБ, и сказал, что у меня здесь их полковник, выдающий себя за электромонтера. Кондауров попросил дать ему трубку, говорили они минут десять, но из слов полковника была ясно произнесена лишь его фамилия, после чего «монтер» вернул мне трубку. Кондауров врал мне так же, как до него Савостьянов после второго разгрома «Гласности». Говорил, что этот полковник из КГБ уже уволен (но удостоверение – я посмотрел – было продлено два месяца назад), уговаривал меня «монтера» отпустить, милицию не вызывать, обещал, что ничего подобного больше не будет. Я, конечно, ничему не поверив, отпустил «монтера». Да и что я мог сделать, все равно его отпустила бы милиция. Вскоре стало ясно, что именно этот полковник командовал операцией по третьему разгрому «Гласности» (а заодно и издательства) и осматривал «поле боя».

Дальше все было просто. Дней через пять ко мне пришел начальник нанятой нами охраны и попросил увеличить оплату в четыре раза. Денег таких у нас не было, и я отказал. Но было ясно, что кто-то ведет с ним переговоры. Недели через две у дверей издательства, кроме нашей охраны, появился милицейский пост. Кто и для чего его поставил, выяснить я не смог. Однажды вечером, кажется, 12 августа, после ухода сотрудников по домам при якобы спящем охраннике (его

попросил взять на работу тесно связанный с КГБ, теперь заместитель председателя думского Комитета по безопасности и противодействию коррупции, тогда журналист «Московского комсомольца» Александр Хинштейн) в здание ворвались десятка полтора молодцов с Ларионовым, Ильей Константиновым, Прохановым, еще кем-то из «правых». Охранника выкинули, вломились в наши комнаты и начали вскрывать сейфы, заявив, что никого из «Знака СП» и «Гласности» здесь больше не будет. Все это я уже слышал и в 1989 году в Кратово и в 1992 году на Остоженке. Время, как будто бы менялось, а КГБ, якобы реформированный, оставался прежним. Любопытно, что Илья Константинов через два месяца был одним из руководителей штурма и захвата мэрии. Может быть, в «Советском писателе» была только их разминка, первый шаг.

Я с Димой Востоковым приехал к часу ночи, когда все было захвачено, все сотрудники – изгнаны, нас в издательство не впустили. Часа через два по едва освещенной Поварской мы шли к Садовой и вдруг на большой скорости черная «Волга» съехала на тротуар и попыталась нас сбить. Как когда-то в Лондоне, но теперь вдвоем с Димой мы успели вскочить на лестницу какого-то подъезда. «Волга» съехала с тротуара и умчалась.

Через девять лет, во время подготовки последней – девятой – конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» я решил поговорить о теме «Участие спецслужб в управлении страной» с Александром Прохановым. Он удивился моему звонку, но охотно согласился встретиться и около часа в своей редакции рассказывал мне частью полезные, частью бесполезные вещи и когда я уходил, любезно подавая мне пальто и помогая одеться, стоя у меня за спиной, вдруг сказал:

– А ведь я пытался вас убить. Помните ночь после захвата «Советского писателя»? Это я был в машине. Увидел вас и решил: почему не попробовать?

Такими бывали советские писатели – «соловьи Генштаба» из Союза писателей РСФСР. Впрочем казалось бы, совсем другой, приехавший из эмиграции и ныне самоотверженный борец за свободу и конституцию Эдуард Лимонов, правда, в газете того же Проханова, через неделю разразился разоблачительной статьей о том, что было найдено в сейфах Григорьянца: к примеру, «чудовищная бумага малоизвестного писателя Солженицына в поддержку Ельцина». Но, конечно, не Проханов и не Лимонов полтора месяца разбирали архив «Гласности». Только в моем кабинете в здании издательства по ночам горел свет. Молодые люди из журнала дней через десять попытались вернуться в свои

помещения, но под руководством «монтера» – полковника КГБ издательство было превращено в крепость.

Само собой, вооруженный захват в центре Москвы издательства «Советский писатель» и фонда «Гласность» не был замечен ни одной газетой, ни одним телевизионным каналом. Зато газета «Известия» (тогда якобы либеральная) и нашла место, чтобы разразиться громадной клеветнической статьей в адрес «Гласности». Потом оказалось, что приятелем дочери Лациса (тогда заместителя главного редактора) оказался десантник, участвовавший в захвате «Советского писателя» и в дальнейшей, профессиональной, его охране.

Так или иначе Лацис и Голембиовский не постеснялись послать ко мне – редактору травимой со всех сторон «Гласности» – журналиста Королькова, чтобы и с «либеральной» точки зрения нас осудить. Корольков пришел, часа два меня расспрашивал, все записал, но поскольку ругать нас было не за что, и гордое сотрудничество российских либералов и КГБ легким не получалось, много вранья и клеветы прибавил от себя. Не знаю, с ведома Лациса и Голембиовского или по своей инициативе.

Статья без труда опровергалась немногими документами, все же составленными прокуратурой после захвата здания, поэтому мы написали заявление в суд о распространении клеветы газетой «Известия». Тут они всполошились. Судиться вообще не сладко, да еще с «Гласностью», у которой репутация яснее, чем у «Известий», да еще в заведомо проигрышной ситуации. Сперва меня уговаривал их юрист простить им ошибку. Потом начал уговаривать Голембиовский. Лацис держался в стороне, да и я делал вид, что не знаю степени его участия и даже позвал через пару лет на одну из наших конференций, куда он послушно пришел и сделал довольно бессмысленный доклад.

Но главное, мне было не до судов. Весь архив и оборудование опять были в руках КГБ, а надо было продолжать издание «Ежедневной гласности», печатать материалы третьей конференции «КГБ: вчера, сегодня и завтра» и готовить следующую.

Я согласился с предложением Голембиовского о том, что «Известия» без всякого решения суда опубликуют опровержение собственной статьи и извинения. Опубликовали. Но опровержение было небольшое, малозаметное, а клеветническая статья – громадная, почти на целую полосу и все это на самом деле было характерной иллюстрацией того, как российское общество ельцинского времени приспосабливалось в начале 1994 года как могло к новой, более кровавой, чем советская последних

лет, власти и уже почти открыто ненавидело тех, кто приспосабливаться не хотел.

Все годы после освобождения я по преимуществу имел дело с тысячами людей, валом валивших и писавших в «Гласность»: диссидентами, независимыми профсоюзами и демократическими организациями. Диссиденты, почти полностью поверившие в то, что они победили, были совсем безнадежны, профсоюзы и многочисленные в конце 1980-х годов демократические организации (их рупором и был «самиздат» – сотни газет и журналов по всей стране) во многих случаях отчаянно боролись, несколько профсоюзных лидеров были убиты, другие – куплены, третьи выжаты с помощью интриг – силы были явно неравны. И с профсоюзами шахтеров, летчиков и авиадиспетчеров профсоюз независимых журналистов, появившийся по инициативе «Гласности», которым я и руководил, создал Конференцию свободных профсоюзов России. Но даже вчетвером, представляя довольно мощную общественную силу – четыре наиболее влиятельных профсоюза, мы мало что могли сделать для сохранения хотя бы зачатков демократии в России всем пространстве необъятной России. Особенно тяжело приходилось шахтерам и журналистам, независимые газеты и журналы в 1990–1992 годах громили по всей стране, независимых журналистов зверски избивали. После двух лет работы я вынужден был прекратить съезды независимых журналистов и свою работу в Конфедерации свободных профсоюзов России, потому что независимой печати больше не было – все было разгромлено. Как «Гласность» была первым в годы перестройки независимым журналом, так работавшие из последних сил агентство «Ежедневная гласность», бюллетени «Правозащитный вестник» и «Государственная безопасность и демократия» оставались последними.

Замечательно, что практически ни разу их не защитила теперь уже совершенно свободная (бывшая советская) печать. С нескрываемым пренебрежением журналисты относились к своим менее профессиональным, совсем не думающим о доходах и даже о своей безопасности «самиздатчикам». А в официальной прессе и на телевидении заработки заметно росли, журналистское сообщество находилось в состоянии безудержного восторга, но все точно знали, за что платят деньги, а за что – нет.

В это время готовилось принятие закона о свободе печати, о запрете цензуры в новой России. Его либеральными разработчикам не приходило в голову не только то, что

подлинная свобода печати уничтожается на их глазах, но даже и самое общее соображение, что свобода печати может быть сохранена только в условиях демократии. Иначе все это не более чем саморекламный и вполне злонамеренный информационный шум[32].

Тогда журналисты как будто не понимали, что, все чаще продаваясь, а главное, – не защищая своих коллег, они становятся все более беззащитными.

Точно так же были совершенно не способны к защите даже самих себя и лучшие, наиболее приличные писатели. Я уж не говорю о том, что на заседаниях правления Виноградов, Турков, Савельев наперебой уговаривали меня ничего не делать, не сопротивляться, ждать пока все разрешится само собой. Алесь Адамович и Валентин Осоцкий были чуть более реалистичны, но в меньшинстве, да и ни в чем не были уверены. Между тем в то время даже просьбами либеральные писатели многого могли добиться. Ельцин сам позвал их на встречу в Кремль, поскольку еще нуждался в публицистической поддержке. Писатели ее покорно обещали (только Булат Окуджава отказался идти), но попросили так жалко и униженно, что Ельцин, игравший в крупную и кровавую игру за власть, с весны готовясь к разгрому парламента, понял, что не они – игроки в этой партии.

Как ни жаль это говорить, прокоммунистическая печать была в то время более правдива и реалистична, но в ней была такая беспредельная злоба и жажда реванша, что здравый смысл оказывался под вопросом. В газете «День» Проханова меня изображали перевернутым вверх ногами и прямо угрожали убийством, «Советская Россия» мало отставала от «Дня». Впрочем и либеральные «Независимая газета», «Сегодня», «Открытое радио» всячески изощрялись в рассказах о том, что конференции о КГБ не вызывают никакого интереса, а единственное, что заслуживает там внимания – не выступления Бакатина, Яковлева, Войновича и Калугина, а официальные доклады нынешних майоров и полковников. Независимая печать к тому времени была уничтожена.

Государственный переворот. Кровавый разгром парламента

Почти год Москва бушевала. Впрочем, я неправ: половина ее населения стояла целыми днями на улицах, пытаясь хоть что-то продать из жалкого своего скарба, чтобы купить немного еды. Отпущенные цены, как выясняла «Ежедневная гласность», а не сотни других гораздо более обеспеченных, мощных и благополучных изданий мгновенно довели до абсолютной нищеты большую часть населения еще недавно самого богатого в России города. Кроме сотен тысяч немолодых инженеров, ученых, библиотекарей, которые внезапно стали мелочными торговцами, в гигантском городе были сотни тысяч молодых людей, искренне веривших советской власти коммунисты, совсем небольшое число офицеров и довольно много юных люмпен-пролетариев, которым просто нечего было делать. В Москве начались демонстрации, участники которых довольно скоро стали отбиваться от ОМОН'а древками своих красных знамен и даже их навершиями. Демонстрации голодных людей все ощутимее приближались к бунтам. Естественно, в Верховном Совете резко усилились позиции коммунистов и там, где еще недавно провозглашали суверенитет России (раскалывающий Советский Союз) и давали особые полномочия Ельцину, теперь с большим трудом с третьего раза утверждали в должности Егора Гайдара. Гораздо более сообразительный Ельцин, его поддерживая, понимал, что нужен кто-то, на кого можно свалить предпринятую Гайдаром «шоковую терапию». Началось противостояние президента и парламента с участием вице-президента генерал-майора Руцкого (а еще так недавно он был провинциальным майором) и министра безопасности. Вместе с Баранниковым у Руцкого оказались семь чемоданов на ворующих чиновников Кремля. Я почти ничего этого не видел – уже третий разгром «Гласности», подготовка несмотря ни на что очередной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» отнимали все силы.

Встретил Гену Жаворонкова, по прежнему работавшего в «Московских новостях». Он начал меня уговаривать войти в члены правления музея Сахарова, который с Юрой Самодуровым и Сергеем Адамовичем Ковалевым превратился в какое-то совершенное болото, некий клуб для встречи симпатичных людей, такой же была и Хельсинкская группа, а ведь это было последнее, что оставалось в Москве у беспомощного демократического лагеря, который все еще тешил себя иллюзией

и лгал другим, что именно он – победитель. Их никто не трогал и они никого не трогали, иногда даже говорили приличные слова. Только все, что оставалось от зачатков народовластия беспощадно уничтожалось повсюду. Но мне было совсем не до них.

Гена рассказывал, что на днях был на пресс-конференции у Руцкого в Белом доме. Ему весной очередной изобретатель (у меня в «Гласности» было таких человек десять) принес проект вечного двигателя. Мудрый вице-президент России отправил изобретателя в Комсомольск-на-Амуре, на ракетный завод, где вечный двигатель должны были изготовить с величайшей точностью. К августу все было готово и Руцкой созвал журналистов. Изобретатель запустил свою машину, два почтенных профессора не в силах отказать вице-президенту говорили – один, что это замечательное средство для развития у детей пространственного мышления, другой – о том, что это подлинный прототип двигателя будущего. К несчастью, они говорили слишком долго, минут пятнадцать, и вечный двигатель остановился. Руцкой и изобретатель смущены не были, обещали устранить недостатки и устроить новую демонстрацию. Журналисты посмеиваясь разошлись, но только Гена написал об этом в «Московских новостях».

Хасбулатов, почувствовав нарастающее влияние Верховного Совета в противостоянии с Ельциным решил, что превратит Россию в парламентскую республику, где последнее слово будет за ним. Будучи не очень умным человеком (впоследствии он решит, что хотя бы в Чечне станет царьком по примеру Шеварднадзе, и, не понимая реального положения дел, будет одним из инициаторов чеченской войны, да еще и меня попытается подкупить) все-таки был экономистом, догадывался о причинах нараставших народных бунтов и глубоко презирал слабого Ельцина, который дал себя в это втравить. К тому же все больше регионов начинали поддерживать парламент и, конечно, не из-за забытых коммунистических идей бывших секретарей обкомов, а теперь губернаторов, а из практической боязни нарастающих демонстраций голодных людей, которые в любой момент могли перейти в бунты. Пока еще КГБ и ОМОН с этим справлялись, но опасность была велика. «Мемориал» был уничтожен; «ДемРоссию» Гайдар уничтожит всего через несколько месяцев, но ее руководство тогда не было способно понять, что защищать надо не Ельцина, а интересы народа. Оставались только коммунистические фракции, небольшой Союз офицеров и стихийные протесты. Но Кремль чувствовал опасность.

Было вполне очевидно, что лидеры реставрации советского

режима будут ориентироваться не столько на Горбачева и Яковлева, сколько на Андропова и Крючкова. В Белом доме кроме Баранникова активно подвизались генерал КГБ Стерлигов; резидент в Японии, будущий президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов; масса всякой гэбэшной мелочи вроде Бабурина, Ионы Андронова, Веденкина, Баркашова. Было очевидно (я писал об этом еще в девяностом году), что, начав делить государственную собственность, они больше никому ее не отдадут. Правда, Гайдар и Чубайс начали ее раздаривать какой-то шушере из ЦК комсомола. В случае победы Белого дома Аркадий Вольский и Хасбулатов так же разделили бы Россию, но только между генералами и полковниками КГБ. Это был не идеологический, а имущественный спор между Гайдаром и Стерлиговым, но для Гайдара важно было не допустить в него наивных русских людей. Бронетранспортеры у Белого дома разворачивали свои башни, поливая свинцом, убивая, как на поле боя, всех вокруг, а вокруг были мирные москвичи – снайперы прицельно отстреливали прохожих. От танкового обстрела Белого дома и пожара в нем спрятавшиеся в подвале депутаты не пострадали, а вот погибших подростков, пришедших в Белый дом со съезда комсомола никто не считал. По рассказам Руслана Воронцова, который был в Белом доме, в последний день по нему уже не расхаживал в черном кожаном пальто и берете, изображая военного диктатора из банановой республики, генерал Макашов и хотя первый штурм провалился – весь нижний этаж был заполнен мародерами. Но после обстрела из танков (без предупреждения и предложения сдаться), после прицельной стрельбы снайперов по окнам и по случайным прохожим, после пожара, в котором сгорели сотни людей, внезапно появились в Белом доме (еще не сданном) какие-то люди в полувоенной форме и начали методично сносить сотни трупов и какие-то ящики в подвал.

По официальным данным (прокуратуры Москвы) только неопознанных трупов было кремировано 2200, а были опознанные, сгоревшие, закопанные без всяких моргов тысяч десять человек по приблизительным подсчетам (человек пятьсот вооруженных). Это чудовищное преступление – Москву, умытую кровью, – Гайдар пытался не только оправдать, но даже поставить себе в заслугу в предсмертной книге «Смуты и институты».

Впрочем, тогда у меня не было сил разбираться в том, кто лучше громивших «Гласность»: полковник с Лубянки или Илья Константинов из Белого дома; Гайдар пославший снайперов, бронетранспортеры и танки, или Руцкой, призвавший захватить Останкино.

«Чума на оба ваши дома!».

Для меня конец девяносто третьего года, кровавый государственный переворот совершенный Ельциным и Гайдаром, был естественным продолжением (завершение оформилось уже при Путине) августовского путча девяносто первого года. Пришедшие тогда к власти коммунисты нового поколения и чекисты за два года усилились настолько, что, повторяя демократическую риторику (впрочем, и Сталин ее охотно использовал), были готовы к уничтожению тех реальных демократических свобод, которые были подготовлены русским обществом в последние годы правления Горбачева. На волне хорошо срежиссированного народного энтузиазма первых лет надежды на свободу, они и пришли к власти.

Теперь им можно и нужно было с этим прощаться, поскольку любая демократия прямо мешала и единоличной власти, и переходу государственной собственности в их личную. Крупнейшими врагами был Верховный Совет, когда-то избравший Ельцина и давший ему широкие полномочия, многомиллионное движение «Демократическая Россия», свободная печать со все еще недобитой «Гласностью» и независимые общественные организации. «Мемориал» к этому времени самоуничтожился.

Как именно это произошло в «Мемориале», я в подробностях не знаю. Хотелось бы, чтобы когда-то об этом была написана правда.

Один из его основателей и членов правления Дима Леонов – энергичный общественный деятель, метавшийся по всей России, пытаясь как-то защитить демократические организации, сказал мне, что Рогинский и Даниэль созвали нелегитимное заседание правления, куда были приглашены люди, не имевшие права голосовать, и на нем было принято решение об изменении устава, о превращении «Мемориала» в историко-просветительскую организацию. Одновременно была прекращена вся общественно-политическая деятельность и сотни тысяч русских интеллигентов по всей стране, ожидавших призыва к защите демократии, разъяснению того, что происходит в стране, оказались «Мемориалом» преданы. Сергей Адамович, извиняясь, говорил мне, что он голосовал против этих изменений. Но в то время он мог не допустить этого предательства. Рогинский объяснял, что иначе их сотрудников не пустят в архивы КГБ. Леонов и другие основатели «Мемориала», несмотря на то, что я предлагал достать деньги на издание общественно-политической газеты, были выведены из правления, и «Мемориал» из организации, созданной и боровшейся против возрождения тоталитаризма, превратился в организацию пенсионеров. «Мемориал» больше не интересовался общественной жизнью в России, не выводил на

улицы сотен городов десятки, если не сотни тысяч интеллигентов, создавших по всей стране его отделения. Вероятно, это было величайшее предательство в истории России.

Пару лет назад на вечере памяти Александра Яковлева в Домжуре Арсений Рогинский – инициатор уничтожения «Мемориала» как общественно – политической организации, глядя мне в глаза, извинялся (естественно, иначе, чем Ковалев):

– Александр Николаевич был такой великий, такой великий человек. Он пользовался любой возможностью, чтобы подписать у Ельцина бумагу то о реабилитации кронштадтских матросов, то о раскулаченных и высланных крестьянах. Я не понимал и спрашивал, зачем это, ведь и так все ясно. Он отвечал, что все может понадобиться, все может стать еще хуже, а я этого не понимал.

На мой взгляд, безразлично, совершила компания Рогинского это предательство России, русского народа, русской интеллигенции по присущей им глупости и безответственности (шедшая вокруг борьба была очевидна), из стремления приспособиться или по прямому указанию «компетентных органов». Мы все встретились с его результатами. Лишь через три года, после начала Чеченской войны, Орлов настоял, чтобы хотя бы там, для приличия (потом он остался единственным в Чечне), «Мемориал» все же работал. Но если бы «Мемориал» вывел сотни тысяч людей с протестом – Чеченской войны бы не было. Об этом Орлов молчал. Зато у «Мемориала» появился свой дом в Москве, и никто никогда его не трогал.

Уничтожением «Демократической России» Гайдар занялся лично. «ДемРоссия» к этому времени уже не была «боевой» организацией. Раздираемая противоречиями между пятью ее сопредседателями и борьбой всероссийского и московского аппаратов, она иногда с трудом находила себе место в общественной жизни. Но это была гигантская, бесспорно, демократически ориентированная не только организация, но крупнейшее общественное движение с отделениями в любом городе России. Гайдар с его гэбэшными происхождением и симпатиями ясно понимал, что это серьезный противник.

Сперва ему удалось уговорить доверчивого Сергея Ковалева, который, как и многие диссиденты (некоторых людей даже тюрьма ничему не учит), верил, что это «мы победили», и в том, что Гайдар – великий демократ, ни минуты не сомневался. Теперь демократам нужна «партия власти» (как сформулировал это Гайдар). Поразительный по доверчивости, но тщеславный, а потому очень удобный Сергей Адамович к этому времени

благодаря хорошо поставленной рекламе стал просто звездой и символом диссидентского движения, и благодаря его поддержке все, что делал Гайдар приобрело почти благопристойный вид. Одновременно «неизвестно кем» ночью был разгромлен и разграблен офис «ДемРоссии» в Староконюшенном переулке.

После этого большими окладами была переманена почти вся мощная, сформированная за пять лет административная группа «ДемРоссии», поддерживающая связи со всеми местными отделениями. Некоторым предложили «хлебные» места во власти, после чего было объявлено о проведении учредительного съезда новой партии «Выбор России», которая якобы должна стать наследницей «Демократической России». Большинство председателей партии – Старовойтова, Якунин, Афанасьев, Пономарев с этим не согласились. Им, как вспоминает Пономарев, предложили вступить в «Выбор России», но предупредили, что «демшиза», то есть русский народ – масса нищих учителей, библиотекарей, инженеров, составлявших плоть «Дем России», новой партии не нужны («Не всем можно доверять», – сказал Гайдар). Сопредседатели не согласились, но у них уже не было ни офиса, ни денег, ни аппарата. Зато Гайдар ненадолго создал партию по примеру КПСС (как он сам говорил) с образцовой дисциплиной, и когда он входил в зал, депутаты дружно вставали.

И только «Гласность» после каждого грабежа и разгрома раз за разом восстанавливалась и даже в условиях полной изоляции и преследований продолжала работать. Мы готовили четвертую конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра», проводили с лучшими юристами круглые столы о законодательстве, издавали регулярные бюллетени по-русски и по-английски с довольно однообразной информацией об усилении КГБ по всей стране и внедрении его сотрудников во все формы управления Россией.

Третья конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра»

Несмотря на разгром «Гласности» и «Советского писателя» мы, не имея офиса, смогли с первого по третье октября провести третью конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра». И как раз неподалеку от Белого дома – в залах Дома журналистов.

Это была первая конференция, все основные доклады которой были изданы в достаточно большом томе, вышедшем вскоре и в английском переводе. Кроме пленарного заседания на конференции были четыре секции – практически параллельные конференции: «КГБ и армия», «КГБ и экономика», «КГБ и культура» и «КГБ и средства массовой информации». Книги эти стали довольно редки, но сейчас они есть в интернете. Много любопытного, однако, было и за рамками докладов. Пленарное заседание началось с неприятной истории. После своего вступительного слова, где я говорил о подготовке конференции и третьем разгроме «Гласности, я дал слово нашему сотруднику Илье Рыбальченко с тем чтобы он прочел присланный мне доклад Станислава Левченко – резидента КГБ в Японии, попросившего убежище в Соединенных Штатах. Поскольку Левченко считался корреспондентом журнала «Новое время», его доклад вполне соответствовал теме конференции, но так как он был перебежчиком и в СССР приговорен к смертной казни, пригласить его я, конечно, не мог, да он и не поехал бы.

И вдруг сидевшая в зале журналистка Евгения Альбац (ныне главный редактор журнала «The New Times»), почему-то считавшаяся крупным специалистом по КГБ, внезапно вскочила со своего места и начала кричать, что «нельзя допускать, чтобы здесь звучали доклады изменников родины». Я пытался ее урезонить, сказал, что я сам попросил Левченко прислать доклад, но Евгения Марковна не унималась и продолжала кричать, что не допустит этого. И вдруг взорвался сидевший рядом со мной за столом президиума Александр Кичихин – полковник КГБ в отставке, который, правда, несколько позже Левченко, когда уже не надо было бежать в Америку, тоже ушел из КГБ, поскольку разуверился в идеалах и практике этой организации. Он встал и начал так же громко обвинять Альбац в том, что она сотрудник КГБ, которая пытается заткнуть им рот. Альбац несколько притихла, обвинять Кичихина в том, что и он предатель, было невозможно. Мне с трудом удалось их успокоить, сказать, что Кичихин без достаточных оснований обвиняет Альбац в

сотрудничестве с КГБ.

Содержательный доклад Левченко, конечно, был прочитан.

Поскольку это были решающие дни в противостоянии Кремля и Белого дома, а также успешного использования Гайдаром «полка солдат, способных стрелять в народ», в нижнем холле Дома журналистов постоянно был включен телевизор с хроникой боев возле Останкино и митингов в других частях Москвы (на Смоленской площади, на Тверской, вокруг Белого дома). И вдруг часа в четыре 3 октября трансляция прервалась, телевизор был включен, но картинка пропала. Это значило, что произошло что-то чрезвычайное, и мы втроем – Джон Шенефилд – один из известнейших американских юристов, автор американского закона о ФБР и сопредседатель «BAR – associations», Николай Аржанников – полковник, кажется, МВД – руководитель профсоюза работников милиции – очень демократичного тогда, к тому же депутат Верховного Совета – пошли к расположенному неподалеку – всего в двух, правда длинных кварталах, Белому дому.

Новый Арбат был совершенно вымершим. Ни по одной из сторон улицы никто кроме нас не шел. За Садовой стояли два или три грузовика, на одном было, кажется, пять мальчишек со свастиками на знаменах. Мы с Аржанниковым попробовали по этому поводу зайти в какое-то отделение милиции. Входная дверь была наглухо закрыта. Когда мы начали стучать, раздался вопрос:

– Кто такие, что надо?

Мы назвались, на имя Аржанникова никак не откликнулись, на мое забаррикадировавшиеся милиционеры ответили:

– И Григорьянца не пустим. Мы никого не впускаем.

Пошли дальше, к людям, окружавшим Белый дом. Стояли тихо, хотя и довольно плотным кольцом. Депутатское удостоверение Аржанникова помогло нам пройти сквозь эту цепь и подойти к зданию мэрии. Оно уже было совершенно черным, сгоревшим, светились огни только на самом верхнем, тридцатом, этаже. На парапете, кажется, Баркашов выстроил перед собой десятка полтора юнцов лет семнадцати с тонкими цыплячьими шейками, но с настоящими милицейскими щитами, которые были больше их, и, кажется, автоматами:

– Вон где жиды окопались. Половина налево, половина направо и в атаку.

Шенефилд все пытался понять, что происходит, о чем говорят, а я больше всего боялся, чтобы кто-то не услышал его английскую речь – бог знает, что будет. Да и переводить не хотелось. На чьей стороне были ОМОН'овцы, окружавшие Белый дом в этот день, понять было невозможно. Стрельбы снайперов

пока не было, да и бронетранспортеры появились лишь на следующий день незадолго до танков. Но из Белого дома уже никого не выпускали и мы знали, что некоторые (в том числе и вооруженные) люди уходят оттуда по канализационным люкам и выходят возле Киевского вокзала.

В связи с этим у меня была проблема: в последний момент к нам на конференцию решил приехать, по моему приглашению, Уильям Колби – бывший директор ЦРУ. Я не видел в этом ничего особенного: на первой конференции выступал бывший директор КГБ, на третьей – ЦРУ. Проблема была и в том, что, так как решилось это в последний момент, да и приехал он к закрытию, выступления Колби не было в программе и для него пришлось устраивать в последний день специальный круглый стол, материалы которого не удалось записать и издать, так как все технические службы из Дома журналиста разбежались. Главное же, Колби остановился в гостинице «Рэдисон-Славянская» неподалеку от Киевского вокзала, где и выходили люди, как говорили, с оружием, бежавшие из Белого дома. «Убьют или покалечат, не дай бог, Колби, – с ужасом думал я, – и все будут считать, что я сознательно заманил в Москву директора ЦРУ». Но с Колби, к счастью, ничего не случилось, он на такси смог добраться до Дома журналистов. Это был первый из числа регулярно проводимых нами в 1993–1994 годах круглых столов по законодательству (о них я расскажу ниже). Он был посвящен формам парламентского и общественного контроля за спецслужбами, но оказался каким-то неудачным. Мало того, что запись велась на ручной магнитофон и пропала при последующем (четвертом) разгроме «Гласности», но и некоторые из выступлений участников, как я вспоминаю, были какими-то странными. Вдовин (из Ленинграда) привел и усадил за стол, не согласовав со мной, какого-то своего приятеля, мне не известного – его реплики вызывали удивление у всех участников, да и сам он, как и Пустынцев, вполне знакомые мне люди, тоже говорили какие-то странные вещи. Когда через месяц Колби в письме попросил меня прислать список участников круглого стола, чтобы поблагодарить их, я самым невежливым образом на письмо не ответил, поскольку не понимал, какое впечатление на информированного человека могут произвести такие участники, а одного просто не знал. Да и офиса у «Гласности» все еще не было, и собрать материалы было негде и некому.

Начались доклады по теме «КГБ и средства массовой информации». Первым я дал слово Геннадию Васильеву, известному корреспонденту «Правды» в Нью-Йорке, который

сперва подробно рассказал, что не меньше половины корреспондентов советских газет и журналов за границей – сотрудники КГБ, которые вообще не имеют о журналистике никакого представления, но что и от тех, кто в действительности является журналистом, то и дело требуют выполнения «специальных» поручений. Потом сделал вывод, что должна быть прекращена практика, как размещения разведки под крышей корпунктов, так и принуждения журналистов к несвойственной им деятельности.

После него выступил Юрий Кобаладзе из Службы внешней разведки и сказал, что журналистика неотделима от разведки и все должно остаться по-прежнему. Сидевший рядом со мной Майкл Уоллер, американский аналитик и историк спецслужб, тихо спросил меня, можно ли рассказать как самого Кобаладзе выслали из Англии за шпионаж. Я ответил «конечно», и Майкл подробно рассказал о том, чем занимался Кобаладзе в Англии (все это было хорошо известно из английской печати).

Кобаладзе тут же потребовал слова для опровержения и начал объяснять, что он был честным журналистом, к шпионажу отношения не имел и что это была провокация. Но тогда было непонятно, почему же он теперь генерал-майор КГБ. Зал над Кобаладзе откровенно смеялся, Олег Калугин утешал его:

– Да не переживай, Юра – всякое бывает.

Главное же, Кобаладзе не мог уйти от насмешек, потому что Евгений Примаков прислал его не столько для выступления, сколько для того, чтобы привезти к Примакову Уильяма Колби, в планы которого встреча с директором Службы внешней разведки совершенно не входила. Но Кобаладзе должен был его дождаться и попытаться уговорить.

О третьей конференции, как и обо всех последующих (кроме клеветнического разворота о девятой в «Московских новостях») информации даже самой краткой нигде в печати не было. После второй была часовая передача Алексея Пиманова по первому каналу телевидения, обрывок которой мы случайно нашли в интернете. Там, правда не было сказано, что конференции проводит фонд «Гласность», ничего не было об их массовости и значении, да и я был где-то на третьих ролях, и все-таки это была единственная большая передача. Приведу написанный тогда комментарий:

> Среди небольших фрагментов, снятых в самом зале – кадры с выступлением генерала Алексея Кондаурова, тогда начальника ЦОС <Центр общественных связей

>КГБ, и смех в зале. Этот эпизод нуждается в пояснении. Дело в том, что для выступлений на конференциях оргкомитетом приглашались люди самых разных, зачастую прямо противоположных взглядов, лишь бы они обладали бесспорным знанием предмета, о котором говорят. Не допускались (с любой стороны) люди, готовые бить себя в грудь, утверждая свое мнение, но не имеющие конкретной информации по теме. Выступавший мог высказывать любые мнения, никакого предварительного просмотра докладов, конечно, не допускалось, мог даже откровенно лгать но… с одним ограничением: после своего доклада он не мог сразу же уйти с трибуны, а должен был отвечать на вопросы, задаваемые из зала отнюдь не наивными слушателями. На каждую из заявленных в программе тем, мы старались пригласить и официального представителя КГБ. На пленарном заседании заранее подготовленный доклад прочел Алексей Кондауров, но ответы на вопросы из зала ему никто подготовить не мог и потому они были беспомощными и противоречивыми – тысячный зал начал над ним смеяться. Эти вопросы и ответы мы тоже опубликовали в стенограмме пленарного заседания. После того как Пиманов показал на всю страну смех над генералом КГБ, комитетчики перестали выступать с официальными докладами. Кстати говоря, Александру Яковлеву тоже было очень нелегко отвечать на вопросы из зала. Правда, никто над ним не смеялся и делал он это в отличие от Кондаурова вполне достойно. В КГБ заранее выведывали программу конференции и присылали еще по офицеру – срывать чей-то конкретный доклад с помощью криков с места и бессмысленных вопросов. Как правило, ничего не получалось, но после каждого из докладов один или двое из таких «активных» участников тут же уходили: работа была выполнена – подопечный закончил выступление. На вторую конференцию был послан еще и Жириновский, который сперва устроил драку с какой-то старушкой у входа в нынешнее здание Совета Федерации, где мы проводили конференцию, а потом кричал мне во время заседания: «Большевики тебя, Григорьянц, в тюрьме не доморили – я тебя из нее не выпущу». Когда его вывели, в Парке культуры и отдыха он устроил митинг «В защиту КГБ от Григорьянца». Собрал, говорили, человек тридцать.

Все интервьюируемые Пимановым на этом ролике –

авторы докладов на I и II конференциях, некоторые – Татьяна Заславская, Галина Старовойтова, Алесь Адамович – члены оргкомитета. Почему-то оказавшийся в центральной роли в передаче Пиманова Александр Подрабинек, на I конференции выступал лишь в дискуссии, а на II – не выступал вообще. Сейчас уже не помню, но, возможно, я и не приглашал его. В свое время известный деятель диссидентского движения, автор книги «Карательная медицина» о преступлениях советских психиатров, занимавшихся «излечением» в сумасшедших домах многих инакомыслящих, он как-то заметно изменил свои взгляды после освобождения из лагеря. Все что делал тогда Сахаров, делал фонд «Гласность» и некоторые другие ему, как правило, не нравилось и он умело, хотя и без большого успеха, дискредитировал нашу работу. Здесь его характерное и талантливое интервью выглядит на первый взгляд гораздо более радикальным и смелым, чем все, что мы делаем. «Как можно себе представить – восклицает Подрабинек, – чтобы в послевоенной Германии проходили конференции «Гестапо: вчера, сегодня, завтра», выступал Эйхман и говорил «не надо ворошить прошлое». А здесь дают выступать с демократических трибун вчерашним чекистам, у которых руки по локоть в крови».

Подрабинек странным образом забыл, что в СССР Нюрнбергского процесса ни тогда, ни теперь не было. В отличие от гестапо – Комитет государственной безопасности преступной организацией ни один суд не назвал, и кроме Крючкова ни один из его сотрудников арестован не был. Напротив под жалобные вопли о «разрушении КГБ» комитетчики все с большим успехом занимали командные посты в Кремле, Белом доме, Государственной Думе, куда при советской власти их, кстати говоря, не допускали. А уж о частном бизнесе и говорить было нечего. То, что происходило в России, напоминало перитонит – гной из лопнувшей опухоли, разливался по всему российскому организму. Сотрудники КГБ от контроля за советским обществом заметно переходили к прямому управлению в стране, этого, к сожалению, многие тогда не понимали, но мы пытались объяснить. Мы все жили и остаемся не в реальной послевоенной Германии, упоминаемой Подрабинеком, а в той гипотетической, где Гитлер

вовремя умер, Гиммлер успешно занял его место и приступил к «радикальным реформам». Конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» были первыми и до сих пор единственным публичным обсуждением преступлений КГБ в прошлом и угрозам исходящим от него будущей России. Даже начать его было непросто, мое объявление о начале проведения конференций о КГБ на «Конгрессе российской интеллигенции» тут же привело к почти удавшейся попытке убийства нашего адвоката – Татьяны Георгиевны Кузнецовой и водителя Александра Морозова по дороге из Москвы в Калугу (в областное управление КГБ). Потом было и многое другое.

Из девяти конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра» полностью изданы материалы лишь трех (третьей, пятой и восьмой). Постепенно мы будем вводить в интернет и эти книги и уцелевшие остатки материалов других конференций и связанных с ними круглых столов по законодательству о спецслужбах, проводившихся фондом «Гласность» в это же десятилетие (1993–2002). Возможно, удастся найти и какие-то фрагменты видеосъемок, сделанных на конференциях. В ФСБ, говорят, есть полный комплект записей, но об этом я знаю только по слухам. У нас уцелели две-три еще не приведенные в порядок кассеты. Надеюсь, что и до них дойдут руки.

Этот мой текст является преамбулой к полутора годам гораздо более аккуратной борьбы КГБ и «доверенных лиц», устроившихся при власти, и с «Гласностью», и с конференциями, и с регулярно проводимыми юридическими «круглыми столами». Их было даже больше, чем конференций (шестнадцать, кажется), участвовали в них крупнейшие русские (да и не только) юристы, члены Конституционного суда, депутаты Государственной думы, ведущие сотрудники Института государства и права. В двух изданных томах меньше половины материалов – все остальное уничтожено при разгромах. Все основные законы о правах человека и российских спецслужбах обсуждались на круглых столах «Гласности», точнее созданного нами Центра по информации и анализу работы российских спецслужб. Второй круглый стол (доклады его тоже не уцелели) был посвящен все более откровенному и растущему влиянию в России спецслужб и законодательству о них. Замечательно, что в нем приняли участие и бывший директор КГБ Вадим Бакатин и руководитель аналитического управления при нем, потом, естественно, с

позором уволенный, но единственный, кто ненадолго вернулся во властные структуры (благодаря маршалу Шапошникову) – полковник Владимир Рубанов. В это время он был заместителем секретаря Совета Безопасности России. Но все наши рекомендации игнорировались Ельциным и Гайдаром, выстраивавшими под демократическую демагогию и запугивание российского общества и окружающего мира теперь уже не угрозой фашизма – для нее время прошло, – неизбежной якобы реставрацией коммунизма, не просто авторитарный, а жесткий диктаторский режим. Главных задач у них было две:

законодательно оформить свое правление и нерушимость власти;

завершить уничтожение остатков демократических институтов в России.

Сразу после разгрома Белого дома уже не только Кремль, но и большинство либеральных демократов ринулись создавать для Ельцина вполне авторитарную конституцию. Впрочем, на этот раз демократии страшно угрожали уже не Баркашов, не Хасбулатов, а беспощадный Зюганов. Он был третьей страшилкой.

В результате вложения громадных денег и созыва декоративного конституционного собрания, куда я, конечно, не пришел, удалось добиться победы над страшно-ручным Зюгановым, конечно, с большим количеством фальсификаций. Я никогда в своей жизни не голосовал, но не могу забыть замечательный рассказ генерал-полковника Стаськова, относящийся, правда, к чуть более раннему времени:

– Был я тогда еще командиром дивизии. Получил из штаба приказ: собрать офицеров и всем разъяснить, что голосовать надо за Жириновского. Как было приказано, всех собрал, объяснил за кого голосовать, поручил провести в подразделениях разъяснительную работу. Все казалось бы хорошо, а начали смотреть бюллетени – семьдесят процентов проголосовало за партию любителей пива, тридцать – за партию женщин. Ну мы, конечно, сообщили, что девяносто пять процентов проголосовало за Жириновского.

Впрочем, в этот раз я впервые в жизни участвовал в выборах, но не в роли избирателя, а кандидата в депутаты. Делать мне после разгрома «Гласности» на Поварской и проведения третьей конференции было совершенно нечего, офиса не было, прокуратура декоративно занималась следствием, Ельцин что-то постоянно лгал писателям, обещая вернуть им издательство, и, конечно, это не было сделано, а тут меня начали уговаривать выдвинуть кандидатуру во вновь создаваемую Государственную Думу и даже предлагали на это, как я теперь понимаю, очень

скромные деньги – несколько десятков тысяч долларов. Я, ни минуты не веря в успех, но готовый сделать все, что смогу, согласился, был снят офис в гостинице «Академическая». Моим районом был классический район КГБ в Москве – проспект Вернадского, Мичуринский, Ленинский проспекты, что было особенно забавно. Как меня зазывали на тайные совещания КГБ я уже рассказывал, но наиболее интересным для меня были прямые диалоги с избирателями на шести существовавших в этом районе кабельных каналах. Кроме меня никто этого не делал – или не выступал, на кабельных каналах вообще (впрочем, у них были всесоюзные). Или весь час занимали своей доморощенной программой. А я занимал своим выступлением не больше пятнадцати минут, а потом сорок пять минут вел прямой диалог со зрителями – иногда недоброжелательными («чего ты, армянин, вознамерился лезть в нашу Думу»), но мне совершенно нечего было скрывать, ни от одного вопроса не было нужды уходить и все собеседники были для меня интересны. Ведь это был очень редкий в моей жизни опыт: я, конечно, много выступал по радио и телевидению (в основном не русском), выступал на множестве конференций, но время всегда надо было экономить и для других, полемики не было никогда. На митингах выступать я избегал. А здесь был такой свободный и замечательный опыт.

На одну из встреч с избирателями приехал Невзоров с аппаратурой, и потом эта достаточно беспомощная съемка была показана по какому-то из центральных каналов со злобными комментариями Жириновского, для которого, видимо, и делалась.

На выборах, где наши плакаты срывались чаще всего милицией, а подтасовки были так наглы и очевидны, что о них и вспоминать противно, я не победил, занял из десяти кандидатов четвертое место, но даже это было удивительно. Победил заместитель Лужкова Никольский, сыгравший столь зловещую роль в тбилисской трагедии.

Девяносто четвертый год

К счастью, у меня и у моей матери уцелели остатки частью моих, частью семейных – моих дедов и прадедов по разным линиям – коллекций живописи и археологии и когда становилось совсем невмоготу, я что-то продавал и поддерживал «Гласность». В результате у нашего бухгалтера всегда было две проблемы – восстановить после очередного разгрома банковские документы и в отличие от других – не скрывать расходы, а выдумывать источник получения средств. К счастью, новоявленные гайдаровские миллионеры, да и доблестный государственный аппарат зачастую просто не знали куда деть свалившиеся им на голову миллионы и миллиарды. И некоторые без большого смысла начинали «вкладывать деньги в произведения искусства». Милиция по всей Москве занималась скупкой и перепродажей краденого – на всех людных местах стояли машины с объявлениями: «Куплю золото, серебро, иконы, драгоценные камни» – конечно, без всякого предъявления документов. Однажды у меня один из молодых сотрудников «Гласности» – внук коменданта Кремля – украл два старинных (времени царя Алексея Михайловича) что продал в «машину» на Арбате. Машин было на улице штук пять, следов не найдешь, но через месяц я обнаружил подсвечники выставленными в витрине одного из антикварных магазинов. Я даже знал его владельца, без труда выяснил, из какой машины их продали, и тут же почти с матом «сидельцами» в ней и скупщиками был отправлен выяснять, где они служат, и искать виноватых на Петровку.

Впрочем, нельзя сказать, что не существовало никаких общественных организаций. Постоянно шла война внутри «Солдатских матерей», куда внедряли все новых и все более управляемых лидеров. В Петербурге подобная организация под руководством Эллы Михайловны Поляковой работала замечательно, постоянно преследуемая и со все уменьшающимся количеством сторонников. «Независимая психиатрическая ассоциация» выживала, я думаю, только за счет того, что ею руководили супруги Савенко и в результате почти все решалось дома. Под руководством Самодурова Музей Сахарова и Хельсинкская группа под руководством Кронида Любарского тоже существовали, но как закрытые клубы для «демократической общественности» и ничего не делая.

К этому времени уже несколько лет процветал Фонд защиты гласности Алексея Симонова. Иногда в телевизионных интервью его называли председателем фонда «Гласность», на некоторых

своих изданиях они нагло писали «фонд «Гласность». Алексей утверждал, что когда он основал свой фонд, он ничего не знал о фонде «Гласность». В это трудно поверить – тогда «Гласность» была не менее известна, чем появившиеся позже «ДемРоссия» и «Мемориал». Симонов действительно не имел никакого отношения к правозащитному движению, но Мария Кирилловна – его сестра и заместитель в фонде – говорила мне, что через несколько лет при перерегистрации она говорила Алексею, чтобы он переменил название, что пользоваться чужим, да еще политым кровью именем – непристойно. Но Симонов отказался. Что ж, когда-то были откровенно гэбэшные газеты «Гласность» в Нью-Йорке, Москве и Копенгагене. Теперь появился Фонд защиты гласности в Москве и многие считали, что наш фонд «Гласность» процветает, ведь Алексей был на всех экранах и у него проблем с КБГ, Гайдаром и Ельциным не возникало. Да и за границей использовать наше имя было очень удобно.

Тем временем «Гласность» ожидал новый (четвертый) разгром. С трудом в начале девяносто четвертого года мы нашли новый офис – частную квартиру на первом этаже в доме на Долгоруковской, неподалеку от метро «Новослободская». Собрали по домам совсем старый компьютер, едва работавший принтер, остатки какой-то мебели – что-то нам оставили хозяева квартиры: месяца через два удалось в NED (National Endowment of Democracy) – фонде американского сената получить грант в пять или десять тысяч долларов на покупку нового оборудования. Не успели мы его привезти в новый офис, еще даже не все вынули из фирменных коробок, как утром в понедельник оказалось, что офис в один из выходных дней, точнее – ночей, опять ограблен. Старое наше барахло грабителей не привлекло, а вот все новое оборудование прямо в фирменных коробках было вывезено. Правда, вместе со всеми, в том числе и очень старыми, дискетами от уцелевшего, едва живого компьютера. Что, конечно, было для простого грабежа очень странно. Довольно скоро выяснилось, как именно был произведен грабеж в квартире на первом этаже с мощными железными решетками на окнах, выходивших на постоянно людную улицу. Лишь одно окно – в маленькой кладовке, но тоже с мощной решеткой выходило в общий двор с отделением милиции, которое находилось в соседнем доме. По следам было очевидно, что был подогнан грузовик и с помощью троса выломана решетка как раз в этой кладовке. Кто-то туда влез, а потом уже через входную дверь вынесли все оборудование. В милиции почему-то никто не слышал шума грузовика, выламывающего решетку кладовки, хотя соседи его видели, но решили, что милицейский. Конечно, милиция и не думала

заниматься поисками. «Гласность» опять осталась совершенно нищей, без остатков архива, да и в этой, конечно, довольно подозрительной краже было трудно кого-нибудь внятно обвинить. Однако месяца через два все стало вполне очевидным.

В Москве с конца семидесятых годов одна из известных диссидентских квартир принадлежала Иде Григорьевне Фридлянд – дочери известного историка Французской революции, который шел «паровозом» по ежовскому делу историков, сошел с ума на допросах и на Лубянке умер. Ида Григорьевна была судима по какому-то делу, мужем ее был Иван Чердынцев, проведший в лагерях десять лет по делу ВСХСОН (партии И. В. Огурцова). Бывали у Иды Григорьевны очень многие приятели Ивана – Венедикт Ерофеев, автор эпопеи «Москва-Петушки», ослепительно красивый Валера Сендеров, автор «Интеллектуального геноцида», бывал и я, изредка приезжая между первым и вторым сроком из Боровска. «Присматривал» за домом, по-видимому, Денисов (потом закадычный друг Новодворской) – странный и очень состоятельный официант в ресторане «София», чьи показания на Лубянке по делу Георгия Владимова (автора «Верного Руслана» и представителя в СССР «Эмнисти интернейшнл») и его жены еще не были известны. Денисов выпросил у них какую-то зарубежную книжку, сообщил об этом на очной ставке, после чего Владимову можно было сказать: не поедете на Запад, поедете на Восток за распространение антисоветской литературы.

Братом Иды Григорьевны был известный писатель и хороший человек Феликс Светов, выступавший в защиту Солженицына, а в эти годы отчаянно боровшийся за освобождение своей жены Зои Крахмальниковой, издававшей в том числе и за рубежом православный подпольный альманах «Надежда». Когда Феликс со мной, «уже опытным», советовался о том, как вести себя со следователем на допросах по делу Зои, я ему говорил:

– Главное, не создавать с гэбней личных счетов. Вы его обругаете, скажем будучи арестованным, а он вас продержит в карцере с водой на бетонном полу до тех пор, пока вы не окажетесь с туберкулезом в неизлечимой стадии.

Но это было почти пятнадцать лет назад, а теперь мы с Феликсом встретились на дне рождения Иды Григорьевны и вдруг за столом Феликс начал говорить нечто такое, что по окончании вечера я ушел вместе с ним, чтобы понять все подробности. Вкратце это звучало так:

– Я понял, что ты сам инсценировал ограбление «Гласности», но не стал никому говорить – мало ли какие у тебя соображения.

Постепенно выяснилось, что какой-то близкий знакомый

Феликса («молодой драматург»), колеся на своем «Жигуленке» вечером по Москве и проезжая по Долгоруковской, был остановлен каким-то человеком на улице, который попросил заехать во двор, загрузил коробки с аппаратурой и попросил его подвезти.

– Ведь ты живешь на «Бабушкинской»? Туда они и поехали. А я увидел заметку в «Московском комсомольце» об ограблении и решил, что для чего-то тебе это нужно.

Заметка Хинштейна, возможно, причастного к разгрому «Советского писателя» и «Гласности» на Поварской, в «Московском комсомольце» действительно была. О нападении и захвате в центре города трехэтажного здания ни одна мало-мальски приличная газета даже не упомянула (только Лимонов с Прохановым), но об ограблении на Долгоруковской небольшая заметка на первой полосе действительно появилась, и Феликс ее увидел.

– Но я, конечно, никому не стал говорить.

– Погоди, Феликс, я сам себя не грабил и ничего не прятал. Познакомь меня, пожалуйста, с этим твоим приятелем. Кто он? Как его зовут?

– Он уверен, что это был ты, он видел тебя по телевизору, он даже описывал мне такое же длинное пальто на тебе, как и сегодня.

– Ну, все-таки познакомь меня с ним.

– Нет-нет, не буду.

Видимо, это был какой-то близкий Феликсу человек. Прошли годы, при каждой встрече с Феликсом я ему напоминал об этом, просил познакомить или хотя бы сказать кто это, но Феликс отказывался. Даже после его смерти я пытался узнать об этом хоть что-нибудь от его дочери Зои Световой, но она ничего не знала.

Зато история с грабежом стала для меня вполне очевидной – ГБ не просто украла у нас оборудование и материалы, но еще и пустила слух (не знаю с каким успехом – действительно ли, если не Феликс, то его друг не рассказывали об этом), что я сам это сделал.

Вскоре в Кремле собрали конференцию «национального примирения». Филатов пригласил меня, и в этот раз я пришел. Сидя в Георгиевском зале, со скукой слушал выступления Льва Убожко, оплаченных и еще надеявшихся на оплату общественных деятелей, и точно знал, что национальное примирение может состоять только в прямой или подспудной рекламе если не самого Ельцина, то достигнутых при нем демократических свобод

по текстам, получаемым прямо с Лубянки.

А мы тем временем, работая по домам (офиса не было) – с хозяйкой квартиры на Долгоруковской уже «поговорили» и она, извиняясь, но объяснив, что очень боится, нам отказала – готовили четвертую конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Конференция была не слишком удачной – уж очень трудным было положение «Гласности»: Подготовленные к печати материалы были украдены при очередном грабеже (но уцелели их распечатки). Но, как всегда, блестяще Галина Васильевна Старовойтова говорила о Жириновском и его партии, о длящихся советских заделах??? в общественной жизни. Збигнев Ромашевский – польский сенатор, единственный выбранный представитель КОС-КОР'а (Союза помощи рабочим») и «Солидарности», оставшийся в Сейме, – рассказал о положении в Польше, которое было очень похоже на наше после сходной приватизации, но все же внушало больше надежд[33].

Были и очень странные доклады. Хотя руководство КГБ заявило, что поскольку никакого интереса у общества к конференции нет (по-прежнему собирались тысячные залы, но хорошо контролируемая печать молчала), поэтому официальных представителей не будет. Тем не менее был прислан с выступлением генерал Кобаладзе, странно выступали Ида Куклина, которую я все еще считал представительницей то ли армейских общественных организаций, то ли «Солдатских матерей», а не Главного разведывательного управления, как было на самом деле. Хинштейн со знанием дела говорил о сотрудничестве журналистов и спецслужб.

И все-таки сказать, что общественная деятельность, а точнее имитация ее в России совершенно угасла было бы неправильно. Еще в нашей конференции в январе 1994 года мне пришлось принять участие в довольно забавной истории. Очень деятельный Лев Александрович Пономарев оставшийся теперь по сути и без «ДемРоссии» и без «Выбора России», где он был совершенно не нужен Гайдару, да к тому же, естественно, и не выбранный в Государственную Думу, а теперь спекулируя на национал-фашистской угрозе России (а может быть, и впрямь веря в нее и ее используя – я никогда не понимал Льва Александровича) предложил создать объединение еще более или менее живых демократических организаций – фонд «Гражданское общество» для защиты России от фашизма. Никаких возражений у меня идея Пономарева не вызывала, учредители фонда (целых три писательских организации с Савельевым, Оскоцким и Нуйкиным, остатки «Московской трибуны» и «Живого кольца» – защитники

Белого дома от ГКЧП, кажется, Союз журналистов и «Холокост»). Несколько большее удивление у меня вызвало, что учредительное собрание будет проходить в кабинете у Чубайса, кажется, в Госкомимуществе в Рыбном, что ли, переулке (рядом с бывшим зданием ЦК КПСС). Но я пришел. Во главе длинного стола сидел Чубайс и после недолгих разговоров о коммуно-фашистской опасности, объявил, что на спасение от нее России он получил из какого-то европейского банка миллион долларов и поскольку именно он за эти средства должен нести ответственность, то он и должен быть председателем создаваемого фонда. Это было почти логично, правда, потом оказалось, что относительно банка и миллиона он солгал, но это выяснилось позже и пока за его председательство проголосовали. Чубайс тут же предложил в исполнительные директора кого-то из своих сотрудников (кажется, Лисовского или Евстафьева – в общем, кого-то из тех, кто был пойман со знаменитой коробкой из-под ксерокса, набитой долларами для выборов Ельцина), после чего раздал проект устава. Среди учредителей были люди разные, но всех их, кроме меня, объединяло полное неумение понимать уставы. Я их к этому времени уже несколько написал и тут же увидел, что инициируется, не знаю Пономаревым или Чубайсом, создание совершенно непрозрачной, скорее всего жульнической организации. Исполнительный директор всем распоряжается единолично, раз в полгода советуясь с председателем и раз в год устраивая заседания учредителей, которые должны утверждать отчет, не видя финансовых документов и участвуя в работе фонда скорее в декоративных целях.

Я жестко сказал, что деньги я могу найти – в мире и впрямь многие запуганы угрозой фашизма в России, но такой устав утверждать нельзя. Никто из нас, я думаю, не хочет терять свое доброе имя, подписываясь под неконтролируемой деятельностью неизвестного нам исполнительного директора. Чубайс примирительно сказал, что «мы, конечно, внесем изменения в устав», но тут обиженный Пономарев, который все это придумал и нас всех собрал (но почему у Чубайса?) заявил, что создание фонда – это его инициатива, что это фонд общественных организаций, а Чубайс никакую общественную организацию не представляет, и поэтому он предлагает избрать трех сопредседателей. Проголосовали и за это. Потом за избрание Пономарева вторым сопредседателем. Начали выдвигать кандидатуру третьего. Чубайс предложил какого-то юриста из аппарата президента, кажется, Оскоцкий – меня. Стали голосовать – голоса разделились поровну, повторили – то же самое. Тогда Чубайс с ловкостью опытного мошенника спросил:

– Я уже избран сопредседателем правления – я теперь могу голосовать?[34]

Я пожал плечами: «конечно». И он тут же проголосовал против. Он уже понял, что меня в сопредседатели избирать нельзя. Было видно, как глубоко он презирал эти наивные общественные организации и их председателей, но почему бы и не использовать их имена… Изменения в устав, конечно, внесены не были, я больше в фонде, хотя было получено громадное помещение – метров триста квадратных на улице Гиляровского – не появлялся, когда через год меня попытались затащить на собрание, ответил, что так как не видел финансового отчета, участвовать в этом не буду.

Пономарев сперва радовался, давал интервью «Эху Москвы», но, встретив меня месяца через три, начал жаловаться, что его – сопредседателя и инициатора создания фонда, туда не то что не зовут руководить, но даже ничего не показывают:

– Я же всем вам говорил, как составлен устав, – это было очевидно с самого начала.

Сколько времени Чубайс манипулировал этим фондом – не знаю. Я добился, чтобы моего имени там не было.

Вообще же вторая половина девяносто четвертого года и первая треть следующего – самое страшное время в моей жизни. Началось все с болезни – первого инфаркта Зои Александровны – матери моей жены. Долгие годы – двенадцать лет – пока я был в тюрьмах и лагерях, а между ними вынужден был жить в Боровске, Тамара работала, Зоя Александровна почти одна растила двоих наших детей. Особенно она заботилась о Нюше и внесла в наш дом такую открытую, ежеминутно проявляемую любовь, которой я, в своем очень сдержанном в демонстрации чувств доме, никогда не видел и даже не предполагал, что так даже бывает. К счастью, и Тома и Нюша (уже со своими детьми, моими внуками) вполне унаследовали это замечательное и такое нужное детям качество. Зое Александровне было не очень просто со мной – уже одно то, что я с ней, как и почти со всеми своими родственниками был на «вы», было ей и непривычно и неудобно, хотя никак не сказывалось на том, как она вела наш непростой дом. Но весь последний год я очень остро чувствовал непрочность нашего быта. Раза два говорил Тимоше, резковатому иногда, как и полагается подростку, юноше:

– Как ты не чувствуешь, что у нас все висит на волоске.

С середины девяносто четвертого года этот волосок оборвался. Зою Александровну удалось выходить, и они вчетвером уехали в Боровск. У меня, как всегда, была масса

работы – надо было наверстывать все, что мы не смогли сделать, когда у «Гласности» не было офиса. Теперь он опять появился: мы арендовали, кажется, четыре комнаты в каком-то институте на Верхней Первомайской.

Августовским вечером я засиделся за какой-то статьей до двух часов ночи и, чего никогда не делал, решил прогуляться, чтобы лучше заснуть. Вечер был теплый, и я дошел довольно далеко от дома, остановках в четырех, до магазина «Океан» на «Бабушкинской», где на парапете сидела с гитарой компания молодых ребят, хорошо пела, прихлебывая пиво. Я подошел поближе – единственный прохожий в такое время. Кто-то стал предлагать выпить с ними, пели они хорошо – причин отказываться не было. Я подошел поближе – бутылок возле них было штук двадцать – и не только пивных – человек на семь. Это было не много и не мало, никто пьяным не выглядел, пиво, которым они меня угощали, кончалось, и я пошел с одним из парней к ближайшему киоску (тогда они все работали по ночам), чтобы угостить их парой бутылок пива. И это была, конечно, моя ошибка, усугубленная тем, что у меня не было в бумажнике рублей, а были только доллары – кажется, триста стодолларовыми бумажками. Продавщица охотно дала сдачи по курсу со ста долларов – тогда они ходили наравне с рублями, а принимались даже более охотно, но мой спутник увидел у меня деньги – для них большие – и сказал об этом приятелям. Минут через двадцать несколько из них на меня набросились. Один отбил донышко пивной бутылки и этой «розочкой» смог попасть мне в левый глаз. Я пытался не только отбиться, но и сказал, что для них будет лучше меня отпустить – они уже не только забрали бумажник, но и видели какие-то непонятные им документы. Говорил, что так просто для них это не кончится, но один меня повалил, начал душить и последнее, что я услышал:

– Ты что – живым надеешься остаться?

Один из парней в ужасе кричал:

– Не убивайте, не убивайте!

Я потерял сознание, но перед этим успел подумать: «Ну, и слава богу – жизнь была так тяжела, что не о чем и жалеть». Перед тем, как потерять сознание, перед смертью, как мне казалось, никаких сцен из жизни в голове у меня не проносилось, а лишь какие-то коричневые беспредметные структуры, похожие на картину Николая Евграфова в Русском музее.

Но через полчаса-час сознание вернулось. Уже почти рассвело, вокруг меня валялись разбитые и целые бутылки, разбитая гитара, никаких людей не было. Минут через десять я с

трудом поднялся, шея болела, все лицо было в крови, но ни смыть, ни стереть ее было нечем. Я как-то поплелся в милицию на «Бабушкинской», но все было закрыто. Какая-то случайная старушка, взглянув, сказала: «Иди на станцию». Я поплелся, залитый кровью, к Лосиноостровской. Неподалеку была какая-то милицейская служба, но и там открывать дверь не захотели. Час я просидел у них на ступеньках, дойти до дому не мог, с трудом уговорил вызвать «скорую».

Меня привезли в приемный покой 1-й Градской больницы, где вынули часть стекла, оставлять тоже не хотели – «само заживет», но я не мог двигаться и в конце концов меня решили оставить.

В светлой палате было пять или шесть больных, но лечили одного, явно много платившего врачам молодого владельца нескольких фабрик по пошиву рубашек в Таиланде. Конкуренты устроили ему автомобильную аварию, ограбили, но он остался жив, очень обижался, что таможенники в Таиланде берут разные взятки за вывозимые им рубашки в зависимости от того, какие бирки он на них пришивает: за «Кристиана Диора» – больше, за фирмы попроще – меньше. Рубашки-то одни и те же. Другой сосед, молодой очень красивый цыган, с тоской рассказывал, как разлагают деньги их мир – все меньше поют, все больше торгуют.

Ко мне, слава богу, из Боровска приехала жена и выяснилось, что хоть ключи у меня вытащили, но ни квартиру, ни «жигуленок» бандиты искать не стали. Приходили журналисты (из «Времечка», из каких-то газет), милиционеры, но не врачи. Через четыре дня (контрольный срок для сотрясения мозга) пришла минуты на две окулист, повертела у меня перед глазами сперва тремя пальцами, потом четырьмя – я правильно их пересчитал, и она удовлетворенно сказала «все хорошо». Единственное, что она забыла сказать – чтобы я прикрыл здоровый глаз, видел я все, конечно, им.

Меня перевезли домой, и месяц я лежал дома – становилось все хуже. Подняться практически не мог, левым глазом видел все меньше и меньше. В конце концов Татьяна Георгиевна Кузнецова – верный друг во всех моих перипетиях, озабоченная тем, что со мной происходит и имеющая, как многие крупные адвокаты, знакомых повсюду, созвонилась с директором нейрохирургического института имени Бурденко и меня отвезли туда. Оказалось, что у меня не сотрясение, а ушиб головного мозга, что потеря кровоснабжения на то время, что меня придушили и я потерял сознание, может оказаться для мозга необратимой. В общем, я месяц пролежал в институте, возможно, в той же палате, где умер мой дед – его, с опухолью мозга,

оперировал в 1936 году Бурденко, вызвав для консультации из Ленинграда еще и невропатолога академика Егорова. Дед был крупным ученым в самых важных тогда областях гидравлики, аэродинамики и успел умереть в до того, как всех его коллег и учеников начали сажать и расстреливать. Лечил меня внимательно и, как оказалось, вполне результативно почти мой однофамилец – кандидат медицинских наук Григорян. Остальные врачи и хирурги были как правило, доктора и профессора – я считал, что меня к нему положили по национальному признаку, и был вполне доволен. Но через неделю в институте случилось чрезвычайное происшествие – ночью был зверски избит и в полумертвом состоянии привезен в травматологию их же, да еще очень любимый и уважаемый, врач. И вдруг оказалось, что оперировать коллегу, находившегося в критическом состоянии был назначен именно «мой» Григорян. И я понял, что его считают одним из лучших, если не лучшим хирургом в институте. А через несколько дней спросил:

– Очевидно, что вас ценят коллеги. Почему же все они доктора наук, а вы единственный – кандидат?

– Ну, это просто разные специализации. Одни умеют писать диссертации, другие – оперировать, – житейские преимущества Григоряна не заботили.

После института нейрохирургии довольно долго я пролежал в институте им. Гельмгольца. Левым глазом уже почти ничего не видел, мне делали довольно болезненные уколы прямо в глаз в надежде, что кровяные сгустки в нем рассосутся. Раньше это было возможно даже с нехитрыми лекарствами, но окулисту в 1-й Градской все это было не интересно. Сейчас было уже поздно, глаз пришлось чистить и менять в нем хрусталик – но восстановить как следует его так и не удалось, несмотря на героические усилия одного из самых замечательных врачей – Елены Олимпиевны Саксоновой.

Но пока я лечился по разным институтам, снова заболела Зоя Александровна. У нее началось воспаление легких, что часто бывает после инфаркта, приехавший врач сказал сразу две взаимоисключающие вещи:

– Ее надо госпитализировать. Дома вы ее не выходите.

А потом прибавила:

– У вас и без того один человек в больнице. С двумя в разных больницах вы не справитесь, – очевидно, реально представляя то, что со мной было в далеко не худшей 1-й Градской больнице.

У Зои Александровны случился второй инфаркт. Острую боль не удавалось снять, и теперь Зоя Александровна, лежа и

полусидя, с отчаянием повторяла:

– За что? За что?

Как неистребима во всех нас надежда на справедливость…

Зоя Александровна умерла двадцатого октября. Благодаря помощи Ильи Заславского ее удалось похоронить на небольшом кладбище возле церкви в Медведково, куда она ходила в тех редких случаях, когда у нее оставалось время. Дом опустел. Вскоре на месяц по приглашению своего крестного Валерия Прохорова уехала в Париж Нюша. Я, полуслепой, еще не научившийся ориентироваться с одним глазом, с постоянными головокружениями, все же как-то продолжал работать.

Появилась большая статья Гены Жаворонкова в газете «Криминальная хроника», где он обвинял в нападении на меня сотрудников КГБ. Я говорил ему тогда и убежден в этом сейчас, что это не так. До этого я никогда не выходил прогуляться по ночам, зашел очень далеко от дома – всего этого нельзя было рассчитать и подстроить. Такой в это время была Москва, мне не следовало подходить к этой компании, а уж тем более – показывать деньги, расплачиваясь за пиво.

И хотя я довольно редко в те месяцы мог добираться до офиса, фонд продолжал работать. Мы подготовили новый номер журнала «Гласность» после почти четырехлетнего перерыва, но, конечно, как и четвертую конференцию о КГБ не смогли издать. Материалы номера сохранились и я там пишу в предисловии, что в условиях тотального уничтожения всей независимой печати в России (это после дивного Закона о печати, обладавшего для нее почти такой же красотой и значением, как сталинская конституция 1937 года для демократии в СССР), восстановление журнала казалось особенно необходимым. Но уже неосуществимым.

В эти же недели появились первые признаки войны в Чечне. Ельцин еще не провел известного заседания Совета Безопасности (рассказ о нем есть в изданном нами третьем томе «Трибунала о военных преступлениях в Чечне»[35], еще не было никаких широковещательных заявлений, но в Москве внезапно прогремели два взрыва. Один был в троллейбусе и был ранен его водитель, другой – возле моста через Москву-реку, погиб сам неудачливый подрывник. У него сотрудники Петровки обнаружили документы офицера ФСБ, потом выяснилось, что он сотрудничал с бандой Лозовского, который уже будучи обвинен в убийствах и грабежах на самом деле всего лишь выполнял поручения КГБ – он практически был руководителем его структуры для «особых поручений». Но через какое-то время руководитель аппарата президента Сосковец объявил, что это,

бесспорно, дело рук чеченцев. К взорванному троллейбусу через десять минут подъехал мэр Москвы Лужков и будучи «очень опытным криминалистом», но не имея ни малейших для этого оснований, объявил журналистам, что это, конечно, чеченцы взорвали троллейбус, и он выселит их всех из Москвы.

Я написал заявление Генеральному прокурору России Скуратову о том, что Лужков сеет межнациональную рознь в городе и стране, за что должен быть привлечен к уголовной ответственности. Скуратов, как ни странно, мне ответил, написав, что признаки соответствующего преступления в действиях Лужкова имеются, но поскольку у него не было умысла (откуда Скуратов знал?) к возбуждению межнациональной розни, он не видит основания для возбуждения уголовного дела. Я написал от имени «Гласности» новое письмо генеральному прокурору о том, что человек не способный осознавать последствия своих действий, вряд ли может быть мэром столицы России и прокуратура должна обратить на это внимание. Но ответа от Скуратова больше не получил.

Одиннадцатого декабря во второй день очередного четвертого-круглого стола «Законодательства о спецслужбах» в дубовой гостиной Союза писателей, после выступлений лучших юристов – Александра Ларина, Сергея Пашина, Инги Михайловской, Игоря Петрухина, «диссидентов» из МВД (генерал Виктор Агеев), прокуратуры Москвы (Владимир Голубев) и КГБ (полностью уволенное руководство научно-исследовательского института КГБ – полковники Петр Гроза, Петр Никулин, Шестаков за попытку разработать закон о гостайне, сокращающий надзор КГБ за страной) мы включили телевизор и услышали сообщение о первых бомбардировках Грозного. Заместитель председателя комитета по безопасности Сергей Босхолов и судья Конституционного суда Эрнест Аметистов тут же уехали. Для них начало войны, да еще с использованием армии было такой же неожиданностью, как и для всех остальных.

Для всех наступил час истины. Закрывать глаза на то, кто находится у власти в России, как на самом деле принимаются важнейшие решения и какие это решения, стало невозможно. Но реакция в якобы демократических правящих кругах была малозаметной. Лишь два человека поступили решительно: Юрий Хамзатович Калмыков в знак протеста ушел с поста министра юстиции, Сергей Алексеев ушел с поста руководителя Комитета по гражданскому праву в России и из Президентского совета, а от отвращения ко всему, что происходит уехал из Москвы в Свердловск. Ковалев и еще человек пять ушли из Президентского совета, но не с других своих должностей и постов. Впрочем, совет

этот изначально был одной из созданных Ельциным и Гайдаром декораций. Вячеслав Бахмин по совету Ковалева ушел со своего поста в МИД'е (начальник управления по культурному и гуманитарному сотрудничеству), о чем потом очень жалел. Вот, собственно, и все.

В России вполне откровенно установилась диктатура использовавших Ельцина спецслужб, которые добились начала этой войны не только против Чечни, но против всей России. Ее теперь можно было с легкостью перевоспитывать, делать все более полицейским государством, бесконечно расширяя свои политические и материальные возможности. Раздел России шел уже вовсю. Даже значительная часть руководства армии была против войны – не только генерал-полковник Эдуард Воробьев, подавший в отставку, но и Генеральный штаб, писавший отрицательные заключения на присылаемые ему планы войны, и даже министр обороны Грачев пробовал упираться – описание этого есть в материалах к «Трибуналу по Чечне», подготовленных «Гласностью». Но армия на то и существует, чтобы выполнять команды. Спецслужбы не только в России – бывало и в других странах – рвались к власти. Народ (с подтасовками или без) избирал будущего диктатора не только у нас. В России все это произошло, когда демократическое движение было уничтожено, а СМИ – в силу своей бессмысленности, трусости, жадности – не выполнили свой долг перед обществом.

Все главные виновники этой войны неожиданно стали в той или иной степени ее противниками.

Егор Гайдар, уничтоживший «Демократическую Россию», которая могла бы вывести на улицу миллионы людей по всей стране с протестом против войны и заставить ее прекратить, стал, по материалам Андрея Илларионова, противником войны именно в это, неподходящее по его мнению, время. «Мемориал», который тоже до 1992 года мог вывести на улицы десятки, если не сотни тысяч человек и с их мнением Ельцину пришлось бы считаться, решили теперь (даже нарушив собственные правила) послать своих осторожных «наблюдателей» в Чечню, чтобы изредка рассказывать о творимых там преступлениях. В Москве же всего человек сто или двести вышли на площади и поговорили об этом на митингах. «Мы плакали дома», – сказала мне Бродская, – немолодой театровед, писавшая о Станиславском и мечтавшая жить совсем в другой стране.

Всего в первую войну было убито – по приблизительным, конечно, данным – около ста тысяч человек; в первые же недели от ковровых бомбардировок погибло около сорока тысяч мирных

жителей. Довольно много журналистов, по-видимому, искренне были возмущены и самим фактом войны и теми варварскими методами, которыми она велась. Не только в газетах, но и по телевидению изредка бывали вполне правдивые военные репортажи, многие журналисты погибли в Чечне, но никому и никогда не пришло в голову, что именно они равнодушно смотрели на уничтожение демократических организаций, никто из них не защищал подлинно свободной и независимой самиздатской печати, то есть всего того, что могло бы помешать развязыванию бойни. Лучшие журналисты прозрели, но было уже поздно – не так много времени оставалось до разгрома этой полусвободной прессы. И ее тоже некому было защищать. Только «Гласность» месяцев через пять начала подготовку к Международному трибуналу по преступлениям в Чечне – первой в русской истории попытке судебного следствия над руководителями страны за принятие преступных решений. Но до этого произошло еще немало страшных в моей жизни событий.

Одновременно с остро критическими круглыми столами по законодательству о спецслужбах (причем третий и четвертый удалось издать и это поразительно интересное свидетельство оценки и опасений по поводу того, что нам предстоит, лучших специалистов именно тогда, когда все эти законы успешно штамповались в Думе), нам удавалось каким-то чудом выпускать в 1993–1994 годах три постоянных информационных бюллетеня, на русском и на английском языках: «Правозащитный вестник», «Государственная безопасность и демократия», «Христианский вестник».

Последний из них потом отделился от «Гласности» и некоторое время Володя Ойвин издавал его самостоятельно (с очень основательной помощью вскоре принявшего священнический сан Якова Кротова) – я не мешал ему получать отдельные гранты. Впрочем, довольно быстро оправдалось мое ему предупреждение: гранты он получал только американские, а американцы большие прагматики – когда дают какие-то деньги, хотят, чтобы все было в точности так, как они это понимают. Причем положение в России они понимают чаще всего довольно плохо, но достаточно жестко настаивают на своем. Поэтому мне часто приходилось отказываться от сотрудничества с американцами – ничего дурного они не хотели, просто их стереотипы в отношении России оказывались непродуктивны или даже контрпродуктивны. В конце концов Володя в это тоже уперся и издание «Христианского вестника» ему пришлось прекратить, и он опять вернулся работать в «Гласность».

Одновременно нами был создан Общественный центр по информации и анализу работы российских спецслужб. Собственно, все, что имело отношение к КГБ в работе «Гласности» теперь происходило под его эгидой. У нас было официально зарегистрированное издательство, выполняющее даже некоторые заказы со стороны, что тоже помогало удерживать «Гласность» на плаву во все более и более враждебной среде.

После Нового 1995 года, который мы в последний раз встретили вчетвером (Нюша, ездившая по приглашению своего крестного в Париж, где работала в «Русской мысли», как раз вернулась), мы с женой уехали на православное Рождество в Иерусалим – по приглашению Иерусалимского университета.

Тимоше мы купили в подарок нательный крест с фигурой распятого Христа, а когда пришли к древнему монастырю, на месте, где содержался Христос перед распятием и где, ведомый стражниками, сказал Петру о петухе, который прокричит трижды, петух в соседнем монашеском огороде и впрямь трижды пропел. Никто никого не предавал, к нам это совпадение никакого отношения не имело, но забыть его не могу.

Не могу забыть и запись одного из последних ток-шоу Владислава Листьева на ОРТ. Посвящено оно было работе Федеральной службы безопасности и в качестве главного действующего лица пришел генерал-лейтенант Леонов – тогда, кажется, первый заместитель директора ФСБ. Меня Листьев, естественно, тоже позвал, но говорить особенно не давал – у него был свой план. По очереди давал гебистам объяснять, какое важное дело для страны они делают, задавал довольно деликатные им вопросы, но когда Леонов почти автоматически повторил то, что руководство ГБ постоянно повторяло:

– Мы законопослушная организация. В СССР были одни законы, и мы их выполняли, сегодня – другие и мы выполняем их.

Листьев вдруг с большой злобой просто закричал:

– Так вы что, как проститутки, ложитесь под каждого, кто заплатит?

Не знаю, вошла ли эта реплика в окончательный текст передачи – я тогда телевизор не смотрел, но такое накопившееся озлобление было в этой реплике Листьева, что я подумал, что у него со времен Иновещания большой и нелегкий опыт общения с этой компанией.

И потом, когда первого марта он был убит и звучало множество вранья о его смерти, явно сочиненного на Лубянке, подумал, что и предыдущий его опыт и эта фраза в адрес генерала «Лубянской преступной группировки», как назвал ее

потом Александр Литвиненко, вполне могли быть причиной его убийства.

С двадцатого по двадцать второе января в Москве должна была проходить конференция «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе». Я не был ни в числе членов оргкомитета конференции, ни в числе выступающих на ней – к этому времени и я и фонд «Гласность» находились почти в полной изоляции: вся демократическая среда, плоть от плоти которой и была «Гласность», уже была почти полностью уничтожена по всей России, с «победившими» и околоельцинскими демократами мы не имели и не хотели иметь ничего общего. Ни в каких российских средствах массовой информации ни я, ни все, что делал фонд «Гласность» никогда не упоминались. Конечно, в более и даже в менее приличной русской среде я еще был хорошо известен. На конференции и круглые столы «Гласности», если я приглашал, как правило, приходили (кроме тех, кто панически боялся). Но двадцать первого января был проведен круглый стол «Война в Чечне: опасность тоталитаризма» и туда я был приглашен выступить. Этот доклад со всеми другими на круглом столе, к счастью издан, лежит передо мной, да я и так отчетливо помню все, что в этот вечер случилось.

Здесь нужно сделать одну необходимую оговорку: я несмотря ни на что хорошо отношусь к Сергею Адамовичу Ковалеву – одному из самых честных и чистых людей, которых я встречал в своей жизни. Но при этом, даже учитывая лагерный опыт и всю его очень нелегкую и достойную жизнь, – человека чудовищно доверчивого и наивного. Из-за этого именно он, больше чем кто-либо другой оказывался причастен и к самым отвратительным (на мой взгляд) событиям в политической жизни России. Через некоторое время (иногда несколько лет) он понимал это и со свойственной ему абсолютной честностью сам рассказывал – по крайней мере. мне – как его использовали или уговорили. Вот эта любовь и жалость к Сергею Адамовичу, попытка чуть меньше его обидеть, разделить с ним вину за то, что случилось и было для меня основным и незабываемым ощущением во время доклада.

Я говорил о том, что все мы на пепелище. Уничтожено, сожжено демократическое движение в России, в первую очередь «Мемориал» и «ДемРоссия» и именно поэтому и стали возможными преступления в Чечне. Что это мы – демократическая составляющая России – являемся виновниками войны и творящихся злодеяний. Но кроме Гайдара, как раз все те, кто уничтожил и «Демократическую Россию» и «Мемориал» как

мощные общественно-политические организации, кто разрабатывал новую конституцию, по которой и Дума и Совет федерации стали совершенно бесправны и оказывались сторонними наблюдателями решений, принятых в Кремле, и сидели за этим «круглым» столом. Но, конечно, никто не хотел признавать себя виновным. Чтобы чуть меньше обидеть Сергея Адамовича, я гипертрофировал собственную вину, говорил, что сам десятки раз выступал за конституцию, которая и сделала возможным это преступление. На самом деле это было неправдой – меня уже года четыре близко не подпускали к радио, телевидению, газетам, и если пару раз меня кто-то и снимал, то только в попытке дискредитировать, а не для рекламы существующего режима, как более удобных остальных за нашим круглым столом. Закончил я так: «Если в новой России мы с Ковалевым опять окажемся на лагерных нарах – это будет вполне справедливо… Не думаю, что мы можем стать лучше, исправить то, что мы сделали так плохо. Но мы хотя бы можем научить на нашем примере других, наших детей».

Как всегда меня никто не поддержал. Ковалев всем своим видом показывал, что я должен как можно скорее закончить. Владимир Илюшенко – один из лидеров уже погибшей «Московской трибуны», как и все, обвинял во всем Ельцина. Я говорил, в частности о том, что Ельцин с его «биологическим инстинктом власти», может быть, и продолжал бы опираться на демократов, как-то прислушиваться к их мнению и не было бы этой войны, если бы сами демократы не уничтожили все, что служило им опорой. Увидев, что они ни на что не способны, Ельцин нашел себе других союзников.

Илюшенко говорить о нашей вине, как и все другие, не пожелал:

– Сергей Иванович Григорьянц говорил, что это мы заставили Ельцина сменить команду. А кто заставил Ельцина насиловать общество, вести войну в собственной стране?

Никто не хотел понимать ни личной ни коллективной вины.

На самом деле в этом своем захлебе – по-видимому, я уже чувствовал, что меня ждет через несколько часов, – в гипертрофированном преувеличении своей вины (я-то как раз не переставал бороться с разгромом демократических организаций, да и «Гласность» восстанавливал раз за разом) был, бесспорно, неправ: вина всех присутствующих была в другом – не в том, что они своей беспомощностью помогли тем, кто сейчас беспрепятственно убивал мирных жителей в Грозном, а в том, что несколько лет назад ошиблись (и упорствовали в своей ошибке), когда стало ясно, что теперь с их помощью, под их либеральные

разговоры в России, как это происходило постоянно с семнадцатого года, пришли к власти убийцы, а демократы помогали им маскировать свою сущность, боялись сами себе признаться, с кем имеют дело. Мне, наименее обманывающемуся, предстояло убедиться в том, кто правит Россией, с кем я пытаюсь бороться, уже в ближайшие часы.

Убийство сына

Мы были заняты подготовкой к пятой конференции о КГБ. Тематика ее была сильно расширена: часть конференции была посвящена МВД как силовой структуре, значение которой все возрастало, в том числе благодаря войне в Чечне; другая часть была прямо сосредоточена на влиянии КГБ на внешнюю и внутреннюю политику России, причем впервые все более четко выделялась из общего лубянского фона Служба внешней разведки и ее деятельность внутри страны. Совсем новой темой была «КГБ и медицина». К широко известной теме – использования психиатрии в борьбе с диссидентским движением, за последние годы прибавились новые работы. Выяснилось, что советская психиатрия в качестве карательной службы использовалась в Советском Союзе, и частью продолжает использоваться в России в отношении когда-то сотен тысяч, а сегодня – вероятно, «всего» десятков тысяч людей, по тем или иным причинам неудобным властям, но малоизвестных, и потому совершенно незащищенных российских граждан. После нескольких попыток создания комитетом декоративных организаций, якобы защищающих от психиатрических репрессий, в конце концов в этой области начала работать (и продолжает, к счастью) серьезная профессиональная структура – Независимая психиатрическая ассоциация под руководством Юрия Савенко. Но и ему и «Гласности» и всем, кто хотел хоть что-нибудь делать в замиравшей общественной жизни, доставляли массу хлопот так называемые «психотроники» – десятки, если не сотни людей, хорошо организованных, которым КГБ помогал проводить конференции в Доме дружбы с зарубежными странами на Проспекте мира, хотя во всех своих бедах они обвиняли именно КГБ. Одни, явные сумасшедшие, утверждали, что ими «через зуб» управляют со спутника или с Лубянки. Савенко таких всегда очень сочувственно выслушивал и говорил, что может им помочь:

– У меня есть знакомый зубной врач, и он удалит вам этот зуб без всякой боли и бесплатно.

Почему-то больше к нему эти люди, не возвращались. Более сложную группу составляли люди, утверждающие, что подверглись электромагнитному или радиоактивному излучению: уже были достоверно описаны радиоактивные метки, которые ставил КГБ для удобства слежения, странная гибель Андрея Кистяковского – распорядителя Солженицынского фонда и болезнь его жены Марины Шемаханской; опыты, производившиеся в Военно-медицинской академии, о которых

были научные публикации. Два института КГБ в Днепропетровске и Хабаровске, причем в последнем работал, по его словам, капитан первого ранга, а потом мэр Владивостока и депутат Госдумы Черепков, специализировались на психиатрическом воздействии наркотиков и провоцировании психоза у многочисленных групп людей.

В то время мы еще не знали об отвратительной истории с Явлинским, поэтому она не прозвучала на конференции (и в моем докладе), а главное – в сочетании с уже известным еще не приводила к выводу о том, что не только психиатрия, но практически вся медицина в Советском Союзе так или иначе использовались как орудие государственного террора. А потому изложу хотя бы здесь услышанный мной гораздо позднее рассказ Явлинского – лидера наиболее известной и представленной в Государственной думе демократической партии (однако остававшуюся оппозиционной, не разделявшей внедренную некоторым диссидентам идею о том, что в России победила демократия, что это «они победили»). Возможно, не лишним будет напомнить и о профессиональной и личной неприязни Явлинского и Гайдара, написавшего тогда в Институте труда, где он работал, беспощадный разбор правительственного проекта экономического развития СССР.

В мае 1982 года Явлинскому было предложено пройти плановую диспансеризацию, по результату которой было заявлено, что у него туберкулез в такой стадии, что он представляет опасность для окружающих. Явлинский немедленно был отправлен в противотуберкулезный диспансер, а его одежда, книги, рукописи сожжены специальной приехавшей к нему домой бригадой санитаров в костюмах химзащиты. Месяца три (до ноября) его усиленно лечили в диспансере, родным систематически делали какие-то противотуберкулезные прививки. Потом было сказано, что лечение оказалось бесполезным и надо удалять легкое. Явлинский был в ужасе, но врачам поверил. А накануне операции ему сказал осматривавший его профессор: «Бегите отсюда, вы совершенно здоровы». И он в тот же день, без документов, без верхней одежды сбежал. Явлинскому удалось в нескольких поликлиниках попасть на рентгеновское обследование и всюду ему сказали, что он здоров. С этой пачкой справок он пришел к главному врачу диспансера, но тот, заперев двери в свой кабинет на ключ, сказал ему только одно:

– Вы слышали о людях, попавших под трамвай? Вот вы и попали под трамвай. Я вам ничем помочь не могу.

Еще около месяца Явлинский скитался, не зная, что делать,

но тут умер Брежнев, а с приходом Андропова все прекратилось. Возможно, я несколько сократил повторенный мне дважды рассказ Явлинского, но основное – рассказал.

Хотелось хоть что-то в этом понять, и я попросил очень разумного молодого сотрудника «Гласности» Вячеслава Усова пойти в Ленинскую библиотеку и по служебному, наиболее подробному каталогу выписать все статьи в периодике на эту тему за последние пять лет, а из них – всех авторов этих статей и всех людей, упоминаемых в публикациях, а потом попытаться всех их найти. Так мы и вышли на отвратительного человека, профессора Бауманского института Владимира Волченко, явно связанного с какими-то государственными проектами в этой области. Произвел он на меня, из-за постоянного заискивания, неприятное впечатление, но и все, что нас тогда окружало, было переполнено каким-то неослабевающим напряжением и висевшей в воздухе угрозой.

Внезапно позвонили из Кремля, секретарь то ли генерала, то ли адмирала Георгия Рогозина – заместителя директора Службы Безопасности президента, то есть Коржакова. Известен он был тем, что устраивал Ельцину спиритические сеансы (об этом была публикация в «Московских новостях» со слов секретаря Ельцина Людмилы Пихои, позже об этом рассказывали и другие). Сам Рогозин в интервью «Совершенно секретно» объяснял, как он «входит в будущее» и предсказывает президенту, что и когда с ним случиться и чего надо избегать»[36].

Мне передали, что Рогозин хочет участвовать в конференции. Как всегда, я сказал «пожалуйста», но он не пришел. По обыкновению, из генералов КГБ был только Кобаладзе.

Внезапно меня где-то поймал бывший майор МВД – следователь, ставший домашним другом, а потом и наследником художников Татьяны Борисовны Александровой и Игоря Николаевича Попова (на самом деле просто следивший за ними) – когда-то самых близких для нас с Тамарой людей. Майор сказал, что какой-то его знакомый обязательно хочет со мной встретиться. При встрече тот, по-моему, назвал вымышленное имя и отчество и начал убеждать меня в том, что у меня много влиятельных знакомых в Кремле, что я должен восстановить старые связи и с их помощью улучшить свое положение. Я ответил, что не представляю, о каких знакомых идет речь, да и вообще мне ни от кого ничего не нужно. «Ну, подумайте, подумайте…».

Внезапно директор института, в котором мы снимали офис, попросил меня зайти к нему. Он еще помнил меня по восьмидесятым годам, явно с большим уважением относился к

«Гласности» и сказал, что тут к нему и к еще кому-то в институте «приходили», интересовались мной, нашими фондами, но он сказал, что все друг другом довольны.

Хотя, казалось бы, никакой конкретной угрозы не было, но ощущение опасности было так велико, что я позвонил в Париж Валере Прохорову и хотя Нюша только что вернулась оттуда, попросил вновь прислать ей приглашение. Позвонил в Иерусалим нашему другу, многолетнему моему заместителю в «Гласности» и крестному отцу Тимоши Андрею Шилкову и попросил его прислать приглашение сыну. Приглашения они прислали, но уехать дети не успели.

В тот день (22 января) у Вики Маликовой, благодаря помощи которой из Соросовского фонда стало чуть легче провести конференции о КГБ, был день рождения. И она пригласила нас с Томой к себе. Проведя там часа три или четыре, около двенадцати часов мы вернулись домой. Тимоши еще не было, но нас это не встревожило – в свои неполные двадцать один год он уже руководил группой, макетирующей журнал «TV Ревю», к тому же играл на гитаре в небольшой музыкальной группе, так что иногда задерживался по вечерам. Но через полчаса нам кто-то позвонил и сказал, что Тимоша в 20-й больнице и, кажется, попросил приехать или мы тут же решили поехать сами.

Мы сидели с Томой в приемном покое больницы, и я вдруг, впервые в жизни, почувствовал себя таким маленьким и ничтожным в этом гигантском мире, где, казалось, разверзлось небо и идет спор безмерных, непонятных мне сил. Часа через полтора к нам вышел молодой врач, посмотрел на нас обоих, вдруг ставших такими беспомощными старичками, и сказал:

– Делаем, что можем. Вам не надо здесь сидеть. Идите домой. Вам всё скажут.

Была ночь. Мы шли домой пешком, и на полпути я вдруг заплакал. Жена почти закричала:

– Не смей, не смей, – ей казалось, что нужно держаться, что это прибавит Тимоше сил.

Через час нам позвонили и сказали, что наш сын умер.

Постепенно начали выясняться все обстоятельства убийства. Его сбила машина в довольно узком проезде возле нашего дома, называвшемся 1-я Напрудная улица – ее надо было перейти, выходя из автобуса, который шел от метро. По-видимому, это было за полчаса до нашего возвращения, и мы прошли по Тимошиной крови (потом я никогда уже не мог подходить к этой стороне дома). В отличие от меня Тимофей был медлительным и

скорее осторожным человеком – его нельзя было представить перебегающим улицу или не обращающим внимание на идущую машину. Чтобы его сбить, надо было держать машину с погашенными огнями, которая бы мгновенно вырвалась с большой скоростью из темноты.

Потом нам вернули вещи Тимоши: иерусалимский крест кто-то снял – золотой все-таки; в бумажнике, кроме документов, был календарик с моей фотографией – от выборов девяносто третьего года.

Дня через два пришли соседи, сказали, что в соседней поликлинике говорили с людьми, видевшими – из своего окна в соседнем доме – убийство Тимофея. Хорошо рассмотрели машину «Жигули», сбившую его и тут же уехавшую, двух подходивших людей, по-видимому, снявших крест; женщину, вызвавшую «скорую помощь» и милицию. Но на следующий день, когда кто-то из нас смог пойти в эту квартиру, оказалось, что она заперта – вся семья неизвестно куда из нее выехала и больше уже не вернулась.

Начались странные вещи вокруг конференции. Кажется, в день похорон Тимоши у нас был какой-то круглый стол в Государственной Думе. Вел его мой заместитель Володя Ойвин. Но день на пятый была назначена новая конференция о КГБ, и я смог заставить себя ее вести – было очевидно, кем и для чего был убит Тимофей, и если бы я не пришел, это значило бы, что они добились своего – хотя бы этого удовольствия убийцам я не доставил.

Двое участников были вскоре убиты – замечательный майор милиции из Саратова Игорь Лыков, который безуспешно боролся со своими коллегами из милиции, бандитами и грабителями, и Станислав Холопов – главный редактор газеты «Столица» в Саранске, который писал и говорил о «терроре в Мордовии» и сам стал одной из его жертв. Двое других участников, чтобы спастись, вынуждены были прятаться: капитан КГБ Виктор Орехов, помогавший диссидентам, отсидевший за это в СССР восемь лет, но не вернувшийся к «коллегам», снова осужденный по сфабрикованному делу (я еще расскажу об этом) и вынужденный просить убежища в США, и профессор Марина Салье – председатель Свободной демократической партии: сделанные ею разоблачения («Мафрупция и КГБ») вынудили ее на десять лет спрятаться в глухой деревне.

Во время моего доклада (я говорил об убийстве Сахарова менее аргументированно, чем теперь), Лариса Богораз, сидевшая в первом ряду, прислала мне записку: «Как можно говорить об

этом, не имея бесспорных доказательств». И постскриптум: «Конечно, примите мои соболезнования по поводу смерти Тимоши». Я никогда не простил Ларе этого гнусного постскриптума, но лишь гораздо позже понял его смысл. «Гласность», которую власть Ельцина постоянно пыталась уничтожить, год за годом громила, не говоря уже об абсолютной информационной блокаде, изредка прерываемой попытками дискредитации, все эти годы находилась в изоляции и я, конечно, обратил внимание, огорчился, но не очень удивился, что среди множества людей, пришедших на похороны, кроме Володи Войновича и отца Глеба Якунина, который и крестил и отпевал Тимошу, не было почти никого из тех, кто в последние годы стал благодаря ельцинскому TV, радио, печати широко известен, кто согласился на дешевую приманку «это мы победили». «Их власть» начала на всех углах воспевать их как героев, а они объясняли, что «их власть», конечно, пока не без недостатков, но это гигантский шаг к демократии. Благодаря именно их борьбе в России произошла «бескровная демократическая революция». Сотни диссидентов менее тщеславных, а главное – ясно видевших, что происходит, а потому не кричавших «это мы победили» были забыты как бесполезные. Поэтому единственной диссидентской организации, «Гласности», которая не только не признавала ельцинскую власть «своей», но и боролась с растущим террором, победители – Ковалев, Богораз, Гинзбург, «Мемориал» и другие – могли только сторониться, а кое-кто и издевался над ошибками нашего сопротивления из последних сил.

Но январь 1995 года все расставил по своим местам, и новогодняя ковровая бомбардировка Грозного, гибель сорока тысяч человек ясно показала, какой была подлинная власть тех, кто легко проглотили наживку «победители». Никто из них не хотел делить ответственность за преступления «своей власти». Ковалев поехал в Грозный, но это уже ничего не меняло – убитые не оживали, война не прекращалась, это было бесспорным политическим поражением всемирно расхваленных «диссидентов-победителей». Стало ясно, что все эти годы они поддерживали убийц.

А когда убили Тимошу, никто из них не смог остаться даже просто приличным человеком. Тимоша стал для них «мальчиком кровавым в глазах»: все были с ним знакомы, некоторые его любили, играли с ним, когда он был маленький. И признать, что «их власть» и – косвенно – они сами его убили, они не могли. Это значило признать – в своей среде – с кем они и кто те, кого убивают. Но признать этого они не могли – порядочности не хватило.

Постепенно до меня стали доходить слухи сперва об Алике Гинзбурге (по его собственным словам, «открывавшем двери ногой в ельцинских конторах»), как он рассказывает, что Тимоша не был убит, а случайно попал под машину, и Григорьянц воспользовался гибелью сына для саморекламы. Возможно, Алик был не первый, и все они одновременно пустили этот спасительный, как им казалось, для их не только политической, но и человеческой репутации слух. И не пришли попрощаться с Тимошей, а Лара написала мне этот гнусный постскриптум.

Но Тимошу убили, чтобы запугать меня и предупредить, что надо отказаться от проведения пятой конференции о КГБ. Я ее, с трудом передвигаясь, все же провел. Володя Ойвин сообщил: во время круглого стола в Думе Волченко сказал ему, будто бы пытался предупредить меня об убийстве Тимоши, звонил в офис, но меня там не было. Все это, конечно, было враньем – в офис он действительно звонил, но если бы речь шла об убийстве, вполне мог добиться, чтобы меня нашли; к тому же у Волченко был мой домашний телефон, по которому он не звонил. Но так или иначе человек утверждает, что знал об убийстве Тимофея заранее и не обратить на это внимания было невозможно.

Волченко потребовал, чтобы я приехал к нему на дачу в Балашиху и я, едва державшийся на ногах, – приехал. Он изображал необыкновенную заботу, все порывался массировать мне плечи и спину, но потом сказал, что предупредила его о гибели Тимоши какая-то его сотрудница из Ленинграда, обладающая необыкновенными экстрасенсорными талантами и если я хочу что-нибудь узнать, мы с ним должны ехать туда.

– Закажите нам билеты, и я вас познакомлю.

Выхода у меня не было, в их экстрасенсорные способности я не верил ни минуты, но выяснить, кто и откуда знал заранее о гибели Тимоши, было необходимо. Я, конечно, понимал, что поездка с близким к Рогозину профессором Бауманского института может оказаться небезопасной и потому все рассказал нашему адвокату Зое Матвеевской и попросил бывшего своего помощника Диму Востокова поехать со мной. Заказал три билета в двойных купе «Красной стрелы», причем для нас с Димой – одно купе, а для Волченко – место в соседнем. Но Волченко, когда узнал, что мы едем втроем, а не вдвоем, ехать отказался – у него не нашлось времени. Думаю, что если бы я поехал один, я бы не вернулся из этой поездки. Но Волченко не преминул сказать, будто получил письмо от Корсаковой, где она написала, что Тимофей убит в результате моей деятельности и что я должен понимать, что сохраняется опасность для моих жены и дочери.

Следователь даже не пытался сделать вид, что он кого-то

ищет. Вернул мне вскоре одежду Тимоши, заявив, что на ней нет следов краски от сбившей его машины, хотя генерал-лейтенант МВД Аркадий Крамарев – бывший начальник Ленинградского управления, внятно объяснил, что микроскопические остатки краски на одежде всегда есть. В машине, убивая Тимошу, разбили боковые фары – по краске и найденным остаткам стекла можно было идентифицировать автомобиль, конечно, служебный, но именно этого никто и не хотел. Даже вызывать на допрос Волченко, устраивать его очную ставку с Ойвиным и Усовым (он тоже был при разговоре), следователь категорически отказывался:

– Разве вы не верите в шестое чувство? – восклицал, как гимназистка, этот стокилограммовый мужик, а потом прибавлял: мне же еще служить надо.

Через Аржанникова я попросил собрать материалы наиболее тогда серьезное детективное агентство «Алекс». Вот краткая справка оттуда:

> При окончании выполнения срока договора появилась необходимость проверки гр. Волченко.
>
> В ходе проверки было установлено, что Волченко Владимир Никитович 12.07.1927 г.р., проживает по адресу: Москва, 1-й Краснокурсантский проезд, д.5/7, кв. 33 вместе со своей семьей: жена – Волченко Людмила Борисовна, 30.04.1932 г.р.; сын – Волченко Никита Владимирович, 10.06.1954 г.р.
>
> По месту жительства характеризуется с положительной стороны, каких-либо компрометирующих материалов в ходе проверки получено не было.
>
> Волченко В. Н. – профессор Бауманского института. По месту его работы подходов к нему не имеется, так как его работа связана с деятельностью ФСБ.

Дело об убийстве Тимофея не прекращено, а приостановлено, поэтому ни я, ни адвокаты не могут с ним ознакомиться.

Конечно, я сделал меньше, чем должен был, но на большее не было сил. Все многочисленные (по-видимому, тысячи, возможно, десятки тысяч) убийств того времени, где у семей и друзей убитых было больше возможностей, остались нераскрытыми. Тома почернела от горя, почти не выходила из дому, и Нюша поняла, что ее нужно спасать. Попросила прислать приглашение из Парижа для них двоих, я написал через посольство президенту Миттерану письмо с просьбой о помощи. Написал, что не могу проверять, убьют ли еще и их в «демократической» России. Президент помнил меня – ему уже приходилось писать обо мне Горбачеву, когда я был арестован в Ереване через несколько часов

после завтрака с ним в посольстве (но тогда я не просил об этом). Хотя Миттерану было совсем не до того – шла предвыборная компания, – он поручил послу в Москве всячески нам помочь. После сорока дней Тома и Нюша уезжали во Францию. Мой водитель, якобы один из сыновей поэта Яшина, когда надо было их везти в аэропорт – не приехал. Стало ясно, что и он из КГБ. Впрочем, он и раньше пытался узнавать обо мне, что-то, что его не касалось. Но была большая машина корреспондентов ВВС, снимавших, как и во времена Андропова, бегство семьи диссидентов из России, и мы доехали в аэропорт на машине журналистов. За полгода в нашей довольно шумной и населенной квартире я остался один. Правда в Москве оставалась моя мать, ей было восемьдесят шесть лет, никуда ехать она не могла и оставить ее одну я тоже не мог.

На следующее утро после отъезда Томы и Нюши, в девять часов, раздался звонок в дверь. Посмотрел в глазок – какие-то дюжие молодые люди:

– Откройте, пожалуйста, Сергей Иванович. Нам очень нужно с вами посоветоваться. Николай Павлович (я не знал, кто это) нам вас порекомендовал.

К счастью, была железная дверь – Дима Востоков буквально заставил меня ее поставить. Я еще не знал обстоятельств гибели Сергея Дубова, а до этого – его сына, но у меня хватило воли (едва ли не впервые) не открыть дверь людям, которые просят о помощи и совете, и я ответил:

– Возле подъезда есть телефонная будка – позвоните мне по телефону, и я все вам расскажу.

Минут десять они меня уговаривали впустить их, но ломать железную дверь не стали. Из окна я увидел, как, не обращая ни малейшего внимания на телефон у подъезда, они – рослые мощные мужики – расходятся: двое в одну сторону, один – в другую. Думаю, что, если бы я открыл дверь, они меня, как Дубова (о нем я расскажу позже) просто выбросили бы в окно. Это было бы вполне убедительно – выбросился от горя. Днем я с большой осторожностью вышел из дома и дошел до опорного пункта милиции, где сидел юный участковый. Я ему не только сказал, но и написал, что, по-моему, это были убийцы, попросил о помощи, попросил найти соседей, видевших смерть Тимофея, сказал, что подобные заявления напишу во все возможные правоохранительные органы, знакомым депутатам Государственной Думы и в СМИ. Скорее всего я второй раз в эти дни, после предложения Волченко, избег смерти. Больше никто ко мне не приходил и меня не караулил.

Ничего не понимавшему лейтенанту-участковому я через пару дней рассказал историю недавнего убийства сперва его сына, а потом и самого генерального директора объединения «Новое время» Сергея Дубова.

Трудно сказать, что было основным в причинах убийства Сергея Дубова – коммерческий интерес к его гигантскому состоянию (он был не только владельцем, но и создателем такого сверхдоходного бизнеса, как газета бесплатных объявлений «Из рук в руки» и множества других, столь же изобретательных и коммерчески прибыльных) или неосторожное и слишком близкое сотрудничество с одним из центров советского шпионажа и разнообразной преступной деятельности (торговля оружием, наркотиками), каким был и оставался журнал «Новое время». Но все, что происходило со мной, было просто копией, хотя по совершенно иным причинам, того, что произошло с Сергеем Дубовым. В какой-то момент его заместители предложили ему передать им управление всеми его делами. Дубов понимал опасность, не отказывался, но медлил, пытался найти какой-то выход. Этот разговор он тайком записал на магнитофон.

Тогда был убит его семнадцатилетний сын. Хотя у окна, из которого он якобы выбросился, были обнаружены следы борьбы и крови, милиция заявила, что это самоубийство, и никакие усилия С. Дубова заставить провести добросовестное следствие не привели к успеху. Поскольку свои дела и имущество С. Дубов так никому и не передал, через несколько месяцев он был застрелен. Ни записанный им разговор с угрозами в его адрес, ни разоблачение подделки заместителями подписей С. Дубова на доверенностях, по которым они все же получили все его состояние, не привели к осуждению его коллег, они были освобождены без суда, и все многочисленные предприятия С. Дубова попали к ним в руки. Вдова осталась нищей, и в Москве не оказалось ни одного адвоката, который бы согласился вести ее дело.

Убийства детей (или шантаж этим), чтобы добиться своего от их родителей было, конечно, возвратом к статье о расстреле детей с двенадцати лет у Ежова и Сталина (сыну Бухарина было двенадцать, и отец признал в суде, что был шпионом), поставленные Ельциным и его подручными в КГБ (от Степашина до Ковалева) «на поток». Известно, что у сына Григория Явлинского, музыканта, была искалечена рука – ему отрезали палец и прислали отцу. Было обещано продолжить меры воздействия (прислать отрубленную руку) якобы заинтересованными в этом уголовниками.

Гибель Эдмунда Иодковского – главного редактора и

владельца либеральной газеты «Литературные новости», произошла 12 мая 1994 года. Перед тем Э. Иодковский, несмотря на постоянные телефонные угрозы убить его, выиграл процесс и получил крупную сумму денег у газеты Проханова «День» («Завтра»). Эта прокоммунистическая газета известна своими близкими отношениями со спецслужбами, особенно с ФАПСИ (Федеральное Агентство Правительственной Связи и Информации) и всегда защищает спецслужбы от «нападок» демократов. В частности, «День» приветствовал разгром «Гласности» и офиса оргкомитета конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра», печатно угрожал и мне.

Незадолго до гибели Э. Иодковский был жестоко избит, но это на него не повлияло, милиция же никаких мер не приняла. Через несколько дней, поздно вечером, около своего дома Э. Иодковский был сбит машиной и через два часа скончался. Можно было бы считать это совпадением, но в его гибели есть ряд трудно объяснимых странностей. Случайно проезжавший мимо хлебовоз записал номер машины, сбившей Э. Иодковского и уехавшей с места преступления. Казалось бы чего проще: есть убитый, есть убийцы, тем не менее милиция в течение двух месяцев отказывалась возбудить уголовное дело, не обследовала машину, дала ее отремонтировать и продать, и только после шумного скандала в прессе была вынуждена все же начать следствие. Однако под предлогом того, что обвиняемые меняют показания, следствие длилось год за годом, никто не был осужден и вполне очевидно, что осужден не будет. Тем более, что нет ни одного постороннего человека, который был бы допущен к делу и мог оценить, как оно ведется. Известно однако, что избиение и угрозы убийством следователем не рассматривались.

Сын Э. Иодковского вопреки закону и постоянным его письменным жалобам не был признан потерпевшим, а потому никаких процессуальных прав не имел. Потерпевшей следствием признана лишь вдова Э. Иодковского. Здесь мне придется упомянуть о некоторых любопытных подробностях, но убийство – слишком серьезное дело, чтобы можно было о чем-то существенном умалчивать. Молодая вдова Э. Иодковского по странному стечению обстоятельств познакомилась с неким молодым человеком именно утром в день гибели мужа. Этот молодой человек, долго оставаясь ее очень близким знакомым, почему-то категорически возражал против того, чтобы она интересовалась следствием, нанимала адвоката или хотя бы знакомилась с делом. Он даже избил ее так, что сломал челюсть, когда она попыталась возражать. Таким образом, повторяю, дело о гибели Э. Иодковского, как и об убийстве Тимоши, гибели

Сергея Дубова и его сына не видел ни один посторонний человек.

Убитому предпринимателю Сергею Мажарову, сыну пианиста Леонида Брумберга показали за большие деньги список из двадцати семи предпринимателей (по рассказу мне его тестя – писателя Анатолия Гладилина), где он был пятнадцатым, Березовский – четырнадцатым, уже убитый (как и все двенадцать до него) Сергей Дубов – тринадцатым. Мажаров тут же бросил все дела в Москве, сотрудников уволил и уехал в Париж, где и был застрелен через дверь. Его вдова, неоднократно меня переводившая во Франции, очень боялась говорить о смерти своего богатого мужа и явно нуждалась в деньгах.

Убийства по финансовым причинам перемежались с политическими. Среди появившихся при Ельцине очень богатых предпринимателей и финансистов оказался один абсолютно достойный и приличный человек. Ивану Кивелиди – предпринимателю, банкиру, президенту объединения «Круглый стол бизнеса России» – доверяли все, но вскоре он был отравлен, причем, как и Литвиненко, радиоактивным веществом, которое могло быть получено только из лабораторий КГБ.

Впрочем, во многих случаях нельзя было понять, чего больше – политики, борьбы за власть или стремления присвоить бизнес, хотя «своих» – генералов КГБ пока не убивали. Первым будет Трофимов, да и то гораздо позже и уже в отставке. Вторично посадивший Орехова, он с отвращением относился к государственному терроризму – о нем очень любопытно вспоминал Литвиненко. Полковники, подполковники, майоры КГБ, МВД, прокуратуры в счет не шли – их убивали походя, если они становились кому-то на дороге, если становились не нужны, а главное – если пробовали что-то изменить в этой вакханалии убийств. Литвиненко вспоминает двух офицеров «Альфы» убитых своими же снайперами, чтобы заставить подразделение действовать – один раз у дверей Белого дома в октябре 1993 года (Геннадий Сергеев). Был убит и Владимир Цхай из московского угрозыска (начальник 12-го отдела), который вздумал разоблачать созданную КГБ банду Лазовского (потом и Лазовского с парой его сотрудников пришлось убить). Журналист Игорь Корольков, занимавшийся этой темой, описал это все до Литвиненко, но прибавил еще и известные ему убийства на Дальнем Востоке полковника Полубояринова, не нужного и опасного, руководившего бандой, подобной банде Лазовского и разоблаченного, как и он. Даже для неполного перечисления убитых нужна отдельная книга.

Но особенно примечательным в кровавой бойне 1990-х годов

мне кажутся два обстоятельства. Так же как в 1917–1920 годах и во время ежовщины, решения об убийствах и их исполнении российским руководством было передано множеству сотрудников спецслужб «на местах», по всей стране.

Журналисту Игорю Королькову удалось найти экземпляр этой инструкции и опубликовать ее в газете «Московские новости» в 2002 году[37].

В целях борьбы с организованной преступностью, представляющей опасность для российского государства «создается совершенно секретное спецподразделение. Кроме центрального спецподразделения, целесообразно создание региональных оперативно-боевых групп…». Очень любопытно, что подписан этот семидесятистраничный документ сотрудником МВД (и Корольков убедился в том, что именно он имел прямое отношения к этой инструкции о терроре), рекомендовалось привлекать в банды отставных сотрудников ФСБ, ГРУ, МВД и внешней разведки. Полковник КГБ Петр Никулин рассказывал мне, что с ним встретился генерал КГБ и предлагал ему, уже уволенному, вступить в такую банду.

Как можно заметить, я упоминаю здесь публикации, да и собственные воспоминания более позднего, чем 1995 год времени. Но поскольку все это связано для меня с убийством Тимофея, мне хочется понять все, что могу.

Корольков упоминает четыре известные ему банды, созданные спецслужбами России во Владивостоке (братьев Ларионовых), в Находке, в Калининграде и в Москве (Максима Лазовского). Полковник КГБ Литвиненко в своей предсмертной книге «Лубянская преступная группировка» прибавляет к ним засекреченное подразделение КГБ, в котором служил сам – УРПО. Оно якобы было создано позднее в рамках ФСБ по инициативе непосредственного начальника Литвиненко генерала Гусака, который лично и занимался убийствами (естественно, не в одиночку – управление по разработке преступных группировок насчитывало сто пятьдесят человек). Полковник ФСБ Трепашкин сказал мне, что к тому времени, когда Литвиненко с несколькими сослуживцами стали рассказывать о том, что им поручено убить Березовского (вдова Литвиненко в фильме Андрея Некрасова «Бунт. Дело Литвиненко» говорит откровенно: они понимали, что после столь громкого убийства уничтожат и их, как уничтожили убийц генерала Рохлина) – ими уже было застрелено по меньшей мере двадцать человек. Это и был, вероятно, тот список, который перед смертью показали Мажарову. Литвиненко служил там всего полгода и, возможно, он лично и не «замазан кровью», как он говорил, но понятно, что вся эта гигантская банда получала

деньги не только за то, что было рассказано на пресс-конференции и описано в книге Литвиненко. Не зря остальные его «коллеги» на пресс-конференции сидели в масках – было от кого прятать лица. Для меня это было очевидно и по тем страницам, которые он уделил мне. Приведу их полностью:

> В 1995 году я участвовал в провокации против известного правозащитника Сергея Григорянца <sic!>. Его в ФСБ просто ненавидят. В особенности те, кто по пятой линии работал. Его постоянно прослушивали, следили за ним. В 1994–1995 годы на него давили, чтобы он отказался от своей правозащитной деятельности. Но мужик оказался упёртый, с ним ничего сделать не могли.
>
> В конце 1995 года он вместе с двумя чеченками должен был выехать за границу на какую-то правозащитную конференцию с видеоматериалами о преступлениях, совершённых российскими войсками в Чечне. Начальник Оперативного управления Волох нас вызвал к себе в кабинет и доложил Барсукову, что, мол, люди готовы, выезжают на задание. По технике была получена информация, что Григорянц с этими материалами собирается выехать из страны. Волох приказал видеокассеты изъять, похитить или привести в негодность. Мы спросили – если изымать, то на основании чего? Мы сами не можем, это дело таможни, а у неё нет права изымать документы. Они же не запрещённые.
>
> Необходимо было основание, чтобы Григорянца со спутницами досмотреть в Шереметьево-2, задержать, не пустить в самолет. Кто-то предложил: «Надо им чего-нибудь загрузить». Волох усмехнулся: «Ну да, наркотики Григорьянцу? Кто ж поверит?» – «Ну, тогда надо патроны подбросить». Волох говорит: «Согласен. Наркотики на границе – это уголовное дело. Нам не нужно уголовное дело. Зачем нам шум. Надо только материалы похитить или испортить». – «Патроны надо одной из чеченок подбросить, потом взять объяснение, что сумку взяла у знакомых, а там оказались патроны. Ведь где чеченцы, там патроны». Волох согласился: «Да, да; хорошо. А патроны есть? Только смотрите, не из серии ФСБ, чтобы потом не определили, что это с нашего склада».
>
> Моей задачей было состыковаться с наружкой (они вели Григорьянца), довести до таможни и показать – вот они. А там уже был полковник Сурков, помощник

> Волоха. Патроны подбросила либо таможня при досмотре, либо Сурков. Не знаю кто. Мы свою работу сделали. Григорянц в этот день никуда не вылетел, а если вылетел, то без тех документов.

Для меня сразу была очевидна гэбэшная лукавая неполнота этого текста. Во-первых, давление на меня 1994–1995 года это, по-видимому, известное ему убийство Тимоши.

Во-вторых, ехали мы в Стокгольм не просто с какими-то документами о Чечне, а Международного неправительственного трибунала о преступлениях в Чечне на слушания, устроенные для нас фондом Улофа Пальме – подробнее я расскажу об этом в следующей главе.

В-третьих, с нашей поездкой была связана крупная международная операция КГБ по уничтожению или перекупке нашего Трибунала. Не все, конечно, но что-то из этого подполковник КГБ должен был слышать, но не пишет ни слова.

В-четвертых, человека в таком чине не посылают как простого филера проследить за нами до Шереметьева, да еще к тому же так откровенно и заметно, что я даже показал ехавшей в нашей машине юристу Маре Федоровне Поляковой: «Смотрите, за нами – хвост».

Наконец, если Литвиненко посылают «передать меня» наружке в Шереметьево, значит, он и раньше меня знал, мной занимался, но ни слова об этом не пишет.

Поэтому когда Литвиненко позвонил мне из Лондона в 2002 году и начал в чем-то невнятно извиняться и каяться, я быстро закончил разговор. Сегодня я думаю, что был неправ: Литвиненко, по-видимому, не имел отношения к убийству Тимоши – он попал в УРПО два года спустя, но явно что-то знал об этом и хотел рассказать. К сожалению, я этого вовремя не понял, да и отвращение ко всей его гэбэшной полуправде и к Березовскому, с которым он был связан, было так велико, что я просто прервал разговор.

И все же этот посвященный мне фрагмент книги Литвиненко вызывает важный вопрос о задачах, поставленных перед всеми этими штатными и заштатными, но созданными по единой инструкции бандами российских спецслужб. Литвиненко постоянно пишет о том, как он и его коллеги боролись с какими-то уголовными структурами. Об этом же идет речь и в инструкции, опубликованной Игорем Корольковым. Но все, что так скупо Литвиненко пишет обо мне, не содержит никакого упоминания об организованной преступности, как, впрочем, и все описанные мной убийства, а воспринимается секретной группой

как самые обычные поручения. Взрывы моста в Москве и троллейбуса бандой Лазовского тоже никак с преступной деятельностью не связаны. Убийство Тимоши, убийство Эдмунда Иодковского, омерзительный шантаж Явлинского – все это преступления из совсем другой области. Какие же в действительности цели ставились перед создаваемыми по всей России бандами спецслужб? И кем были сформулированы эти задачи?

Поскольку никаких документов, кроме инструкции, опубликованной Корольковым, у нас нет, поставленные задачи приходится восстанавливать по практике их реализации. Конечно, в ней могут оказаться смешанными официальные поручения плохо управляемым бандитским группировкам российских спецслужб и их личные интересы и антипатии.

Ниже будет рассказ о гибели еще трех человек – Андрея Тамбури, генерала Рохлина и Юрия Калмыкова, но и без этого одна из целей террора спецслужб вырисовывается достаточно ясно. Это были шайки убийц, созданные для активного и вполне преступного участия в политической жизни, по-преимуществу для уничтожения демократического движения в стране. Ни один коммунист и ни один националист за эти годы убит не был.

В книге Ю. Фельштинского и В. Прибыловского «Корпорация» вся политическая борьба в эпоху Ельцина сведена к попытке Коржакова стать президентом, а из всех убитых упомянут лишь Влад Листьев, который должен был стать источником средств для реализации этой цели. Впрочем, по их мнению, и война в Чечне тоже была затеяна для этого, а как только Коржаков, Барсуков и Сосковец были уволены, война прекратилась и в Россию вернулась демократия. Но вопрос о крупных деньгах возник много раньше убийства Листьева и имел (в значительной части) столь же организованный характер, как и борьба с демократией. Судя по списку, который видел Мажаров и из-за которого он бежал из России, судя по неудачным покушениям на Березовского и замминистра финансов Вавилова и по материалам дела Холодова – следы прямо вели к 45-му полку ВДВ, который и является центром управления многих банд: речь не о борьбе конкурентов, а о планомерной аккумуляции гигантских средств в чьих-то руках. В рассказах о смерти Сергея Дубова было два любопытных обстоятельства. Знакомые сотрудники «Альфы», взявшиеся разобраться в этом деле, якобы остановились, выйдя на Коржакова. Вдова Сергея Дубова, естественно, не желавшая, чтобы состояние мужа досталось убийцам, нагло подделавшими его подписи на доверенностях, что было доказано экспертизой, предложила передать его состояние сперва одному, потом

другому очень влиятельному и власть имущему человеку в России – сперва Председателю Совета Федерации Шумейко, после его отказа – мэру Москвы Лужкову, но оба они отказались. Хотя вдова хотела лишь одного – учреждения журналистской премии в память о муже. То есть вторая задача – создание гигантского, но тайного фонда, возможно, взамен государственного золотого запаса, вывезенного Геращенко и ответственными сотрудниками КГБ советского времени, была поставлена в самом начале 1992-го года.

Эту дату – время создания государственных банд – можно называть в связи с тем, что, по утверждению Королькова, подтверждаемого и из других источников, известная ему инструкция была написана на основе секретного постановления распоряжения правительства России, в разработке которого принимал участие вице-премьер Юрий Скоков (1991–1992 гг.), позднее – секретарь Совета Безопасности. Вполне очевидно, что другие члены правительства, возглавляемого тогда Борисом Ельциным, не могли стоять в стороне от принятия этого преступного акта, лежавшего в основе всей политической системы России в последние двадцать лет.

Соучастие ведущих членов российского руководства того времени в расширении внесудебных расправ, террора по всей России очевидно благодаря двум, еще не упомянутым мной убийствам того времени. Об одном из них, убийстве Андреа Тамбури, я писал в 1995 году в статье «Политические убийства в России последних лет», заключающей том докладов пятой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»:

> Смерть Андреа Тамбури, итальянца, активиста Транснациональной радикальной партии наступила… вероятно, 22 февраля 1994 года. Российское отделение Транснациональной радикальной партии при деятельном участии А. Тамбури защищало в Тирасполе членов Хельсинской группы и ее председателя Илью Илашку, которым угрожала смертная казнь. Члены партии готовились разбрасывать с самолета листовки. Они поддерживали тесные контакты с молдавским парламентом[38].
>
> В свой последний день А. Тамбури в 2 часа ночи провожал… знакомую. Он посадил ее в такси возле Шереметьевского госпиталя на Петровке, а что было дальше – никому неизвестно. Трое суток больницы, морги и милиция отвечали, что ничего не знают. На

четвертый день после запроса посольства вдруг было заявлено, что А. Тамбури мертв и находится в Институте им. Склифосовского. В заключении милиции сообщалось, что А. Тамбури три дня назад был сбит автомашиной, в результате чего и скончался. В кармане у А. Тамбури был итальянский паспорт и другие документы, однако ни больница, ни милиция не смогли объяснить, почему скрывалось его местонахождение в больнице и давались лживые ответы.

У А. Тамбури были загипсованы обе ноги и в таком виде тело было отправлено в Италию, где было сделано вскрытие, поразившее врачей. Оказалось, что загипсовали совершенно здоровые ноги, на которых не было ни царапины, а смерть наступила от удара тяжелым предметом сзади по голове. После официального запроса московская прокуратура вынуждена была признать, что никакого наезда не было и что А. Тамбури был убит. Однако нет ответа на вопросы: кем он был убит, кто продиктовал милиции фальшивое заключение о смерти и приказал врачам института Склифосовского загипсовать здоровые ноги.

Понятно, что одни спецслужбы России не могли погасить возникший международный скандал. Министр иностранных дел, премьер-министр и даже озабоченный предсказаниями экстрасенсов, результатами спиритических сеансов и откровениями «космического разума» Борис Ельцин должны были прилагать немалые усилия, чтобы дезавуировать результаты собственных уголовных решений.

Еще более характерным было убийство 3 июня 1998 года генерала Льва Рохлина – создателя Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА), отказавшегося принять звание «герой России» и заявившего, что в гражданской войне нет героев. Рохлину незадолго до смерти попал в руки документ, который он огласил на пресс-конференции: «Планируется организовать как бы пьяную драку с участием Рохлина, где выставить генерала пьяницей и дебоширом как крайний вариант в случае, если не сработает ни один из выше перечисленных, не исключается физическое устранение или максимальное лишение здоровья».

«Рохлина мы сметем», – открыто заявил Ельцин.

Фильм о гибели Рохлина, показанный по пятому каналу телевидения, очень любопытен. С одной стороны, там есть внятный рассказ о важнейших обстоятельствах его гибели:

о сожженных вблизи его дома трупах убийц, которые были застрелены тут же, о найденных трупах тех, кто стоял подальше, в охране, даже о кличке, возможно, уцелевшего главного исполнителя – «Буйвол».

Среди других «версий», якобы изложенных для объективности, нет одной, по-видимому, самой очевидной, которую мне рассказал его друг и коллега генерал-лейтенант Стаськов, в это время начальник штаба воздушно-десантных войск России. Советуясь, кем бы можно было заменить Льва Рохлина в руководстве мощнейшей и все разраставшейся организации ДПА (чем я, ничего не понимавший в военном мире, мог быть полезен?), Стаськов сказал, что в течение последнего в его жизни вечера Рохлин трижды ему звонил. Он мучительно принимал решение объявить с утра в Думе не только о гигантских кражах, совершенных Черномырдиным (это есть в фильме, но Стаськов мне этого не говорил), но и о том, что на выборах президента он будет поддерживать не будущего ставленника Ельцина, а резко ему враждебных в то время Примакова и Лужкова. Из двух зол он выбрал, как ему казалось, меньшее и роковое для себя – легко понять, что люди стремившиеся поддержать русскую армию, промышленность и науку, их семьи и те, кто доверял лично Льву Рохлину, составляли гораздо больше половины России.

В фильме о Рохлине есть один любопытный лжесвидетель. Это Коржаков. Казалось бы, уже уволенный, уже обиженный Ельциным, он повторяет, что Рохлина убила жена. Да и вообще они с генералом готовили через три недели захват Кремля армейскими соединениями. И зрители должны были подумать: слава богу, что жена его убила – не хватало нам нового переворота. Вполне очевидно, что Коржаков выгораживал не Ельцина, а тех исполнителей и организаторов, которые могли бы и о нем многое рассказать.

Еще любопытнее эпизод в уже упоминавшейся книге Литвиненко. Рассказывая о своем разговоре с заместителем председателя ФСБ генералом Трофимовым, очевидно не причастным к структурам убийств и хорошо относящийся к самому Литвиненко, он вспоминает:

> Вот как-то раз в начале июля вышли мы с ним поговорить на улицу. Спрашивает: «Как ваши дела, Саша?» Я ему рассказал про прокуратуру, уголовное дело, про запись Доренко, а он пожевал губами и говорит: «Я думаю, Саша, вы проиграли».
>
> – Почему? – спрашиваю.

– А ты что, газет не читаешь? Вот, – говорит, – убили генерала Рохлина. Кто ж их теперь тронет?

Сказал – и пошёл. А я стою ошарашенный. Рохлина-то ликвидировали высокопрофессионально, да на жену убийство свалили. По почерку на наших похоже. Неужто мои генералы ещё и Рохлина убрали, пока мы на них рапорта писали.

Из чего следует, что хорошо понимающий, кто есть кто и кто чем занят в несчастной России, генерал Трофимов, во-первых точно знает, что именно начальники Литвиненко «решили вопрос с Рохлиным», и что, как мы понимаем по датам, политические убийства в России не зависят от того или иного руководства спецслужб, а являются инициативой и преступлением президента России и окружающих его приспешников.

Еще более внятно о гибели Рохлина рассказывает Полторанин (цитирую по тексту интервью Виктора Резункова с дочерью Рохлина для Радио Свобода): «Решение об убийстве принимали на даче в узком кругу четыре человека: Ельцин, Волошин, Юмашев и Дьяченко, а осуществить убийство было поручено лично Путину».

Из описанных событий вполне очевидными становится три цели инициаторов третьей эпохи террора в России:

уничтожение демократического движения и попутно – возникающих политических конкурентов;

создание некоего нового «общака», о нем неоднократно упоминает Литвиненко, когда выходит на узбекских торговцев наркотиками и причастного к этому Путина, – большого финансового фонда в том числе за счет уничтожения наиболее крупных предпринимателей и финансистов;

уничтожение некоторых уголовных структур как конкурентов в «крышевании» (рэкете) российского бизнеса.

Поскольку в качестве разработчика правительственного постановления о повсеместном терроре упоминается вице-премьер Олег Лобов, в связи с ним возникает вопрос о его международных террористических контактах.

В 1992 году возник скандал с продажей по распоряжению Лобова японской террористической организации «Аум Синрикё»

бронетранспортеров и выданного им же разрешения террористам использовать для тренировок российские полигон. Был ли иприт с помощью которого члены «Аум Синрикё» убили пять тысяч человек в токийском метро, российского происхождения, кажется, осталось неизвестным.

Кроме того, Литвиненко на пресс-конференции в Лондоне настойчиво повторял, что российские спецслужбы в 1990-е годы активно сотрудничали с «Аль-Каидой».

Связано ли это одно с другим, были ли какие-то конкретные террористические международные цели у российского руководства уже в девяностые годы – не знаю. Но «восстановленное» Евгением Примаковым Управление внешней разведки в эти годы явно имело к террору внутри страны не меньшее отношение, чем УРПО, описанное Литвиненко и банды, созданные по приказу, найденному Корольковым. Думаю, что к зарубежным народам они относились не лучше, чем к москвичам, волгоградцам или чеченцам.

Жизнь после убийства Тимоши

Пережить своего сына, убитого вместо тебя или из-за тебя, – тяжелая участь. Тома и Нюша улетели в Париж, отказались в аэропорту «Шарль де Голль» давать интервью корреспонденту «Известий» – кровь Тимоши не могла быть поводом для обсуждения. Впрочем, корреспонденты ВВС продолжали снимать – они разрешения не спрашивали. Оля и Валера Прохоровы на время приютили их у себя. В мае я через Париж возвращался после нью-йоркской конференции полуслепым (в Нью-Йорке у меня опять отслоилась сетчатка) – мне предложили оплатить операцию в клинике Джорджа Вашингтона, но я предпочел вернуться в Москву к своему замечательному врачу Елене Олимпиевне Саксоновой. Тем не менее я остался на неделю в Париже и выяснилось, что жене и дочери там гораздо труднее, чем можно было предполагать. И дело было не в том, что пригласившего их президента Миттерана сменил Ширак. С ним я тоже дважды встречался, опекать Тому и Нюшу он поручил своему личному помощнику, тем более что по всей Европе показывали по телевизору фильм о том, как они вынуждены спасаться из «демократической» России.

Вскоре с Томой встретились некие люди в штатском, которые высказали надежду, что она будет сотрудничать или «находиться в контакте» с французскими спецслужбами. Тома ответила, как неоднократно это делал в разных ситуациях я, а иногда и мы вместе, что ни с какими спецслужбами она контактировать не будет. После своего отказа ни она ни Нюша не могли получить ни одной пусть самой временной справки, объясняющей почему они находятся во Франции. Здесь спецслужбы не сажали на пять лет за отказ от контактов с ними, как меня в 1975 году за нежелание сотрудничать с КГБ, но и жить тоже не давали. Правда, и помощник Ширака, и очаровательная Сильвия де Брюшар – заведующая русским отделом МИД» а Франции (когда-то именно она, будучи первым секретарем посольства в Москве, советовалась со мной, кого пригласить на прием к Шираку и, пригласив Альбину, буквально спасла Александра Богословского) – успокаивали Тому и Нюшу, предлагали подождать и не волноваться. Но Тома с Нюшей не могли ни учиться (Нюше было девятнадцать лет), ни работать.

В тот раз я уехал делать операцию в Москву, но через два месяца опять вернулся в Париж. Все было по-прежнему, если не хуже. Добрейшая Сильвия де Брюшар чуть плакала, но говорила, что это не их ведомство и она ничего не может сделать. Я уже

почти кричал, что французское правительство практически заманило (поручило своему послу в Москве обеспечить их приезд) моих родных во Францию и превратило их в бесправных нелегальных эмигрантов. Говорил, что дам интервью Карлинскому в «Либерасьон» и де Шикофф в «Фигаро», с которой был хорошо знаком[39]. Но все же я не хотел устраивать скандал, хотя и жалел, что отнесся без интереса к вопросу секретаря посольства США, почему я не у них попросил о помощи. Но я не хотел играть в политические игры. Все кончилось самым простым, приличным и привычным для Франции образом. Нам посоветовали адвоката, который за два месяца получил и для Томы и для Нюши необходимые документы. Правда, это были не документы политических беженцев, что было бы естественно после убийства Тимоши, прямых угроз в адрес Томы и Нюши, а просто виды на жительство на десять лет, но дающие право на работу и на учебу. Теперь у них уже повторные виды на жительство. Как и те, кто бежал из Советского Союза после семнадцатого года, французского гражданства мои родные не просят.

Правда, когда года через два Тома попробовала приехать в Москву, ожидая чемоданы в аэропорту Шереметьево, она вдруг услышала голос из мегафона:

– Гражданка Григорьянц, подойдите к стойке регистрации.

Там стояли два молодых человека с ее уже вынутыми из общего багажа чемоданами. Чтобы не забывала, куда приехала.

Отказ в документах политическим эмигрантам тоже был, конечно, результатом усилий российских властей. Либеральнейший академик Рыжов, ельцинский посол во Франции, делал все, чтобы скрыть тот ужас, который творился в России, и помочь работе КГБ во Франции. С одним из таких мероприятий я столкнулся в Париже.

Выяснилось, что именно в те дни, когда я приехал, в Париже происходит международная конференция о достижениях свободной России. Происходит она, естественно, в культурном центре посольства, выступает Синявский и многочисленные либералы, но (знамение времени) сопредседателем конференции в посольстве согласился стать Владимир Буковский. Бог бы с ним со всем, но увидев в редакции «Русской мысли» программу, я вдруг обнаружил, что на большой двух- или трехдневной конференции о положении в современной России нет ни одного даже упоминания о Чечне. Россия ведет варварскую кровопролитную войну на своей территории, гибнут десятки тысяч человек, но эта малость совершенно никого не интересует.

Естественно, я нашел то ли телефон, то ли встретил в редакции Володю и спросил, как это возможно. Он не покраснел, но тут же согласился, что это не совсем правильно:

– Мы не можем включить твой доклад о Чечне в программу – она уже согласована (с кем? – *С. Г.*) и отпечатана, но я дам тебе слово на пресс-конференции – она будет на третий день.

Володя, действительно, отдал мне практически всю пресс-конференцию, но как он мог сопредседательствовать на конференции о России в середине девяносто пятого года, где даже не была упомянута Чечня?

Официальной помощи Тома и Нюша – политэмигранты, приглашенные президентом Франции, никогда и никакой не получали. Через год (сколько же можно жить даже у самых добрых людей?) они сняли с моей помощью квартирку в очаровательном пригороде Парижа Сен-Мор, а еще лет через пять я смог продать на Украине возращенные из Киевского музея картины Богомазова, и они купили квартиру в более далеком рабочем пригороде Парижа Ашере. И тут неожиданно и вне всякой связи с нашей невеселой судьбой проявились достоинства французского государства. Узнав, что в новой квартире Тома будет жить с Нюшей, ее мужем и сыном, дама из социальной службы тут же сказала:

– Но ведь это ужасно – жить с чужой семьей.

И тут же нашла ей неподалеку социальное жилье, где квартплаты много ниже, чем в частных домах.

Тома спросила, нельзя ли найти такую же микроскопическую квартирку, но все же двухкомнатную – к ней часто приезжает муж из России.

Дама тогда ответила отказом, но обещала запомнить, и через год предложила посмотреть другую квартиру в таком же примерно доме, но уже двухкомнатную, где она сейчас и живет, как и другие рабочие семьи в этом квартале.

Глава IV
1995–2003 год

Война в Чечне. Международный трибунал

В середине марта 1995 года мне внезапно позвонил Наум Ним – харьковский писатель и диссидент, давно переехавший в Москву и по договору с английским журналом «Индекс цензоршип» (году в 1990 отказавшимся печатать мое интервью, в котором я говорил о неминуемом распаде Советского Союза) издавал сперва русский вариант журнала, а потом и совершенно самостоятельный журнал.

Я с Наумом был мало знаком, но он очень серьезно мне сказал, что ему срочно нужно со мной повидаться. Решив, что Наум знает что-то об убийстве Тимоши – ни о чем другом я и думать не мог – я пригласил его зайти домой (в офисе я почти не бывал).

Но Наум, войдя в квартиру, тут же объявил:

– Вы уже, конечно, оправились от смерти сына. Идет отвратительная война в Чечне – надо что-то делать.

Наум говорил о ночных бомбардировках, танковых колоннах, тысячах погибших людей – я плохо понимал то, что он говорит, но сразу попросить уйти, когда выяснилось, что это не о Тимоше, было неудобно, и я дослушал все до конца – ни за какими новостями я не следил и о ходе войны мало что знал. Даже пообещал Науму подумать.

– Я вам на днях позвоню, – сказал он, а я был очень рад, что Наум, наконец, ушел.

Но дня через три он действительно позвонил, предложил встретиться у самой важной для меня и самой любимой сотрудницы «Гласности» Лены Ознобкиной, и я не нашел предлога, чтобы отказаться. Лена была кандидатом философских наук и очень деятельным сотрудником Института философии, пытавшейся не без успеха в работах о немецкой философии XX века утвердить высокий уровень русской философской мысли, полулегально достигнутый в последние десятилетия советской власти. Но при этом именно на Лене держалась добрая половина работы по подготовке конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра». К работе над первой из них привлек тогда свою жену Гена Жаворонков. Теперь Лена была с ним разведена; не выдерживав его регулярных, в том числе как следствие наступившей демократии, пьянок, она тяжело болела, но с поразительным мужеством и любовью воспитывала и образовывала сына и не то что безотказно, а нагружая себя все больше и больше, делала то, что и здоровому мужчине было бы не под силу. К несчастью, именно начало работы над чеченским трибуналом стало концом

работы Лены в фонде «Гласность».

Но когда мы встретились у Лены, в ответ на совершенно беспомощные предложения Наума о необходимости создать общественный комитет, провести обсуждение преступной войны и еще чего-то в этом роде, у меня уже был готовый проект.

Думаю, что именно эта работа и спасла меня тогда, полуслепого, незадолго перед тем (в августе) искалеченного и оставшегося в одиночестве – мама все-таки всегда жила отдельно. Впрочем, помогали уже не в первый раз остатки семейных коллекций. Культура является сутью свободы и опорой жизни. Рабство и гибель как в обществе, так и для каждого человека, начинаются с умирания культуры. Картины на стенах – живопись Ларионова и Боровиковского, Льва Жегина и Чекрыгина – рядом с семейными портретами помогали мне выжить, так же как когда-то в краснопресненской пересылке случайно услышанное по радио имя моего деда, профессора Сергея Павловича Шенберга. Культура и память в своей цельности настолько крупнее, бесконечнее каждого из нас, что любое к ним прикосновение дает человеку силы для выживания.

И теперь в квартире Лены на Старом Арбате я сказал, что Наум предлагает диссидентский междусобойчик, где все будут убеждать друг друга в том, что и без того каждому известно, а две-три газеты опубликуют гневную резолюцию, на которую никто не обратит внимания. Единственное, что могло бы иметь значение для власти – общенародный протест, но крупнейшие демократические организации России уничтожены. Без «Демократической России» и «Мемориала» демонстрации протеста собирают сто-двести человек, мнение которых для власти безразлично.

В этой кровавой бойне, затеянной Ельциным, нужно не обсуждение, а суд. Причем суд не российский, а международный. Сразу же было решено: общественное обсуждение проводить надо, но не для того, чтобы еще раз осудить войну, а для того, чтобы на максимально широком общественном и юридическом уровне принять решение о проведении Международного трибунала по преступлениям, совершенным в Чеченской республике. Сразу было решено, что обвиняемых должно быть немного: не солдаты и офицеры, убивавшие с обеих сторон во исполнение приказа, а президент, премьер-министр, министры обороны, возможно, и с одной и с другой стороны, и, может быть, несколько других должностных лиц (все это должно выяснить следствие), кто являются инициаторами, виновниками этой бойни.

Впервые в русской истории мы пытались создать прецедент

пусть общественного, но осуждения руководства России (а может быть, и Чечни) за принятие преступных решений.

Наум, собственно говоря, пришел ко мне, поскольку он и депутат Думы Валериий Борщёв уже придумали некую Комиссию общественного расследования, но было совершенно очевидно, что никакими возможностями она не располагает.

Через три месяца, сперва как шестой юридический круглый стол по законодательству о спецслужбах с единственной темой «Война в Чечне. Международный трибунал» мы собрали, как общественных деятелей и депутатов Государственной Думы (Елену Боннэр, Борщёва, Грицаня, Кичихина и других), так и крупнейших юристов (Александра Ларина, Игоря Блищенко, Станислава Черниченко и др.) для обсуждения вопроса о проведении Международного трибунала.

Вскоре первоклассным ученым и совершенно замечательным человеком Александром Лариным, старшим научным сотрудником Института государства и права, на основе устава Нюрнбергского трибунала был написан юридически безупречный устав нашего трибунала. Сбором материалов, опросом свидетелей должен был заниматься оргкомитет, который в уставе был назван комитетом обвинителей и куда, кроме меня, входили общественные деятели, депутаты Государственной Думы и профессиональные юристы (Сергей Алексеев, Галина Старовойтова, Борщёв, Грицань, Мара Полякова, Татьяна Кузнецова и другие). Опросы свидетелей проходили с аудио- и видеофиксацией и в обязательном присутствии (к сожалению, не упомянутых во II томе издания) группы международных наблюдателей под председательством известного юриста-международника Клауса Пальме – брата покойного шведского премьер-министра. В комитет наблюдателей входили адвокат, член Государственно Думы Борис Золотухин; председатель Конституционного суда Чечни Ихван Гериханов; два-три прикомандированных к трибуналу члена американского союза юристов BAR-assotiation; сменявшие друг друга, известные русские юристы.

Собранные материалы и протоколы показаний свидетелей должны были передаваться собственно членам международного трибунала, куда вошли:

от России – министр юстиции, ушедший в отставку после начала войны с Чечней, Юрий Хамзатович Калмыков; бывший министр иностранных дел СССР Борис Дмитриевич Панкин и почетный председатель Международной Хельсинкской группы Юрий Федорович Орлов;

от Европарламента – лорд Николас Бетелл и г-н Кен Коатс,

один за другим бывшие председателями комиссии по правам человека;

от Франции – Жан-Франсуа Ревель, философ, писатель, президент Французской академии и Жан-Франсуа Деньё – председатель комитета по правам человека Сената Франции;

от США – г-н Пол Гобл, бывший заместитель госсекретаря Соединенных Штатов;

от Польши – г-н Ян Ольшевский, бывший премьер-министр Польши и г-н Збигнев Ромашевский – сенатор.

от Литвы – г-н Альгидрас Эндрюкайтис, член Сейма.

А также писатель, нобелевский лауреат Эли Визель и шведский юрист Ханс Горан Франк.

Я считал, что предварительная работа проведена вполне прилично и не мог понять почему отказался от участия в трибунале президент США Джимми Картер, с которым я был знаком, который всегда поддерживал не только «Гласность», но и все важные мирные инициативы, а сейчас лишь прислал мне любезное письмо с выражением сочувствия. Через много лет похожий комитет пытался создать в США Збигнев Бжезинский, но тогда я не подумал ему написать.

Существенными были проблемы совсем другого рода. На круглом столе по поводу создания трибунала среди хорошо знакомых и близких людей как-то оказался юрист Таир Таиров, о котором я почти ничего не знал, кроме его подозрительной близости к вполне гэбэшному Обществу по культурным связям с народами других стран. В последние годы Таиров возглавлял какую-то ассоциацию «Гражданский мир» и я его встречал на какой-то конференции в Хельсинки, он издавал одноименную газету, где предложил Асе Лащивер опубликовать большую статью «Гласность» Григорьянца и гласность Горбачева» – наверняка доброжелательную, но я ее так и не прочел, как вообще не читал никаких статей о себе. На круглом столе Таиров выступил с кратким докладом, после чего стал проявлять необычайную активность.

Понимая, что создана организационная и правовая структура трибунала, но нет пока денег даже для машинисток, Таиров тут же предложил мне обратиться с просьбой о грантах в пару европейских фондов, где у него в московских представительствах есть знакомые.

Были мы, кажется, в двух фондах с одинаковым успехом, то есть без всякого успеха. Одного фонда я уже не помню, в другом – Христиано-социалистической партии Германии, которая однажды приглашала меня в Баварию, с полной откровенностью было сказано: «Если поддержим такие проекты, никакого

представительства в Москве у нас не будет». Возразить было нечего – у Таирова с этими фондами были доверительные отношения.

Недели через две он сказал, что почти завершил переговоры в Стокгольме с фондом Улофа Пальме, который готов пригласить группу организаторов в Швецию и провести у них первые слушания трибунала. В отличие от хождения по фондам в Москве это было уже довольно серьезное предложение. Конечно, я не знал, кто такой Таиров и понимал, что за открытой им заманчивой перспективой может таиться все что угодно. Но других вариантов пока не было, а действовать в неясных ситуациях я привык с тюремных времен. Поразительным опытом оказалась проведенная нами пресс-конференция.

Мы говорили о создании Международного трибунала по чудовищным преступлениям, совершенным в Чечне, подозреваемые в которых – лидеры России: ее президент, премьер-министр и десяток других высших должностных лиц, а судить их будут два русских министра (юстиции и иностранных дел) и известнейший диссидент и общественный деятель, а также всемирно известные политические и общественные деятели стран Запада; экспертами являются крупнейшие русские юристы (к примеру, председатель Совета конституционного надзора СССР) и множество известных юристов из многих стран Европы и США, и все это будет производиться по строжайшей юридической процедуре, разработанной в Институте государства и права.

Пресс-конференция вызвала фантастический интерес, длилась часа три, сорвав две следующие. Шесть телевизионных камер непрерывно нас снимали, журналисты, толпившиеся не только в зале, но и в дверях и в коридоре, непрерывно задавали нам все новые вопросы.

Итог даже для меня, казалось бы, ко всему привыкшему оказался поразительным. Из пятидесяти журналистов лишь одному, Ротарю, да еще с большим скандалом, удалось поместить в «Известиях» небольшую заметку. Ни одна из телекомпаний, истративших километры пленки, не дала сообщения о пресс-конференции даже в хронике. Говорили, что на НТВ пару дней кто-то барахтался, но ничего не прошло и там. А ведь практически все журналисты, кроме Леонтьева и «Красной звезды» с ужасом и отвращением относились к этой войне. Еще не появилось пресловутой Доктрины национальной безопасности в области информации, разработанной генералом КГБ Сергеем Ивановым и Виктором Илюхиным, еще Глеб Павловский (тогда советник руководителя администрации президента) не предложил создать в администрации президента специальное

подразделение по разработке мероприятий против независимых СМИ, но представление о «внутреннем источнике опасности» уже было повсеместно распространено. Жесткая цензура, самоцензура и страх самих журналистов были вполне реальны. И это оказалось куда действеннее, чем гуманистические переживания и профессиональный интерес к сенсационной новости. Ни один из иностранных журналистов не получил сообщения о пресс-конференции – видимо, русские помощники, выполняя полученное задание, аккуратно изымали их из приходившей информации. Вокруг трибунала, как и конференций о КГБ, создавалась плотная стена молчания, но я-то понимал, что в конце концов ее прорву, да и какие-то деньги тоже найду. Понимали это и в КГБ (ФСБ), и в действие вступил проект, тоже международный. Из книги Литвиненко становится очевидным, что руководил действиями директор ФСБ Барсуков.

Пока же я согласился с предложением Таирова, хотя подобные конференции не входили в разработанный план – начинать предполагалось с опроса свидетелей и сбора документов. Но сегодня это была если не единственная, то ближайшая возможность во всеуслышание объявить о создании трибунала, найти для него новых сторонников.

Шведы готовы были принять человек двенадцать. Борис Панкин жил в Стокгольме, из Варшавы приехал Збигнев Ромашевский; кажется, приехал на один день и Юрий Орлов из США; Сергей Сергеевич Алексеев, как и для круглого стола прислал из Свердловска очень серьезный доклад. Нас попросили к тому же для экономии взять своих переводчиков (фонда «Гласность») с русского на английский с тем, что местные переводчики будут вести перевод на шведский. Это было несколько странно.

В Стокгольм отправилась большая группа: члены оргкомитета Наум Ним, Алексей Симонов; юристы Александр Ларин, Татьяна Кузнецова, Мара Полякова; свидетели Липхан Базаева, Глеб Якунин (депутат Государственной Думы), Галина Севрук (от Комитета солдатских матерей). Должен был ехать еще один чеченец, но в последний момент он разыграл какие-то непреодолимые препятствия, сам Таиров (его в аэропорту как-то не было видно), администратор «Гласности» Андрей Парамонов, на котором и были все организационные задачи, и я.

Уже по дороге в Шереметьево я показал Маре Федоровне Поляковой, которая попросила меня за ней заехать, следовавшую за нами машину «наружки», где, по-видимому, был Литвиненко.

Мое в дальнейшем дурное к нему отношение как раз и объяснялось тем, что, описывая не самые важные детали попытки

срыва нашей поездки, он ничего не пишет о ее сути, а ведь что-то, бесспорно, должен был знать – все-таки подполковник, а не простой «топтун».

В Шереметьево меня удивило, что вместо обычных одной-двух таможенных стоек работало пять или шесть. Вся наша группа тут же по ним весело разбежалась и была мгновенно пропущена и таможенниками и паспортным контролем. Только у Татьяны Георгиевны Кузнецовой, хотя ее, как и других, почти подталкивали таможенники, хватило ума и привычной заботливости к паспортному контролю не идти, а остаться рядом с нами – Липхан Базаевой, Андреем Парамоновым и мной, с которыми таможенники вели себя совсем иначе.

И у Андрея и у меня вывалили из портфелей все книги и бумаги, заявив, что они конфискованы, куда-то их унесли. Все это было совершенно противозаконно – советские запреты на вывоз и ввоз печатной продукции за рубеж давно были отменены и названы антиконституционными, – тем не менее нагло да еще с ухмылками все это производилось. Я, естественно, начал возмущаться, но тут и мои документы – паспорт, билет – тоже уже куда-то унесли. И я понял, что тем, кто это устраивает, очень хочется, чтобы от возмущения я отказался ехать в Стокгольм, а начал бы добиваться законности. Тогда я совершенно успокоился, сказал, что вопрос о материалах и книгах буду решать, когда вернусь в Москву, но билет и паспорт у меня в порядке, и я собираюсь лететь в Стокгольм. Тем более что я был не настолько доверчив и кое-что из необходимых материалов в дубликатах отдал Маре Федоровне, кому-то из переводчиков, а их не обыскивали вовсе.

С большим неудовольствием билет и паспорт им пришлось мне вернуть; примерно то же, но менее эмоционально происходило и с Андреем. А вот с Липхан, которую проверяли на соседней стойке и я постоянно следил и за ней, все было совсем иначе. У нее один раз вывернули сумку, долго рылись в бытовых принадлежностях, ничего не нашли и свалили все назад. Потом второй раз вывалили те же вещи и тут среди них оказался ружейный патрон (Литвиненко описывает, как они собирались этот патрон или наркотики подбрасывать мне, но потом, видимо, решили, что я и сам не поеду от возмущения).

Я тут же сказал, что видел, как этот патрон был подброшен. Таможенники, не обращая внимания, начали составлять акт об изъятии патрона (он опубликован нами во втором томе материалов трибунала), но Татьяна Георгиевна не отходившая от нас, тут же подошла к Лип-хан и сказала, что она адвокат и видит человека, нуждающегося в ее помощи.

– У вас есть удостоверение? – с надеждой спросили гэбисты.

– Есть, – ответила Татьяна Георгиевна и вытащила случайно захваченное с собой удостоверение Московской коллегии адвокатов. – Я остаюсь со своей подзащитной. – Это был замечательный поступок, как, вероятно, все, что делала Татьяна Георгиевна в своей жизни.

Мы прилетели в Стокгольм довольно поздно вечером без Липхан Базаевой – председателя Союза чеченских женщин, преподавателя Грозненского университета, одной из тех, кто является гордостью своего народа, и без Татьяны Георгиевны Кузнецовой.

В Стокгольме работала хорошо знакомая мне журналистка, много лет проведшая в качестве московского корреспондента одной из шведских газет[40]. Я тут же нашел возможность ей позвонить, работала она теперь на шведском телевидении и очень удивилась не только моему рассказу о происшествии в аэропорту, но главным образом тому, что фонд Улофа Пальме не разослал никакой информации о проводимой им вполне сенсационной и для Швеции конференции. Слушания должны были начаться в десять утра, но мы договорились, что в семь она возьмет у меня интервью для утреннего новостного канала, где я, конечно, все и рассказал и о Трибунале и о происшествии в Шереметьево.

Тем не менее, когда мы начали слушания, арендованный фондом Палме гигантский, самый торжественный зал в центре Стокгольма был почти пуст. Постепенно начали собираться люди, услышавшие утренние новости, но у многих были и какие-то другие, ранее намеченные планы на этот день. Оказалось, что фонд Пальме никого не оповестил о предстоящей конференции, что было очень странно, учитывая немалые деньги, затраченные на наши билеты, гостиницы, аренду зала и сопутствующие расходы.

Тем не менее ко второму дню зал был почти полон, журналисты, услышав о трибунале приехали даже из Германии, Дании, но главное – под угрозой международного скандала пришлось выпустить и Липхан Базаеву и Татьяну Георгиевну. Их доклады, естественно, вызывали почти такой же интерес, как и сам Трибунал.

Все это казалось странным до последнего торжественного ужина, устроенного в нашу честь фондом Улофа Пальме. В одном из тостов прозвучали настораживающие меня нотки, но потом администратор фонда (к сожалению, я забыл фамилию этого поганца) отвел нас с Андреем и Таировым в боковую гостиную, и разговор пошел напрямую.

Нам было сказано, что господин Таиров имеет очень большой опыт проведения международных общественных трибуналов, что он уже принимал участие в антиамериканских трибуналах по поводу войны во Вьетнаме и в Никарагуа (мне были хорошо известны эти устроенные КГБ так называемые трибуналы, но я не знал, что Таиров был в числе их организаторов). И если наш трибунал будет отдан под его руководство (то есть КГБ), то фонд Улофа Пальме начнет его финансирование. Я опускаю путаные разговоры о стремлении помочь чеченскому народу, почтении к нашей инициативе и работе – уговоры меня с Андреем длились в гостиной часа три. Мы уехали в гостиницу, туда приехал Таиров и продолжал часов до четырех ночи объяснять нам, как будут хорошо, если теперь он займется трибуналом. Естественно, убедить нас он не смог.

Все, что происходило в эти дни, сразу же выстроилось в последовательную цепочку. Сперва Таиров водил меня по фондам, чтобы убедить, что деньги найти не удастся. Потом в аэропорту делалось все, чтобы группа наша была максимально ослаблена, а по возможности я вообще не попал бы в Стокгольм (с Нимом и Симоновым Таиров бы договорился). В Стокгольме, вопреки поведению всех нормальных фондов, которые заинтересованы в публичности своих действий, был снят самый большой зал, но даже толика информации не просочилась в печать. Чтобы мы увидели совершенно пустой зал, полное отсутствие интереса и шведов и шведской печати к трагедии в Чечне и к тому, что мы делаем. После этого уже нетрудно было бы перекупить трибунал. По возвращении в Москву я с запозданием услышал от норвежского журналиста, который много помогал «Гласности» на начальном этапе (именно благодаря ему я был корреспондентом газеты «Моргенбладет») с отвращением сказанную фразу:

– Таиров – известный советский агент влияния в Германии и скандинавских странах. Зачем вы вообще имели с ним дело?

Потом еще кто-то сказал, что его брат, полковник, – начальник следственного управления КГБ Узбекистана.

И тем не менее ничего у Барсукова не получилось, более того – трибунал стал гораздо известнее в мире, и даже за подброшенный патрон в аэропорту должен был следовать скандальный для ФСБ суд. По поводу патрона почему-то я, а не Липхан Базаева или ее адвокат Кузнецова, получил официальное уведомление Таможенного комитета о том, что никакого патрона в вещах Базаевой обнаружено не было, а вот с пресс-конференцией, которую нам надо было провести, меня ждала неприятная неожиданность.

Накануне вечером в нашем маленьком офисе в 1-м Колобовском переулке – это была двухкомнатная квартира Димы Востокова, которую он начал нам сдавать после того как женился и ушел из «Гласности», – собрались члены оргкомитета. Правда, Мельникова, вытеснившая основателей Комитета солдатских матерей и входившая в оргкомитет только «в личном качестве», как она сама оговорила свое участие, почему-то попросила у меня разрешения прийти со своими сотрудницами – я с некоторым удивление согласился, и она пришла с пятью. Из Стокгольма мы уехали утром, поэтому остальным участникам слушаний мы с Андреем о вечерних и ночных разговорах с нами ничего не успели рассказать. Тут мы все пересказали: для меня было очевидно, что мы должны говорить не только о подброшенном Липхан патроне, но и обо всей многоходовой операции КГБ, в которой Таиров играл главенствующую роль. И вдруг неожиданно завопили тётки, конечно, именно с этой целью приведенные Мельниковой и не имевшие никакого отношения к трибуналу:

– Все это ваши субъективные представления, Сергей Иванович, об этом нельзя говорить на пресс-конференции!

Тётки вопили в маленькой комнате хором и поодиночке и вдруг их начали активно поддерживать Наум Ним и Алексей Симонов. Почему для них мнение совершенно посторонних (среди которых была, правда, Ида Куклина, сделавшая на наших конференция о КГБ пару докладов о работе ГРУ и, как потом выяснилось, близкая к этой организации) оказалось убедительнее нашего с Андреем рассказа, да и всего другого, что выяснилось с информацией и залом в Стокгольме и от чего они быстренько ушли в Шереметьево, но в чем уж точно сомневаться не могли.

Я еще раз повторил, что это не мое личное мнение, при всех разговорах присутствовал Андрей Парамонов, которого я просил не уходить, хотя ему очень хотелось спать. Андрей меня вяло поддержал. Но бабы продолжали вопить, их теперь активно поддерживали Ним и Симонов. Провели голосование – на моей стороне оказался только только Володя Ойвин. Остальные считали, что надо благоразумно молчать. Мельникова, кстати говоря, через полгода получила «паранобелевскую премию» от какого-то другого фонда, тоже, конечно, как и фонд Улофа Пальме управляемого из Москвы. Российская печать с упоением это расписывала.

Я сказал, что в укрывательстве международных операций КГБ принимать участие не буду и что если оргкомитет трибунала именно такой, каким он сегодня оказался, пожалуй, я и в нем принимать участия не буду и уж лучше уеду к жене и дочери в

Париж.

По-моему Ним и Симонов были довольны, кто-то мне сказал, что и без меня обойдутся, и на следующий день они провели пресс-конференцию, на которой ни слова не сказали об операции КГБ.

Прошло недели три. Делами трибунала я больше не интересовался. Снова позвонила Лена Ознобкина и сказала, что хотела бы встретиться, не мог бы я приехать к ней. Я приехал, там был Наум Ним. Они спросили меня, не переменил ли я своего решения.

Я ответил, что с организациями и людьми, прикрывающими международные операции КГБ, ничего общего иметь не буду. Тогда Наум спросил:

– А как были собраны члены трибунала?

– Это мои знакомые, которые мне доверяют, – пожал я плечами, – можете написать каждому из них – может быть, они согласятся сотрудничать. Мешать этому я не буду, но и рекомендовать вас не могу. Наум и Лена начали меня уговаривать:

– Но, Сергей Иванович, трагедия в Чечне важнее, крупнее, страшнее всех наших расхождений. Может быть, вы перемените свое решение и вернетесь к работе трибунала?

На первое возразить было нечего, и после получасовых разговоров я согласился, предупредив, что никакого оргкомитета больше не будет. Впрочем, я и не здоровался после этого с Наумом и Алексеем Симоновым много лет, а с Мельниковой – и до сих пор. В девяносто пятом году, да еще после хоть и не вполне реализованной, но все же рекламы, устроенной трибуналу Барсуковым и Таировым, хоть какие-то деньги найти я еще мог. С помощью европейского фонда «Tasis» и пока еще не бросившим «Гласность» National Endowment for Democracy мы начали заслушивать свидетелей по разработанной профессором Лариным сложнейшей процедуре. В Москве для этого мне выделил зал в своем особняке на Большой Никитской загадочный для меня до сих пор Аркадий Мурашов, входивший еще в Межрегиональную группу депутатов, впоследствии начальник московской милиции, сказавший мне однажды, что именно он уговорил Гайдара сделать первые выборы Путина легитимными. Тогда от отвращения даже Жириновский и Зюганов не выдвинули свои кандидатуры, а послали вместо себя каких-то охранников. Явлинский снял свою кандидатуру, и выборы оказывались безальтернативными. Но Гайдар, вопреки воле партии, которая почему-то надеялась на будущее и пыталась выглядеть хоть мало-

мальски приличной, объявил, что он как самовыдвиженец будет конкурентом Путина, и эти его первые выборы тем самым будут относительно легитимны.

Но все это будет через несколько лет, а пока, с двадцать первого по двадцать пятое февраля девяносто шестого года, мы целыми днями вели опрос десятков свидетелей, которых могли найти в Москве или вызвать в Москву. Свидетелей опрашивал комитет обвинителей, куда входили три депутата Думы (Старовойтова, Борщёв и Грицань) и два юриста (Кузнецова и Полякова). Вопросы могли задавать (и задавали) независимые наблюдатели. Из было десять под руководством Клауса Пальме (Швеция) – юристы из Швейцарии, США, России и Чечни. Работе трибунала помогали три эксперта: Игорь Блищенко (эксперт ООН), Александр Ларин и Олег Сокольский. Кроме того адвокат Карина Москаленко представляла потерпевшую сторону.

Месяца через два – в апреле – было опрошено еще около пятидесяти свидетелей. Потом стало ясно, что многие не могут выехать из Чечни, и мы пять дней вели опросы в Хасавюрте и даже в Грозном. Но некоторые уцелевшие и сбежавшие из России боялись сюда возвращаться, и двадцать четвертого – двадцать шестого мая девяносто шестого года нам удалось живущих в Европе собрать в Праге и провести опрос там. То есть была проведена, с соблюдением сложных юридических процедур, большая работа по подготовке и передаче международному трибуналу достоверных сведений о подготовке и планированию войны в Чечне и совершенных в ее ходе военных преступлений и преступлений против человечности. Свидетелями были русские, чеченцы, немцы, англичане, чехи (иностранцы – это журналисты и члены гуманитарных организаций, побывавшие в Чечне), два советника президента России, депутаты Думы, юристы, солдаты и офицеры, воевавшие в Чечне и, конечно, множество мирных жителей.

Довольно скоро начала вырисовываться вполне серьезная проблема. Практически все свидетели (кроме журналиста Михаила Леонтьева) были противниками той войны, прямо или косвенно осуждали российские власти. Между тем для нас было ясно, что трибунал должен заслушивать обе стороны, а не только одну, пусть и потерпевшую. Между тем почти все журналисты и должностные лица, оправдывавшие войну, давать показания отказывались. Володя Ойвин чуть ли не ежедневно одолевал редактора газеты «Красная звезда», где шло неуклонное прославление войны, просьбами прислать для дачи показаний своих журналистов. Редактор не отказывался, обещал, тянул – но никто из «Красной звезды» так и не появился. Я написал

официальное письмо генеральному прокурору России Скуратову, возбудившему уголовные дела в отношении Дудаева и ряда его подчиненных с просьбой передать нам копии материалов, находящихся в распоряжении прокуратуры. Юрий Скуратов ответил мне, что так как трибунал не является государственной институцией, он не может дать нам никаких материалов.

И вдруг восьмого января девяносто седьмого года все переменилось. Мне позвонил Юрий Хамзатович Калмыков, после ухода с поста министра юстиции оставленный Сергеем Алексеевым председателем Комитета гражданского права, и сказал, что только что получил от Митюкова – первого заместителя секретаря Совета Безопасности России – некоторые документы и хочет сам их привезти. Я, конечно, согласился и через полчаса, грузно поднявшийся по лестнице (в Колобовском лифт останавливался между этажами) Юрий Хамзатович вошел в мой кабинет.

Это был единственный его приезд в «Гласность» – члены трибунала не участвовали в сборе материалов, которые должны были им быть предоставлены в готовом виде. Раза два я был у него в роскошном кабинете на Ильинке, рядом с Кремлем. Незадолго до того в Стамбуле мы вместе проводили конференцию о положении на Кавказе, но там он был в качестве председателя Всемирного черкесского союза – в Турцию во время завоевания Россией Кавказа выехало около трех миллионов черкесов. Там они составляли костяк армии и спецслужб, но назывались турками – черкесский язык запрещен, нет ни школ, ни газет, ни книг. Все мусульмане в Турции – турки, как в Азербайджане – азербайджанцы. Но уважение, переходящее в почитание, с которым и в Черкесске, где я тоже был на конференции, и в Стамбуле его принимали, было поразительным (как и скромность, с которой он от этого почитания отбивался).

В Москве он был первоклассным юристом, к тому же единственным членом правительства России, который не только в знак протеста из него вышел, но, хорошо зная горские обычаи, пророчески сказал, что война эта будет войной со всем чеченским народом, который в этих условиях объединится вокруг Дудаева (до этого его, по опросам, поддерживало 30 % чеченцев).

Юрий Хамзатович устало сел за письменный стол и показал мне принесенные бумаги. Это были копии двух официальных с грифом «совершенно секретно» писем директора службы безопасности Ю. Ковалева секретарю Совета Безопасности России Рыбкину (они факсимильно воспроизведены в четвертом томе «Международного трибунала»). В этих письмах и приложении к

ним на восьми страницах (приложение было несекретным) Ковалев перечислял Рыбкину случаи насилия, совершенных чеченцами в отношении русского населения – для возможного использования на Генеральной ассамблее ООН в его докладе о правах человека в России.

Юрий Хамзатович сказал, что Митюков позвонил ему из Совета Безопасности (с Новой площади на Ильинку) и сказал, что у него есть документы «для вашего трибунала» и что он сейчас их пришлет с курьером. Это и были документы председателя Федеральной Службы безопасности России. Но Юрий Хамзатович не был бы первоклассным юристом, если бы тут же не закрепил свой рассказ адресованной мне запиской о том, когда, от кого и какие бумаги он получил для трибунала (записку мы тоже факсимильно воспроизводим). После этого сразу же попрощался и уехал.

А я серьезно задумался. Конечно, Митюков и даже Рыбкин считались в администрации Ельцина либералами, но все же они не могли позволить себе открыто передавать адресованные им секретные письма директора ФСБ, организации, которая открыто была противником этой службы, без согласия автора письма – Ковалева.

Как бы ни были сложны интриги в Кремле, которых я, конечно, знать не мог, но директор ФСБ не может передавать материалы трибуналу, который обвиняет все российское руководство и его в частности. Передавая нам официальные (пусть и ничтожные по содержанию) документы, он тем самым не просто помогает – нам и нужны были показания другой стороны, – главное, если не де юре, то де факто признает не просто существование, но легитимность Международного трибунала. Это было очень странно.

И тут я вспомнил, к сожалению, не вошедшую в издание материалов трибунала историю гибели журналистки «Общей газеты» Нади Чайковой. Она была самой храброй из журналистов, работавших в Чечне. Лишь материалы Ани Политковской о второй чеченской войне, которую мы не смогли предупредить, были сравнимы со статьями Нади. Она писала не только о военных преступлениях, чудовищном насилии, царящем в Чечне, но и о коррупции, о торговле оружием и нефтью, а это всегда особенно опасная тема. Генерал Рохлин в своем последнем, перед тем как был убит, интервью говорит о том, что война в Чечне, жизнь чеченцев и русских солдат были отданы «за мафию», за интересы тех, кто выкачивал миллиарды долларов на незаконной торговле нефтью. Я не сомневаюсь в справедливости слов генерала, так же как в его утверждении, что войны можно и

нужно было избежать – это видно и из материалов трибунала. Хотя мне кажется, что решение о войне Ельцин принимал не под влиянием людей финансово в войне заинтересованных, а скорее тех, для кого это была политическая задача (об этом в своих показаниях у нас на трибунале говорил советник Ельцина Эмиль Паин). Но это все отдельные вопросы.

Пока же я вспоминал обстоятельства убийства Нади Чайковой, в котором сперва, вполне обоснованно, обвиняли российские спецслужбы. Но потом в ее московской квартире был найден дневник, где были упоминания о ее контактах с ФСБ и тут же появилась версия о том, что об этих контактах узнали чеченцы, и Чайкова была убита ими. Но Александр Мнацаканян, друживший с Надей (он и привез ее тело из Чечни в Москву) и нашедший этот дневник, говорил на последних слушаниях трибунала, что упоминаний о ФСБ в дневнике не было. Они были вставлены кем-то задним числом для публикации в «Общей газете». К несчастью, пятый том материалов трибунала был уничтожен при последнем захвате «Гласности», но я, конечно, все это хорошо помнил.

Через месяц должны были состояться выборы в Чечне, туда ехала большая группа наблюдателей от фонда «Гласность» (какие-то монахи, журналисты, Борис Панкин, Сергей Ковалев) и я ясно себе представил, что будет, если в Грозном и со мной что-то произойдет, а потом у меня найдут материалы директора ФСБ. Уже во второй раз (как с убийством Сергея Дубова) мне предлагают повторение опробованного ФСБ способа дискредитации. Тем более, что у меня и документы были подлинные, а не фальшивые вставки, как у Чайковой.

Способ защиты у меня был только один – лишить Ковалева возможности «неожиданно найти» у меня свои документы. За оставшиеся три или четыре недели до поездки в Грозный я сделал две вещи: сперва пошел к якобы самому храброму защитнику демократии – редактору «Новой газеты» Муратову, показал ему документы, записку Калмыкова, объяснил, что случайно передать мне материалы ФСБ не могли, и напомнил о недавнем и всем тогда памятном убийстве Нади Чайковой. Объяснил, в чем не было нужды, какая это газетная сенсация: руководство ФСБ и Совета Безопасности де факто признают Международный трибунал, собирающий материалы по всему миру, над принявшим преступное решение российским руководством. Муратов сказал, что он понимает, как это интересно и как для меня опасно, что ближайший номер «Новой газеты» уже сверстан, но он попытается что-нибудь снять и дать мои материалы. Но в ближайшем номере «Новой газеты» ничего не было, я подождал

еще неделю – в следующем тоже ничего. Позвонил Муратову. Он сказал, что у них идут другие материалы о Чечне, а мои им не интересны.

– Мы проверили, – сказал он неопределенно, – здесь нет ничего особенного…

Интересно, где проверял директора ФСБ Ковалева Муратов?

Тогда я позвонил кому-то чуть более приличному на НТВ. Об опасности для себя уже не говорил, но лишь о сенсационной для любого СМИ новости – ФСБ и Совет Безопасности России открыто передают свои материалы антиправительственному Международному трибуналу, тем самым де факто еще и признавая его правомочность.

На НТВ дня два размышляли, потом мне кто-то позвонил и сказал, что это «не их формат». Больше я, простите за выражение, проверок «на вшивость» храбрым, свободолюбивым и демократически настроенным журналистам уже не устраивал – было противно. Впрочем, своей цели я достиг – лично со мной в Грозном ничего не произошло, но через месяц в аэропорту Шереметьево скоропостижно скончался от сердечного приступа Юрий Хамзатович Калмыков. Я ничего (в отличие от гибели Андрея Сахарова) не знаю о его смерти. Но в России, как и в тюрьме, я не верю в такие счастливые для властей совпадения (умер самый честный член российского руководства – министр юстиции, самый важный член Международного трибунала, к тому же еще закрепивший своей подписью и сорвавший очередную операцию директора ФСБ). И когда я вспоминаю Юрия Хамзатовича, я всегда думаю о том, что капли его крови лежат и на Муратове.

Но прежде чем писать о поездке в Грозный, надо вспомнить еще одну встречу примерно в это же время. В Москве тогда процветал, да и сейчас остается «на плаву» предприниматель Паникин. Его магазины «Панинтер» с недорогой одеждой и натуральными продуктами питания были буквально в каждом квартале. К тому же он издавал свою газету, однажды прислал ее редактора взять у меня интервью, и так мы познакомились. Паникин обладал поразительным здравым смыслом – большая редкость в России, но считал себя крупным философом (вероятно, от недостатка образования), и это была единственная заметная мне его слабость. По-видимому, у Паникина были и какие-то политические амбиции, но довольно скоро он понял, что я в сторонники не гожусь, тем более, что и философского таланта его не оценил. Как-то он устроил у себя в офисе встречу демократически ориентированных представителей культуры с

находящимся тогда в расцвете своей известности и влияния генералом Лебедем – он уже снял свою кандидатуру, как кандидат в президенты, за что стал секретарем Совета Безопасности и заключил мир с Чечней. Лебедь многим казался реальным в самом недалеком будущем лидером России и собравшиеся за длинным столом человек двадцать или тридцать наиболее известных и любимых и в советское время, да и теперь, писателей, кинорежиссеров, общественных деятелей именно так, как будущего президента его и воспринимали. Не хочу даже перечислять фамилии приглашенных, чтобы не обижать задним числом, но все как на подбор говорили только об одном: какие деньги можно будет получить на издание их книг, на новые фильмы, на нужды театра. Ни один из собравшихся здесь лучших русских интеллигентов не спросил у этого далеко не простого армейского генерала, каким он видит будущее России, какие изменения в ее управлении, в ее внешней и внутренней политике он планирует. Так скучно и унизительно было слышать эти разговоры о деньгах от лучших русских людей, что я, с неохотой пришедший на эту встречу и уж тем более не собиравшийся выступать, попросил слова и минут пять говорил о незавидном настоящем России и сомнительных перспективах на будущее. Лебедь, перед тем явно скучавший, с интересом меня слушал. Потом в Амстердаме, встретившись со мной на юбилейной конференции владельцев мировых СМИ, куда он был приглашен в качестве почетного гостя, а я – как лауреат «Золотого пера свободы», Лебедь все старался ко мне подойти и поговорить, но нам с женой не очень этого хотелось.

Он был уже губернатором Красноярского края, преисполненным уверенности в своем политическом будущем, но, уже предупредив пару покушений на себя со стороны ФСБ, все еще не хотел понять, что Кремль довольно охотно дает «на кормление» русские губернии известным генералам – Громову, Руцкому, Шаманову, но живут они долго, не так как Лев Рохлин, только если у них нет политических амбиций. А к Лебедю перед его странной смертью и Путин приехал, так же как Черкесов случайно летел в одном самолете со Старовойтовой перед ее убийством – очень дурная примета.

Как я уже упоминал, в Грозный на первые достаточно прозрачные выборы президента Чечни от «Гласности» приехала большая международная группа наблюдателей. Реальных кандидатов были трое: Зелимхан Яндарбиев – президент Чечни после убийства Дудаева; главнокомандующий, подписавший мир с Лебедем полковник советской армии Масхадов и герой Чечни с

очень неясной биографией Басаев. Странно, куда, например, исчезли все фотографии и кадры кинопленки с Ельциным на танке в августе 1991 года, рядом с которым стоит Басаев. Да и многое другое о нем можно было вспомнить.

Именно он активно воевал с грузинами в Абхазии (в неизбежном сотрудничестве с ГРУ), вообще много раз очень точно появлялся в нужном месте. Наиболее приличным из троих был, конечно, Масхадов, но и он был слишком прост и наивен – в общем-то, провинциальный советский полковник. А Чечне в это безумно трудное и сложное время, когда к ней было приковано внимание всего мира, были нужны лидеры международного класса, которых маленький, пусть и замечательно талантливый народ, просто еще не успел, не мог вырастить.

Зелимхан Яндарбиев – восторженный поэт, случайно ставший вице-президентом у Дудаева, а потом и президентом, был наименее популярным кандидатом. Зная это, он искал опору где только мог. Именно он, чтобы получить поддержку в Судане начал насаждать в Чечне ваххабизм – наиболее радикальное и агрессивное течение в исламе, до этого совершенно чуждое и горскому менталитету и национальным традициям чеченцев. Со мной и Сергеем Ковалевым он устроил слегка непристойный спектакль. Мы приехали в Грозный – город, лежащий в руинах и напоминавший кадры из виденного в детстве фильма «Падение Берлина», – в последний день перед выборами, день тишины, когда предвыборная агитация уже была запрещена. Часов в десять вечера ко мне приходит Ковалев и говорит, что нас прямо сейчас зовет в гости Яндарбиев. Я очень не хотел идти, с Яндарбиевым уже был знаком – в его родовом селе мы собирали материалы для трибунала. Он много говорил, ничем нам не помог и мне не понравился. К тому же был поздний вечер. Но Сергею Адамовичу, по его деликатности, казалось неудобным отказаться, один он идти не хотел, настаивал, чтобы мы шли вместе, и я согласился.

У Яндарбиева, куда нас долго вели в полной темноте, было шумное застолье, заставляли пить и отвечать на тосты хозяев и наши, потом появился какой-то парень с небольшой видеокамерой, что мне не понравилось, но я решил, что Яндарбиев имеет право хранить на память не только фотографии, но и видеозапись. Когда мы часа через два вырвались с этого пира, в доме, где мы остановились, нас встретили еще не заснувшие и слегка возмущенные наши спутники и хозяева. Оказалось, что наши приветствия хозяину тут же были показаны по местному телевидению, естественно, без нашего согласия (хотя предвыборная агитация была уже запрещена), и мы с Сергеем Ковалевым оказались главными сторонниками

Яндарбиева. Впрочем, ему это на выборах не помогло. Все, что я пишу, конечно, не значит, что его убийство в Катаре я не считаю отвратительным уголовным преступлением и что мне не стыдно, что Россия опять, нагло и еще более откровенно, чем при Сталине продемонстрировала, что в нынешнем состоянии является родиной международного терроризма.

После избрания Масхадова президентом мы с Борисом Дмитриевичем Панкиным решили на машине ехать в Махачкалу, что по тем временам было рискованным мероприятием. Тем не менее с нами ничего не произошло и на следующий день мы были в гостях у главного дагестанского поэта, в недавнем прошлом – председателя Верховного Совета Дагестана Расула Гамзатова. Бориса Дмитриевича и Расула связывало долгое знакомство, сотни выпитых вместе бутылок – оба были большие любители, да и в целом это была единая относительно либеральная советская среда 1960-х годов. Я с Гамзатовым знаком не был, но именно его – тогда члена редколлегии «Нового мира», но при этом человека близкого к власти, попросил Владимир Яковлевич Лакшин помочь мне с адвокатом, когда я уже был не только арестован, но даже был в лагере, а мой адвокат Юдович собирался уезжать в Израиль и вел себя крайне осторожно. Таким образом, я чувствовал себя обязанным Расулу. Да и дом у него был дивный по советским понятиям: большой, с замечательной коллекцией дагестанской (северо-персидской по преимуществу) керамики, собранной его женой Патимат, которая, как выяснилось, создала и возглавила большой художественный музей в Махачкале. Так что нам было о чем поговорить.

За столом сперва Расул, потом Патимат заговорили о том, как трудно живется аварцам в Азербайджане, что бакинские власти пытаются всех аварцев сделать азербайджанцами, в аварских селах становится жить все труднее и труднее, родной язык практически под запретом, ни на какие административные должности аварцев не допускают. Это было повторением турецкой политики с курдами и черкесами. Однажды я спросил турецкого министра здравоохранения – очень либерального по местным меркам – сколько в Турции курдов.

– Не знаю, – ответил он. – Формально в Турции курдов нет, и статистика не ведется. Есть немного армян, евреев и греков, у них свои школы, но они не имеют права служить в армии и занимать государственные должности. Все остальные – турки. Они равноправны по закону, но никаких национальных школ, газет, издательств у них нет.

Однажды я спросил черкешенку, приехавшую на черкесский съезд, очень образованную, профессора Стамбульского

университета:

– Вероятно, у вас то же, что при советской власти было в России у евреев – они тайком создавали курсы по изучению иврита?

– Нет, у нас нет таких тайных школ. Дело не только в том, что они запрещены законом, преподавать там некому – язык черкесов у нас сохранился только на бытовом уровне.

Я хорошо понимал Расула и Патимат, знал, как происходила азербайджанизация Нагорного Карабаха, как гнали попавшихся лезгин воевать с армянами.

Поэтому я почти сразу сказал Гамзатовым, что защищать одних аварцев довольно трудно. Но границами в Дагестане разделены три народа: аварцы, лезгины и кумыки с Азербайджаном, а ногайцы – с другими регионами России. И можно провести серьезную международную конференцию о положении разделенных народов Дагестана. Я уверен, что смогу получить поддержку в Совете Европы, куда Азербайджан давно стремится попасть. К кардинальным изменениям такая конференция в Махачкале с участием делегации из Страсбурга не приведет, но какие-то шаги навстречу европейцам Алиеву придется сделать.

Мы тут же решили, что Расул Гамзатов и я будем сопредседателями этой конференции, а я постараюсь получить поддержку в Совете Европы и заказать экспертные доклады о положении каждого из народов. Это был готовый очень любопытный для меня проект. Как я и ожидал, в Страсбурге он не вызвал никакого сопротивления, в Махачкале все было несколько сложнее. Я встретился со всеми четырьмя лидерами национальных общин в Дагестане – лидер кумыкского объединения был человек редкостного ума и достоинства.

С помощью своего друга Али Алиева – в прошлом капитана первого ранга, замечательного и совершенно неподкупного человека, что уже и тогда не было особенно частым в Махачкале, – добрался в ногайские степи Дагестана. Засуха в этих районах превращала в пустыни все больше и больше пахотных земель. Русские села, мимо которых мы проезжали, были полупустыми – кто мог, на всякий случай перебрался в Россию. Для Дагестана это было катастрофой – русские не только были самыми образованной и трудолюбивой частью населения, но и русский язык был почти единственным связующим звеном для трех десятков очень разных народов Дагестана. А почти все крупные национальные объединения потихоньку создавали свои воинские формирования, чему позже очень помогли Степашин и Березовский, подготовив бросок Басаева на Дагестан и раздав,

якобы для обороны, оружие местным жителям.

Но это будет через несколько лет, а пока часть руководства Дагестана отчаянно сопротивлялась нашему с Расулом проекту. Председатель Национального собрания – вариант дагестанского президента – Магомедали Магомедов, сказал мне, что он не допустит въезда делегации Совета Европы в Россию. Я с интересом спросил:

– А как это вы сделаете? Дагестанских таможенников в Шереметьеве посадите?

Другие лидеры Дагестана сочувствовали своим родичам в Азербайджане и мне скорее помогали. Конференция была уже почти готова и мы бы ее, конечно, провели, если бы не Расул Гамзатов. Когда мы с Панкиным снова приехали в гости, Расул встретил меня прямо в дверях:

– Что это вы рассказываете о какой-то конференции? Я впервые об этом слышу и не имею к ней никакого отношения.

Борис Дмитриевич заметно опешил и даже Патимат, стоявшая за спиной маленького и толстенького мужа слегка покраснела. Только Расул, которого даже присутствие свидетеля и старинного своего приятеля совершенно не смутило, продолжал повторять:

– Ничего не знаю! Ничего не знаю!

Мы с Панкиным не захотели у Гамзатовых останавливаться и быстро ушли, не понимая, что же Расула так страшно испугало.

Потом Гусаев – сосед Али Алиева, ответственный в Дагестанском руководстве за СМИ и международные связи (тоже убитый через несколько лет) оказавшись случайно моим соседом в самолете со смехом мне рассказывал:

– Расула постоянно звали в Баку, но он все побаивался и не ехал. Но в Дагестане о нем помнили все меньше, а в Азербайджане обещали устроить его торжественный юбилей и он, поддавшись соблазну, поехал. Принимали его, вероятно, хорошо, но потом Алиев так на него кричал из-за вашей конференции, что Расул от страха забыл у него очки (это был всего лишь бывший народный советский поэт перед не просто президентом Азербайджана, но и членом Политбюро ЦК КПСС и генералом КГБ). И мне пришлось его очки потом привозить в Махачкалу.

Виктор Орехов

Примерно в это же время в Москве раскручивалось второе дело Виктора Орехова, в прошлом капитана КГБ из «пятерки», то есть управления занимавшегося политическим сыском внутри страны – в первую очередь интеллигенцией и диссидентами. Прочитав благодаря своему положению немало «самиздатской» и «тамиздатской» литературы, услышав несколько выступлений в судах и по радио, а главное – множество разговоров диссидентов между собой – результат прослушки квартир и записи телефонных переговоров, Виктор понял, что честность и самоотверженность, стремление принести пользу и своему народу и своей стране находятся на стороне диссидентов, а не его коллег по КГБ. А поскольку он и сам пришел на работу в комитет не для больших заработков, не для власти и выслуги, а для того, чтобы люди жили лучше, порядка в стране было больше, то, убедившись в правоте диссидентов, начал им помогать, предупреждать по телефону об известных ему обысках и арестах.

Александр Подрабинек пишет, что Орехов был диссидентским Николаем Клеточниковым – осведомителем, засланным народовольцами в Третье отделение и предупреждавшего их об арестах. На мой взгляд это тщеславный обман. Он снижает поразительную судьбу и достоинство действий Виктора Орехова до уровня засланного в КГБ провокатора, сводит на нет ту поразительную моральную красоту диссидентского движения, которая и произвела неизгладимое впечатление на нашего профессионального противника и, наконец, косвенно оправдывает и действия КГБ – нашли в своей среде лазутчика и посадили его, а потом – еще раз, уже ни в чем не виновного.

На самом деле Орехов не был лично знаком ни с одним диссидентом, когда начал предупреждать их об обысках; никто и никогда не вербовал его в агенты внутри КГБ, не просил предупреждать о действиях Лубянки. Больше того, в обстановке постоянных провокаций и слухов, диссиденты, особенно в первое время, не доверяли каким-то анонимным предупреждениям. Орехов выбрал для своих предупреждений математика Марка Морозова, который ему (и не без оснований) казался одним из самых искренних и самоотверженных людей в диссидентском мире тех лет. И я уверен, как был уверен и Виктор, – позднее больше года работавший в «Гласности», что не диссиденты, в частности, не Марк Морозов его «посадил». Впрочем, я думаю, что не был прав и Марк, когда говорил мне (мы пару раз с ним оказывались в одной камере в Чистопольской тюрьме), что

Орехов был арестован из-за недостаточно аккуратных разговоров Сахаровых в своей хорошо прослушиваемой квартире. На самом деле КГБ не нужны были ни разговоры – неизвестно были ли они в квартире Сахарова, ни телефонные откровения Марка, которые он в качестве оперативника умел гасить, ни даже показания данные уже во время следствия, по слабости, тяжело и внезапно заболевшего в тюрьме Марка Морозова. Виктор был оперативником и хорошо понимал, что когда в КГБ раз за разом срывается несколько операций, производится анализ причин этого, составляется список лиц, знавших об операциях. Список этот неуклонно сокращается и дальше уже нужны только дополнительные материалы для формального суда.

В этом и был без преувеличения подвиг Виктора Орехова. Он точно знал, что впереди у него неизбежный арест, срок, а может быть, и смерть. Как раз то, что об Орехове знали Марк Морозов, Андрей Сахаров, несколько других диссидентов, что Марка заставили дать показания об Орехове, может быть, и спасло Виктору жизнь. Во всяком случае несколько позже у меня в Боровске (в годы между моими тюрьмами) жил одно время Дима Орлов – сын сидевшего в то время председателя Хельсинкской группы Юрия Орлова. Он мне рассказывал, что в Армении, где они долго жили с отцом, тоже был капитан КГБ, предупреждавший армянских диссидентов. Его нашли выброшенным с балкона, с четвертого этажа, из запертой квартиры. Другого сотрудника КГБ, помогавшего диссидентам, отправили в Сибирь в командировку и вернули жене цинковый гроб, запретив его открывать – якобы он погиб при выполнении служебного задания. Надеюсь, он не был сожжен заживо в крематории, как описывает Виктор Суворов гибель Пеньковского. Виктор Орехов, конечно, понимал, что судьба сотрудника КГБ помогающего диссидентам, может оказаться страшнее судьбы самих диссидентов. И отважно шел на это. Когда получил в Лефортово свое обвинительное заключение, вздохнул с облегчением – статья не предусматривала смертной казни.

Сидел Виктор не в нашей зоне, а в лагере для сотрудников спецслужб, хотя, скажем Евгений Иванов, сотрудник КГБ, решивший что-то продать американцам, как и многие другие, сидел у нас (они были большие друзья со стукачем Львом Волохонским). Думаю, что Виктору пришлось очень нелегко, но каяться и сотрудничать со своими бывшими коллегами он и там не стал. Освободился и организовал какую-то маленькую мастерскую по пошиву одежды. Никто его к правозащитной деятельности особенно не звал, да и он сам не рвался, хоть и сделал у меня доклад на пятой конференции о КГБ и руководил

секцией о въезде и выезде из СССР и России на первой.

КГБ и спецпсихбольницы

(доклад Виктора Орехова на пятой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»):

Когда я закончил Высшую школу КГБ и был полон романтики, хотел работать, искать шпионов, мне сказали: «Забудь теорию, включайся в практику, на деле все по-другому». И я столкнулся с вещами, которые казались мне странными. Например, однажды пришел документ. Всем, кто пишет документы известно, что, сначала их спускают вниз, где ими и начинают заниматься. Если это что-то интересное, тогда документ направляется наверх, а если так себе – разбирайтесь сами. И вот один преподаватель ПТУ нашел много недостатков в работе и решил улучшить обучение учащихся. Никто, конечно, не хотел менять систему обучения, и он стал жаловаться. Будучи эмоциональным человеком, он написал, что вот у нас «все обучение плохое». Значит, намек на то, что у нас вся система обучения плохая, и нас не так учат и не туда ведут. Стали проверять, а не дурак ли он? Как это определяли? Вызывали в военкомат, к начальнику, там, естественно, присутствовал врач-психиатр. Затем вызвали в 47-е отделение милиции, там присутствовал главный врач 13-го психоневрологического диспансера Сущев, очень порядочный человек. И сколько замначальника отделения ни уговаривал его дать соответствующее заключение, он отвечал: «Как я могу это сделать? Если хотите, направьте его к нам в стационар, после обследования я смогу дать заключение». Ну, что за упрямец, тяжело ему было что ли поставить диагноз, сказать, что это шизофрения или еще что-нибудь в этом же роде, и тогда можно закрыть дело? А так непонятно, что делать?..

Что происходит, когда человека ставят на учет в психдиспансер? За ним сразу начинают наблюдать. Мол, перед 1 мая у него обязательно будет возбуждение, и он может что-то сказать, что-то написать, что-то где-то нарисовать, куда-то обратиться. Поэтому лучше всего его изолировать. К нему приезжает «скорая помощь» и забирает в больницу на лечение. В октябрьские праздники – то же самое.

Возможен и другой вариант. Человек не состоит на учете, но написал где-то на заборе «Долой КПСС!» – на него заводится карточка. Эти карточки есть и в управлении КГБ, и в райотделе милиции. И чтобы впредь человек не писал на 1 мая «Долой

КПСС!», к нему в определенное время подходят люди с кружкой пива или просто так. Случилась «нечаянная драка», и его забирают на 15 суток. Но в этом случае к человеку нужно еще как-то придраться, а когда человек стоит на учете, его можно брать в любое время.

В 70-е годы становится известно, что в стране есть много инакомыслящих и просто недовольных. Тогда начали беспокоиться: ведь всех не пересажаешь. Что делать? Хорошо, если можно некого Иванова, которого никто не знает, положить в больницу и объявить психически больным. Но как быть с таким, как, например Юрий Орлов, известный всему миру как человек нормальный? Появляется такая тактика: если известный, то его сажают в тюрьму. Бывало, правда, что и известных пропускали через институт им. Сербского или спецпсихбольницу. Петр Григоренко написал об этом в своей книге. Прочитав ее, поневоле удивишься, как можно было такого человека объявить психически ненормальным.

Многие помнят или слышали о взрывах в Москве в 1977 году. В это же время один человек разбрасывал в Москве листовки. В листовках говорилось, что КПСС сейчас выполняет не те функции, что лидеры КПСС отступили от ленинских принципов. Он был за КПСС, но к существующей КПСС был настроен критически. Его искали два года. Наконец поймали. Какие силы были брошены! На расследование взрывов в метро не было брошено столько сил. В каждом поезде метро, в тех районах, где он разбрасывал листовки, дежурили дружинники из Высшей школы КГБ и Высшей школы милиции. Я сам участвовал в этих дежурствах – выезжаешь и трое суток туда-сюда мотаешься в вагоне метро. А он оказался простым рабочим. Когда его поймали, долго выясняли: кто он такой, как его фамилия, кто его знает? Никто не знает. Значит, надо давать ст. 70 или помещать в спецпсихбольницу. В таких случаях старались не судить, потому что все прекрасно понимали, что, если к кому-то применяется статья 70 или 190-1, то это недовольный существующим строем.

Когда проходит процесс, как бы его ни скрывали, как бы ни контролировали, информация распространяется. Так или иначе становится известно, что было, как и почему посадили. Во многом информация распространялась благодаря, например, Хельсинкской группе Ю. Ф. Орлова, Александру Подрабинеку и другим, информация широко распространялась, особенно за рубежом. Чтобы не показать заграница, что у нас очень много недовольных и что мы их сажаем, надо было их куда-то деть. Лучший вариант – это признать их невменяемыми и спрятать в спецпсихбольницу. Это заведение существует при МВД СССР и

практически представляет собой лагерь, только находящийся в доме, в здании. Люди, которые там побывали, говорят, что это страшные заведения. Однажды я спросил одного сотрудника, правду ли пишут, что там так обращаются с людьми? Он ответил, что правда. С обычными уголовниками, у кого есть деньги или кто «закосил», с ними иногда можно и по-человечески. А эти, политические, кому они нужны? Чуть что – смирительную рубашку, серу вкололи и будь здоров… Повторяю, это была тенденция – как можно меньше людей пропускать через суд, но убирать их с глаз долой. Не знаю, существовала ли такая письменная инструкция, скорее, это был негласный, спущенный вниз совет, который принимался за указание.

Я хочу дополнить свой рассказ тем, как сам прошел через институт Сербского. Первый месяц я не давал никаких показаний. Заявлял: «Делайте, что хотите, все равно напишете, что потребуют, у вас здесь «маний», как статей в Уголовном кодексе». Потом я поговорил с небезызвестной Маргаритой Францевной (психиатр из института), привел ей несколько примеров, как работает КГБ, и поклялся в том, что это правда, жизнью своего сына. Она мне поверила и пообещала, что никакой «мании», никакой «шизофрении» у меня не будет… И она сдержала слово – мне записали просто «инфантильность», на что начальник следственного отдела отреагировал просто: «Ты думаешь, что с этим диагнозом ты ушел? В любой момент, только рот раскроешь, будешь «шизофреником»! Я ответил: «Спасибо, буду знать».

К месту отбытия наказания я ехал в поезде с сопровождающим. Мы были вдвоем в «тройнике». Я спросил, куда мы едем. Думал, что в нашу спецзону. Она была за Уралом, в Нижнем Тагиле. Мне сказали, что в Нижний Тагил. И вдруг я слышу: «Приехали! Казань». Мне сразу вспомнились и Григоренко, и другие. Прекрасно зная, что такое Казанская психбольница, я побледнел, у меня выступил пот. А мой сопровождающий говорит: «Что с тобой? Успокойся, ты едешь в Марки! Там тоже есть спецзона». И у меня от сердца отлегло – я понимал разницу между Казанью и Марками.

Я рассказал свою историю, чтобы вы представляли, что такое спецпсихбольница и что такое пройти через все это.

Но тут замом директора ФСБ стал генерал Трофимов, и Орехов опубликовал в конце 1995 года небольшую статью, кажется, в «Экспресс-хронике» о доблестной борьбе генерала Трофимова с диссидентами в СССР и естественности его назначения на столь высокий пост в демократической России. Трофимов, тоже хорошо помнивший Орехова, решил «доломать»

своего бывшего коллегу. Сперва случайный знакомый Виктора оставил у него в сарае неисправный пистолет. Дальше было видно, что Виктор расслабился – может быть, и впрямь поверил, что в стране стало лучше.

Его задержали с этим пистолетом и возбудили уголовное дело, которому он не придал никакого значения, поскольку знал, что неисправный пистолет не является оружием. Доверился первому попавшемуся адвокату.

То ли меня не было в Москве, то ли я плохо соображал после убийства сына, то ли, еще не слишком хорошо знакомый с Виктором, я решил, что если его делом с энтузиазмом занимаются Новодворская и братья Подрабинеки, то мне нечего туда соваться, и пришел только на суд. Еще до приговора и ареста Виктора в зале суда я понял, чем кончится дело. Адвокатом Орехова, подысканным Подрабинеками, был тот самый рыжий хмырь, который в марте 1988 года втерся ко мне в доверие и украл присланные из США документы по делу к «Литературной газете» (клеветническая статья Ионы Андронова о «Гласности»). Потом этот же хмырь появился в прокуратуре города Жуковский, после разгрома «Гласности» в Кратово. Видимо, в КГБ даже в советское время была то ли острая нехватка кадров, то ли всех диссидентов они считали клиническими идиотами. Увидев его в качестве защитника, я сразу же понял, что Виктор получит максимальный срок. Так и произошло.

К счастью, удалось этого рыжего выродка убрать, тем более, что он и не хотел писать кассационную жалобу. Хотя сразу же выяснилось, что экспертиза пистолета была совершенно незаконной. Цитирую свое письмо того времени Юрию Орлову в США:

«Согласно протоколу изъятия, скрепленному подписями понятых, пистолет имел два номерных знака, к нему имелось 7 пуль, он был упакован в бумажный конверт. Позднее в деле фигурирует пистолет с одним номерным знаком, 8 пуль и конверт другого цвета, скрепленный уже не печатью, но «штампом». Очевидным является то – и на это указывают оба адвоката, – что пистолет дважды перепаковывался (кстати, подписи понятых на конверте тем временем исчезли). Что не исключает, конечно, и его возможной починки. Свидетельские показания Виктора Орехова о неисправности пистолета, которые он давал в суде, не приобщены к делу. Протокол суда до сих пор не предоставлен Орехову на ознакомление, ему не дана законная возможность внести в него свои дополнения».

К счастью, тут же мне удалось уговорить помогавшего всем нам и в советское время первоклассного юриста Андрея Рахмиловича взяться за дело и убедить Орехова, что было даже практически нелегко – он был арестован, было неизвестно где находится, свиданий с ним не давали – и что надо срочно заменить адвоката. В результате кассационного рассмотрения у Виктора из трех лет остался год, из которого он половину уже просидел в следственном изоляторе, тем не менее, на полгода был отправлен в колонию под Челябинском, а выйдя на волю пришел работать в «Гласность». Его собственный кооператив был совершенно разорен. Жена стала настаивать на выезде в США.

Думаю, что на Виктора тяжелое впечатление произвела тогда достаточно гнусная история в правозащитном сообществе. Однажды мне из одной провинциальной организации прислали документ, который от имени Хельсинкской группы рассылали по стране Людмила Алексеева и Лев Пономарев (тогда он был ее заместителем).

Демократическое движение, озабоченное общими вопросами: характером сформировавшейся русской государственности и ее полумонархической конституцией было уже практически уничтожено, но еще сохранялись множество замечательных местных правозащитных групп, борющихся с произволом властей каждый в своем регионе, защищающих по мере возможности местных жителей. Разосланный им документ был о том, что по всей России создаются «общественно-государственные» правозащитные организации. Это был первый, но достаточно громкий звонок начала новой компании уничтожения теперь уже и правозащитного движения.

Проект предусматривал финансирование этих организаций губернаторами и мэрами, получение от них же помещений, оборудования и даже оплаты технических сотрудников, а правозащитники в благодарность за это (но в сотрудничестве с правоохранительными органами) должны бесстрашно и абсолютно честно, невзирая на лица, всех их критиковать и исправлять их ошибки.

Я никогда не был членом Хельсинкской группы, поэтому позвонил Сергею Ковалеву и Ларе Богораз и поинтересовался, как они дошли до жизни такой. Но оказалось, что они ничего об этом не знают: Алексеева и Пономарев рассылают этот проект втайне от членов Хельсинкской группы. Я сказал, что готов прийти на заседание группы. В результате собрание Алексеевой пришлось провести, и не только я, но и Сергей Адамович пытались объяснить, что «общественно-государственных» организаций (да

еще правозащитных) не бывает, что все это превратиться в одних местах в покупку правозащитников, в других – в разделение их на удобных и неудобных с новыми преследованиями для непонятливых. И уж во всех случаях – они будут ширмой, прикрывающей истинное положение дел.

Провели голосование, с небольшим перевесом добились своего Алексеева и Пономарев – уж очень им хотелось получить кабинеты на Старой площади. Не могу поверить, что они не понимали, что делают. Впрочем, и многим другим членам воссозданной Хельсинкской группы хотелось как-то вписаться в новую государственную жизнь России.

Но начались возмущенные письма и звонки из многих организаций, получивших эту директиву, и пришлось Алексеевой и Пономареву устраивать большую конференцию с обсуждением этой идеи. Собственно говоря, она ими и планировалась, но как завершающая, победная. Этого не получилось, еще уцелевшие мощные правозащитные группы Рязани, Нижнего Новгорода, Омска выступили резко против. Выступал, конечно, и я, выступал и уже вновь освободившийся и работавший в «Гласности» Виктор Орехов. Мой доклад пропал, но доклад Виктора случайно уцелел.

Почему я согласен с С. Григорьянцем

Я не хочу говорить о том, что думают и что предполагают создатели этой полугосударственной комиссии. Я разберу проект, который и показывает к чему нас ведут члены инициативной группы.

Члены общественного фонда «Гласность» пришли к твердому убеждению НЕ участвовать в учреждении такой комиссии, но я считаю, что не имею права не высказать свое мнение по столь жизненно важной идее, носящейся в правозащитном движении, а кое-где уже и выполняющейся.

Пункт 1 проекта гласит: «Комиссия – общественно-государственная организация». Откроем ГК РФ. Статья 48 – Понятие юридического лица. В этой статье такого понятия как – общественно-государственная организация – нет, да и быть не может, т. к. создатели проекта прекрасно понимают, что данная комиссия создается как структурное подразделение мэрии г. Москвы на основании статьи 51 Федерального закона Об общественных объединениях, в которой говорится, что общественно-государственные объединения «создаются и

осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти».

Доказательством служит следующее:

Пункт 12 г) проекта: «Состав комиссии утверждается мэром г. Москвы», а в пункте 17 проекта говорится: «Финансирование работы Аппарата комиссии осуществляется Правительством г. Москвы». Это не только структурное подразделение мэрии, но и правительственное, управляемое непосредственно Ю. М. Лужковым и функционирующее на ему подотчетные деньги.

Такую комиссию, подчиненную власти, заведомо отдающую этой власти на удушение правозащитное движение, правозащитник создать не может. Эту комиссию может создать явный аппаратчик, прожженный чиновник по согласованию с компетентными органами либо страдающий инфантильностью, т. е. детскостью в рассуждениях.

Поэтому я считаю, что истинные правозащитные организации участвовать не имеют право. Если кто-то лично хочет работать в такой комиссии – путь свободен, но при этом такой человек станет в лучшем случае рядовым чиновником и должен забыть для себя имя правозащитник.

Раньше КГБ вводил в различные правозащитные организации и группы свою агентуру, вербовал ее среди их членов и окружения, чтобы не только знать обстановку и намерения, но и влиять на решения и действия этих организаций и групп, дабы они нанесли власти, чиновникам, наименьший вред. Теперь этого делать не надо, деятельность правозащитников будет оплачиваться властью и, естественно, ею же регулироваться. А на основании пункта 9 проекта и Закона РФ «О государственной тайне», который упоминается в этом же пункте, частью правозащитной деятельности будет заниматься и выполнять ее ФСБ г. Москвы во главе с генералом Трофимовым. За такую комиссию он будет голосовать двумя руками, тем более, что не надо тайно с кем надо встречаться, т. к. на основании п. 8 проекта «по вопросам своей деятельности» его «вправе беспрепятственно посещать…» члены комиссии и привлеченные ею любые лица.

«Яблоко», членами которого являются такие разные

люди как Явлинский, Лукин, Щур и др. не хочет идти на поводу у существующей власти, не хочет с ней сотрудничать, а правозащитники толпой, целыми организациями (инициативную группу представляет ряд организаций) спешат сотрудничать с властью, на счету которой масса нарушений прав человека, законов и Международных соглашений.

Привлекая в такие комиссии правозащитников власть заботится прежде всего о своей легитимности, а затем о подчинении и постепенном уничтожении правозащитного движения. Власть явно покупает правозащитников, чтобы потом сказать: «Вместе с нами работают и нас поддерживают известные правозащитники, а против выступают „самозванцы“ и „отщепенцы“, своими действиями порочащие Россию».

Может ли кто-либо представить в таких комиссиях при Ельцине В. Буковского, при губернаторе г. Омска – Ю. Шадрина, при мэре Лужкове – кого-либо из Подрабинеков или А. Марченко, земля ему пухом?

Какие доклады в международные организации пропустит власть? Типа: «Есть отдельные недостатки, но в общем и целом…» Ничего другого за выделенные ею деньги не будет.

Неужели до сих пор не прошла эйфория 1991–1992 гг.? Неужели по прошествии 5 с лишним лет не видно, кто и как правит бал? Создание таких комиссий и выполнение подобных идей привело к тому, что народ стал говорить: «Вот что наделали демократы!» Подобное сотрудничество с властью привело Россию к расстрелу из танков Парламента, к страшным чеченским событиям, к коррупции чиновников от власти, к обнищанию народа и обогащению «демоклатуры», как прекрасно выразился Буковский, к высочайшей смертности и унижениям в местах лишения свободы (КПЗ, СИЗО, тюрьмах и лагерях), к почти абсолютной вседозволенности работников судебно-правовой системы и ко многому другому, что делается непосредственно под руководством существующей власти.

И еще один вопрос. Кто вел дела Ковалева, Орлова, Якунина и других правозащитников? Нынешний директор ФСБ по г. Москве и МО А. В. Трофимов, более чем тесно сотрудничающий с Ю. М. Лужковым.

С такой властью ОФ «Гласность», который я представляю, сотрудничать не имеет ни малейшего

желания. Мы от этой власти можем только требовать и требуем соблюдения прав человека, выполнение законов, соответствующих международному праву, соблюдения общечеловеческих принципов с помощью общественности, СМИ и международных организаций.

С легкой руки инициативной группы уже идут победные отчеты о создании таких комиссий, о проведении конференций, в который, как в Челябинской области, будет участвовать 600–800 правозащитников-делегатов. Сколько же их там всего? *По Алексееву А. В.*, Челябинская область живет в высшей стадии демократии. С таким количеством правозащитников не могут быть нарушены права человека, законы, экология. На каждом судебном процессе там присутствует, видимо, по нескольку правозащитников, а, возможно, там следователи, прокуроры и судьи являются правозащитниками? Пора всем нам ехать туда на учебу. Как все это знакомо, победные реляции, выполнение и перевыполнение планов и ни одного конкретного выигранного до конца правозащитниками Челябинска дела. А на мой взгляд Челябинскую область давно уже пора посетить комиссиям международных организаций, в том числе и ОБСЕ, потому что года не прошло как в Челябинск не дали возможности выехать из Москвы для беседы со мной немецкому телевидению.

Я твердо убежден, что от этой власти правозащитники обязаны требовать выполнения ею же изданных законов, а не сотрудничать с ней. Кроме того, пора бы уже серьезно задуматься над вопросом: «А нужна ли нашему народу именно такая власть?»

Орехов считал, что это характерный пример работы КГБ, приводил известные ему аналоги. Раздосадованный Лев Пономарев имел наглость при мне подойти к Виктору и сказать:

– А чего это вы выступаете? Вы думаете, мы не знаем, где вы служили?

Это человек, не имевший за душой ничего, кроме кухонных разговоров и митингов во славу Ельцина, смел так говорить с одним из лучших людей России.

Виктору трудно было оставлять в России сына (от первого брака) и мать, он успешно работал в «Гласности», формировал состав выступающих и выступал на шестой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», но положение его становилось все опаснее, для КГБ он был изменником, а главное – правозащитный

мир «новой» России не имел ничего общего с тем диссидентским, конца 1970-х годов, ошеломившим когда-то Виктора абсолютной чистотой и самоотверженностью, готовностью к подвигу и любовью к России, ради которого он и шел на гибель. И Виктор с моей помощью обратился за эмиграционной визой в посольство США.

Перед отъездом Орехов привел в «Гласность» сержанта милиции, которого когда-то сам же уговорил служить. Тот говорил с отчаянием:

– Приходится уходить. Заниматься поборами и подбрасывать наркотики я не хочу, а без этого мои товарищи мне не верят, считают, что я стукач. А я ведь шел в милицию, чтобы помогать людям…

* * *

Французское телевидение недавно показало фильм об Орехове, разыскав его, скрывающегося под чужой фамилией, в США. Показало, как он подрабатывает разносчиком пиццы, его горечь и обиду. Виктор – действительно великий русский человек, подлинный герой, но даже то, что было сказано в фильме теми немногими, кто его помнит и к кому (иногда по наивности) обращались французские журналисты, было не вполне справедливо. И все же слава богу, что такой фильм хотя бы во Франции есть. А в России Виктор Орехов, к несчастью, забыт.

Я ездил с французскими документалистами в пермские зоны, и они засняли, но, к сожалению, не включили в свой фильм поразительную сцену: на опушке леса из-под снега торчат кресты – могилы погибших здесь заключенных. И при нас из десятой зоны выехал на лошади мусорщик и вылил две бочки с помоями на эти еле видные деревянные памятники.

Новая попытка заманить меня в Кремль

Примерно в то же время, когда судили Виктора или даже когда разворачивалась работа трибунала, у нас раздался звонок из администрации президента и меня для чего-то пригласили к Красавченко – первому заместителю руководителя аппарата президента. Я из любопытства приехал. Уже не помню, где был разговор – на Старой площади или в Кремле, но в кабинете, кроме Красавченко, оказался еще и Батурин – помощник Ельцина. Без особенных экивоков мне было предложено стать заместителем Сергея Ковалева – в то время председателя Комиссии по правам человека при президенте (и Уполномоченного по правам человека в РФ).

Мне трудно сказать, зачем это предложение было сделано. Встречая потом и Батурина и Красавченко, я никогда их об этом не спрашивал. Может быть, это была попытка ввести меня в свой круг и попытаться остановить работу над трибуналом (хотя Рубанов, в это время – заместитель секретаря Совета Безопасности, встретив меня однажды случайно на каком-то посольском приеме, отвел в сторону и сказал: «Ваш трибунал как-то сработает только через пять лет, а в Кремле никто больше чем на полгода вперед не думает»).

Может быть, была надежда, что я в восторге от предложенного кабинета стану ручным и не только забуду о трибунале, но еще и начну конфликтовать или даже выживать Ковалева (кстати говоря, штаты не предусматривали должности его заместителя – это для меня на время Красавченко и Батурин собирались ее создать.

А между тем Сергей Адамович как раз в это время делал все самое важное и самое лучшее в своей жизни (по моему мнению), в чем его никто не мог бы заменить. После первых же варварских бомбардировок Грозного в начале танковых прорывов к центру города он тут же поехал в столицу Чечни, прятался со всеми в подвалах президентского дворца и в первую очередь благодаря ему чеченцы в течение всей первой войны понимали, что в войне на их земле виноват не русский народ, а кремлевские бандиты. Чеченцы в то время спасали сотни несчастных необученных русских мальчишек, которых «на авось» послали воевать по приказу авантюристов или, как считал, генерал Рохлин – московской мафии. Конечно, и многие другие старались сделать все, что могли. Мощных демократических организаций уже не было, но еще были не до конца задавленные, не с потрохами купленные СМИ, и голос Ковалева как официального лица (не

возразишь) звучал в те два года чище и сильнее, чем когда бы то ни было. Я впервые пожалел, что отказался когда-то, как он, баллотироваться в Верховный Совет СССР. А потому и не получил таких, как появились у Ковалева, возможностей. Впрочем, для этого пришлось бы сотрудничать с Гайдаром, Ельциным и быть соучастником начала чеченской войны…[41]

Именно Сергей Адамович в эти два года пытался спасать (и спасал!) чеченцев и русских – поехал, реально рискуя, в автобусе с Басаевым, чтобы освободить захваченных террористами пациентов в больнице Будённовска, громко и прямо называл преступлениями все, что происходило по приказу из Кремля в Совете Европы. Чтобы хоть как-то заглушить голос Ковалева, послушные коммунисты и делегаты от партии Гайдара и Черномырдина (даже скучно припоминать как она тогда называлась) лишили Ковалева поста омбудсмена.

Так или иначе, я Сергею Адамовичу мешать не собирался да и встречаться в одних коридорах с людьми, отдавшими приказ убить Тимошу, мне даже в голову не приходило. Я тут же отказался, недолго поговорил с Красавченко и Батуриным о ФСБ, делая вид, будто и впрямь полагаю, что этот монстр им враждебен, и с отвращением ушел.

Месяца через два случайно встретил Ковалева, рассказал о сделанном мне предложении.

– А мне и не сказали, – ответил Ковалев.

Я для проформы связался, конечно, и с Комиссией по войне в Чечне, официально созданной в Думе. Возглавлял ее Говорухин, мы с ним поговорили, конечно, но никакой пользы от этой комиссии не было даже не столько потому, что сама Дума по ельцинско-гайдаровской конституции была совершенно бесправна, о начале войны узнала, как и все граждане, из газет, ни на что не имела права и была к тому же наполовину запугана, на сорок пять процентов – куплена. Суть заключалась в том, что сама комиссия Говорухина и была одной из тех гнусных комиссий, созданных для вида властями, как впоследствии комиссия Эллы Памфиловой по взрывам домов в Москве, Волгодонске, Буйнакске и гибели тысяч ни в чем не повинных людей; как комиссия Торшина по штурму спецназом школы во Беслане, где погибло более трехсот детей, для того, чтобы скрыть все что можно в этих преступлениях, чтобы хоть как-то обелить инициаторов этих убийств, помочь российским властям смыть с себя хотя бы малую толику крови.

Как и что делали и «Гласность» и Ковалев в России и Чечне, на самом деле частью уже описано, частью может быть еще дополнено, из пяти запланированных томов трибунала лишь

последний был украден сотрудниками КГБ. «Мемориал» тоже издал несколько небольших книг, хотя их целью не было предупреждение следующей войны – они просто не понимали, что она неизбежна. Алексеева и Пономарев, кажется, так и не узнали о том, что в Чечне идет война; Самодуров в Музее Сахарова под конец решил поинтересоваться потерями культуры в ходе войны; пара интервью Явлинского, конечно, сохраняли имидж «Яблока», но ничего не меняли.

Самым неприятным и никем не описанным обстоятельством было то, что и я и Ковалев совершенно неожиданно для себя столкнулись не то чтобы с откровенной обструкцией, но с гораздо более холодным, чем мы ожидали, отношением к тому, что мы делали, на Западе. К счастью, этот мир велик и достаточно свободен. Наши обращения, возмущение, призывы всегда находили сочувственный отклик и поддержку в Европарламенте, во множестве общественных организаций во Франции, Англии, Германии, в скандинавских странах и даже США. Я в точности не знаю, с какими препятствиями встречался Ковалев – никогда с ним об этом не говорил, но, конечно, не случайно, хотя и не для официальной записи в трибунале он пересказал мне рассказ министра иностранных дел Андрея Козырева, которому якобы Уоррен Кристофер – госсекретарь Соединенных Штатов – еще весной девяносто четвертого года мельком сказал: «Вашему президенту для укрепления престижа не помешала бы маленькая победоносная война». Поэтому, возможно, и является достоверным переданный мне году в девяносто восьмом одним из помощников президента Татарстана Минтимера Шаймиева рассказ его шефа о том, что сперва Ельцин намеревался двинуть войска на Казань, где мера независимости была существенно выше, чем в Чечне, и даже войска уже подтягивались к границам, но президент Татарстана оказался умнее и тоньше Дудаева и сумел «перевести стрелки» на Чечню.

Сергей Адамович, конечно, не знал, что Козырев был штатным сотрудником ГРУ и подобную байку вполне мог сочинить, но все же факт оставался фактом: российские власти совершили одно из самых чудовищных и кровавых преступлений XX века, а президент США Билл Клинтон как ни в чем не бывало приезжал во время этой вакханалии в Москву, встречался с Ельциным, и российское руководство получило новый громадный кредит от Международного валютного фонда. По странному совпадению его величина – семь миллиардов долларов – примерно соответствовала расходам России на войну в Чечне.

Все это было совершенно очевидно – я говорил об этих, уже бесспорно двойных стандартах на заседаниях трибунала, но

вплотную встретился, когда вместо грошей, которые мы тратили на опрос свидетелей и издание микроскопическими тиражами книг, понадобилась вовсе не безумная сумма – около ста тысяч долларов, на проведение самого Трибунала.

Председатель комитета по правам человека Европарламента, когда я его спросил, можно ли получить такой грант в Брюсселе, прямо мне сказал: «На трибунал – нет».

Потом объяснил, что и у него, и у лорда Николаса Бетелла, в Страсбурге и Брюсселе возникли некоторые трения, когда они стали членами трибунала. «Вы же понимаете – США против этого».

Я уже писал, что если это был циничный политический расчет Клинтона, то это была грубейшая ошибка и цена этой администрации – ломаный грош. К Ельцину относились примерно так же, как к любому из диктаторов в Карибском бассейне: «Хоть он и сукин сын, но это наш сукин сын». И это была ошибка стратегическая – Ельцин все меньшее значение имел в российском руководстве, и во много раз ослабленная некомпетентностью и казнокрадством Россия вновь на разворовываемые американские деньги становилась все же более опасным для США противником, чем, скажем, Организация освобождения Палестины. Пока же казалось, что все идет очень хорошо, правда, на репутации Соединенных Штатов как борца за демократию можно было поставить крест. Как я уже писал, вещание радиостанции «Голос Америки» на русском языке было закрыто, возможности «Свободы» сведены к смехотворному минимуму, и население России оказалось в информационной зависимости от КГБ в гораздо большей степени, чем при советской власти.

Конечно, я пишу только об администрации Клинтона, и в ней, поскольку США большая и свободная страна, в те годы находились разные люди. Почти непрерывно «Гласность» поддерживал Карл Гершман и руководимый им сенатский, то есть не опирающийся ни на одну из партий фонд NED; Джордж Сорос в своих менявших название фондах тоже всегда поддерживал «Гласность», чему немало помогала работавшая там Виктория Маликова. Когда началась вторая чеченская война, которую «Гласность» единственная предсказывала и безуспешно пыталась предотвратить, Джордж поручил нью-йорскому директору фонда разыскать меня и дать возможность создать информационный бюллетень «Гласность»-Кавказ», сказав, что никто другой реального представления о том, что там твориться, не даст. К этому времени и Збигнев Бжезинский собрал группу американцев протестующих против новой, не менее чем предыдущая кровавой

бойни, устроенной сперва для Путина, а потом и самим Путиным. Но все это было или слишком поздно, или совершенно недостаточно.

Фактическая поддержка американской администрацией войны в Чечне сделала невозможным проведение трибунала, бессмысленно взращивала все более внятную непосредственную и ничем не ограниченную власть КГБ во все более агрессивном, даже при своем относительном бессилии российском государстве. Провести трибунал в Европе (мы пытались это сделать в Лондоне) тоже не удавалось. Когда речь переходила от моральной поддержки к практической реализации, никто из известных мне европейских политиков и общественных структур не захотел вступить в прямой конфликт с пусть прямо не высказанной, но вполне очевидной каждому политикой президента Клинтона. Одно время лишь английская телевизионная компания ITV решилась было финансировать проведение трибунала и показывать его в прямом эфире, но потом, по неизвестным мне причинам и там от этого отказались. Чеченцы к трибуналу, к единственному анализу и описанию чудовищной для Чечни войны, где погибло, зачастую мученической смертью, едва ли не сто тысяч представителей этого маленького народа, тоже на уровне руководства не проявляли никакого интереса. Когда я на варшавской конференции по правам человека подарил Масхадову напечатанный на последние крохи в «Гласности» четвертый том материалов трибунала, он поблагодарил меня так, как будто я дал ему прикурить. Этот наивный чеченский полковник искренне полагал (или ему внушили), что если обо всем позабыть, не раздражать Кремль, то все как-нибудь уляжется. Масхадов точно не предвидел ни собственной судьбы, ни судьбы еще десятков тысяч чеченцев, которым предстояло погибнуть во второй надвигающейся войне. Мы этот четвертый том издали с большим трудом (Ихван Гериханов, председатель Конституционного суда Чечни, пообещал найти деньги, попросил написать благодарность на обложке, но ничего не нашел), пятый том так и остался ненапечатанным – был в подготовленном к печати виде украден со всеми черновыми материалами в последнем разгроме «Гласности».

Во второй половине девяностых годов я нередко бывал в Польше. Во-первых, конечно, в связи с чеченской войной, поляки дружественнее, чем кто-нибудь поддерживали чеченцев, видя в них не просто жертву российской агрессии, но народ, который так же, как поляки столетиями не прекращал бороться сперва с царской, потом – с советской, теперь с так называемой демократической Россией за свою независимость. В Варшаве (в

Доме культуры и науки – уродливом символе русской оккупации) и на соборной площади в центре Кракова были открыты чеченские представительства. Отец Глеб Якунин и польский митрополит отслужили экуменическую молитву за мир в Чечне. Практически все сменившиеся польские правительства – от Леха Валенсы, с которым я снова встретился (теперь он уже был в отставке) до Яна Ольшевского, охотно ставшего членом трибунала, и Тадеуша Мазовецкого, готовы были по мере своих очень небольших возможностей (Польша находилась в критическом положении) способствовать не только мирному урегулированию в Чечне, но и поддерживать правительство Масхадова, делая менее вероятной новую войну.

Пару раз не только в Польше, но и в Париже и в Страсбурге я был с министром иностранных дел Чечни Русланом Чимаевым. Этот умный, интеллигентный, абсолютно порядочный и очень красивый человек (потом и его убили) – живой иллюстрация трагедии внутреннего раздвоения, душевного разлома всех лучших известных мне чеченцев. Дело было в том, что в хрущевском законе о реабилитации, о возвращении на родину высланных при Сталине народов, содержался малоизвестный пункт о том, что молодым людям из этих народов предоставляются льготы для получения не только законченного среднего, но и высшего образования, так как до этого им просто не давали закончить что-либо выше семилетней школы. В результате у русских немцев, на которых хрущевский закон не распространялся, уровень образования к восьмидесятым годам был много ниже, чем у чукчей. Но большинство из возвращенных на свою родину народов (калмыки, балкарцы, ногайцы и др.) к этой возможности отнеслись почти без всякого интереса. Но не чеченцы, у которых тяга к образованию, вероятно, была просто генетической. Десятки тысяч чеченских юношей и даже девушек разъехались в русские города – не только в Москву, но и в Саратов, Владимир, Новосибирск и многие другие, чтобы пользуясь предоставленной им льготой получить высшее, иногда – военное, образование. Большинство из них, в семнадцать лет уехав из горных аулов, оставались в России, став по всем своим привычкам и даже языку бесспорно русскими людьми (Джохар Дудаев, переезжавший всю жизнь из одного русского военного городка в другой, женатый на русской даже говорил по-чеченски сперва очень плохо). Не только русская культура, но и воспринятая через нее, в русском понимании, культура европейская становилось для десятков тысяч наиболее образованных чеченцев родной. Они действительно становились русскими людьми, но только до той поры когда начались

бомбардировки их деревень, их городов, начали гибнуть и отцы, деды и братья. И тогда эти разорванные между русской культурой и чеченским происхождением люди начали возвращаться к своим семьям, которых иногда не видели многие десятилетия.

Таким ленинградским инженером, окончившим Технологический институт, и был Руслан Чимаев. Такой же была и Липхан Базаева – председатель Комитета чеченских женщин: она жила в Чечне и преподавала в Грозненском университете, но обладала всеми самыми лучшими чертами русской интеллигенции.

Руслан, будучи человеком достойным и здравомыслящим, но привязанный в своих поездках к Нухаеву не только потому, что тот был вице-премьером в правительстве Масхадова, но главным образом из-за того, что Нухаев оплачивал все поездки в тех случаях, когда они изредка одновременно оказывались в Париже, Страсбурге или Варшаве, не объясняя мне сути дела, старался, чтобы я их вице-премьера по возможности даже не видел. Но и без того все было понятно: Нухаев – профессиональный уголовник, объявленный в розыск в России (потом его обвиняли в организации убийства Пола Хлебникова, вполне откровенно о нем написавшего) и ставший из-за серьезной ошибки, если не преступления, Джохара Дудаева на какое-то время при Масхадове казначеем Чечни.

При всем том, что я написал о культуре получивших образование в России чеченцев, это была характерно кавказская, горская ошибка, основанная на народной поэтизации (как Робин Гуд у англичан) подвигов и рыцарства вольных разбойников. Именно они казались людям, ничего не понимавшим в советском уголовном мире, носителями национального духа и подлинного патриотизма. Такую ошибку сперва сделал гораздо более циничный, но всего этого не понимавший Звиад Гамсахурдия, способствуя под лозунгом «Грузия – для грузин» созданию из освобожденных уголовников отрядов «Мхедриони», которые в Абхазии воевали довольно плохо, но зато разграбили и сожгли половину Грузии.

Дудаев надеялся, что патриотически настроенные уголовники из числа чеченцев, промышляющие в России, будут, отчисляя часть своих доходов, серьезной опорой молодой чеченской государственности. Дудаеву казалось, что это взаимовыгодное сотрудничество: в Грозный шли немалые средства, а чеченские группировки, имея опору в Грозном, в Москве и других городах (до тех пор пока русский уголовный мир практически не слился с МВД и КГБ) успешно теснили местных авторитетов: захватывали контроль над автомобильными рынками, существенной частью

антикварной торговли, а главное – первыми вошли в требующий уже не только тюремного образования банковский бизнес (пресловутые чеченские «авизо» и просто контроль над банками). При Нухаеве вертелся явно связанный с КГБ, якобы принявший ислам Мансур Яхимчик, появились саудовские принцы (восстановилась торговля нефтью) и еще более откровенные провокаторы. Когда я их встречал, мне было до смерти жаль и Руслана Чимаева и Липхан Базаеву, да и всех тех, ни к КГБ, ни к уголовщине не причастных чеченцев, которым уже пришлось и еще придется расплачиваться за войны, устроенные мафией. Было очевидно, что несчастная Чечня стала разменной монетой в политических и уголовных играх вообще, а в кремлевских – в особенности. Но даже трибунал, который хоть как-то мог заставить Ельцина и его присных вести себя приличнее, считаться если не с Россией, то хотя бы с окружающим ее миром, провести мы не смогли. Но все же мы создали прецедент, впервые в русской истории предприняв попытку осуждения властей предержащих за принятие преступных решений.

Международный уголовный суд

Чеченский трибунал естественным образом перетек в создание российской коалиции в поддержку международного уголовного суда. Уже в девяносто пятом году в конференции, принимавшей решение о проведении трибунала, участвовал известный специалист по международному праву академик Игорь Блищенко – автор единственной тогда в мире книги «Международный уголовный суд». Поэтому естественно, что когда сотрудники «Хьюмен райт вотч» обратились ко мне с просьбой поддержать предложение Генеральной ассамблеи ООН и ряда неправительственных организаций о создании Международного суда, я, в свою очередь, начал советоваться с Блищенко, и мы решили создать коалицию в поддержку Международного уголовного суда. В мире из всех неправительственных организаций только «Гласность» имела практический опыт подготовки пусть неправительственного, но не публицистического, а со строгой юридической процедурой трибунала над руководством страны, виновном в международных военных преступлениях и преступлениях против человечности. К несчастью, Александра Михайловича Ларина, подготовившего устав нашего трибунала, уже не было в живых, но для обсуждения первоначального проекта уже обсуждавшегося в комиссиях ООН устава Международного трибунала, в России еще оставалось достаточно юристов и две-три приличные и серьезные неправительственные организации. Из них мы с академиком Игорем Блищенко и решили создать коалицию и собрать первую конференцию в июне девяносто восьмого года.

Почти три года работа наша протекала на удивление легко и без помех. Создавалось странное ощущение, что в Кремле не понимают, что если Международный уголовный суд будет создан и представится такая возможность, первым его обвиняемым с безусловным приговором к пожизненному заключению будет президент Ельцин и многочисленные его пособники. Конечно, никакой помощи внутри страны мы не получали и не просили, но готовить конференцию Володе Ойвину было едва ли не легче, чем другие наши конференции. Какие-то микроскопические деньги на аренду зала в Университете им. Патриса Лумумбы и оплату звукозаписи помог найти «Хьюмен Райтс». На конференции выступили со своими замечаниями к уставу известные русские и зарубежные юристы Станислав Черниченко, Клаус Пальме, Глеб Старушенко, Уон Гуин, Юрий Решетов, от неправительственных организаций – Элла Полякова («Солдатские матери Петербурга»),

Лев Федоров («За химическую безопасность»), Станислав Самченко (Нижегородское общество прав человека), Мара Полякова, Володя Ойвин. Однако, особенно интересны не по содержанию, а по самому их факту были выступления Кирилла Геворгяна – заместителя директора правового департамента МИД» а и Михаила Палеева – советника Главного государственно-правового управления Президента РФ. Эти официальные должностные лица, пусть с некоторыми оговорками, но поддерживавшие создание Международного уголовного суда, сотрудничавшие с нами, ясно показывали, что в России еще остаются люди, стремящие хоть как-то ограничить кремлевское руководство, уменьшить вероятность новых диких преступлений. Правозащитники вынуждены были пополнять чисто юридические аспекты обсуждения уставных положений Международного уголовного суда можно сказать бытовыми чертами общества, где продолжали совершаться вопиющие преступления против человечности. Вот небольшая часть доклада Эллы Поляковой и мое к нему дополнение:

> …Надо сказать, что во внутренних войсках в связи с чеченской войной появились новые вызывающие тревогу подразделения, например, батальон особого назначения – БОН, куда специально берут юношей психически неблагополучных. Вероятно, их сознание легче обработать. Мы взяли под свой контроль группу специального назначения – ГСН. Она входила в воинскую часть № 3526 под Петербургом, которая, кстати, проводила акцию в Самашках. ГСН, можно сказать, чисто невзоровская безумная культура, со страшными методами обработки сознания. Вы могли видеть праздники ВДВ и молоденьких солдат, которые абсолютно не контролируют свои действия и поступки. Мы присутствовали на занятиях в ГСН, наблюдали, например, как солдат бьет себя бутылкой по голове. В этих группах идет массовая подготовка убийц – проводится настоящее зомбирование ребят, вследствие которого изменяется их сознание. Эта воинская часть стала настолько неуправляемой, что военная прокуратура не может ничего сделать. Вот ситуация, когда невозможен общественный контроль. Куда направят этих прошедших Чечню солдат, если нет внутренней войны, если не развяжут войны в Дагестане? В этих подразделениях были оставшиеся безнаказанными случаи ритуального повешения своих

товарищей, По-видимому, это входило в практические задания после основных занятий с офицерами.

При этом надо сказать, что система военной юриспруденции защищает этих убийц. Система дознавателей, система военной прокуратуры, военных судов, военных врачей – все они полностью покрывают этот беспредел. И дальше эти люди, безнаказанные преступники, выходят в общество, а здесь их с готовым криминальным сознанием ждут не только ФСБ и милиция, но и криминальные структуры. Почему же тогда мы удивляемся криминализации общественного сознания и тому, что делают наши люди в европейских странах. Эта проблема – государственная подготовка убийц – должна быть в фокусе внимания международного сообщества.

Теперь о рабстве. Нигде ни слова не сказано о рабстве солдат. Ведь никто не обращает внимания на то, что молодые люди практически лишаются всех гражданских прав. Их использовали в Чернобыле, когда голыми руками они разгребали зараженные завалы. На них проводили испытания на Урале. Это рабство широко распространено и сейчас, причем это уже экономическое рабство. Очень любопытные части – стройбат ФСБ. У нас есть документы, свидетельствующие о том, что в Москве один полковник ФСБ имеет свой завод по изготовлению сантехники, а работают на нем и делают эту сантехнику солдаты. <…>

С. Григорьянц. К сожалению, этот чудовищный рассказ я должен дополнить. Вчера мы провели пресс-конференцию, на которой выступили два сотрудника ФСБ, в настоящее время вынужденные скрываться. Они попытались навести порядок в одной подмосковной части ФСБ. Там было много всего – от кражи секретных документов (в частности списков агентуры для использования в личных целях), от длинного списка убийств до примеров рабства. Один из офицеров рассказывал: «Начинается день, и к воротам сов. секретной части подъезжает одна машина за другой. То директор завода заберет человек 50, то приедут с железнодорожной станции, то священник попросит нескольких человек. Так утром всех солдат увозят, а к вечеру возвращают». От директора ФСБ они дошли до генерального прокурора и нигде не нашли понимания.

Там имел место ряд государственных преступлений, и рабство было самым последним и ничтожным из них.

Министерство иностранных дел в это время не только принимало самое активное участие в доработке устава Международного уголовного суда, и я не раз встречался на заседаниях комиссий ООН в Нью-Йорке с Кириллом Гевокяном, но и после того как в Риме на специальной сессии устав был окончательно утвержден – летом 2000 года (сохранив название «Римский статут») и было принято решение о создании суда, после ратификации устава необходимым минимумом стран – членов ООН российский МИД, в отличие от госдепартамента США и, скажем, властей Китая, был бесспорным сторонником ратификации (и имплементации) устава российскими властями. Больше того, МИД'у и правовому управлению президента удалось в эти последние месяцы убедить Ельцина подписать устав, то есть на президентском уровне он был в России одобрен. Но для того чтобы Россия стала членом Международного суда, требовалась его ратификация в Государственной Думе и в годы правления Путина, начавшейся с новой войны в Чечне, то есть нового международного преступления, это уже было невозможно.

Российская коалиция в поддержку Международного уголовного суда (а практически фонд «Гласность») опубликовала в 2000 году Римский статут[42] и провела вторую конференцию, теперь уже посвященную его ратификации Думой. К несчастью, ее доклады, в отличие от первой конференции, издавать было уже совсем не на что и они, по-видимому, пропали, но помню, как на эту конференцию мы стремились собрать как можно больше нынешних и бывших депутатов Думы (а не только выступавших и на первой конференции Сергея Ковалева и Владимира Грицаня) и как они всячески старались избежать этого.

Попытки запугать в начале правления Путина

В конце марта две тысячи первого года в Москве прошла еще одна конференция, посвященная ратификации и имплементации устава Международного уголовного суда. Конференцию эту проводил Международный Красный крест, была она не собственно российской, но региональной – с делегациями из Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Киргизии и нескольких других бывших советских республик. Она была правительственной, проходила в «Президент-отеле». Было видно, насколько в течение нескольких месяцев в России изменилось отношение к Международному уголовному суду. Делегацию Международного комитета Красного креста возглавлял вице-президент МКК Жак Форстер – это был, бесспорно, министерский уровень. Делегация России была очень многочисленной, но старшим в ней был всего лишь директор правового департамента МИДА» а, да и он на конференции, кажется, не появился – во всяком случае доклада его в сохранившихся документах у меня нет.

Единственным человеком, не имевшим отношения к государственным структурам, но официально приглашенным на эту конференцию, оказался почему-то я, но уже на второй день мне стало ясно, для чего и кем это было сделано. За обеденным столом рядом со мной оказался довольно странный для правительственной конференции член российской делегации – г-н Альберт Микульшин, как сказано в списке участников – преподаватель кафедры административного и международного права академии Федеральной Службы Безопасности РФ, интеллигентный и приятный немолодой человек.

Он сразу же заговорил о том, что в России теперь новая, гораздо более разумная власть, и серьезные неправительственные организации имеют все основания рассчитывать на ее поддержку, на прямые контакты с российским руководством. (Это были новые вариации на тему о том, как Андропову остро необходимы рекомендации советских диссидентов.) Я, не глядя на него и помешивая суп в тарелке, ответил:

– Что касается меня, то я буду контактировать с кем-нибудь только после того, как увижу убийцу своего сына. Что же касается других неправительственных организаций, думаю, было бы правильно не заниматься их тотальным уничтожением, а найти разумные формы сосуществования.

Больше г-н Микульшин со мной не заговаривал, было ясно, что его миссия, как и тех, кто пригласил меня на конференцию, была выполнена.

Через несколько месяцев была произведена попытка. Одна из дам, организующих замечательные выставки в Москве, на которые я всегда давал графику или живопись, позвонила сказала, что у нее есть знакомый, который хочет купить рисунок Врубеля, а ведь «у вас их несколько, да и обычно всегда нужны деньги». Денег для «Гласности» действительно остро не хватало, и я согласился с ним встретиться. Это оказался крепыш лет тридцати. Небольшой, но первоклассный рисунок он отнес в Третьяковскую галерею на экспертизу, после бесспорного подтверждения благодарил меня за его невысокую цену (видимо, получил на покупку больше денег). Но после этого начал со мной длительные «деловые» переговоры. Для начала сказал, что в прошлом он – капитан внешней разведки. Потом прибавил, что я – единственный в мире человек, которому вернули коллекции из десятка музеев двух стран, и людям, с которыми он сейчас работает, это очень интересно. У них есть серьезный коммерческий проект. В российских музеях находится множество незаконно конфискованных вещей, которые наследники владельцев в отличие от меня не могут, а чаще всего и не пытаются получить назад. Компания, где теперь работает мой новый знакомый, стремится собрать сведения о таких вещах в музеях, находить их законных владельцев, выкупать у них права на вещи, которые они не могут получить, а потом с помощью первоклассных адвокатов, а главное – возможностей влияния в правительстве, все же получать вещи из музеев, частью для последующей продажи, частью для того, чтобы оставить себе. И такой человек как я, который вернул семейные коллекции из музеев, и, конечно, обладает важной информацией по этому вопросу, им остро необходим, и они хотели бы сделать меня руководителем этой структуры. Между делом упомянул, что он знает о всячески задерживаемой Минфином выплате компенсации за украденные и невозвращенные мне библиотеку, вещи и дорогую мебель моих прадедов и поскольку у них хорошие отношения с Кудриным, этот вопрос легко решить. Тут же предложил мне офис на Новом Арбате и сто пятьдесят тысяч долларов на первоначальные расходы, но попросил написать подробный проект.

Предложение это меня заинтересовало. Во-первых я, конечно, знал о множестве вещей, незаконно находящихся в музеях и чаще всего не экспонирующихся. Среди них был один из Рембрандтов

Эрмитажа, конфискованный в 1940-е годы, ко мне уже обращалась за помощью дочь С. И. Зимина (но она не пришла к рекомендованному мной адвокату) – владельца известного московского театра и громадного Театрального музея, переданного всего лишь на хранение в музей Бахрушина, и никогда не возвращенного. Девятиметровая «Принцесса Греза» Врубеля тоже была собственностью Зимина, но попала в Третьяковскую галерею благодаря Николаю Павловичу Пахомову. Другие, видимо, погибшие (но никто никогда не искал их в рулонах) декорации и занавес Врубеля хранились в Большом театре.

К тому же картины картинами, но если встанет вопрос о реституции (возвращении владельцам) частной собственности в России, то все становится особенно интересным. Не будучи знакомым с Петром Шереметевым – директором Русской консерватории в Париже, я знал о его безуспешной попытке уговорить Лужкова вернуть ему если не Кусковский и Останкинский дворцы, превращенные в музеи, то хотя бы знаменитую «Шереметьевскую ротонду» на Воздвиженке, где размещались какие-то гэбэшные учреждения. Любопытно, что уже тогда был известен прецедент положительного решения подобного вопроса в России: в Боровске наследникам каких-то небогатых купцов вернули их двухэтажный дом. В Чехии князю Шварценбергу вернули один из семейных замков, в Латвии со скрипом, но шло возвращение уцелевшим владельцам домов и квартир. В России пока еще не была узаконена хотя бы практика сдачи в долгосрочную аренду разрушающихся семейных усадеб, но было ясно, что как-то подходить к этим вопросам с правовой точки зрения давно пора.

Раза два или три мы с крепышом эти вопросы обсуждали, однажды встретились в Париже в кафе возле Сен Жермен де Пре, потом в каком-то большом офисе на бульварах уже не только с ним, но и почему-то с Живило – юным металлургическим магнатом, обвиненным кузбасским губернатором Аманом Тулеевым в организации его убийства, а потому скрывающимся во Франции. Почему-то вместе с ним (как с инициатором?) шло обсуждение подготовленного мной проекта. И вот в процессе обсуждения «бывшего» сотрудника внешней разведки неожиданно заинтересовал вопрос о «Гласности» – как я поступлю с фондом. Я, естественно, сказал, что буду совмещать одну работу с другой, тем более что первоклассные юристы – участники наших круглых столов – могут оказаться очень полезны и в этой новой структуре. Крепыш промолчал. Но когда речь зашла о подписании документов, тихо, но твердо мне сказал, что они должны

контролировать мое рабочее время. Я ответил, что это невозможно. Все разговоры о коммерческом проекте прекратились.

Одновременно молодой парижский издатель русского происхождения (брат режиссера Лунгина и сын сценариста) предложил мне восстановить издание журнала «Гласность», но вскоре выяснилось, что он хочет контролировать его содержание.

– Зачем вам это? Ведь именно под моей редакцией он был и популярен и важен.

Это был молодой человек и из хорошей семьи, внятно ответить, зачем ему понадобилось получить в свои руки «Гласность», он не мог и вдруг со стыдом и даже немного покраснев, сказал:

– Я сам не знаю, что я тут делаю.

Еще один бывший сотрудник внешней разведки Калманович (известный советский шпион в Израиле, секретарь президента Голды Меир) почти уговорил меня года через три стать директором и совладельцем Института реставрации имени Грабаря, который будет приватизирован им и якобы фирмой «Кристи». Он уже договорился со Швыдким и нашел новое помещение для института. И я даже сперва, по глупости, считая, что смогу помочь еще оставшимся в России приличным искусствоведам и реставраторам, не только согласился, но даже начал какие-то переговоры в художественном мире. Но вскоре понял, что никуда, кроме гигантской ямы с дерьмом, я не попаду, никому и ничему помочь не смогу и до завершения переговоров написал письмо с отказом. То, как это письмо было воспринято, как дорого мне этот отказ стоил, убедило меня не только в правильности моего понимания этого дела, но и в неличном отношении к нему Калмановича. Потом и его застрелили, но это уже были какие-то уголовные дела, кажется, связанные с Кремлем – Калманович был советником Путина по Прибалтике, где у него был банк. У сотрудников российской внешней разведки трудно разделить дела уголовные и политические. Фонд «Гласность» им все же удалось уничтожить, но об этом позже.

А за день до поездки на римскую конференцию ООН, где и был принят статут Международного трибунала, произошла со мной характерная история. Мы с Юрой Богословским – моим помощником в эти два года, допоздна просидели у меня дома на Напрудной с бумагами. Было уже начало второго, когда я решил его немного проводить, да и самому надо было слегка развеяться. Хотя метро не работало, пошли к «Бабушкинской», где Юре легче было поймать машину. Но дома у меня никакой еды не было,

покормить ужином Юру я не мог, да и сам был слегка голоден, и мы зашли в какое-то летнее кафе у метро работавшее ночью. Заказали по шашлыку. Кафе было наполнено азербайджанцами – ближайший рынок был московским центром продажи легких наркотиков и они его «держали». Мне это было очень неудобно: из-за них на ближайшем к дому рынке нельзя было купить ни фруктов, ни мяса – все лежало на виду, все было приличного качества, но цены были раза в два выше, чем на соседнем – в торговле продуктами там не было интереса.

Только мы приступили к еде, как вошли двое милиционеров – капитан и сержант. Даже не глядя на них, сидя спиной к залу, я сказал Юре:

– Сейчас начнутся поборы, – почти все азербайджанцы не имели права жить в Москве (тогда и получить его было невозможно) и для милиции в Москве были (и остаются) обычной и обильной средой кормления – каждый на вопрос о документах давал какие-то деньги. Но я не подумал, что мы – я со своим азиатским видом, да и Юра брюнет, ничем для милиции от азербайджанцев не отличаемся. Обойдя столиков десять они, естественно, подошли и к нам:

– Ваши документы?

Я ответил, что живу рядом, документы носить не обязан и для самой проверки их нужны основания – ходить по улицам и проверять у всех документы милиция права не имеет. Им это почему-то не понравилось.

– Пройдете с нами в отделение для проверки.

Я, пожав плечами, не спорил – скорее меня это забавляло, да и отделение милиции было в двух шагах от кафе. К тому же я был уверен, что меня там хорошо знают, им приходилось разбираться с десятками корреспондентских машин, стоявших у дома и множество других связанных со мной историй. Но, во-первых, этим занималось ближнее к дому отделение, во-вторых, с тех пор прошло лет десять. Но, главное, по дороге я сказал капитану, что поборы, для которых он пришел, да и контроль за действиями спецслужб как раз являются задачей общественной организации, которой руковожу. И по наивности был уверен, что дежурный в отделении нас тут же отпустит.

Но дежурным был какой-то пьяный майор, видимо и пославший капитана в кафе, чтобы собрать денег и «догнаться». Отпускать нас он не собирался, а заставил вывернуть карманы, посадил в «обезьянник» к паре хорошо набравшихся парней с рекомендацией «разобраться» с нами, «чтобы не выступали». Разбираться с нами никто не стал, но в кармане у Юры оказалась визитная карточка Музыкантского – тогда вице-мэра Москвы. Это

дежурному не понравилось и поэтому уже не на нас двоих, а на меня одного был тут же написан рапорт о том, что я был в нетрезвом состоянии, хулиганил и оскорблял прохожих, почему и был доставлен в отделение. Теперь меня можно было везти в вытрезвитель, а Юру – выпроводить. Но Юра уходить не хотел, схватил меня за руку и требовал, чтобы нас везли вместе. Его с трудом оторвали, меня запихнули в «воронок», но выяснилось, что Юра сперва пытался прицепиться к нему сзади, потом бежал за ним, нашел вытрезвитель и долго туда стучался, требуя, чтобы и ему были оказаны услуги по вытрезвлению.

Меня в машине все тот же капитан попытался придушить, думаю, для того, чтобы запугать. Но я в драку не лез, рядом был более трезвый сержант, и он отстал. В вытрезвителе, попросив меня пару раз присесть и вытянуть руки, равнодушно сказали:

– Это не наш клиент.

Капитан принялся уговаривать: «Ну куда он пойдет (это обо мне забота) в три часа ночи, я его заберу рано утром». Уговорил. Составили какие-то акты, вынули у меня из денег тридцать рублей «за обслуживание». Я предупредил:

– Возвращать придется.

Слегка посмеялись – у них такого не бывало. Пару часов я проспал во вполне аккуратной комнате еще с пятью «доставленными», а утром за мной приехал сержант, который со мной был уже только на «вы», в отличие от вечера, привез меня домой за документами к перепуганной матери и полчаса терпеливо ждал, пока я по телефону подробно рассказывал своему адвокату, что со мной произошло и что это за отделение милиции. Часам к десяти привезли меня в отделение – составлять документы о задержании и хулиганстве в нетрезвом виде. Но тем временем Юра, проведший часть ночи возле вытрезвителя, поднял на ноги всех, кого мог, причем Светлана Ганнушкина в эти дни была в Вене на сессии ОБСЕ и уже подготовила (а затем и опубликовала) документ о расизме в лужковской Москве: я всем объяснил, что задержан был случайно – по неславянскому своему виду. К тому же в Москву приехал Нюшин крестный Валера Прохоров – француз, говорящий по-русски и все понимающий – и тоже раскручивал скандал. Конечно, и наши юристы и сотрудники фонда «Гласность» все это активно обсуждали по хорошо прослушиваемым телефонам.

В общем, когда меня привезли в милицию и переводили из кабинета начальника отделения в кабинет его заместителя и обратно, в обоих кабинетах звонили телефоны и сильно им мешали запугивать меня обещаниями уже в одиннадцать часов утра отправить меня с моим делом в Бабушкинский суд, где,

собственно, говоря, меня тоже хорошо знали и незадолго перед тем помогали вернуть остатки семейных коллекций. Но при этом я, конечно, хорошо понимал, что у милиции там есть свой судья, который даст мне пятнадцать суток, не задумываясь. И не будет смотреть на то, что показанные мне рапорта не совпадали друг с другом – в вытрезвителе не было пункта об опьянении, так как его нечем было подтвердить.

Впрочем, я никаких объяснений не писал, а тут же начал писать заявление в прокуратуру о противоправных действиях работников милиции, требуя расследования и возбуждения уголовных дел. Довольно скоро, увидев, что испугать меня не удается, милицейское начальство поочередно начало мне предлагать:

– Ну, ладно, мы порвем эти рапорта, но и вы не отправляйте заявление в прокуратуру.

Я равнодушно отвечал, что это не должно их волновать – каждый пусть занимается своим делом: они пусть опрашивают чуть ли не десяток свидетелей моих хулиганских действий, я, как председатель фонда, занимающегося правонарушениями в силовых структурах, буду делать свое.

В конце концов эти уговоры дошли до полного неприличия – седой полковник, начальник отделения, уговаривая меня не отправлять заявление в прокуратуру (а на самом деле, конечно, уже получив приказ хоть как-то замять это дело), сказал мне:

– Ну хотите я стану перед вами на колени? – и уж чуть ли не стал нагибаться.

И тут я сдался. У меня была и другая причина – лететь в Рим я должен был на следующий день, но сегодня надо было еще что-то сделать: то ли не была получена виза, то ли не был выкуплен заказанный билет. И у меня просто не было времени на разговоры в милиции, а, возможно, и в суде. Реальная возможность получить пятнадцать суток меня тревожила мало – это была бы любопытная компенсация за пропущенную конференцию ООН, – но уж если ехать в Рим, то нужно было уйти из милиции поскорее. И я сказал:

– Не знаю, где живете вы, но я живу рядом и мне не безразлично то, что делается по соседству. Таки быть, я не отправлю сегодня заявление в прокуратуру и завтра на неделю уеду из Москвы. Но когда я вернусь, хотя обычно я по ночам в кафе не бываю, но теперь обязательно буду заходить. И если хоть раз увижу ваших сотрудников, пришедших за поборами, это заявление (срок давности для него не истечет) в тот же день будет отправлено.

Тогда это еще действовало. Когда я вернулся из Рима, мама

отдала мне деньги, которые ей принесли из вытрезвителя и я действительно несколько раз поздним вечером заходил в это кафе и обычной «проверки документов» больше там не видел. Даже у стоявших неподалеку частных водителей, промышлявших частным извозом от станции метро, менты перестали года на два вымогать деньги. К несчастью, тогда и теперь бывают гораздо более страшные истории, в том числе и с очень известными людьми. Так, был жестоко избит и без того уже ходивший после ранений в корсете летчик, герой Советского Союза, одно время секретарь Совета безопасности Дагестана Тол-боев – тоже чем-то не понравившийся московским милиционерам. Один из редчайших порядочных людей, встречавшихся мне в российской администрации.

Возвращение коллекций

Я уже упоминал, что около двухтысячного года происходило возвращение уцелевших частей наших семейных коллекций из музеев Москвы, а потом и Украины. Это, вероятно, трудно себе представить со стороны, но лишь через двадцать с лишним лет я начал этим заниматься при сфабрикованности обвинений в спекуляции, которые были основанием для конфискации.

Как и всякий коллекционер, да еще и с большими и очень разнообразными группами семейных вещей и в Москве и в Киеве, я изредка в конце шестидесятых – начале семидесятых годов что-то покупал или продавал. Но, во-первых, это было довольно редко – гораздо чаще обменивался, и никогда не попадал в известную КГБ группу торговцев антиквариатом, а во-вторых, мной интересовалось совсем другое управление КГБ – Пятое, и по вполне политическим причинам: для начала, по-видимому, им хотелось превратить меня в осведомителя. Их интересовали и те, с кем я переписывался за границей: Нина Берберова, Наталья Кодрянская, Софья Прегель, Александр Сионский, и мои родственные связи: двоюродный дед режиссер и актер Александр Санин одно время руководил вместе с Тосканини миланским театром Ла Скала, были живы две его вдовы, одна в швейцарской Асконе, другая – в Швеции. Да и множество моих знакомых – Варлам Шаламов, Виктор Некрасов, Сергей Параджанов – вызывали интерес у КГБ. И хотя почти два года вежливых уговоров ни к чему не привели, но, арестовывая меня, ставя перед выбором – тюрьма или сотрудничество, они абсолютно не сомневались в успехе и коллекциями нашими совершенно не интересовались. С их точки зрения, если я сторонюсь политики, значит – боюсь и осталось только немного дожать. С другой стороны, действовала обычная, прописанная во всех учебниках КГБ ошибка: они очень (в том числе по собственным, личным представлениям) переоценивают роль денег и с трудом (при всеобъемлющем цинизме) допускают, что могут быть вещи более важные. Я, с их точки зрения, был легкой добычей – в отличие от большинства диссидентов не относился к числу беднейших советских людей: у меня была своя машина (пусть и «Жигули»); когда родился Тимоша, я внес деньги на новую квартиру и так далее. То есть, с их точки зрения, мне было что терять.

Я продолжал понемногу печататься, получал в разных редакциях рукописи для внутренних рецензий, писал по договору с серией «Жизнь замечательных людей» книгу о Боровиковском, жена работала, и было ясно, что нам есть на что жить. Поэтому

когда совершенно неожиданно меня пришлось судить, а не вербовать, оказалось, что даже по советским понятиям меня довольно трудно в чем-то обвинить. И тогда они запугали литературоведа Храбровицкого и заставили его рассказать о том, что я давал ему читать антисоветскую литературу, а прозаика Николая Смирнова – что я продал ему какие-то книги, которые он тут же сжег. На самом деле книгами мы с ними обменивались, но у старика на очной ставке дрожали руки и ноги, и он говорил мне:

– Простите меня, Сергей Иванович, но они сказали, что если я откажусь, опять поеду туда, где уже был двадцать лет[43].

Что касается появившегося в последний день перед закрытием дела обвинения в спекуляции, то для него пришлось изобрести и вовсе небывалую даже в советском законодательстве новеллу – «спекулятивный обмен»: я отдал ничего не стоящие (с их точки зрения) сорок рисунков Богомазова за фантастически дрогой магнитофон «Браун» (для чего пришлось игнорировать его оценку). Был и еще какой-то похожий эпизод.

Тем не менее не только в течении пяти лет первого срока, но и три года спустя, живя в Боровске, и даже в течение следующего срока я ни разу не написал жалобы по этому обвинению. Я хорошо понимал величайший интерес советских должностных лиц сверху донизу к материальным ценностям. («Это я возьму себе», – говорил совершенно не стесняясь моей матери судебный исполнитель, показывая на шкаф моего прадеда Константина Ивановича, с тончайшей резьбой, фигурами Аполлона и Дианы – я больше никогда даже не видел подобного; «а это я возьму», – отвечал другой, ухватив двухметровое венское зеркало в резной золоченной раме из приданного моей прабабки Доры Акимовны.) «Мы не можем вернуть вам этот натюрморт, – говорили знакомому коллекционеру, реставратору, арестованному только для грабежа, но нашедшему хорошего адвоката и через три года выпущенному, – он висит в спальне у Брежнева, и мы не можем его снять». Поэтому я хорошо понимал, что любая жалоба, любой интерес к возврату коллекций может оказаться небезопасным.

После возвращения из тюрьмы в восемьдесят седьмом году работа в «Гласности», борьба за нее в откровенно враждебном мире, отнимали все силы настолько, что когда в почтовом ящике я вдруг нашел извещение из Генеральной прокуратуры о своей реабилитации я даже не обратил внимания, что там были упомянуты только статьи 190-1 и 70-я Уголовного кодекса, но не статья о спекуляции. От реабилитации по этим статьям я официально отказался, когда обнаружил, что в этом же списке убийца Судоплатов, но внимательная Татьяна Георгиевна

Кузнецова решила, что и статья о спекуляции мне тоже ни к чему и, познакомившись с делом, получила постановление о ее отмене «за отсутствием состава преступления».

Но, как это ни странно, я еще почти лет десять не делал ничего, чтобы получить назад свои и семейные коллекции. Сперва потому что совершенно не было ни времени, ни сил. Убийство Тимоши, конференции КГБ, трибунал по Чечне, разгромы «Гласности» – все это было важнее. Потом, вероятно, потому, что не верил, что от них хоть что-то осталось. Но понемногу мне начали попадаться книги с репродукциями картин и икон из нашей коллекции: дважды переизданный, но ко мне гораздо позднее попавший ко мне альбом Музея имени Андрея Рублева с тремя нашими иконами – апостолами Михаилом, Гавриилом и Спасителем на престоле конца XVI века; альбомы киевских музеев русского и украинского искусства с картинами Ермилова, Богомазова, украинскими иконами. И я решил, что дошла очередь и до коллекций.

Сразу же выяснилось, что одной отмены приговора для возврата вещей мало, нужны отдельные решения судов, причем в России – свои, на Украине – свои. Сначала этим занялась штатный в те годы юрист фонда «Гласность» Ольга Анатольевна Кашеварова, но, конечно, по отдельному договору лично со мной.

И все оказалось не так уж безумно трудно при всей необычайной исключительности даже для мировой практики этого дела: я получил картины, рисунки, мебель, произведения прикладного искусства из десяти государственных музеев двух стран, да еще и приличную компенсацию из государственного бюджета России за украденные вещи. Впрочем, бесследно пропало, и без всяких компенсаций, тоже немало, а до четырех музеев я не стал добираться.

Большой удачей было то, что Кашеварова до этого была судьей Киевского райсуда в Москве (и ушла из-за того, что не хотела выносить противозаконные приговоры по телефонным указаниям вышестоящих инстанций), а потому хорошо понимала, какое беспрецедентное дело нами передано в Бабушкинский суд. Но и судья Хомякова приложила немало сил и, как я понимаю, выдержала немалое сопротивление, чтобы довести до конца мое дело. Впрочем, в Бабушкинском суде по-прежнему с большим уважением вспоминали давно уволенного (хоть он и был инвалидом войны, героем Советского Союза) судью, который еще в семьдесят пятом году пытался помочь нашей семье и вынес определение о возврате библиотеки. Но моя жена опоздала с жалобой – и книги якобы распродали по рублю, то есть разворовали, на третий день после незаконной конфискации.

Решение суда вернуло жене хотя бы необходимую мебель для жизни с двумя маленькими детьми. Может быть, этот судья хотел помочь и мне – следователь Леканов при последней встрече, видя, что ничего они от меня не добились и понимая какого рода обвинение он сварганил, посоветовал мне написать ходатайство о рассмотрении дела в Бабушкинском суде, а не в городском, упомянув об этом судье как о своем знакомом. Но я Леканову не поверил, да и мой адвокат Юдович делать это отсоветовал. Так или иначе, но в Бабушкинском суде и по старой памяти, а может быть, и по хорошему отношению к тому, что я делал потом, ко мне относились доброжелательно.

Для начала суд истребовал все документы, связанные с конфискацией, акты о передаче тех или иных вещей в различные музеи и учреждения. Потом были разосланы запросы о наличии в них наших вещей. Уже на этом этапе выяснились довольно неприятные вещи. Во-первых, бесследно исчезли все картины старых мастеров, описанные Викторией Марковой. Почему-то они не попали в Музей изобразительных искусств, хотя там были голландские натюрморты начала XVII века известных художников иногда более высокого качества, чем имелись в музее. Большой генуэзский вид порта с кораблями – семейная картина Фигнеров – был не только замечательно хорош, но и вообще не имел аналога в русских музеях.

Столь же неприятным был ответ из Гохрана, куда попали геммы и камеи, вероятно, из раскопок моего родственника Арсеньева, который немало находил в своем двадцатикилометровом поместье возле Нового Афона на Черноморском побережье. Из Гохрана сообщили, что полученные камни рассыпаны по разным отделам и их невозможно определить.

Особенно любопытным был ответ из Института востоковедения. Бывший ученый секретарь сообщал, что переданные ему японские картины на шелке находятся в сохранности, кроме одной (из коллекции Сергея Прокофьева), пропавшей, и редчайшего русского резного деревянного креста XV века в серебряной оправе с мощами десяти святых. Его он, «нуждаясь в деньгах» (так и написано), продал президенту академии наук Осипову (тот без зазрения совести скупал краденое государственное имущество).

И все же очень многое было найдено. В Третьяковской галерее, в музее Андрея Рублева, в Останкинском дворце, в музее Тропинина, в Музее истории Москвы, в музеях Херсона и Таганрога. Возвращение происходило по-разному:

в Третьяковской галерее заместитель директора Лидия Иовлева, возвращая мне икону, на мое замечание, что это, вероятно, им приходится делать в первый раз, тут же ответила:

– Нет, что вы – мы возвращали картины Лидии Руслановой.

То есть единственный раз – из моря совершенно незаконных приобретений.

В музее Рублева его директор Попов отдал пять икон мне (точнее судебному исполнителю) неохотно, но безропотно, но его заместительница – кандидат философских наук, крупный в прошлом специалист по коммунистическому воспитанию молодежи, а теперь – ревностная христианка, стремящаяся с помощью Патриархии (отдав туда половину музея) стать его директором, обвинила его в разбазаривании фондов и напечатала пару статей – естественно, в «Советской России» и у Проханова в газете «Сегодня». Меня там косвенно задели, причем вполне клеветнически. Сам я отношусь к этому вполне равнодушно, но тут пожалел дирекцию музея и попросил адвоката написать заявление в суд об оскорблении чести и достоинства. Я пришел только на одно заседание – с меня и этого хватило. Какие-то хоругвеносцы толпой требовали передать все имеющиеся в мире иконы в православные церкви. Мои напоминания, что у императора Николая II была личная коллекция икон, что патриарх Тихон благословил коллекционеров, спасающих русские иконы от уничтожения, что в храме, где постоянно меняется температура и влажность, невозможно создать необходимые условия для хранения и реставрации, что и без того уцелело не более двух процентов древнейших русских икон и если их раздать по храмам, изъяв из музеев и частных коллекций, то погибнут последние – вероятно, лучшее, что создано русским народом за всю свою тысячелетнюю историю, – никак на них не действовали.

Поскольку клевета в мой адрес в статьях была очевидна (что-то было наврано относительно причин ареста и, кажется, рассказывалось, что я откуда-то вывозил иконы, чем я отродясь не занимался и это все было прослежено следствием), суд они все же проиграли.

Оставались еще украинские музеи.

В свое время, уговаривая меня сотрудничать (и во время следствия, и в тюрьме), чины из КГБ изредка говорили:

– Видите, как мы хорошо к вам относимся – коллекцию у вашей матери не забираем, хотя имеем право.

Но в восемьдесят первом году, то есть после моего освобождения, они устроили в Киеве новое судилище (поскольку пропустили все сроки) и несмотря на свидетельства киевских

профессоров о том, что коллекция существовала до моего рождения, вынесли еще одно решение о ее конфискации и разделили по музеям, причем Киевский музей русского искусства играл в этом разделе центральную роль.

Решение московского суда теперь уже для Украины было недействительно. Мне тут же предложил свою помощь новый «демократический» председатель КГБ Украины, с которым меня познакомила Генрих Алтунян, но я, идя к нему на Владимирскую, подошвами почувствовал, что подо мной камеры, в которых умирал Гелий Снегирев, и предпочел помощь обычного адвоката.

Через год этот председатель демократического КГБ выставил свою кандидатуру на пост президента Украины и его секретарь тут же мне позвонил – не дам ли я интервью о том, какой он хороший человек. Но я сказал, что слишком плохо его знаю, да и действительно ничего о нем не знал, кроме того, что и в СССР он был генералом КГБ.

Киевский суд, поскольку я был реабилитирован по всем статьям, на которые ссылались суды в предыдущих решениях, принял решение о возврате картин и графики и начался новый процесс сбора вещей. Портрет работы Луи Токке (я считал его портретом Екатерины II в бытность великой княгиней) был в Черниговском музее – его вернули, но драгоценную резную раму – такую же, как на эрмитажном портрете графини Воронцовой – оставили себе; одну из икон на стекле в украинском музее разбили и выбросили; рисунок и акварель Врубеля, рисунки Тропинина и Серова, гуашь Оскара Рабина пропали бесследно, большой букет Чехонина попросили в подарок. Тем не менее я получил двух Боровиковских, портрет работы Николая Аргунова, холсты Чекрыгина, Богомазова, Ермилова, Штеренберга, украинские иконы и тысячи листов графики. Из каких-то музеев вещи так и не были получены, но это были в основном рисунки Павла Пашкова, которых у меня и без того было немало и я спокойно к этому отнесся и к украинским музеям претензий не предъявлял. Проблема была в другом – это уже было другое государство и, скажем, холсты Ермилова и Богомазова я предпочел продать украинскому коллекционеру Григоришину. Да и жене и дочери в Париже надо было помочь.

И всё-таки в Москве процесс возвращения вещей был гораздо интереснее. На украденный драгоценный крест я решил махнуть рукой, иначе надо судить и сажать этого замечательного востоковеда, но и без него украдена была масса вещей. По сопоставлению актов изъятия и найденного был составлен бесконечный список и Бабушкинский суд создал комиссию для

оценки из антиквара (Михаила Фадеева) и двух искусствоведов (Михаила Красилина и Марии Чегодаевой), которые на основе цен на современных аукционах, а в ряде случаев – просто получая оценку на подобные вещи в музеях, представили суду свои соображения. Внезапно Министерство культуры решило оспаривать эту оценку. На специальном заседании коллегии все та же Виктория Маркова, которая в семьдесят пятом году оценивала у меня картины старых мастеров (бесследно исчезнувшие) теперь с пеной у рта доказывала, что мне должна быть выплачены суммы по оценке семьдесят пятого года (цены на произведения искусства за двадцать пять лет, да еще в сравнении с советскими ценами выросли раз в тысячу). Но Маркова почему-то была очень заинтересована в этой смехотворной оценке. Тем не менее добиться решения министерской коллегии ей не удалось, Марья Андреевна Чегодаева знакомая с ней лет сорок, перестала с ней здороваться и суд вынес повторное решение о выплате мне компенсации в конце концов не такой уж большой – порядка полумиллиона долларов, но не такой уж и маленькой и это дало возможность «Гласности» продержаться еще несколько лет. Но судебное решение в России – это одно, а его исполнение, когда оно в твою пользу, – совсем другое.

Для начала моему адвокату, Юрию Артемьевичу Костанову, взявшемуся за это дело, тут же позвонил ответственный сотрудник министерства финансов и, назвав свою фамилию и должность, совершенно не стесняясь, объяснил, что если ему и «нужным лицам» будет переведено десять процентов, то ваш клиент получит деньги вскоре, а иначе это может быть и лет через пять-десять.

Костанов мне это передал, и я ему, конечно, сказал, что никаких «откатов» платить не буду и чтобы, как только пройдет установленный законом срок исполнения судебного решения, он готовил заявление в Страсбургский суд, но, в отличие от моей более ранней позиции, когда я отказывался от какого-либо возмещения от государства за девять лет проведенных в тюрьме (чем это возместишь?), – теперь мой иск к российскому государству должен содержать не только плату за украденные коллекции, но и выплату нанесенного мне морального ущерба. Сумма должна быть достаточно велика, и я надеюсь, что Страсбургский суд с этим согласится. Да я и сам съезжу в Страсбург и дам необходимые суду пояснения.

Недели через две я уехал, правда, не в Страсбург, а в Вену, на сессию ОБСЕ, посвященную правам человека («Гласность» в это время готовила с ЮНЕСКО конференцию неправительственных организаций к двадцатипятилетию Хельсинкских соглашений,

Австрия в тот год председательствовала в ОБСЕ и я часто бывал в Вене). Там я впервые в жизни объединил свои частные дела и общественные и среди других документов сессии было представлено и мое заявление об отказе в выплате мне компенсации за расхищенные во время незаконного тюремного срока вещи. К тому же в числе людей, принимавших решения в России, оказался один из учеников Костанова, хорошо знавший его характер, и Юрий Артемьевич считает, что именно это сыграло решающую роль.

Недели через две мне позвонили и сообщили, что компенсация будет перечислена из российского бюджета на мой счет в Сберегательном банке. Правда, и тут из государственного бюджета РФ перечислялись государственному банку деньги почему-то через какой-то частный банк, который взимал за это один процент.

Счастливым завершением все это назвать нельзя – так отвратительно было все пережитое, – но беспрецедентным и даже удивительным, конечно, можно.

Кавказские рабочие проекты

Выше я вкратце описал незавершенный Международный трибунал по военным преступлениям и преступлениям против человечества в Чечне и неудавшуюся конференцию о положении разделенных народов Дагестана. С трибунала, а скорее – с наших материалов о митингах в Ереване и аресте моем с Андреем Шилковым и отважной поездки Андрея во все еще окровавленный от погрома армян Сумгаит и началась систематическая работа фонда «Гласность» на Кавказе.

Здесь я не могу сказать, как с чеченским трибуналом, что главным моим соображением было предупредить неминуемую, с моей точки зрения, вторую войну в Чечне. Просто я видел, что Северный Кавказ (о Закавказье речь особая) медленно, но верно из-за вопиющего беззакония, множества мелких и корыстных интересов, как в разных частях этого дивного лоскутного одеяла, так и в Москве, начинает тлеть и это тление того и гляди превратиться в открытый огонь. Не раз я тогда говорил и писал, что Россия теряет Кавказ, причем я не был так уж уверен, что русскому народу так уж необходимы эти владения. В большей степени христианской Северной Осетии, Дагестану, где живет тридцать с лишним больших и малых народов и где русский язык является единственным для них общим, было важно присутствие России на Северном Кавказе. Да и в Закавказье Армения, окруженная мусульманскими народами всегда воспринимала Россию как главную опору (армяно-турецкая резня начала XX века, в которой погибло около полутора миллионов армян, по утверждению турецких источников, стала результатом помощи, оказываемой армянами русской армии во время Первой мировой войны). Но, главное, я был руководителем правозащитной организации и все растущая волна произвола и насилия на Севрном Кавказе, идущая оттуда все более чудовищная хроника и жалобы в «Гласность» не могли не стать, да еще после первой чеченской войны, темами и материалами для нашей многолетней работы.

Была еще одна существенная причина, побуждавшая нас к этому. Еще в восемьдесят восьмом году в газете «Моргенбладет» я писал о том, что как бы не относиться к внешней политике Горбачева, к его экономической политике, но хоть как-то можно говорить о сформулированной позиции советского руководства. Между тем национальной политики у него нет никакой, нет даже общих представлений о том, что нужно делать в это трудное время, а это очень опасно в таком многонациональном

государстве. Иона Андронов в своей статье в «Литературной газете» назвал это подстрекательством к национальным волнениям.

После крючковско-ельцинского переворота положение стало еще хуже. Многочисленные кабинеты в Кремле и на Старой площади заполнила зачастую и вовсе какая-то шушера, отличительной чертой которой была полная безграмотность и безответственность. По отношению к национальным вопросам это было особенно заметно. В советское время, которому я, конечно, никак не симпатизирую, в соответствующих отделах ЦК, Совета Национальностей Верховного Совета СССР, Министерства по делам национальностей собралось много специалистов, выходцев из тех районов, проблемами которыми они были заняты и если далеко не всё хотели и могли решить приличным образом, то и катастрофических ошибок в последние годы тоже не совершалось.

А на Северном Кавказе, скажем, одной из многих была оставленная Сталиным взрывоопасная проблема: сотни тысяч людей из высокогорных аулов были переселены в низины. Делалось это, конечно, потому, что в высокогрье НКВД не мог никого контролировать и заслать туда свою агентуру. Но думаю, что и ставилась другая вполне сознательная цель – перессорить до того мирно жившие по соседству народы. Потому что земли, на которых были поселены горцы, формально считались пустующими, но на самом деле это были выпасы для овец тех, кто жил в низинах. Теперь они лишались и своих традиционных земель и скота, который негде было кормить, а был единственный средством пропитания, что, конечно, не улучшало отношений между вынужденными переселенцами и местными жителями. И таких проблем было много. Более поздняя советская администрация их понимала, как-то пыталась смягчить, ельцинская не знала ничего и знать не хотела, специалисты, такие как директор Института этнологии Тишков недолгое время побывавший министром, откровенно из администрации изгонялись и не приглашались даже для консультаций. Множество кровавых ошибок совершенных в эти годы, были не только следствием коррупции, мелких личных амбициозных соображений и вполне циничной политики, но результатом полнейшей некомпетентности людей, успешно захвативших кабинеты в Кремле.

Только поэтому фонду «Гласность» пришлось разрабатывать на специально собранной конференции условия мирного соглашения между Северной Осетией и Ингушетией. Там постоянно происходили чаще всего кровавые стычки между осетинами и ингушами, причем победителями (но на словах

жертвами), как правило, оказывались те, чья милиция вступала в дело раньше. Число взаимных обвинений было велико. Мы пригласили руководителей обеих республик. Президент Ингушетии – Руслан Аушев, правда, не смог приехать, но прислал со всеми полномочиями председателя Верховного совета Плиева, из Северной Осетии приехали и президент Александр Дзасохов и председатель Верховного совета Цаголов. Кроме многочисленных специалистов, которых мы пригласили (в том числе два бывших министра по делам национальностей – к этому времени министерство со всеми его сотнями специалистов по всем вопросам, работавшими по двадцать лет, вообще было уничтожено), но еще и генерал-лейтенанта Николая Стаськова – заместителя командующего ВДВ (воздушно-десантными войсками) России, что было результатом забавного совпадения незадолго до этого.

В Государственной Думе я оказался на каком-то круглом столе, посвященном Кавказу, устроенном Алексеем Митрофановым, тогда первым заместителем Жириновского. Естественно, собравшаяся компания, кроме самого ведущего, была мне незнакома, рядом со мной сидел столь же незнакомый военный в генеральской форме. Я что-то сказал, мало совпадавшее с мнениями других участников, но когда после этого сел в кресло, военный раскрыл лежавшую перед ним папку и пододвинул ее мне. Там были тезисы его выступления, которого произносить он не стал, и что самое поразительное, они большей частью совпадали с моей, никем не поддержанной оценкой. Так мы познакомились. Оказалось, что Стаськов перед тем был командующим русским миротворческим корпусом в Приштине и имел большой опыт по улаживанию отношений между сербами и албанцами.

К сожалению, документы и этой конференции, как и текст хорошо работавшего много лет договора между правительствами Ингушетии и Северной Осетии при последнем грабеже «Гласности» пропали. Помню только, что соглашение включало в себя создание совместных ингушско-осетинских милицейских подразделений, которые и должны были выезжать (или вести следствие) в случае межнациональных столкновений. И, кажется, это много лет хорошо работало.

Конечно, о Чечне в «Гласности» тоже не забывали, в особенности потому, что за это время у нас появилось много друзей в этой несчастной республике. Хотя на полноценное проведение трибунала средств найти не удалось, предложение английской телекомпании ITV провести его в прямом эфире тоже почему-то сорвалось и последняя возможность – выдвинуть

обвинение виновникам войны в судах Бельгии или США, где принимаются к рассмотрению преступления, совершенные иностранными гражданами на территории их государств, тоже оказалось нереализуемой – на такие процессы нужна была масса денег, а никто помогать не хотел.

Но ЮНЕСКО мне удалось уговорить выделить небольшой грант на помощь беженцам из Чечни в Ставропольском крае, чем в самой Чечне были заняты многие частные благотворительные организации – «Человек в беде», «Врачи без границ» и другие, но в пограничном крае десяткам тысяч беженцев не помогал никто. Администрация края пыталась их как-то расселить, но во внезапно удвоивших население поселках не было достаточно больших школ, детских садов для детей и хотя бы этим удалось заинтересовать ЮНЕСКО (это был, кстати говоря, их первый и единственный проект помощи жертвам чеченской войны).

Я объехал прибрежные поселки, были составлены сметы и даже чертежи необходимых, очень скромных построек, намечены сроки финансирования и проверки выполнения работ. И районные и краевые власти сами были в этом очень заинтересованы и поэтому эта хлопотная работа шла легко.

Но со мной захотел повидаться и председатель краевого комитета КГБ и история, которую он между делом мне с отвращением рассказал, подтвердила самые худшие мои предположения:

– Что этот Степашин делает, – говорил мне этот полковник КГБ. – Изображая необычайное миролюбие и способность найти со всеми общий язык, он поехал в Чабан-махи и Караван-махи (тогда это были оплоты воинствующего ислама, точнее – ваххабизма в Дагестане. – *С. Г.*). Он спрашивает, что им нужно и они говорят: вот дома бы поправить, с медикаментами помочь. И Степашин (тогда министр Внутренних дел) снабжает их в неограниченном количестве бетоном (кто на Кавказе, да еще в горах строит бетонные дома), а о медикаментах отвечает, что он не министр здравоохранения, а потому может дать только 1500 комплектов первой помощи солдатам во время военных действий. Он что, сумасшедший?

Это была весна девяносто девятого года и Степашин готовил оплаченный Березовским марш Басаева в Дагестан. Из полученного от Степашина бетона ваххабиты и местные жители оборудовали подземные бетонные бункеры и только поэтому Басаева недели две не могли выбить из Дагестана. И на их штурме погибло так много солдат, хватило ли им пакетов первой медицинской помощи?

Получилась микровойна, за которой можно было начинать

большую войну. В лоскутном, многонациональном Дагестане якобы для отражения агрессии Дудаева провели свободную раздачу оружия всем желающим. Безумие и цинизм русских действий на Кавказе превосходили все мыслимые пределы.

А в Дагестане вполне хватало местного безобразия и безумия. Мэр Махачкалы устраивал взрывы на центральном рынке, чтобы иметь возможность его перестроить и прибрать к рукам. Его противники подрывали его самого. На выборах в Народное собрание моего друга и, пожалуй, самого известного участника демократического движения на Северном Кавказе капитана первого ранга Али Алиева, накануне последнего дня регистрации кандидатов, когда и он решил подать документы, пригласили вечером земляки (он – лакец), подмешали что-то в кофе и он очнулся наутро прикованный к какой-то трубе в подвале, где и провел весь последний день регистрации. В Махачкале еще не убивали каждый день, но безумие власти почти открыто к этому призывало.

Мы пытались хоть что-то сделать. Пытались с помощью ЮНЕСКО помочь медленно вымиравшим ногайцам, чьи земли неумолимо отвоевывала пустыня (есть и такое на Северном Кавказе). Но когда мы вновь ехали в неблизкий Ногайский район на машине – вторично, после проекта помощи разделенным народам, все русские деревни уже были пусты. Столкновений на национальной почве с русскими здесь не было, но все понимали как ненадежен мир и, насмотревшись на других, уезжали от греха подальше.

Мы еще проводили или участвовали в довольно многочисленных конференциях о положении на Кавказе в Стамбуле и Париже, Владикавказе, Варшаве и Черкесске (съезд черкесского народа), где говорилось много правильных слов, но мне уже было ясно, что изменить ничего нельзя: надвигалась новая война в Чечне, все более отвратительным и лживым становилось положение в России.

В меньшей степени чем «Мемориал» (у нас уже не было организационных возможностей для этого – «Гласность» была почти задавлена) мы были заняты и юридической помощью жертвам войны. К нам обратились родственники Эльзы Кунгаевой, изнасилованной и убитой полковником Будановым, о чем с возмущением рассказывал один из подчиненных ему офицеров. Этим делом уже занимался замечательный (и сотрудничавший с нами) чеченский юрист – в прошлом член Верховного суда СССР, но он был уже не молод, не все успевал и мы подключили к делу постоянно работавшего с «Гласностью» молодого тогда адвоката Маркелова, который готов был отважно

бросаться во все самые опасные наши проекты. Мы получили заключение независимой психиатрической экспертизы о том, что оправдание полковника как невменяемого не имеет достаточных оснований. Теперь оба они убиты – и Маркелов, и Буданов в нашей чудовищно бесчеловечной стране.

Последним кавказским проектом, о котором я не могу вспоминать без горечи, была конференция о праве наций на самоопределение. В наших конференциях о Международном уголовном суде в качестве сотрудника академика Блищенко и Института международного права принимал активное участие профессор Аслан Абашидзе. Я так и не понял был ли он родственником или просто однофамильцем президента Аджарии Аслана Абашидзе, но явно был к нему близок и однажды завел речь о том, что мы так много делаем интересного и полезного на Кавказе, где есть такое замечательное место – Батуми, а там президент, который готов оплатить любое серьезное, европейского масштаба мероприятие. А у меня давно уже был замысел, но я не знал как его осуществить – обсудить на самом высоком международном научном уровне известное и создающее массу сложных конфликтов противоречие в основополагающих документах Организации Объединенных наций: резолюции о праве наций на самоопределение и конвенции о нерушимости национальных границ. Было очевидно, что во многих случаях эти документы являются взаимоисключающими, хотя каждый в каких-то случаях является единственно применимым. Скажем, если небольшая террористическая группа с помощью насилия пытается провозгласить независимым оккупированный ею район, понятно, что мировое сообщество не может этого поддерживать и должен действовать принцип нерушимости национальных границ (как и в случае прямого вооруженного вторжения извне). С другой стороны народ, ставший жертвой геноцида, со стороны государственной власти, да еще и на своей национальной территории (как печально известный почти поголовно уничтоженный народ тутти в Африке), конечно, должен имеет право и международную поддержку в своем стремлении к независимости и национальному самоопределению просто для своего выживания.

Эти довольно простые соображения, которые, конечно, должны были быть уточнены, развиты и дополнены экспертами ООН из разных стран могли бы стать основой для поясняющего, но, тем не менее, очень важного документа Организации Объединенных наций. И Блищенко и Абашидзе и другие юристы-международники, профессора Дипломатической академии,

которые с нами работали, тоже считали важным и интересным разработку такого рекомендательного документа для ООН. К тому же без промедления я получил приглашение приехать в Батуми и обсудить организационные вопросы.

Сперва все было очень славно – мы обсудили список докладчиков, который я привез. Не очень большой, человек двадцать, но среди них было шесть юристов – официальных экспертов ООН, один из них даже из Бразилии; несколько крупных политических деятелей, среди которых вице-спикер палаты лордов Великобритании, и, конечно, группа наиболее известных в области международного права русских юристов. Обсудили место проведения, собственно говоря, даже не конференции, как она называлась, а круглого стола, список участников, программу на три дня. Только последний день в Батуми меня слегка озадачил и, как выяснилось, не зря. Я уже как-то встречался с гостеприимством кавказских президентов. В Сухуми, к примеру, мне так и не показали местный музей, который меня очень интересовал, зато явно по поручению президента Ардзинбы усиленно спаивали, а прилетев в Домодедово, я обнаружил, что в багаж тайком были погружены два ящика мандаринов, и я себя почувствовал мелким торговцем фруктами. Слава богу, их сразу же можно было раздать встречавшим меня сотрудникам. Из Батуми тоже, как выяснилось в Москве, я прилетел с ящиком «Хванчкары», половину бутылок которой, как он сам объяснял, закупил Абашидзе. Но хуже было другое.

В последний день часам к двенадцати я был приглашен на прощальный обед, часа в четыре улетал самолет в Москву. Но сначала был предложен довольно длительный аперитив с разными винами в гостиной, только часа в два перешли в столовую к торжественно накрытому столу, где и так всего было не мало, но потом начались перемены. Часа в три – в половине четвертого я стал поглядывать на часы и напоминать, что у меня самолет.

– Не волнуйтесь, не опоздаете.

В общем, приехали мы в аэропорт часов в шесть. Там были еще какие-то корреспонденты, интервью и фотографии, но самолет стоял, и когда я оказался в семь часов на своем месте, любезная соседка мне сказала:

– Мы с трех часов сидим в самолете, но вы не волнуйтесь – здесь к этому все привыкли.

Самолет был один, принадлежал Абашидзе и улетал тогда, когда расходились его гости. Бывало и хуже, чем со мной.

Но когда подошло время конференции, теперь уже я оказался

в положении куда худшем, чем пассажиры самолета. Мы разослали приглашения, указали место ее проведения – Батуми, республика Грузия, получили согласие участвовать, больше того, эксперт из США, решивший ехать через Турцию, и эксперт из Бразилии уже вылетели, а я собирался с москвичами лететь в Батуми и тут мне сообщает помощник Абашидзе, что конференция отменяется.

Оказывается, о ней узнал Шеварднадзе и решил, что это попытка Абашидзе провозгласить Аджарию независимой (а там и действительно на шоссе уже стояло что-то вроде пограничного кордона) или даже занять его место в Тбилиси. Началось обсуждение в грузинском парламенте, где депутаты передрались прямо в зале заседаний, как-то поминали и меня, и все это со смаком показывало российское телевидение. После этого Шеварднадзе нашел какие-то такие доводы, что Абашидзе от конференции отказался. Мое интервью каналу «Рустави» о том, что конференция не имеет никакого отношения к сепаратизму, а лишь готовит проект документа для ООН о совершенно не имеющих к Грузии вопросах, ничем и никому не помогло.

Эксперты уже летели или давно уже заказали билеты, к счастью, по преимуществу через Москву, но в «Гласности» совершенно не было никаких денег (на этот проект мы ни у кого ничего не просили), да и Абашидзе в довершение всего отказался хоть чем-то помочь. Я с большим трудом занял тысяч пять долларов, Аркадий Мурашов опять согласился предоставить свой зал и мы в последний день перенесли конференцию в Москву, причем вице-спикер палаты лордов Кэролайн Кокс жила в каком-то пятидесятидолларовом номере в гостинице «Измайлово» чуть ли не с тараканами. Не все докладчики успели прочитать свои выступления, я в ужасе от того, что происходит, конечно, был не способен за всем проследить, а разоренная к этому времени «Гласность» уже не была способна подготовить для ООН все необходимые итоговые документы. Впрочем, это был не последний наш международный проект. Последний – может быть, к счастью, вовсе не состоялся, но об этом – в завершении моего рассказа.

Завершение разгрома правозащитного движения

Из «общественно-государственных» правозащитных организаций Алексеевой и Пономарева практически ничего не вышло, хотя эта идея у Алексеевой продолжала прорываться. Главный удар по правозащитному движению был нанесен незаметно (может быть, даже не все осознавали, что они делают) совместными усилиями Хельсинкской группы, «Мемориала» и пономаревского объединения «За права человека». Это были «сетевые проекты». Чье это изобретение, я не знаю, в «Гласности» об их повсеместном развитии даже узнали с большим опозданием. Суть их была очень проста и внешне привлекательна (а уж как привлекательна по существу – и слов нет): крупные московские правозащитные организации для реализации якобы значительных для гражданского общества проектов привлекают десятки (чуть ли не сотни) правозащитных организаций на необъятных просторах России и добиваются блистательных результатов в реализации совместных сугубо демократических проектов. Главное, конечно, было то, что на эти гигантские проекты можно было получить гранты в сотни тысяч и даже миллионы долларов и по крохам распределять их по правозащитным организациям.

Все бы ничего, но, во-первых, скажем, «Мемориалу», давно уже бросившему все свои многочисленные когда-то провинциальные организации (и они распались), теперь приходилось делать вид, что по-прежнему существует то, чего нет. Хельсинская группа и «За права человека» для максимально «полного охвата» называли действующими организациями иногда одного случайного человека и все это происходило на фоне уничтожения даже тех организаций, которые еще реально существовали. Именно в это время появился разработанный Беляевой при поддержке Хельсинской группы новый закон о неправительственных организациях, который предусматривал, в частности, их обязательную перерегистрацию, а в ней, как правило, всем, кроме Алексеевой и Пономарева, отказывали. Даже я и Алексей Симонов долгое время не могли добиться перерегистрации и вынуждены были (с нашими юристами) находить обходной путь – регистрироваться как некоммерческие организации. Что происходило в провинции, представить нетрудно. К тому же отчеты, представленные в Хельсинкскую группу, бесстыдно переписывались (к примеру, отчет

Независимой психиатрической организации), но зато был издан торжественный четырехтомник о победе демократии в России.

Отвратительным было и то, что «сетевые проекты» всех устраивали. Не только тех, кто получал гигантские деньги, но и фонды, которые их выделяли, – ведь они тоже писали отчеты и могли написать о том, что в результате затраченных ими средств демократия в России уже на пороге, обманывая таким образом и общественность, и неправительственные организации, и даже правительства своих стран, внушая им совершенно искаженное и очень оптимистическое представление о положении в России.

Именно в это время «Гласность» оказалась в совершенной изоляции от так называемого правозащитного движения в Москве, да и от фондов на Западе.

Мы проводили конференции «Уничтожение неправительственных организаций» (сохранилась случайно программа одной из них 30 июня 2000 года), куда приезжали делегаты из Челябинска и Краснодара, Владимира, Тамбова и Калуги, и все говорили о том, что остатки правозащитного и профсоюзного движения гибнут на глазах. К нам приходили европейский посол в Москве Саймон Косгроув и представитель американских профсоюзов АФТ-КПП Ирен Стивенсон, которым было не безразлично, что в действительности происходит в России. Но таких людей было немного. Большинству организаций в мире было совершенно неинтересно читать наши отчеты, когда рядом были стостраничные рассказы об осуществленных «сетевых проектах», якобы по настоящему серьезных и успешно сотрудничающих с властями России (в укреплении демократии, конечно) Хельсинкской группы, «Мемориала» и «За права человека». Во всем этом был еще один любопытный аспект: члены правления этих трех организаций успешно попали в наблюдательные советы крупнейших фондов. И, конечно, всегда голосовали против выделения грантов «Гласности». Какое-то время с помощью личных связей и репутации я как-то справлялся с этим, но гранты выделялись все реже и меньше – никто не хотел слышать неприятных вещей о России.

Но все же была надежда если не укрепить, то сохранить хотя бы правозащитное движение.

На заседании «Общего действия» – небольшого кружка из руководителей московских правозащитных организаций – было решено провести всероссийский чрезвычайный съезд, который мог бы поддержать пока еще уцелевшие небольшие организации по всей стране, показать их сплоченность и относительную массовость, обсудить важнейшие проблемы. Решение было

принято, поддержано множеством организаций в других городах, но «Гласности» к этому времени уже пришлось отказаться от одной из двух квартир, которые мы снимали для офиса, то есть денег не было совершенно, а имевшие государственные офисы Хельсинская группа и «За права человека» и целый небольшой дом – «Мемориал», выполнявшие к тому же «сетевые проекты», ни копейки на съезд найти не могли. Арсений Рогинский сказал мне:

– Только вам, Сергей Иванович, удастся собрать средства на съезд.

Я был уверен, что Сергею Ковалеву или Ларе Богораз это удалось бы не хуже, да и у Алексеевой связи в фондах были точно лучше моих, но никто делать этого и не думал, и я действительно поехал в США, вооружившись просьбами и от всех других организаций, и собрал тысяч сто пятьдесят на проведение съезда. В конечном итоге это тоже послужило одной из причин (но лишь одной из многих) гибели «Гласности» – деньги я собрал для всех, по-моему, они даже перечислялись не на счет «Гласности», а «Мемориала», но ведь давались-то они мне, и поэтому весь следующий год «Гласность» не могла получить ни копейки, и мы жили в долг или на мои собственные деньги. Все известные мне фонды считали, что уже и без того все, что могли, «Гласности» выделили.

Съезд действительно получился гигантский – более тысячи человек со всей страны и, к несчастью, он был последним. Прозвучали два очень серьезных и объективных доклада: Сергея Ковалева о «послушном парламенте», о возвращении к советской командной системе, и Владимира Миронова о практическом уничтожении правосудия в России. К несчастью, они уже звучали горестно-академически. В них не было осознания главного: что все это – следствие гибели демократического движения и гражданского общества, которые могли бы что-то изменить. Когда подобные доклады звучали на съездах «Мемориала» (до 1992 года) и «ДемРоссии» до ее гибели – они реально влияли на положение в стране. В 2001 году перед беспомощными и разделенными людьми это было только сотрясение воздуха.

Доклад Олега Орлова от имени нового «Мемориала» о войне в Чечне при внешнем бесспорном приличии обнаруживал главную цель – никого не обидеть и уж, конечно, выжить. Хотя Олег мельком и упомянул, что «Гласность» была единственной организацией, пытавшейся сделать невозможной вторую чеченскую войну (в тезисах этого нет), но не сказал, что именно и в каких условиях мы для этого делали. В его докладе о новой войне, казалось, все было правильно и гуманно. Речь шла и о

пытках, похищенных людях, массовой гибели мирных жителей, нелегальных тюрьмах в воинских частях и даже о немедленном выводе из Чечни воинских частей и милицейских соединений, которые скомпрометировали себя насилием над мирными гражданами.

Однако из доклада создавалось впечатление, что эти воинские соединения сами пришли в Чечню, а не в Кремле находятся виновники этих преступлений; что не существует Международный уголовный суд над военными преступлениями и преступлениями против человечности; что взрывы домов в Волгодонске, Москве, Буйнакске, марш Басаева в Дагестан и, следовательно, гибель многих тысяч ни в чем не повинных людей заведомо не может иметь никакого отношения к преступлениям в Чечне. На первый взгляд, непонятно, чем я был недоволен: Сергей Адамович сделал ясный и четкий доклад о политическом положении в России, Олег говорил лишь об одном из проявлений нового режима и не должен был придавать ему глобальный характер. Больше того, Ковалев вскоре создал комиссию по расследованию взрывов домов в Москве, которая, правда, без всякой процедуры, которую применяли мы в работе трибунала, зафиксировала, например, что офицер КГБ, живший в одном из взорванных домов в Москве явно был предупрежден о взрыве. После взрыва он бегал в тренировочном костюме и кричал, что все у него сгорело, а через два дня на собрании появился в своем обычном костюме и на вопрос дворничихи «ты же говорил, что все у тебя погибло – где же ты успел переодеться?» – ответил матом, а на следующий день дворничиху нашли убитой.

И все же Сергей Адамович в конце своего выступления призвал – «не заниматься хлесткими обличениями, благо это практически безопасно для обличающих», что было неправдой и раньше, да и в ближайшем будущем предстояли убийства его коллег – Старовойтовой, Юшенкова и многих других. Это для него, для осторожных, как он, было безопасно. По всей стране гибли журналисты, взявшие на себя обязанности правозащитников, и почему-то прокуратура, с которой так успешно сотрудничала Алексеева, никогда не находила убийц. Московские журналисты были, как всегда, гораздо осторожнее, даже в Чечню на эту войну они уже не ездили, кроме Ани Политковской, которая еще не была застрелена, но ее уже попытались отравить в самолете.

Да и Олег – другой представитель «Мемориала» еще совсем недавно выводившего десятки тысяч протестующих на улицы русских городов из-за тринадцати человек погибших в Вильнюсе, теперь считал, что правозащитные организации должны всячески

содействовать усилиям международного сообщества по прекращению войны в Чечне (где уже и на новом этапе погибли десятки тысяч). Это они, а не мы должны заниматься преступлениями совершаемыми в нашей стране, а мы им «должны способствовать». Все это было беззубо, в дозволенных для безопасности выступающих рамках и производило тоскливое впечатление.

Алексеева не посмела выступить на пленарном заседании, но опубликовала в сборнике сообщение о результатах проведенного Хельсинкской группы мониторинга по правам человека. После вежливого критического вступления следовало: «В России имеются все основные составляющие гражданского общества: независимые общественные организации, независимые средства массовой информации, частное предпринимательство, политические партии, хотя и очень слабое – местное самоуправление. Российское гражданское общество располагает мощным научным и интеллектуальным потенциалом».

Я говорил о том единственном, что мне казалось практически важным – о разгроме гражданского общества. Олег Орлов, которому я предложил председательствовать, не дал мне договорить, и опубликованный текст выступления мне кажется слегка смягченным. Тем не менее и в нем речь идет о том, что правозащитные (да и общественные) организации больше не регистрируются, а новый закон о политических партиях уничтожает и их. Секция, которую я вел, была о фабрикации КГБ уголовных дел в отношении русских ученых. С одной стороны это было откровенное нагнетание шпиономании в стране, причем одновременное «разоблачение» псевдошпионов в разных регионах ясно указывало на директиву из центра (впоследствии Солдатов нашел ее следы). С другой стороны, это было бесспорное запугивание и без того уже подавленной русской интеллигенции, причем в наиболее независимой ее части – научно-технической, имеющей налаженные международные контакты.

На практике никого, кроме профессора Сойфера, брат которого, живущий в Америке, смог его защитить, отбить у КГБ, как и в советские годы, не удалось. Чуть лучше оказалось положение экологов – Никитина, Пасько, но и в этом случае лишь благодаря мощному международному давлению.

Своей главной задачи «чрезвычайный съезд» не выполнил, да и не мог выполнить: он не превратил остатки правозащитного движения в мало-мальски консолидированную общественную силу. Каждый думал только о том, как ему выжить.

На последовавших заседаниях «Общего действия» быстро выяснилось, что Пономарев не только пытается стать

председателем этих вполне неформальных обсуждений сложившегося положения, но еще и сделать само «Общее действие» руководящей организацией остатков правозащитного движения в России. Уже был подготовлен проект и проведено подготовленное Пономаревым голосование.

К несчастью, было очевидно, что это объединение служит лишь цели получения грантов и распределения их между послушными знакомыми организациями. Никакой разработанной программы практических общественных действий Пономарев не предлагал, да и не способен был на это. Правозащитное сообщество нуждалось не в командире из Москвы, а в стратегическом плане самозащиты и активных действий, но именно этого и не было. Предполагалось новое «государственно-общественное объединение». Его я еще смог поломать, но тут и Елена Георгиевна Боннэр в отчаянном поиске денег для выживания Сахаровского музея обратилась за ними к Березовскому. Тот их охотно пообещал, разрекламировал себя как продолжателя дела Сахарова, но денег не дал – обманул. Я говорил Алексею Семенову – сыну Елены Георгиевны, что нечего кормить тунеядцев – Самодурова и компанию, которые прямо утверждают, что они не правозащитники, выдумывают какие-то бессмысленные выставки вместо того чтобы оплачивать свое существование реальными серьезными правозащитными проектами, на которые музей и центр Сахарова без труда получил бы деньги. Алексей со мной согласился, но что он мог сделать из Америки. Приходить в эту компанию стало противно.

Вскоре подполковник КГБ Путин тоже решил провести конференцию неправительственных организаций прямо в Кремле. Почти все с охотой или без охоты туда пошли.

– Чего мне его бояться – пусть он меня боится, – говорила Лара Богораз. Страшно она его испугала.

Пересказывать, что я об этом думал, не хочу – все это опубликовано в журнале «Индекс», где моя статья с полным неприятием этой встречи – последняя под иронической рубрикой «В белом фраке». Председательствовала, естественно, Алексеева, лакейски подставила Путину стул и даже подняла весь Георгиевский зал на ноги, когда он входил.

Саймон Косгроув – посол Европейской комиссии в России – один из редких дипломатов, кого и впрямь тревожило положение в далекой от Великобритании России – решил провести обсуждение положения неправительственных организаций прямо в своей резиденции в Москве. Правда, с моей подачи, да и «Гласности» проводить конференции было уже почти негде.

Устало выступил Явлинский – «Яблоко» усыхало и сморщивалось на глазах, в Думе ничего сделать не удавалось, выборы фальсифицировались. Что-то говорил я (текст, естественно, не уцелел), скорее всего о давлении на неправительственные организации, наверняка – о попытке убийства в Краснодаре бывшего депутата Верховного Совета и Государственной Думы полковника юстиции Владимира Грицаня, а потом – активного участника нашего трибунала по Чечне и руководителя местной правозащитной организации. Защищая одного из предпринимателей в Краснодаре, он в чем-то задел интересы ФСБ и первого мая, когда еще шли какие-то праздники, а его родные по привычке ушли на прогулку, к нему вдруг позвонили два человека в белых халатах и сказали, что они из местной поликлиники и всем делают прививки от гриппа (какие прививки первого мая – тогда это был праздничный день). Он по доверчивости дал себе сделать укол и через двадцать минут начался сердечный приступ, который тут же перешел в тяжелейший инфаркт. К счастью, его соседом был врач, который успел принять все необходимые меры, дать необходимые лекарства и спасти его, хотя и в этом случае месяца четыре Грицань приходил в себя.

Поразительным цинизмом отличалось выступление Людмилы Алексеевой. Она с гордостью рассказывала, как расцвело демократическое движение в России, как «в сотрудничестве с прокуратурой» правозащитные организации добиваются по всей стране неимоверных успехов. Но почти никто с ней не спорил, хотя в перерыве благодарили меня за сказанное – из уцелевших правозащитных организаций половина уже получала или надеялась получить хоть какие-то деньги от Хельсинкской группы.

После нее выступил Аузан – чиновник, приставленный для контроля за нами (кажется, он возглавлял организацию «по защите прав потребителей»). И предложил в знак заслуг Людмилы Алексеевой устроить ее публичное чествование в связи с каким-то юбилеем.

Я поддержал его предложение, посетовал только, что возможности правозащитного сообщества для такого величественного события недостаточны и предложил, чтобы за организацию юбилея взялись Администрация президента и Генеральная прокуратура, которые ее так ценят. Зал начал смеяться, Алексеева поняла, что переборщила, и поспешила отказаться от этой блестящей идеи.

Подведение итогов. Гибель гражданского общества

Две тысячи второй год ознаменовал новый период борьбы российских властей с народом и обществом. Если до этого борьба была по преимуществу бандитско-чекистской, то есть состояла из разгромов, убийств, подкупа и разнообразных оперативных мероприятий (вроде уничтожения Гайдаром «Демократической России»), то теперь с приходом к власти начался период законодательного подавления остатков гражданских прав и свобод. Касалось это в одинаковой степени и профсоюзов, и молодежных организаций, и политических партий, и экологов, и, кончено, правозащитных организаций.

Защитой общественных организаций в стране не занимался никто, кроме «Гласности». Теперь уже можно было подвести итоги. Мы смогли получить официальный список общественных организаций России и провели подлинный, а не фальшивый, как Хельсинкская группа, мониторинг всех упомянутых там объединений. Оказалось, что даже государственные данные (в Москве не были перерегистрированы 85 % организаций, по стране – 50 %) были сильно приукрашены. Что бы хоть как-то замаскировать процесс практически полного разгрома гражданского общества, множеству чиновников было поручено создать общественные организации – обычным было тогда создание Общества защиты предпринимателей и подобных. Оказалось, что ни одна из этих организаций, упомянутых в списке, на деле не существует. Телефон каждой двадцатой организации оказывался просто-напросто телефоном администрации, бывший министр юстиции России Валентин Ковалев на устроенном нами круглом столе откровенно объяснил (в гостиной «Новой газеты» – Егор Яковлев еще стеснялся нам отказать), что регулярно получал указания от Администрации президента, премьер-министра, ФСБ, МВД об отказе в регистрации партий и организаций, которые имели на это законное право.

Действующий заместитель начальника Управления юстиции г. Москвы Жбанков в общем со мной интервью на Радио Свобода заявил, что правозащитные организации вообще не нужно регистрировать, «защищал же права человека Сахаров без всякой регистрации», то есть все (кроме за что-то любимых властью) должны уходить в подполье. Официальная позиция нового министра юстиции Чайки состояла в том, что

неправительственные организации не имеют права защищать права человека, так как по конституции это является прерогативой президента России. Именно на этом основании было отказано в перерегистрации фонду «Гласность». Но у них были плохие юристы, и мы зарегистрировали некоммерческую организацию с чуть измененным названием – но менее мощным организациям, конечно, это не удавалось.

Еще хуже было положение свободных профсоюзов, не управляемых из Кремля с помощью Шмакова. Новый Трудовой кодекс был очень удобно дополнен законом об экстремизме. Мало того, что именно там было больше всего убитых профсоюзных активистов – шахтеров, летчиков, моряков. Тепрь в уцелевших профсоюзах, гораздо более мелких, чем раньше, было предусмотрено обязательное присутствие администрации (чаще всего – в руководстве), забастовки становились законными лишь в том случае, если за них проголосовало половина всех сотрудников предприятия (от уборщиц до директора, что делало заведомо невозможной забастовку какой-то одной категории служащих – скажем, инженеров, диспетчеров или летчиков). Приглашенный мной на один из круглых столов министр труда Починок мог только кричать на профсоюзных лидеров, но проблема была в том, что в отличие от него они не были лакеями. В докладе он заявил:

– Мы, конечно, не будем судить всех участников незаконной забастовки учителей или пекарей как экстремистов, но их профсоюз запретим.

– Да, разгоните все педсоветы в школах, – заметила Таня Трусова. Профсоюзное движение тоже было полностью уничтожено.

С экологами, на первый взгляд, было просто: Путин, придя к власти, тут же со знанием дела объявил, что все экологи – шпионы, и с экологическим движением в стране стали бороться привычными методами – зверскими избиениями и разгромами. Дело в том, что из примерно трехсот существующих объединений почти ни одно не стремилось ни к организации, ни к государственной регистрации. Так что им не в чем было отказать. Сами собирались и делали что-то полезное, но для жесткой авторитарной власти, стремившейся все контролировать и расчленить страну на ничем не связанных между собой людей – атомизировать общество, – они представлялись крайне нежелательными. Для начала были запрещены все их издания: пусть тихо сидят в своей норке. Кроме того, всюду были свои, но поставленные сверху царьки, которые к тому же в условиях полной продажности милиции и прокуратуры могли делать все,

что угодно с мешавшими им хоть в чем-нибудь «зелеными» или экологами.

Об арестованном тогда Руслане Воронцове – главе мифической сатанинской секты (на самом деле он человек неверующий и ко всей христианской и антихристианской символике относился без всякого интереса) я уже упоминал. Он был арестован в Москве и на машине вывезен в Казань. К его приезду казанские газеты вышли с передовыми статьями «Сатана приехал в Казань». С удивлением он узнал, что Новый год отмечал в татарской столице, где и убил в ритуальных целях какую-то девушку.

Подтверждение этой дикой истории у него выбивали самыми изощренными пытками три месяца: топили в реке, душили целлофановыми пакетами, избиения и пытки электрическими разрядами были систематическими. К счастью, Новый год он отмечал в Петербурге в большой актерской и литературной компании, участники которой не только не побоялись дать показания в его защиту, но поэтесса Алина Витухновская даже наняла хорошего адвоката, Нерсисяна, и так как «признания вины» из Воронцова выбить не удалось, его, искалеченного с отбитыми почками и печенью, пришлось выпустить. Но это единственный «благоприятный» результат развернутой КГБ антимолодежной компании.

Гораздо более сложным и длительным – двенадцать лет судов, все новых и новых арестов и сроков заключения – стало дело «Портоса», идеалистической молодежной организации, которая ставила своей целью воспитывать, приучать к труду и образованию молодых людей на примерах лучших современников[44]. В это время самым лучшими им казались погибший от пули снайпера во время штурма Белого дома в 1993 году офицер «Альфы» Геннадий Сергеев и бывший президент СССР Михаил Горбачев. Последнему они помогали в предвыборной компании и похоронах жены; кроме того они помогали инвалидам, создавали фермерские хозяйства под Москвой и под Харьковом и вообще много работали. Даже помогали московской мэрии, за что получили грамоты и обмундирование, а главное, каждый участник движения должен был не только много читать, не пить, не курить, но еще и писать стихи.

Создание в ФСБ на гигантские полученные благодаря Путину деньги подразделения, занимавшегося молодежными организациями (но ничего о них не знавшего), привело, в частности, к отвратительной провокации в отношении этих

идеалистов. Они были обвинены в создании вооруженного формирования, у них якобы нашли десять автоматов. Я спросил журналистов, кажется, НТВ, как у них хватило бесстыдства приписать ребятам оружие, которого у них отродясь не было:

– Нам принесли справку из РУБОП'а – не можем же мы их проверять.

Мнимым преступлениям «Портосов» была посвящена статья на всю первую полосу в проправительственной «Российской газете», и вице-мэр Москвы (вручавший им награды) Шанцев, с которым я сам говорил, и «Альфовцы», и Горбачев были напуганы (конечно, не самими «Портосами», а свистопляской ФСБ) и тут же от них отступились. Четверых молодых людей посадили сразу, несмотря на все усилия наших адвокатов, потом – еще двоих (несмотря на то, что в дело вступил Трепашкин, защищавший интересы жителей взорванных домов в Москве и сам получивший четыре года). Только в 2013 году последние обвинения (через двенадцать лет) уже с новых обвиняемых были сняты. Замечательно, однако, мужество, с которым молодые люди выдерживали и выдержали государственную травлю – доили коров, расфасовывали продукты и неколебимо держались друг за друга.

Того же типа был и процесс над Эдуардом Лимоновым и его Национал-большевистской партией. Только выглядело все противнее и по-человечески мельче. Главный теоретик, придумавший название «нацболы» и заместитель Лимонова Дугин, тут же сбежал к Путину и до сих пор остается теоретиком нового евразийства («азиопов», по выражению умнейшего Георгия Федотова о более серьезных, но тоже близких к НКВД представителях одноименного течения в Праге). Сам Лимонов, лучшее о котором можно сказать – человек «без царя в голове», оказался на четыре года в лагере и, конечно, произошло это по тем же причинам, что и с Русланом Воронцовым и «Портосами»: началась борьба с любыми молодежными движениями, а довольно бессмысленные «нацболы» были обыкновенным и вполне безвредным, несмотря на свое дурацкое название, движением молодежного протеста. Но природная глупость Лимонова и бессмысленное название партии привели к тому, как жаловался у нас на круглом столе его адвокат Беляк, что «лимоновцам» хотя бы для виду, как «Портосам», не хочет помочь никто. Проханов тут же забыл о своем любимом авторе. А их идеологический союзник Никита Михалков, которого нацболы забросали тухлыми яйцами, прилюдно избивал ногами по голове беспомощных мальчишек, которых его охранники тут же повалили на пол. Близкий к «Гласности» молодой тогда адвокат

Аграновский неукоснительно вел дела и так называемых «молодых левых», которых тоже сажали, фабрикуя им дела, одного за другим. Все в одинаковой степени оказывались жертвами прочно, с легко управляемыми следователями и судами, установившейся власти КГБ.

Однако самой серьезной была расправа над членами Ассоциации народного землепользования и ее председателем, депутатом Верховного Совета Вячеславом Григорьевым. Серьезность ее была даже не в жесткости борьбы с ними, хотя были, конечно, и аресты, и грабежи, и избиения, и запугивания, и фальсифицированные документы. Суть заключалась в неприкрытом цинизме и прямой антинародной направленности этого дела. Во-первых, члены, образованной в 1993 году Григорьевым ассоциации были по преимуществу московскими пенсионерами; во-вторых, более гуманной и важной для выживания цели, чем та, что Григорьевым была поставлена, даже и представить себе невозможно: по возможности не дорого найти и купить для пенсионеров небольшие участки (по десять соток) земли в Подмосковье с тем, чтобы они возделывая эти чаще всего запущенные и брошенные земли, могли спокойно прожить остаток жизни, прибавляя свой скудный урожай к жалким крохам положенной им пенсии.

За семь лет им многое удалось сделать: были облагорожены несколько участков, болотистых и заросших кустарником – на роскошные дачные поселки и возделываемые когда-то совхозные земли они не претендовали, членам ассоциации это было не по карману. Но за эти годы цена возделанной ими земли возросла, к тому же началась повсеместная крупная торговля подмосковной землей, а Григорьев, будучи абсолютно порядочным человеком все делал по закону и никому не давал взяток.

Началась продуманная расправа, с обвинениями пенсионеров в уголовных преступлениях, с РУБОП» овцами в бронежилетах, спускавшимися с крыш на канатах, с десятками судов, которые, даже вынося решения в их пользу – настолько очевиден был их идеализм и беспомощность (помню жалкую улыбку одного из судей: я выношу уже седьмое решение), не могли добиться выполнения своих решений. Пожилые люди от всего этого болели, умирали; их участки, собственно говоря, никому кроме них не нужные, опять зарастали кустами. Это была борьба власти с любым неподчиненным ей объединением людей. Григорьев боролся отчаянно, хотя никто, кроме «Гласности», ему не помогал, дошел до Страсбургского суда. Но в России все менялось только к худшему.

Конференция в Чикаго

Рассказывая о характерной истории с прослушкой и комментированием моего телефонного разговора с Макфолом перед конференцией фонда Карнеги в Чикаго, я не стал писать о том, как в 2000 году был задержан в Шереметьево и что, собственно, происходило на этой конференции, предшествовавшей приезду и первой встрече Путина с президентом Бушем.

Началось все, как и перед поездкой в Стокгольм в 1995-м (начало трибунала по Чечне) с того, что я обратил внимание: не один-два, а все пункты досмотра багажа в Шереметьево действуют и, соответственно, все участники конференции не стоят в одной очереди, а беспрепятственно и быстро проходят к паспортному контролю.

Я подошел с Сергеем Роговым – директором Института США и Канады – к стойке досмотра (говорил с ним о деле мнимого шпиона Сутягина), и нас почти подтолкнули к паспортному контролю. У меня в кармане были разрешенные тогда по закону три тысячи долларов, завернутые в банковскую квитанцию об их покупке. Но отдать ее я не успел. Зато в «накопителе» уже было человек пять сотрудников милиции, которые, очевидно, по материалам «наружки» все это знали, их металлоискатель был настроен так, что эти три тысячи зазвенели, как будто я был в бронированных доспехах, и эти поджидавшие милиционеры стали выводить меня, не обращая никакого внимания на банковскую квитанцию.

После нагло прерываемого телефонного разговора с Макфолом, статьи в «Вашингтон пост» об этом и второй готовящейся (она появилась на следующий день в «Нью-Йорк таймс») после четырех часовой задержки самолета я все же попал в Чикаго.

Шел второй день конференции, все присутствующие, конечно, знали из газет, что произошло, и тут начался спектакль, омерзительность которого я до сих пор не могу забыть. На сцену попросился Лукин (главный защитник прав человека в России, согласившийся, в отличие от меня, сменить в аппарате президента Сергея Ковалева и виртуозно умеющий делать вид, что, покрывая бандитов, сам он бандитом не является). Лукин с радостью отметил, что мне удалось приехать на конференцию, а потом стал пространно рассуждать о том, что это враги Путина пытались мне помешать выехать из Москвы. Как они пробрались в КГБ и прерывали наш разговор с Макфолом он, правда, не

уточнил. Может быть, именно потому, что выступление Лукина звучало недостаточно убедительно для Бжезинского, Кэмпелмана и ста других американских политиков, довольно хорошо понимавших положение в России, вслед за Лукиным попросил слово Борис Немцов и с еще большим жаром стал всех убеждать, что враги Путина не дремлют, провокация с Григорьянцем – это дело их рук, и мы все должны поддерживать демократа до мозга костей – российского президента.

Поскольку я должен был выступать в первый день, а успел лишь во второй к обеду, было решено, что я буду говорить на прощальном торжественном ужине. Но у меня уже не было сил после двухдневных приключений и ничего серьезного с концептуальной точки зрения я не сказал. Но и тут Борис Немцов, поскольку штатных переводчиков за ужином не полагалось, вдруг вызвался меня переводить, но все упоминания о КГБ, о том, что творится в России, аккуратно пропустил. Мой английский недостаточно хорош, чтобы выступать, но я понимаю, что говорят и как меня переводят. Самое противное во всем этом было то, что большинство американцев хорошо знали русский язык, но ни Лукину, ни Немцову не было стыдно.

Потом мне сказали, что Лукин рассчитывал стать послом в США; к чему стремился Немцов, я не знаю, но возможность здороваться с ним я утратил.

Были, впрочем, и вполне приличные люди. Был Коновалов, который даже в Шереметьево, когда меня выводили, попытался возмутиться и действительно был рад видеть меня в Чикаго. Был Илларионов, выступавший у нас в «Гласности» весной 1998 года с предупреждением о неминуемом дефолте, если не будет понижен курс рубля и сказавший мельком замечательную фразу:

– Я не новый русский, я – старый русский.

Тогда он был финансовым советником Путина, и я ему мельком сказал, что есть немало арестов по политическим причинам.

– Разве у нас есть политические заключенные? – рассеяно спросил Илларионов, попросил ему позвонить и дал визитную карточку с кремлевским телефоном, по которому, конечно, невозможно было дозвониться.

Конец «Русской мысли»

Записки мои ощутимо движутся к завершению, я уже все больше пишу о первых годах третьего тысячелетия, а между тем за два-три года до конца предыдущего, почти год длилась для меня очень грустное, местами едва ли не отвратительное, и имевшее большое значение для удушения демократических возможностей России уничтожение парижской газеты «Русская мысль». Я не сомневаюсь в том, что оно стало результатом многоходовой международной операции КГБ. Но если, скажем, операцию по первому разгрому «Гласности» в 1988 году я мог описать с действующими в ней лицами в СССР, США, Норвегии, Дании, будучи в центре всех этих событий, то процесс уничтожения «Русской мысли» я могу наметить приблизительно – в Париж в эти годы я лишь ненадолго приезжал, да и контакты мои с «Русской мыслью» заметно ослабли после конфликта с Аликом Гинзбургом, который я уже вкратце описал. И все же даже не печатавшая меня много лет «Русская мысль» оставалась в Париже почти родным домом, я приходил туда в каждый (нередкий) приезд, подолгу разговаривал с Ириной Алексеевной, Олей Иофе, иногда оставался там обедать. В «Русской мысли» в отличие от «Гласности» не было кухарки – вкусы сотрудников были очень разнообразны и прихотливы и угодить на всех было невозможно, но в русской газете, в отличие от французского обыкновения, всегда с тобой кто-нибудь делился тем, что принес из дому.

Но сперва несколько слов о том, чем была «Русская мысль» для России. В послевоенные годы под редакцией княгини Зинаиды Шаховской это была единственная крупная европейская газета русской эмиграции, по преимуществу первой ее волны, хотя, скажем, Алексей Александрович Сионский – активный сотрудник Народно-трудового союза и послевоенный невозвращенец, тоже работал в «Русской мысли» – я с ним переписывался, получал от него то, что могло пройти в Советский Союз, и посылал ему книги (например, словарь Ожегова) до своего ареста в семьдесят пятом году. Но это было скорее исключение, чем правило.

Газета начала радикально меняться, когда Шаховскую сменила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти, тоже из семьи первой русской эмиграции (Иловайский до революции издавал газету «Россия») перешедшая в униатскую (Греко-католическую) церковь, когда выходила замуж, сразу же бросившаяся помогать Солженицыну, когда он был выслан из Советского Союза.

Собственно, в этом и были заключены основные перемены. Теперь уже не новости и проблемы русской эмиграции, а все что происходило в чуть-чуть приоткрывшемся Советском Союзе, а главное – его диссидентское, демократическое движение, стало в центре внимания газеты. Ирина Алексеевна нашла в Вашингтоне уже сильно пившего Алика Гинзбурга, перевезла его в Париж, получив для них четверых (с Ариной и двумя детьми) очень приличную государственную, а не частную, что было большой экономией, квартиру на Фобур Сен-Антуан. И нужно еще учесть, что Алик, как и большинство патриотов из первой эмиграции, не стал получать никакого иностранного гражданства, а так и жил почти до самой смерти с американской «гринкартой», то есть с видом на жительство.

Алик тогда бросил пить, стал регулярно посещать «анонимных алкоголиков» и вместе с Ариной они стали главной опорой информационной части «Русской мысли».

Но не только главным редактором, но сердцем газеты была, конечно, Ирина Алексеевна. Именно она придала «Русской мысли» тот неповторимый облик, аналога которому никогда не было и, вероятно, уже не будет в русской истории.

С одной стороны, это была газета, ориентированная на новости из Советского Союза, мгновенно подхватывающая все и всех (конечно, если это не было откровенно просоветским, как у Синявского или столь же откровенно дураковатым, как у Эдика Лимонова), попадавших на Запад из-за ветшавшего, но все еще железного занавеса. Постоянными обозревателями «Русской мысли» были высланный из СССР Александр Некрич и бежавший из Польши Михаил Геллер; были приняты на работу Наташа Горбаневская, Оля Иофе, Валерий Прохоров, вдова Виктора Некипелова – Нина Комарова; позже Андрей и Ира Кривовы, Андрей Шилков, всех не перечесть. Причем на страницах «Русской мысли» находилось место для диссидентского движения, движения сопротивления коммунизму во всех странах советского блока от Китая и Вьетнама до Кубы. Ну и, конечно, как только начал выходить в Москве журнал «Гласность» – он тут же стал постоянной вкладкой в «Русскую мысль».

В то же время она оставалась газетой первой русской эмиграции, высокой культуры, унесенной на Запад и уже почти чуждой советскому человеку, еще более высокой нравственности и ненарушимого никаким сергианством русского православия. В «Русской мысли» всегда ощущалась готовность всем, чем можно, помочь людям, вырвавшимся из Советского Союза, помочь самой России – в этом и заключалось наследование первой русской эмиграции.

И при этом «Русская мысль» была парижской газетой с еженедельными обзорами европейской прессы, написанными самой Ириной Алексеевной не просто со знанием дела, но с тем внутренним пониманием, которое не всегда близко и понятно русскому человеку. Постоянное присутствие статей Алена Безансона, Жана-Франсуа Ревеля и многих других французских мыслителей делали газету первоклассной.

В этом поразительном, небывалом и неповторимом единстве заключались своеобразие и значение «Русской мысли», которая, как только это стало возможным, начала не просто пересылаться по почте и с любыми оказиями, но и появляться в нескольких московских киосках (впрочем, «Гласность» ею издавалась и в микроформате – для пересылки в СССР в почтовых конвертах), и в результате стала очень важной частью демократического движения в России и так же, как «ДемРоссия», «Мемориал» и «Гласность» в условиях удушения зарождавшейся демократии «Русская мысль» подлежала уничтожению. Но добраться до газеты, находившейся в Париже, с очень опытным и много повидавшим редактором, было совсем непросто.

У российских спецслужб появились для этого реальные возможности, когда в девяносто шестом году американские фонды, осуществлявшие помощь России, окончательно переключились на поддержку все разворовывающих сотрудников КГБ в правительстве Ельцина, и соответственно, у них пропал всякий интерес к русской эмиграции. Но при таком опыте, влиятельности и при хорошо понимавшем, к чему идет дело, редакторе для «Русской мысли» это не было катастрофой. Оставался и даже возрос немалый банковский счет; популярность и тиражи «Русской мысли» за рубежом и в России (пока совершенно убыточный) неуклонно возрастали; значение газеты, как и репутация Ирины Алексеевны были настолько бесспорны, что могли открывать все новые возможности. К несчастью, первые тяжелейшие удары обрушились на саму Ирину Алексеевну, которой было уже восемьдесят лет. После тяжелой болезни умер ее сын, и хотя это странно совпадает с трагедиями наших детей, но, говорят, было просто совпадением, от которого у Ирины Алексеевны едва хватило сил оправиться. Второй удар – и в этом случае я уверен, что он не случаен (вспоминая, например, разорение газеты «Моргенбладет», когда нужно было разгромить «Гласность» в 1989 году) – последовал одновременно и по Ирине Алексеевне и по газете. Желая увеличить доходность средств, которые оставались у «Русской мысли», Ирина Алексеевна доверила управление ими своему зятю – Аринголи, достаточно известному в Риме предпринимателю в сфере жилищного

строительства. Я сам жил в двух из выстроенных им и ему принадлежавших очень не дешевых многоэтажных пансионатов на Аппиевой дороге. Принадлежа к традиционной римской буржуазной среде (да еще зять князя Альберти) он, конечно, пользовался постоянным и неограниченным банковским кредитом, необходимым в строительстве, и в течение двадцати лет его репутация ни у кого не вызывала сомнений. Однажды, приехав ко мне в гостиницу на Via Veneto, он сказал:

– В вашей гостинице снималась «Сладкая жизнь» Феллини. Я и сам бывал в комнате, в которой она снята.

Аринголи не был на моей встрече с премьер-министром Италии, когда тот захотел познакомиться и поговорить о положении в СССР, но привез меня во дворец, и было очевидно, что не только Ирина Алексеевна, но и он способствовали этой встрече.

Правда, в его пансионатах я встречал и других русских, о которых он мне говорил – и явно был в этом уверен, – что это тоже противники коммунистического режима и идеологии, а мне после пары случайных обменов репликами, они показались чем-то средним между младшими офицерами КГБ и обычными бандитами. Во всяком случае, никаких общих тем для разговоров у нас не нашлось.

Так или иначе, у Аринголи внезапно начались непреодолимые финансовые трудности, он не смог получить кредиты, на которые рассчитывал и которые всегда получал, что было неудивительно при очень большом подспудном влиянии КГБ и коммунистов на финансовую и политическую жизнь Италии и при хорошо известной в Италии бескомпромиссной позиции Ирины Алексеевны. И деньги «Русской мысли», данные Аринголи, пропали. Но даже это при высокой репутации и больших связях Ирины Алексеевны не могло уничтожить «Русскую мысль», хотя она была уже смертельно измучена. Удалось получить средства от одной из христианских организаций – «Церковь в беде», но за это пришлось делать специальную вкладку в «Русскую мысль». Остались деньги от европейской подписки, объявлений и розничной продажи. Появился некий странный спонсор – Клод Милан с офшорной, зарегистрированной на Кипре фирмой «Black Sea». Ирина Алексеевна, по-видимому, сильно сократила свой оклад (заработки в «Русской мысли» никогда не были публичными) и сменила квартиру на гораздо более скромную. Чуть позже – по-видимому, выполнение контрактов требовало времени, – офис «Русской мысли», хотя и остался в том же доме на Фобур-Сент-Оноре, но был перенесен в меньший по площади. Ушли в

прошлое высокие гонорары всех внештатных авторов «Русской мысли» (по преимуществу из России).

Подробностей я не знаю – Алик об этом никогда не говорил, да и Арина говорить не хочет, но якобы по требованию Милана очередная зарплата Алика и Арины тоже без предупреждения оказались вдвое ниже (до этого они получали гораздо больше других сотрудников). Алику за год до этого была сделана (благодаря хлопотам Ирины Алексеевны – медицинской страховки у него не было) сложная операция и добыта еще более роскошная государственная квартира, но работал Алик уже совсем мало, опять начал пить, и требования Милана о понижении его высокого оклада были, вероятно, оправданы. Ирина Алексеевна, очевидно, уже не была в состоянии Алику и Арине это сказать, а они не могли с этим смириться и в конце концов оба оказались уволенными. И тут началось то, из-за чего я все это и решил написать – отвратительное вранье, вплоть до клеветы, в адрес Ирины Алексеевны всех тех, кто должен был стать ей верной поддержкой в этом беспримерно трудном положении.

Начал и затеял эту компанию Алик, но, может быть, она была рассчитана и задумана без него, но с расчетом на его реакцию, совсем другими людьми. В этот невыносимо тяжелый год природная осторожность несколько изменила Ирине Алексеевне, а может быть, внедрение в «Русскую мысль» стало более изощренным. Кроме Клода Милана появился некий отец Свиридов. Почему-то решила, что может чуть ли не управлять делами «Русской мысли», директор Библиотеки иностранной литературы Гениева, представителем газеты в Москве стал известный мне по личному опыту провокатор Елисеенко (о нем я пытался предупредить Ирину Алексеевну, она по обыкновению улыбалась, но ей уже явно было не до того).

Обиженный Алик Гинзбург, забыв обо всем, чем был обязан Ирине Алексеевне, бросился на нее в атаку. Мало того, он попытался подать на «Русскую мысль» в суд. Встретив меня однажды в Париже, неожиданно позвал выпить кофе и поговорить. Это было довольно странно – наши отношения, и без того не блестящие, недавно опять ухудшились, и виноват в этом был я. Желая хоть чем-то помочь жене и дочери, вынужденных бежать в Париж, и не имея никаких денег, я попросил его в Москве, где в это время он часто бывал и, как с восторгом говорил, «ногой открывал все двери», передать им маленькую коробочку, хотя и с серебряными, но старинными украшениями в надежде, что они их смогут продать. И не предупредил Алика, что они и впрямь чего-то стоят. У него почему-то возникли проблемы

на таможне, легко разрешившиеся, но он был вполне заслуженно на меня сердит. Я, конечно, не хотел его подставлять – просто в это время иногда плохо понимал, что делаю.

За кофе Алик попытался мне все объяснить – он был такой маленький, худенький, совсем седой и нас уже так мало осталось, что мне очень хотелось во всем его поддержать (а ведь я много лет из-за него не печатался в «Русской мысли»). Но то, что я услышал, мне не казалось правильным. Начал он с того, что Милан со своей кипрской фирмой наверняка из КГБ или мафии. Это было возможно, хотя никаких доказательств не было. Потом перешел к христианской вкладке Свиридова, христианским передачам, которые вела по московскому радио Ирина Алексеевна, действительно, становившаяся после семейных трагедий и на девятом десятке может быть еще более религиозной. Из этого Алик тут же сделал вывод, что зависимость Ирины Алексеевны от Московской патриархии возрастает, а Патриархия – это КГБ, и Ирина Алексеевна превратила «Русскую мысль» в орган КГБ и потому Алик и Арина, которые этому сопротивлялись, были уволены. Но я знал, что для увольнения Алика и Арины были другие причины, финансовые и рабочие, что христианская вкладка – вынужденный шаг, что «Русская мысль», конечно, из-за растущих проблем становилась хуже, но никак не органом КГБ. И, конечно, отказался подписать письмо Алика об этом в службы безопасности Франции.

Через пару дней нам с Томой позвонила Фатима Салказанова и пригласила нас в гости. Незадолго до этого уволенная с Радио Свобода, поскольку парижское ее бюро закрылось, она недолго проработала и в «Русской мысли» и теперь ушла оттуда из солидарности с Аликом и Ариной, а может быть, из-за понизившейся зарплаты. Я очень любил бывать в ее гостеприимном доме, мы охотно приехали, но приглашение было не случайным – у Фатимы в гостях был и Алик, и они вдвоем попытались меня убедить подписать это письмо. Фатима вручила мне копию собственного, очень резкого и несправедливого письма Ирине Алексеевне (оно у меня сохранилось), где несмотря на то, что они с Аликом были союзниками, утверждалось нечто прямо противоположное тому, что писал Алик. Тот писал, что Ирина Алексеевна является рупором Московской патриархии и следовательно, КГБ, а Фатима, как «православная осетинка» была возмущена тем, что униатка Ирина Алексеевна с помощью Свиридова делает все, чтобы подорвать авторитет Московской патриархии и святейшего патриарха. Я попытался коротко сказать, что все это очень несправедливо, напомнить, что не знаю ни одного человека, которому не помогла бы добрейшая Ирина

Алексеевна, и мы с Томой уехали. Но Алик отправил свое клеветническое заявление в службы безопасности Франции, откуда его переслали Иловайской. Она не стала печатать его в газете, как сделала много раньше с подобным же клеветническим письмом Синявского, Любарского и Эткинда в американские службы безопасности (в надежде перевести на себя американское финансирование «Русской мысли»). Но на собрании редакции прочла заявление Алика (не знаю, были ли там еще чьи-нибудь подписи). После чего Алик, вопреки здравому смыслу, собрал человек пять на митинг протеста (не знаю, на Фобур-Сент-Оноре или во дворе, под окнами).

Вернувшись в Москву, я обнаружил, что и здесь он со своей безумной энергией успел многих убедить в справедливости возмущения и обоснованности выводов. Оказалось, что письмо, подобное письму Алика, собираются куда-то отправлять Сергей Ковалев, Лара Богораз и все «Общее действие». Лара тут же предложила мне его подписать. Я безуспешно пытался убедить и ее и Сергея Адамовича, что положение гораздо сложнее, чем им на расстоянии и по недостоверным рассказам Алика кажется, что Ирина Алексеевна – человек замечательный и героически сражающийся за «Русскую мысль». Все было бесполезно. Они не только отправили это коллективное оскорбительное письмо Ирине Алексеевне, но Лара еще и опубликовала его в «Литературной газете» большую и очень неприятную статью под названием «Безработный Гинзбург» (номер от 10 ноября 1992 года; в этой все еще полугэбэшной газете Богораз опубликовали, кажется, в первый раз), где называла Ирину Алексеевну синьорой Альберти, которая смела поднять руку на «их диссидентскую газету». Лара пересказывала многое из письма Алика, утверждала, что диссидентов в «Русской мысли» не осталось, забыв Наташу Горбаневскую, Ольгу Иоффе, Ходоровичей и многих других; объясняла, что она дважды отказывалась от подписки на газету (в первый раз после того, как Иловайская в интервью газете «Коррера делла Сера» позволила себе публичную клевету в адрес покойного А. Д. Синявского). О том, как вел себя Синявский в Париже, Ирина Алексеевна знала много лучше жившей в Москве Лары, а свое сотрудничество с КГБ в Москве в сороковые – пятидесятые годы он сам вынужден был описать в автобиографической книге «Спокойной ночи». Кроме того, диссидентской газета становится, когда ее издают или хотя бы редактируют диссиденты (как «Хронику текущих событий», «Бюллетень В», «Поиски и размышления»[45], «Гласность»), но ни один из диссидентов никогда и ничем не помог «Русской мысли» не то что копейкой, но хотя бы в ее распространении в России, в

то время как газета всех вокруг себя собирала, печатала, платила высокие гонорары и оклады, помогая многочисленным диссидентам – и не только тем, кто в ней работал. Лара с возмущением писала, что ей, несмотря на отказы, продолжают присылать газету, что ее присутствие в списке подписчиков нужно Иловайской-Альберти. Но к этому времени Лара и от меня и, вероятно, от других уже знала, что фонды, интересующиеся диссидентами, давно уже ничем не помогают «Русской мысли». Просто Ирина Алексеевна, продолжая рассылать всем нам газету бесплатно (ни один из диссидентов никогда даже за подписку не заплатил), была и умнее и бесконечно добрее Лары. Вместо того, чтобы сказать спасибо за все то, что диссиденты получили от «Русской мысли», и пожалеть, что наступили трудные времена, и Ковалев, и Богораз, и другие писали Иловайской с «непарламентскими выражениями». Все это было очень грустно. В довершение обиды к этому письму «Общего действия» присоединилась и Елена Георгиевна Боннэр, которая уж точно могла бы понимать больше, чем возбужденные Аликом москвичи. Но она выслушала пару клеветнических сплетен, а сама не дожила еще до необходимости заключать контракт с Березовским. Мужественно поддерживала Ирину Алексеевну Наташа Горбаневская, Ходоровичи – всё, конечно, понимавшие Оля Иофе и Валера Прохоров; я, когда приезжал в Париж, тоже старался сказать ей доброе слово. Но всего этого было недостаточно для больной, измученной личными и общественными трагедиями старухи.

Клеветническая атака Алика и письма из Москвы добили восьмидесятилетнюю Ирину Алексеевну, и через несколько месяцев, во время переговоров с одной из христианских организаций о помощи «Русской мысли», она скоропостижно скончалась. Собственно говоря, это и был конец «Русской мысли». Ставшая главным редактором Ира Кривова (после отставки Арины она была заместителем главного редактора) сперва мужественно боролась за сохранение газеты, отбила атаки русского посольства в Париже, тут же пожелавшего ее купить, и Гениевой, почему-то претендовавшей на наследство Ирины Алексеевны, но поскольку жила в Париже сравнительно недавно, не имея необходимых в этом случае связей и известности, она мало что могла сделать. Я попытался чем-то помочь, вел переговоры во французском МИД'е, где был фонд помощи для зарубежных стран, в фонде TASIC. Они готовы были помочь, значимость «Русской мысли» была столь велика, что все понимали необходимость ее сохранить, но их средства могли быть направлены в Россию, но не могли расходоваться в Париже.

А европейских фондов я не знал – они никогда меня не интересовали. Ира, как могла, пыталась сократить расходы, даже офис был перенесен в квартиру Оли Иофе – секретаря редакции – и ее мужа Валеры Прохорова, лет десять работавшего в «Русской мысли». Но в Париже газета оставалась убыточной и, в конце концов, ее купил некто Лупан, выпускающий в Лондоне и Париже издания для «новых русских». Ничего общего с «Русской мыслью» под редакцией Ирины Алексеевны Иловайской она не имеет, и великой этой газеты, игравшей такую исключительную роль в русском демократическом движении, уже нет.

Последний проект: четверть века Хельсинкским соглашениям

Но, возвращаясь к началу двухтысячных годов, надо вспомнить и о последнем из больших проектов «Гласности», уже неосуществленном. Приближался четвертьвековой юбилей Хельсинкских соглашений, и я предложил Алану Моду – первому заместителю генерального директора ЮНЕСКО, с которым по-прежнему был в хороших отношениях, в дополнение к специальной сессии ОБСЕ, где главы государств будут подводить итоги своей совместной работы и оценивать бесспорные достижения этих лет – в первую очередь, пусть хрупкое, но единство Европы, вместо жесточайшего, часто на уровне перехода холодной войны в настоящую, противостояние, провести в ЮНЕСКО обсуждение этих двадцати пяти лет общественными неправительственными организациями тех же стран. Господин Моду поддержал мою идею, предложил Дворец ЮНЕСКО в Париже в качестве места проведения этой небывалой в истории конференции, но сказал, что ЮНЕСКО, как правительственная организация, соучредителем наряду с «Гласностью» быть не может, а нужна какая-то западноевропейская организация. Мы решили, что такой организацией может быть Международный союз журналистов, членом которого я оставался со времени работы в газете «Моргенбладет» и который поддерживал наш профсоюз независимых журналистов.

Согласие в Брюсселе мной было получено, начались переговоры (с многочисленными поездками в Вену – Австрия в тот год председательствовала в ОБСЕ) – никто не возражал и по мере возможности даже помогал этой идее, хотя наибольшая в ней заинтересованность была, конечно, у меня.

Невозможно было даже просчитать все возможные замечательные последствия этого плана. В российских масштабах это была бы грандиозная поддержка всего правозащитного движения – практически его реанимация, потому что я, конечно, присутствие наших организаций в том числе и местных, но хоть мало-мальски серьезных и не продавшихся, собирался сделать обязательным. Они могли бы установить международные связи, спланировать совместные проекты, приобрести подлинную независимость и гораздо более широкий, общеевропейский взгляд на собственные задачи и проблемы всего российского общества. Но, с другой стороны, и это, конечно, было не менее важно, совместный голос крупнейших общественных организаций

Европы, США и Канады, да еще из Дворца ЮНЕСКО, да еще и поддержанный средствами массовой информации всего мира заставили бы правительства всех этих стран обратить, наконец, внимание на то, что все происходящее в России не имеет ничего общего с Третьей корзиной (то есть с соглашениями о правах человека) Хельсинкского договора. Скорее всего российским властям пришлось бы прекратить изуверскую войну в Чечне, вернуть в нормальное состояние законодательство об общественных организациях, партиях, профсоюзах. Такая конференция под угрозой полной изоляции России от окружающего мира (в конце концов, и в России были влиятельные силы, которых полная изоляция никак не устраивала) могла бы вернуть Россию от полутеррористического правления спецслужб к относительно нормальному демократическому развитию.

Но и для неправительственных и правозащитных организаций сорока других стран – членов ОБСЕ от этой конференции была бы немалая польза. Ничего подобного в мире еще не проводилось и для общественных организаций показать всю свою мощь, а во многом и единство, было, конечно, очень заманчиво. К тому же российскими проблемами, как бы ни были они велики и катастрофичны, нарушения прав человека в Европе и Северной Америке далеко не ограничивались. Очень трудными были положение в Ирландии и на Балканах. Во всем европейском сообществе, хотя совершенно по-разному, была животрепещущей проблема беженцев и вынужденных переселенцев – правительства совершенно еще этим не занимались, но неправительственным организациям была очевидна проблема дискриминации цыган. Внятный, услышанный мировой прессой и лишенный дипломатической деликатности и взаимных уступок друг другу голос неправительственных организаций стран ОБСЕ всем им казался совсем не лишним. Наконец, в Гааге успешно работала с трудом воспринимаемая ООН, но, как и «Гласность», там аккредитованная и Организация непризнанных народов, где накопилось множество своих вопросов, а антиглобалисты создавали уже серьезные проблемы для всех межправительственных совещаний в Европе. В общем, было о чем поговорить и какие подвести итоги.

Достоинства этого проекта были настолько очевидны, что очень многие приличные люди охотно начали мне помогать. Среди них важную роль играл Генрих Юшкявичус – заместитель генерального директора ЮНЕСКО от России, в хрущевские времена – журналист, которого нынешние российские заморозки совсем не радовали. Был и другой русский – видный чиновник ЮНЕСКО, лет восьмидесяти, который многое слышал обо мне и о

конференциях «КГБ: вчера, сегодня, завтра» и не скрывал, что был внедрен во французскую общественную жизнь российскими спецслужбами, но было это полвека назад, если не больше, воды утекло очень много, и он не был слепым, искренне мне сочувствовал и по возможности помогал, хотя работал в каких-то совсем других структурах этой гигантской бюрократической машины.

Мы собрали организационный комитет из десяти крупнейших организаций Европы и США: «Хьюман райт вотч», «Врачи без границ», Международный хельсинкский комитет с Юрием Орловым (но, конечно, не Московская группа с Алексеевой), хоть что-то делавший «Мемориал» и другие, провели два рабочих совещания в ЮНЕСКО, вместе в Париже наметили программу, список приглашаемых организаций, список выступающих.

Среди приглашенных и выступающих были намечены не только председатели комитетов по правам человека ОБСЕ, Совета Европы и ООН, но и ряд общественных деятелей пользующихся влиянием и уважением в неправительственном мире: Ален Безансон, Умберто Эко (с ним я не был знаком, но режиссер Кшиштоф Занусси, бывший с писателем в приятельских отношениях, обещал с ним поговорить) и еще несколько человек.

Конечно, раз пять за это время мне пришлось побывать и в Вене, поскольку, как я уже говорил, Австрия в тот год должна была председательствовать в ОБСЕ. В Вене, в разговорах с министром иностранных дел, другими дипломатами все было не так гладко – они были недовольны не самой конференцией, но тем, что она намечена в Париже, а не в Вене. Но Вена в сравнении с Парижем, да еще и Дворцом ЮНЕСКО была европейской провинцией, интерес прессы и общества там был бы гораздо ниже, а соответственно с этим и результативность самого проекта.

Поэтому я на перенос в Вену не соглашался, но и в ней нашел сочувствовавшего, фамилия его была Иванько. Это был российский представитель в ОБСЕ, который посмеивался над известностью внезапно приобретенной его отцом, генералом КГБ, благодаря забавной повести Володи Войновича, но на него не обижался и сам был уже вполне европейским человеком и по мере возможности мне помогал.

К сожалению, я не совсем правильно выбрал организацию соучредителя наряду с «Гласностью». В Международном союзе журналистов, конечно, идею поддержали, сразу же согласились быть соучредителями, но в это время там шли какие-то сложные реорганизации и им было не до меня и ЮНЕСКО. В результате в Европе у меня не было даже маленького рабочего офиса:

французской редакции «Гласности» не было уже давно, да и «Русская мысль» за четыре года до этого. Но без офиса я, может быть, и обошелся бы – главное было не в этом: все, что я планировал и ожидал от конференции понимали российские власти и КГБ и не хотели допустить ее проведения. Формально ни запретить, ни даже воспротивиться они не могли, но началась серьезная оперативная работа по срыву конференции уже не только КГБ, но и МИД» ом России. Волей-неволей мне нужно было сотрудничать с официальным российским представительством при ЮНЕСКО. Сперва казалось, что ничего дурного в этом нет – обоих сменивших друг друга послов я знал еще в Москве: Евгений Сидоров много лет был заведующим отделом критики в журнале «Юность», где и я побывал после него на этой должности в 1965–1966 году; Михаила Александровича Федотова году в девяносто третьем министр печати Полторанин, у которого он был заместителем, даже пытался (думаю, что без его ведома) сосватать мне в заместители в «Гласность» (а я у Полторанина пытался выпросить его замечательного главного бухгалтера). Так что все внешне было достаточно хорошо, но оба посла хотели оставаться послами, поэтому большого энтузиазма не проявляли. Пару сотрудников представительства, которые пытались мне помогать, тут же начали травить, а назначенный для этого от представительства дипломат с аристократическим лицом и древней русской фамилией Ширинский сперва просто напрашивался на все рабочие встречи, которые проводили с ЮНЕСКО неправительственные организации, к чему он точно не имел отношения, а потом попросту украл у меня рабочую запись совещания, проведенного без Союза журналистов (его представитель никак не смог приехать) и не пожалел дня православной Пасхи, чтобы украденную бумагу срочно доставить на машине в Брюссель в надежде нас с Союзом журналистов рассорить.

Еще хуже все оказалось в Москве. Из «Гласности» к этому времени ушел Юра Богословский, и у меня для переписки не было ни одного помощника с хорошим английским. Андрей Шкарубо, много лет работавший переводчиком на английский в «Ежедневной гласности», не появлялся. И тут возник некий рыжий (уже четвертый рыжий – прямо какой-то фатум) молодой человек, который сказал, что работал в российском посольстве в Южной Корее, но современный МИД – это ужасно, и он очень хочет работать в «Гласности». Не обратив внимания на совпадения нужды в таком сотруднике и его внезапного появления, я взял его на работу. Сперва все было очень хорошо, его французский и английский были безукоризненны. Но мне

дней на пять надо было уехать на Кавказ, и когда я вернулся, оказалось что рыжий не просто исчез, но, как вскоре выяснилось, разослал от моего имени и с моего факса провокационные письма в ОБСЕ, в Совет Европы, в ЮНЕСКО, нескольким неправительственным организациям и, главное, в TASIS – фонд помощи демократии при Европейской комиссии, с которым уже была договоренность о финансировании конференции. Собственно говоря, денег для такого важного проекта нужно было совсем немного: Дворец ЮНЕСКО с залом для пленарных заседаний и подсобными комнатами нам давался бесплатно, правда, надо было оплатить аудиозапись и переводчиков; для организаций из Восточной Европы – еще и дорогу и суточные, всем нужно было заказать гостиницы. Но в центре Парижа это совсем недорого – в домах XVII века номера не шибко комфортабельны, но прилежащие улицы очень интересны, а в отелях там номера в три-четыре раза дешевле. У ОБСЕ денег не было, но Европейская комиссия на этот грант охотно согласилась. Репутация моя от этих краж и провокаций не пострадала – все в конце концов выяснялось, но на выяснение ушло драгоценное время, прошел юбилейный год, один я со всем не справлялся, и конференция уже оказалась не юбилейной. Думаю, мне любыми способами не дали бы ее провести – слишком велики в этом были ставки российского правительства и президента, но вскоре и с «Гласностью» начали происходить такие события, что мне стало совсем не до того.

Еще о наших конференциях

К середине 1990-х годов фонд «Гласность» был уже окончательно изъят из информационного поля. Ни о конференциях, ни о трибунале по Чечне, ни о работе фонда по поддержке неправительственных организаций, многочисленных кавказских наших и международных проектах никто в российских СМИ никогда даже не упоминал. Меня самого тоже никто больше не бранил, и уж тем более не хвалил – меня просто не было. Это были годы якобы совершенно свободной от цензуры российской прессы, радио и телевидения. Впрочем «Московский комсомолец» мельком упомянул, что я умер, не упуская возможности снимать мои интервью даже из американского своего издания.

Шестую конференцию о КГБ мы провели в декабре 1995 года в Доме архитектора. Была она, по-прежнему, многолюдной и очень представительной, но теперь уже совсем по-иному, чем раньше – не было докладчиков из ФСБ (только генерал Кобаладзе из внешней разведки согласился не выступить, но ответить на вопросы из зала), не было никаких представителей российской власти (все отказались), не было никого от крупнейших московских правозащитных организаций (только от «Мемориала» выступил Виктор Булгаков, вскоре перешедший на работу в «Гласность»). Уцелевшие от разгрома московские организации не хотели делиться опытом, как им это удалось и как они смогли получить казенные помещения от властей.

Зато были одиночные делегаты и группы из почти всех регионов России и из многих областей, но рассказывали представители самых разных общественных организаций практически об одном и том же – разгроме демократического движения по всей стране. Руководитель когда-то мощной курской организации «ДемРоссия» сообщил, что их десятитысячное объединение и собственная газета «Солидарность» подвергались грабежам, конфискациями, провокациями КГБ. Но после 1991 года с отменой Ельциным решения Совета Конституционного надзора о незаконности действий на основе необнародованных инструкций, начались аресты, все новые и новые уголовные дела. Уничтожив «ДемРоссию» в Москве в 1993 году, ее добивали по всей стране. Народно-трудовой союз, попытавшийся провести всероссийский съезд в Симбирске, успешно добивали там. В. Потешный рассказывал о разгроме свободных профсоюзов – в особенности такого мощного, как шахтерский. Галина Дундина из Архангельска – о ставших уже привычными уголовных делах: как судят правозащитницу Гридасову, избившую восьмерых

милиционеров. Еще был доклад отца Георгия Эдельштейна о высших иерархах Московской патриархии, вплоть до патриарха Алексия – сотрудниках, агентах и осведомителях КГБ. О провокациях и операциях ГБ в российском ПЕН-клубе говорил его председатель, о деле Казанцева – его адвокат. Фирма Казанцева по поручению Барсукова (директора ФСБ) и Коржакова (директор службы охраны президента) занималась закупкой подслушивающего оборудования для установки в Кремле и в Белом доме, но потом заказчики решили, что сами могут на этом заработать и нашли других поставщиков. Когда обиженный Казанцев, от которого потребовали вернуть уже частью потраченный аванс, все выяснил и дал интервью о том, что найденные Барсуковым и Коржаковым фирмы-поставщики прямо аффилированы с ЦРУ, то есть прослушивать Кремль будет американская разведка, он тут же оказался в Лефортово. А если к этому прибавить доклад майора Лыкова (потом он был зверски убит своими же коллегами) о том, как он пытается бороться с коррупцией в Саратове, то картина получалась довольно однообразной, но представительной. Я в своем выступлении говорил о том, что и возвращение коммунистов, и сохранение нынешнего режима – одинаково безрадостные для всех нас перспективы.

Еще на конференции были докладчики из большинства республик бывшего Советского Союза. Если в России 15 % вновь назначенных Ельциным представителей президента в областях были штатными сотрудниками спецслужб, то во вновь появившихся государствах многое происходило не совсем так, хотя активность спецслужб была высока повсюду. В Белоруссии, как и в России, свободные профсоюзы были уничтожены, даже формально запрещены, указ Лукашенко был признан недействительным Конституционным судом, на что тот ответил:

– Я не буду выполнять решения Конституционного суда (как Ельцин в 1993 году разгромил Верховный совет, тоже вопреки в том числе и решению Конституционного суда России).

Петр Коломиец рассказывал об арестах в Казахстане русских казаков, Генрих Алтунян с несколько большим оптимизмом говорил о положении на Украине. Были доклады из Армении, Грузии. Азербайджанец Фазиль Ирзабеков (организация «Гражданское единство») с беспокойством говорил о продолжающейся, в том числе и в России, активной пропаганде (радио «Маяк», телеканал «2 х 2») японской террористической организации «Аум Сенрикё» (и это после разрешения секретарем Совета Безопасности Лобовым членам этой организации тренироваться на российских полигонах и продажи им

бронетранспортеров).

Без преувеличения можно сказать, что это была серьезная и важная конференция, но она, конечно, не могла заменить полноценной общественной жизни в стране. К сожалению, ее материалы мы не смогли издать, а отредактированный и подготовленный к печати Леной Ознобкиной экземпляр был украден из офиса «Гласности» при его последнем разгроме. Уцелели лишь расшифровки стенограмм, которыми я и пользуюсь. Может быть, когда-нибудь их удастся подготовить к печати.

Через год, в декабре 1997-го, мы смогли провести следующую конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

С таким отчаянием, как во время доклада на седьмой конференции, я говорил только в день убийства Тимоши (еще не зная об этом, конечно) на антифашистском круглом столе. Мой доклад был об окончательном захвате власти в стране небывалой в мире по совершенным преступлениям и уголовной мощи с первого дня своего создания бандитской группировкой – Комитетом государственной безопасности – ЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, ФСБ. Я перечислил лишь малую часть совершенных ими, теперь захватившими все звенья власти в России, преступлений и впервые в жизни с отчаянием сказал, что не знаю, что можно сделать.

Выступавший после меня академик Яблоков это отметил:

– Я с ужасом слушал выступление Сергея Ивановича.

И дальше говорил о том, что у них (впрочем, он не сказал «у них») с помощью европейского вмешательства удалось отбить капитана Никитина и, может быть, еще кого-то удастся спасти. Впрочем, доклады Сергея Ковалева о принимаемых Думой законах и Александра Яковлева, которому осталось только публиковать документы из советской истории, не были столь оптимистичны. Александр Николаевич говорил о том, что вновь делается все, чтобы скрыть правду о преступлениях, совершенных ЧК и советским руководством; скрыть или уничтожить еще существующие документы. О том же говорил и историк Никита Петров из «Мемориала» и еще несколько сотрудников региональных его отделений, которые, как и в Москве, серьезно занимались историей советских репрессий, уничтожением народов России. Это был единственный случай широкомасштабного сотрудничества «Гласности» и «Мемориала» (было, впрочем, единство в отношении к войнам в Чечне) и при всей бесспорной значительности их работы, их трусливо-предательское отношение к демократическому движению да еще

именно в то время, когда была надежда хоть какие-то институты и завоевания сохранить, оставалось для меня главным в отношении к этой процветающей правозащитной организации.

Кроме борьбы русских экологов за выживание и попыток обнародовать что-то из советской истории, важной темой конференции стала тема о наркотиках и спецслужбах. Несколько академичный, но поразительный в своей полноте доклад о том, какие наркотические вещества применяются спецслужбами, прочел полковник Лекарев. Его рассказ о наркотических веществах, изменяющих сознание, взгляды человека, делающих его легко внушаемым, напомнили мне два случая в политической жизни девяностого года, когда один из наиболее антикоммунистически настроенных депутатов Верховного Совета, тяжеловес, чемпион мира Юрий Власов после нападения на него и каких-то уколов вдруг совершенно переменил взгляды и стал советским державником. Подобная метаморфоза произошла и со всем нам хорошо известным и любимым диссидентом Степаном Хмарой. После ареста на несколько месяцев в Киеве он вдруг стал отчаянным антисемитом, порвал с демократическим движением «Рух», одним из основателей которого являлся, и примкнул к полуфашистским националистическим организациям на Украине. Распыление отравляющих веществ в форме аэрозолей было описано мной в выступлении на пятой конференции в воспоминании о соседе по камере в Чистопольской тюрьме Володе Балахонове, который после месячного пребывания в отдельной палате института им. Сербского, внезапно начинал жаловаться на головные боли и кричал: «Газы, газы», показывая на угол камеры, из которого они якобы исходили.

Из доклада журналиста Максима Гликина стало ясно, почему Татьяна Георгиевна Кузнецова не смогла спасти своего подзащитного, двадцатилетнего мальчишку, который убил людей, четырежды – раз за разом – притом что он делал все, чтобы вылечиться от наркомании, – вновь сажавших его на иглу. Выяснилось, что подразделение МВД по борьбе с наркотиками сперва выходя на мелких, потом на все более крупных наркоторговцев, вышло и на наркобарона. Все оказались сотрудниками ФСБ. Искалеченному мальчишке, которого защищала Кузнецова, мстили – дали двадцать лет за то, что он убил их сотрудников – средней руки наркодилеров. И тем самым всем дали понять – наркоторговцев трогать нельзя.

В 2000 году конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» оставались актуальны, как и издаваемые нами бюллетени «Государственная безопасность и демократия».

КГБ, как мы и предсказывали десять лет назад и практически в одиночку пытались этому сопротивляться, открыто пришел к власти в России. Оставалось только понять, как именно происходил этот захват в стране с советскими спецслужбами и к чему это в результате приводит. В конце ноября двухтысячного года мы с невероятным трудом провели новую конференцию. Проводить ее пришлось в микроскопическом зальчике музея Сахарова – Самодуров, понимая реакцию Елены Георгиевны, не посмел мне отказать, хотя ему этого очень хотелось и, воспользовавшись правом хозяина, он что-то совершенно неприличное лгал перед ее началом.

Впрочем, за год до этого музей Сахарова оказался тем единственным в Москве местом, где я проводил пресс-конференцию Марины Салье и Владимира Иванидзе о финансовых аферах Путина в Петербурге. В результате одной из этих афер редкоземельный элемент скандий был получен по специальному именному распоряжению Гайдара якобы для поддержки голодающего населения Петербурга (это недавно обнаружил Андрей Илларионов). Владимир Путин был для Гайдара мелким чиновником и совершенно неясно, откуда вице-премьер вообще знал его фамилию). Этот незаметный человек, сделавший столь блестящую карьеру, продавал скандий при международной цене 12–13 тысяч долларов по сорок пять дойчемарок, но продукты питания в Санкт-Петербург не поступили. Марина Евгеньевна еще наивно надеялась, что обнародование этих документов может помешать избранию Путина. Но никто не соглашался проводить ее пресс-конференцию, да и журналисты свободной России если и пришли на нее, то не хотели ничего публиковать. Подготовил статью только Владимир Иванидзе, выступавший на пресс-конференции. Его материалы были обширнее, чем у Салье, но и его статья была снята в газете «Ведомости». Владимир был уволен, а пришедшие в газету сотрудники ФСБ, по его словам, поражались: «Откуда вы это взяли, ведь мы все документы уничтожили?» Марина Салье скопировала свои материалы еще в начале девяностых годов.

В своем вступительном слове на восьмой конференции я говорил о том, что нашей задачей является выяснение того механизма, с помощью которого происходил захват власти в России. Но «Гласность» не была аналитической структурой и, к сожалению, только двое из выступавших говорили об общегосударственных проблемах – Владимир Иванидзе (Марина Салье к этому времени уже скрылась после пресс-конференции) и Станислав Лекарев, в прошлом полковник КГБ – последний, кто еще отваживался выступать на наших конференциях. Оба они

говорили о настоящем: Владимир о том, как происходит захват гигантской собственности пришедшими к власти сотрудниками КГБ, породнившимися с крупнейшими бандитскими группировками (Тамбовской, Ореховской и другими), Лекарев – со знанием дела – о структурном сходстве и приемах работы спецслужб и мафии. Была правда, еще пара докладов: бывших сотрудников комитета – полковника Преображенского и присланный из США генерала Калугина, но они не были ни аналитическими, ни актуальными; да еще исторический доклад об Андропове Игоря Минутко.

Все остальные сорок с лишним выступлений были по сути дела об одном и том же: как по всем регионам России (Москва и Самара, Смоленск и Саратов, Дальний Восток и Новочеркасск) фабрикуются уголовные дела против ученых, нагнетая шпиономанию и страх в академической среде; подвергаются разгрому все виды общественных организаций – профсоюзные, религиозные, еще уцелевшие филиалы партий и главное – правозащитные и экологические, на Кубани вслед за Грицанем люди, неудобные КГБ, погибали странно и скоропостижно. Выступали адвокаты, пытавшиеся защитить арестованных в российских судах, в Страсбурге, в Комитете ООН про правам человека. Как мы знаем, все это происходило без большого успеха. Нередко страдали сами адвокаты – в машине Карины Москаленко в Страсбурге оказалась ртуть и она едва не погибла; Сергей Бровченко попал в лагерь.

КГБ пришел к власти в России и устанавливал «новый порядок».

В 2002 году я уже отчетливо понимал, что с «Гласностью» пора кончать. Но на прощанье мне хотелось провести последнюю конференцию на тему «Спецслужбы России – результат их управления страной». Путин был уже почти три года у власти и все было совершенно очевидно (хотя я это деликатно назвал «успехи и поражения»). Сперва, правда, мы провели – уже пятнадцатый – юридический круглый стол. Посвящен он был тексту нового Уголовно-процессуального кодекса и проблемам следствия в России: опасности следствия, подчиненного спецслужбам. Хотя, как всегда, собрались не просто лучшие, но и, на первый взгляд, очень влиятельные юристы: Валентин Ковалев – в недавнем прошлом министр юстиции, Петр Кондратов – судья Конституционного суда, Сергей Пашин – автор правовой реформы, Сергей Попов – депутат Государственной Думы, генерал МВД Сергей Вицин, Юрий Антонян – заместитель директора ВНИИ МВД и другие – всех не перечислишь, но я во вступительном слове говорил о принципиальном отличии этого

круглого стола фонда «Гласность» от большинства предыдущих. Будучи лишь в малой степени структурой информационной и общественно-политической, фонд «Гласность» всегда стремился оказать существенное влияние на российское законодательство и правоприменительную практику, сделать первое более демократическим и цивилизованным, а действия из него вытекающие – максимально безвредными для населения. И в начале девяностых годов нам это отчасти удавалось. Выработанные на круглых столах замечания к принимаемым законам нередко учитывались Верховным Советом РФ и первой Государственной Думой.

Сегодня, несмотря на представительность очередного круглого стола было очевидно, что мы (если не обманывать себя) можем лишь констатировать, что новый Уголовно-процессуальный кодекс (о чем сделал доклад замечательный юрист, в прошлом – один из руководителей Генеральной прокуратуры Юрий Костанов) во многих отношениях жестче, чем был его советский аналог, а следствие (о нем говорил Валентин Ковалев) в большой степени подчинено спецслужбам, причем количество спецслужб, имеющих «собственные» следственные управления неуклонно возрастает. То есть каждая спецслужба в зависимости от собственных (часто – узколичных) интересов может вести следствие, как ей захочется. Было, очевидно, что повлиять на управляемых из Кремля законодателей уже никто не может.

Впрочем, к нашей конференции готовились не только мы, но и ФСБ. За год до нее, после того, как меня не удалось очередной раз уговорить найти «понимание» в правительстве Путина (на конференции о Международном уголовном суде) и не удалось купить проектом о возвращении владельцам конфискованных картин из музеев, по-видимому, было решено по привычной им уголовной методе «не хочешь по-хорошему, попробуем по-плохому», и на наш офис открыто, среди белого дня был произведен налет.

Сперва десяток омоновцев в масках, с помповыми ружьями в руках пытались выломать входную (железную) дверь в квартиру. Потом их кто-то надоумил, и они выломали дубовую кухонную дверь.

Ворвались в офис, положили всех на пол (в том числе одиннадцатилетнего сына нашего бухгалтера), к этому времени подъехали журналисты, и ворвавшийся бойцы никак не могли объяснить, почему они здесь оказались и чего хотят. Даже документы (хотя бы для виду) не забрали, даже не придумали,

кого они здесь ищут. Так и убрались, оставив выломанной дверь, а мне полгода милиция и прокуратура отвечали, что не могут установить, кто и зачем к нам вломился.

Дней за пять или шесть до конференции мы обнаружили, что в железной двери возле замка появились две просверленные дырки. Решили, что нужно дежурить в офисе и по ночам. Это, конечно, тоже было ФСБ замечено и учтено. Но восемнадцатого ноября вызвавшийся дежурить наш компьютерщик Всеволод Шидловский на дежурство опоздал, пришел только в одиннадцать часов вечера и, как выяснилось, опоздал «совершить преступление». Когда он пришел, у подъезда уже стояли четыре милицейские машины, дверь в офис еще не была выломана, и Всеволод ее открыл сам. В некоторой растерянности милиционеры объяснили, что их якобы час назад вызвали соседи, возмущенные тем, что из наших окон бросали петарды и нарушали общественный порядок. Эти уверенные в себе свидетели стояли тут же. Но было очевидно, что в офисе никого нет, а хулиган Шидловский к месту своего преступления попросту опоздал. Думаю, это была неудавшаяся попытка арестовать его, а потом шантажировать меня (проведете конференцию – дадим вашему сотруднику года три за хулиганство, откажетесь – выпустим).

Возникло одновременно и множество других проблем. Секретарь фонда внезапно исчезла, прихватив с собой записи о входящих и исходящих телефонных звонках. Сменивший ее секретарь явно провоцировал скандалы в офисе и предлагал сотрудникам наркотики. На должность юриста фонда пытался устроиться майор контрразведки, даже не уволившийся с предыдущего места службы. За это же время исчез ряд документов из архива фонда, в первую очередь связанных с жалобами на спецслужбы. И уж, конечно, происходила «работа» с намеченными нами выступающими. Но было задумано подведение итогов не только «Гласности», но и России, и конференция, хотя, конечно, и ослабленная усилиями КГБ, но все-таки оказалась блестящей по своему составу и по прозвучавшим на ней докладам.

Только Калманович, как и полагается советскому шпиону и сотруднику ГРУ, меня обманул и уже в день конференции объявил, что не придет. Александр Яковлев попал в больницу с воспалением легких, а его доклад, который он хотел передать хотя бы для сборника, исчез из его компьютера. Сатаров, в прошлом помощник Ельцина, обсуждавший со мной план конференции, почему-то в присутствии двух других помощников президента, Краснова и Батурина, настороженно отнесся ко

многим моим соображениям, но прислал своего помощника В. Л. Римского с очень дельным докладом о коррупции. Гозман мне сразу же откровенно сказал, что «он человек Чубайса» и поэтому выступать не может; под каким-то предлогом отказались и такие разные люди, как экономист Владимир Мау и публицист Виктор Шендерович. Андрея Бабицкого для рассказа о Чечне КГБ просто не впустил в Москву (он работал на Радио Свобода в Праге); Алексей Симонов так сильно опоздал, что сорвал круглый стол о свободе печати, и Валентину Оскоцкому (содокладчику) пришлось выступать буквально с тезисами. Ковалева не было в Москве, вместо него выступал Лев Левинсон, что, прямо скажем, было не хуже. Я был доволен конференцией, которая, конечно, не в общественно-политическом (людей в большом зале «Геликон-оперы» впервые было немного – и это тоже была работа КГБ) своем значении и даже не в общественном сознании (почти никто тогда не хотел понимать то, что было сказано), но по своему содержательному уровню была одной из лучших и самых значительных из всего, что сделал фонд «Гласность».

Я, еще не имея материалов Ольги Крыштановской[46] о том, что 35 % кабинета Гайдара состояло из сотрудников КГБ и ГРУ, еще не зная последующих открытий Андрея Илларионова о том, что Гайдар был, практически, агентом КГБ, говорил об остальных 60 % его правительства и аппарата как о «доверенных лицах» КГБ, и этот термин впервые прозвучал с полным обоснованием. Главное же, говорил о так называемом «августовском путче» 1991 года как о бесспорной победе Крючкова. Этого никто не хотел признавать.

Потом была серьезная историческая часть, в которой основными были доклады петербургского историка Феликса Лурье о провокации как основе дореволюционного политического сыска, Рудольфа Пихои о планах Берии по захвату власти, и более осторожный, но содержательный доклад Георгия Арбатова о планах Андропова.

Параллельно шел круглый стол о судебной реформе: ее создатель и руководитель Сергей Пашин, генерал Вицин, судья Миронов и другие говорили о ее гибели. Кроме того, был целый ряд докладов: Павела Зачека из Чехии, сенатора Збигнева Ромашевского из Польши (чем я воспользовался, чтобы рассказать впервые о Собчаке в Мадриде, поскольку Збигнев был свидетелем), Ритварса Янсонса из Латвии и много других: Евгения Кима (того единственного депутата Верховного Совета, который признался, что был завербован КГБ), Виктора Тополянского, Шмидта, Вдовина, полковников Макарева и

Никулина и других.

Из доклада Римского о коррупции становилось ясно, что она поразила сверху донизу весь правящий аппарат России. Из доклада Ани Политковской, вырисовывалась чудовищная картина торговли русских офицеров трупами убитых; инициирование нападений на собственные штабы, для чего из лагерей привозились уже арестованные чеченцы, тут же расстреливались и трупы их (как нападавших) раскладывались на месте сражения.

Не менее впечатляющими были блестящий доклад академика Богомолова (которого я держал в запасе) об экономическом положении России и катастрофе русской хозяйственной жизни. На таком же уровне – Андрея Пионтковского о внешней политике, поставившей Россию впервые в истории в положение изоляции от всего окружающего мира.

Нагнетание шпиономании (об этом и говорил Юрий Шмидт), крах российской судебной системы были уже очевидны многим, кто с этим соприкасался или интересовался тем, что происходит в стране.

Из докладов была очевидна фантастическая в своей беспримерности деградация российской армии, спецслужб, всего правящего аппарата. Становился ясным общий итог: крах планов Андропова-Крючкова-Путина, полная неспособность российских спецслужб к управлению страной. Думаю, Андропов и Крючков (а может быть, и Путин вначале – кто его знает) искренне полагали, что Россия, управляемая офицерами КГБ, станет более мобильной, четко организованной, более могущественной (вероятно, даже вновь объединит Советский Союз, а может быть, и Варшавский договор. Но ни к чему, кроме катастрофы для России и обогащения генералов (в погонах и без), это не привело.

Я с 1990 года постоянно говорил о том, что КГБ идет к власти, но никто (кроме спецслужб) не относился к нашему пониманию серьезно. «Где, какие спецслужбы, нет уже никакого КГБ», – говорило множество людей, боявшихся дать себе отчет в том, что происходит в России. Году в девяносто шестом колумнист «Internatinal Gerald Tribune» почему-то захотел написать обо мне, приехал в Москву, и действительно опубликовал на первой полосе вполне дружелюбную, если не хвалебную статью, но кончалась она примерно так: «Все хорошо у Григорьянца, но есть один «пунктик» – он всюду видит КГБ».

К 2004 году можно было подвести итоги и рассказать, на что оказались способны доблестные чекисты, захватив власть. Выяснилось: развратить и ограбить страну, набивая собственные карманы. Это и был итог девятой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Не обошлось, конечно, и без крупной провокации. Перед конференцией я долго говорил с Виктором Лошаком – тогда редактором «Московских новостей», где был опубликован месяца за два до конференции один из самых страшных документов русской истории – уже упоминавшийся мной, когда я писал об убийстве Тимоши, план по созданию во всех регионах России террористических групп из сотрудников КГБ, ГРУ и МВД для убийств «нежелательных лиц». Куда до этого опричнине Ивана Грозного! Юрий Костанов на конференции оценивал этот небывалый в русской истории государственный бандитизм с «правовой» (хотя о каком праве тут могла быть речь?) точки зрения. Храбрый (и, видимо, пострадавший из-за этой публикации) Виктор Лошак обещал прислать на конференцию своего корреспондента. Я его не знал, и не до него мне было, но в ближайшем номере «Московских новостей» целый разворот – вторая и третья полоса – был посвящен нашей конференции.

Публикация была вполне советской, хотя – чтобы было все ясно – надо рассказать об одном докладе. Недели за две до нее меня встретила довольно известная журналистка Лидия Графова – раньше она была одним из либеральных авторов основанной «для расширения влияния Комитета государственной безопасности на советскую интеллигенцию» «Литературной газеты». В последние годы она создала организацию помощи беженцам. Графова занималась благородным делом, знала о готовящейся конференции и стала меня просить разрешить ей выступить – ведь беженцы так бесправны и их преследует КГБ. Я неохотно согласился.

Но когда в конце второго дня я дал ей слово, на трибуне Графова не стала говорить о беженцах, от всего услышанного у нее началась хорошо разыгранная женская истерика (когда вышел через три дня номер газеты, стало очевидно, что все было запланировано) и, заламывая руки и воздевая их к небу, минут десять Графова причитала: «Как нам нужны хорошие спецслужбы!».

Именно (и только) выступлению Графовой и была посвящена вся громадная (две страницы) статья в «Московских новостях» под названием «В поисках доброго Кащея». Речь шла о том, что правозащитники провели конференцию, желая найти общий язык и пути к сотрудничеству с КГБ. Правда, Виктор Лошак сделал все, чтобы как можно меньше лично меня обидеть – нигде в статье не было написано, что конференцию проводит фонд «Гласность», только неведомые правозащитники, хотя в центре и была моя с Богомоловым фотография, а весь крайний столбец сверху донизу

состоял из совершенно точных и жестких цитат из моего доклада, но нигде я не был упомянут как организатор, то есть вся эта гнусная и заранее подготовленная статья как бы совершенно не имела отношения ни ко мне, ни к «Гласности».

Но была на этом газетном развороте и еще одна вещь, вызвавшая у меня глубочайшее отвращение. Под статьей о конференции была помещена подборка ответов известных правозащитников: Буковского, Ковалева, Алексеевой, Рогинского и Подрабинека на вопрос газеты «почему правозащитное движение утратило влияние на власть?» Все ответы были практически одинаковы – конечно, я не знаю, насколько точно они были воспроизведены, но выдержки из моего доклада были приведены безукоризненно.

Все пятеро с незначительными вариациями повторяли одно и тоже: «Никакого влияния на власть мы не имели» (Ковалев); «А разве когда-то мы имели влияние на власть в России?» (Алексеева); «Создана бюрократическая система «представителей по правам» (Буковский); «Никакого влияния на власть правозащитники не утратили, по той простой причине, что никогда его не имели…» (Рогинский); «Правозащитное движение деградирует» (Подрабинек).

Я уже писал о том, что не нужно было превращаться из численно незначительной, но очень заметной части российского демократического движения, повторявшей во всех охотно предоставленным им СМИ «это мы победили», в правозащитников. Не надо было принимать самое активное участие в уничтожении демократического движения в России, как Рогинский и Ковалев, или пассивно поддерживать этот процесс. Не надо было поддерживать разгром российского парламента и принятие авторитарной конституции. Наконец, они могли перечеркивать собственное прошлое, у некоторых не только лагерное и тюремное: Ковалев был одним из самых популярных политиков (самой популярной «ширмой» режима Ельцина) (использовал ли он это – другое дело), Буковский едва не стал (и хотел этого) мэром Москвы, Алексеева пробиралась во власть, как могла, но слишком поздно этим занялась.

Перечеркивать свои судьбы, опиравшиеся на демократическое движение России, они, конечно, имели право, но при этом, как очевидность, перечеркивалось и все то, совсем немалое, чего смогло добиться демократическое движение в целом, пока оно существовало и оказывало влияние и на президента и на Верховный Совет. Косвенно перечеркивались судебная реформа, запрет, введенный еще в 1990 году Советом Конституционного надзора (и отмененный Ельциным в декабре 1991 года), на

использование в государственной практике любых неопубликованных указов и инструкций (парализовавший легальную деятельность КГБ), создание «самиздата» – демократической печати по всей стране и никогда не реализованный, но вполне приличный на бумаге Закон о печати (а на самом деле демагогическое прикрытие реально возникшей цензуры) и многое, многое другое. Это единодушное мнение правозащитников о том, что они никогда ничего не стоили и ни на что не были способны, оскорбило меня больше, чем клеветническая статья о конференции фонда «Гласность».

Конец фонда «Гласность»

Работу «Гласности» надо было прекращать. Для этого было много причин, но главная одна: мы семнадцать лет боролись не жалея ни здоровья, ни жизни с самой зловещей силой, которую создала в своей истории Россия – Комитетом государственной безопасности; предсказали его приход к власти, устояли до той поры, когда выяснилось, что к управлению страной эта уголовная организация не способна, но больше уже ничего сделать не могли. Начиналась новое время: управление Россией уже разложившимся (как коммунистическое руководство) трупом этой структуры, который, однако, вполне еще был способен просидеть на троне, как давно умерший китайский император, еще лет двадцать – заражая и без того вымирающую и отравленную страну все новыми дозами трупного яда. Ничего сделать мы уже не могли. Вероятно, мы плохо работали, если в отличие от других, все понимая, допустили эту катастрофу, но все определялось не только силой противника, но и нашими весьма скромными способностями и возможностями. Делать вид, что я еще что-то могу, реально кому-то помогаю – то есть обманывать окружающих – мне было противно.

Когда-то, в восемьдесят третьем году, после моего второго ареста один из пяти моих следователей спросил с неподдельным интересом:

– Сергей Иванович, зачем вам все это нужно – выпускать какой-то бюллетень, защищать людей, озлобленных на власть? У вас же все есть – я знаю, что вы гораздо богаче меня. Если бы хотели, продолжали бы печататься, да и остальную часть семейной коллекции мы бы вам вернули. А так была одна тюрьма, теперь будет вторая…

Это был тот же следователь, который на мою демагогическую жалобу, что первый раз дело было сфабриковано, потому что сотрудники КГБ постоянно агитировали меня сотрудничать («разве плохого человека будут звать в КГБ?») и рассказ о том, что мне сулили дачу в Красногорске и какие-то немыслимые заработки, коротко заметил: «Все равно бы обманули…»

Но на этот раз я ответил вполне серьезно, что хочу, чтобы хотя бы мои дети жили в лучшей стране, чем я.

Теперь я в своей личной жизни тоже мог подвести итог: сын мой Тимоша вскоре после «победы демократии» в России был убит сотрудниками КГБ; после предупреждения, что «сохраняется опасность для вашей жены и дочери» им, не желавшим уезжать из

России, пришлось просить о защите у правительства Франции.

Почти два года «Гласность» не получала ни одного гранта, и денег не было совсем. Пришлось отказаться от обоих офисов, все перевезти на Чертановскую, где раньше был склад изданных нами книг и мастерская. Это был результат совместных усилий КГБ и правозащитных организаций, разозленных тем, что «Гласность» отказывалась поддерживать их вранье о «сетевых проектах» – сотнях, если не тысячах блестяще работающих под их руководством общественных организаций и, следовательно, росте демократии в России. В результате во всех наблюдательных советах фондов Рогинский, Алексеева и Пономарев всегда голосовали против проектов «Гласности». Я уже не мог продать что-то из коллекций, потому что с девяностых годов многое изменилось: антикварная торговля стала профессиональной и не допускающей конкуренции, а появившиеся дилеры хотели стать миллионерами за две недели и готовы были сразу что-то купить только за такие гроши, которые не спасали положение. Уходили последние сотрудники, шло откровенное разграбление «Гласности». Шофер мой вскоре признался, что раньше был офицером связи Гейдара Алиева, тут же предложил возить меня на «Мерседесе» с мигалкой, но, когда преследуемые как дикие звери «портосовцы» попросили у меня однажды разрешения переночевать на Чертановской, появился, открыв дверь ключами, которых у него не могло быть. По-видимому, именно он выкрадывал основные части архива и подготовленные к печати макеты книг.

И все же я, вероятно, со всем этим справился бы, хотя устал я к этому времени безумно, то и дело просто засыпал сидя за столом, да и никакого серьезного заместителя у меня уже не было. Но были две причины, почему мне не хотелось вновь восстанавливать «Гласность», находить для нее какие-то деньги. За эти годы Россия переменилась. Почти все как-то привыкли, смирились с властью КГБ и в отличие от прежних полутора десятилетий уже почти никто не хотел идти работать в «Гласность». Андрей Парамонов несколько лет до этого бывший моим заместителем, сказал: «Сейчас не время для таких проектов, как у «Гласности». Наступило время «малых дел».

Кроме того в последние годы я чувствовал себя, как Ирина Алексеевна в годы гибели «Русской мысли» – почти в полном одиночестве. Конечно, мне никто не писал таких гнусных писем, какие получала она, и не писал обо мне таких статей, как Лара Богораз о «Русской мысли», но общего у «Гласности» и раньше с другими правозащитниками было немного – мы стремились изменить положение к лучшему: создать независимую печать,

воспрепятствовать новой войне в Чечне, не допустить прихода к власти КГБ. Другие организации скорее отказывались от тех возможностей, которые у них были, выбирали пути более осторожные и безопасные. В последние годы для меня было просто мучительно приходить хотя бы изредка на собрания «Общего действия» в Сахаровский музей, таким чужим и мелким мне казалось почти все, что я там слышал.

Но я все же попытался найти преемников в «Гласности». Андрей Парамонов отказался. Отказался и Владимир Кара-Мурза, которого я знал гораздо меньше, но его журналистская работа мне очень нравилась. В конце концов я остановился на братьях Юрии и Сергее Бровченко. К сожалению, это был неудачный выбор, хотя сперва мне казалось, что два брата, оба юристы – это такая мощная основа, которая может восстановить и укрепить «Гласность». Но Юра Бровченко хотел и умел работать, но ему, да еще с семьей просто не на что было жить в Москве, а фонд не мог обеспечить ему никакого заработка, и он вынужден был уехать в Харьков. Сергей же, старший брат, был совершенно не годен для правозащитной деятельности, личные интересы для него всегда были на первом месте и года через два, боясь оказаться в двусмысленном положении, я забрал у него печать фонда, отказался продлевать его членство в DPI[47] Организации Объединенных наций и попросил не называться председателем фонда, что он изредка все-таки делал.

Послесловие: три документа

«Гласности» уже не было, с правозащитным миром я контактировать перестал, как, впрочем, и со всем общественно-политическим миром времени Путина. Они уже давно забыли обо мне, и я старался забыть о них, приводя в порядок семейные коллекции – в первую очередь археологию Российской империи, начало которой положили два моих прадеда. Правозащитная среда меня всегда раздражала своей малой цивилизованностью. Но изредка ко мне попадали какие-то бумаги или вести из этого мира, и о трех из них я хочу коротко сказать.

Первой были две странички, вырванные из отчетного доклада директора ФСБ за 2004 год, где, перечисляя достижения своей организации, он с гордостью упоминал и о том, что удалось подавить работу наиболее радикальных антиправительственных общественных организаций. Было понятно (потому мне это и показали), что речь идет о фонде «Гласность». В определении «антиправительственная» он, конечно, был прав – разницы между правительством России и утвердившейся во власти преступной организации, о заслугах которой ничего не сказал Нюрнбергский процесс, но, будем надеяться, скажет свое слово Гаагский международный трибунал – в частности, поэтому созданию его помогал и фонд «Гласность», – разницы уже никакой не было.

Вторым документом было разосланное правозащитным группам письмо, довольно длинное, начало которого я процитирую:

Дорогие коллеги!

Не так давно группа российских правозащитников, в составе которой были и мы – Олег Орлов (ПЦ «Мемориал») и Татьяна Локшина (центр «Демос»), посетила Женеву, где встречалась с делегациями стран членов Европейского Союза, участвующих в работе Комиссии ООН по правам человека. В ходе этих встреч до нас была доведена информация, которая может представлять интерес для всего российского правозащитного сообщества.

На наше недоумение – почему, в отличие от прошлых лет, страны-члены ЕС на данной сессии не озабочены вопросом соблюдения прав человека в России, нам отвечали, что ЕС создал специальную «переговорную площадку» с РФ, на которой и будет вестись основной диалог по этой теме. Именно через этот механизм ЕС будет пытаться оказывать воздействие на Россию и надеется, что он окажется более эффективным, чем давление на таких форумах, как Комиссия по правам человека ООН или ПАСЕ.

Речь идет о специальных встречах «ЕС-Россия», посвященных проблемам соблюдения прав человека.

Такие встречи должны проходить раз в полгода. Первая встреча уже прошла в Люксембурге 1 марта 2005 г. Наши собеседники согласились с тем, что она была пустой. Представители стран членов ЕС объяснили это тем, что первая встреча была совершенно не подготовлена, но важен сам факт ее проведения. Следующие же встречи должны проходить совсем по-другому и наполниться конкретным содержанием. В связи с этим, по их словам, особая роль ложится на российские НГО, которые должны предоставить ЕС серьезные «досье» по разным аспектам нарушений прав человека в России, включая хорошо документированные случаи нарушений. Следующая встреча ЕС-Россия по вопросу прав человека пройдет в Москве в октябре 2005 г.

Наши собеседники опять же согласились с тем, что по итогам встречи в Люксембурге Россия выпустила победный пресс-релиз, из которого следовало, что ЕС не имеет претензий к России в области соблюдения прав человека. По их словам, этот пресс-релиз искажал реальность, в дальнейшем нельзя допускать подобного, оговорив с российской стороной, что пресс-релизы по результатам встреч должны быть согласованы обеими сторонами.

Мы высказали сомнение в оправданности формата таких встреч, которые фактически выводят из публичного пространства дискуссию Европы и России о правах человека…

О Татьяне Локшиной я говорить не могу – она в демократическом и правозащитном движении России человек сравнительно новый, но на месте Олега Орлова я бы посовестился писать такое письмо. Он – все же из руководителей «Мемориала» – организации, которая наряду с КГБ и Егором Гайдаром приняла основное участие в уничтожении демократического движения в России в 1992–1993 годах. Организации, которая и в дальнейшем, в конце девяностых – начале двухтысячных, ради получения стотысячных и миллионных грантов писала «сетевые» проекты, тем самым обманывая весь мир (с Алексеевой и Пономаревым), что в России активно действует множество влиятельных правозащитных организаций, охотно сотрудничающих с правительственными организациями. И это в то время, когда шло глобальное уничтожение (вплоть до убийств) остатков демократического движения. И теперь Орлов возмущен тем, что европейские страны недостаточно активно берутся защищать, точнее насаждать и укреплять демократию в России, ту самую, которая была предана

русскими коллегами Орлова (иначе, как говорил председатель «Мемориала» Арсений Рогинский, «нас на Лубянку в архив не пустят»).

К письму была приложена «консолидированная» просьба к Европейскому союзу уцелевших (какой ценой?) на всем гигантском пространстве России двадцати пяти правозащитных организаций защитить у нас свободу печати, соблюдение избирательных прав, реформировать правоохранительные органы и судебную систему, избавить от расовой дискриминации и т. д. Оказывается, это европейцы, а не мы должны наводить порядок в России. А мы, уцелевшие, ничем не хотим рисковать.

Впрочем, время шло и даже все те, кто вел себя тихо и послушно, кто был счастлив встречаться с Путиным в Георгиевском зале Кремлевского дворца, вдруг узнали, что и они сами очень близки к английским шпионам и что кабинетов на Старой площади для них точно не будет. И тогда «Общее действие» (Алексеева, Пономарев и другие) вдруг вспомнили (или узнали), что на свете есть КГБ-ФСБ, и что (о ужас!) президент Путин – подполковник этой организации.

И они «мужественно» (конечно с абсолютным бесстыдством украв чужое название и спекулируя на чужой судьбе) решили провести конференцию «КГБ: вчера, сегодня, завтра». Они даже совместно написали проект конференции, и тут выяснилось, что ничего кроме их собственных (вполне бессмысленных, поскольку сами они ничего не понимали и всего боялись) выступлений там нет, а из тех, кто в этом что-то понимал, нет ни одного, кто бы доверял этой компании.

И тогда ко мне приехал Эрнст Черный с просьбой помочь и уверением, что именно он был против того, чтобы присваивать чужую судьбу, и составленной «Общим действием» программой – совершенно бессмысленной. Это и был третий из упоминаемых мной документов. И я поначалу согласился. Конечно, сказал, что ни с кем из них соорганизатором я не буду, в лучшем случае дам им выступить, хотя обычно мы не допускали людей, которые не знают, о чем говорят. К этому времени я уже полагал, что мало подвести итоги правления КГБ, надо еще провести завершающие слушания о самом механизме, процессе захвата власти в России. Это был важный и международный опыт захвата власти в гигантской стране спецслужбами. Тем более что Алексеева с Пономаревым и «Мемориалом» впервые сами готовы дать на это деньги. И я даже начал вести какие-то предварительные консультации. До этого генерал Шебаршин – двухдневный председатель КГБ СССР и начальник внешней разведки – пригласил меня в гости через своего родственника художника

Валентина Челомбиева. Для этого был благовидный предлог: будучи резидентом в Иране Шебаршин пристрастился собирать персидские рукописи, а у меня есть довольно приличная исламская коллекция. Но главным, я думаю, было то, что он был одинок, ничего не пытаясь урвать лично для себя и иначе относясь к России, чем большинство его коллег по Лубянке и, конечно, знал, что я тоже не воспользовался ни одной из представлявшихся возможностей, карьерных или финансовых. Но мне это сходство казалось недостаточным, и я ответил, что у меня нет времени. Но на этот раз я позвонил Челомбиеву и сказал, что хотел бы повидаться. На этот раз Шебаршин ответил неопределенным отказом: то ли был обижен, то ли интерес у него пропал, потом оказалось, что он был уже тяжело болен. Полковники КГБ, последние кто еще рисковал участвовать в наших конференциях, Петр Никулин и Станислав Лекарев, тоже были очень не здоровы. Чтобы понять, как КГБ участвовало в уничтожении «Демократической России» я повидался с одним из ее администраторов Михаилом Шнейдером и руководителем центрального московского отделения Ильей Заславским (тем, что в бытность председателем Октябрьского райисполкома, насаждая «капитализм в отдельно взятом районе», убедил меня зарегистрировать в 1988 году фонд «Гласность»). Шнейдер говорил, что он ничего не знает и мало что помнит, Заславский, по старому знакомству, с исчерпывающей прямотой сказал:

– Я ничего не буду рассказывать об этом и вы, Сергей Иванович, не найдете ни одного человека, который согласится об этом говорить.

Для меня во всем этом не было ничего неожиданного. Мы с Андреем Солдатовым и Ириной Бороган, которые по молодости ничего не знали о 1980-х и 1990-х годах и даже писали, что правление Ельцина было временем расцвета демократии, но серьезно отслеживали работу ФСБ в двухтысячные годы, составили список из почти ста человек что-то знавших и понимавших, из которых человек десять могли согласиться выступить на конференции. И тут я остановился. Я понял, что со всеми этими людьми мне лично надо разговаривать и их уговаривать, что наступило время, когда уже ни с кем другим, самыми приличными и доверенными помощниками, на эти темы даже предварительно говорить никто не будет и что на сотню таких переговоров я уже физически не способен. Конечно, никакое «Общее действие» не было на это способно по другим причинам, и десятая конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра» проведена не была.

Все когда-то кончается. Но что-то начинается вновь. Пять лет

назад это было невозможно, но сейчас… Кто знает?

2013

Приложение

Словарь терминов

АМН – академия медицинских наук

АН – академия наук

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АТЦ ФСБ – Антитеррористический центр Федеральной службы безопасности

АФБ – Агентство федеральной безопасности РСФСР, орган госбезопасности России с 26 ноября по 19 декабря 1991 г.

АФТ-КПП – AFL–CIO (The American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations), Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов

БАМлаг – Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь. Находился в Амурской области

Берлаг – Береговой исправительно-трудовой лагерь в Магаданской области

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика

Бюллетень «В» – неподцензурное правозащитное издание, выходившее в 1980–1983 гг. Был основным источником информации правозащитного движения в СССР и распространялся на Западе и в самиздате

ВГТРК – Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания, крупнейший советский и российский медиахолдинг

ВДВ – воздушно-десантные войска

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) (1925–1952)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВНИИ – всесоюзный (всероссийский) научно-исследовательский институт

Воркутлаг – Воркутинский исправительно-трудовой лагерь. Находился в Коми АССР

ВС – Верховный Совет

ВСХСОН – Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, подпольная антикоммунистическая организация, созданная в Ленинграде в 1964 г.

ВТРК – Всесоюзная телерадиокомпания

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения – российская негосударственная организация, проводящая социологические исследования

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, орган госбезопасности в советской России с 1917 по 1922 гг.

ВШЭ – Высшая школа экономики

ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук

ГД – Государственная Дума

ГДР – Германская Демократическая Республика

Гестапо – тайная политическая полиция Третьего рейха в 1933–1945 гг.

ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению

ГМИИ имени А. С. Пушкина – Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Горком – городской комитет

Госкомпечать СССР – Государственный комитет СССР по печати

ГПУ – Государственное политическое управление, орган госбезопасности в советской России в 1922–1923 гг.

Гринпис – международная неправительственная экологическая организация

ГРУ – Главное разведывательное управление, орган внешней разведки Министерства обороны СССР

ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика

ГУВД – Главное управление внутренних дел

«Дело врачей» – сфабрикованное уголовное дело 1953 г. против группы советских врачей (преимущественно евреев), обвиненных в заговоре против советского руководства. Предположительно за этим должны были последовать организованные еврейские погромы, а затем – депортация евреев под предлогом их защиты

«Доверие» – «Группа за установление доверия между СССР и США» – пацифистская диссидентская организация, созданная в СССР в 1982 г.

Дубравлаг – Дубравное лагерное управление – исправительно-трудовой лагерь в республике Мордовия

ЕЭС – Европейское экономическое сообщество – экономический предшественник Евросоюза

ЗИЛ – Завод имени Лихачева

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных

отношений РАН

ИНДЕМ – региональный общественный фонд «Информатика для демократии»

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам

Инициативная группа по защите прав человека в СССР – первая в СССР открыто действовавшая независимая гражданская ассоциация, созданная в 1969 г. в Москве. Распространяла сведения о политических преследованиях в СССР

И. о. – исполняющий обязанности

Исполком – исполнительный комитет

ИТАР-ТАСС – Информационное телеграфное агентство России – ТАСС

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика Каргопольлаг – Каргопольский исправительно-трудовой лагерь, находился в Архангельской области

КГБ – Комитет государственной безопасности, орган госбезопасности СССР с 1954 по 1991 гг.

КиргССР – Киргизская Советская Социалистическая Республика Коминтерн – Коммунистический интернационал, 3-й Интернационал – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919–1943 гг.

КП – Коммунистическая партия

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза (1952–1991)

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

«Левада-центр» – российская негосударственная организация, проводящая социологические исследования

ЛитССР – Литовская Советская Социалистическая Республика МБР – министерство безопасности РФ, орган госбезопасности России в 1992–1993 гг.

МВД – министерство внутренних дел

МГИМО – министерство государственной безопасности, орган госбезопасности СССР в 1941 и 1943–1953 гг.

МГБ – Московский государственный институт международных отношений (университет) при МИД РФ

МГТУ им. Баумана – Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

МГЮА – Московская государственная юридическая академия

Межрегиональная депутатская группа – фракция на Съездах народных депутатов СССР в 1989–1991 гг., первая советская легальная парламентская оппозиция

МИД – министерство иностранных дел

Минлаг – Минеральный лагерь – исправительно-трудовой

лагерь с центром в поселке Инта Коми АССР

МП – Московский Патриархат

МССР – Молдавская Советская Социалистическая Республика

МФТИ – Московский физико-технический институт

МХГ – Московская Хельсинкская группа

НАТО – Организация Североатлантического договора, Североатлантический Альянс. Военно-политический блок, объединяющий большинство стран Европы, США и Канаду. Основан в 1949 г.

НДР – «Наш дом – Россия»

НИИ – научно-исследовательский институт

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, орган госбезопасности СССР с 1934 по 1941 гг.

НТС – Народно-трудовой союз российских солидаристов – политическая организация русской эмиграции, существует с 1930 г.

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление, орган госбезопасности СССР с 1923 по 1934 г.

Озерлаг – Озерный исправительно-трудовой лагерь – особый лагерь для политических заключённых в Иркутской области

ООН – Организация Объединенных Наций

ОПГ – организованная преступная группировка

ОРТ – «Общественное российское телевидение» – прежнее название (с 1995 по 2002 г.) государственного телеканала «Первый канал»

ПГУ – Первое Главное Управление КГБ СССР, подразделение, ответственное за внешнюю разведку

Петроградский комитет по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем – комитет, возглавляемый в 1917–1920 гг. В. Д. Бонч-Бруевичем

Политбюро ЦК КПСС (Политическое бюро ЦК КПСС) – руководящий орган ЦК КПСС, фактически высшее руководство советского государства в 1966–1991 гг.

ПОРП – Польская объединенная рабочая партия

Президиум ЦК КПСС – руководящий орган ЦК КПСС, фактически высшее руководство советского государства в 1952–1966 гг. РАМН – Российская академия медицинских наук

РАН – Российская академия наук

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Образована в 2010 г. путем слияния Академии народного хозяйства при Правительстве РФ с Российской академией государственной

службы (РАГС) при Президенте РФ

РАО «ЕЭС России» – Российское открытое акционерное общество энергетики и электрификации «ЕЭС России». Российская энергетическая компания, существовавшая в 1992–2008 гг. Монополист на рынке генерации и энерготранспортировки России

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет.

РГУНГ имени И. М. Губкина – Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина

РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков) (1918–1925)

РПЦ – Русская православная церковь

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия (1898–1917)

РСПП – Российский союз промышленников и предпринимателей

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РТР – «Российское телевидение и радиовещание» – прежнее название (в 1991–2002 гг.) государственного телеканала «Россия–1», входящего в состав ВГТРК

РУДН – Российский университет дружбы народов

РФ – Российская Федерация

РЭУ – районное эксплуатационное управление

СВР – служба внешней разведки

Сейм – парламент в некоторых странах (Латвия, Литва) и нижняя палата парламента в Польше

СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения

СМОГ – «союз молодых гениев» – группа молодых литераторов-диссидентов в Москве в 1960-е гг.

СМОТ – Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся, созданная в 1978 г. организация, предназначенная для развития альтернативного ВЦСПС профсоюзного движения

СНК – Совет народных комиссаров

СС – военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП)

ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Статья 58 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – контреволюционная деятельность

Статья 58-1а УК РСФСР (редакция 1950 г.) – измена Родине

Статья 58-6 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – шпионаж

Статья 58-8 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – террористические

акты, направленные против советской власти

Статья 58–10 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – контрреволюционная пропаганда и агитация

Статья 58–11 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – организационная контрреволюционная деятельность

Статья 58–14 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – контрреволюционный саботаж

Статья 64 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – измена Родине

Статья 70 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – антисоветская агитация и пропаганда

Статья 72 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – участие в антисоветской организации

Статья 73 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – сопротивление представителям власти

Статья 74 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах

Статья 79 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – массовые беспорядки

Статья 83 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – незаконный переход границы

Статья 117 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – изнасилование

Статья 121 УК РСФСР (редакция 1950 г.) – разглашение должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению

Статья 153 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – частнопредпринимательская деятельность

Статья 174 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – дача взятки

Статья 188 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – побег из места заключения или из-под стражи

Статья 188-3 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения. Введена в 1983 г.

Статья 190-1 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Введена в 1966 г.

Статья 190-3 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок. Введена в 1966 г.

Статья 196 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – подделка документов

Статья 198-2 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – злостное нарушение правил административного надзора

Статья 206 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – хулиганство

Статья 209 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – тунеядство

Статья 210 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность

Статья 218-1 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – незаконное хранение огнестрельного оружия

Статья 228 УК РСФСР (редакция 1960 г.) – изготовление или сбыт порнографических предметов

Статья 260-а УК РСФСР (редакция 1960 г.) – злоупотребление властью или служебным положением

Статья 159 УК РФ – мошенничество

Статья 160 УК РФ – присвоение или растрата

Статья 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем обмана Статья 174 УК РФ – отмывание денег

Статья 198 УК РФ – уклонение от уплаты налогов (физического лица)

Статья 199 УК РФ – уклонение от уплаты налогов (юридического лица) Статья 222 УК РФ – незаконное хранение оружия или боеприпасов

Статья 228 УК РФ – незаконное хранение и сбыт наркотических веществ

Статья 275 УК РФ – государственная измена в форме шпионажа

Статья 283 УК РФ – разглашение государственной тайны

Статья 315 УК РФ – неисполнение решения суда

Степлаг – Степной лагерь – лагерь для политических заключенных в Карагандинской области Казахстана

США – Соединенные Штаты Америки

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

УВД – управление внутренних дел

УДО – условно-досрочное освобождение

УзбССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика УК – уголовный кодекс

УРПО – Управление ФСБ по разработке и пресечению деятельности организованных преступных формирований (с 1995 г.)

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

УУР – управление уголовного розыска

Ухтпечлаг – Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь, находился в Коми АССР

Фонд помощи политзаключенным – Фонд Солженицына (Русский общественный фонд помощи политическим заключенным и их семьям), созданный А. И. Солженицыным на средства от издания «Архипелага ГУЛАГ»

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ФСБ – Федеральная служба безопасности, орган

госбезопасности России с 1995 г.

ФСК – Федеральная служба контрразведки РФ, орган госбезопасности России в 1993–1995 гг.

ФСКН – Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков

«Хроника текущих событий» – неподцензурный самиздатский правозащитный информационный бюллетень, выпускавшийся с 1968 по 1983 г.

ЦДЛ – Центральный дом литераторов

ЦК – Центральный комитет

ЦРУ – Центральное разведывательное управление

ЧРИ – Чеченская Республика Ичкерия

ЧСФР – Чешская и Словацкая Федеративная Республика (официальное название Чехословакии в 1990–1992 гг.)

«Шарашка» – жаргонное название НИИ и конструкторских бюро тюремного типа, подчиненных НКВД/МВД СССР, в которых работали заключенные ученые, инженеры и техники

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

«Amnesty International» («Эмнести Интернэшнл», «Международная амнистия») – международная неправительственная правозащитная организация

«Freedom House» («Фридом Хаус») – международная неправительственная правозащитная организация

«Human Rights Watch» («Хьюман Райтс Вотч») – международная неправительственная правозащитная организация

Краткие биографические справки

Абашидзе Аслан Ибрагимович (р. 1938) – грузинский государственный и политический деятель; руководитель Аджарской автономной республики (1991–2004).

Абашидзе Аслан Хусейнович (р. 1958) – Заслуженный юрист Российской Федерации; заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов; профессор кафедры международного права МГИМО МИД России; доктор юридических наук. Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам; председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН; член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России по праву; советник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Абовин-Егидес Петр (1917–1997) – философ, диссидент. Выпускник ИФЛИ. С 1967 г. активно участвовал в правозащитном движении – направил в Политбюро ЦК КПСС письмо с требованиями и предложениями, среди которых освобождение А. Синявского и Ю. Даниэля, проведение выборов с альтернативными кандидатами, преобразование газеты «Правда» из органа ЦК КПСС в газету всей партии, реорганизация колхозов в действительно коллективные хозяйства крестьян. В 1969 г. арестован с предъявлением обвинения «клевета на советский государственный строй», направлен в психиатрическую больницу под предлогом проведения экспертиз. Освобожден в 1972 г. В 1978 г. выпускал самиздатовский журнал «Поиски», который перестал выходить в конце 1980 года. В 1980 г. Абовина-Егидеса выслали за границу, он жил в Кретейе под Парижем.

Абрамкин Валерий Федорович (1946–2013) – правозащитник; советский политзаключенный. В 1978–1980 гг. один из редакторов неподцензурного самиздатского общественно-политического журнала «Поиски». В 1980 г. приговорен к трем годам лишения свободы по статье 190-1 УК РСФСР. Срок отбывал на Алтае. В 1982 г., во время отбывания первого срока, повторно осужден и приговорен еще к трем годам лагерей (в колонии строгого режима) по той же статье. Второй срок отбывал в Красноярском крае. Освобожден в 1985 г. благодаря протестам западных правозащитных организаций. Выслан в деревню в Тверской области. Получил разрешение вернуться в Москву в 1989 г. Член Московской Хельсинкской группы с 1989 г. Автор книги «Как выжить в советской тюрьме» (в соавторстве с

Ю. В. Чижовым), книги «Тюремный мир глазами политзаключенных, 1940–1980-е годы» (в соавторстве с В. Ф. Чесноковой).

Абуладзе Тенгиз Евгеньевич (1924–1994) – грузинский кинорежиссер; автор фильмов «Мольба» 1967), «Древо желания» (1977), «Покаяние» (1984) и многих других.

Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) – филолог, крупный специалист в области изучения истории античной и средневековой литературы, поэтики, философии и культуры. В середине 1980-х гг. читал пользовавшиеся большой популярностью публичные лекции на филологическом факультете МГУ. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991).

Аветисян Минас Карапетович (1928–1975) – армянский живописец, график, театральный художник.

Аганбегян Абел Гёзевич (р. 1932) – экономист. В годы перестройки советник генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва по вопросам экономики. Автор книг по экономическим проблемам перестройки.

Агаянц Иван Иванович (1911–1968) – генерал-майор КГБ. С 1946 г. резидент в Париже. Особым его успехом стало получение Плана Маршалла по послевоенной политике США и их союзников в Европе. Секретный вариант этого Плана был передан членам прибывшей в тот момент в Париж советской делегации. Возвратился в СССР в 1947 г. С 1948 г. находился на руководящей работе во внешней разведке. Был назначен начальником Управления Комитета информации, затем – начальником кафедры Школы 101 (разведывательной), а затем – Службы «А» (службы активных мероприятий Первого главного управления КГБ, занимавшейся воздействием на зарубежное общественное мнение, в том числе путем дезинформации). В 1965 г. получил звание генерала. В 1967 г. Агаянц И. И. был назначен заместителем начальника Первого главного управления (ПГУ) КГБ.

Агеев Виктор Олегович (р. 1955) – генерал-майор милиции в отставке. Бывший начальник Управления внутренних дел по Южному административному округу Москвы (2004–2009).

Аграновский Дмитрий Владимирович (р. 1971) – адвокат. С 1994 г. член КПРФ. С 1997 г. депутат Совета депутатов города Электросталь.

Адамович Алесь (Александр Михайлович; 1927–1994) – белорусский писатель, сценарист, литературовед, член-корреспондент АН БССР. Автор «Блокадной книги» (в соавторстве с Д. А. Граниным).

Адлейба Борис Викторович (1931–1990) – абхазский государственный и партийный деятель. Первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии (1978–1989).

Айрикян Паруйр Аршавирович (р. 1949) – армянский государственный деятель, советский политзаключенный. С 1967 г. член (впоследствии лидер) подпольной «Национальной объединенной партии Армении». В 1969 г. арестован, в 1970 г. приговорен к четырем годам лишения свободы по статьям 65 и 67 УК Армянской ССР (соответствуют статьям 70 и 72 УК РСФСР). Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). В 1973 г. освобожден, помещен под надзор. В 1974 г. за нарушение надзора осужден на два года заключения, затем по статьям 65 и 67 УК Армянской ССР приговорен к семи годам лишения свободы и к трем годам ссылки. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия) и в пермской политической зоне строгого режима. В 1981 г. по статье 174 УК РСФСР приговорен к трем годам и трем месяцам заключения и к трем годам ссылки. Ссылку отбывал в Иркутской области. Освобожден в 1987 г. Создатель партии «Национальное самоопределение» (1987). В 1990–1995 гг. депутат Верховного совета Армении, затем (до 1999) депутат парламента Армении. Автор книги «К абсолютной демократии» и сборников стихов.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) – русский писатель; автор книг «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника» и многих других.

Аксёнов Александр Никифорович (1924–2009) – генерал КГБ, заместитель председателя КГБ БССР (1959–1960). Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию (1985–1989).

Александр II (1818–1881) – русский император (1855–1881). Удостоен особого эпитета в русской дореволюционной историографии – Освободитель (в связи с отменой им крепостного права). Погиб в результате террористического акта, организованного тайной революционной организацией «Народная воля».

Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – физик, президент Академии наук СССР (1975–1986).

Александрова Татьяна Борисовна (1907–1987) – живописец, график, сценограф.

Алексей Михайлович (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых.

Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013) – правовед, председатель Комитета конституционного надзора СССР (предшественник Конституционного Суда РФ). Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных

депутатов СССР (1989–1991). С 1993 г. член Президентского совета, а затем и Комиссии по правам человека при президенте РФ. Спустя два года вышел из них в связи с началом активных боевых действий в Чечне. Самое влиятельное лицо, покинувшее свои должности в знак протеста против войны в Чечне. В 1992 г. по собственной инициативе руководил общественным слушанием с участием присяжных по пересмотру дела капитана 3-го ранга В. М. Саблина, поднявшего вооруженное восстание на военном корабле «Сторожевой» в 1975 г. Автор книг «Уроки: Тяжкий путь России к праву» (1997), «Восхождение к праву: Поиски и решения» (2001) и многих других.

Алексеева Елизавета Константиновна (р. 1955) – программист; участница деятельности Фонда помощи политзаключенным; невестка Е. Г. Боннэр. Подвергалась преследованиям: депортация из Москвы (1978), отказ в разрешении на выезд (с 1979), задержание и домашний арест (1980). Эмигрировала в 1981 г. в США к мужу после продолжительной борьбы за ее отъезд и голодовки А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр.

Алексеева Людмила Михайловна (1927–2018) – член-основатель Московской Хельсинкской группы (1976–1977, затем зарубежный представитель группы), участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. В 1977–1993 гг. в эмиграции в США. С 1996 г. председатель МХГ. В 2002–2012 гг. член Комиссии по правам человека при президенте РФ. Автор книги «История инакомыслия в СССР: Новейший период» (1992), «Поколение оттепели» (2006).

Алексий II (настоящее имя Ридигер Алексей Михайлович; 1929–2008) – патриарх Московский и всея Руси (1990–2008). Завербован КГБ в 1958 г., агентурный псевдоним «Дроздов». Митрополит Таллинский и Эстонский (1961–1986), до 1968 г. – архиепископ. Управляющий делами Московской патриархии (1964–1986); митрополит Ленинградский и Новгородский (1986–1990).

Алиев Али Минкаилович (1937–2016) – журналист и политик, один из руководителей вооруженных сил Абхазии во время грузино-абхазского конфликта. Более тридцати пяти лет на службе в ВМФ СССР (Северном, Тихоокеанском и Черноморском флотах); уволился в запас в звании капитана 1-го ранга в 1988 г.

Алиев Гейдар Алиевич (1923–2003) – советский и азербайджанский государственный деятель. С 1944 г. в системе органов госбезопасности, генерал-майор КГБ. Председатель КГБ при Совете министров Азербайджанской ССР (1966–1969), первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР (1969–1982). Первый

заместитель председателя Совета министров СССР (1982–1987). Член Политбюро ЦК КПСС (1982–1987). Президент Азербайджана с 1993 по 2003 гг.

Алимова Валентина Алексеевна (р. 1941) – редактор издательства «Советский писатель».

Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011) – дочь И. В. Сталина, филолог-переводчик, мемуарист, автор мемуаров «Двадцать писем к другу» (1967).

Алтунян Генрих Ованесович (1933–2005) – советский политзаключенный, правозащитник, участник деятельности Фонда помощи политзаключенным. С 1969 г. член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1969 г. осужден на три года по статье 187 часть 1 УК УССР (аналог статьи 190-1 УК РСФСР). Срок отбывал в Красноярском крае. Освобожден в 1972 г. В 1981 г. осужден по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) на семь лет лагерей и пять лет ссылки. Три года заключения отбыл в Чистопольской тюрьме, остальные – в пермской политической зоне строгого режима, и Дубравлаге (Мордовия). В 1987 г. освобожден. Народный депутат Верховной Рады Украины (1990–1994). Член общества «Мемориал» Украины. Автор мемуаров «Цена свободы: Воспоминания диссидента» (2000).

Альбац Евгения Марковна (р. 1958) – журналист, с 2009 г. главный редактор журнала «The New Times», ведущая на радиостанции «Эхо Москвы». Автор книги «Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ» (1992).

Альтер Марек, см. Хальтер Марек.

Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) – советский диссидент, публицист, писатель, автор книг «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969) и «Записки диссидента» (1991). В 1965 г. за статьи и очерки в самиздате приговорен по статье 209 УК РСФСР к двум с половиной годам ссылки. Ссылку отбывал в Томской области. В 1966–1968 гг. сотрудник агентства печати «Новости». В 1968 г. в соавторстве с П. М. Литвиновым подготовил сборник «Процесс четырех» о суде над А. И. Гинзбургом, Ю. Т. Галансковым, А. А. Добровольским и В. Т. Лашковой. В 1970 г. за публикации за рубежом приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам лагерей. Срок отбывал в Новосибирской и Магаданской областях. В 1973 г., в день окончания срока, вновь обвинен по статье 190-1 УК РСФСР. В том же году приговорен к трем годам лагерей. После четырехмесячной голодовки протеста, получившей широкий международный резонанс, приговор изменен на три года ссылки. Ссылку отбывал вначале в Магаданской, затем (1975–1976) в

Калужской областях. В 1976 г. содействовал созданию Московской Хельсинкской группы. С 1976 г. в эмиграции. Погиб в автокатастрофе.

Аметистов Эрнест Михайлович (1934–1998) – юрист, судья Конституционного Суда с 1991 г. Член Московской Хельсинкской группы с 1987 г. Один из основателей общества «Мемориал» (1989). Член Конституционной комиссии РФ и Конституционного совещания (1991–1993). Автор книги «Защита прав человека в России и США: глазами друг друга» (в соавторстве с Мэри Холанд; 1993).

Андронов Иона Ионович (р. 1934) – журналист-международник. С 1958 г. сотрудник еженедельника «Новое время». Сотрудник КГБ. Депутат Верховного Совета России в 1990–1993 гг.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) – советский государственный деятель. Заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран в 1957–1967 гг. Председатель КГБ (1967–1982). Член Политбюро ЦК КПСС (1973–1984). Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984).

Антонян Юрий Миранович (р. 1933) – правовед, специалист и автор книг в области криминологии и криминальной психологии. С 1981 г. главный научный сотрудник ВНИИ МВД России. Ведущий научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Анцупов Евгений Михайлович (1940–1995) – историк, советский политзаключенный. Предсказал афганские события; полагал, что Советский Союз захочет ввести туда войска и что это будет гибельным для государства: войну СССР не выиграет, и более того, она может привести к его распаду. Свои идеи и доводы Анцупов изложил в письме Брежневу. Ответа не последовало. Тогда он опубликовал исследование на Западе. В 1981 г. Евгения Анцупова арестовал КГБ. Его судили и дали шесть лет лагерей строгого режима и пять лет последующей ссылки. В 1981 г. по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) осужден на шесть лет заключения и пять лет ссылки. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия), в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. Во время заключения перенес инфаркт. Освобожден по содействию международных правозащитных кругов и лично академика Сахарова в 1987 г. На протяжении семи лет в Германии, куда был вынужден эмигрировать вместе с семьей, Анцупов успел издать двенадцать книг. См. о нем: http://www.mediaport.uaarticles/48168.

Арбатов Георгий Аркадьевич (1923–2010) – историк,

экономист, эксперт в области международных отношений. С 1964 г. сотрудник созданной Ю. В. Андроповым группы консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В 1967–1995 гг. директор Института США и Канады АН СССР. Автор книги «Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.): Свидетельство современника» (1991).

Аргунов Николай Иванович (1771 – после 1829) – живописец-портретист, сын художника И. П. Аргунова.

Ардзинба Владислав Григорьевич (1945–2010) – с 1990 г. председатель Верховного Совета Абхазской ССР (с 1992 г. Республика Абхазия). Президент Абхазии (1994–2005). Историк-востоковед, автор книг о древней Анатолии.

Аржанников Николай Михайлович (р. 1955) – народный депутат РФ (1990–1993), член фракции «Демократическая Россия». Майор милиции, сотрудник органов внутренних дел Ленинграда.

Аринголи Джанни – зять И. А. Иловайской – Альберти.

Арсеньев – родственник С. И. Григорьянца, владелец поместья возле Нового Афона.

Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) – первый президент Турецкой Республики (1923–1938), основатель современного турецкого государства.

Аузан Александр Александрович (р. 1954) – экономист, с 2013 г. – декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Член Экономического совета при президенте РФ. Автор книги «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь» (2013).

Аушев Руслан Султанович (р. 1954) – президент Ингушетии (1993–2002).

Афанасьев Юрий Николаевич (1934–2015) – ректор Московского государственного историко-архивного института (1986–1991), ректор (1991–2003) и президент (2003–2006) РГГУ. Сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1991–1992 гг. один из сопредседателей движения «Демократическая Россия».

Бабицкий Андрей Маратович (р. 1964) – журналист. В 1987–1989 гг. сотрудник редакции журнала «Гласность». С 1989 по 2014 г. сотрудник Радио Свобода.

Бабицкий Константин Иосифович (1929–1993) – лингвист; правозащитник. Участник демонстрации 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию. В 1968 г. по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР приговорен к трем годам ссылки, которую отбывал в республике Коми.

Бабурин Сергей Николаевич (р. 1959) – народный депутат РСФСР (1990–1993), депутат Государственной думы (1993–1999 и 2003–2007).

Базаева Липхан Тоусолтовна – председатель автономной некоммерческой организации «Женщины за развитие».

Бакатин Вадим Викторович (р. 1937) – депутат Верховного Совета СССР (1986–1989), член ЦК КПСС (1986–1991). Министр внутренних дел СССР (1988–1990). Член Совета Безопасности при президенте СССР (март – декабрь 1991). Последний председатель КГБ (август – декабрь 1991 г.). Автор мемуаров «Избавление от КГБ» (1992), «Освобождение от иллюзий (взгляд министра внутренних дел СССР на события 1989–1990 годов)» (1992), «Дорога в прошедшем времени» (1999).

Балахонов Владимир Федорович (1935–1989) – переводчик и редактор советской делегации во Всемирной метеорологической организации ООН в Женеве, член профсоюза ООН. В 1972 г. остался на Западе. В 1973 г., вернувшись в СССР по ложному вызову от жены, осужден по статье 64 УК РСФСР на двенадцать лет заключения. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима, затем в Чистопольской тюрьме. В 1985 г. за написание писем за рубеж по статье 190-1 УК РСФСР приговорен к трем годам заключения. Срок отбывал в Чистопольской тюрьме. Освобожден в 1987 г. С 1988 г. в эмиграции в Швейцарии.

Балашов – народный заседатель в суде по делу К. В. Смирнова-Осташвили.

Бальцерович Лешек (р. 1947) – польский экономист и политик. Первоначальный автор проекта польских рыночных реформ. Автор книг «Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох» (1999), «Навстречу ограниченному государству» (2007) и др.

Баранников Виктор Павлович (1940–1995) – министр внутренних дел РСФСР (1990–1991), последний министр внутренних дел СССР (1991), министр безопасности РФ (1992–1993).

Баркашов Александр Петрович (р. 1953) – основатель и руководитель движения «Русское национальное единство». В 1985 г. вступил в Национально-патриотический фронт «Память» и стал телохранителем Дмитрия Васильева. В 1986 г. был избран в Центральный совет «Памяти», а в 1989-м – заместителем председателя.

Барсуков Михаил Иванович (р. 1947) – сотрудник органов госбезопасности. На службе в КГБ с 1964 г. С 1991 по 1992 гг. комендант Московского Кремля. Генерал-полковник. Директор ФСБ в 1995–1996 гг.

Басаев Шамиль Салманович (1965–2006) – один из лидеров чеченских боевиков и руководителей Чеченской Республики Ичкерия в 1991–2006 гг.

Баткин Леонид Михайлович (1932–2016) – историк и литературовед, культуролог, общественный деятель

Батурин Юрий Михайлович (р. 1949) – помощник президента РФ Б. Н. Ельцина в 1993–1998 гг.

Бахмин Вячеслав Иванович (р. 1947) – правозащитник, дипломат, советский политзаключенный. В 1969 г. за подготовку партии листовок антисоветского содержания арестован, обвинен по статье 70 УК РСФСР. Помилован, освобожден в 1970 г. В 1977–1979 гг. один из организаторов и участник Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской Хельсинкской группе, за что в 1980 г. приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам лагерей. Срок отбывал в Томской области. За неделю до освобождения арестован в лагере, после чего приговорен по той же статье УК РСФСР к одному году и одному месяцу лагерей. Срок отбывал в Томской области. После освобождения в 1984 г. направлен для проживания под надзором в г. Калинин (ныне Тверь). В результате провокации обвинен по статье 206 УК РСФСР. В 1985 г. приговорен к трем годам лишения свободы. В том же году после замены заключения на полгода исправительных работ освобожден. С 1989 г. член возрожденной Московской Хельсинкской группы. С 1991 по 1995 г. сотрудник МИД РФ. В 1992–1995 гг. заместитель руководителя российской делегации в Комиссии ООН по правам человека (руководитель делегации С. А. Ковалёв). С 1993 г. член Комиссии по правам человека при президенте РФ. В 1995 г. оставил государственную службу. Исполнительный директор Московского фонда «Открытое общество» (1995–2003). Автор книги «О фондах в России» (2004).

Башта Ярослав (р. 1948) – министр правительства Чехии в 1998–2000 гг. (министр без портфеля). Посол Чехии в России в 2000–2005 гг.

Бегун Иосиф Зиселевич (р. 1932 г.) – советский политзаключенный, отказник, активист борьбы за права советских евреев. В 1977 г. по статье 209 УК РСФСР осужден на два года ссылки. Сослан в Магаданскую область. В 1978 г. вскоре после возвращения из ссылки обвинен по статье 198-2 УК РСФСР, сослан в Магаданскую область на три года. В 1980 г. освобожден, отправлен «за 101-й километр», жил во Владимирской области. В 1982 г. обвинен по статье 70 УК РСФСР. Во время следствия – во Владимирской тюрьме. В 1983 г. приговорен к семи годам лагерей и пяти годам поселения. В 1984 г. для отбывания наказания переведен в пермскую политическую зону строгого

режима. В 1985 г. за «нарушение режима» переведен в Чистопольскую тюрьму сроком на три года. В 1987 г. досрочно освобожден. С 1988 г. в эмиграции в Израиле.

Безансон Ален (р. 1932) – французский политолог, историк социологии и философии, специалист по истории России и СССР. Действительный член Французской академии политических наук.

Безыменский Лев Александрович (1920–2007) – писатель, журналист, историк, германист. Сотрудник Академии военных наук. Автор книг «Германские генералы – с Гитлером и без него» (1961), «Гитлер и Сталин перед схваткой» (2000) и др.

Бейрулина С. В. – адвокат, защищавшая К. В. Смирнова-Осташвили.

Белозерцев Сергей Владимирович (1955–2013) – член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Председатель Социал-демократической партии России (1995–1998).

Беляев Анатолий Александрович (р. 1929) – в 1980-е гг. главный редактор журнала «Век XX и мир». Народный депутат РСФСР (1990–1993), член фракции «Демократическая Россия».

Беляева Нина Юрьевна (р. 1957) – юрист. Основной разработчик Закона РФ «Об общественных объединениях», принятого в 1995 г.; член рабочих групп Государственной Думы по Закону РФ «О политических партиях», Закону РФ «О некоммерческих организациях». Преподаватель Высшей Школы Экономики.

Беляк Сергей Валентинович (р. 1958) – адвокат, оказывавший услуги Э. В. Лимонову и его сторонникам.

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) – писательница, критик, публицист, автор мемуаров «Курсив мой» (1972). Одна из жен В. Ф. Ходасевича. Сотрудничала с газетой «Русская мысль». В 1925–1950 гг. во Франции, с 1950 г. в США. С 1958 г. преподавала русский язык в Йельском университете. Профессор русской литературы в Принстонском университете.

Березовский Борис Абрамович (1946–2013) – предприниматель, государственный деятель. В 1996–1997 гг. заместитель секретаря Совета безопасности РФ. Исполнительный секретарь СНГ в 1998–1999 гг. Депутат Государственной Думы в 1998–1999 гг. По собственному утверждению, сыграл решающую роль в приходе В. В. Путина к власти в конце 1999 г. С осени 2000 г. выступал как политический оппонент В. В. Путина. Автор книг «Мой майдан незалежности» (2007), «Автопортрет, или Записки повешенного» (2013).

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный деятель, народный комиссар внутренних дел

СССР (1938–1945). Расстрелян.

Бетелл Николас, 4-й барон Бетелл (1938–2007) – британский политик, переводчик, историк. Барон. С 1967 по 1999 г. член Палаты Лордов. В 1979–1994 и 1999–2004 гг. депутат Европейского Парламента. Оказывал поддержку советским диссидентам. Автор книг «Последняя тайна» (о репатриации советских военнопленных в годы Второй мировой войны; 1974), «Путешествия англичанина в поисках России» (2002) и др.

Бжезинский Збигнев (р. 1928) – американский политолог, социолог, государственный деятель польского происхождения. Советник по национальной безопасности президента США Дж. Картера (1977–1981). Автор книги «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» (1997, русский перевод 2010).

Блищенко Игорь Павлович (1930–2000) – юрист, академик Международной академии наук высшей школы. С 1981 г. заведующий кафедрой международного права в Российском университете дружбы народов. Эксперт ООН. Вице-президент Международной ассоциации юристов. Сопредседатель Российской коалиции в поддержку Международного уголовного суда. Автор книги «Международный уголовный суд» (в соавторстве с М. В. Фисенко; 1998).

Бобков Филипп Денисович (р. 1925) – руководящий работник органов государственной безопасности СССР, генерал. Начальник 5-го управления КГБ (1969–1983), заместитель председателя КГБ (1983–1991). С 1992 по 2001 г. руководитель Аналитического управления компании «Мост». Автор книги «КГБ и власть» (1995).

Бовчан – корреспондент радио «Голос Америки».

Богатырёв Константин Петрович (1925–1976) – филолог, поэт-переводчик, специалист в области немецкой литературы. В 1951 г. арестован по доносу сексота, обвинен в попытке государственного переворота и убийства всех членов правительства, приговорен по статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР к смертной казни, замененной двадцатью пятью годами лишения свободы. Срок отбывал в Воркутлаге. В 1956 г. освобожден. Умер в результате нападения.

Богачёв Владимир Валентинович (р. 1944) – один из организаторов «Демократического союза» и ЛДПР. В 1984–1986 гг. – под следствием по статье 70 УК РСФСР.

Богомазов Александр Константинович (1880–1930) – украинский художник, представитель и теоретик украинского и русского художественного авангарда.

Богомолов Олег Тимофеевич (1927–2015) – экономист-международник. В 1962–1969 гг. руководитель созданной

Ю. В. Андроповым группы консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Народный депутат СССР (1989–1991), депутат Государственной Думы (1993–1995). Член Консультативного совета при президенте Б. Н. Ельцине. Автор книг «Реформы в зеркале международных сравнений» (1998), «Моя летопись переходного времени» (2000) и других.

Богораз Лариса Иосифовна (1929–2004) – правозащитник. Участница демонстрации протеста на Красной площади 25 августа 1968 г. против вторжения в Чехословакию. В 1968–1971 гг. в ссылке в Иркутской области по статье 190-1 УК РСФСР. Участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. С 1989 г. член Московской Хельсинкской группы. Состояла в браке с Ю. М. Даниэлем, затем с А. Т. Марченко.

Богословский Александр Николаевич (1937–2008) – литературовед, архивист. В 1984 г. приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам заключения. Исследователь творчества Б. Ю. Поплавского, составитель его собрания сочинений.

Богословский Юрий – сотрудник общественного фонда «Гласность».

Бонапарт, см. Наполеон I.

Бондарев Юрий Васильевич (р. 1924) – писатель и сценарист. Председатель правления Союза писателей России в 1991–2013 гг. Автор книг о Великой Отечественной войне.

Бонет Пилар (р. 1952) – корреспондент испанской газеты «El Pais» в СССР и России.

Боннэр Елена Георгиевна (1923–1911) – правозащитник. Жена А. Д. Сахарова. Учредительница Фонда помощи детям политзаключенных в СССР (1974). Член-основатель Московской Хельсинкской группы (1976–1982). С 1980 г. большую часть времени в Горьком (Нижний Новгород), где отбывал ссылку А. Д. Сахаров. В 1984 г. по статье 190-1 УК РСФСР, не предусматривавшей ссылку, осуждена на пять лет ссылки, которую отбывала по месту ссылки мужа в Горьком. Основатель Фонда, музея и архива А. Д. Сахарова; член Комиссии по правам человека при президенте РФ (1993–1994), откуда вышла в знак протеста против войны в Чечне. Автор книги «Постскриптум. Книга о горьковской ссылке» (1990).

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – ближайший помощник и фактический секретарь В. И. Ленина. Организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917–1920 гг. управляющий делами СНК. В 1917–1920 гг. председатель Петроградского комитета по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем. Инициатор

создания и первый директор (1933–1945) Государственного литературного музея в Москве. В 1945–1955 гг. директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде. Автор книг по истории революционного движения в России, по истории религиозных объединений, этнографии.

Борисов Александр Ильич (р. 1939) – ученый-биолог; священник РПЦ. В 1990–1993 гг. депутат Моссовета. В 1991–2010 гг. президент Российского библейского общества. Был членом Комиссии по вопросам помилования при президенте РФ.

Боровик Артём Генрихович (1960–2000) – журналист, президент издательского холдинга «Совершенно секретно». Автор книг «Как я был солдатом американской армии» (1989), «Афганистан. Ещё раз про войну» (1990), «Спрятанная война» (1992) и др.

Боровик Генрих Авиэзерович (Аверьянович; р. 1929) – журналист международник. Участник (в качестве эксперта) многих зарубежных поездок М. С. Горбачёва.

Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825) – художник-портретист.

Бороган Ирина Петровна (р. 1974) – журналистка, работающая в жанре журналистского расследования, заместитель главного редактора сайта agentura.ru. Автор книги «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ» (в соавторстве с А. А. Солдатовым; 2011).

Борщёв Валерий Васильевич (р. 1943) – политик, правозащитник, журналист. Депутат Моссовета (1990–1993). Депутат Государственной Думы (1993–1995 и 1995–1999), член фракции «Яблоко». Председатель Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ.

Босхолов Сергей Семёнович (р. 1950) – с 1990 по 1991 г. член Комитета конституционного надзора СССР. С 1991 по 1993 г. советник Конституционного Суда РФ. В 1993–1999 гг. депутат Государственной Думы. В 1995–1999 гг. заместитель председателя Комитета Государственной Думы по безопасности. Один из немногих депутатов Государственной Думы, постоянно принимавших участие в юридических круглых столах в рамках конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Браиловский Виктор Львович (р. 1935) – математик; активный участник еврейского движения за репатриацию в Израиль в 1970-х – 1980-х гг. С 1987 г. в Израиле. Преподаватель кибернетики в Тель-Авивском Университете. Член Кнессета (1999–2006), заместитель министра внутренних дел Израиля (2003–2004).

Браков Евгений Алексеевич (р. 1937) – в 1986–1992 гг. генеральный директор производственного объединения «ЗИЛ»; в 1989 г. – кандидат в народные депутаты СССР по Москве, проиграл выборы Б. Н. Ельцину

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС (1964–1966), генеральный секретарь ЦК КПСС (1966–1982).

Бровченко Сергей Васильевич (р. 1963) – адвокат. Среди подзащитных – М. И. Трепашкин. В 1988–1991 гг. сотрудник КГБ УССР. В 1997–2003 гг. в заключении без вступившего в законную силу приговора по сфабрикованному обвинению (подброшен пакет с наркотиками). В начале 2000-х гг. сотрудник общественного фонда «Гласность». Автор книги «Небо в клеточку» (2011).

Бровченко Юрий Васильевич – юрист. В начале 2000-х гг. сотрудник общественного фонда «Гласность».

Бродская Галина Юрьевна (р. 1939) – театровед, балетный критик.

Брумберг Леонид Ефимович (1925–2010) – пианист и музыкальный педагог.

Брюшар Сильвия де – бывший советник посольства Франции в России. Заведующая русским отделом МИДа Франции в 1990-е гг.

Буар Михаил Евгеньевич де (1939–2009) – предприниматель, коллекционер икон. В середине 1990-х гг. советник президента Б. Н. Ельцина.

Буданов Юрий Дмитриевич (1963–2011) – военный, участник Второй Чеченской войны; полковник, лишённый воинского звания в 2003 г. по приговору суда. В 2003 г. судом признан виновным в похищении и убийстве 18-лет-ней чеченки Э. В. Кунгаевой.

Бузылёва Валерия Ярославна (р. 1955) – редактор издательства «Советский писатель».

Буковский Владимир Константинович (р. 1942) – советский диссидент, политзаключенный. В 1963 г. арестован за изготовление копий книги М. Джи-ласа «Новый класс», обвинен по статье 190-1 УК РСФСР, направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу, освобожден в 1965 г. Вновь на принудительном лечении в психиатрической больнице в 1965–1966 гг. за участие в подготовке митинга в поддержку А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля. В 1967 г. за организацию демонстрации протеста против ареста участников демонстрации на Пушкинской площади приговорен по статье 190-3 УК РСФСР к трем годам заключения. Срок отбывал в уголовном лагере в Воронежской области. Освобожден в 1970 г., одно время секретарь В. Е. Максимова. В 1971 г. за передачу на Запад

информации о злоупотреблениях психиатрией в политических целях в СССР приговорен по статье 70 УК РСФСР к семи годам заключения и пяти годам ссылки. Заключение отбывал во Владимирской тюрьме, затем в пермской политической зоне строгого режима. В 1976 г. после обмена советскими властями на лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана переехал в Великобританию. В 1992 г. официальный эксперт Конституционного Суда РФ в процессе по «делу КПСС» в Конституционном суде РФ. В ходе подготовки к судебным слушаниям получил доступ к материалам из секретных архивов ЦК КПСС и КГБ. Часть документов скопировал и опубликовал. Автор книг «И возвращается ветер» (1978), «Московский процесс» (1996) и др.

Булгаков Виктор Антонович (р. 1935) – правозащитник, советский политзаключенный. В 1953 г. арестован за участие в молодежной подпольной организации, приговорен к двадцати пяти годам лагерей и пяти годам поражения в правах по статьям 58-8 и 58–10 УК РСФСР. В 1953–1956 гг. в заключении. Срок отбывал в Минлаге в поселке Инта Коми АССР. За участие в лагерном сопротивлении в 1954–1955 гг. повторно арестован в 1959 г. В том же году освобожден с формулировкой «за давностью действия утратили характер преступления». Сотрудник общественного фонда «Гласность» (1994). В 1994–1995 гг. руководитель программы мониторинга нарушений прав человека в обществе «Мемориал». Автор мемуаров «Письма из юности» (2005).

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – писатель, автор книг «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита» и др.

Бурбоны – европейская династия; вступили на французский престол в 1589 г.

Бурбулис Геннадий Эдуардович (р. 1945) – российский государственный деятель. В 1973–1983 гг. преподаватель марксистско-ленинской философии в Уральском политехническом институте (Свердловск) и ответственный за идеологическую работу в Кировском райкоме ВЛКСМ. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1990–1992 гг. ближайший соратник президента Б. Н. Ельцина. Первый и единственный государственный секретарь РСФСР (1991–1992).

Бурденко Николай Нилович (1876–1946) – хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии.

Бурлацкий Фёдор Михайлович (1927–2014) – журналист,

публицист. С 1960 г. сотрудник созданной Ю. В. Андроповым группы консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Один из авторов «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961). Сотрудник журнала «Коммунист», газеты «Правда». Народный депутат СССР (1989–1991). В 1990–1991 гг. главный редактор «Литературной газеты».

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – революционер, советский государственный и партийный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1919–1924), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929). Расстрелян.

Буш Джордж Герберт Уокер (Буш-старший; р. 1924) – президент США (1989–1993).

Буш Джордж Уокер (Буш-младший; р. 1946) – президент США (2001–2009).

Быков Василь (Василий) Владимирович (1924–2003) – белорусский писатель. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Автор повестей о Великой Отечественной войне.

Вавилов Андрей Петрович (р. 1961) – один из разработчиков программы «500 дней» (программа рыночных реформ, созданная в 1990 г.). В 1992–1997 гг. первый заместитель министра финансов РФ (в октябре – ноябре 1994 г. и. о. министра финансов).

Валенса Лех (р. 1943) – первый руководитель профсоюза «Солидарность»; президент Польши в 1990–1995 гг.

Васильев Геннадий – корреспондент газеты «Правда» в Нью-Йорке.

Васильев Дмитрий Дмитриевич (1945–2003) – создатель и руководитель Национально-патриотического фронта «Память».

Вдовин Юрий Иннокентьевич (р. 1938) – правозащитник. Депутат городского совета Ленинграда (позднее Санкт-Петербурга) в 1990–1993 гг. Участник движений «Демократическая Россия», «Выбор России», член общества «Мемориал».

Веденкин Алексей Иванович (р. 1965) – сопредседатель Русской православной партии, вице-президент военно-патриотического фонда «Братство». В 1994 г. полномочный представитель движения «Русское национальное единство».

Велихов Евгений Павлович (р. 1935) – физик, вице-президент АН СССР (1978–1991) и РАН (1991–1996). Депутат Верховного Совета СССР (1984–1989). Президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» с 1992 г.

Визель Эли (1928–2016) – американский и французский

писатель и журналист. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г. Во время Холокоста узник нацистских концлагерей Освенцим и Бухенвальд.

Виноградов Игорь Иванович (1930–2015) – критик, литературовед, журналист. Член Союза писателей с 1962 г. В 1965–1970 гг. член редколлегии, заведующий отделом прозы (1965–1967), затем заведующий отделом критики (1967–1970) журнала «Новый мир». С 1992 г. главный редактор журнала «Континент».

Витухновская Алина Александровна (р. 1973) – поэт, прозаик. В 1994 г. арестована сотрудниками Федеральной службой контрразведки (ныне ФСБ), обвинена по статье 228 УК РФ. Отказалась от политического убежища в Швеции. В 1997 г. была вновь арестована и провела еще полгода в тюрьме. Процесс активно освещался российскими и западными СМИ. В общей сложности (с апелляцией) процесс длился пять лет. В 1998 г. приговорена к полутора годам заключения (в качестве срока засчитано пребывание в предварительном заключении). Автор сборников стихов и прозы.

Вицин Сергей Ефимович (р. 1929) – юрист, генерал МВД. Активный участник разработки Концепции судебной реформы 1992 г., председатель Совета по судебной реформе при Президенте РФ.

Владимов (настоящая фамилия Волосевич) Георгий Николаевич (1931–2003) – писатель, литературный критик. С 1977 г. руководитель московского отделения «Amnesty International» (тогда же вышел из Союза писателей СССР). Публиковал свои тексты за границей, в том числе повесть «Верный Руслан» (1975). В конце 1970-х гг. публиковался в самиздатском общественно-политическом журнале «Поиски». Под угрозой судебного процесса в 1983 г. выехал в ФРГ.

Власов Юрий Петрович (р. 1935) – советский тяжелоатлет. В 1989–1991 гг. народный депутат СССР. В 1993–1995 гг. депутат Государственной Думы.

Войнович Владимир Николаевич (р. 1932) – писатель. За правозащитную деятельность и сатирическое изображение советской действительности в 1974 г. исключен из Союза писателей СССР. В конце 1970-х гг. публиковался в самиздатском общественно-политическом журнале «Поиски». В 1980 г. выслан из СССР, в 1981 г. лишен советского гражданства (в 1990 г. восстановлено). Вернулся в СССР в 1990 г. Автор книг о солдате Иване Чонкине (1969–1975), «Антисоветский Советский Союз» (1985), «Москва 2042» (1986) и др.

Волков Олег Васильевич (1900–1996) – прозаик, публицист,

мемуарист. В 1928 г. за отказ стать осведомителем приговорен к трем годам лагеря по статье 58–10 УК РСФСР, направлен в СЛОН. В 1929 г. лагерный срок заменили высылкой в Тульскую область. В 1931 г. приговорен к пяти годам лагеря по статье 58–10 УК РСФСР, снова этапирован в СЛОН. В 1936 г. оставшийся срок заменен ссылкой в Архангельск. В 1936 г. арестован, в 1937 г. приговорен к пяти годам заключения по статье 58-6 УК РСФСР, направлен в Ухтпечлаг. В 1941 г. освобожден. В 1942 г. арестован, в 1943 г. приговорен к четырем годам лагеря и трем годам поражения в правах по статье 58–10 УК РСФСР. В 1944 г. освобожден по инвалидности. В 1950 г. по статье 58–10 УК РСФСР приговорен к десяти годам ссылки, сослан в Красноярский край. В 1955 г. освобожден из ссылки. Автор мемуаров «Погружение во тьму» (1987).

Волкогонов Дмитрий Антонович (1928–1995) – историк, генерал-полковник. В 1991–1994 гг. советник президента РФ по военным вопросам. Депутат Государственной Думы (1993–1995), член фракции «Выбор России». Автор книг по истории, в том числе шеститомника «Вожди: Сталин, Троцкий, Ленин»; 1992–1996) и двухтомника «Семь вождей. Галерея лидеров СССР» (обо всех генеральных секретарях ЦК КПСС).

Волох Вячеслав Иванович (р. 1949) – начальник Оперативного управления Антитеррористического центра (АТЦ) ФСБ до 1998 г., генерал-лейтенант. В 2001–2004 гг. заместитель председателя Госкомрыболовства. Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (2004–2005).

Волохонский Лев Яковлевич (1945–2003) – участник СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся было одной из первых попыток создания в СССР независимого профсоюза. Образовано в 1978 г. группой диссидентов). В 1979 г. за редактирование «Информационного бюллетеня СМОТ» приговорен к 2 годам заключения по статье 190-1 УК РСФСР. Срок отбывал в уголовном лагере в Пермской области. Освобожден в 1981 г. В 1982 г. за распространение «Информационного бюллетеня СМОТ» и передачу в зарубежные СМИ письма в защиту В. А. Сендерова арестован, в 1983 г. приговорен к пяти годам заключения и четырем годам ссылки по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима. Освобожден в 1987 г. Автор книги «Жизнь «по понятиям»» (2011).

Волошин Александр Стальевич (р. 1956) – в 1998 и 1999 г. помощник и заместитель руководителя администрации президента РФ, руководитель администрации президента РФ в 1999–2003 гг.

Волчек Дмитрий Борисович (р. 1964) – главный редактор сайта Радио Свобода, радиоведущий. Создатель и главный редактор «Митиного журнала» с 1985 г.

В 1987–1989 гг. сотрудник журнала «Гласность». Сотрудничает с Радио Свобода с 1988 г. Переводчик художественной литературы с английского языка. Издатель, главный редактор издательства «Kolonna publications» с 2000 г.

Волченко Владимир Никитич (1927–2015) – сотрудник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

Волченко Людмила Борисовна (р.1932) – супруга В. Н. Волченко.

Волченко Никита Владимирович (р. 1954) – сын В. Н. Волченко.

Вольский Аркадий Иванович (1932–2006) – в 1983–1984 гг. помощник по экономике Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. В 1984–1985 гг. помощник по экономике Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Депутат Верховного совета РСФСР (1984–1986). Депутат Верховного Совета СССР (1986–1989). Народный депутат СССР (1989–1991). Президент Российского союза промышленников и предпринимателей в 1990–2005 гг.

Вольф Маркус (1923–2006) – начальник Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР (Штази) в 1958–1986 гг. Автор мемуаров «Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки» (1998).

Воробьёв Андрей Иванович (р. 1928) – ученый-гематолог, академик РАН и РАМН; директор НИИ гематологии и интенсивной терапии. Первый министр здравоохранения РФ (199–1992).

Воробьёв Эдуард Аркадьевич (р. 1938) – военачальник, генерал-полковник в отставке. Первый заместитель главнокомандующего сухопутными войсками РФ (1994–1995). Депутат Государственной Думы (1995–2003). Член «Союза правых сил». Советник директора Института экономики переходного периода Е. Т. Гайдара.

Воронцов Руслан Вячеславович (р. 1976) – журналист, участник движения «За Веру и Отечество».

Воронцова, графиня.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский военачальник. Народный комиссар по военным и морским делам СССР (1925–1934). Народный комиссар обороны СССР (1934–1940).

Восленский Михаил Сергеевич (1920–1997) – историк,

социолог. В 1946 г. переводчик на Нюрнбергском процессе, затем сотрудник Союзнического контрольного совета по Германии (в Берлине). В 1953–1955 гг. сотрудник Всемирного Совета мира (в Праге и Вене). В 1955–1972 гг. старший научный сотрудник в АН СССР, ученый секретарь Комиссии по разоружению. В 1956–1972 гг. сотрудник Института мировой экономики и международных отношений. С 1972 г. невозвращенец, жил в ФРГ. В 1976 г. лишен советского гражданства (в 1990 г. восстановлено). Руководитель Исследовательского института по изучению советской современности (Бонн, Германия). Автор книги «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (1984).

Востоков Вадим Вадимович (р. 1966) – бывший администратор общественного фонда «Гласность». Администратор первых четырех конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – живописец.

Гаврилов Николай – сотрудник информационного агентства «Ежедневная гласность».

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) – экономист, государственный и политический деятель. Один из главных руководителей и идеологов рыночных реформ начала 1990-х гг. В 1991–1994 гг. – на высоких постах в правительстве России, в том числе в течение шести месяцев (июнь – декабрь 1992) и. о. председателя правительства. Основатель и директор Института экономической политики. Основатель и один из руководителей партий «Демократический выбор России» и «Союз правых сил». Автор книги «Гибель империи. Уроки для современной России» (2006).

Гайдар Тимур Аркадьевич (1926–1999) – контр-адмирал, журналист (газеты «Советский флот», «Красная звезда», «Правда»), публицист («Московские новости», «Известия»).

Гайстер М. Ю. – председатель кооператива реставраторов «Акант».

Гамзатов Расул Гамзатович (1923–2003) – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Депутат Верховного совета СССР (1962–1989) от Дагестанской АССР. В 1962–1966 гг. и с 1971 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Автор сборников стихов.

Гамзатова Патимат Саидовна (1931–2000) – супруга Р. Г. Гамзатова; с 1964 г. возглавляла Дагестанский музей изобразительных искусств.

Гамкрелидзе Тамаз Валерианович (р. 1929) – грузинский лингвист; востоковед; действительный член АН СССР (1984), академик РАН (1991). Депутат Верховного Совета СССР (1984–

1989) от Аджарской АССР. Автор работ в области индоевропейской лингвистики, древних языков, теоретической лингвистики.

Гамсахурдия Звиад Константинович (1939–1993) – с 1976 г. член-учредитель Грузинской Хельсинской группы. В 1977 г. арестован, обвинен по статье 71 УК Грузинской ССР (аналог статьи 70 УК РСФСР). После ареста выступил с покаянным заявлением, показанным по грузинскому телевидению. В 1978 г. осужден на два года ссылки в Дагестан. Помилован в 1979 г. Председатель Верховного Совета Грузии (1990–1991). Президент Грузии в 1991–1992 гг. Убит. Автор мемуаров «За независимую Грузию» (1996).

Ганнушкина Светлана Алексеевна (р. 1942) – руководитель и одна из учредителей Комитета «Гражданское содействие» (с 1990) – первой в РФ неправительственной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам, а также (с 2008) трудовым мигрантам. В 1993 г. – одна из создателей Правозащитного центра «Мемориал», где в 1996 г. организовала сеть «Миграция и Право», оказывающую юридическую помощь беженцам и мигрантам.

Гаук Йоахим (р. 1940) – федеральный президент Германии с 2012 г. Протестантский пастор, один из лидеров правозащитного движения в ГДР. Депутат Народной палаты ГДР от некоммунистического Альянса 90 в 1990 г. После создания единого германского государства в 1990–2000 гг. – первый управляющий архивами министерства государственной безопасности ГДР (Штази).

Гаяускас Балис (р. 1926) – советский политзаключенный, участник литовского национального движения. В 1948 г. осужден по статьям 58-1а, 58-8, 58–10 УК РСФСР на двадцать пять лет заключения. Срок отбывал в Степлаге (Казахстан), Дубравлаге (Мордовия), во Владимирской тюрьме. Освобожден в 1973 г. В 1977 г. вновь арестован, в 1978 г. за распространение литовского самиздата, сбор материалов о литовском освободительном движении, перевод «Архипелага ГУЛАГ» на литовский язык, помощь политзаключенным и хранение архивов партизанского движения 1940-х гг. приговорен по статье 68 УК ЛитССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) к десяти годам лагеря особого режима и пяти годам ссылки. Член Литовской Хельсинкской группы (вступил в лагере). Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия) и в пермской политической зоне особого режима, ссылку – в Хабаровском крае. В 1988 г. досрочно освобожден из ссылки. В начале 1990-х гг. депутат литовского Сейма, председатель парламентской комиссии по расследованию деятельности КГБ. С

1989 г. председатель Союза ссыльных Литвы.

Геворгян Кирилл Горациевич (р. 1953) – дипломат. В 1997–2003 гг. заместитель директора Правового департамента МИД России. В 2009–2015 гг. директор Правового департамента МИД России. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Член Постоянной палаты третейского суда в Гааге с 2010 г. Член Комиссии международного права ООН в 2012–2016 гг. С 2015 г. судья Международного суда ООН от России.

Геллер Михаил Яковлевич (1922–1997) – историк, публицист, писатель, критик. В 1950 г. арестован, приговорен к пятнадцати годам лагерей. В 1956 г. освобожден. С 1957 г. в эмиграции. Жил в Варшаве, с 1969 г. в Париже. Профессор Сорбонны. В течение ряда лет политический обозреватель парижской газеты «Русская мысль». Автор (в сотрудничестве с А. М. Некричем) курса советской истории «История России: 1917–1995. Утопия у власти» (1982). Автор книги «Машина и винтики. История формирования советского человека» (1985).

Гениева Екатерина Юрьевна (1946–2015) – генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы в 1993–2015 гг. Президент российского фонда Дж. Сороса («Открытое общество») с 1997 г.

Геращенко Виктор Владимирович (р. 1937) – с 1982 г. начальник валютного управления, а с 1988 г. – заместитель председателя правления Банка внешнеэкономической деятельности СССР (с 1985 г. – Внешэкономбанк). В 1983–1985 гг. заместитель председателя правления Банка для внешней торговли СССР. Председатель Государственного банка СССР (1989–1991). Председатель Центрального банка РФ в 1992–1994 и 1998–2002 гг.

Геращенко Игорь Олегович (р. 1953) – физик; правозащитник; супруг И. Б. Ратушинской. В 1987 г. лишен советского гражданства (в 1990 г. восстановлено).

Гериханов Ихван Баудинович (р. 1954) – юрист-международник, эксперт по вопросам соблюдения прав человека и гражданина. Депутат парламента Чеченской Республики в 1991–1993 гг. Председатель Конституционного Суда Чеченской Республики в 1993–1998 гг. Эксперт Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне. С 2013 г. член международной комиссии по правам человека ООН.

Гершман Карл (р. 1943) – президент Национального фонда демократии (National Endowment for Democracy) с момента его основания в 1984 г. Конгрессом США. Во время первого срока президента Р. Рейгана представитель США в Комитете ООН по

правам человека.

Гершуни Владимир Львович (1930–1994) – советский диссидент; поэт. В 1949 г., будучи студентом, арестован по обвинению в создании молодежной подпольной организации и осужден на десять лет лагерей. Освобожден в 1955 г. Вращался в литературных кругах, где познакомился с авторами самиздата. Участвовал в сборе материалов для книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В 1969 г. был повторно арестован, обвинялся по ст. 190-1 УК РСФСР. Находясь в Бутырской тюрьме, 55 дней держал голодовку. Психиатрическая экспертиза в Институте Сербского признала Гершуни невменяемым, его направили на принудительное лечение в Орловскую специальную психиатрическую больницу, где он пребывал с декабря 1970 по апрель 1974 г. Во время случайной встречи в Институте имени Сербского с П. Григоренко Гершуни передал ему ряд сведений о врачах и других политических узниках Орловской спецпсихбольницы, благодаря чему эта информация была опубликована в «Хронике текущих событий» (выпуск 19). Затем Гершуни был переведен в психиатрическую больницу № 13 (Москва), откуда его выписали в октябре 1974 г. Участвовал в работе руководимого В. Абрамкиным молодежного литературного клуба «Воскресенья». В 1976–1982 годах Гершуни опубликовал под псевдонимом В. Львов более 200 материалов в московских газетах и журналах (статьи и заметки по фольклористике, лингвистике, книговедению, остроты и каламбуры). С начала 1978 года участвовал в сборе материалов для самиздатского литературно-публицистического журнала «Поиски», с № 3 (октябрь 1978) входил в его редколлегию. Вел в журнале литературный раздел, в котором публиковал свои авангардистские стихи и публицистику.

Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – советский и российский философ, историк, публицист. С середины 1970-х гг. участвовал в правозащитном и диссидентском движении. Один из основателей и авторов самиздатского журнала «Поиски» (1978–1980). Совместно с Ю. Н. Афанасьевым и А. Д. Сахаровым учредил в 1988 г. общественно-политический клуб «Московская трибуна». С 1992 г. – президент научно-просветительского центра «Холокост». С февраля 1993 г. – член консультационно-аналитического совета при Президенте России. В знак протеста против расстрела Верховного совета покинул этот пост.

Гинзбург Александр Ильич (1936–2002) – журналист, издатель; участник правозащитного движения в СССР, политзаключенный. В 1960 г. за издание самиздатского альманаха «Синтаксис» приговорен по статье 196 УК РСФСР к

двум годам заключения. Срок отбывал в Вятлаге (Кировская область). Освобожден в 1962 г. В 1967 г. за распространение сборника «Белая книга» о деле А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля вновь арестован, в 1968 г. приговорен к пяти годам заключения по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия) и во Владимирской тюрьме. Освобожден в 1972 г. Первый распорядитель Фонда помощи политзаключенным (1974–1977), член Московской Хельсинкской группы (1976–1977). В 1977 г. в рамках кампании по пресечению Хельсинкского движения арестован, в 1978 г. приговорен к восьми годам заключения по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). В 1979 г. лишен советского гражданства и выслан из СССР (по обмену на двух советских шпионов). Жил в США, затем во Франции. Член редколлегии журнала «Континент» в 1979–1990 гг., с середины 1980-х гг. до 1997 г. политический обозреватель газеты «Русская мысль».

Гинзбург (Жолковская) Арина Сергеевна (р. 1937) – филолог, правозащитница, журналист; жена А. И. Гинзбурга; участница деятельности Фонда помощи политзаключенным (с 1974), распорядитель Фонда (1977–1980). С 1980 г. в эмиграции во Франции. Заместитель главного редактора газеты «Русская мысль» (1980–1997). Живет в Париже.

Гитлер Адольф (1989–1945) – немецкий политик, идеолог национал-социализма; основатель тоталитарной диктатуры третьего рейха; военный преступник.

Гладилин Анатолий Тихонович (р. 1935) – писатель. Наряду с В. П. Аксёновым представитель «молодой русской прозы» в журнале «Юность». С 1976 г. в вынужденной эмиграции. Живет в Париже. В эмиграции сотрудник Радио Свобода и «Немецкой волны». Автор книг «Хроника времен Виктора Подгурского» (1956), «Прогноз на завтра» (1972) и др.

Гладков Фёдор Васильевич (1883–1958) – писатель, классик социалистического реализма.

Глазунов Илья Сергеевич (р. 1930) – художник-живописец.

Глезеров Леонид Борисович (р. 1944) – издатель (издательство «Гендальф»); участник правозащитного движения.

Гликин Максим Александрович (р. 1969) – журналист, поэт. Сотрудник «Вечерней Москвы», «Русского базара» (Нью-Йорк), «Независимой газеты», «Ведомостей». Автор книги «Милиция и беспредел: Кто они – оборотни в погонах или наши защитники?» (1998) и др.

Глузман Семён Фишелевич (р. 1946) – психиатр; советский политзаключенный. В 1971 г. написал заочную психиатрическую экспертизу П. Г. Григоренко, показав ложность официального

диагноза. В 1972 г. приговорен к семи годам заключения и трем годам ссылки по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР). Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима в 1972–1979 гг., ссылку – в Тюменской области в 1979–1982 гг. Исполнительный секретарь Ассоциации психиатров Украины с 1991 г. Автор мемуаров «Рисунки по памяти, или Воспоминания отсидента» (2012).

Гобл Пол А. (р. 1949) – американский политический аналитик, эксперт по России. Советник по проблемам национальностей Советского Союза и делам Прибалтики при Джеймсе Бейкере, государственном секретаре США в 1989–1992 гг. Аналитик по национальным вопросам Советского Союза в ЦРУ. Член Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Говорухин Станислав Сергеевич (р. 1936) – кинорежиссер, актер, сценарист, продюсер. Член партии «Единая Россия» с 2005 г. Депутат Государственной Думы с 2011 г. от партии «Единая Россия». В 2011 г. глава предвыборного штаба В. В. Путина на президентских выборах 2012 г. С 2013 г. сопредседатель Центрального штаба Общероссийского народного фронта (ОНФ).

Гозман Леонид Яковлевич (р. 1950) – в 1993–2001 гг. секретарь федерального политсовета партии «Демократический выбор России». Один из лидеров партии «Союз правых сил» (2001–2008). Сопредседатель партии «Правое дело» (2008–2011).

Голембиовский Игорь Несторович (1935–2009) – журналист, в 1991–1997 гг. главный редактор газеты «Известия».

Голицын Анатолий Михайлович (р. 1926) – майор КГБ; политический беженец, в США с 1961 г.; автор двух книг о стратегии долговременного обмана, разработанной руководством КГБ. Передал ЦРУ большой объем информации о резидентурах в Хельсинки и других городах, а также о методах вербовки и кураторства агентов КГБ. Гражданин США с 1984 г. Автор книг «Новая ложь для старого» и «Обман перестройки» (Anatoliy Golitsyn. The Perestroika Deception, 1984; New lies for old, 1984).

Голубев Владимир Леонидович – адвокат, бывший заместитель начальника отдела прокуратуры г. Москвы по надзору за следствием в органах КГБ.

Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – русский художник.

Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936–2013) – поэт, переводчик с польского, чешского, словацкого и французского; правозащитник. Инициатор, автор, редактор и машинистка первого выпуска самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих

событий» в 1968 г. Редактор первых десяти выпусков. Одна из основательниц и член Инициативной группы по защите прав человека в СССР (1969). Участница демонстрации 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию. В 1971–1972 гг. – на принудительном лечении в Казанской специальной психиатрической больнице и в институте им. В. П. Сербского по сфальсифицированному диагнозу. В 1975 г. эмигрировала во Францию, с 1976 г. жила в Париже. Сотрудница журнала «Континент», газеты «Русская мысль» (с конца 1980-х до 2003). Редактор парижского, издававшегося как приложение к «Русской мысли» журнала «Гласность» на русском языке. Автор полутора десятков книг стихов.

Горбачёв Михаил Сергеевич (р. 1931) – первый секретарь Ставропольского краевого комитета КПСС в 1970–1978 гг., в 1978–1985 гг. секретарь ЦК КПСС, ответственный за сельское хозяйство. Последний генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), единственный президент СССР (1990–1991). Автор книги мемуаров «Жизнь и реформы» (1995).

Гордиевский Олег Антонович (р. 1938) – бывший полковник Первого главного управления КГБ. С 1974 по 1985 г. тайный агент британской разведки. В 1985 г. бежал из СССР, заочно приговорен к расстрелу по статье 64 УК РСФСР. Автор книги (в соавторстве с К. Эндрю) «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва» (Gordievsky O.; Andrew Ch. Instructions from the Centre: Top Secret Files on KGB Foreign Operations; 1975–1985).

Гофман Александр Генрихович (р. 1927) – психиатр. Член правления Российского общества психиатров, председатель Этического комитета Независимой психиатрической ассоциации России.

Графова Лидия Ивановна (р. 1938) – журналист. В 1960–1979 гг. корреспондент газеты «Комсомольская правда». В 1979–2003 гг. обозреватель «Литературной газеты». В 1990–1999 гг. сопредседатель комитета «Гражданское содействие».

Грачёв Павел Сергеевич (1948–2012) – министр обороны РФ (1992–1996), генерал армии.

Грибанов Александр Борисович (р. 1944) – эмигрировавший в 1987 г. архивист, в 1994–2004 гг. руководитель архива Андрея Сахарова в Университете Брэндейс, США. Участник правозащитного движения, один из редакторов «Хроники текущих событий» (1975–1979).

Григоренко Пётр Григорьевич (1907–1987) – генерал-майор, правозащитник. В 1964 г. за открытую критику советских властей арестован, обвинен по статье 70 УК РСФСР. В 1964–1965 гг. в специальной психиатрической больнице. С конца 1960-х гг.

участник защиты движения крымских татар за их возвращение на историческую родину в Крым. Автор адресованного в 1967 г. редакции журнала «Вопросы истории КПСС» письма в защиту книги историка А. М. Некрича «1941 год, 22 июня» с требованием обнародования правды об Отечественной войне. В 1969 г. в Ташкенте (куда прибыл в качестве общественного защитника крымских татар на суде) арестован, обвинен по статье 191-4 УК УзбССР (аналог статьи 190-1 УК РСФСР). В 1969–1976 гг. в специальной психиатрической больнице. Член-основатель Московской и Украинской Хельсинкских групп (1976). С 1977 г. в эмиграции, лишен советского гражданства. Автор мемуаров «В подполье можно встретить только крыс…» (1997).

Григоришин Константин Иванович (р. 1965) – российско-украинский бизнесмен.

Григорьев Вячеслав Иванович (р. 1939) – в 1989 г. руководитель штаба по выдвижению Б. Н. Ельцина в народные депутаты Верховного совета СССР. В 1990–1993 гг. народный депутат Моссовета (заместитель председателя комиссии по пригородному землепользованию). Основатель и руководитель ассоциации «Народное землепользование» (с 1993).

Григорьянц Анна Сергеевна (р. 1975) – дочь С. И. Григорьянца.

Григорьянц Тамара Всеволодовна (р. 1943) – журналист, редактор. Участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. Ведущий редактор журнала «Гласность» и бюллетеня «Ежедневная гласность».

Григорьянц Тимофей Сергеевич (1974–1995) – сын С. И. Григорьянца. Убит.

Григорян Юрий Алексеевич – нейрохирург. Руководитель Федерального центра нейрохирургии.

Гридасова Инесса – магаданская правозащитница.

Гримм Юрий Леонидович (1935–2011) – советский диссидент, политический заключенный. В 1963 г. вместе со своим другом Борисом Касьяновым распространил около 500 листовок с требованием отставки Н. С. Хрущёва и критикой его политики. 11 января 1964 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде и приговорен к шести годам лишения свободы. Отбывал наказание в колонии в Мордовии. Впоследствии срок наказания был сокращен до трех лет лишения свободы и в 1966 г. Гримм был освобожден. В 1978 г. стал одним из соредакторов самиздатского журнала «Поиски». В связи с этим подвергался обыскам, допросам, задержанию, административному аресту, фактическому домашнему аресту. 23 января 1980 г. был арестован по обвинению в распространении

«заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» и приговорен к трем годам лишения свободы в колонии строгого режима. Отбывал наказание в колонии в Сургуте. В 1982 г. после заявления об отказе от «анитисоветской деятельности» был освобожден условно-досрочно с обязательным привлечением к труду в Тюменской области (так называемая «химия»).

Грицань Владимир Васильевич (1937–2009) – депутат Государственной Думы (1993–1995). Член фракции «Выбор России». Член группы обвинителей Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Гришин Виктор Васильевич (1914–1992) – депутат Верховного Совета СССР (1954–1987), депутат Верховного Совета РСФСР (1963–1987), первый секретарь Московского горкома КПСС (1967–1985), член Политбюро ЦК КПСС (1971–1986). Автор мемуаров «От Хрущёва до Горбачёва: политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина» (2010).

Гроза Петр Иванович – полковник КГБ в запасе; бывший начальник Института проблем безопасности КГБ.

Громов Борис Всеволодович (р. 1943) – российский государственный деятель, генерал-полковник. Народный депутат СССР (1989–1991). Депутат Государственной Думы (1995–1999). Губернатор Московской области (2000–2012).

Гуин Уон – член московской делегации Международного Комитета Красного Креста.

Гумилёв Николай Степанович (1886–1921) – поэт. Расстрелян.

Гусаев Магомедсалих Магомедович (1951–2003) – председатель Государственного комитета по национальной политике и внешним связям Республики Дагестан (1992–1994). Министр по делам национальностей и внешним связям Республики Дагестан (1994–1998). Министр по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан (1998–2003). Погиб в результате покушения.

Гусак Александр Иванович (р. 1957) – бывший начальник 7-го отдела Управления по разработке и пресечению деятельности организованных преступных формирований (УРПО) ФСБ, подполковник. Ныне адвокат.

Гусев Павел Николаевич (р. 1949) – главный редактор (с 1983) и владелец (с 1992) газеты «Московский комсомолец» («МК»).

Гусинский Владимир Александрович (р. 1952) – бывший медиа-магнат, владелец новостного сайта NEWSru.com. Основатель акционерного общества Группа «Мост» (1992), владевшего радиостанцией «Эхо Москвы» (с 1994),

телекомпаниями НТВ и НТВ-Плюс (с момента основания – 1993 и 1996 соответственно), газетой «Сегодня», газетой «Семь дней», журналом «Итоги». Основатель телеканалов НТВ, ТНТ. Создатель ЗАО «Медиа-Мост» (1997), просуществовавшего до 2001 г. С 2000 г. в эмиграции.

Гут (Шадрин) Юрий Юрьевич (р. 1949) – правозащитник из Омска.

Гутионтов Павел Семёнович (р. 1953) – секретарь Союза журналистов России. С 1970 г. сотрудник «Московского комсомольца», с 1975 г. – «Комсомольской правды» (корреспондент отдела информации, заведующий отделом). С 1985 г. специальный корреспондент «Советской России». В 1987–1991 гг. внутриполитический обозреватель «Известий».

Данилофф Николас (р. 1934) – американский журналист. Бывший глава московского корпункта журнала «U. S. News and World Report». Автор книги «Две жизни, одна Россия. Невыдуманная история о том, как американец был взят заложником КГБ» (Daniloff N. Two Lives, One Russia; 1988).

Даниэль Александр Юльевич (р. 1951) – сын Ю. М. Даниэля и Л. И. Богораз; участник правозащитного движения. В 1973–1980 гг. участник издания «Хроники текущих событий». С 1990 г. сотрудник общества «Мемориал» (Москва). С 2009 г. сотрудник петербургского «Мемориала», работает в проекте «Виртуальный музей Гулага».

Де Голль Шарль (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, генерал. В годы Второй мировой войны лидер фантигитлеровского вооруженного Сопротивления. В 1944–1946 гг. глава Временного правительства Франции, созданного в Алжире. Основатель и первый президент Пятой республики (1959–1969). Автор книги «Военные мемуары» (русский перевод 2003).

Дед Хасан, см. Усоян Аслан Рашидович.

Делоне Вадим Николаевич (1947–1983) – поэт, советский политзаключенный. После письма в Идеологическую комиссию ЦК КПСС с требованием легализации литературного объединения СМОГ в 1966 г. исключен из института и из комсомола. В 1967 г. за участие в демонстрации на Пушкинской площади осужден по статье 190-3 УК РСФСР на один год условно с пятилетним испытательным сроком. В 1968 г. за участие в демонстрации 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию осужден по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР по совокупности с учетом предыдущего неотбытого наказания на два года и десять месяцев заключения. Срок отбывал в уголовном лагере в Тюменской области («Тюмень-2»). Освобожден в 1971 г. по

отбытии срока. С 1975 г. в эмиграции. Автор книги «Портреты в колючей раме» (1984) и др.

Демидов Максим – бывший сотрудник общественного фонда «Гласность», сменный редактор бюллетеня «Ежедневная гласность».

Денисов Юрий Сергеевич (р. 1951) – один из организаторов партии «Демократический Союз». Давал показания в КГБ о распространении антисоветской литературы писателем Г. Н. Владимовым.

Деньё Жан-Франсуа – председатель комитета по правам человека Сената Франции.

Джилас Милован (1911–1995) – югославский политический деятель и историк, автор концепции «нового класса» (и одноименной книги: Đilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System; 1957) – партийной номенклатуры, правящей в странах Варшавского договора. В 1954 г. выступил в печати с предложением демократизации партии и государства. Политзаключенный (в 1954 г. получил полтора года условно; в заключении в 1956–1961 и 1961–1966 гг.). Автор журнала «Гласность».

Джордж Хендрик – американский журналист.

Дзасохов Александр Сергеевич (р. 1934) – посол СССР в Сирии (1986–1988), первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС (1988–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). Президент Республики Северная Осетия – Алания (1998–2005).

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – революционер, советский государственный деятель. Председатель ВЧК (1917–1918 и 1918–1922), ГПУ (1922–1923), ОГПУ (1923–1926). Народный комиссар путей сообщения СССР (1919–1923). Народный комиссар внутренних дел РСФСР (1923–1924). С 1924 г. председатель Высшего совета народного хозяйства СССР.

Дисней Уолт (Уолтер Элайас) (1901–1966) – американский художник-мультипликатор, кинорежиссер, актер, сценарист, продюсер, основатель киностудии.

Добрынин Анатолий Федорович (1919–2010) – посол СССР в США (1962–1986). Заведующий Международным отделом ЦК КПСС (1986–1988). Депутат Верховного Совета СССР (1986–1989). Автор мемуаров «Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)» (1996).

Долгий-Рапопорт Владимир Микулович (1929–2016) – сотрудник Сахаровского центра.

Долгоруков Яков Фёдорович (1639–1720) – советник Петра I. Военачальник и государственный деятель.

Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – прозаик, поэт,

литературный критик В 1932 г. приговорен по статье 58–10 УК РСФСР к трем годам высылки в Казахстан. В 1939 г. арестован, в 1940 г. приговорен по статье 58–10 УК РСФСР к восьми годам заключения. Срок отбывал в колымских лагерях. В 1949 г. приговорен по статье 58–10 УК РСФСР к десяти годам заключения. Срок отбывал на Крайнем Севере и в Озерлаге (Тайшет, Иркутская область). В 1955 г. освобожден. Умер от последствий побоев, нанесенных ему в фойе ресторана Центрального дома литераторов (вскоре после публикации во Франции на русском языке романа «Факультет ненужных вещей» в 1978 г.).

Дора Акимовна, см. Шенберг.

Доренко Сергей Леонидович (1959–2019) – журналист. Бывший сотрудник телеканалов РТР и ОРТ; главный редактор радиостанции «Русская служба новостей» (2008–2013). Главный редактор радиостанции «Говорит Москва» (2014–2019).

Дубов Сергей Леонидович (1943–1994) – журналист, издатель, предприниматель и меценат. Заместитель ответственного секретаря еженедельника «Книжное обозрение» в 1972–1988 гг. Основатель первой в России газеты бесплатных объявлений «Всё для вас» (1991). В 1992–1994 гг. владелец издательского дома «Новое время». Застрелен (вскоре после убийства его сына). Убийство осталось нераскрытым.

Дубчек Александр (1921–1992) – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в январе 1968 – апреле 1969 г.; главный инициатор курса реформ, известных как Пражская весна.

Дугин Александр Гельевич (р. 1962) – публицист. Много раз менял взгляды, в конце концов остановился на евразийстве.

Дудаев Джохар Мусаевич (1944–1996) – в 1990–1991 гг. лидер Общенационального конгресса чеченского народа, президент Чечни (1991–1996). Генерал-майор авиации (единственный генерал чеченского происхождения в советской армии). Убит.

Дудко Дмитрий Сергеевич (1922–2004) – священник. В 1948 г. за публикацию своих стихов в газете, контролировавшейся немецкими оккупационными властями в 1942 г., приговорен к десяти годам лагерей с последующими пятью годами поражения в правах по статье 58–10 УК РСФСР. Срок отбывал в Минлаге (Коми АССР). В 1956 г. освобожден. В 1980 г. после ареста за публикацию проповедей за рубежом и обвинения по статье 70 УК РСФСР последовало его открытое «покаянное» письмо и «покаянное» выступление по телевидению. В 1981 г. дело прекращено.

Дундина Галина Константиновна – председатель

региональной общественной благотворительной организации «Правозащитный центр Архангельской области».

Дюжева (Дюжева-Вольюн) Наталья Павловна (1949–1990) – секретарь Фонда помощи политическим заключенным. Заместитель главного редактора газеты «Русская мысль». Сотрудник журнала «Континент» (1980).

Евграфов Николай Иванович (1904–1941) – живописец, график, театральный художник.

Евстафьев Аркадий Вячеславович (р. 1960) – бывший сотрудник аппарата правительства РФ. Выпускник Высшей школы КГБ (1986). Оперативный работник Управления КГБ по Саратовской области (1986–1988). Второй секретарь Управления информации МИД СССР, затем РФ (1990–1992). Пресс-секретарь первого заместителя председателя правительства РФ (1991–1992). В 1995–1996 гг. заместитель генерального директора компании ОРТ. Задержан 19 июня 1996 г. вместе с С. Ф. Лисовским при попытке вынести из Белого дома коробку из-под ксерокса с суммой в полмиллиона долларов. Член партии «Союз правых сил» в 1999–2008 гг. В 2002–2005 гг. генеральный директор компании «Мосэнерго».

Егоров Борис Григорьевич (1892–1972) – нейрохирург, академик.

Ежов Николай Иванович (1895–1940) – народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938). Расстрелян.

Екатерина II (1729–1796) – русская императрица (1762–1796).

Елисеенко Валентин Юзефович (р. 1950) – журналист.

Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – в 1976–1985 гг. первый секретарь Свердловского областного комитета КПСС. Сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Президент РФ (1991–1999).

Ельцина Наина Иосифовна (р. 1932) – супруга Б. Н. Ельцина.

Ельчин Владимир Андреевич (р. 1940) – советский политзаключенный. В 1963 г. по статьям 70 и 72 УК РСФСР осужден на два года лагерей. Срок отбывал в Читинской области (БАМлаг). Освобожден в 1965 г. В 1982 г. за распространение самиздата приговорен к пяти годам лагерей по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. Освобожден в 1987 г. Эмигрировал в Израиль.

Ермилов Василий Дмитриевич (1894–1968) – украинский художник-авангардист и дизайнер.

Ерофеев Венедикт Васильевич (1938–1990) – писатель. Автор книги «Москва-Петушки» (1973) и др.

Жаворонков Геннадий Николаевич (1941–2006) – журналист. Член Фонда Андрея Сахарова, Совета музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Сотрудничал с газетами «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Московские новости», «Общая газета».

Жбанков Владимир Николаевич – заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве.

Жданов Александр Павлович (1938–2006) – художник. Участник андерграундной художественной жизни в СССР. Участник «Бульдозерной выставки» (1974). С 1987 г. в эмиграции в Австрии, затем в США.

Жегалло Владимир Ильич (р. 1938) – сотрудник Палеонтологического института имени А. А. Борисяка РАН и Государственного геологического музея имени В. И. Вернадского.

Жегин Лев Федорович (настоящее имя и фамилия Шехтель Лев Францевич;

1892–1969) – живописец и теоретик искусств. Автор книги «Язык живописного произведения» (1970).

Жене Жан (1910–1986) – французский писатель и драматург.

Живило Михаил Юрьевич (р. 1966) – предприниматель и инвестор. С 2000 г. во Франции. В 2005 г. получил пожизненный статус политического беженца.

Живков Тодор Христов (1911–1998) – генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (1954–1989).

Жириновский Владимир Вольфович (р. 1946) – основатель и председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР) с 1989 г., депутат Государственной Думы с 1993 г.

Жолковская Арина Сергеевна – см. Гинзбург Арина Сергеевна.

Жуков Анатолий Николаевич (р. 1931) – писатель, сотрудник издательства «Советский писатель».

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – советский военачальник. Министр обороны СССР (1955–1957). Автор мемуаров «Воспоминания и размышления» (1969).

Жуков Юрий Александрович (1908–1991) – журналист-международник, публицист, переводчик.

Замойская Элен – см. Пельтье-Замойская Элен.

Замойский Огюст (Auguste Zamoyski, 1893–1970) – художник, скульптор; в молодости был дружен со Станславом Игнацы Виткевичем, участвовал в создании экспрессионистского художественного движения, которое в 1919 г. получило название Formisme. В 1924 г. переехал в Париж, был близок к Моисею Кислингу, Тристану Царе. С 1940 по 1955 г. жил в Сан-Паулу, потом вернулся в Париж, жил в доминиканском монастыре. В 1957 г. поселился в районе Тулузы, в Сен-Клар-де-Ривьер, с Элен

Пельтье, профессором русской литературы.

Замощин – руководитель кооператива реставраторов «Акант».

Занусси Кшиштоф (р. 1939) – польский кинорежиссер, сценарист и продюсер.

Заславская Татьяна Ивановна (1927–2013) – социолог и экономист. Академик РАН (ранее АН СССР). Президент Советской социологической ассоциации (1986–1991). Директор ВЦИОМ (1988–1992). Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Член оргкомитета конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Заславский Илья Иосифович (р. 1960) – член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991), один из организаторов движения «Демократическая Россия» (1990), председатель Октябрьского районного Совета народных депутатов г. Москвы (1990–1991), депутат Государственной Думы (1993–1995). В 1998 г. заместитель министра РФ по земельной политике, строительству и жилищно-коммунальному хозяйству. В 1999–2003 гг. заместитель председателя Государственного комитета РФ по строительству и жилищно-коммунальному комплексу.

Зачек Павел – первый директор Чешского института исследования тоталитарных режимов.

Зверев Анатолий Тимофеевич (1931–1986) – художник-авангардист.

Зимин Сергей Иванович (1875–1942) – театральный деятель, меценат. Основатель Музея оперного театрального искусства (1904). Организатор собственного частного театра «Опера С. И. Зимина» (1904). После революции театр и музей национализированы. В 1918 и 1921–1923 Сергей Иванович Зимин – художественный консультант МХАТа. В 1924–1942 – художественный консультант филиала Большого театра.

Зимина Ирина Сергеевна (1919–1966) – дочь С. И. Зимина.

Зимянин Михаил Васильевич (1914–1995) – главный редактор газеты «Правда» (1965–1976). В 1976–1987 гг. секретарь ЦК КПСС, ответственный за идеологические вопросы (наука, образование, культура, спорт, СМИ и др.). Депутат Верховного Совета СССР в 1946–1954 и 1966–1989 гг.

Зиновьев (настоящая фамилия Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – революционер, советский государственный деятель. С декабря 1917 по март 1918 г. председатель Петроградского (впоследствии Ленинградского) Совета. С 1919 по 1926 г. председатель Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1919–1921), член Политбюро ЦК

партии (1921–1926). Расстрелян.

Золотухин Борис Андреевич (р. 1930) – адвокат, правозащитник, член Московской Хельсинкской группы с 1989 г. Депутат Государственной Думы (1993–1995).

Зюганов Геннадий Андреевич (р. 1944) – лидер КПРФ с 1993 г., депутат Государственной Думы с 1993 г.

Ибаррури Долорес (Пассионария; 1895–1989) – деятель испанского и международного коммунистического движения, активный участник республиканского движения в годы Гражданской войны 1936–1939 гг., затем деятель эмигрантской оппозиции диктатуре Франко. В начале 1960-х гг. получила советское гражданство. В 1942–1960 гг. генеральный секретарь, а с 1960 г. до конца жизни председатель Коммунистической партии Испании.

Иваненко Виктор Валентинович (р. 1947) – генерал-майор ФСБ. В органах государственной безопасности СССР и РСФСР с 1970 по 1992 г. В 1991 г. первый председатель КГБ РСФСР.

Иванидзе Владимир Лендрошевич – журналист.

Иванов Анатолий Степанович (1928–1999) – писатель. Автор книг «Тени исчезают в полдень» (1964) и «Вечный зов» (1970, 1976).

Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1929) – лингвист, семиотик, антрополог. Академик РАН по Отделению литературы и языка (2000). Автор книг по исторической и сравнительной лингвистике (прежде всего индоевропейских языков), психолингвистике, семиотике, математической лингвистике, литературоведению, истории культуры, антропологии.

Иванов Евгений – сотрудник КГБ.

Иванов Сергей – физик, сотрудник Московского физико-технического института (МФТИ). Один из создателей «Группы за установление доверия между СССР и США» (1982).

Иванов Сергей Борисович (р. 1953) – заместитель директора ФСБ (1998–1999), секретарь Совета безопасности РФ (1999–2001), министр обороны РФ (2001–2007). Вице-премьер (2007–2011). В 2011–2016 гг. руководитель администрации президента РФ. Генерал-полковник в отставке.

Иванько Александр Сергеевич – эксперт ОБСЕ по балканским странам. Представитель по связям со средствами массовой информации ОБСЕ.

Иваньков Вячеслав Кириллович («Япончик»; настоящая фамилия Иванков; 1940–2009) – криминальный авторитет и вор в законе.

Ивасюк Владимир Михайлович (1949–1979) – украинский поэт-песенник и композитор, художник. Был найден повешенным

в лесу.

Ивлюшкин Николай Петрович (р. 1958) – заключенный советских лагерей в 1978–1986 гг., приговоренный в 1979 г. к шести годам заключения по статье 56 УК УССР (аналог статьи 64 УК РСФСР). Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. В заключении в 1984 г. получил дополнительный срок по статье 188-3 УК РСФСР. Освобожден в 1986 г. из архангельских лагерей.

Извеков Сергей Михайлович, см. Пимен, митрополит.

Изюмов Юрий Петрович (р. 1932) – журналист. В 1970–1980 гг. помощник первого секретаря Московского горкома КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришина. В 1980–1990 гг. первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», затем до 2008 г. главный редактор газеты ЦК КПСС «Гласность». В советские годы – заместитель главного редактора газет «Московский комсомолец», «Пионерская правда», «Вечерняя Москва».

Илашку Илие (р. 1952) – молдавский и румынский политический деятель. В 1993–2001 гг. – в заключении в Приднестровье. Депутат Парламента Молдавии в 1994–2000 гг. и сенатор Румынии в 2000–2008 гг.

Илларионов Андрей Николаевич (р. 1961) – экономист. В 1992–1993 гг. первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ, руководитель группы анализа и планирования при председателе правительства РФ (1993–1994), советник президента РФ (2000–2005).

Иловайская-Альберти Ирина Алексеевна (1924–2000) – журналистка. С 1967 г. в течение нескольких лет вела передачи на Радио Свобода. В 1976–1979 гг. – одна из ближайших сотрудников и секретарь А. И. Солженицына в Вермонте, США. С 1979 г. до конца жизни главный редактор газеты «Русская мысль». С 1982 г. член редколлегии журнала «Континент».

Ильф (настоящая фамилия Файнзильберг) Илья Арнольдович (1897–1937) – писатель, журналист и сценарист. Соавтор Е. П. Петрова.

Илюмжинов Кирсан Николаевич (р. 1962) – выпускник школы КГБ, с 1984 г. резидент в Японии. Президент Республики Калмыкия (1993–2005), первый глава Республики Калмыкия (2005–2010). Президент Международной шахматной федерации (с 1995).

Илюхин Виктор Иванович (1949–2011) – в 1986–1989 гг. заместитель начальника главного следственного управления в Генеральной прокуратуре СССР. В 1989–1991 гг. начальник управления по надзору за исполнением законов о

государственной безопасности, член коллегии прокуратуры и старший помощник генерального прокурора СССР. Депутат Государственной Думы (с 1993 г.), член фракции КПРФ.

Илюшенко Владимир Ильич (р. 1932) – председатель правления политического дискуссионного клуба «Московская трибуна», член Комиссии по помилованиям при президенте РФ (до 2001).

Иовлева Лидия Ивановна (р. 1931) – искусствовед, первый заместитель генерального директора Государственной Третьяковской галереи по научной работе в 2002–2013 гг.

Иодковский Эдмунд Феликсович (1932–1994) – поэт, автор сборников стихов. В 1992–1994 гг. главный редактор газеты «Литературные новости». Сбит автомашиной.

Иофе (Прохорова) Ольга Юрьевна (р. 1950) – участница правозащитного движения. В 1969 г. за подготовку партии листовок антисоветского содержания арестована, обвинялась по статье 70 УК РСФСР, направлена на принудительное лечение. До 1971 г. содержалась в Казанской специальной психиатрической больнице. Участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. Эмигрировала в 1978 г., живет в Париже. В 1989–2006 гг. секретарь редакции газеты «Русская мысль». Жена В. И. Прохорова.

Иоффе Леонид (р. 1954) – тележурналист. В 1991–1997 гг. работал комментатором, затем начальник информационно-аналитического отдела программы «Вести» на ВГТРК. Автор многочисленных комментариев по вопросам внутренней и внешней политики России и зарубежных стран, репортажей по ситуации в горячих точках России и СНГ (Нагорный Карабах, Чеченская Республика, Таджикистан), репортажей по памятным датам и выставкам по истории России, Армении и СССР, истории литературы и живописи. В 1997–2013 гг. – обозреватель программы «События» на канале ТВ-Центр.

Ирзабеков Фазиль Давуд оглы (Василий Давыдович) (р. 1953) – филолог-языковед, писатель; директор Православного центра во имя святого Луки (Войно-Ясенецкого). Автор книги «Тайна русского слова» (2007).

Исаев Андрей Константинович (р. 1964) – в годы перестройки организатор и лидер ряда объединений анархистской направленности. Организатор «Демократической фракции ВЛКСМ» (1988). В 1995–2001 гг. секретарь, с 2001 г. – заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России. С 1998 г. председатель Федерального совета общероссийского движения «Союз труда». Депутат Государственной думы с 1999 г. Член и один из лидеров партии

«Единая Россия» с 2001 г. В 2014 г. заместитель председателя Государственной думы. В 2017 г. стал членом Высшего совета «Единой России».

Искандер Фазиль Абдулович (1929–2016) – писатель и поэт. В конце 1970-х гг. публиковался в журнале «Юность», в зарубежных изданиях, в самиздатском общественно-политическом журнале «Поиски» (1978–1980). Автор книг «Сандро из Чегема» (1973), «Кролики и удавы» (1982) и др.

Каддафи Муаммар (1942–2011) – глава Ливийского государства (1969–2011). Казакова Римма Федоровна (1932–2008) – поэт.

Казанник Алексей Иванович (р. 1941) – юрист, член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1989 г., будучи избранным в Верховный Совет СССР, уступил свое место Б. Н. Ельцину. Генеральный прокурор РФ (1993–1994), заместитель губернатора Омской области (1996–2003).

Казанцев Владимир Михайлович – выпускник Высшей школы КГБ (1971), сотрудник КГБ до 1990 г. Основатель фирмы «Инвестлок» (установка и сервисное обслуживание охранных систем; 1991).

Казачков Михаил Петрович (р. 1944) – политзаключенный, отбывавший наказание в Чистопольской тюрьме одновременно с С. И. Григорьянцем. Работал в Отделе теоретической физики ФизТеха им. А. Ф. Иоффе в Ленинграде. Арестован в 1975 г., через 10 дней после подачи документов в ОВИР на выезд за рубеж на постоянное место жительства. В 1976 г. приговорен к пятнадцати годам лишения свободы по статьям 88-1, 64а, 15–78, 78, 154-2 УК РСФСР. Срок отбывал в пермских лагерях, Дубравлаге (Мордовия), в Чистопольской тюрьме. В 1980 г. приговорен к трем годам и шести месяцам лишения свободы по статье 206-2 УК РСФСР. Срок отбывал в Чистопольской тюрьме. освобожден в 1990 г. В июле 1991 года Президиум Верховного Суда РСФСР отменил «измену Родине» и ряд других статей и эпизодов обвинения за отсутствием состава преступления. В 1991/92 и 1992/93 академических годах был сотрудником Программы Прав Человека Школы Права Гарвардского Университета; с 1993 по 1997 г. – Центра Международных Коммуникаций Флетчеровской Школы Права и Дипломатии Тафтского Университета. Стал автором и редактором ряда публикаций, в том числе подготовленных для государственных органов РФ. С 1996 г. действовал в качестве делового консультанта в коммерческой сфере, прежде всего в области электоронных СМИ, телекоммуникаций, высоких технологий,

интеллектуальной собственности и проблем глобализации.

Кайдановский Александр Леонидович (1946–1995) – актер, режиссер, сценарист.

Каллистратова Софья Васильевна (1907–1989) – адвокат, правозащитник. Член Московской Хельсинкской группы (1977–1982), участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. В 1977–1981 гг. юрист-консультант Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской Хельсинкской группе.

Калманович Шабтай Генрихович (1947–2009) – израильский и российский предприниматель. В 1987 г. приговорен властями Израиля к девяти годам заключения за шпионаж в пользу СССР. Отбыл пять с половиной лет в израильской тюрьме, в 1993 г. помилован и освобожден. Был владельцем фармацевтической фирмы, банка. Советник губернатора Московской области Б. В. Громова. Убит, убийство не раскрыто.

Калмыков Юрий Хамзатович (1934–1997) – юрист-цивилист, министр юстиции РФ (1993–1994). В знак протеста против войны в Чечне ушел в отставку с поста министра юстиции РФ, вышел из состава Совета безопасности РФ. Член Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Калугин Александр Ильич (р. 1949) – художник.

Калугин Олег Данилович (р. 1934) – бывший генерал-майор КГБ (в КГБ с 1952 по 1989), бывший резидент КГБ в США, бывший начальник Управления внешней контрразведки (1973–1979). В 1980–1987 гг. первый заместитель начальника управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. В 1990–1992 гг. народный депутат СССР. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1990–1991). В США с 1995 г., гражданин США с 2003 г. В РФ в 2002 г. заочно осужден по статье 275 УК РФ и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. По приговору Мосгорсуда лишен воинского звания, персональной пенсии и двадцати двух государственных наград СССР.

Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – революционер, советский партийный и государственный деятель. С 7 по 17 ноября 1917 г. председатель ВЦИК. Председатель Моссовета (1918–1926). Член Политбюро ЦК РКП (б) в 1919–1925 гг. Заместитель председателя СНК РСФСР (1922–1924). Заместитель председателя СНК СССР (1923–1926). В 1926 г. кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б). В 1926 г. народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР. Один из исполняющих обязанности главы правительства во время болезни В. И. Ленина. В 1936 г. осужден по делу «Троцкистско-

зиновьевского центра» и расстрелян.

Каминская Дина Исааковна (1919–2006) – адвокат и правозащитник. Защищала В. К. Буковского, Ю. Т. Галанскова, А. Т. Марченко, Л. И. Богораз, П. М. Литвинова. С 1971 г. лишена допуска к участию в политических процессах. В 1977 г. под угрозой ареста вместе с мужем была вынуждена эмигрировать в США. Член Московской Хельсинкской группы с 1989 г. автор книги «Записки адвоката» (1984).

Кара-Мурза Владимир Алексеевич (р. 1959) – журналист, теле- и радиоведущий, публицист. Бывший сотрудник телеканалов НТВ, ТВ-6, RTVi, радио «Эхо Москвы». Сотрудник Радио Свобода.

Карлинский Василий (р. 1925) – французский журналист русского происхождения (родился в Чехословакии); по образованию экономист, с 1933 г. во Франции. Внештатный сотрудник газеты «Либерасьон».

Карпов Владимир Васильевич (1922–2010) – прозаик, публицист. Заместитель главного редактора журнала «Октябрь» (1973–1981). Главный редактор журнала «Новый Мир» (1981–1986). Депутат Верховного Совета СССР (1984–1989). Первый секретарь правления Союза Писателей СССР (1986–1991). Народный депутат СССР (1989–1991). Автор книг о Великой Отечественной войне.

Карпович Ярослав Васильевич – бывший полковник КГБ.

Картер Джимми (р. 1924) – президент США (1977–1981).

Карякин Юрий Федорович (1930–2011) – литературовед, писатель, публицист. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Автор работ о творчестве Ф. М. Достоевского.

Катерли Нина Семеновна (р. 1934) – писатель, публицист. Член ПЕН-клуба с 1995. Активно занимается правозащитной деятельностью, ею написаны и опубликованы десятки газетных статей, посвященных борьбе за права человека, нацистской угрозе в России, положению стариков и проч.

Кашеварова Ольга Анатольевна (р. 1950) – бывший юрист общественного фонда «Гласность».

Кеворков Вячеслав Ервандович (1924–2017) – сотрудник органов государственной безопасности СССР с 1950 г., генерал-майор КГБ; публицист. Доверенное лицо Ю. В. Андропова. Автор книг «Виктор Луи. Человек с легендой» (2910), «О чем говорят президенты? Секреты первых лиц» (2011) и др.

Келлер Билл (р. 1949) – американский журналист. С 1984 г. в вашингтонском бюро «The New York Times». В 1986–1991 гг. корреспондент этой газеты в СССР, в 1989–1991 гг. руководитель

ее московского бюро. В 2003–2011 гг. главный редактор «The New York Times».

Кеннеди Джон Фицджеральд (1917–1963) – президент США (1961–1963).

Кеннеди Эдвард Мур (1932–2009) – сенатор США от штата Массачусетс (1962–2009). Член Демократической партии США. Младший брат президента США Дж. Ф. Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди.

Кивелиди Иван Харлампиевич (1949–1995) – предприниматель, председатель президиума объединения «Круглый стол бизнеса России». Банкир, с 1991 г. основатель и президент «Росбизнесбанка». В 1992 г. член Совета по предпринимательству при президенте РФ. Отравлен в кремлевском кабинете радиоактивным веществом, нанесенным на телефонную трубку. Этим же веществом отравилась его секретарь, а позднее эксперт, вскрывавший тело Кивелиди.

Кизелов Федор Федорович (р. 1945) – биохимик, участник правозащитного движения. Участник издания правозащитного «Бюллетеня В». С 1987 г. в эмиграции.

Ким Евгений Николаевич (р. 1946) – народный депутат РФ (1990–1993).

Киркленд Джозеф Лейн (1922–1999) – представитель американского профсоюзного движения, многолетний лидер АФТ-КПП (Американская федерация труда/Конгресс производственных профсоюзов – American Federationof Labor and Congress of Industrial Organizations (AFL–CIO); член Совета директоров Польско-американского фонда предпринимательства, один из инициаторов создания Польско-американского фонда Свободы. В 1980-х гг. оказывал поддержку польской «Солидарности». Через год после его смерти была создана стипендиальная программа, названную его именем, которая по модели программы Фулбрайта адресована молодым лидерам и экспертам из Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии и реализована в форме стипендий в польских университетах (Kirkland Program).

Кирпичников Андрей Юрьевич (р. 1966) – журналист, корреспондент журнала «Гласность». Основатель некоммерческого историко-просветительского проекта «Маленькие истории». Ведущий на радио «Маяк».

Кирпичников Юрий Александрович (1939–2009) – журналист, сотрудник газеты «За рубежом», журналов «Проблемы мира и социализма» (Прага) и «Коммунист». Член Правления Российского союза промышленников и предпринимателей.

Кистяковский Андрей Андреевич (1936–1987) – переводчик

художественной литературы с английского языка (в том числе совместно с В. С. Муравьёвым романа Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»), правозащитник. Распорядитель Фонда помощи политзаключенным (1983).

Кичихин Александр Николаевич (р. 1950) – юрист, адвокат, преподаватель Московского государственного юридического университета. Подполковник КГБ в отставке.

Клеточников Николай Васильевич (1846–1883) – революционер, агент исполнительного комитета партии «Народная Воля», сотрудник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи. Приговорен к смерти, казнь заменена заключением, умер в тюрьме.

Клинтон Билл (р. 1946) – президент США (1993–2001).

Коатс (Коутс) Кен (1930–2010) – член Европарламента (1989–1999) от Лейбористской партии. В течение пяти лет президент подкомитета Европарламента по правам человека. Автор книг по вопросам политической философии, экономики, разоружения, демократии, прав человека.

Кобаладзе Юрий Георгиевич (р. 1949) – сотрудник ПГУ КГБ (1972–1991). В 1977–1984 гг. корреспондент Гостелерадио в Лондоне. В 1991–1999 гг.

руководитель Пресс-бюро Службы внешней разведки РФ. В 1999–2000 гг. первый заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС. Генерал-майор в отставке. Ведущий радио «Эхо Москвы».

Ковалёв Валентин Алексеевич (р. 1944) – депутат Государственной Думы (1993–1995), министр юстиции РФ (1995–1997). Автор мемуаров «Версия министра юстиции» (2002).

Ковалёв Иван Сергеевич (р. 1954) – инженер-энергетик, участник правозащитного движения, сын С. А. Ковалёва; член Московской Хельсинкской группы, участник деятельности Фонда помощи политзаключенным, издания «Хроники текущих событий» и в 1980–1981 гг. «Бюллетеня В». В 1981 г. арестован, в 1982 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к пяти годам лагеря и пяти годам ссылки. В 1982–1986 гг. в пермской политической зоне строгого режима, в 1986–1987 гг. в ссылке в Костромской области. В 1987 г. освобожден, в том же году эмигрировал. Живет в Нью-Йорке, работает программистом.

Ковалёв Николай Дмитриевич (р. 1949) – сотрудник органов госбезопасности с 1974 г., директор ФСБ (1996–1998), генерал армии (1997), депутат Государственной Думы с 1999 г.

Ковалёв Сергей Адамович (р. 1930) – правозащитник. С 1969 г. член «Инициативной группы защиты прав человека в СССР». С 1971 г. один из редакторов «Хроники текущих событий».

С 1974 г. член московской группы «Amnesty International». В 1974 г. арестован, в 1975 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к семи годам лишения свободы и трем годам ссылки. Срок отбывал в пермских политических зонах строгого режима) и в Чистопольской тюрьме, ссылку – в Магаданской области. После ссылки жил в Калинине (ныне Тверь). В Москву вернулся в 1987 г. С 1990 г. один из сопредседателей общества «Мемориал». В 1990–1993 гг. депутат Верховного совета России от избирательного блока «Демократическая Россия», член президиума Верховного Совета РФ, председатель Комитета по правам человека Верховного Совета. В 1990–1992 гг. член депутатской группы (фракции) «Демократическая Россия». В 1993 г. один из лидеров (вместе с Е. Т. Гайдаром и Э. А. Памфиловой) избирательного списка движения «Выбор России». Депутат Государственной думы (1993–2003). В 1993–1996 гг. председатель Комиссии по правам человека при президенте РФ, в 1994–1996 гг. первый Уполномоченный по правам человека в РФ, ушел в отставку в знак протеста против войны в Чечне. Один из учредителей и в 1994–2001 гг. член политсовета партии «Демократический выбор России». В 1996–2003 гг. член Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Член партии «Яблоко» (с 2006).

Ковалёва Ирина Юрьевна – редактор отдела русской прозы издательства «Советский писатель» (1973–1992), консультант Комиссии по Государственным премиям РФ в области литературы и искусства (1994–1996), редактор отдела прозы журнала «Октябрь» (1996–1998), эксперт премии «Большая книга» (2009). Вдова А. М. Адамовича.

Кодрянская Наталья Владимировна (1901–1983) – писательница, мемуарист. С 1919 г. в эмиграции. Автор монографии «Алексей Ремизов» (1959) и др.

Кожевникова Алёна (Елена Глебовна; р. 1943) – журналистка, сотрудница лондонского отделения Радио Свобода, соавтор и ведущая русских религиозных передач на Би-би-си и Радио Свобода с 1978 по 1992 г., организатор московского бюро Радио Свобода (1991).

Козырев Андрей Владимирович (р. 1951) – экс-министр иностранных дел России (1990–1996). Депутат Государственной Думы (1993–2001). После ухода с государственных постов бизнесмен. В настоящее время проживает с семьей в Майами (США). Автор мемуаров «Преображение» (1995).

Кокс Кэролайн (р. 1937) – член ивице-спикер британской Палаты лордов, социолог и правозащитник. Член Консультативного совета Фонда Андрея Сахарова.

Колби Уильям Иган (1920–1996) – директор ЦРУ (1973–1976).

Колесникова А. А. – прокурор, участвовавшая в деле К. Смрнова-Осташвили.

Коломиец Петр – правозащитник из Казахстана (?), участник шестой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Колосов Юрий Михайлович (1934–2015) – генерал КГБ, бывший резидент КГБ в Италии. Заведующий отделом прав человека МИД СССР. Преподаватель МГИМО.

Комарова Нина Михайловна (1937–2008) – химик-фармацевт, жена В. А. Некипелова. Участница деятельности Фонда помощи политзаключённым. В 1987 г. эмигрировала во Францию, жила в Париже. Автор мемуаров «Книга любви и гнева».

Кондауров Алексей Петрович (р. 1949) – генерал-майор КГБ в отставке. В КГБ с 1973 по 1991 г. Руководитель Центра общественных связей ФСК – ФСБ. В 1994–2003 гг. начальник информационного управления банковско-промышленной группы «Менатеп», нефтяной компании «ЮКОС».

Кондратов Пётр Емельянович (р. 1953) – судья Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ.

Коновалов Александр Александрович (р. 1944) – президент Института стратегических оценок, политический консультант Первого канала. Преподаватель МГИМО и ВШЭ.

Константин Иванович – см. ……прадед С. И. Григорьянца.

Константинов Илья Владиславович (р. 1956) – в 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РФ. В 2008–2011 гг. в партии «Справедливая Россия». Член «Российского общенародного союза».

Коптюг Валентин Афанасьевич (1931–1997) – химик, вице-президент РАН.

Корвалан Луис (1916–2010) – генеральный секретарь Коммунистической партии Чили (1958–1989). Получил в СССР политическое убежище после обмена на советского политзаключенного В. К. Буковского.

Коржаков Александр Васильевич (р. 1950) – в 1970–1989 гг. сотрудник Девятого управления КГБ (охрана высших партийных и государственных деятелей). «Добровольно» остался охранником Б. Н. Ельцина после удаления последнего из Политбюро. Начальник службы безопасности президента РФ (1991–1996), генерал-майор, депутат Государственной Думы (1997–2011). Автор книг «Борис Ельцин: от рассвета до заката» (1997), «Ближний круг «царя Бориса»» (2012).

Корзинина Ольга Викторовна – супруга Л. Я. Волохонского.

Корзун Сергей Львович (р. 1956) – журналист, медиа-менеджер, в 1978–1990 гг. – диктор, затем ведущий программ на Иновещании Гостелерадио СССР (французская редакция).

Основатель и первый главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» (1990–1996). Сотрудник радио «Эхо Москвы» в 1990–2015 гг. Преподаватель ВШЭ.

Корольков Игорь Викторович (р. 1951) – журналист. Бывший сотрудник «Комсомольской правды», «Известий», «Российской газеты», «Московских новостей», «Новой газеты».

Коротич Виталий Алексеевич (р. 1936) – журналист, поэт, прозаик, публицист. Главный редактор журнала «Огонёк» (1986–1991). Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Автор книги мемуаров «От первого лица» (2000).

Корягин Анатолий Иванович (р. 1938) – врач-психиатр, советский политзаключенный. С 1979 г. участник (в качестве врача-консультанта) Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской Хельсинкской группе. В 1981 г. за публикацию за рубежом статьи с критикой использования психиатрии в политических целях приговорен по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) и статье 218-1 УК РСФСР к семи годам лагерей строгого режима и к пяти годам ссылки. Отбывал срок в пермской политической зоне строгого режима, затем в Чистопольской тюрьме. В 1987 г. освобожден, эмигрировал. В 1995 г. вернулся в Россию. Почетный член Всемирной психиатрической ассоциации.

Косгроув Саймон – представитель Европейской Комиссии в России.

Костава Мераб Иванович (1939–1989) – грузинский советский политзаключенный, музыкант и поэт. В 1957 г. за участие в подпольной молодежной организации приговорен по статьям 58–10 и 58–11 УК ГССР (соответствуют тем же статьям в УК РСФСР) к четырем годам лишения свободы (условно). В 1959 г. по статье 72 УК ГССР (аналог статьи 73 УК РСФСР) приговорен к трем годам лишения свободы (условно). С 1975 г. член «Amnesty International». В 1976 г. один из основателей Грузинской Хельсинкской группы (в 1989 г. переименована в Грузинский Хельсинкский союз). В 1977 г. арестован, в 1978 г. приговорен к трем годам заключения и двум годам ссылки по статье 71 УК ГССР (аналог статьи 70 УК РСФСР). Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима, ссылку – в Иркутской области. В 1982 г. приговорен по статье 206 УК РСФСР к пяти годам заключения. В 1985 г. приговорен по статье 188-3 УК РСФСР к трем годам заключения с присоединением неотбытого срока, всего три года шесть месяцев заключения и три месяца ссылки. В 1987 г. освобожден. Один из лидеров движения за независимость Грузии в конце 1980-х гг. Погиб в автокатастрофе

при неясных обстоятельствах.

Костанов Юрий Артемьевич (р. 1941) – адвокат. С 1983 г. в центральном аппарате Прокуратуры СССР. В 1989–1993 гг. начальник Управления юстиции г. Москвы. С 1993 г. в адвокатуре. В 1993 г. – организатор и председатель президиума Московской коллегии адвокатов «Адвокатская палата».

Кочетов Константин Алексеевич (р. 1932) – военачальник, генерал армии. В 1989–1991 гг. первый заместитель Министра обороны СССР. Народный депутат СССР в 1989–1991 гг.

Коэн Стивен Фрэнд (р. 1938) – американский историк, специализирующийся на истории СССР. В 1968–1998 гг. профессор Принстонского университета. Советник президента США Дж. Буша-старшего. Автор книг «Бухарин: Политическая биография. 1888–1938» (русский перевод – 1988), «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России» (русский перевод – 2001), «Можно ли было реформировать Советскую систему?» (русский перевод – 2005), «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» (русский перевод – 2007), «Долгое возвращение: Жертвы ГУЛАГа после сталинизма» (русский перевод – 2009), «Жизнь после ГУЛАГа: Возвращение сталинских жертв» (русский перевод – 2011).

Кравченко Леонид Петрович (р. 1938) – журналист, народный депутат СССР (1989–1991). Председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию (1990–1991).

Крамарев Аркадий Григорьевич (р. 1938) – начальник ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1990–1994). Депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с 1994 г. Член фракции «Единая Россия».

Красавченко Сергей Николаевич (р. 1940) – российский политик. В августе 1991 г. во время ГКЧП входил в состав находившегося в Свердловске «резервного правительства», созданного на случай ареста или гибели руководства России, и представлял в нем Верховный Совет РСФСР. В сентябре 1991 г. выдвигался мэром Москвы Гавриилом Поповым в качестве кандидата на пост начальника Главного Управления внутренних дел Москвы, но отказался от возможности такого назначения. В 1993–1996 гг. первый заместитель руководителя администрации президента РФ, советник президента РФ по культуре. Ректор Международного университета в Москве.

Красилин Михаил Михайлович (р. 1943) – искусствовед, автор книг об иконописи. С 1973 г. заведующий сектором экспертизы Государственного научно-исследовательского института реставрации.

Красин Виктор Александрович (р. 1929) – экономист. В

1949 г. за критику марксизма-ленинизма приговорен по статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР к восьми годам лагерей. В том же году приговорен по статье 58–14 УК РСФСР к десяти годам лагерей. Срок отбывал на Колыме (в Берлаге). В 1954 г. освобожден. В 1968–1969 гг. участник издания «Хроники текущих событий». В 1969–1972 гг. член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1969 г. приговорен к пяти годам ссылки по статье 209 УК РСФСР. Ссылку отбывал в Красноярском крае до 1971 г. Вновь арестован в 1972 г., в 1973 г. признал себя виновным по статье 70 УК РСФСР, дал показания о двухстах членах демократического движения, заявил о своем раскаянии на публичной пресс-конференции, транслируемой по телевидению, отправлен в ссылку. С 1973 по 1975 гг. отбывал ссылку в Калинине (ныне Тверь). В 1975 г., до окончания срока ссылки, эмигрировал в США. Вернулся в Россию в 1991 г. Автор мемуаров «Суд» (1983).

Краснов Михаил Александрович (р. 1949) – юрист, в 1993–1995 гг. референт помощника президента РФ по национальной безопасности, помощник президента РФ Б. Н. Ельцина по правовым вопросам (1995–1998). С 1998 г. вице-президент, член президиума Фонда прикладных политических исследований «Информатика для демократии» (ИНДЕМ).

Крахмальникова Зоя Александровна (1929–2008) – публицист, правозащитник. Бывший сотрудник издательства «Советский писатель», журнала «Молодая гвардия», «Литературной газеты». В 1960–1970-х гг. – критик в журналах «Новый мир», «Знамя», «Молодая гвардия» и в «Литературной газете». В 1974 г. уволена с работы, лишена возможности печататься в СССР. В 1976 г. создатель, до 1982 г. редактор самиздатского православного журнала «Надежда», издавшегося за рубежом. В 1982 г. арестована, в 1983 г. по статье 70 УК РСФСР приговорена к году заключения и пяти годам ссылки, которую отбывала в Горном Алтае. Освобождена в 1987 г. Автор цикла работ «Горькие плоды сладкого плена» (о взаимоотношениях РПЦ и советского государства), книги «Слушай, тюрьма!» (1995).

Кривов Андрей Анатольевич (1961–2013) – историк, редактор. Член группы «Доверие» (с 1986). Недолго сотрудничал с журналом «Гласность». С 1988 г. в эмиграции во Франции. Сотрудник газеты «Русская мысль».

Кривова (урожденная Боброва) Ирина Вадимовна (р. 1960) – журналист. Жена А. А. Кривова. Член группы «Доверие». Недолго сотрудничала с журналом «Гласность». В 1988 г. эмигрировала во Францию. В 2000–2006 гг. главный редактор газеты «Русская мысль».

Кристи Ирина Григорьевна (р. 1937) – математик, правозащитник, участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. Подвергалась принудительным госпитализациям в психиатрическую больницу имени П. П. Кащенко (в 1965–1966 и 1972), домашним арестам (1977, 1980, 1984). В 1984 г. посетила в ссылке А. Д. Сахарова и предала международной огласке факт его голодовки. С 1985 г. в эмиграции в США. Бывший преподаватель математики в Бостонском и Саффолкском университетах. Живет в Бостоне.

Кристофер Уоррен Майнор (1925–2011) – государственный секретарь США (1993–1997).

Кротов Яков Гаврилович (р. 1957) – российский публицист и радиоведущий. Священник Украинской автокефальной православной церкви (обновленной). С 1997 г. ведет программу «С христианской точки зрени» на Радио Свобода.

Крочик Геннадий Михайлович (1949–2014) – физик из МФТИ. В 1982 г. вместе с десятью другими участниками создал «Группу за установление доверия между СССР и США». В 1987 г. помогал выпускать журнал «Гласность».

Кругляков Эдуард Павлович (1934–2012) – физик-экспериментатор, академик РАН, сотрудник Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР (РАН).

Крыштановская Ольга Викторовна (р. 1954) – социолог, специализируется на изучении советско-российских правящих групп. Автор книги «Анатомия российской элиты» (2003).

Крючков Владимир Александрович (1924–2007) – в 1955–1959 гг. сотрудник посольства СССР в Венгрии. С 1959 г. – в аппарате ЦК КПСС. Сотрудник возглавляемого Ю. В. Андроповым отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (в 1959–1963 гг. референт, в 1963–1965 гг. заведующий сектором). С 1967 г. в органах государственной безопасности. В 1967–1971 гг. начальник Секретариата КГБ. С 1971 г. первый заместитель, в 1974–1988 гг. начальник Первого главного управления КГБ (внешняя разведка). В 1978–1988 гг. заместитель председателя КГБ. В 1988–1991 гг. председатель КГБ. Член Политбюро ЦК КПСС (1989–1990). Автор мемуаров «Личное дело» (1996), «Личность и власть» (1998), «На краю пропасти» (2003), «Без срока давности» (2006).

Кугэн Кевин – американский журналист.

Кудрин Алексей Леонидович (р. 1960) – министр финансов РФ (2000–2011). Главный научный сотрудник Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара.

Кудричева Зоя Александровна (?–1994) – теща С. И. Григорьянца, мать Т. В. Григорьянц.

Кудрявцев Владимир Николаевич (1923–2007) – правовед, директор Института государства и права АН СССР (1973–1989). Академик АН СССР (1984), академик РАН (1991), вице-президент Академии наук (1988–2001). В 1989–1992 гг. народный депутат СССР. С 1997 г. член Совета при президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. Автор книг по криминологии.

Кузин Виктор Александрович – член партии «Демократический союз», депутат Моссовета.

Кузнецова Татьяна Георгиевна (р. 1925) – адвокат, член Московской городской коллегии адвокатов. Адвокат фонда «Гласность», член группы обвинителей Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Куклина Ида Николаевна (р. 1934) – с 1965 г. сотрудница Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), в том числе за рубежом (в странах Азии и Африки) в 1965–1970 гг., 1973–1976 гг. и 1980–1985 гг. Член (волонтер) Комитета солдатских матерей России с 1993 г., член Союза Комитетов солдатских матерей России с 1998 г. В 2002–2004 гг. член Комиссии по правам человека при президенте РФ.

Кулинская Елена Владимировна – участник правозащитного движения в СССР, сотрудница «Бюллетеня В». С 2010 г. профессор статистики в Университете Восточной Англии.

Кунгаева Эльза Висаевна (1982–2000) – чеченка, изнасилованная и убитая полковником Ю. Д. Будановым.

Куняев Станислав Юрьевич (р. 1932) – поэт, публицист, литературный критик, главный редактор журнала «Наш современник» (с 1989 г.). В 1991–1993 гг. в редколлегии газеты «День». Автор книги «Жрецы и жертвы Холокоста» (2017), в которой отрицает Холокост. Автор фразы «добро должно быть с кулаками».

Кургинян Сергей Ервандович (р. 1949) – публицист, театральный режиссер, телеведущий.

Кушнер Бернар (р. 1939) – французский врач, дипломат. Один из основателей организации «Врачи без границ» для помощи жертвам вооруженных конфликтов (1971). В 1988–1991 гг. министр по гуманитарным акциям и социальной интеграции. В этом качестве выделял деньги на издание журнала «Гласность» на французском языке. В 1992–1993 гг., 1997 г. и 2001–2002 гг. министр здравоохранения Франции. С 1994 г. депутат Европарламента. Министр иностранных дел Франции (2007–2010).

Куэйл Дэн (James Danforth «Dan» Quayle; р. 1947) – американский политик. Член Палаты представителей Конгресса США (1977–1981). Сенатор от штата Индиана (1981–1989). Вице-

президент США (1989–1993).

Кэмпелман Макс (Max Kampelman; 1920–2013) – американский дипломат. В 1980–1983 гг. представитель США на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1985–1989 гг. представитель США и глава американской делегации на переговорах с СССР в Женеве по ядерным и космическим вооружениям. Консультант Госдепартамента США в 1987–1989 гг.

Ладен Усама бен (1957–2011) – основатель и первый лидер организации «Аль-Каида», взявшей на себя ответственность за массовые убийства в США 11 сентября 2001 г., а также за ряд других атак на военные и гражданские цели по всему миру.

Лазовский Максим Юрьевич (1965–2000) – криминальный авторитет, организатор серии убийств. Обвинялся рядом лиц, включая А. В. Литвиненко и Ю. Г. Фельштинского, в сотрудничестве с ФСБ и причастности к взрывам домов в Москве и Волгодонске в 1999 г. Убит.

Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993) – литературный критик, литературовед, прозаик, мемуарист. В 1960-е гг. первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир». Автор статей о М. А. Булгакове, А. И. Солженицыне. Автор книг «Новый мир» во времена Хрущёва» (1991), «Берега культуры» (1994).

Лаптёв Иван Дмитриевич (р. 1934) – журналист, в 1984–1990 гг. главный редактор газеты «Известия». В 1984–1989 гг. депутат Верховного Совета СССР. В 1990–1991 гг. председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. Председатель Государственного комитета РФ по печати (1995–1999).

Ларин Александр Михайлович (1924–1998) – правовед, следователь Прокуратуры СССР; позднее – автор Устава и структуры Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне. Сотрудник Института государства и права. Автор книг по криминалистике.

Ларионов Александр Петрович (?–1993) – один из лидеров ОПГ братьев Ларионовых, действовавшей в Приморье в 1992–1993 гг.

Ларионов Сергей Петрович (1960–1998) – младший брат А. П. Ларионова, один из лидеров ОПГ.

Ларионов Арсений Васильевич (р. 1937) – генеральный директор издательства «Советский писатель». Обвинен в махинациях с писательским имуществом. В 2010 г. осужден по статье 159 УК РФ на семь лет лишения свободы условно.

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) – художник, один из основоположников русского авангарда.

Ларионов Сергей Петрович (?–1998) – один из лидеров ОПГ братьев Ларионовых.

Лацис Александра Оттовна – дочь О. Р. Лациса.

Лацис Отто Рудольфович (1934–2005) – журналист. Сотрудник газет «Известия» (заместитель главного редактора), «Новые Известия», «Русский курьер», «Московские новости». Инициатор клеветнической статьи о фонде «Гласность» в «Известиях». Автор книг «Что с нами было? Что с нами будет?» (1995), «Тщательно спланированное самоубийство» (2001).

Лащивер Ася Абрамовна (1940–2009) – распространитель самиздата («Хроники текущих событий», «Бюллетеня В»); участница деятельности Фонда помощи политзаключенным. Сотрудница «Бюллетеня В» (1980–1983). Член оргкомитета партии «Демократический союз» (1988–1995). Сотрудница журнала «Гласность» (1989–1993). С 2003 г. в эмиграции в Израиле.

Лащивер Ирина Рудольфовна (р. 1967) – дочь А. А. Лащивер. Жена А. Ю. Шилкова.

Лебедь Александр Иванович (1950–2002) – в 1992–1995 гг. командующий 14-й гвардейской общевойсковой армией, дислоцированной в Приднестровье. Кандидат в президенты РФ (1996), секретарь Совета безопасности РФ (1996), губернатор Красноярского края (1998–2002), генерал-лейтенант ВДВ, погиб при крушении вертолета в 2002 г.

Левада Юрий Александрович (1930–2006) – социолог. В 1988–2003 гг. сотрудник ВЦИОМ. Основатель «Левада-центра» (2003). Автор книг по проблемам социологии, общественного мнения, теории и методологии социологии, социологии религии, социальной антропологии.

Левинсон Лев Семенович (р. 1963) – журналист и правозащитник. В 1991–1995 гг. помощник народного депутата (затем депутата Государственной думы) священника Г. П. Якунина. С 1993 по 1999 гг. обозреватель правозащитного еженедельника «Экспресс-хроника». В 1995 г. организатор (совместно со священником Г. П. Якуниным) Общественного комитета защиты свободы совести. В 1996–1999 гг. помощник депутата Государственной думы В. В. Борщёва. С 1999 г. член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ. В 2000–2003 гг. помощник депутата Государственной думы С. А. Ковалёва. В 2000–2007 гг. консультант правозащитного центра «Мемориал». Автор книги «Альтернатива призыву: тем, кто делает выбор» (2012).

Левченко Станислав Александрович (р. 1941) – сотрудник токийской резидентуры внешней разведки под прикрытием должности корреспондента журнала «Новое время», майор ПГУ КГБ. В 1979 г. попросил убежища в американском посольстве в

Токио, перебрался в США. Выдал американцам около двухсот агентов КГБ в Японии. В СССР по статье 64 УК РСФСР заочно приговорен к смерти в 1981 г. Гражданин США с 1989 г. Автор мемуаров «По ту сторону: моя жизнь в КГБ» (*Levchenko S*. On the Wrong Side: My Life in the KGB; 1988).

Леканов Юрий Иванович – следователь прокуратуры Бабушкинского района. Руководитель главного управления криминалистики Следственного комитета при прокуратуре РФ.

Лекарев Станислав Валерьевич (1935–2010) – ветеран внешней контрразведки, историк разведки, полковник ФСБ в отставке. Автор книг «Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта истории и теории» (в соавторстве с А. Г. Шаваевым; 2003), «Секреты британской контрразведки» (2002), «Бизнес и безопасность» (1995) и др.

Ленин (настоящая фамилия Ульянов) Владимир Илич (1870–1924) – политик, государственный деятель; руководитель Октябрьской революции 1917 г.

Леонов Николай Сергеевич (р. 1928) – генерал-лейтенант КГБ.

Леонов Дмитрий Николаевич (р. 1948) – математик, переводчик, один из основателей общества «Мемориал», в 1991–1994 гг. один из его руководителей.

Леонтьев Михаил Владимирович (р. 1958) – журналист и публицист. Телеведущий на Первом канале. Вице-президент и пресс-секретарь корпорации «Роснефть».

Леонтьева Альбина Митрофановна (р. 1937) – вдова А. Н. Богословского. Сотрудница отдела рукописей Российской Государственной библиотеки.

Лерт Раиса Борисовна(1906–1985) – журналист, диссидент. В 1949 г. во время кампании по «борьбе с космополитизмом» как еврейка была уволена из Радиокомитета, работала в различных изданиях. С конца 1960-х гг., уйдя на пенсию, стала публиковать с критические статьи в самиздате. В 1978 г. стала одной из создателей самиздатского журнала «Поиски». В 1979 г. у Раисы Лерт был проведен обыск, она была исключена из КПСС. Ее публицистика представлена в книге «На том стою», изданной в 1991 г.

Лигачёв Егор Кузьмич (р. 1920) – депутат Верховного Совета СССР (1966–1989), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990), народный депутат СССР (1989–1992). Член ЦК КПРФ (1993–2013). Депутат Государственной Думы (1999–2003). Автор мемуаров «Предостережение» (1998).

Лимонов (Савенко) Эдуард Вениаминович (р. 1943) – писатель, публицист, бывший председатель Национал-

большевистской партии (НБП), председатель одноименных партии и коалиции «Другая Россия».

Лисовская Нина Петровна (1917–2007) – биолог. Участница издания «Хроники текущих событий», в 1974–1976 гг. одна из основных сотрудниц Фонда помощи политзаключенным, содействовала работе Фонда до середины 1980-х гг. Член редколлегии журнала «Гласность».

Лисовский Сергей Федорович (р. 1960) – участник предвыборной кампании Б. Н. Ельцина в 1996 г., задержан 19 июня1996 г. вместе с А. В. Евстафьевым при попытке вынести из Белого дома коробку из-под ксерокса с суммой в полмиллиона долларов. Член Совета Федерации РФ с 2004 г. Член Генерального совета партии «Единая Россия».

Листьев Владислав Николаевич (1956–1995) – журналист, телеведущий, генеральный директор телекомпании ОРТ. Убит.

Литвиненко Александр Вальтерович (1962–2006) – сотрудник советских и российских органов госбезопасности. В КГБ с 1988 г. В 2000 г. бежал в Великобританию. Автор (в соавторстве с Ю. Г. Фельштинским) книги «ФСБ взрывает Россию» (2002; внесена в Федеральный список экстремистских материалов). Автор книги «ЛПГ – Лубянская преступная группировка» (2002).

Литвинов Павел Михайлович (р. 1940) – советский, затем американский физик; участник правозащитного движения в СССР. Участник петиционных кампаний в СССР. В 1968 г. в соавторстве с А. А. Амальриком написал сборник «Процесс четырех» о суде над А. И. Гинзбургом, Ю. Т. Галансковым, А. А. Добровольским и В. Т. Лашковой. Участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию. В 1968 г. приговорен по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР к пяти годам ссылки. Ссылку отбывал в 1968–1972 гг. в Читинской области. С 1974 г. в эмиграции в США. Зарубежный представитель «Хроники текущих событий».

Лифарь Серж (Сергей Михайлович; 1905–1986) – артист балета, балетмейстер, теоретик танца и коллекционер предметов искусства; основатель Парижского университета хореографии и Университета танца.

Лобков Павел Альбертович (р. 1967) – журналист, корреспондент, телеведущий, один из ведущих и обозревателей телеканала «Дождь». В 1993–2012 гг. (с перерывами) сотрудник НТВ. В 2006–2008 гг. сотрудник Пятого канала.

Лобов Олег Иванович (р. 1937) – первый заместитель председателя Совета министров РСФСР (1991). Секретарь Совета безопасности РФ (1993–1996). Министр экономики РФ (1993). Первый вице-премьер в 1993 и 1996 г.

Локшина Татьяна Иосифовна (р. 1973) – исследователь из «Human Rights Watch» и председатель правления центра «Демос», основанного в 2004 г. Московской Хельсинкской группой. Автор книги «Чечня. Жизнь на войне» (2007; в соавторстве с А. В. Черкасовым и Т. М. Алиевым).

Ломакин Сергей Леонидович (р. 1952) – журналист, режиссер, продюсер, телеведущий. Сотрудник Первого канала, ТВ-Центра, НТВ. В 1987–1990 гг. специальный корреспондент популярной программы «Взгляд» (1987–1990), в 1990–1991 гг. ведущий программы «Время».. Автор книги «Сегодня стало известно» (1997).

Лосский Николай Владимирович (р. 1929) – протоиерей РПЦ, филолог, публицист. Родился в семье русских эмигрантов в Париже. С 1964 г. профессор университета в Нантере (под Парижем). Автор книг по богословию, истории англиканства.

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) – литературовед, культуролог и семиотик. Профессор Тартусского университета, создатель тартусской школы в литературоведении.

Лошак Виктор Григорьевич (р. 1952) – журналист, редактор. В 1993–2003 гг. главный редактор «Московских новостей». В 2003–2004 гг. главный редактор журнала «Огонёк». С 2012 г. директор по стратегии издательского дома «Коммерсант».

Лужков Юрий Михайлович (р. 1936) – премьер правительства Москвы в 1991–2001 гг., мэр Москвы в 1992–2010 гг.

Луи Виктор (Виталий Евгеньевич) (1928–1992) – английский и советский журналист, тесно связанный с КГБ.

Лукашенко Александр Григорьевич (р. 1954) – президент Белоруссии с 1994 г.

Лукин Владимир Петрович (р. 1937) – в 1964–1965 гг. научный сотрудник ИМЭМО. В 1965–1968 гг. старший референт чехословацкой редакции журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага). В 1968–1987 гг. заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады АН СССР. В 1989–1990 гг. руководитель группы анализа и прогнозирования при секретариате Верховного Совета СССР. В 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР (затем РФ). Посол РФ в США (1992–1994). Депутат Государственной думы (1993–2003). Один из основателей партии «Яблоко» (1993). Способствовал ослаблению «Яблока», выйдя из руководства. Уполномоченный по правам человека в РФ (2004–2014).

Лукьянов Анатолий Иванович (р. 1930) – последний председатель Верховного Совета СССР (1990–1991). Депутат Государственной Думы в 1993–2003 гг. от КПРФ. Автор книги «Август 91-го. Был ли заговор?» (2010).

Лукьянов Виктор Васильевич – ответственный редактор информационного агентства «Ежедневная гласность».

Лунгин Евгений Семенович (р. 1960) – сценарист, режиссер.

Лунгин Павел Семенович (р. 1949) – кинорежиссер, сценарист.

Лунгин Семен Львович (1920–1996) – драматург, сценарист.

Лупан Виктор Николаевич (р. 1954) – французский журналист, издатель, редактор, кинорежиссер-документалист. С 2006 г. главный редактор газеты «Русская мысль».

Лурье Феликс Моисеевич (р. 1931) – историк, библиограф, публицист.

Лыков Игорь Владимирович (?–1998) – майор милиции из Саратова.

Лысенко Анатолий Григорьевич (р. 1937) – журналист, режиссер, телеведущий, телепродюсер. В 1990–1996 гг. генеральный директор ВГТРК.

Любарский Кронид Аркадьевич (1934–1996) – распространитель самиздата, в том числе «Хроники текущих событий». В 1972 г. по делу «Хроники текущих событий» приговорен к пяти годам заключения по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия) и во Владимирской тюрьме. В 1977 г. освобожден, жил в Калужской области. Один из распорядителей Фонда помощи политзаключенным (1977). В 1977 г. эмигрировал, вместе с семьей лишен гражданства (восстановлено в 1992 г.). Жил в Германии, затем вернулся в Россию. Член Московской Хельсинкской группы с 1989 г., председатель в 1994–1996 гг. С 1993 г. заместитель главного редактора журнала «Новое время».

Любимов Александр Михайлович (р. 1962) – тележурналист, продюсер, телеведущий (ОРТ, канал «Россия»). В 2001–2003 гг. первый заместитель генерального директора Первого канала. В 2007–2011 гг. первый заместитель генерального директора ВГТРК. В 2011–2014 гг. генеральный директор телеканала РБК-ТВ.

Любимов Михаил Петрович (р. 1934) – полковник КГБ, с 1959 г. в ПГУ КГБ. Автор мемуарного романа «Записки непутевого резидента» (1995).

Люстиже Жан-Мари (1926–2007) – архиепископ Парижа в 1981–2005 гг., кардинал с 1983 г.

Ляуэр Ольга Станиславовна – редактор издательства «Советский писатель».

Магомедов Магомедали Магомедович (р. 1930) – председатель Государственного совета Республики Дагестан (1994–2006).

Мажаров Сергей Леонидович (1958–1994) – бизнесмен и

кинопродюсер; стал жертвой заказного убийства в Париже.

Мазовецкий Тадеуш (1927–2013) – один из лидеров движения «Солидарность» и первый премьер-министр свободной Польши (1989–1991).

Макашов Альберт Михайлович (р. 1938) – советский военачальник, генерал-полковник в отставке. Народный депутат СССР (1989–1991). Один из наиболее активных участников событий октября 1993 г. в Москве, инициатор наступательных действий сторонников Верховного Совета. С 1993 г. член КПРФ. Депутат Государственной думы (1995–2007).

Максвелл Роберт (1923–1990) – британский медиамагнат. С 1949 г. сотрудничал с советским издательством «Международная книга». В 1964–1970 гг. член парламента Великобритании от Лейбористской партии. Председатель издательства «Macmillan» в 1988–1991 гг.

Максимов Владимир Емельянович (настоящее имя Самсонов Лев Алексеевич; 1930–1995) – писатель, участник правозащитного движения. В 1974 г. вынужденно эмигрировал, лишен гражданства СССР (восстановлено в 1990). Основатель (1974) и главный редактор (1974–1992) ежеквартального литературного, политического и религиозного журнала «Континент», выходившего на русском и немецком языках (практически единственное издание русской эмиграции, выходившее не на деньги американских фондов; финансировалось А. Шпрингером). Автор нескольких книг.

Макфол Майкл Энтони (р. 1963) – американский политолог и дипломат. Профессор Стэнфордского университета. В 1993–1995 гг. сотрудник Московского Центра Карнеги. Специальный помощник президента США Б. Обамы по вопросам национальной безопасности (2009–2012). Посол США в РФ (2012–2014). Автор нескольких книг.

Маликова Виктория Васильевна (р. 1950) – в 1988–1998 гг. руководитель нескольких программ в представительстве фонда Джорджа Сороса в Москве

«Открытое общество». В рамках этих программ – проекты: «Содействие реформе пенитенциарной системы»; «КГБ вчера, сегодня, завтра»; «Международный Форум «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе» и др. Член Московской Хельсинкской группы с 1995 г.

Мамедов Виталий Олегович – заключенный советских лагерей по сфабрикованному делу о шпионаже (статья 64 УК РСФСР) в 1983–1987 гг. Срок отбывал в пермских лагерях и в Чистопольской тюрьме.

Мамлеев Дмитрий Федорович (1929–2012) – в 1991 г. первый заместитель председателя Госкомпечати СССР. В 1991–1993 гг. первый заместитель главного редактора газеты «Известия».

Мананников Алексей Петрович (р. 1956) – правозащитник, советский политзаключенный. В 1982 г. за высказывания в

поддержку «Солидарности» и критику подавления рабочего движения со стороны государства арестован, приговорён по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам заключения за высказывания в поддержку «Солидарности» и критику подавления рабочего движения государством. Отбывал срок в лагерях Архангельской (и Новосибирской областей. В 1987–1990 гг. сотрудник журнала «Гласность», позже корреспондент Радио Свобода. Народный депутат РСФСР (1990–1993), депутат Совета Федерации (1993–1995).

Мандела Нельсон Ролилахла (1918–2013) – активист борьбы с апартеидом в ЮАР. В заключении в 1962–1990 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 1993 г. Первый темнокожий президент ЮАР в 1994–1999 гг. Автор мемуаров «Долгая дорога к свободе» (Nelson Rolihlahla Mandela. Long Walk to Freedom; 1995).

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) – поэт. Репрессирован, умер в лагере.

Маргарита Францевна – психиатр Института им. Сербского во второй половине 1970-х гг.

Маркелов Станислав Юрьевич (1974–2009) – адвокат фонда «Гласность», правозащитник. Адвокат семьи Э. В. Кунгаевой в рамках дела Ю. Д. Буданова. Убит.

Маркова Виктория Эммануиловна (р. 1942) – искусствовед, специалист в области итальянской живописи. Главный научный сотрудник ГМИИ имени А. С. Пушкина. Автор книг об итальянской живописи.

Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986) – рабочий, участник правозащитного движения. В 1958 г. после массовой драки в рабочем общежитии (в которой участия не принимал) осужден по статье 74 УК РСФСР на два года лишения свободы. В 1959 г. бежал из Карагандинского лагеря, в 1960 г. задержан при попытке нелегально пересечь советско-иранскую границу, приговорен по статье 64 УК РСФСР к шести годам лишения свободы. Направлен в Дубравлаг (Мордовия). После попытки бегства этапирован во Владимирскую тюрьму, где потерял слух и заболел менингитом. В 1966 г. освобожден, жил во Владимирской области. Автор книги воспоминаний о лагере «Мои показания», изданной на Западе в 1969 г. Автор открытых писем нескольким советским и иностранным газетам об угрозе советского вторжения в Чехословакию. В 1968 г. по статье 198-2 УК РСФСР осужден на год лишения свободы. Отбывал срок в Ныробском уголовном лагере (Пермская область). В лагере в связи с книгой «Мои показания» обвинен по статье 190-1 УК РСФСР, приговорен к двум годам строгого режима. Срок отбывал в колонии строгого режима. В 1971 г. освобожден, жил в Калужской области. В

1975 г. по статье 198-2 УК РСФСР приговорен к четырем годам ссылки. Ссылку отбывал в Иркутской области. С 1976 г. член Московской Хельсинкской группы. В 1978 г. освобожден, жил во Владимирской области. В 1981 г. арестован, приговорен по статье 70 УК РСФСР к десяти годам заключения и пяти годам ссылки. Срок отбывал во Владимирской тюрьме, пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. В 1986 г. объявил голодовку с требованием освободить всех политических заключенных в СССР. Вскоре после прекращения голодовки умер.

Марченко Павел Анатольевич (р. 1973) – сын А. Т. Марченко и Л. И. Богораз.

Марчук Евгений Кириллович (р. 1941) – сотрудник КГБ, затем Службы безопасности Украины. Первый руководитель Службы безопасности Украины в 1991–1994 гг. Генерал армии Украины (1994). Премьер-министр Украины в 1995–1996 гг. Участник украинских президентских выборов 1999 г. В 1999–2003 гг. секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины. Министр обороны Украины (2003–2004).

Масхадов Аслан (Халид) Алиевич (1951–2005) – в начале 1990-х гг. один из создателей вооруженных сил Чеченской Республики и руководителей боевиков в военных действиях против федеральных сил. Президент Чеченской Республики Ичкерия (1997–2005), полковник. Убит в ходе спецоперации ФСБ. Автор мемуаров «Честь дороже жизни» (1997).

Матвеевская Зоя Александровна – адвокат Московской городской коллегии адвокатов, адвокат фонда «Гласность» и автор его устава.

Матевосян Грант Игнатьевич (1935–2002) – армянский писатель.

Матусевич Владимир Борисович (1937–2009) – филолог-литературовед, журналист, главный редактор русской службы Радио Свобода в Мюнхене.

Мау Владимир Александрович (р. 1959) – экономист. В 1992–1994 гг. советник Е. Т. Гайдара. В 1993–1997 гг. заместитель директора Института экономики переходного периода Е. Т. Гайдара. С 2002 г. ректор Академии народного хозяйства при правительстве РФ. С 2010 г. ректор РАНХиГС. Автор книг по истории экономики и экономической политики России и СССР.

Махарадзе Филипп Иесеевич (1868–1941) – грузинский революционер, советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Председатель

Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР (1929–1931). Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР (1938–1941).

Медведков Юрий Владимирович (р. 1928) – советский и американский географ. Один из создателей пацифистской диссидентской организации «Группы за установление доверия между СССР и США» (1982).

Меир Голда (1898–1978) – министр иностранных дел Израиля (1956–1966), премьер-министр Израиля (1969–1974).

Мельникова Валентина Дмитриевна (р. 1946) – правозащитник, член Общественного совета при Минобороны РФ, ответственный секретарь Союза комитетов солдатских матерей России.

Менар Робер (р. 1953) – один из основателей и бывший генеральный секретарь созданной в 1985 г. международной неправительственной правозащитной организации «Репортеры без границ» со штаб-квартирой в Париже.

Мень Александр Владимирович (1935–1990) – протоиерей РПЦ, богослов, проповедник; автор книг, посвященных истории христианства и других религий, основам христианского вероучения, православному богослужению. Убит.

Мерканцин Серджо – основатель центра «Руссия Экуменика» в Ватикане. Мещанинов Леонид (1940–1988) – фотограф.

Мёрдок Руперт (р. 1931) – австралийский и американский предприниматель, медиамагнат, владелец СМИ, кинокомпаний и издательств в США, Австралии, Европе, Латинской Америке и Азии.

Микульшин Альберт Иванович (р. 1940) – преподаватель в Академии ФСБ. Выпускник Высшей школы КГБ (1966).

Милан Клод – представитель фирмы «Black Sea», спонсор газеты «Русская мысль».

Милко Юрий – сотрудник КГБ.

Минский (настоящая фамилия Виленкин) Николай Максимович (1856–1937) – поэт и писатель-мистик. С началом Первой мировой войны в 1914 г. эмигрировал. В начале 1920-х гг. жил в Берлине, основал там «Дом искусств», затем переселился в Лондон, где был сотрудником советского полпредства. С 1927 г. жил в Париже.

Минутко Игорь Александрович (р. 1931) – писатель, сценарист и переводчик. Автор книг «В июне тридцать седьмого» (1997), «Андропов. Бездна (Миф о Юрии Андропове)» (2004), «Провидец. Жизнь и смерть Александра Яковлева» (2010) и др.

Миронов Андрей Николаевич (1954–2014) – правозащитник, журналист, переводчик, сотрудник общества «Мемориал», внештатный автор «Новой газеты». В 1985 г. арестован за распространение самиздата, в 1986 г. по статье 70 УК РСФСР приговорен к четырем годам заключения и трем годам ссылки.

Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). В 1987 г. освобожден.

Миронов Владимир Иванович (р. 1959) – федеральный судья в отставке. Член Московской Хельсинкской группы с 2005 г.

Мирошник Георгий Михайлович (р. 1946) – бывший президент «Международного коммерческого центра» («Интеркомцентр» – «Формула-7»), бывший советник вице-президента России А. В. Руцкого по экономическим вопросам. В 1991–1992 гг. имел коммерческие отношения с Комитетом по внешним связям (КВС) мэрии Санкт-Петербурга (председатель КВС – В. В. Путин).

Митрофанов Алексей Валентинович (р. 1962) – депутат Государственной Думы (в 1993–2007 гг. от ЛДПР и в 2011–2014 гг. от партии «Справедливая Россия»).

Митрохин Василий Никитич (1922–2004) – сотрудник архивного отдела Первого главного управления КГБ, впоследствии перебежчик (в 1992 г. вместе с семьей тайно переправлен в Великобританию). На основе архива Митрохина К. Эндрю издал несколько кнги: «Щит и меч: Архив Митрохина и тайная история КГБ» Vasili Mitrokhin and Christopher Andrew. «The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB» (1999), «Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе» (Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin. «The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West» (2000).

Миттеран Франсуа (1916–1996) – президент Франции с 1981 по 1995 гг. Один из лидеров французских социалистов.

Митюков Михаил Алексеевич (р. 1942) – юрист, депутат Верховного совета России (1990–1993), депутат Государственной думы (1993–1995), заместитель председателя Государственной Думы (1994–1996). Первый заместитель секретаря Совета безопасности РФ (1996–1998). В 1996 г. и в 1998–2005 гг. полномочный представитель президента в Конституционном суде РФ.

Мис Энтони де (Meeûs Anthony de; р. 1929) – бельгийский аристократ, граф, меценат, активно помогавший различным христианским организациям и диссидентскому движению в России; в 1972–1988 гг. редактор брюссельского ежемесячного журнала «Тетради самиздата» («Cahiers du samizdat»), автор «Белой книги о психиатрическом интернировании психически здоровых диссидентов в СССР» («Livre blanc sur l internement psychiatrique de dissidents saint d esprit en U.R. S. S. Bruxelles, [1974?]); см.: https://geneall.net/en/name/1097291/ anthony-de-meeus/

Михайлов Александр Георгиевич (р. 1950) – генерал-майор ФСБ запаса, генерал-лейтенант полиции в отставке. С 1974 г.

в органах госбезопасности на оперативных и руководящих должностях, в том числе в Пятом управлении КГБ. В 1993–1996 гг. начальник Центра общественных связей ФСБ. В 2003–2008 гг. заместитель председателя ФСКН.

Михайлов Александр Дмитриевич (1855–1884) – революционер, народник, один из членов Исполнительного комитета «Народной воли».

Михайлов Вячеслав Александрович (р. 1938) – советский и российский историк, кадровый работник аппарата КПСС; в постсоветское время специалист по проблематике национальных и федеративных отношений.

Михайловская Инга Борисовна (1931–2014) – правовед. Сотрудница Института государства и права РАН. Автор книги «Суды и судьи: независимость и управляемость» (2010).

Михалков Никита Сергеевич (р. 1945) – кинорежиссер, актер, сценарист и продюсер.

Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) – поэт, соавтор текста гимна СССР и автор текста гимна РФ.

Михник Адам (р. 1946) – журналист, один из наиболее активных участников оппозиционного движения 1968–1989 гг. в Польше. В 1989–1991 гг. депутат Сейма. С 1989 г. главный редактор «Газеты Выборчей».

Млечин Леонид Михайлович (р. 1957) – журналист, телеведущий (на каналах «Россия», ВГТРК, «ТВ Центр», «Пятый канал»), публицист. В 1979–1993 гг. корреспондент, международный обозреватель еженедельного журнала «Новое время». В 1993–1996 гг. заместитель главного редактора газеты «Известия». Автор книг на темы истории СССР.

Млынарж Зденек (1930–1997) – секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в 1968–1970 гг. Один из лидеров Пражской весны, идеолог «социализма с человеческим лицом». Автор мемуаров «Мороз ударил из Кремля» (русский перевод – 1992).

Мнацаканян Александр Гарриевич (р. 1968) – корреспондент «Общей газеты», сотрудник фонда «Гласность».

Моду Ала – ассистент Генерального секретаря ЮНЕСКО по вопросам коммуникаций и информации.

Моисеев Михаил Алексеевич (р. 1939) – начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР и первый заместитель министра обороны СССР в 1988–1991 гг. Генерал армии.

Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – в 1917 г. член Петроградского Военно-революционного комитета, один из высших руководителей

ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) (КПСС) (1926–1957). Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., народный комиссар (1939–1946), затем министр иностранных дел (1946–1949 и 1953–1956). Министр государственного контроля СССР (1956–1957).

Монтан Ив (настоящее имя Иво Ливи) (1921–1991) – французский певец и актер.

Монтгомери Бернард Лоу (1887–1976) – британский фельдмаршал (1944), крупный военачальник Второй мировой войны. В годы Второй мировой войны командующий британскими соединениями в Европе.

Морозов Александр – водитель общественного фонда «Гласность»; член сборной Москвы по автоспорту.

Морозов Георгий Васильевич (1920–2012) – психиатр, академик РАМН, директор Всесоюзного НИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (1957–1990). Один из наиболее известных представителей практики использования психиатрии в политических целях в СССР.

Морозов Марк Аронович (1931–1986) – математик; советский диссидент. В 1978 г. за проведение на его квартире пресс-конференции, на которой было объявлено об образовании СМОТ (см. выше), арестован, по статье 70 УК РСФСР приговорен к пяти годам ссылки. Ссылку отбывал в Коми АССР. В 1980 г. вновь арестован, в 1981 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к восьми годам лагеря и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. Покончил с собой.

Москаленко Каринна Акоповна (р. 1954) – член Московской Хельсинкской группы с 1999 г. Адвокат Московской городской коллегии адвокатов (с 2002 г. – Адвокатской палаты города Москвы). Одна из адвокатов М. Б. Ходорковского. Вела дела в Европейском суде по правам человека. Автор книги «Международная защита» (2001).

Музыкантский Александр Ильич (р. 1941) – в 1992–1996 гг. заместитель главы правительства г. Москвы. В 1992–1999 гг. первый префект Центрального административного округа Москвы. В 2000–2004 гг. министр правительства Москвы по вопросам информации и общественно-политическим связям, в те же годы председатель совета директоров телеканала «ТВ-Центр».

Муратов Дмитрий Андреевич (р. 1961) – журналист, один из основателей и главный редактор (1995–2017) «Новой газеты».

Муратов С. А. – председатель суда по делу К. В. Смирнова-Осташвили.

Мурашов Аркадий Николаевич (р. 1957) – народный депутат

СССР (1989–1991), бывший ответственный секретарь Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1991 г. один из сопредседателей движения «Демократическая Россия». Начальник ГУВД Москвы в 1991–1992 гг. Депутат Государственной думы (1993–1995).

Муха Виталий Петрович (1936–2005) – первый секретарь Новосибирского обкома КПСС в 1988–1990 гг., в 1990–1991 гг. председатель новосибирского областного Совета народных депутатов. С 1990 по 1993 гг. народный депутат РСФСР, затем РФ. Глава администрации Новосибирской области (1991–1993). Губернатор Новосибирской области (1995–2000).

Мухамедьяров Роальд Гашимович (1934–1995) – советский политзаключенный. В 1972 г. за распространение самиздата, в том числе «Хроники текущих событий», арестован, обвинен по статье 70 УК РСФСР. Признан невменяемым и направлен в психиатрическую больницу. Выписан в 1975 г. Участник создания партии «Демократический союз» в 1988 г.

Мясников Алексей Александрович (р. 1944) – журналист. В 1981 г. приговорен к трем годам лагерей по статьям 190-1 и 228 УК РСФСР. Срок отбывал в зоне общего режима в Свердловской области. Сотрудник журнала «Гласность». Издатель и редактор журнала «Права человека». Автор мемуаров «Зона» (2010).

Наполеон I (1769–1821) – французский император (1804–1814, 1815), полководец.

Невзоров Александр Глебович (р. 1958) – журналист, репортер, телеведущий, публицист. Режиссер, сценарист и продюсер документальных фильмов. Депутат Государственной думы (1993–2007). Советник генерального директора Первого канала (с 2016).

Некипелов Виктор Александрович (1928–1989) – фармацевт, поэт. Участник деятельности Фонда помощи политзаключенным. В 1973 г. арестован за распространение самиздата, в том числе «Хроники текущих событий», в 1974 г. по статье 190-1 УК РСФСР приговорен к двум годам заключения. Срок отбывал в колонии во Владимирской области. В 1975 г. освобожден, жил во Владимирской области. Член Московской Хельсинкской группы с 1977 г. Участник создания Группы по защите прав инвалидов. В 1978 г. публиковался в самиздатском общественно-политическом журнале «Поиски». В 1979 г. арестован, в 1980 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к семи годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме, ссылку – в 1986–1987 гг. в Красноярском крае. В заключении заболел раком, не получал лечения. В 1987 г. освобожден, в том же году

эмигрировал. Умер в Париже. Автор книги «Институт дураков» (1999) и др.

Некипелова Нина Михайловна – см. Комарова.

Некрасов Андрей Львович (р. 1958) – сценарист и режиссер, создатель документальных фильмов на общественно-политические темы, один из которых о бывшем сотруднике ФСБ А. В. Литвиненко.

Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) – писатель, участник Великой Отечественной войны. Был близок к правозащитному движению. С 1974 г. в вынужденной эмиграции.

Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) – историк, специалист по европейской истории XX века. С 1950 по 1976 г. сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. После публикации в 1965 г. книги «1941, 22 июня» выдворен вначале из института, а затем и из страны. С 1976 г. в эмиграции в США, научный сотрудник Русского Исследовательского Центра Гарвардского университета. Автор (в сотрудничестве с М. Я. Геллером) курса советской истории «История России: 1917–1995. Утопия у власти» (1982).

Немцов Борис Ефимович (1959–2015) – политический и государственный деятель, губернатор Нижегородской области (1991–1997), народный депутат РФ (1991–1993), министр топлива и энергетики (1997), вице-премьер (1997–1998). Руководитель фракции «Союз правых сил» в Государственной Думе (2000–2003), депутат Ярославской областной думы (2013–2015). Автор мемуаров «Провинциал» (1997), «Провинциал в Москве» (1999) и «Исповедь бунтаря» (2007). Автор нескольких экспертных докладов, посвященных коррупции в высших эшелонах власти (2008–2015). Убит.

Нерсисян Карен Георгиевич (р. 1958) – адвокат Московской коллегии адвокатов (с 1994). Адвокат А. А. Витухновской, Г. М. Пасько и др.

Никитин Александр Константинович (р. 1952) – капитан первого ранга запаса, председатель правления экологического правозащитного центра «Бел-лона» (Санкт-Петербург). В 1995 г. обвинен по статье 64 и 75 УК РСФСР за подготовку доклада «Северный флот – потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона». В 1996 г. – под арестом. В 1999 г. обвинен по статьям 275 и 283 УК РФ. В 2000 г. оправдан Верховным судом РФ.

Николай II (1868–1918) – русский император (1894–1917).

Никольский Борис Васильевич (1937–2007) – второй секретарь ЦК КП Грузии (1984–1989). Депутат Верховного Совета СССР (1984–1989). Заместитель мэра Москвы Ю. М. Лужкова в

1991–2002 гг. В 1994 г. одновременно с должностью первого вице-премьера Москвы министр правительства Крыма. В 2002–2003 гг. представитель правительства Москвы в Совете Федерации РФ.

Никулин Петр Сергеевич – полковник КГБ в отставке (уволен в 1992). Бывший первый заместитель начальника Института проблем безопасности КГБ. Постоянный докладчик на конференциях «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Ним (настоящая фамилия Ефремов) Наум Аронович (р. 1951) – писатель, журналист, правозащитник. В советские годы распространитель самиздата. После многократных обысков, изъятий у него книг и рукописей в 1985 г. арестован, приговорен к двум с половиной годам колонии общего режима по статье 190-1 УК РСФСР. Большую часть срока провел в колонии общего режима в Тюмени. Освобожден в 1987 г. Главный редактор журналов «Индекс / Досье на цензуру» (с 1996) и «Неволя» (с 2004). Автор книги «Господи, сделай так…» (2011) и др.

Новодворская Валерия Ильинична (1950–2014) – публицист («Новое время», «Грани», «Медведь»). В 1969 г. за распространение антисоветских листовок арестована и обвинена по статье 70 УК РСФСР. В 1970–1972 гг. находилась на принудительном лечении в специальной психиатрической больнице в Казани по сфальсифицированному диагнозу. Позже, вплоть до 1991 г., неоднократно арестовывалась и принудительно госпитализировалась в психиатрические больницы. В 1978 г. – одна из основателей СМОТ. Основатель партий «Демократический союз» (1988) и «Западный выбор» (2012). Автор мемуаров «По ту сторону отчаяния» (1993) и др.

Нуйкин Андрей Александрович (р. 1931) – критик, писатель, публицист, влиятельный автор журнала «Новый мир». В 1993–1995 гг. депутат Государственной Думы. Автор книги «Ползём к демократии» (1995).

Нухаев Хож-Ахмед Таштамирович (р. 1954) – экс-вице-премьер Чеченской Республики Ичкерия, лидер лазанской ОПГ. 16 июня 2005 г. в заявлении Генеральной прокуратуры РФ Х назван заказчиком убийства редактора русской версии журнала «Forbes» Пола Хлебникова и объявлен в розыск.

Огурцов Игорь Вячеславович (р. 1937) – филолог-востоковед, основатель и руководитель Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН). В 1967 г. приговорен к пятнадцати годам лишения свободы по статьям 64 и 72 УК РСФСР с отбыванием первых семи лет в тюрьме, а остального срока – в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на пять лет. Тюремный срок отбывал во Владимирской (семь лет) и в Чистопольской (три

года) тюрьмах, а лагерный – в пермской политической зоне строгого режима (пять лет). За участие в забастовке заключенных срок заключения изменен на десять лет тюрьмы вместо семи. Ссылку отбывал в Коми АССР (1982–1987). В 1988 г. вынужденно эмигрировал, вместе с семьей лишен гражданства, жил в Германии. Вернулся в Россию в 1992 г.

Ознобкина Елена Вячеславовна (1959–2010) – сотрудница общественного фонда «Гласность», исследователь пенитенциарной системы. С 1988 г. сотрудница Института философии АН СССР (затем РАН). В 1993–2002 гг. преподаватель РГГУ и Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН). В 1994 г. – в Комиссии общественного расследования по Чечне.

Ойвин Владимир Наумович (р. 1941) – заместитель председателя правления общественного фонда «Гласность» (в штате «Гласности» с 1988 по 2002), заведующий общественной приемной Центра информации и анализа работы российских спецслужб. Помощник депутатов Государственной думы РФ В. В. Борщёва, С. А. Ковалева, священника Г. П. Якунина. С 2004 г. по настоящее время заместитель главного редактора интернет-издания Credo.Ru.

Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) – поэт, бард, писатель. Тайно помогал Фонду помощи политзаключенным (ввозил деньги и вещи в СССР из-за границы).

Ольшевский Ян (р. 1930) – премьер-министр Польши (1991–1992).

Орехов Виктор Алексеевич (р. 1944) – бывший капитан Пятого управления КГБ, помогавший советским диссидентам. Арестован в 1978 г. за предупреждения диссидентов об обысках и арестах, приговорен военным трибуналом к восьми годам лишения свободы по статье 260-а УК РСФСР. Срок отбывал в спецзоне для бывших работников правоохранительных органов в марийских лагерях. Вышел из заключения в 1986 г. В 1995 г. вновь арестован (ему был подброшен неисправный пистолет), обвинен по статье 218 УК РСФСР, приговорен к трем годам строгого режима. Верховный суд по жалобе адвоката А. В. Рахмиловича заменил срок одним годом. В 1997 г. освобожден и по соображениям безопасности эмигрировал. Под измененным именем живее в США.

Орлов Дмитрий Юрьевич – сын Ю. Ф. Орлова.

Орлов Олег Петрович (р. 1953) – член правления общества «Мемориал». Автор книги (в соавторстве с А. В. Черкасовым) «Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений, 1994–1996» (1998).

Орлов Юрий Федорович (р. 1924) – физик-теоретик, член-

корреспондент АН Армянской ССР (1968). Один из лидеров правозащитного движения. Основатель и первый руководитель Московской Хельсинкской группы в 1976 г. Арестован в 1977 г. В 1978 г. по статье 70 УК РСФСР приговорен к семи годам заключения и пяти годам ссылки. Заключение отбывал в пермской политической зоне строгого режима, ссылку в 1984–1986 гг. в Якутии. В 1986 г. лишен советского гражданства и принудительно выслан из СССР в обмен на арестованного в США советского разведчика. Профессор Корнелльского университета (США) с 1986 г. Автор мемуаров «Опасные мысли» (1992).

Осипов Юрий Сергеевич (р. 1936) – математик. Президент Российской академии наук (1991–2013).

Оскоцкий Валентин Дмитриевич (1931–2010) – литературовед, литературный критик, публицист. Член правления Союза писателей Москвы и группы «Апрель». Инициатор и председатель первого Конгресса русской интеллигенции (1992). Член Комиссии по вопросам помилования при президенте РФ (1993–2001). Автор книг «Карабахский дневник» (1998), «Полемика: сталинизм, ксенофобия и антисемитизм в современной русской литературе» (2005). Умер после неоднократных нападений и избиений.

Островский Николай Алексеевич (1904–1936) – прозаик, участник Гражданской войны, автор книги «Как закалялась сталь» (1934).

Павловский Глеб Олегович (р. 1951) – политтехнолог, журналист. Бывший участник диссидентского движения. В 1978–1980 гг. член редколлегии самиздатского общественно-политического журнала «Поиски». В 1982 г. в ходе следствия покаялся, начал сотрудничать с КГБ (агентурный псевдоним «Седой»), вместо лагерей получил три года ссылки. В конце 1980-х гг. заместитель главного редактора журнала «Век XX и мир», член клуба «Перестройка» (Москва). В 1991–1992 гг. заместитель председателя правления издательского дома «Коммерсант». С 1995 г. директор «Фонда эффективной политики».

Паин Эмиль Абрамович (р. 1948) – этнограф, преподаватель ВШЭ. В 1994–1996 гг. заместитель начальника Аналитического управления президента РФ. В 1996–1999 гг. советник президента РФ. Автор книг о национальной политике России.

Палеев Михаил Семенович – главный советник государственно-правового управления администрации президента РФ.

Пальме Клаус (1917–2006) – юрист-международник, брат У. Пальме.

Пальме Улоф (1927–1986) – премьер-министр Швеции (в

1969–1976 гг. и 1982–1986 гг.), лидер Социал-демократической партии Швеции (1969–1986). Убит.

Памфилова Элла Александровна (р. 1953) – народный депутат СССР (1989–1991). Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989). Министр социальной защиты населения в правительствах Е. Т. Гайдара и В. С. Черномырдина (1991–1994). Депутат Государственной Думы (1994–1999). Председатель Комиссии при президенте РФ по правам человека (2002–2004). Уполномоченный по правам человека РФ (2014–2016). Председатель Центральной избирательной комиссии РФ с 2016 г.

Паникин Александр Степанович (1950–2002) – предприниматель. Создатель кооператива «Челнок» (1988), преобразованного в 1991 г. в концерн «Панинтер».

Панкин Борис Дмитриевич (р. 1931) – дипломат, журналист, публицист, литературный критик. Главный редактор газеты «Комсомольская правда» (1965–1973). Посол СССР в Швеции (1982–1990), в ЧСФР (1990–1991). Министр иностранных дел СССР (1991). Посол СССР (затем РФ) в Великобритании (1991–1993). Автор мемуаров «Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах» (2002).

Параджанов Сергей Иосифович (настоящее имя Параджанян Саргис Овсепович; 1924–1990) – армянский и украинский кинорежиссер и сценарист.

Парамонов Андрей Альбертович (р. 1959) – сотрудник общественного фонда «Гласность». Кандидат философских наук, сотрудник Института философии РАН.

Парек Лагле (р. 1941) – эстонская общественная и государственная деятельница. В советское время участник диссидентского движения, политзаключенная. В 1981 г. – одна из авторов коллективного открытого письма главам правительства СССР и северных стран Европы с предложением объявить прибалтийские республики безъядерной зоной и убрать с их территории советские ракеты. В 1983 г. арестована, приговорена по статье 70 УК РСФСР к шести годам лишения свободы и трем годам ссылки. Срок отбывала в Дубравлаге (Мордовия), в «Малой зоне» для женщин, осужденных по политическим статьям. В 1987 г. освобождена. Министр внутренних дел независимой Эстонии в 1992–1993 гг.

Пасько Григорий Михайлович (р. 1962) – военный журналист. В 2001 г. по статье 275 УК РФ приговорен к четырем годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима за статьи в японской прессе об опасности радиоактивного заражения океана. Срок отбывал в Уссурийске в Приморском крае. В 2003 г.

освобожден по УДО.

Патиашвили Джумбер Ильич (р. 1939) – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии в 1985–1989 гг. Депутат Верховного Совета СССР в 1989–1991 гг.

Паттон Джордж Смит (1885–1945) – генерал, командующий 3-й американской армии во время Второй мировой войны.

Пауэлл Колин Лютер (р. 1937) – советник по национальной безопасности (1987–1989). Председатель Объединенного комитета начальников штабов (1989–1993). Государственный секретарь США (2001–2005). Четырехзвездный генерал. Автор мемуаров.

Пахомов Николай Павлович (1890–1978) – искусствовед, литературный критик. Лермонтовед, восстанавливал родовое поместье поэта в Тарханах. Создатель музеев М. Ю. Лермонтова в Москве и Пятигорске. Основатель и директор Музея-усадьбы Абрамцево.

Пашин Сергей Анатольевич (р. 1962) – федеральный судья в отставке. Разработчик нормативно-правовой базы суда присяжных в России. В 1996–2001 гг. судья Московского городского суда.

Пашков Павел Павлович (1872–1952) – художник. Старейший преподаватель Строгановского художественно-промышленного училища. Основатель Центральной театральной библиотеки (1921–1922 гг.).

Пельтье-Замойская Элен (1924–2012) – профессор кафедры русского языка и литературы в Тулузском университете.

Пельтье Мариус (1897–1983) – контрадмирал, военно-морской атташе Франции в Москве (1946–1951); отец Э. Пельтье-Замойской.

Пеньковский Олег Владимирович (1919–1963) – полковник (лишен звания в 1963) ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В 1963 г. за сотрудничество со спецслужбами США и Великобритании обвинен по статье 64 УК РСФСР. По версии Виктора Суворова, заживо сожжен в печи крематория.

Перевозников Константин Иванович (1865? – 1920-е гг.?) – инспектор народных училищ Туркестанского края, Воронежской, Тифлисской и Киевской губерний. Действительный статский советник. Отправлен в ссылку в Ташкент на десять лет, лишен права проживания в столицах.

Перченко Михаил Ефремович (р. 1946) – вице-президент Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров, коллекционер предметов искусства. В 1997–2006 гг. генеральный директор Московского аукционного дома.

Петров (настоящая фамилия Катаев) Евгений Петрович (1902–1942) – писатель, журналист, сценарист. Соавтор

И. А. Ильфа. Брат В. П. Катаева.

Петров Никита Васильевич (р. 1957) – историк, с 1990 г. заместитель председателя Совета общества «Мемориал». Специализируется на истории советских органов госбезопасности. После августа 1991 г. эксперт Комиссии Верховного Совета РФ по приему-передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение. В 1992 г. эксперт Конституционного Суда РФ в «Деле КПСС». Автор книг и справочников по истории советских спецслужб и репрессий.

Петрухин Игорь Леонидович (1926–2009) – правовед, заведующий сектором проблем правосудия Института государства и права РАН.

Пиманов Алексей Викторович (р. 1962) – режиссер, продюсер, сценарист, журналист, телеведущий. Соучредитель телекомпании «Останкино». Создатель и заказчик передач на общественно-политические темы.

Пимен (Извеков Сергей Михайлович; 1910–1990) – управляющий делами Московской Патриархии в 1960–1961 гг. и 1964 г. Патриарх Московский и всея Руси (РПЦ МП; 1971–1990).

Пионтковский Андрей Андреевич (р. 1940) – математик, журналист. В 2016 г. покинул Россию. Проживает в США. Автор книг «Наше светлое будущее, или Путин навсегда» (2004), «Третий путь… к рабству» (2010), «Искушение Владимира Путина» (2013), «Чёртова дюжина Путина. Хроника последних лет» (2014), «Призрак России. Кремлевское царство теней» (2015).

Пирсон Малколм (р. 1942) – британский бизнесмен. Оказывал поддержку советским диссидентам, в 1984 г. с этой целью основал благотворительный фонд. Член британской Палаты Лордов с 1990 г.

Питирим, митрополит (Нечаев Константин Владимирович; 1926–2003) – митрополит Волоколамский и Юрьевский (1963–2003). Глава Издательского отдела Московской Патриархии (1963–1994). Агент КГБ (агентурный псевдоним «Аббат»).

Пихоя Людмила Григорьевна (р. 1946) – спичрайтер Б. Н. Ельцина, жена Р. Г. Пихои. С 1990 г. в службе помощников Б. Н. Ельцина, сначала как председателя Верховного Совета РСФСР, затем – президента РФ; референт, затем старший референт президента РФ; в 1998–1999 гг. советник президента РФ.

Пихоя Рудольф Германович (р. 1947) – историк. В 1993–1996 гг. руководитель Государственной архивной службы России. Автор нескольких книг.

Плиев Руслан Султанович (1942–2012) – в 1993–1995 гг. руководитель администрации президента Республики Ингушетия

Р. С. Аушева. Председатель Народного Собрания – Парламента Республики Ингушетия в 1995–2003 гг.

Плеханов Алексей – полковник КГБ, сотрудник Комитета по делам религий.

Плющ Леонид Иванович (1938–2015) – украинский математик, публицист, участник правозащитного движения в СССР, с 1969 г. участник издания «Хроники текущих событий» и член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1972 г. арестован, обвинен по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР), в 1973–1975 гг. находился в специальной психиатрической больнице по сфабрикованному диагнозу. В 1975 г. освобожден в результате международной кампании, с 1976 г. в эмиграции. Умер во Франции. Автор мемуаров «На карнавале истории» (1979).

Подрабинек Александр Пинхосович (р. 1953) – журналист, правозащитник, автор книг «Карательная медицина» (1979) и «Диссиденты» (2014), участник деятельности Фонда помощи политзаключенным. Инициатор создания в 1977 г. Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской Хельсинкской группе. В 1978 г. за распространение книги «Карательная медицина» приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к пяти годам ссылки. В 1978–1980 гг. отбывал ссылку в Якутии. В 1980 г. за продолжение работы над текстом «Карательной медицины» арестован, в 1981 г. по статье 190-1 УК РСФСР приговорен к трем с половиной годам заключения. Срок отбывал в Якутии. Освобожден в 1984 г., до 1987 г. жил во Владимирской области. Основатель и редактор правозащитной газеты «Экспресс-Хроника» (1987–2000 с перерывами). Сотрудничает с Международным французским радио, Радио Свобода.

Подрабинек Кирилл Пинхосович (р. 1952) – участник правозащитного движения в СССР. В 1977 г. за передачу материалов для публикации на Западе приговорен по статье 218-1 УК РСФСР (обвинение сфальсифицировано) к двум с половиной годам заключения. В 1980 г. за несколько дней до освобождения обвинен по статье 190-1 УК РСФСР, приговорен еще к трем годам заключения. Заключение отбывал в Тобольске, затем в следственной тюрьме в Ельце. Освобожден в 1983 г. Брат А. П. Подрабинека.

Политковская Анна Степановна (1958–2006) – журналистка и правозащитница. В начале 1990-х гг. благодаря своему рождению в Нью-Йорке получила гражданство США. С 1999 г. специальный корреспондент и обозреватель «Новой газеты». Автор документальных книг о второй чеченской войне: «Вторая

чеченская» (2002), «Чужая война, или Жизнь за шлагбаумом» (2002), «Putin s Russia» (2004) и др. Убита в Москве.

Полторанин Михаил Никифорович (р. 1939) – в 1975–1978 гг. собственный корреспондент газеты «Правда» по Казахстану, в 1978–1986 гг. специальный корреспондент газеты «Правда». В 1986–1988 гг. главный редактор газеты горкома КПСС «Московская правда». Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Министр печати и информации РСФСР, затем РФ (1990–1992). Заместитель председателя правительства РФ

(1992). В 1993–1996 гг. депутат Государственной Думы. Автор книги «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса» (2010).

Полубояринов Валентин – бывший полковник ГРУ, бывший начальник оперативно-аналитического центра ГРУ. Один из создателей банды братьев Ларионовых.

Полякова Мара Федоровна (р. 1942) – юрист, член Московской Хельсинкской Группы. Председатель правления региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет». Член группы обвинителей Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Полякова Элла Михайловна (р. 1941) – председатель правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга». Член оргкомитета Российской коалиции в поддержку Международного уголовного суда.

Померанц Григорий Соломонович (1918–2013) – философ, культуролог. Участник Великой Отечественной войны. В 1949 г. по статье 58–10 УК РСФСР осужден на пять лет. В 1950–1953 гг. в Каргопольлаге. В 1953 г. освобожден. В 1978–1980 гг. постоянно публиковался в самиздатском общественно-политическом журнале «Поиски», с 1987 г. – в журнале «Гласность». Автор мемуаров «Записки гадкого утенка» (2003).

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991) – журналист, литературный критик, мемуарист, поэт. С 1919 г. в эмиграции. Выступал в периодических изданиях эмиграции как поэт, автор очерков, интервью, эссе о деятелях русской эмиграции. Сотрудник газеты «Русская мысль». Автор мемуаров «Сквозь смерть» (1986).

Пономарёв Лев Александрович (р. 1941) – физик, доктор физико-математических наук, профессор; политический и общественный деятель. В 1988 г. один из инициаторов создания общества «Мемориал». В 1990–1993 гг. народный депутат России. В 1991–1998 гг. один из сопредседателей движения

«Демократическая Россия». Депутат Государственной думы (1994–1996). Основатель и исполнительный директор общественного движения «За права человека» с 1997 г. В 1999–2000 гг. член политсовета избирательного блока «Союз правых сил» (СПС).

Попов Гавриил Харитонович (р. 1936) – народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Председатель Московского городского совета народных депутатов (1990–1991). Мэр Москвы (1991–1992). В 1991 г. один из сопредседателей движения «Демократическая Россия».

Попов Геннадий Викторович (р. 1940) – искусствовед, с 1994 г. директор Центрального музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Попов Игорь Николаевич (1905–1988) – живописец, коллекционер предметов искусства.

Попов Кирилл Николаевич (р. 1949) – химик. Сотрудник «Бюллетеня В» и Фонда помощи политзаключенным. В 1985 г. арестован, в 1986 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к шести годам лагерей и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима. В 1987 г. освобожден. Помогал изданию журнала «Гласность».

Попов Сергей Алексеевич (р. 1948) – с 1994 г. адвокат Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург». Депутат Государственной думы (1995–2007) от фракции «Яблоко». Заместитель председателя партии «Яблоко».

Постнов – лечащий врач А. Д. Сахарова в Москве.

Потешный В. – представитель свободных профсоюзов на шестой конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» (1995).

Потёмкин Михаил (ныне Платов Мануил; р. 1960) – в конце 1980-х гг. ответственный секретарь религиозной группы «Братство диалога». В начале 1990-х гг. сотрудник отдела внешних церковных сношений Московской патриархии, бывший иеродиакон Литовской епархии.

Починок Александр Петрович (1958–2014) – экономист. Руководитель Государственной налоговой службы РФ (1997–1998). Министр по налогам и сборам (1999–2000), министр труда и социального развития (2000–2004).

Прегель Софья Юльевна (1897–1972) – поэт, прозаик, мемуарист, критик, редактор, издатель журнала «Новоселье» (1942–1950 гг.) и произведений А. М. Ремизова. С 1922 г. в эмиграции. Печаталась в газете «Русская мысль». Автор мемуаров «Моё детство» (1973, 1974).

Преображенский Константин Георгиевич (р. 1953) – бывший подполковник КГБ (в запасе с 1991 г.), японист, публицист.

Известен исследованиями и публикациями о работе КГБ / ФСБ в среде русскоязычных иммигрантов в странах Запада, а также о сотрудничестве КГБ / ФСБ с РПЦ. Автор книг «КГБ в Японии. Шпион, который любил Токио» (2000), «КГБ в русской эмиграции» (2006) «КГБ приезжает с нами» (2009). В КГБ с 1976 г. В 1980–1985 гг. резидент КГБ в Японии под прикрытием статуса корреспондента ТАСС. В 1985 г. задержан и за шпионаж выслан из Японии. В 2003 г. покинул Россию и в 2006 г. получил политическое убежище в США.

Прибыловский Владимир Валерианович (1956–2016) – историк, правозащитник, журналист, публицист и переводчик. Президент информационно-исследовательского центра «Панорама», руководитель интернет-издания «Антикомпромат». Автор книги (в соавторстве с Ю. Г. Фельштинским) «Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина» (2010).

Примаков Евгений Максимович (1929–2015) – начальник Первого главного управления КГБ (1991), директор Службы внешней разведки России (1991–1996). Министр иностранных дел РФ (1996–1998), председатель правительства РФ (1998–1999). Депутат Государственной думы (2000–2001). Президент Торгово-промышленной палаты РФ (2001–2011). Автор мемуаров «Мысли вслух» (2011), «Встречи на перекрестках» (2015) и мн. др.

Прихненко Нина Константиновна (1920–2009) – в 1967–1993 гг. секретарь редакции и заведующая персоналом газеты «Русская мысль».

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – композитор.

Проханов Александр Андреевич (р. 1938) – писатель, публицист. В 1990–1993 гг. главный редактор газеты «День» (запрещена министерством юстиции в 1993). С 1993 г. главный редактор газеты «Завтра».

Прохоров Валерий Иванович (р. 1939) – участник правозащитного движения в СССР в 1960-х – 1970-х гг. Помогал Фонду помощи политическим заключенным. В 1978 г. выехал с семьей во Францию. Живет в Париже. В 1984–1992 гг. сотрудник редакции газеты «Русская мысль». В 1992–1996 гг. помощник И. А. Иловайской-Альберти на радиостанции «Благовест» в отделе писем. Муж О. Ю. Прохоровой (Иофе).

Прохорова Ольга Юрьевна – см. Иофе Ольга Юрьевна.

Пруст Марсель (1871–1922) – французский писатель. Автор романного цикла «В поисках утраченного времени», над которым он работал с 1907 г. до конца жизни.

Пустынцев Борис Павлович (1935–2014) – советский политзаключенный, правозащитник, переводчик и режиссер дубляжа. Участник подпольной группы, распространявшей в

1956 г. листовки с протестом против подавления советскими войсками восстания в Венгрии. В 1957 г. вместе с другими членами группы арестован КГБ. Приговорен по статье 58–10, 58–11 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. До 1962 г. отбывал срок в Дубравлаге (Мордовия). В 1991–1996 гг. сопредседатель Санкт-Петербургского отделения общества «Мемориал». В 1993–1995 гг. помощник депутата Государственной думы М. М. Молоствова.

Путин Владимир Владимирович (р. 1952) – в 1975–1991 гг. сотрудник КГБ. Уволился в звании подполковника. В 1990–1996 гг. сотрудник мэрии Ленинграда (затем Санкт-Петербурга); советник председателя Ленсовета, затем мэра Ленинграда (Санкт-Петербурга) А. А. Собчака. В 1991–1996 гг. председатель Комитета по внешним связям мэрии Ленинграда (с 1992 г. Санкт-Петербурга). Вице-мэр Санкт-Петербурга (1994–1996). Директор ФСБ (1998–1999), секретарь Совета безопасности РФ в 1999 г. Премьер-министр в 1999–2000 гг. и 2008–2012 гг. Президент России в 2000–2008 гг. и с 2012 г.

Рабин Оскар Яковлевич (1928–2018) – российский и французский художник. Представитель советского андерграунда. В 1978 г. лишен советского гражданства (восстановлено в 1990). С 1978 г. в эмиграции во Франции.

Радек Карл Бернгардович (настоящее имя Собельсон Кароль; 1885–1939) – участник международного социал-демократического и коммунистического движения. В 1920–1924 гг. член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна. Убит в тюрьме.

Разумовский Георгий Петрович (р. 1936) – депутат Совета Союза Верховного Совета СССР (1973–1989 гг.). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1988–1990). Народный депутат СССР в 1989–1992 гг.

Раковский Мечислав Францишек (1926–2008) – председатель Совета министров Польши (1988–1989). Последний первый секретарь ЦК ПОРП (1989–1990). Автор книг по проблемам внешней политики и общественно-политической жизни Польши.

Рапопорт Наталья Яковлевна – дочь Я. Л. Рапопорта, с 1990 г. исследователь на факультете биоинженерии Университета штата Юта (США). Автор мемуаров «То ли быль, то ли небыль» (1998), «Личное дело. Автобиографический роман» (2000).

Рапопорт Яков Львович (1898–1996) – ученый-медик, патологоанатом, мемуарист. Один из фигурантов «дела врачей» 1953 г. (два месяца провел в тюрьме Лефортово, освобожден после смерти И. В. Сталина). Автор мемуаров «На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года» (1988).

Ратушинская Ирина Борисовна (р. 1954) – поэт, советская

политзаключенная. В 1982 г. арестована за выступление в защиту сосланного в Горький А. Д. Сахарова и распространение своих стихов в самиздате, в 1983 г. по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) приговорена к семи годам заключения и пяти годам ссылки. Срок отбывала в Дубравлаге (Мордовия), в «Малой зоне» для женщин, осужденных по политическим статьям. В 1986 г. освобождена. В 1987 г. лишена советского гражданства (восстановлено в 1990). Жена И. О. Геращенко. Автор мемуаров «Серый – цвет надежды» (1989) и др.

Рахмилович Андрей Викторович (р. 1952) – адвокат, член Московской городской коллегии адвокатов. Консультант советских диссидентов, автор кассации по второму делу В. А. Орехова.

Рахмилович Виктор Абрамович (1923–2003) – правовед. Участник (в качестве эксперта) в процессе по делу КПСС в Конституционном Суде РФ. Главный научный сотрудник Института сравнительного законодательства и права при правительстве РФ. Участник юридических круглых столов и конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Ревель Жан-Франсуа (1924–2006) – французский философ, писатель, историк искусств, литературовед; член Французской академии. Являлся спичрайтером президента Франции Франсуа Миттерана. Автор мемуаров «Вор в пустом доме, монах и философ» (Revel J.-F. «Le Voleur dans la maison vide», 1997), переведенных более чем на двадцать языков.

Реддуэй (Радвей, Реддавей) Питер Брайан (Peter Reddaway, р. 1939) – британско-американский политолог и историк. Один из первых советологов, занявшихся изучением движения за права человека в СССР. Основатель и директор

Фонда Александр Герцена (Alexander Herzenstichting). Автор книг «Психиатрический террор: как советскую психиатрию используют для борьбы с диссидентами» (в соавторстве с австралийским психиатром С. Блохом; Psychiatric Terror: How Soviet Psychiatry is Used to Suppress Dissent (met S. Bloch, 1977)), «Трагедия российских реформ. Рыночный большевизм против демократии» (в соавторстве с Д. Ю. Глинским; The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy, 2001), «Динамика российской политики: реформы Путина в области федерально-региональных взаимоотношений» (в соавторстве с Р. Орттунгом; The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations (met R. Orttung, 2003) и др.

Резник Генри Маркович (р. 1938) – адвокат, с 1985 г. председатель Московской городской коллегии адвокатов.

Резунков Виктор Юрьевич (1958–2017) – корреспондент

Радио Свобода в Петербурге, шеф-редактор петербургского бюро Радио Свобода. Бывший сотрудник журнала «Гласность».

Рейган Рональд Уилсон (1911–2004) – президент США (1981–1989).

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский живописец.

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель. С 1921 г. в эмиграции, с 1923 г. в Париже. Решетов Юрий Александрович (1935–2003) – дипломат. В 1980–1986 гг. старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР. В 1992–1998 гг. посол РФ в Исландии. Участник юридических круглых столов в рамках конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Римский Владимир Львович (р. 1953) – сотрудник Центра прикладных политических исследований ИНДЕМ с 1991 г.

Рогинский Арсений Борисович (1946–2017) – историк и правозащитник, советский политзаключенный. В 1981 г. арестован за составление и редактирование самиздата, приговорен по статье 196 УК РСФСР к четырем годам лишения свободы. Отбывал срок в лагерях Коми АССР, Мурманской и Кировской областей. В 1988–1989 гг. один из основателей общества «Мемориал». Один из инициаторов исключения в 1992 г. из устава общества упоминания о том, что «Мемориал» – общественно-политическая организация. С 1998 г. председатель правления историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

Рогов Сергей Михайлович (р. 1948) – директор Института США и Канады РАН в 1995–2015 гг. Автор книг о международных отношениях.

Рогозин Георгий Георгиевич (1942–2014) – в 1992–1996 гг. первый заместитель начальника службы безопасности президента РФ. Занимался вопросами астрологии, телекинеза и парапсихологии. С 1994 г. генерал-майор ФСБ. Автор книги (в соавторстве с Б. К. Ратниковым) «Картина мира в представлении спецслужб: от мистики до осмысления» (2011).

Рогозин Дмитрий Олегович (р. 1963) – государственный деятель. В конце 1980-х гг. сотрудник Комитета молодежных организаций СССР (с 1988 г. – заведующий сектором международных организаций). В 1989–1992 гг. активист русских националистических организаций. В 1997–2007 гг. депутат Государственной Думы. Основатель (2003) и неофициальный лидер распущенной по решению суда националистической партии «Родина» (в 2004–2006 – ее председатель). В 2008–2011 гг. постоянный представитель РФ при НАТО в Брюсселе. В 2011–

2012 гг. специальный представитель президента РФ по взаимодействию с НАТО в области противоракетной обороны. С 2011 г. вице-премьер. Автор книг о международных отношениях.

Родионов Игорь Николаевич (1936–2014) – в 1988–1989 гг. командующий войсками Закавказского военного округа, военный комендант г. Тбилиси. Как командующий округом руководил разгоном демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1989 г., во время которой погибло 19 человек. В 1989–1996 гг. начальник Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил. Министр обороны РФ (1996–1997), депутат Государственной Думы (1999–2007), генерал.

Розанова Мария Васильевна (р. 1929) – литератор, публицист, издатель; супруга А. Д. Синявского. В 1973 г. вместе с А. Д. Синявским выехала из СССР. С 1977 по 1997 г. издатель и соредактор, а позднее главный редактор журнала «Синтаксис». Живет во Франции.

Рокар Мишель (1930–2016) – французский политик-социалист, премьер-министр Франции в 1988–1991 гг. С 1999 г. член Европарламента, до 2004 г. – председатель комиссий по правам человека, иностранным делам, безопасности.

Ромашевская Зофия – супруга З. Ромашевского, одна из основателей Комитета защиты рабочих и радио «Солидарность».

Ромашевский Збигнев (1940–2014) – польский правозащитник. В 1977 г. один из основателей Комитета защиты рабочих. После введения военного положения в 1981 г. организовал подпольное радио «Солидарность». В 1982 г. арестован, в заключении до 1984 г. Сенатор Сейма Польши (1989–2011).

Ронкин Валерий Ефимович (1936–2010) – правозащитник. Советский политзаключенный. В 1965 г. за написание и распространение самиздата приговорен по статьям 70 и 72 УК РСФСР к семи годам лишения свободы и трем годам ссылки. Отбывал срок в Дубравлаге (Мордовия), затем во Владимирской тюрьме (1969–1972). В 1972–1975 гг. в ссылке в поселке Нижняя Омра Троице-Печорского района Коми АССР. Освобожден в 1975 г. Член общества «Мемориал» в Санкт-Петербурге. Автор журнала «Гласность». Автор книги мемуаров «На смену декабрям приходят январи…» (2003).

Рост Юрий Михайлович (р. 1939) – журналист, фотохудожник. В 1967–1979 гг. специальный корреспондент газеты «Комсомольская правда». С 1979 г. обозреватель и фотокорреспондент еженедельника «Литературная газета». С 1997 г. обозреватель и фотокорреспондент газеты «Московские новости». В настоящее время обозреватель «Новой газеты».

Ротарь Игорь Владимирович (р. 1965) – журналист. В настоящее время живет в США.

Рохлин Лев Яковлевич (1947–1998) – генерал, один из командующих штурмом Грозного в 1994–1995 гг. Отказался от звания Героя России, к которому был представлен за эту операцию. Депутат Государственной думы (1995–1998). В 1997 г. создал политическое движение – «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА), в оргкомитет которого вошли в том числе бывший министр обороны И. Н. Родионов и экс-глава КГБ В. А. Крючков. Убит в 1998 г. выстрелом в голову у себя на даче. В убийстве обвинена его жена Т. П. Рохлина. Настоящие убийцы не были установлены.

Рохлина Тамара Павловна (р. 1949) – жена генерала Л. Я. Рохлина; осуждена по обвинению в убийстве мужа в 2000 г. В 2001 г. Верховный суд РФ отменил обвинительный приговор.

Рубанов Владимир Арсентьевич (р. 1944) – в 1989–1990 гг. помощник министра внутренних дел СССР. В 1991–1992 гг. начальник Аналитического управления КГБ. Полковник запаса. Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ (1993–1996). Участник юридических круглых столов и конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – президент США (1933–1945).

Рузвельт Элеонора (1884–1962) – супруга президента США Ф. Д. Рузвельта. Во время Второй мировой войны заместитель министра обороны США. В 1940-е гг. одна из основателей правозащитной организации «Freedom House». Участница создания ООН. Делегат Ассамблеи ООН. Председатель комитета ООН, разрабатывавшего Всеобщую декларацию прав человека. Помогла выехать из США резидентам советской разведки с материалами об атомной бомбе.

Руис-Ибаррури-Сергеева Долорес (Лола) Артемовна (р. 1960) – внучка Д. Ибаррури.

Румянцев Олег Германович (р. 1961) – юрист. В 1987–1989 гг. президент клубов «Перестройка» и «Демократическая перестройка». В 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР, затем член Верховного Совета РФ, один из авторов Конституции РФ, ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РФ, руководитель Рабочей группы по подготовке проекта Конституции РФ. Автор книг по вопросам конституционного права, конституционной реформы.

Рунов Георгий Петрович – нижегородский врач, наблюдавший А. Д. Сахарова.

Русланова Лидия Андреевна (1900–1973) – певица,

популярная исполнительница народных песен. В 1948 г. Лидии Руслановой было предъявлено обвинение по статье 58 УК РСФСР («Антисоветская пропаганда»). Помимо этого ее обвинили в «грабеже и присвоении трофейного имущества в больших масштабах», а именно, что в конце войны, опустошая жилища отступавших немцев, ее муж, генерал Крюков перевез в Москву большое количество мебели, картин, драгоценностей. Ее приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества (Крюкова к двадцати пяти годам). Отбывала наказание в Озерлаге (Тайшет) и во Владимирской тюрьме с 1949 по 1953 г. В 1953 г. по заявлению В. Крюкова дело Руслановой было пересмотрено и ей удалось вернуть часть конфискованного имущества, в том числе 103 живописных полотна.

Руцкой Александр Владимирович (р. 1947) – в 1990–1991 гг. народный депутат РСФСР. Вице-президент РФ (1991–1993). В 1996–2000 гг. глава администрации, затем губернатор Курской области. Генерал-майор авиации, Герой Советского Союза (за военные действия в Афганистане).

Рыбальченко Илья – бывший сотрудник общественного фонда «Гласность».

Рыбкин Иван Петрович (р. 1946) – председатель Государственной думы (1994–1996), секретарь Совета безопасности РФ (1996–1998).

Рыжков Николай Иванович (р. 1929) – депутат Верховного Совета СССР (1974–1989), член Политбюро ЦК КПСС (1985–1991), председатель Совета министров СССР (1985–1991), депутат Государственной думы (1995–2003). Автор мемуаров «Перестройка. История предательств» (1992), «Главный свидетель. Дело о развале СССР» (2009) и др.

Рыжов Юрий Алексеевич (р. 1930) – физик, академик РАН, дипломат. В 1989–1992 гг. народный депутат СССР. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Посол РФ во Франции (1992–1998). Член Совета по внешней и оборонной политике, входил в состав жюри премии «Просветитель» и редколлегии книжной серии «Литературные памятники» (с 2002 г.).

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский государственный деятель, первый народный комиссар внутренних дел РСФСР (1917), член Политбюро РКП(б), затем ВКП(б) (1922–1930), председатель СНК СССР (1924–1930) и одновременно СНК РСФСР (1924–1929). Один из исполняющих обязанности главы правительства во время болезни В. И. Ленина. Расстрелян.

Рэддевэй – см. Реддуэй.

Савельев Владимир Семенович (1934–1998) – поэт, переводчик, публицист. Первый секретарь Союза писателей Москвы (1992–1998).

Савенко Юрий Сергеевич (р. 1938) – психиатр. Президент Независимой психиатрической ассоциации России (с 1989 г.). Редактор «Независимого психиатрического журнала» с 1991 г. Автор книг по психиатрии.

Савостьянов Евгений Вадимович (р. 1952) – с 1991 по 1994 г. заместитель председателя (министра, директора) – начальник управления КГБ (Агентства Федеральной Безопасности, Министерства Безопасности России, Федеральной Службы Контрразведки) по г. Москве и Московской области. Заместитель руководителя администрации президента РФ по кадровым вопросам (1996–1998). Член Совета по внешней и оборонной политике. Генерал-майор.

Садунайте Нийоле (Sadūnaitė Nijolė, р. 1938) – литовская монахиня. В 1956 г. поступила послушницей в подпольный женский монастырь в Паневежисе, с 1958 г. монахиня. Окончила курсы медсестер, работала в вильнюсском Доме ребенка, затем дежурной в Музее искусств Литовской ССР. С 1972 г. – активная сотрудница «Хроники Литовской католической церкви». Арестована в августе 1974 г., отправлена в психиатрическую больницу в Вильнюсе, а затем в Новой Вилейке. В 1975 г. Верховным судом ЛитССР приговорена по статье 68 ч.1 УК ЛитССР (аналог ст. 70 ч.1 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда») к трем годам исправительно-трудовых работ и трем годам ссылки в Сибирь. Срок отбывала в Мордовии. Освобождена в 1977 г.; в 1977–1980 гг. отбывала ссылку в с. Богучаны Красноярского края, работала уборщицей в школе. Вернулась в Литву в 1980 г. Продолжила работу по тиражированию и распространению «Хроники ЛКЦ», доставляла документы и устную информацию в Москву. С ноября 1982 г. была вынуждена на пять лет уйти в подполье, была объявлена во всесоюзный розыск. Находясь в подполье, продолжала сотрудничество с правозащитниками, доставляла в Москву «Хронику ЛКЦ» и др. нелегальные издания. В октябре 1983 г. передала на Запад рукопись своих воспоминаний «В поле зрения КГБ» (Sadūnaitė N. KGB akiratyje. Chicago: Ateitis, 1985). С 1987 г. активная участница общественного движения в Литве. Награждена орденом «Крест Погони» II ст. (1998).

Саксонова Елена Олимпиевна (1930–2010) – врач-офтальмолог.

Салказанова Фатима Александровна (1942–2015) – журналист. С 1963 г. в эмиграции. С середины 1960-х гг. до

1995 г. сотрудничала с Радио Свобода (в штате с 1971). С 1995 г. в русской редакции Международного французского радио (Radio France internationale, RFI).

Салье Марина Евгеньевна (1934–2012) – в 1990–1993 гг. депутат Ленинградского городского совета, председатель комиссии по продовольствию. В 1992 г. Салье и Ю. П. Гладков возглавляли комиссию Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов, созданную для расследования деятельности председателя Комитета по внешним связям при мэре Санкт-Петербурга Владимира Путина. После того как комиссия представила результаты расследования, горсовет принял резолюцию, призывающую мэра отправить Путина в отставку и поручить прокуратуре расследовать подозрения в коррупции и хищении средств. Мэр проигнорировал рекомендацию. В докладе говорилось о программе «Ресурсы в обмен на продовольствие», связанной с бартерными поставками из-за рубежа продовольствия для Ленинграда в обмен на сырье из государственных резервов. Участница движения «Демократическая Россия». Народный депутат России в 1990–1993 гг. Председатель Свободной демократической партии России. член Партии народной свободы (ПАРНАС). Автор книг «Концепция реформы местного самоуправления в современной России» (1995), «Шестая Государственная Дума и второй Президент России: политические уроки» (1996). В 2001 г. переехала жить в деревню, расположенную более чем в 400 км от Санкт-Петербурга. В интервью Радио Свобода 2 марта 2010 г. объяснила свой отъезд в деревню страхом за свою жизнь.

Самодуров Юрий Вадимович (р. 1951) – директор Музея и общественного центра имени А. Д. Сахарова (1996–2008).

Самченко Станислав Анатольевич – председатель ликвидированной Нижегородской областной общественной организации «Центр международной защиты прав человека».

Санин (настоящая фамилия Шенберг) Александр Акимович (1869–1956) – актер, театральный режиссер, театральный педагог. После 1922 г. в эмиграции.

Санникова Елена Никитична (р. 1959) – филолог, журналист, сотрудник «Бюллетеня В», сотрудник архива общества «Мемориал», эксперт движения «За права человека», советская политзаключенная. В 1984 г. по статье 70 УК РСФСР приговорена к одному году заключения и четырем годам ссылки. Срок заключения отбывала в 1984–1985 гг. в Дубравлаге (Мордовия), в «Малой зоне» для женщин, осужденных по политическим статьям, ссылку – в 1985–1987 гг. в Томской области. Освобождена в 1987 г. Сотрудник Фонда помощи политзаключенным в 1989–

1994 гг.

Санович Игорь Григорьевич (1923–2010) – коллекционер предметов искусства.

Сапунов Николай Николаевич (1880–1912) – русский живописец и театральный художник.

Сатаров Георгий Александрович (р. 1947) – аналитик, публицист, преподаватель РАНХиГС. Инициатор учреждения и президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ». Помощник президента РФ Б. Н. Ельцина (1994–1997). Автор книг по социологии.

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – физик, один из создателей советской водородной бомбы, академик АН СССР, один из центральных участников правозащитного движения в СССР (с 1968). Автор трактата «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). Основатель Фонда помощи детям политзаключенных (1974). Лауреат Нобелевской премии мира (1975). Подвергался преследованиям: отказ в выезде на церемонию получения Нобелевской премии (1975), ссылка в г. Горький (ныне Нижний Новгород; 1980–1986), принудительная госпитализация во время голодовки (1981). Сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989).

Сац Александр Игоревич (1941–2007) – пианист.

Сванидзе Николай Карлович (р. 1955) – тележурналист, историк.

Светлова Наталья Дмитриевна – см. Солженицына.

Светов (настоящая фамилия Фридлянд) Феликс Григорьевич (1927–2002) – критик, писатель. Участник деятельности Фонда помощи политзаключенным. В 1985 г. арестован, в 1986 г. после года в Матросской тишине по статье 190-1 УК РСФСР приговорен к пяти годам ссылки и отправлен на Алтай. В 1987 г. освобожден. Автор книг «Опыт биографии» (1985), «Тюрьма» (1992).

Светова Зоя Феликсовна (р. 1959) – журналист, публицист, правозащитник. В 1993–2001 гг. обозреватель газеты «Русская мысль» (Париж). В 1994–1999 гг. ассистент корреспондента московского бюро Международного французского радио (Radio France internationale, RFI). Сотрудничала с газетами «Либерасьон», «Новые Известия», «Русский курьер». В 2000–2002 гг. эксперт Фонда Сороса по программам, связанным с развитием права, судебной системы и с темой прав человека в РФ. В 2009–2014 гг. обозреватель журнала The New Times. Автор документального романа «Признать невиновного виновным» (2011).

Свинцова Ольга (р. 1948) – член НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов), дочь русских эмигрантов, живет в

Париже.

Свиридов Иоанн (Иван) Александрович (р. 1951) – в 1982–1991 гг. сотрудник отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. В 1991–1994 гг. заведующий сектором СМИ в Отделе религиозного образования и катехизации МП. Автор многих статей в газете «Русская мысль» (Париж), ушел из газеты после смерти главного редактора И. А. Иловайской-Альберти. С 1995 г. учредитель и президент итальянско-австрийско-российского Фонда «Радио Мария».

Севрук Галина Анатольевна – член Комитета солдатских матерей России.

Селюнин Василий Илларионович (1927–1994) – публицист, специальный корреспондент газеты «Известия», автор статей в журнале «Гласность». Депутат Государственной думы (1993–1994).

Семёнов Алексей Иванович (р. 1956) – сын Е. Г. Боннэр. С 1978 г. живет в США.

Семёнов (настоящая фамилия Ляндрес) Юлиан Семенович (1931–1993) – писатель, сценарист, публицист, журналист. Автор книг о сотрудниках органов госбезопасности и разведки.

Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001) – первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1958–1959). Председатель КГБ (1961–1967), генерал-полковник. Автор мемуаров «Беспокойное сердце» (2002).

Сендеров Валерий Анатольевич (1945–2014) – правозащитник, советский политзаключенный, математик, педагог, публицист. Участник деятельности НТС в СССР. В 1980 г. совместно с Б. И. Каневским написал и распространил в самиздате работу «Интеллектуальный геноцид» – о дискриминации евреев при поступлении в советские вузы, особенно на механико-математический факультет МГУ. Один из создателей в Москве неформальных учебных курсов под названием «Еврейский народный университет», где известные математики читали на добровольных началах лекции не поступившим на мехмат МГУ и т. п. С 1981 г. член Совета представителей СМОТ, а также один из редакторов Информационного бюллетеня СМОТ. В 1982 г. арестован КГБ за публикацию статей в русских изданиях за рубежом, главным образом в журнале «Посев» и газете «Русская Мысль». Приговорен к семи годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на пять лет по статье 70 УК РСФСР. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима, в 1985–1986 гг. – в Чистопольской тюрьме. В 1987 г. досрочно освобожден. Автор книги «Это наша война» (1993; о войне в Карабахе).

Сергеев Геннадий Николаевич (1964–1993) – офицер группы

«Альфа», младший лейтенант Министерства безопасности РФ. Погиб при штурме Дома правительства в 1993 г.

Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) – митрополит Московский и Коломенский (1934–1943). Местоблюститель патриаршего престола (1936–1943). Патриарх Московский и всея Руси (РПЦ МП; 1943–1944).

Серов Валентин Александрович (1865–1911) – живописец, портретист.

Серов Виктор Викторович (1924–2007) – патологоанатом, академик РАМН.

Сидоров Евгений Юрьевич (р. 1938) – литературный критик, литературовед. Член редколлегии и заведующий отделом литературы и искусства газеты «Московский комсомолец» (1962–1965), заведующий отделом русской литературы «Литературной газеты» (1965–1967), заведующий отделом критики журнала «Юность» (1967–1971). Министр культуры РФ (1992–1997). В 1993–1995 гг. депутат Государственной Думы. Представитель РФ при ЮНЕСКО (1998–2002).

Силаев Иван Степанович (р. 1930) – российский государственный деятель, дипломат; председатель Совета министров РСФСР (1990–1991).

Симонов Алексей Кириллович (Константинович; р. 1939) – писатель, кинорежиссер. С 1991 г. президент «Фонда защиты гласности».

Симонова Мария Кирилловна (род. 1950) – координатор «Фонда защиты гласности».

Синявский Андрей Донатович (псевдоним Абрам Терц; 1925–1997) – писатель и литературовед. В 1965 г. арестован, в 1966 г. по статье 70 УК РСФСР приговорен к семи годам лагерей. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). В 1971 г. помилован. С 1973 г. в эмиграции. Автор книг «В тени Гоголя» (1973), «Прогулки с Пушкиным» (1975), «Спокойной ночи» (1983) и др.

Сионский Александр Алексеевич (1899–1976) – эмигрант из России, живший в Париже. В 1960-е гг. сотрудник редакции газеты «Русская мысль». Активный сотрудник НТС (см. выше).

Сиротенко Елена Львовна (р. 1952) – жена П. А. Айрикяна, распространительница самиздата, участница Фонда помощи политзаключенным. Жила с мужем в ссылке в Иркутской области.

Сиуда Петр Петрович (1937–1990) – анархо-синдикалист, политзаключенный, историк. Участник Новочеркасских событий 1962 г. В 1962 г. приговорен к двенадцати годам лагеря по статье 79 УК РСФСР. В 1962–1966 гг. заключенный. Срок отбывал в Коми АССР. Досрочно освобожден. Убит.

Сквирский Владимир Ильич (1930–1993) – географ, геолог.

Один из основателей СМОТ. В 1978 г. арестован. В 1979 г. осужден на пять лет ссылки по статье 170-1 УК КазССР (аналог статьи 190-1 УК РСФСР). Наказание отбывал в Казахстане. В ссылке три раза получал новые сроки по той же статье. Освобожден в 1987 г.

Скоков Юрий Владимирович (1938–2013) – в 1989–1991 гг. народный депутат СССР. В 1990–1991 гг. первый заместитель председателя Совета министров РСФСР. Первый Секретарь Совета Безопасности РФ (1992–1993).

Скубко Юрий Сергеевич (р. 1953) – член Координационного совета партии «Демократический Союз» (1988–1990), член правления московского отделения общества «Мемориал».

Скуратов Юрий Ильич (р. 1952) – генеральный прокурор РФ (1995–1999). Автор книг «Кремлёвские подряды: последнее дело Генпрокурора» (2010), «Путин – исполнитель злой воли» (2012) и др.

Сляднев Петр – начальник ГУВД Владивостока, затем начальник Следственного управления УВД по Приморскому краю; полковник.

Сметнев – лечащий врач А. Д. Сахарова в Москве.

Смирнов Алексей Олегович (р. 1951) – участник правозащитного движения в СССР. Автор, редактор и распространитель самиздатских изданий о нарушениях прав человека в СССР: участник издания «Хроники текущих событий» (1979–1982 гг.), сотрудник «Бюллетеня В». В 1982 г. арестован, в 1983 г. осужден по статье 70 УК РСФСР на шесть лет лагерей и четыре года ссылки. Срок заключения отбывал в пермской политической зоне строгого режима и в Чистопольской тюрьме. В 1987 г. освобожден. В 1988 г. продолжил издание «Списка советских политзаключенных», находившихся в лагерях. С 1989 г. член Московской Хельсинкской группы. Организатор и в 1992–1998 гг. директор Московского исследовательского центра по правам человека – ассоциации пятнадцати независимых неправительственных правозащитных организаций (юридических лиц).

Смирнов Игорь Николаевич (р. 1941) – первый президент Приднестровской Молдавской Республики (1991–2011).

Смирнов Николай Павлович (1898–1978) – прозаик, поэт, критик, исследователь творчества И. А. Бунина, ответственный секретарь журнала «Красная новь». В 1934 г. по статье 58–10 УК РСФСР приговорен к пяти годам лишения свободы. Срок отбывал под Красноярском, затем на Печоре и в Воркуте. Освобожден в 1939 г. После освобождения жил в городе Александров Владимирской области, в Москве, Плёсе.

Смирнов-Осташвили Константин Владимирович (1936–1991) – общественный деятель, русский националист. Председатель Союза за национально-пропорциональное представительство «Память». 18 января 1990 г. принял активное участие в известном скандале в Центральном доме литератора (ЦДЛ), выступив против членов общества «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»), когда был избит литератор Анатолий Курчаткин. В 1990 г. Смирнов-Осташвили был осужден на два года лишения свободы с отбыванием срока в колонии усиленного режима. За несколько дней перед досрочным освобождением, 26 апреля 1991 г., был найден повешенным на простыне в раздевалке отдела главного механика производственной зоны исправительно-трудовой колонии г. Твери. Существует мнение, что Смирнов-Осташвили был убит.

Снегирёв Гелий Иванович (1927–1978) – украинский кинорежиссер, сценарист, писатель, публицист, журналист. В 1977 г. арестован КГБ, помещен в СИЗО. В 1978 г. перевезён из тюрьмы в больницу, где и скончался. Автор документальной книги «Роман-донос».

Собчак Анатолий Александрович (1937–2000) – член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Председатель Ленинградского городского совета народных депутатов в 1990–1991 гг. Мэр Санкт-Петербурга в 1991–1996 гг. Автор мемуаров «Хождение во власть», «Дюжина ножей в спину». После возбуждения в отношении него уголовного дела тайно вывезен В. В. Путиным на самолёте в Финляндию, жил в Париже. Умер после возвращения в Россию от сердечной недостаточности при странных обстоятельствах.

Сойфер Владимир Николаевич (р. 1930) – океанолог. Бывший заведующий лабораторией ядерной океанологии Тихоокеанского океанологического института (ТОИ) Дальневосточного отделения РАН. В 1999 г. обвинён по статье 275 УК РФ. Дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Сокирко Виктор Владимирович (1939–2018) – инженер, участник правозащитного движения. В 1973 г. осужден за отказ от дачи показаний по делу Якира – Красина на шесть месяцев исправительных работ. В конце 1970-х гг. вошел в состав редколлегии самиздатского журнала «Поиски», издавал также в самиздате сборники «В защиту экономических свобод» (под псевдонимом К. Буржуадемов). В 1980 г. осужден за участие в этих самиздатских проектах на три года лишения свободы условно. Председатель Общества защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод (1989–2001).

Опубликовал книгу «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (2000).

Сокольский Олег Элеозарович (р. 1941) – юрист, преподаватель Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина. В прошлом следователь, затем старший следователь прокуратуры Первомайского и Бауманского районов г. Москвы (1963–1971); младший, затем старший научный сотрудник ВНИИ прокуратуры СССР (1971–1990). Участник юридических круглых столов в рамках конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Солдатов Андрей Алексеевич (р. 1975) – журналист, соучредитель проекта agentura.ru вместе с И. П. Бороган. В 2000 г. обозреватель отдела политики газеты «Известия». В 2002–2004 гг. редактор отдела национальной безопасности газеты «Версия». В 2002 г. после публикации репортажа о штурме «Норд-Оста» вызывался на допросы в Следственное управление ФСБ в «Лефортово» в связи с возбужденным ФСБ уголовным делом по подозрению в разглашении государственной тайны. В 2003 г. дело прекращено. В 2004–2005 гг. автор газеты «Московские Новости». В 2006–2009 гг. обозреватель «Новой газеты». Автор книги «Новое дворянство. Очерки истории ФСБ» (в соавторстве с И. П. Бороган; 2011).

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – писатель. В 1945 г. за критику И. В. Сталина в личной переписке приговорен по статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР к восьми годам лагерей и вечной ссылке. Заключение отбывал в «шарашках» и Степлаге (Казахстан). Освобожден в 1953 г. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). В 1974 г. за публикацию текстов (в том числе «Архипелага ГУЛАГ») за границей обвинен по статье 64 УК РСФСР, выслан из СССР, лишен советского гражданства (восстановлено в 1990). В 1974 г. на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ» основал Русский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям. Вернулся в Россию в 1994 г.

Солженицын Игнат Александрович (р. 1972) – американский и российский пианист, дирижер, сын А. И. Солженицына.

Солженицына Наталия Дмитриевна (р. 1939) – математик, жена А. И. Солженицына. В 1974–1994 гг. в эмиграции (Швейцария, США). Главный распорядитель Фонда помощи политзаключенным (с 1974). Лишена советского гражданства в 1976 г. (восстановлено в 1990).

Сорос Джордж (р. 1930) – американский трейдер, финансист, инвестор, филантроп, мультимиллионер. В 1979 г. основал Фонд (сперва в Венгрии и Китае, позже в других постсоциалистических

странах), через который проводит широкую благотворительную и просветительскую программу.

Сосковец Олег Николаевич (р. 1949) – в 1989–1991 гг. народный депутат СССР. В 1991 г. – министр металлургии СССР. Первый вице-премьер (1993–1996). С 1995 г. член партии «Наш дом – Россия».

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра. Создатель знаменитой актёрской системы. В 1898 г. вместе с Вл. И. Немировичем-Данченко основал Московский Художественный театр.

Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998) – член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР (затем РФ). В 1991–1992 гг. советник президента РФ по вопросам межнациональных отношений. Сопредседатель движения «Демократическая Россия» (1994–1998). В 1995–1998 гг. депутат Государственной Думы. Председатель партии «Демократическая Россия» в 1998 г. (тогда же съезд партии выразил свою лояльность президенту Б. Н. Ельцину, выступил за политический союз с НДР и «Демократическим выбором России» Е. Т. Гайдара). Автор книги «Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев» (1999). Убита в Петербурге.

Старушенко Глеб Борисович (1922–2007) – правовед, специалист по международно-правовым проблемам и государственному праву развивающихся стран, правовым и социальным проблемам национально-освободительного движения. Участник юридических круглых столов в рамках конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра» и Международного неправительственного трибунала по преступлениям в Чечне.

Стаськов Николай Викторович (р. 1951) – сотрудник штаба ВДВ с 1991 г. В 1993–1998 гг. заместитель командующего ВДВ по миротворческим силам. Начальник штаба – первый заместитель командующего ВДВ России (1998–2005), генерал-лейтенант запаса. Консультант круглого стола фонда «Гласность» по выработке мирового соглашения между Северной Осетией и Ингушетией.

Степашин Сергей Вадимович (р. 1952) – директор ФСК (1994–1995), директор ФСБ (1995), министр юстиции РФ (1997–1998), министр внутренних дел РФ (1998), генерал-полковник ФСБ (1998), председатель правительства РФ (1999), председатель Счётной палаты (2000–2013).

Стерлигов Александр Николаевич (р. 1943) – генерал-майор КГБ в отставке. В 1991 г. помощник по экономическим вопросам,

заместитель руководителя секретариата вице-президента РФ А. В. Руцкого. В 1992 г. председатель Учредительного съезда Русского Национального Собора в Нижнем Новгороде. Автор книг «Опальный генерал свидетельствует» (1992), «Что мы хотим?» (1996) и др.

Стецовский Юрий Исаакович (1927–2009) – адвокат, историк российской адвокатуры, член Московской городской коллегии адвокатов (1956–2001). Участник конференций и круглых столов «КГБ: вчера, сегодня, завтра». Автор двухтомной монографии «История советских репрессий» (1997).

Стивенс Эдмунд (1910–1992) – американский журналист, с 1940-х гг. жил в Москве.

Стивенсон Ирен (Айрин) (р.?) – представитель АФТ-КПП в России.

Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911) – председатель Совета министров Российской империи (1906–1911). Министр внутренних дел Российской империи (1906–1911).

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук (1889).

Стреляный Анатолий Иванович (р. 1939) – внештатный обозреватель Радио Свобода с 1995 г. Бывший сотрудник газеты «Комсомольская правда», журнала «Новый мир»), издательства «Советский писатель». Автор ряда книг и сценариев художественных и документальных фильмов.

Суворов Виктор (настоящее имя Резун Владимир Богданович; р. 1947) – бывший сотрудник резидентуры ГРУ СССР в Женеве. В 1978 г. бежал в Великобританию. В СССР, по собственным словам и согласно интервью бывшего начальника ГРУ, по статье 64 УК РСФСР заочно приговорен к смертной казни. Автор книг на исторические темы.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) – генерал НКВД СССР, специалист по диверсиям и убийствам политических эмигрантов. Убийца лидера украинских националистов Е. М. Коновальца (1938). Организатор убийства Л. Д. Троцкого. В 1953 г. арестован. Симулировал помешательство. До 1958 г. – в Ленинградской специальной психиатрической больнице. В 1958 г. приговорен к пятнадцати годам заключения по статье 58 УК РСФСР. Отбывал наказание во Владимирской тюрьме. Освобожден в 1968 г. Автор мемуарных книг «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» (1997), «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год» (2001), «Победа в тайной войне. 1941–1945 годы» (2005), «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» (2016).

Сурков Владислав Юрьевич (р. 1964) – в 1990-е гг. помощник начальника оперативного управления Антитеррористического центра ФСБ. Полковник ФСБ. Заместитель руководителя администрации президента РФ (1999–2011). Вице-премьер (2011–2013). Помощник президента РФ (с 2013 г).

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1952–1953, 1955–1982).

Сутягин Игорь Вячеславович (р. 1965) – российский и британский ученый, военный аналитик, старший научный сотрудник Королевского Объединенного института оборонных исследований (RUSI), бывший сотрудник Института США и Канады РАН. В 2004 г., несмотря на то, что не использовал секретных материалов, приговорен по статье 275 УК РФ к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Отбывал наказание в колонии строгого режима в Архангельской области. В 2010 г., проведя в заключении почти одиннадцать лет, в результате обмена осужденными между Россией и США освобожден. Живет в Великобритании.

Таиров Таир Фаридович (р. 1937) – юрист, известный советский агент влияния, активист советского Комитета по культурным связям с зарубежными странами, инициатор советских пропагандистских трибуналов по войнам во Вьетнаме и Никарагуа.

Тайванчик, см. Тохтахунов Алимжан Турсунович.

Талызин Николай Владимирович (1929–1991) – председатель Государственного планового комитета СССР (1985–1988).

Тамбури Андреа (1948–1994) – итальянский политик, активист Транснациональной Радикальной партии, первый ее координатор в России и странах СНГ (1993–1994). Убит.

Тимофеев Лев Михайлович (р. 1936) – журналист, экономист, советский политзаключенный. В 1985 г. за публикацию своих текстов на Западе приговорен по статье 70 УК РСФСР к шести годам лагерей и пяти годам ссылки. Отбывал наказание в пермской политической зоне строгого режима. Освобожден в 1987 г. Провел международную конференцию по правам человека в Москве от имени пресс-клуба «Гласность». Инициатор возобновления деятельности Московской Хельсинкской группы в 1989 г. В 1989–1994 гг. сопредседатель Московской Хельсинкской группы, член исполкома Международной Хельсинкской федерации. В те же годы – издатель и главный редактор неподцензурного журнала «Референдум». Автор книги мемуаров «Я – особо опасный преступник» (1990), ряда экономико-

социологических исследований теневой экономики СССР и России.

Тихон (Белавин Василий Иванович; 1865–1925) – патриарх Московский и всея России (1917–1925), первый после восстановления патриаршества в России.

Тишков Валерий Александрович (р. 1941) – этнолог, историк, социальный антрополог, автор книг по этнологии, действительный член (академик) РАН. С 1989 г. директор Института этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая (ныне Центр социальной антропологии РГГУ). Министр по делам национальностей РФ (1992).

Токке Луи (1696–1772) – французский художник-портретист.

Толбоев Магомед Омарович (р. 1951) – летчик-испытатель, депутат Государственной думы (1993–1995), председатель Совета безопасности Республики Дагестан в 1996–1998 гг.

Тольц Владимир Соломонович (р. 1944) – историк, журналист, участник правозащитного движения. Участник сбора материалов для «Хроники текущих событий». Сотрудник «Бюллетеня В». В 1982 г. под угрозой ареста эмигрировал. Сотрудник Радио Свобода с 1983 г.

Томский (настоящая фамилия Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936) – советский партийный и профсоюзный деятель. Председатель ВЦСПС в 1918–1921 гг. и 1922–1929 гг. Член Политбюро ВКП(б) (1922–1930).

Томсон Кеннет, лорд (1923–2006) – канадский бизнесмен, коллекционер предметов искусства, медиамагнат.

Тополянский Виктор Давыдович (р. 1938) – врач, публицист. Доцент Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова. Автор ряда монографий как медицинской, так и исторической направленности (история репрессий в СССР), в том числе книги «Вожди в законе. Очерки физиологии власти» (1996).

Торез Морис (1900–1964) – руководитель французского и международного рабочего и коммунистического движения, генеральный секретарь Французской коммунистической партии (1930–1964).

Торн (Земелис) Людмила Карловна (1938–2009) – сотрудница правозащитной организации «Freedom House».

Торшин Александр Порфирьевич (р. 1953) – в 1998–1999 гг. заместитель руководителя аппарата правительства РФ. С 2004 г. член партии «Единая Россия». В 2004–2006 гг. руководитель Парламентской комиссии Федерального Собрания РФ по расследованию причин и обстоятельств массового убийства в школе № 1 города Беслана в 2004 г. Исполняющий обязанности председателя Совета Федерации РФ в 2011 г.

Тосканини Артуро (1867–1957) – итальянский дирижер.

Тохтахунов Алимжан Турсунович («Тайванчик»; р. 1949) – предприниматель, меценат, президент «Отечественного футбольного фонда». Совладелец крупных московских казино – «Метрополь», «Европа» и «Азия» (ныне закрытых). Известен также как «Тайванчик» и «Алик». В российских и западных СМИ упоминается как один из крупнейших криминальных авторитетов России криминальный авторитет.

Трепашкин Михаил Иванович (р. 1957) – адвокат, бывший сотрудник КГБ, ФСБ и Федеральной службы налоговой полиции. С 1979 г. в органах госбезопасности. В 1997 г. уволен из ФСБ по сокращению штатов. Помощник Б. А. Березовского как депутата Государственной Думы в 1998–1999 гг. В 1998–2000 гг. полковник Федеральной службы налоговой полиции (ФСНП). Эксперт в общественной комиссии по расследованию взрывов жилых домов в России (1999) под председательством С. А. Ковалёва. В 2004 г. приговорен к четырем годам лишения свободы по статьям 283 и 222 УК РФ. Срок отбывал в колонии в Нижнем Тагиле. В 2005 г. освобожден по УДО, затем вновь арестован. В 2006 г. предоставил британской газете «The Sunday Telegraph» свои показания по делу Литвиненко. В 2007 г. освобожден.

Тропинин Василий Андреевич (1776–1857) – живописец-портретист.

Трофимов Анатолий Васильевич (1940–2005) – сотрудник органов госбезопасности. В органах КГБ с 1962 г. Следователь по ряду политических дел (С. А. Ковалёва, Ю. Ф. Орлова, В. А. Орехова, священников Г. П. Якунина и Д. С. Дудко). С 1980 г. начальник следственного отдела Московского управления КГБ.

С 1992 г. начальник управления по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства безопасности Российской Федерации. В 1995–1997 гг. начальник Управления ФСБ по Москве и Московской области, генерал-полковник в отставке. Убит.

Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – революционер, советский государственный и партийный деятель. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., один из создателей Красной армии. Председатель исполкома Петроградского совета в 1917 г. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. Народный комиссар по иностранным делам (1917–1918). Народный комиссар по военным делам РСФСР (1918–1923). Председатель Революционного военного совета РСФСР, СССР (1918–1925). Член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. Народный комиссар по военным и морским делам СССР (1923–1925). В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан

за пределы СССР. В 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в Мексике.

Трусова Татьяна Николаевна (1939–2006) – филолог, участница деятельности Фонда помощи политзаключенным, в издании «Бюллетеня В». По статье 209 УК РСФСР первоначально приговорена к лишению свободы, затем к ссылке, которую отбывала в Читинской области в 1983–1986 гг. (за подготовку самиздатского сборника «Дело Сергея Григорьянца»).

Тулеев Аман Гумирович (р. 1944) – председатель Кемеровского облисполкома (1990–1991). В 1990–1993 гг. председатель Кемеровского областного Совета народных депутатов. В 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР. Председатель Законодательного Собрания Кемеровской области (1994–1997). Министр РФ по сотрудничеству с государствами – участниками СНГ (1996–1997). Губернатор Кемеровской области с 1997 г.

Тулуз-Лотрек Анри де (1864–1901) – французский живописец и график.

Турков Андрей Михайлович (1924–2016) – литературный критик, литературовед. Сотрудник журналов «Огонёк» и «Юность». Автор книг о русских писателях.

Тэлботт (Тэлботт) Строуб (р. 1946) – американский дипломат и политолог. Заместитель государственного секретаря США в 1994–2001 гг. Автор мемуаров «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания „холодной войны“» (Strobe Talbott. «The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy», 2007), «Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии» (русский перевод 2003).

Тэтчер Маргарет (1925–2013) – премьер-министр Великобритании (1979–1990).

Убожко Лев Григорьевич (1933–2003) – советский политзаключенный. В 1970 г. за распространение текстов А. А. Амальрика приговорен по статье 190-1 УК РСФСР к трем годам лишения свободы, помещен в колонию в Омской области. В 1972 г. за агитацию среди заключенных обвинен по статье 70 УК РСФСР и помещен в специализированную психиатрическую больницу в Ташкенте. Затем переведен в психиатрическую больницу общего типа в Челябинске, откуда в 1975 г. бежал. В Москве задержан, до освобождения в 1987 г. – в специализированных психиатрических больницах Ташкента, Могилёва и Челябинска. Участник создания партии «Демократический союз» в 1988 г. Создатель Консервативной партии России, существовавшей в 1990–2005 гг. Автор мемуаров «Моя борьба против красного фашизма» (1992) и «Моя борьба

против посткоммунистического беспредела» (1999).

Уоллер Майкл – вице-президент Совета по внешней политике США (1994–2001).

Усов Вячеслав Александрович (р. 1969) – сотрудник общественного фонда «Гласность».

Усоян Аслан Рашидович (Рашоевич; «Дед Хасан»; 1937–2013) – криминальный авторитет.

Фадеев Михаил Александрович (р. 1944) – заместитель директора издательства «Советский писатель» (1987–1993).

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – историк, религиозный мыслитель и публицист. С 1925 г. в эмиграции.

Федотов Михаил Александрович (р. 1949) – министр печати и информации РФ (1992–1993). Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО (1993–1998). Бывший член политсовета партии «Союз правых сил». Председатель совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, советник президента РФ с 2010 г.

Феллини Федерико (1920–1993) – итальянский кинорежиссер и сценарист.

Фельштинский Юрий Георгиевич (р. 1956) – российско-американский историк. С 1978 г. в эмиграции в США. Автор книги «Вожди в законе» (1999;

название заимствовано у В. Д. Тополянского). В соавторстве с А. В. Литвиненко написал книгу «ФСБ взрывает Россию», в соавторстве с В. В. Прибыловским – книгу «Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина».

Фёдоров Лев Александрович (р. 1936) – химик, эколог. С 1992 г. активный участник экологического движения, создатель и руководитель «Союза за химическую безопасность».

Филатов Виктор Иванович (р. 1935) – журналист, публицист. Генерал-майор запаса. В 1988–1991 гг. главный редактор «Военно-исторического журнала». В 1991–1992 гг. главный редактор печатного органа МВД РФ, газеты «Ситуация». С 1992 г. вел рубрику «Колонка генерала» в газете «День» («Завтра»). В 1995 г. руководитель пресс-службы фракции ЛДПР в Государственной Думе. Сторонник теории «еврейского заговора».

Филатов Сергей Александрович (р. 1936) – первый заместитель председателя Верховного Совета РФ (1991–1993). Руководитель администрации президента РФ (1993–1996).

Филипп – сотрудник французской версии журнала «Гласность».

Фицпатрик Кэтрин Энн (р. 1956) – американская журналистка, публицист. Бывшая сотрудница американской Хельсинкской группы (1981–1990), «Human Rights Watch», Радио

Свобода.

Фонда Джейн (р. 1937) – американская актриса, модель, продюсер, филантроп.

Форстер Жак (р. 1940) – вице-президент Международного Комитета Красного Креста (1999–2007), член Ассамблеи Международного Комитета Красного Креста до 2010 г.

Фра Беато Анджелико (1400–1455) – итальянский художник эпохи Раннего Возрождения; доминиканский монах.

Франк Ханс Горан (1925–1998) – шведский юрист. В 1964–1970 гг. первый председатель шведской секции «Amnesty International», в 1970–1973 гг. вице-президент там же.

Фридлянд Ида Григорьевна (1919–1995) – ихтиолог, сестра Ф. Г. Светова, жена И. А. Чердынцева. Участница деятельности Фонда помощи политзаключенным.

Хальтер (Альтер) Марек (р. 1936) – французский писатель, журналист, правозащитник. С начала 1970-х гг. организатор кампаний за освобождение советских диссидентов. Бывший председатель парижского бюро поддержки «Гласности».

Ханов Тимур (р. 1959) – депутат городского совета Новосибирска в 1990–1993 гг., координатор фракции «Демократическая Россия».

Хасбулатов Руслан Имранович (р. 1942) – последний председатель Верховного Совета России (1991–1993). Преподаватель в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова.

Хеering фон – служащий ЕЭС (специализация – вопросы ядерного разоружения).

Хинштейн Александр Евсеевич (р. 1974) – бывший сотрудник газеты «Московский комсомолец» (в штате с 1992 по 2003 г.). Депутат Государственной Думы, член фракции «Единая Россия» (2003–2016). Советник директора Федеральной службы войск национальной гвардии РФ с 2016 г. Автор книг, основанных на материалах, нуждающихся в распространении с точки зрения спецслужб.

Хлебников Пол (Павел Юрьевич; 1963–2004) – американский журналист и публицист русского происхождения. Главный редактор русской редакции журнала «Форбс». Убит в Москве, убийство не раскрыто.

Хмара Степан Ильич (р. 1937) – советский политзаключенный, украинский политический деятель. В 1980 г. по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70

УК РСФСР) и статье 150 УК УССР (аналог статьи 153 УК РСФСР) приговорен к семи годам лишения свободы и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермских политических зонах строгого

режима. В 1987 г. освобожден. Активный участник воссоздания украинской Хельсинкской группы. В 1990 г. вновь арестован, в заключении до 1991 г. по обвинению в нападении на представителя милиции. После выхода на свободу резко изменил свои взгляды, стал ярко выраженным националистом. Депутат Верховной Рады Украины (1990–1998 гг. и 2002–2006 гг.).

Ходорковский Михаил Борисович (р. 1963) – предприниматель, общественный и политический деятел. Владелец банка «Менатеп» (1990–1999). В 1997–2004 гг. совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС». В 2003 г. арестован. В 2005 г. осужден на девять лет лишения свободы по статьям 159, 160, 165, 198, 199, 315 УК РФ. В 2009 г. приговорен к четырнадцати годам лишения свободы по статьям 160 и 174 УК РФ. Срок отбывал в колонии в Краснокаменске Читинской области, затем в Сегеже в Карелии. 12 ноября 2013 г. Ходорковский, проведя в заключении более десяти лет и не признав своей вины, направил президенту РФ прошение о помиловании в связи с семейными обстоятельствами. Освобожден в 2013 г. и вывезен в Германию. Получил вид на жительство в Швейцарии. Живет в Лондоне.

Ходорович Сергей Дмитриевич (р. 1941) – инженер-программист, распорядитель основанного А. И. Солженицыным Фонда помощи политзаключенным (1980–1983). В 1983 г. по статье 190-1 УК РСФСР приговорен к трем годам заключения. Срок отбывал в Красноярском крае, в Норильском лагере. В лагере получил новый срок по статье 188-3 УК РСФСР, который отбывал в 1986–1987 гг. там же. С 1987 г. в эмиграции во Франции, живет в Париже.

Ходорович Татьяна Израиловна (р. 1940) – художник-декоратор. Жена С. Д. Ходоровича. С 1987 живет в Париже. В 1988–2001 гг. корректор и верстальщица в газете «Русская мысль».

Холодов Дмитрий Юрьевич (1967–1994) – журналист газеты «Московский комсомолец», погиб в 1994 г. в результате взрыва заминированного «дипломата» в помещении редакции. Обвиненная в покушении группа офицеров ВДВ полностью оправдана судом в 2002 г.

Холопов Станислав Вячеславович – главный редактор газеты «Столица С» в г. Саранске. Убит.

Хомякова Римма Николаевна (р. 1958) – судья Бабушкинского районного суда г. Москвы.

Хонеккер Эрих (1912–1994) – лидер ГДР (1971–1989).

Храбровицкий Александр Вениаминович (1912–1989) – литературовед. Автор мемуаров «Очерк моей жизни. Дневник.

Встречи» (2012).

Хризостом, митрополит (Мартишкин Георгий Федорович; р. 1934) – епископ РПЦ на покое (с 2010 г.). В 1971–1981 гг. в отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата. Митрополит Виленский и Литовский (1990–2010). Единственный архиерей РПЦ, публично признавший (в 1992) факт сотрудничества с КГБ (в 1972–1990 гг. под псевдонимом «Реставратор»), но не прошедший церковного покаяния. На Архиерейском соборе в 1992 г. предложил создать церковную комиссию по расследованию контактов священнослужителей со спецслужбами, а также официально от имени РПЦ запросить соответствующие документы с Лубянки.

Хронопуло Юрий Георгиевич (р. 1935) – доктор физико-математических наук из МФТИ. Один из создателей «Группы за установление доверия между СССР и США» (1982).

Хрущов Никита Сергеевич (1894–1971) – Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 г., Председатель Совета министров СССР с 1958 по 1964 г. Будучи первым секретарем Московского горкома и обкома ВКП(б), входил по должности в состав тройки НКВД СССР по Московской области (с 10 по 30 июля 1937 г.). Единственный советский руководитель, принудительно смещенный со своего поста при жизни.

Хусейн Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 гг.

Цаголов Ким Македонович (1930–2015) – генерал-майор в отставке. В 1990–1991 гг. старший советник президиума Верховного Совета СССР. В 1992–2000 гг. сотрудник аппарата правительства РФ. В 1993–1998 гг. заместитель министра по делам национальностей РФ, в 1999 г. заместитель министра национальной политики РФ, в 1999–2000 гг. заместитель министра по делам федерации и национальностей.

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – поэт.

Цхай Владимир Ильич (?–1999) – заместитель начальника УУР ГУВД Москвы, полковник милиции. Убит.

Чавчавадзе Илья Григорьевич (1837–1907) – грузинский поэт, публицист. Убит представителями РСДРП.

Чазов Евгений Иванович (р. 1929) – кардиолог, лечащий врач нескольких руководителей СССР. Начальник 4-го Главного управления при министерстве здравоохранения СССР в 1967–1986 гг. (с параллельным подчинением КГБ). Министр здравоохранения СССР в 1987–1990 гг. Автор мемуаров «Здоровье и власть» (1992), «Рок» (2000), «Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля» (2012) и др.

Чайка Юрий Яковлевич (р. 1951) – в 1995–1999 гг. первый

заместитель генерального прокурора РФ. Министр юстиции РФ (1999–2006). Генеральный прокурор РФ с 2006 г.

Чайкова Надежда Владимировна (1963–1996) – специальный корреспондент информационного агентства ИТАР-ТАСС (с 1995 г.), обозреватель отдела расследований редакции еженедельника «Общая газета» (с 1995 г.). Убита в Чечне.

Чаковский Александр Борисович (1913–1994) – главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988). Депутат Верховного Совета СССР (1966–1989).

Чаликова Виктория Атомовна (1935–1991) – советский философ, социолог, специалист по истории утопической мысли. Референт и редактор в ИНИОН РАН. В период перестройки входила в бюро клуба «Московская трибуна», активно выступала как публицист.

Чаплин Чарльз Спенсер (1889–1977) – американский и английский киноактер, сценарист, кинорежиссер, продюсер.

Чаушеску Николае (1918–1989) – лидер Социалистической Республики Румыния с 1965 по 1989 г.

Чебриков Виктор Михайлович (1923–1999) – председатель КГБ (1982–1987). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1983–1985). Член Политбюро ЦК КПСС (1985–1989).

Чегодаев Дмитрий Андреевич (р. 1965) – в 1990–1991 гг. член муниципалитета Октябрьского района Москвы, помощник, затем заместитель председателя райсовета (И. И. Заславского). В 1990–1994 гг. член Координационного Совета Общероссийского политического общественного движения «Демократическая Россия». Сын М. А. Чегодаевой.

Чегодаева Мария Андреевна (1931–2016) – искусствовед, художественный критик, публицист. Мать Д. А. Чегодаева. Автор книг «Искусство, которое было. Пути русской книжной графики 1917–1937» (2012), «Искусство, которое было. Пути русской книжной графики 1937–1980» (2014).

Чекрыгин Василий Николаевич (1897–1922) – художник.

Челноков Алексей Сергеевич (р. 1959) – журналист, публицист и издатель. В 1987 г. публиковался в газете «Русская мысль». В 1987–1989 гг. сотрудник информационного агентства «Ежедневная гласность». С 1990 г. корреспондент газеты «Коммерсант», информационного агентства «Интерфакс», а также редактор информационного агентства «Постфактум» (один из первых проектов Г. О. Павловского). В 1992–1997 гг. корреспондент газеты «Известия». В 1997 г. перешел в издание «Совершенно секретно». В 1999 г. один из создателей интернет-сайта журналистских расследований «FLB» («FreeLance Bureau»). В

последующие годы – заместитель главного редактора журнала «Компромат».

Челомбиев Валентин Нестерович (р. 1935) – художник-монументалист.

Чердынцев (Курганский) Иван Алексеевич (1938–1993) – советский политзаключенный, муж И. Г. Фридлянд. В 1964 г. приговорен по статье 67 УК МССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) и статье 64 УК УССР (аналог статьи 72 УК РСФСР) к шести годам заключения. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия), в пермских лагерях, во Владимирской тюрьме. В Дубравлаге в 1967 г. приговорен по статье 206 УК РСФСР к шести годам заключения. Освобожден в 1973 г.

Черепков Виктор Иванович (р. 1942) – капитан первого ранга в отставке, в 1967–1993 гг. на службе в Тихоокеанском флоте. Мэр Владивостока в 1993–1994 и 1996–1998 гг., депутат Государственной думы в 2000–2007 гг.

Черкесов Виктор Васильевич (р. 1950) – государственный деятель, генерал-полковник ФСБ запаса. С 1975 г. в органах государственной безопасности. Следователь по делам ленинградских инакомыслящих. В 1992–1998 гг. начальник Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Первый заместитель директора ФСБ В. В. Путина (1998–1999). Директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (2003–2008). Руководитель Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (2008–2010).

Черкизов Андрей (настоящая фамилия Семёнов) Александрович (1954–2007) – журналист, теле- и радиоведущий. В 1991–2007 гг. политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы». В 1993 г. генеральный директор Российского агентства интеллектуальной собственности. В 1996–1997 гг. и 2001 г. телеведущий на канале НТВ.

Черненко Константин Устинович (1911–1985) – член Политбюро ЦК КПСС (1978–1985), генеральный секретарь ЦК КПСС (1984–1985).

Черниченко Станислав Валентинович (р. 1935) – правовед и дипломат. Преподаватель Дипломатической академии, ВШЭ. Член Международно-правового совета при МИД России. В 1974–1988 гг. – член делегации СССР в Комиссии ООН по правам человека. Член оргкомитета Российской коалиции в поддержку Международного уголовного суда.

Черниченко Юрий Дмитриевич (1929–2010) – писатель, прозаик, журналист, телеведущий. Один из самых влиятельных авторов журнала «Новый мир», писавших о сельской жизни. Член

Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). Создатель и председатель Крестьянской партии (с 1991 г.). Автор книг «Земля и воля» (1991), «Страна Лимония» (1995) и др.

Черномырдин Виктор Степанович (1938–2010) – премьер-министр России с 1992 по 1998 г., посол России на Украине в 2001–2009 гг. Автор мемуаров «Время выбрало нас» (2011) и др.

Чертков Леонид Натанович (1933–2000) – поэт, прозаик, литературовед. В 1957 г. за критику марксизма и советского строя приговорен по статье 58–10 УК РСФСР к пяти годам заключения. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). Освобожден в 1962 г. В 1974 г. эмигрировал. Публиковался в журнале «Континент», газете «Русская мысль».

Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) – художник, член художественного объединения «Мир искусства».

Чёрный Эрнст Исаакович – правозащитник из коалиции «Экология и права человека».

Чимаев Руслан (?–1998) – с 1996 г. министр иностранных дел Чеченской Республики Ичкерия (в администрации З. А. Яндарбиева). Расстрелян неизвестным.

Числов Михаил Матвеевич – журналист.

Чорновил (Черновол) Вячеслав Максимович (1937–1999) – украинский политический деятель, журналист, советский политзаключенный. В 1967 г. за книгу о шестидесятниках «Горе от ума» осужден по статье 187-1 УК УССР (аналог 190-1 УК РСФСР) на шесть лет лагерей строгого режима. Досрочно освобожден в 1969 г. С 1970 г. издатель подпольного журнала «Украинский вестник», за что в 1972 г. осужден по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР) на шесть лет лагерей строгого режима и три года ссылки. Заключение отбывал в Дубравлаге (Мордовия), ссылку в Якутии. С 1979 г. член Украинской Хельсинкской группы. В 1980 г. в ссылке в Якутии арестован по сфабрикованному делу, по статье 117 УК РСФСР осужден на пять лет уголовных лагерей. Срок отбывал в якутской колонии ЯД-40/7. В 1983 г. освобожден досрочно без права выезда на Украину, куда вернулся лишь в 1985 г. В 1988 г. Чорновила пытались лишить советского гражданства, однако он призвал все страны мира не принимать его. Один из создателей партии «Народный рух Украины» (1989). Народный депутат Украины (1990–1999). Погиб в автокатастрофе.

Чубайс Анатолий Борисович (р. 1955) – председатель Государственного комитета России по управлению государственным имуществом (1991–1994 гг.), вице-премьер правительства РФ (1992–1996, 1997–1998), руководитель

предвыборного штаба Б. Н. Ельцина (1996), глава администрации президента РФ (1996–1997), министр финансов РФ в 1997 г., глава РАО «ЕЭС России» (1998–2008). С 2011 г. председатель правления ОАО «Роснано».

Чувилин Александр – бывший начальник РЭУ-9 Черемушкинского района.

Шадрин Юрий Юрьевич – см. Гут.

Шаймиев Минтимер Шарипович (р. 1937) – первый президент Татарстана (1991–2010).

Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) – поэт, прозаик, автор «Колымских рассказов». В 1929 г. по статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР приговорен к трем годам заключения в концентрационных лагерях особого назначения и ссылке на север на пять лет (за участие в подпольной троцкистской группе и за распространение дополнения к «Завещанию Ленина»). Срок отбывал в Вишерском лагере (Вишлаге) в Соликамске. В 1931 г. освобожден, восстановлен в правах. В 1937 г. по статье 58 УК РСФСР осужден на пять лет заключения в лагерях с использованием на тяжелых физических работах за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Срок отбывал в Северо-восточном лагере (Севвостлаге) на Колыме. В 1943 г. по статье 58–10 УК РСФСР осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей, с последующим поражением в правах на пять лет («за заявление, что Бунин – русский классик»). В 1951 г. освобожден. В 1973 г. был принят в Союз писателей. Последние три года жизни тяжелобольной Шаламов провел в Доме инвалидов и престарелых Литфонда в Тушине. Умер в интернате для психохронииков.

Шаманов Владимир Анатольевич (р. 1957) – военачальник, участвовавший в Первой и Второй чеченских войнах. Губернатор Ульяновской области (2000–2004). Командующий Воздушно-десантными войсками (2009–2016), генерал-полковник (2012). Депутат Государственной Думы (с 2016).

Шанцев Валерий Павлинович (р. 1947) – вице-мэр Москвы (1996–2005). Губернатор Нижегородской области с 2005 г.

Шапошников Евгений Иванович (р. 1942) – маршал авиации, последний министр обороны СССР (1991–1992). Секретарь Совета Безопасности РФ (1993).

Шафаревич Игорь Ростиславович (р. 1923) – математик, академик РАН. Публицист. Член редколлегии журнала «Наш современник», в 1991–1992 гг. в редколлегии газеты «День» А. А. Проханова (после запрещения в 1993 г. стала издаваться как газета «Завтра»).

Шаховская Зинаида Алексеевна (1906–2001) – писательница,

мемуарист, редактор. С 1920 г. в эмиграции. Сотрудник Международной федерации киноархивов (1951–1952), главной редакции французского радиовещания (1961–1964), русской секции французского радио и телевидения (1964–1968). Печаталась в русских эмигрантских журналах и периодических изданиях разных стран. Главный редактор газеты «Русская мысль» (1968–1978). Автор книги «В поисках Набокова» (1979), мемуаров «Отражения» (1975) и «Таков мой век» (2008).

Шашин Валерий Иванович (р. 1950) – писатель-драматург, автор пьесы «Поджигатель». Бывший сотрудник журнала «Наш современник». Бывший генеральный директор издательств «Советский писатель», «ЗнаК».

Шварценберг Карел (р. 1937) – чешский политик, министр иностранных дел Чехии (2007–2009 и 2010–2013).

Швыдкой Михаил Ефимович (р. 1948) – в 1993–1997 гг. заместитель министра культуры РФ. В 1998–2000 гг. председатель ВГТРК. Министр культуры РФ (2000–2004). Председатель Федерального агентства по культуре и кинематографии (2004–2008).

Шебаршин Леонид Владимирович (1935–2012) – служащий советской разведки, генерал-лейтенант. С 1962 г. в ПГУ КГБ. Начальник внешней разведки

СССР (1989–1991), и. о. председателя КГБ (22–23.08.1991 г.). С 1991 г. в отставке. Автор книги «Рука Москвы. Записки начальника советской разведки» (1992).

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – советский и грузинский государственный деятель, генерал КГБ. Первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР (1972–1985). Министр иностранных дел СССР (1985–1990). Член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990). Министр внешних сношений СССР (1991). Глава Грузии (1992–1995). Председатель парламента Грузии (1992–1995). Президент Грузии (1995–2003). Автор мемуаров «Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания» (2009).

Шевченко Аркадий Николаевич (1930–1998) – дипломат, в 1973–1978 гг. заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН. В 1978 г. отказался вернуться в СССР из длительной служебной командировки в США. Первый перебежчик – советский дипломат, чиновник самого высокого ранга из числа перешедших на Запад в годы Холодной войны. В СССР заочно приговорён к высшей мере наказания по статье 64 УК РСФСР. Автор мемуаров «Разрыв с Москвой» (1985).

Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) – советский комсомольский, партийный и государственный деятель. Первый

секретарь ЦК ВЛКСМ (1952–1958). Председатель КГБ (1958–1961). Председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР (1962–1965). Заместитель председателя Совета министров СССР (1962–1965). Член Политбюро ЦК КПСС (1964–1975). Председатель ВЦСПС (1967–1975).

Шемаханская Марина Сергеевна (р. 1937) – реставратор. Ведущий научный сотрудник Отдела реставрации металла Государственного научно-исследовательского института реставрации, заслуженный деятель искусств РФ. В 1966–1987 гг. замужем за А. А. Кистяковским.

Шемякин Михаил Михайлович (р. 1943) – российский и американский художник, скульптор. С 1971 г. в эмиграции. В 1980-е гг. в США руководитель Международного комитета «За спасение советских военнослужащих в Афганистане», склонявшего солдат, попавших в плен в Афганистане, к возвращению в СССР (где они попадали в длительное заключение в лагеря). Выслан из США.

Шенберг Александр Акимович – см. Санин Александр Акимович.

Шенберг Вера Сергеевна (1908–2004) – мать С. И. Григорьянца; кандидат технических наук, преподаватель Киевского политехнического института.

Шенберг Дора Акимовна – прабабушка С. И. Григорьянца.

Шенберг Сергей Павлович (1874–1936) – дед С. И. Григорьянца; ученый-гидравлик, профессор Киевского политехнического института.

Шендерович Виктор Анатольевич (р. 1958) – публицист, теле- и радиоведущий, сценарист, журналист. В 1995–2001 гг. сотрудник НТВ. Автор сценариев программы «Куклы» на НТВ. С 2006 г. сотрудник телеканала «RTVi». Колумнист журнала «The New Times». Сотрудничает с радио «Эхо Москвы» и Радио Свобода. Автор нескольких книг.

Шенефилд Джон (р. 1939) – американский юрист. Бывший помощник (1977–1979) и заместитель (1979–1981) министра юстиции (он же генеральный прокурор) США. В 1977–1979 гг. начальник антимонопольного подразделения Министерства юстиции США. В 1978–1979 гг. председатель Национальной комиссии по пересмотру антимонопольных законов и процедур при президенте США. Автор закона о ЦРУ. Участник конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Шереметев Петр Петрович (р. 1931) – архитектор, актер, музыкант, меценат. Председатель Российского музыкального общества в Париже. С 1998 г. ректор Парижской русской

консерватории им. С. В. Рахманинова.

Шестаков Валерий Иннокентьевич (р. 1941) – юрист, преподаватель академии ФСБ, эксперт комитета Государственной думы РФ по безопасности и противодействию коррупции. Участник конференций «КГБ: вчера, сегодня, завтра».

Шефер Лев Григорьевич (р. 1931) – советский политзаключенный. В 1963 г. по статьям 70 и 72 УК РСФСР приговорен к пяти годам лагерей. Срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия). Освобожден в 1965 г. В 1982 г. за написание и распространение самиздата приговорен по статье 70 УК РСФСР к пяти годам лагерей. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима. Освобожден в 1987 г.

Шидловский Всеволод – бывший сотрудник общественного фонда «Гласность».

Шикофф Ирина де – журналистка, широко известный репортер газеты «Le Figaro».

Шилков Андрей Юрьевич (1952–2008) – советский политзаключенный. В 1982 г. за связь с группой «социалистов» и попытку организовать подпольную типографию приговорен по статье 70 УК РСФСР к трем годам лагерей строгого режима и трем годам ссылки. Срок отбывал в пермской политической зоне строгого режима, ссылку – в Томской области. Освобожден в 1987 г. Ведущий сотрудник журнала «Гласность», газеты «Демократическая Россия», газеты «Русская мысль». С 1993 г. в эмиграции в Израиле. Муж И. Р. Лащивер.

Ширак Жак (р. 1932) – премьер-министр Франции в 1974–1976 гг. и 1986–1988 гг., мэр Парижа в 1977–1995 гг., президент Франции в 1995–2007 гг.

Ширинский Миргаяс Миргаясович (р. 1954) – дипломат. С 1977 г. на различных должностях в центральном аппарате МИД и за рубежом. В 2001–2002 гг. заместитель Постоянного представителя России при ЮНЕСКО.

Шиханович Юрий Александрович (р. 1933) – математик. Участник издания (с начала 1970-х гг.) и редактор «Хроники текущих событий». В 1972 г. обвинен по статье 70 УК РСФСР, в 1973 г. направлен в психиатрическую больницу в Московской области. После международной кампании в его защиту в 1974 г. освобожден из больницы, но с учета снят только в 1979 г. Участник Фонда помощи политзаключенным. В 1983 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к пяти годам лагерей и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермских политических зонах строгого режима. Освобожден в 1987 г. Помощник С. А. Ковалёва в аппарате Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993) и в Комиссии по правам человека при

Президенте РФ (1993–1995).

Шкарубо Андрей Иванович (р. 1958) – сотрудник общественного фонда «Гласность».

Шмаков Михаил Викторович (р. 1949) – в 1990–1994 гг. председатель Московской федерации профсоюзов. Председатель Федерации независимых профсоюзов России с 1993 г.

Шнейдер Михаил Яковлевич (р. 1948) – один из основателей сначала блока кандидатов в народные депутаты «Демократическая Россия», а затем движения «Демократическая Россия». В 1993–1994 гг. один из создателей партии «Демократический выбор России». В 2000–2008 гг. член Исполкома партии «Союз правых сил».

Шмидт Юрий Маркович (1937–2013) – адвокат, правозащитник. Создатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека (1991). С 1998 г. один из учредителей Экологического правозащитного центра «Беллона» в Санкт-Петербурге. С 2004 г. руководитель защиты бывшего главы нефтяной компании «ЮКОС» М. Б. Ходорковского.

Шпрингер Аксель (1912–1985) – германский медиамагнат. Спонсор журнала «Континент».

Штеренберг Давид Петрович (1881–1948) – художник.

Шумейко Владимир Филиппович (р. 1945) – заместитель председателя Верховного Совета России (1991–1992). Вице-премьер (1992–1993). Министр печати и информации (1993). Председатель Совета Федерации РФ в 1994–1996 гг.

Шустер Соломон Абрамович (1934–1995) – коллекционер предметов искусства, кинорежиссер.

Щаранский Натан (Анатолий Борисович; р. 1948) – математик, правозащитник, израильский государственный деятель. Активист еврейского движения за выезд из СССР, член Московской Хельсинкской группы. В 1977 г. арестован, приговорен к тоинадцати годам лишения свободы по статьям 64 и 70 УК РСФСР. Наказание отбывал во Владимирской и Чистопольской тюрьмах, а затем в пермской политической зоне строгого режима. В 1986 г. выслан из СССР. В 1996–2003 гг. депутат израильского кнессета. В 1996–2005 гг. – на различных министерских постах в правительстве Израиля. Автор книг «Не убоюсь зла» (русский перевод 1991), «В защиту демократии» (в соавторстве с Р. Дермером; русский перевод 2006).

Щербаков – народный заседатель в суде по делу К. В. Смирнова-Осташвили.

Щербакова Елена Федосеевна (р. 1942) – ихтиолог, жена Ю. А. Кирпичникова, мать А. Ю. Кирпичникова.

Щёлоков Николай Анисимович (1910–1984) – министр

внутренних дел СССР (1966–1982).

Щур Николай Алексеевич (р. 1953) – челябинский правозащитник, создатель общественного фонда «Рука помощи».

Эдельштейн Георгий (Юрий) Михайлович (р. 1932) – протоиерей РПЦ. Член Московской Хельсинкской группы.

Эйснер Дмитрий Алексеевич (р. 1962) – сотрудник журнала «Гласность».

Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981) – генерал-майор государственной безопасности. Один из разработчиков операции по убийству Л. Д. Троцкого.

Эйхман Адольф (1906–1962) – чиновник Третьего рейха, ответственный за организацию транспортировки евреев в лагеря уничтожения. Сотрудник Гестапо и СС. После Второй мировой войны скрылся от суда в Южной Америке. Агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он предстал перед судом. Приговорен к смерти, повешен.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – советский писатель, публицист, журналист. Автор мемуаров «Люди, годы, жизнь» (1961–1967), пользовавшихся в 1960-е – 1970-е гг. большой популярностью в среде советской интеллигенции.

Эко Умберто (1932–2016) – итальянский интеллектуал, итальфилософ, специалист по семиотике и средневековой эстетике, теоретик культуры, писатель.

Эндрюкайтис Альгирдас (р. 1936) – член литовского Сейма в 1992–1996 гг.

Эрхард Людвиг (1897–1977) – министр экономики ФРГ (1949–1963). Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг. Председатель Христианско-демократического союза в 1966–1967 гг.

Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) – филолог, историк литературы, переводчик европейской поэзии, теоретик перевода. Выступал в защиту И. А. Бродского. Помощник А. И. Солженицына, хранил его рукописи, за что в 1974 г. лишён гражданства СССР и выслан. Автор книг «Кризис одного искусства. Опыт поэтики поэтического перевода» (1983), «Внутренний человек и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX веков» (1998) и др.

Ювеналий, митрополит (Поярков Владимир Кириллович; р. 1935) – епископ РПЦ. Постоянный член Священного Синода РПЦ с 1972 г. В 1972–1981 гг. председатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Митрополит Крутицкий и Коломенский с 1977 г.

Юдович Лев Абрамович (р. 1926) – адвокат, член Московской городской коллегии адвокатов. Защитник К. А. Любарского (1972), П. И. Якира (1973), С. И. Григорьянца (1975). С 1977 г.

в эмиграции, живет в ФРГ.

Юмашев Валентин Борисович (р. 1957) – генеральный директор издательства «Огонёк» (1995–1996), глава администрации президента РФ (1997–1999), зять президента Б. Н. Ельцина, муж Т. Б. Юмашевой.

Юмашева (бывшая Дьяченко) Татьяна Борисовна (р. 1959) – дочь президента РФ Б. Н. Ельцина. С 1996 по 1999 г. советник президента РФ.

Юшенков Сергей Николаевич (1950–2003) – депутат Государственной думы с 1993 г., инициатор создания и один из лидеров партии «Либеральная Россия». В 1993–1994 гг. первый заместитель Руководителя Федерального информационного центра России М. Н. Полторанина. Убит в Москве.

Юшкявичус Генрих Зигмундович (р. 1935) – инженер, журналист, медиаменеджер, дипломат. Заместитель председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию СССР (1971–1990). Заместитель генерального директора ЮНЕСКО (1990–2001). Советник генерального директора ЮНЕСКО с 2001 г.

Яблоков Алексей Владимирович (1933–2017) – биолог, специалист в области зоологии и общей экологии. В 1988–1991 гг. один из основателей и руководитель Гринпис СССР. Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1991–1993 гг. советник президента РФ по экологии и здравоохранению. Председатель фракции «Зеленая Россия» партии «Яблоко». Автор научных работ в области популяционной биологии, экологии, радиобиологии, охраны природы.

Явлинский Григорий Алексеевич (р. 1952) – экономист, доктор экономических наук. В 1989 г. заведующий Сводным экономическим отделом Совета Министров СССР. В 1990 г. заместитель председателя Совета министров РСФСР. Один из разработчиков созданной в 1990 г. программы рыночных реформ «500 дней». Один из основателей политической партии «Яблоко» и ее лидер в 1993–2008 гг. Руководитель фракции «Яблоко» в Государственной Думе России I, II и III созывов. Руководитель фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Санкт-Петербурга V созыва. Кандидат на должность Президента Российской Федерации на выборах 1996, 2000 и 2018 г.

Язов Дмитрий Тимофеевич (р. 1924) – министр обороны СССР (1987–1991). Член ГКЧП. Автор мемуаров «Удары судьбы: Воспоминания солдата и маршала» (1999), «Август 1991. Где была армия?» (2011) и др.

Якир Петр Ионович (1923–1982) – историк. В 1938 г. как социально-опасный элемент (сын казнённого) приговорен по

статьям 58–10 и 58–11 УК РСФСР к пяти годам заключения. Срок отбывал в колонии в городе Нижняя Тура Свердловской области. Освобожден в 1942 г. В 1944 г. вновь арестован, в 1945 г. приговорен по статьям 58–10 и 121 УК РСФСР к восьми годам заключения. Срок отбывал в Каргопольлаге (1945–1948), в Воркутлаге (1948–1953) и в Красноярском крае. В 1953 г. освобожден. Участник издания «Хроники текущих событий». В 1969–1972 гг. член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1972 г. за публикацию за границей мемуаров «Детство в тюрьме» арестован, активно сотрудничал со следствием, дал показания о двухстах членах демократического движения, в 1973 г. вместе с В. А. Красиным признал себя виновным по статье 70 УК РСФСР, заявил о своем раскаянии на публичной пресс-конференции, транслируемой по телевидению. Отправлен в ссылку в Рязань до 1974 г.

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005) – посол СССР в Канаде (1973–1983). Заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС (1985–1986). Один из главных идеологов перестройки. Член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990). Старший советник президента СССР (1991). Автор книги мемуаров «Сумерки» (2003).

Яковлев Егор Владимирович (1930–2005) – журналист, публицист, медиаменеджер. С 1986 г. главный редактор газеты «Московские новости». Член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991). В 1991–1992 гг. председатель ВТРК (во время его работы переименована в Российскую телерадиовещательную компанию «Останкино»).

Якунин Глеб Павлович (1934–2014) – священник. В 1960–1970 гг. участник правозащитного движения. С 1976 г. соучредитель и председатель «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР» при Московской Хельсинской группе. Составитель и распространитель материалов о нарушениях прав верующих в СССР. В 1979 г. арестован, в 1980 г. приговорен по статье 70 УК РСФСР к пяти годам лагерей и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермских политических зонах строгого режима, ссылку – в Якутии. Освобожден в 1987 г. Депутат Верховного совета России, Государственной думы РФ (1990–1995). В 1991–1998 гг. один из сопредседателей движения «Демократическая Россия». В 1995 г. организатор (совместно с Л. С. Левинсоном) Общественного комитета защиты свободы совести. Отлучен от РПЦ (1997). Автор книги «Исторический путь православного талибанства» (2002).

Япончик, см. Иваньков Вячеслав Кириллович.

Яндарбиев Зелимхан Абдулмуслимович (1952–2004) – в 1991–1993 гг. депутат парламента Чеченской Республики

Ичкерия, председатель Комитета по СМИ и свободе слова. Первый вице-президент Чеченской Республики Ичкерия (1993–1996). Участник боевых действий против российских войск во время первой чеченской войны. И. о. президента Чеченской Республики Ичкерия (1996–1997). С 1999 г. личный посланник А. А. Масхадова и полномочный представитель Ичкерии в мусульманских странах. Убит в 2004 г. в Дохе в результате операции российских спецслужб.

Янин Валерий Георгиевич (р. 1947) – бывший советский военный летчик. В 1980 г. за попытку бегства за границу по статьям 75 и 208 УК УССР (аналоги статей 83 и 210 УК РСФСР) приговорен к пяти годам лагерей. Срок отбывал в Новокуйбышевске, затем в Киргизии. В 1982 г. по статье 181 УК КиргССР (аналог статьи 174 УК РСФСР) приговорен к восьми годам лагерей. В 1984 г. после попытки бегства из лагеря обвинен по статье 196-1 УК КиргССР (аналог статьи 190-1 УК РСФСР), затем дело переквалифицировано на статью 58 УК КиргССР (аналог статьи 64 УК РСФСР). Приговорен к пятнадцати годам лагерей и пяти годам ссылки. Срок отбывал в пермских лагерях и в Чистопольской тюрьме. Освобожден в 1991 г. С 1993 г. в эмиграции в США.

Янкелевич Татьяна Ивановна (р. 1950) – дочь Е. Г. Боннэр. С 1977 г. в США.

Янсонс Ритварс (р. 1968) – латвийский историк, депутат Сейма Латвии. Первый куратор Музея оккупации.

Ярошевич Петр (1909–1992) – в 1964–1980 гг. член политбюро ЦК ПОРП. Председатель Совета министров Польши (1970–1980). Убит.

Ярузельский Войцех (1923–2014) – генерал армии, министр обороны Польши (1969–1983). В 1981 г. ввёл военное положение в стране, возможно, спасшее Польшу от вторжения советских войск. Первый секретарь ЦК ПОРП (1981–1989). Президент Польши (1989–1990).

Ярым-Агаев Юрий Николаевич (р. 1949) – физик, правозащитник, член Московской Хельсинкской группы (1978–1980), участник деятельности Фонда помощи политзаключенным. С 1980 г. в эмиграции в США, живет в Нью-Йорке, финансовый аналитик. Издатель американской версии журнала «Гласность».

Ясин Евгений Григорьевич (р. 1934) – в 1989–1991 гг. заведующий отделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР. Министр экономики РФ (1994–1997). В 2001–2007 гг. член Федерального политсовета партии «Союз Правых Сил». Министр экономики Российской Федерации(с 1994 по 1997 гг.). Президент фонда

«Либеральная миссия». С 2018 г. – член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Автор книг по экономике.

Яхимчик Мансур (Мачей; 1956) – британский бизнесмен, принявший гражданство Чеченской Республики Ичкерия. Активный участник в движении «Солидарность». В 1981 г. эмигрировал из Польши в Великобританию. Тесно сотрудничал с Х.-А. Т. Нухаевым.

Яшин (настоящая фамилия Попов) Александр Яковлевич (1913–1968) – прозаик и поэт. Лауреат Сталинской премии второй степени (1950).

notes

Примечания

1

Я еще расскажу о том, как именно эта «наша власть» пять раз громила созданный мной фонд «Гласность».

2

Вопреки мнению П. Г. Григоренко и многих других диссидентов, что «в подполье можно встретить только крыс».

3

У меня, благодаря принятым мерам предосторожности, кроме лежащей на столе редакционной статьи, ничего не нашли (Федя Кизелов устроил в подвале дома хитроумный тайник, который во время трех обысков так и не был найден).

4

Инициаторами создания Политико-культурного общественного дискуссионного клуба «Московская трибуна» были Ю. Н. Афанасьев, А. Д. Сахаров, Л. М. Баткин, Ю. Ф. Карякин, М. Я. Гефтер и др. Основной формой деятельности было объявлено проведение регулярных дискуссий по наиболее важным проблемам экономики, национальных отношений, права, международной политики и культуры.

5

Тот, что всучил будто бы секретные материалы американскому журналисту Николасу Данилофф с тем, чтобы его можно было арестовать и обменять на советского шпиона. К этому времени Потемкин пошел «по духовной линии» и вскоре начал в печати в «Московском комсомольце» и заявлениях в прокуратуру разоблачать Моссад, организовавший, по его «достоверным сведениям», убийство отца Александра Меня, то есть отводил подозрения от КГБ. Потом он станет секретарем литовского митрополита Хризостома – единственного публично признавшегося в сотрудничестве с КГБ, а пока что он организовал полухристианскую молодежную организацию «Братство диалога».

6

Девять конференций были проведены фондом «Гласность» в 1983–2005 гг.

7

Еще об одном издании «Гласности» забавную историю мне рассказал Егор Яковлев – редактор «Московских новостей». Придя по какому-то делу к Александру Николаевичу Яковлеву, тогда второму человеку в стране, он упомянул журнал «Гласность».

– Даже не знаю, что это такое, об этом не стоит и говорить, – раздраженно ответил Александр Николаевич.

Но, взглянув на приставленный к его письменному столу столик с периодикой, Егор Владимирович увидел отложенные два номера «Гласности», да не такие, как распространяли мы, а на первоклассной бумаге, с четкими крупными шрифтами, отпечатанные специально для членов Политбюро.

8

Впрочем, именно это место службы лет через десять позволило Артему собрать в «Совершенно секретно», пусть по клочкам, ценнейшие свидетельства в интервью, которых не дали бы никому другому об этом времени многие очень интересные, активно действовавшие тогда люди.

9

Теперь уже можно сказать, что документы были получены от отца Георгия Эдельштейна.

10

Раздел журнала «Прием ведет А. Мясников».

11

СМОТ – Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся – одна из первых попыток создания в СССР независимого от ВЦСПС профсоюза. Образован в 1978 г. группой диссидентов. В состав совета представителей вошли Людмила Агапова (инженер), Владимир Борисов (электрик), Лев Волохонский (рабочий), Александр Иванченко (инженер), Евгений Николаев (географ), Валерия Новодворская (библиотекарь), Владимир Сквирский (геолог), Альбина Якорева (студентка, исключенная из института). Участие в деятельности СМОТ, призванной отстаивать права трудящихся, ущемляемые советской системой, приводило членов организации к быстрой потере работы и тюремному заключению, преимущественно по статьям 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190 (клеветнические измышления, порочащие советский, общественный и государственный строй) Уголовного кодекса РСФСР.

12

Национальное собрание, или Национальная ассамблея французской Пятой республики – нижняя палата парламента Франции.

13

Не имевший и близко таких возможностей, но получивший от «Либерасьон» типографское оборудование (его замена происходила раз в четыре года) Адам Михник смог сделать «Газету Выборчу» мощным рупором общественных перемен в Польше, но он был гораздо больше, чем я, готов к этой роли.

См.: http://constitution.garant.ru/history/active/1024/

15

См.: *Жаворонков Г.* Запрещенный Сахаров // Московские новости. 1990. 9 декабря (№ 49). С. 16.

16

Отчего умер академик Сахаров (записки Я. Л. Рапопорта) // Н. Рапопорт. То ли быль, то ли небыль. Ростов-на-Дону, 2004.

См.: http://www.sudmed.ru/index.php?showtopic=16373.

18

НТС (Народно-Трудовой Союз) – политическая организация русской эмиграции, издававшая журналы «Посев» и «Грани».

19

Через много лет, чувствуя, что умирает, он опять приехал на несколько дней вдохнуть парижский воздух, попытался покончить с собой, выбросившись из окна на пятом этаже в квартире моей жены, но все же дал отправить себя в Иерусалим (тоже любимый) и вскоре умер. Это был один из лучших людей, кого я знал в своей жизни, а в этом я далеко не беден (в новой России он был включен в список «невъездных»).

20

Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов – крупнейшее в США объединение профсоюзов, объединяющее 57 национальных и международных профсоюзов.

21

См. об этом: *Голомшток И. Н.* Занятие для старого городового. Историю отношений Андрея с КГБ я знал давно – со слов Синявских и невольной участницы этих событий Элен Пельтье. Дочь военно-морского атташе при французском посольстве в Москве, Элен училась на одном курсе филологического факультета МГУ с Синявским, и они дружили. В один прекрасный день Андрея вызвали в органы и предложили ему жениться на француженке. До него та же роль была предложена Хмельницкому, но добиться взаимности он не смог и дело разладилось. Посредством брака дочери французского атташе с советским подданным КГБ надеялось уловить в свои сети ее отца. Синявский был вынужден согласиться, но тут же предупредил Элен и они разыграли разрыв отношений. Позже Элен Пельтье (по мужу Замойская) писала в газете «Le Monde» от 24 октября 1984 года, что Синявский «обманул дьявола вместо того, чтобы вступить с ним в соглашение, и тем попросту рисковал жизнью». Писала она и в другие органы, и личные письма, и прямо говорила, что Андрей спас ей жизнь. Историю эту Синявский описал в романе «Спокойной ночи» в своем стиле фантастического реализма, что недоброжелателями было воспринято как дымовая завеса, затемняющая подлинную картину событий. https:// biography.wikireading.ru/236511.

Этим планом в значительной степени была обусловлена хрущевская оттепель. Планом, который, конечно, был агрессивным – как всякий коммунистический план. Он предусматривал коммунизацию Европы. И, тем не менее, план это был не сталинский. Коммунизация должна была происходить не с помощью захвата Европы танковыми армиями, а посредством создания просоветских, прокоммунистических – иногда просто диверсионных – но выглядящих мирными организаций. Т. е. посредством того, чем активно занимались НКВД и Коминтерн в двадцатые годы и в первой половине тридцатых. И план Шелепина в определенном смысле означал возвращение к этому опыту. Собственно, для этого Шелепин и был сделан председателем КГБ (а Серов – отставлен). Но главное – очень многие действия самого Хрущева (а также узкого (буквально человек десять) круга его приближенных были продиктованы этим проектом. В частности, предусматривавшим активизацию влияния советской интеллигенции на Западе. Одного Эренбурга было уже мало: нужно было создавать достаточно активную, достаточно влиятельную на Западе, достаточно интересную – но при этом коммунистическую – интеллигенцию. Это шло по множеству различных направлений, начиная с марксистской философии и создания журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге; с относительной свободы Института философии в Москве, но включало, скажем, и Московскую патриархию, которая – с помощью митрополита Никодима – вдруг стала необычайно экуменичной и ищущей сотрудничества со всеми западными Церквями.

23

Комитет социальной самообороны – Комитет защиты рабочих (*польск.*: KOSKOR, Komitet Oporu Spolecznego – Komitet Obrony Robotnikow) – польская оппозиционная правозащитная организация 1976–1981 годов.

24

Как известно, КГБ на местах имело двойное подчинение, и все политические аресты согласовывались с партийным руководством, да Ельцин и сам пишет, что в области не КГБ руководил им, а он руководил КГБ.

25

См. о нем: https://meduza.io/feature/2016/05/05/eltsin-menya-nenavidel.

26

Комитет молодежных организаций СССР – общественная организация в Советском Союзе. В отличие от ВЛКСМ напрямую пропагандой коммунистической идеологии не занимался. Комитет был создан в 1956 году и контролировал международные связи различных других организаций советской молодежи.

27

Я единственный в мире вернул конфискованные при обысках картины, рисунки, прикладные изделия из десятка музеев России и Украины (а из пары музеев – Таганрогского, Львовского – не стал возвращать, времени не хватало), получил (что уж совсем беспрецедентно) из бюджета Российского государства компенсацию за те вещи, что были разворованы или разбиты – оценщиками, музейщиками, судебными исполнителями, но «Гласности» это помочь уже не могло.

28

Среди них был Генрих Алтунян, в то время один из руководителей мощного демократического движения «Рух» и депутат Верховного Совета Украины – не такого одиозного в Киеве, как в Москве. Когда в соответствии с веянием времени украинские депутаты решили познакомиться, наконец, с канадскими украинцами – большой и очень влиятельной диаспорой, в делегацию был включен и Генрих. Но только в Канаде обнаружилось, что местные украинцы говорили по-английски и, естественно, блестяще по-украински, иногда с некоторыми западными заимствованиями. Но никто из них не говорил по-русски. А в делегации украинских парламентариев не было ни одного человека, говорившего по-английски, и один только Генрих – полуармянин, полунемец – говорил по-украински.

29

Митя Волчек, Андрей Бабицкий и еще пара человек, работавших в «Гласности», а теперь на Радио Свобода в Праге, в эти годы не звонили мне никогда, но Володя Тольц, редактировавший в начале восьмидесятых годов подпольный «Бюллетень В» раз в год до меня дозванивался.

30

Не могу в связи с этим не вспомнить двух пережитых мной пыток: первой был фильм обо мне в Нью-Орлеане при вручении «Золотого пера свободы», а вторая еще мучительнее – сотрудники французского телевидения (кажется, Антенн-2) постоянно снимавшие и передававшие мои комментарии, желая с их точки зрения, сделать мне приятное, смонтировали в качестве сюрприза часовой фильм, подвели меня к экрану и стали вокруг меня, пока этот фильм крутился. Ни уйти, ни даже закрыть глаза я не мог, но для меня это была незабываемая и невыносимая мука.

Только Андрей Илларионов год назад скромно полупризнался – «Мы – группа молодых реформаторов – не понимали, что демократическое движение нуждается в поддержке».

32

Недавно я был приглашен на юбилейную конференцию в Московский международный университет, где не мог не присоединиться к восторженным отзывам об этом законе. Я сказал, что он почти так же замечателен, как сталинская конституция и имеет почти такое же отношение к свободе печати, как конституция 37-го года к демократии в СССР. Михаил Александрович Федотов почему-то обиделся.

33

Не помню, в Москве или в Варшаве Ромашевский рассказывал мне, что это именно он сверг Ярузельского. Вскоре после того, как Збигнева освободили из заключения (при введении военного положения в Польше) он смог уехать в США. В Польше начались все более массовые митинги и демонстрации, на которые правительство Ярузельского реагировало по-новому – всех участников тщательно фотографировали сотрудники безопасности, после чего опознавали и увольняли с работы, а студентов и школьников выгоняли из школ и вузов. Митинги начали спадать, но Ромашевский у американских поляков собрал большой фонд и теперь, когда рабочих увольняли с работы, фонд продолжал выплачивать им зарплату. В результате вся Польша вышла на улицы. Москва теперь явно не была готова к интервенции и Ярузельскому пришлось создавать коалиционное правительство с представителями «Солидарности». Впрочем, может быть, это было запланировано заранее, как говорил мне единственный приличный польский премьер Ян Ольшевский.

До этого, не представляя никакую общественную организацию, то есть не будучи учредителем, он голосовать не мог.

35

Четыре тома материалов «Война в Чечне. Международный трибунал» см. на сайте: https://grigoryants.ru/category/tribunal-po-chechne/

36

Председатель Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований академик Эдуард Кругляков писал: «В те годы в окружении президента царила чудовищная вакханалия мракобесия, новая распутинщина. С этим ведомством сотрудничало очень много всевозможных экстрасенсов, целителей, окулистов, астрологов и прочих шарлатанов. Покровительствовал им первый заместитель Алексадра Коржакова генерал-майор Георгий Рогозин. Я напомню, что в те времена служба безопасности президента, которую возглавлял Коржаков, была в расцвете своего могущества, ее интересы и возможности простирались гораздо шире формальной компетенции. <…> Насколько мне известно, они там составляли политическим лидерам гороскопы, общались с космосом на темы бюджетной политики, сверяли кадровые назначения с таблицами каббалы».

Корольков И. Запасные органы: Спецслужбы создали параллельные структуры для исполнения внесудебных приговоров // Новая газета. 2007. 11 января; https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/01/11/35242-zapasnye-organy.

Заметим, что все это было враждебно и прорусскому режиму в Тирасполе и руководству гигантской военной русской группировки в регионе.

39

Когда-то она меня совершенно поразила замечанием, что умнейший премьер-министр Франции Мишель Рокар, с которым я был в хороших отношениях никогда не станет президентом: французы не станут за него голосовать – он слишком худой.

40

Уезжая она говорила мне, это было году в 90-м:

– Как жаль уезжать из Москвы. Здесь сегодня так интересно.

– Да, – согласился я, – нам тоже очень интересно. Хотя не совсем так, как Вам.

Вы смотрите на клетку с удавом и кроликом и Вам интересно съест ли удав кролика. Кролику тоже это интересно, но не совсем так, как зрителю.

41

В январе 1996 года Сергей Ковалёв в открытом письме на имя Бориса Ельцина заявил о своей отставке с поста председателя Комиссии, а также выходе из Президентского совета. В своем письме Сергей Ковалёв дает развернутую и резко негативную характеристику действий Президента Ельцина, говорит о том, что тот отошел от политики демократических реформ и отдает предпочтение силовым методам решения политических проблем:

<…> Я считал своим долгом оставаться, хотя и «на общественных началах», на своих постах внутри органов государственной власти до тех пор, пока этот статус позволял мне хоть в чём-то, хотя бы в отдельных случаях, противостоять антиправовым и антигуманным тенденциям в государственной политике. Быть может, и сейчас эти возможности не до конца исчерпаны. Но я не могу больше работать с Президентом, которого не считаю ни сторонником демократии, ни гарантом прав и свобод граждан моей страны (*С. А. Ковалёв*. Открытое письмо Президенту России Б. Н. Ельцину). *Ред*.

42

Римский статут Международного Уголовного Суда – международный договор, учредивший Международный уголовный суд. Принят на дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 года и вступил в силу с 1 июля 2002 года.

43

До войны он был ответственным секретарем журнала «Красная новь» и единственный выжил из ее редакции.

См., например: http://fakel-portos.ru/o-nas/stranitsy-istorii/teoriya-schastya-za-nashu-i-vashu-svobodu/22-article9.

45

Неподцензурный машинописный литературный и общественно-политический журнал. Издавался в Москве в 1978–1980 (№ 1–8. Вышло 8 номеров тиражом в 20–30 экземпляров. В журнале совершалась попытка вступить в открытый теоретический диалог с властями по поводу сущности советского строя.

Инициаторами его стали московская журналистка Раиса Лерт и бывший узник сталинских лагерей философ-марксист Петр Егидес, в 1970 году помещенный на 2 года в психбольницу за свои самиздатские работы о проблеме свободы при социализме. Основную работу по изданию и редактированию журнала делали диссиденты молодого поколения – инженеры Валерий Абрамкин и Виктор Сокирко, а также историк Глеб Павловский. Членами редколлегии «Поисков» были также Юрий Гримм и Владимир Гершуни (оба – диссиденты с большим стажем, Гершуни – лагерный друг Александра Солженицына). В журнале участвовали известные московские писатели Георгий Владимов, Владимир Войнович, Фазиль Искандер (неопубликованная в СССР глава из эпопеи «Сандро из Чегема»), харьковский поэт Борис Чичибабин. Были опубликованы рассказы и стихи из архива покойного писателя Юрия Домбровского, постоянно публиковался философ Григорий Померанц. Историк Михаил Гефтер стал автором «Приглашения» – заявления редакции, открывшего первый номер журнала.

Целью журнала редакция ставила поиски взаимопонимания интеллигенции разных направлений – социалистов и либералов, атеистов и верующих с целью найти выход из духовного застоя, в котором оказалось советское общество к концу 1970-х. Журнал стал самой значительной и последней попыткой создать в самиздате толстый общественно-политический журнал демократического направления. Объем номера составлял около 400 машинописных страниц. Состав редколлегии был объявлен, большинство авторов тоже подписывались собственными именами (хотя встречались и псевдонимы.

Подробнее о судьбе журнала см.: http://antology.igrunov.ru/after_75/periodicals/poiski/, а также: https://www.svoboda.org/a/24199462.html; его номера выложены: https://vtoraya-literatura.com/razdel_2042_str_1.html. *Ред*.

Она выступала на конференции, но к тому времени не опубликовала этих материалов.

47

Объединение неправительственных организаций, имеющих представительство в ООН.